Н. И. БУХАРИН

Путь к социализму

«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Н. БУХАРИН
ПУТЬ К СОЦИАЛИЗМУ
И
РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ
СОЮЗ
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1926
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТЕКУЩИЕ ЗАДАЧИ
КОМСОМОЛА
БИБЛИОТЕКА КОМСОМОЛЬЦА 3
Н. БУХАРИН
ЛЕНИНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ.
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
СТАТЬИ
И
Н. БУХАРИН
КРИТИКА
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПЛАТФОРМЫ
ОППОЗИЦИИ
О РАБКОРЕ

Н. БУХАРИН
БОРЬБА ЗА КАДРЫ
О РАБКОРЕ
Н. И. БУХАРИН
К ИТОГАМ ДИСКУССИИ
ПРИБОЙ
ЛЕНИНГРАД
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
Н. БУХАРИН
ЗАМЕТКИ ЭКОНОМИСТА
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Н. БУХАРИН
АТАК
СБОРНИК ТЕОРЕТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ
Н. Н. БУХАРИН
УРОКИ ХЛЕБОЗАГОТОВОК, ШАХТИНСКОГО ДЕЛА И ЗАДАЧИ ПАРТИИ
ПРИБОЙ / 1928
ЗАДАЧИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

НБухарин

Н. И. БУХАРИН

Избранные произведения

Путь к социализму

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

ББК 66.61(2)2
Б94

Рецензенты

доктор исторических наук *В. И. Шишкин*
кандидаты исторических наук *В. Д. Есаков*,
А. М. Подщеколдин, *А. Л. Посадсков*

Утверждено к печати
Институтом истории СССР АН СССР
Институтом истории, филологии и философии
СО АН СССР

Ответственные редакторы

доктор исторических наук **В. П. Данилов**
кандидат исторических наук **С. А. Красильников**

Бухарин Н. И.

Б94 Путь к социализму. *Избранные произведения.*— Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990.— XXVI, 494 с.
ISBN 5—02—029630—9.

Предлагаемый сборник составлен из работ Н. И. Бухарина, созданных в переломный период в истории нашего общества (1925—1928 гг.), когда шла острая борьба за выбор путей преобразования страны. Это преимущественно не переиздававшиеся произведения, в которых сформулирована «бухаринская альтернатива». Центральное место отводится работам 1928 г., обосновывающим возможности продолжения социалистического строительства на основе нэпа путем дальнейшего развития товарно-денежных механизмов, совершенствования ленинских принципов демократии. В сборник включены вступительная статья, комментарии к каждому произведению, а также библиография работ Н. И. Бухарина.

Книга рассчитана на историков, экономистов, всех, интересующихся проблемами отечественной истории 20-х гг.

Б $\frac{0503020500—013}{042(02)—90}$ КБ—37—1—1989 ББК 66.61(2)2

ISBN 5—02—029630—9

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гражданская и политическая реабилитация (восстановление в рядах Коммунистической партии) Н. И. Бухарина и его сторонников возвращает советскому обществу мощный пласт теоретических идей и практических подходов к решению проблем социализма. Перестройка, начатая в нашей стране, объясняет особый интерес к личности и идейному наследию Н. И. Бухарина: в нем мы справедливо усматриваем одного из наиболее ярких выразителей иной, нежели восторжествовавшая в 30-е гг. сталинская, концепции строительства социализма в СССР, последнего из теоретиков и идеологов революционного большевизма, выступившего против утверждавшегося сталинского бюрократического самовластия.

Н. И. Бухарин, чья теоретическая и публицистическая деятельность приобрела исключительное значение в 20-х гг., особенно после смерти В. И. Ленина, внес огромный вклад в разработку ленинских идей об условиях и путях строительства социализма в крестьянской стране и вместе с крестьянством, в обоснование и углубление принципов новой экономической политики и кооперативного плана, в осмысление развития встречавшего трудности и препятствия мирового революционного процесса. И ныне, когда заходит речь о Н. И. Бухарине как теоретике социализма, мы, нисколько не умаляя значения его ранних «догадок» в теории империализма и государства, вправе говорить прежде всего и главным образом о его роли в становлении теории переходного от капитализма к социализму периода.

Поражение Н. И. Бухарина и его сторонников в борьбе против установления бюрократического всевластия Сталина не было поражением идейным или теорети-

ским. Напротив, весь последующий опыт развития нашего общества свидетельствует о правильности основных исходных положений и принципиальных решений «бухаринской альтернативы», ее принципиального соответствия ленинскому видению перспектив строительства социализма в нашей стране.

На идейно-теоретическом наследии Бухарина в течение 60 лет лежала печать запрета. Но и подспудно оно продолжало существовать, ибо выработанные бухаринские оценки, подходы, схемы, несмотря ни на что, проникали, врастали в ткань совокупного опыта мирового социалистического сообщества. Так, скажем, было в экономической области: проводимые в ряде стран реформы поразительно перекликались с «обрубленными нэповскими корнями» и там поэтому весьма оперативно происходило «открытие», освоение и актуализация бухаринского наследия (ранее в Югославии, позднее в Китае). Нечто подобное, хотя и в иных формах и масштабах, имело место в период «оттепели» 60-х гг. в отечественной философии, когда в «правах гражданства» начинали частично восстанавливаться исследовательские подходы, представленные в бухаринской «Теории исторического материализма» (естественно в то время без ссылок на последнюю). Тот же период был отмечен возрождением отечественного науковедения, у истоков которого стоял в 20—30-е гг. Н. И. Бухарин.

Ныне, обращаясь к проблеме творческой реабилитации Н. И. Бухарина как мыслителя марксистской школы, мы не можем не задумываться над тем, в каком статусе он возвращается к нам.

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к культурологическим характеристикам и выделим важные черты Н. И. Бухарина — мыслителя, теоретика, идеолога.

В статьях и публичных выступлениях Н. И. Бухарина отчетливо видна высокая культура мышления — одна из доминирующих черт его творческой личности. В отличие от многих современных ему приверженцев марксизма (и, тем более, представителей последующего поколения партийных руководителей) он был ярко выраженным «культурным марксистом». Это находило выражение, безусловно, не только в широком цитировании М. Вебера, В. Зомбарта, Э. Бём-Баверка и других крупных научных авторитетов своего времени. Подобный стиль работы являлся тогда общепринятым; он соответствовал традициям

Маркса и Ленина, которые основательно штудировали и часто цитировали своих оппонентов. Однако за этим стояло и нечто более значительное — мировоззренческая ориентация на марксизм как на открытую интеллектуальную систему, способную взаимодействовать и конкурировать с другими концепциями общественного развития. Бухаринский же теоретический поиск базировался на глубоком освоении не только самой марксистской доктрины, но и идей немарксистских западных социальных учений. При всем своем ярко выраженном критическом подходе к немарксистским концепциям, что находило отражение в полемически заостренной, а порой и утрированной форме изложения позиций оппонентов, Н. И. Бухарин обладал в полной мере качеством «схватывать» и «удерживать» то ценное, общесоциальное, общенаучное, что содержалось в освоенных им теориях западного обществоведения.

В то же время Н. И. Бухарин являлся современником и свидетелем формирования такого типа культурной ориентации, при котором марксизм был превращен в замкнутое на самое себя мировоззрение, а все усилия направлялись на каноническое толкование учения. Наблюдая такое оформление учения, когда оно лишалось своих источников развития (А. В. Луначарский метко назвал подобную ориентацию «соблазном замкнутой кристаллизации»), Н. И. Бухарин пытался активно противостоять начавшемуся процессу догматизации марксизма. Его усилия были направлены на творческое применение и популяризацию марксизма.

Важной стороной всего теоретико-политического наследия Н. И. Бухарина являлось то, что, как правило, характеризуется термином «научная рациональность» и порождает свой особый угол зрения на мир, особое осмысление социально-политических проблем и способов их разрешения. Отсюда — взгляд на общество как на систему, где существующие взаимозависимости между различными его подсистемами носят органический характер: «...общество переходного периода есть в то же время известное *единство*, хотя и противоречивое»*. Из этого же мировидения вырастает доминировавшая во всех значительных теоретических конструкциях автора мысль о гомеостатическом характере социальных процессов (функционирование общества — в постоянном его воспроизведе-

* «Заметки экономиста», с. 341 настоящего издания.

нии, ведущим фактором которого выступает необходимость адаптации социальной системы к происходящим в ней изменениям, нарушениям равновесия). В частности, в экономике Н. И. Бухарин считал необходимой выработку такой научно обоснованной политики, которая могла бы «наметить условия правильного сочетания различных сфер производства и потребления и различных сфер производства между собою или, другими словами, условия *подвижного экономического равновесия*»*, поскольку «нарушение необходимых *экономических* соотношений имеет своей другой стороной нарушение *политического* равновесия в стране»**.

Точке зрения на общество как систему, обладающую гомеостатическим характером, в целом соответствовали выдвигаемые Н. И. Бухариным важнейшие политические решения. На этой основе возникали и широко известные в середине 20-х гг. его идеи реформаторского характера, в частности о развитии послевоенного общества путем его «врастания» в социализм. Термин «врастание», несмотря на свою условность (сам Н. И. Бухарин подчеркивал его приблизительность, не случайно беря в кавычки), отражал сущностные черты бухаринской стратегии общественного развития в переходный период и получил «право гражданства» в широко известной работе «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» (1925 г.). Именно здесь и в последующих статьях и выступлениях Н. И. Бухарин изложил свое философское и политическое понимание нэпа, базировавшееся на переосмыслении опыта фазы «военно-коммунистического» развития страны.

Известно, что в революции Н. И. Бухарин выступал как представитель крайне левого крыла большевистской партии. Эта позиция сохранялась им до конца гражданской войны, а его «Экономика переходного периода» (1920 г.) с полным основанием была оценена современниками как апология политики «военного коммунизма». Опыт тех лет не прошел бесследно. В последующем никто больше и яснее самого Н. И. Бухарина не писал о сущности допускавшихся им левацких ошибок. Переболев «левизной» как «детской болезнью», Н. И. Бухарин особенно чутко распознавал всевозможные ее разновидности, знание болезни как бы «изнутри» подготовило его к не-

* «Заметки экономиста», с. 341 настоящего издания.
** Там же.— С. 343.

легкой борьбе с адептами внеэкономического принуждения и мобилизационно-командных методов управления. В работах Н. И. Бухарина 1925—1929 гг. получил развитие новый подход к вопросу о роли и границах фактора насилия в социальном строительстве, о последствиях искусственного, волевого вмешательства в ход естественно-исторического развития общества, что, в свою очередь, требовало от партийно-советского руководства умения, навыка «*культурно управлять в сложных условиях реконструктивного периода*»*.

Процесс «врастания» уже терминологически предполагал протяженное во времени и многообразное по формам движение к социализму мозаичной российской экономической, социальной и культурной многоукладности. Предполагал он и применение иных, отличных от рожденных традициями и опытом революции и гражданской войны, форм и методов классовой борьбы, в том числе пополненных средствами компромиссов.

Такое стратегическое представление о тенденциях развития в направлении к социалистическому идеалу и получило наименование «бухаринской альтернативы», которая включала следующие элементы: экономические (смешанная экономика, представлявшая собой сочетание обобществленного сектора с частным, гибкого плана с рынком); социальные (политика, направленная не на раскол и конфронтацию внутри общества, а на разумное согласование многообразных социальных интересов); культурно-идеологические (при сохранении «командных высот» в духовной жизни, допущение известной автономии в культуре, борьба с бюрократизмом, углубление общественных начал и т. д.).

Нетрудно заметить, что подобное мировидение не могло не столкнуться со сталинским, с его пресловутой формулой обострения классовой борьбы по мере продвижения общества к социализму, с его курсом на форсированное создание общественной «одноукладности».

На фоне крайне «радикальных» сталинских теоретических построений взгляды Н. И. Бухарина кому-то могли бы показаться заурядным реформизмом, тем более, что издавна утвердилось расхожее представление о том, что в сфере социальных отношений он настаивал едва ли не на примирении классов-антагонистов, на «затухании»

---

* См.: с. 365 настоящего издания.

классовой борьбы в переходный период. Однако достаточно обратиться к соответствующим фрагментам произведений Н. И. Бухарина 1927—1928 гг., чтобы убедиться в полной несостоятельности подобного рода суждений. «Мы не раз говорили,— указывал он,— что общая эволюция, общий ход развития... есть период отмирания классов и, следовательно, период отмирания государственной власти. Между тем, мы видим такой исторический зигзаг, такой период, когда классовая борьба в своеобразных формах идет довольно остро и на данном перекате имеет тенденцию к обострению»*.

Как видим, Н. И. Бухарина нельзя упрекнуть в забвении азов марксизма. Им логически четко разграничивались такие понятия, как закономерность развития (трансформация и в конечном итоге отмирание классов и государственности) и фаза этого развития, когда в силу сложившихся условий возникает рецидив обострения классовой борьбы в острых ее формах, что имело место в конце 1920-х гг. Острота же конфликта между ним и И. В. Сталиным состояла вовсе не в том, что один не видел реалий политической жизни, а другой их подмечал, а в трактовке причин обострения социальных отношений и путей выхода из этой ситуации. Однако если Н. И. Бухарин обращал первостепенное внимание на проблемы регуляции социальных отношений, перевода немирных форм классовых противоречий в мирные (а именно в этом он усматривал искусство политического руководства обществом), то И. В. Сталин, напротив, из факта наличия классов и противоречий между ними делал вывод, что конфронтация и конфликты будут принимать в дальнейшем все более ожесточенный характер, а следовательно, необходимо вытеснение (и даже уничтожение) представителей непролетарских групп и партий.

Столь же безосновательными выглядели и попытки И. В. Сталина и его окружения приписать Н. И. Бухарину выдвижение тезиса о «врастании кулачества в социализм»**, основанные на заведомо тенденциозном «прочтении» бухаринского исследования о пути перехода крестьянства к социализму, в котором тот, вероятно, не совсем удачно, оперировал образом «кооперативной лест-

---

* См.: с. 234 настоящего издания.

** См.: *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма.— XI изд.— ОГИЗ, 1939.— С. 225.

ницы», связывая при этом достаточно жестко «ступени» (формы) кооперации с социальными слоями деревни: колхозы с беднотой, сбыто-снабженческие кооперативы со средним крестьянством, кредитные — с кулачеством *. Отсюда следовало и предположение о возможности образования «кулацких кооперативных гнезд», которые будут втягиваться в общую экономическую систему социализма, подчиняться и постепенно «перерабатываться» ею. Эти сугубо теоретические построения являлись, возможно, последней данью той схоластике, которая была характерна для ранних произведений Н. И. Бухарина. Заметим в этой связи, что теоретические построения такого рода не давали никаких оснований для обвинений Н. И. Бухарина в защите кулацких интересов, в отрицании классовой борьбы и т. п.

Принципиально важным было намечавшееся концепцией Н. И. Бухарина решение вопроса о последующей судьбе кулака. Основные направления и формы борьбы против кулачества связывались в ней с экономическим вытеснением, прежде всего при помощи всемерного развития кооперации. «Против лавок деревенских торговцев,— писал он,— мы должны выставлять не органы прямого принуждения и насилия, а наши хорошие кооперативные лавки. Против деревенского ростовщика... мы должны выдвинуть в первую голову батарею наших кредитных товариществ...»** Это была борьба за уничтожение эксплуататорских отношений, а не уничтожение хозяйств и тем более людей — носителей этих отношений. Больше того, ставилась задача и обеспечивалась возможность вовлечения кулацких хозяйств в кооперацию в целях привлечения их материальных ресурсов и постепенной социалистической «переделки» их самих — «врастания в социализм». Бухарин говорил по этому поводу: «В конце концов, может быть, и внук кулака скажет нам спасибо, что мы с ним так обошлись»***.

Прекрасные слова! Пожалуй, мы только теперь начинаем понимать их подлинную глубину и значение, осознавая, что сталинское раскулачивание привело к гибели многих тысяч людей, стало средством насилия над всем

* См.: с. 44 настоящего издания.

** См.: с. 52—53 настоящего издания.

*** *Бухарин Н. И.* Избранные произведения.— М., 1988.— С. 133.

крестьянством, породило волну боли и ненависти, которая с той поры катится из поколения в поколение...

Необоснованными предстанут после прочтения бухаринских работ и обвинения Н. И. Бухарина в принципиальной враждебности к коллективизации, к самой идее коллективного земледелия. В бухаринском плане социалистического преобразования сельского хозяйства массовая коллективизация крестьянских хозяйств должна была явиться не предпосылкой, а итогом, завершающим этапом движения деревни к социализму. В марте 1925 г. на Всесоюзном совещании колхозов Бухарин специально коснулся вопроса о соотношении процессов кооперирования и коллективизации: «Мы не можем начать социалистическое строительство в деревне с массовой организации коллективных производственных предприятий. Мы начнем с другого. Столбовая дорога пойдет по кооперативной линии... Коллективные хозяйства — это не главная магистраль, это один из добавочных, но очень существенных и важных путей. Когда дело кооперирования крестьянства получит мощную поддержку со стороны развивающейся техники, электрификации, когда мы будем иметь больше тракторов, тогда неизмеримо усилится и темп перехода к коллективному земледелию. Одна сторона движения будет оплодотворять другую, один ручей сольется с другим в гигантский поток, который поведет нас к социализму»*.

В осмыслении нэпа как политики переходного к социализму периода Н. И. Бухарин был, пожалуй, единственным, кто тогда, в середине 20-х гг., поднялся до постановки вопроса об эволюции ленинского понимания нэпа, о принципиальных различиях в определении его сущности и возможностей в период между 1921 и 1923 г. Ныне стало очевидным, что концепции В. И. Ленина, изложенные в работах «О продналоге» и «О кооперации», различны, причем именно глубина этих различий и заставила его продиктовать слова о необходимости «признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»**. Современная околонаучная публицистика на этом основании спешит даже поставить крест на предшествующих статье «О кооперации» представлениях В. И. Ленина о социализме. Тем более важно поэтому

* Правда.— 1925.— 6 марта.

** *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 45.— С. 376.

обратиться к опыту и результатам первой постановки этой интересной и важной проблемы в дискуссии 1925 г.

К весне 1925 г. выяснилось, что новая экономическая политика, проводимая прежде всего в интересах крестьянства и направленная на укрепление и развитие мелкокрестьянского хозяйства, полнее осуществлялась в городах, нежели в деревне, где она встретилась с серьезными преградами и была ограничена очень тесными рамками. По словам Н. И. Бухарина, «*у нас есть нэп в городе, у нас есть нэп в отношениях между городом и деревней, но у нас нет нэпа в самой деревне и у нас нет нэпа в области кустарной промышленности*. Здесь еще в значительной мере процветает политика административного нажима вместо хозяйственной борьбы. Настроение наших товарищей, работающих в деревне, воспитывавшихся на системе военного коммунизма, таково, что они самой лучшей хозяйственной политикой считают такую политику: лавочник появился — не выстраивай против него кооператив, не вытесняй в хозяйственной борьбе, а нажми на него, наложи печать на лавку и т. д.»*

Аграрная политика в 1925—1927 гг., которую иногда называют «эра Бухарина», с самого начала вызывала споры в партии. Это, естественно, побудило Н. И. Бухарина обратиться к ленинской трактовке нэпа, прежде всего характера и механизма его воплощения в деревне. Результатом его анализа ленинских работ и явился вывод о «двух стратегических планах», связанных с нэпом: первый из них выдвинут на начальной стадии, весной 1921 г., второй же явился результатом осмысления его первых практических итогов.

Вот таким представлялось Н. И. Бухарину содержание двух ленинских стратегических планов новой экономической политики: «...первый стратегический план (при этом называлась брошюра „О продналоге".— *Авт.*) совершенно ясен. Нам нужно достигнуть социализма, т. е. планового хозяйства,— это наша конечная цель. Надо сделать ряд уступок крестьянскому хозяйству. Но мелкобуржуазная стихия — наш главный враг, мы должны ее преодолеть в союзе с крупным капиталистическим союзником — концессионным капиталом, государственным ка-

* *Бухарин Н. И.* Новые задачи нашей крестьянской политики: (Доклад на собрании активных работников Московской организации 17 апреля) // Правда.— 1925.— 24 апр.

питализмом, против мелкобуржуазной стихии. Кооперация — это важнейшее звено государственного *капитализма*; кооперация — это такое звено, которое в первую очередь, помогает капиталистическим элементам, кулацким элементам деревни. Но мы это звено припаиваем к системе нашего государственного капитализма, и таким образом мы будем в состоянии в блоке с этими капиталистическими элементами преодолевать распыленную мелкобуржуазную стихию, которая напирает на нас.

В последней статье Владимира Ильича „О кооперации" мы видим *иную* постановку вопроса. В этой статье не говорится о том, что кооперация — это звено государственного социализма, а говорится, что кооперативный строй в наших условиях есть *социализм*. Мы заключаем блок с крестьянством. Крестьянство, организованное в кооперацию, плюс наша госиндустрия (социалистическая) выступают против крупного капитала и против остатков частного капитала вообще»*.

Подчеркивалось, что дело отнюдь не в том, что «Владимир Ильич думал сначала так, а потом — иначе». За время, разделявшее ленинские работы «О продналоге» и «О кооперации», как утверждал Н. И. Бухарин, «произошли громадные сдвиги» — «железные дороги стали ходить, промышленность стала работать, мы начали организовывать банки, принялись за оздоровление государственной финансовой системы». Стало ясно, что крестьянство, мелкая буржуазия в целом, и в условиях рыночного хозяйства может быть поставлено «в такие рамки, что вместе с нами будет участвовать в *социалистическом* строительстве»**.

Бухаринская трактовка стратегической концепции нэпа подверглась резкой критике со стороны Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева и Н. К. Крупской накануне XIV партсъезда и на самом съезде***. Н. К. Крупская в апреле 1925 г. написала замечания (можно лишь пожалеть, что они до сих пор не опубликованы) по докладу Н. И. Бухарина, в том числе по вопросу, «было ли у

* *Бухарин Н. И.* Новые задачи нашей крестьянской политики: (Доклад на собрании активных работников Московской организации 17 апреля) // Правда.— 1925.— 24 апр.

** Там же.

*** См.: *XIV* съезд Всесоюзной Коммунистической партии 18—31 декабря 1925 г. Стенограф. отчет.— 2-е изд.— М.; Л., 1926.— С. 115—117, 249—250, 269.

Ильича два стратегических плана, один в 1921 году, другой в 1923 году?» Н. К. Крупская соглашалась с тем, «что нэп еще не докатился во многих отношениях до деревни, что там еще много пережитков военного коммунизма, того, что тормозит товарное хозяйство». Она целиком поддерживала основной вывод Н. И. Бухарина о том, что «сейчас необходимо принять все меры для того, чтобы развязать руки крестьянину до конца и дать ему возможность развить свое хозяйство в полной мере». Однако она решительно отвергала бухаринскую интерпретацию мыслей В. И. Ленина о стратегии нэпа, изложенную в работах 1921 и 1923 гг. «Это в корне совершенно неверно»,— заявляла она. По мнению Н. К. Крупской, «статья о кооперации 1923 г. есть лишь дальнейшее развитие стратегического плана, развитого в брошюре о продналоге в 1921 г.». Она доказывала, что и в 1921 г., и много ранее В. И. Ленин искал «пути развития производительных сил и пути развития обобществления производства», что и до 1923 г. кооперативная политика была призвана обеспечить «подъем мелкого хозяйства и облегчение его перехода в неопределенный срок к крупному производству» и т. д.*

В этой полемике, как это не так уж редко случается, по-своему были правы обе стороны. Однако по существу прав был Н. И. Бухарин. Не может быть сомнений в том, что выводы о «строе цивилизованных кооператоров» как строе социализма и о том, что в условиях победившей пролетарской революции «простой рост кооперации для нас тождественен... с ростом социализма»** были подготовлены всей предшествующей работой В. И. Ленина и не могут быть правильно поняты и оценены в отрыве от нее. Однако именно эти положения имели революционное значение для социалистической теории, подняли ее на новую высоту. Н. И. Бухарин имел все основания говорить о том, что «с появлением статьи Владимира Ильича о кооперации у нас свежим воздухом повеяло. Можно сказать, что по сути дела в статье Ильича о кооперации дана на долгие годы программа нашей работы»***.

* *ЦПА ИМЛ*, ф. 54, оп. 1, ед. хр. 139, л. 4—6.
** *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 45.— С. 373, 376.
*** *Бухарин Н. И.* Текущий момент и политика партии: (Доклад на IV Всесоюзной конференции РЛКСМ) // Правда.— 1925.— 19 июня.

План социалистического преобразования крестьянских хозяйств, намеченный в произведениях Н. И. Бухарина, вобрал в себя основные положения концепции «кооперативной коллективизации», разработанной А. В. Чаяновым — крупнейшим знатоком и теоретиком кооперации. Обладая большой чуткостью, способностью к освоению наиболее ценных достижений в области интеллектуального творчества, Н. И. Бухарин при разработке стратегии экономического развития не мог пройти мимо установок таких выдающихся отечественных ученых-экономистов, как Н. Д. Кондратьев, В. А. Базаров, В. Г. Громан и некоторых других. И хотя его оценки взглядов этих ученых не всегда были взвешены и подчас отличались излишней политизацией, которая вряд ли была способна сыграть конструктивную роль в научной проработке перспектив экономического развития страны, нельзя не отметить, что в дискуссии о методологических принципах перспективного планирования, развернувшейся во второй половине 20-х гг., Н. И. Бухарин встал на позиции не адептов жесткого директивного планирования (С. Г. Струмилин), а экономистов В. А. Базарова, Н. Д. Кондратьева и их сторонников, отстаивавших принципы сочетания в планировании предвидения (прогноза) и директивы. «...Сам план имеет особую природу,— отмечал Бухарин в 1928 г.— Это вовсе не более или менее „законченный" план развитого социалистического общества. В этом плане есть много элементов предвидения *стихийной равнодействующей* (например, исчисление урожая, товарной массы хлеба, товарной массы продуктов крестьянского хозяйства вообще, а следовательно, и цен и т. д., и т. п.), которая становится исходным пунктом для той или другой директивы. Именно поэтому у нас невозможен „идеальный" план»*.

Достаточно определенной была и позиция Н. И. Бухарина в вопросе о границах рынка, развитых товарно-денежных отношений. Так, в июле — августе 1928 г. на VI Конгрессе Коминтерна в полемике вокруг раздела программы «Основы экономической политики пролетарской диктатуры» он заострил постановку проблемы «универсальности» нэпа. Саму же экономическую политику («метод нэпа») Н. И. Бухарин представлял как правильное сочетание на основе рыночных форм связи города и

* См.: с. 313 настоящего издания.

деревни, крупной социалистической промышленности и мелкого хозяйства простых товаропроизводителей, кооперируемых на действительно добровольной основе. Отстаивая «сердцевину» нэпа в партийной теории, Н. И. Бухарин выражал и научное кредо представителей передовой экономической мысли своего времени. Поэтому не случайно, что основной удар по последним пришелся не до, а с отстранением бухаринской группы от ключевых позиций в партийно-государственном руководстве. Это ознаменовало собой перемену не только в экономической, политической областях, но и в социальной политике по отношению к интеллектуальным силам страны. И глубину «перелома» в этом направлении можно понять только сделав экскурс в середину 20-х гг.

Прошедшие в 1924—1925 гг. диспуты «Интеллигенция и революция», «Будущее интеллигенции» и др., для которых были характерны многообразие мнений и борьба между ними, атмосфера диалога между властью и интеллигенцией, имели позитивное значение в деле переосмысления роли и места данной социально-профессиональной группы в обществе переходного периода. Именно в это время принимаются крупные партийные и государственные решения, направленные на улучшение материального и правового положения различных групп специалистов, заметно активизируется процесс их самоорганизации (развитие профсоюзных, общественно-политических и прочих обществ). Вместе с тем социальная политика требовала учета не только позитивных факторов, но и таких, как неоднородность самих групп, унаследованное от прошлого противоречие между представителями умственного и физического труда. Распространенность в обществе антиинтеллигентских («спецеедческих») настроений и поведения, а также наличие и противоположных им настроений в среде интеллигенции («спецчванство») создавали весьма значительную социальную напряженность, что требовало от партийно-советского руководства не просто выработки взвешенной социальной политики, а большой гибкости в ее реализации.

Для Н. И. Бухарина живое участие в идейно-теоретических спорах вокруг проблемы интеллигенции * не являлось самоцелью. Казалось бы, далекое от конкретной

* См. его речь «Судьбы русской интеллигенции» в настоящем издании.

политики определение общесоциологических закономерностей и тенденций, присущих развитию данной группы (положение в социальной структуре, характер выполняемых функций в обществе и др.), имело, однако, самое прямое отношение к бухаринскому видению перспектив России. Он одним из первых ощутил опасность утверждения концепции «раскассированной» интеллигенции («каждый класс имеет свою интеллигенцию»). Такому подходу, чреватому упрощенными политическими решениями, марксистская традиция противопоставляла представление об интеллигенции как об общности, хотя и противоречивой (а не сумме культурных «отростков» различных классов), которая, несмотря на глубокие и разнообразные формы внутренней дифференциации, есть исторически сложившаяся группа, обладающая незаменимостью в важнейших сферах общественной жизни. В русле бухаринских представлений интеллигенции отводилась огромная связующая роль и в деле укрепления союзнических отношений между пролетарскими и непролетарскими массами, и в формировании отношений «согласия» между политической властью и гражданским обществом в целом.

В обстановке широкого распространения в партийных и советских кругах еще с «военно-коммунистического» времени представлений о значении интеллигенции только с позиции ее «использования» Н. И. Бухарину также не удалось избежать соблазна упрощения. Так, в «Экономике переходного периода» (М., 1920) весьма рельефно показано, что в условиях ломки прежних социальных связей и выработки новых к интеллигенции (впрочем, как и ко всем другим классам и группам, включая и пролетариат) допустимы средства принуждения, чтобы последнюю «вдвинуть в новые трудовые рамки»*. Но было бы непозволительным упрощенчеством не замечать (как это делают некоторые современные публицисты) последующей эволюции взглядов Н. И. Бухарина на предмет. Достаточно скоро он осознал, что проблема привлечения специалистов не исчерпывается простым их «вдвижением» на советскую службу, что стимулы труда и жизнедеятельности интеллигенции в главном и глубинном по природе и ориентации тождественны имеющимся и у других групп трудящихся. Проблема же заключа-

* См.: «Экономика переходного периода».— С. 141.

лась в том, чтобы создать благоприятные условия для активизации этих стимулов (патриотизм, демократические ориентации, профессиональную этику и др.), использовать потенциал самодвижения в среде интеллигенции в направлении к социалистическому идеалу. Целенаправленность процессу должна была придать политика воздействия на мировоззренческие ориентации специалистов (в работах Н. И. Бухарина часто встречается термин «переделка»). Впрочем, справедливости ради следует отметить, что Н. И. Бухарин при всем своем глубоком понимании продолжительности и конфликтности мировоззренческих сдвигов в сознании интеллигенции в полемике порой пускал в ход далеко не самые удачные идеологические клише (в частности, «мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их, как на фабрике»*). За упрощения такого рода неизбежно приходилось тотчас расплачиваться, давая разъяснения, что «фабрика» и «штамп» — это не совсем удачные метафоры для обозначения такой политики, при которой идеология не подавляла бы мысль, а способствовала ее движению»**.

Следует напомнить, что это было едва ли не уникальное для нашей послереволюционной истории время, когда велся открытый диалог между властью и интеллигенцией, диалог весьма нелегкий для представителей власти. Речь Н. И. Бухарина на диспуте 1925 г. представляет собой не что иное, как развернутый ответ своим оппонентам, ответ на критические замечания в адрес партийной политики и в свой собственно, ибо он олицетворял собой эту политику.

Партийные деятели того времени еще не были наглухо закрыты от оценок со стороны общества. Достаточно вспомнить отнюдь не единичные публикации в печати шаржей и карикатур на политических лидеров страны, в том числе на Н. И. Бухарина. Достаточно вспомнить и широко известный факт той, порой нелицеприятной, критики, которой публично подвергались пьесы, написанные А. В. Луначарским. В этой атмосфере шел разговор между равновеликими по своей культурной величине людьми. Поэтому поразительными выглядят столь модные ныне обвинения в адрес Н. И. Бухарина и отчасти

* См.: с. 108 настоящего издания.
** См.: с. 113 настоящего издания.

А. В. Луначарского в насаждении ими антиинтеллигентских настроений, тогда как именно они представляли в руководстве культурную политику, препятствовавшую смыканию «спецеедства» «сверху» и «снизу» (не случайно, что пресловутая «смычка» пошла полным ходом после устранения данных деятелей с занимаемых ими постов)*.

В контексте вышеизложенного важным представляется бухаринский подход к анализу проблем культурного развития. В отличие от институционального видения задач культурных преобразований (ликвидация неграмотности, развитие сети учреждений общеобразовательных, научных, культурно-просветительных и пр.) Н. И. Бухарин выступал как сторонник так называемого атрибутивного подхода к культуре, акцентируя внимание на качественной стороне любого вида человеческой деятельности (культура труда, быта, общения и т. д.). Так, очерчивая в своем выступлении перед московскими коммунистами в 1927 г. спектр задач культурных преобразований и говоря о необходимости резкого повышения культуры промышленного и сельскохозяйственного производства, он особо отмечал: «Я не исключаю отсюда и нас самих, руководящую часть партии и прочих организаций. Мы сами должны заниматься своим воспитанием для того, чтобы выполнить задачи, которые усложняются, должны выработать другую, культурную, социалистическую установку»**. В развитии культуры политического руководства («научиться культурно управлять») Н. И. Бухарин справедливо усматривал одно из решающих средств в деле преодоления бюрократических «наростов» на управленческих структурах в обществе. Здесь неожиданным образом трансформируется ведущая мысль бухаринской публицистики 1925 г. о необходимости «переварить», преобразовать в социалистическом духе психологию и идеологию трудящихся масс и интеллигенции. Она в 1927—1928 гг. получает следующую форму: успех

---

* Неоправданная резкость бухаринских оценок Шахтинского дела (по обвинению группы технической интеллигенции Донбасса в контрреволюционной деятельности) имела иное происхождение: в 1928 г. он, как и большинство членов высшего партийного руководства, не имел доступа к подлинной информации о действиях репрессивного аппарата, подчиненного целиком Сталину.

** См.: с. 238 настоящего издания.

культурной «переработки» общества должен включать в качестве непременного условия культурную «переработку» самого руководящего ядра. Эта идея как бы перекликается с широко известным ленинским высказыванием о том, что «инженер придет к признанию коммунизма *не так*, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, а *через данные своей науки*»*. Однако, если в традиционной трактовке внимание обращалось только на специфику эволюции взглядов профессиональных групп интеллигенции и за скобки выводилась группа профессиональных революционеров, то это как бы подразумевало, что мировоззренческая эволюция последних завершена. Они «пришли» к коммунизму (социализму). Но к какому его пониманию? И было ли оно неизменным? Между тем, достаточно вспомнить, как озабоченно звучала одна из последних мыслей В. И. Ленина («мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»**), чтобы понять озабоченность и Н. И. Бухарина тем, как избежать мировоззренческой статики в партийных рядах, стимулировать выработку «другой, культурной, социалистической установки».

И здесь очень важную роль призван был сыграть благоприятный политический и духовный климат в самой партии. Между тем именно с середины 1920-х гг. в партии начала формироваться противоречивая ситуация. С одной стороны, проходили никогда более не имевшие аналогов по своим масштабам и разнообразию обсуждаемых проблем теоретико-политические дискуссии, с другой — усиливалась тенденция завершать споры организационными выводами (отсечение целых групп членов партии во главе с рядом их лидеров от активной политической деятельности, названное публицистикой тех лет принципом «сухой гильотины»). За определенной гранью едва ли не любая дискуссия тех лет переставала носить конструктивный характер. В работах, помещенных в сборнике, нетрудно проследить как защита Н. И. Бухариным тех или иных теоретических позиций (тогда он выступал от имени большинства ЦК) год от года велась во все более резких, непримиримых тонах. В итоге Н. И. Бухарин начинал отвергать как заведомо неприемлемые даже верные в своей основе замечания партий-

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 42.— С. 346.
** Там же.— Т. 45.— С. 376.

ного меньшинства по ряду вопросов развития партии, внутренней и внешней политики. Так, с позиций современного знания ситуации нельзя не признать справедливыми некоторые критические замечания Е. А. Преображенского в адрес экономической политики, Х. Г. Раковского — о деформации принципов внутрипартийной демократии и др. Кстати, позднее (1929 г.) сам Бухарин признавал, что дискуссии с их атмосферой взаимной нетерпимости сыграли не последнюю роль в том, что в середине 20-х гг. были упущены возможности для предотвращения кризисных ситуаций в экономике, политике. Запоздавшее раскаяние за внесение своей лепты в искусственное драматизирование внутрипартийных разногласий вырвалось у Н. И. Бухарина в июле 1928 г. при разговоре с «опальным» Каменевым (нет сомнений в точности передачи слов): «Разногласия между нами (Бухариным, Рыковым, Томским.— *Авт.*) и Сталиным во много раз серьезнее всех бывших у нас разногласий с Вами»*.

Нужно решительно отбросить пресловутый тезис о том, что дискуссии навязывались партии антипартийными группами и фракциями лишь с одной целью — ослабить единство партийных рядов и авторитет руководящих органов. Между тем дискуссии «навязывались» не группировками, а самой многообразной и усложнявшейся практикой социалистического строительства. Поэтому правомернее была бы постановка вопроса о коллективной ответственности всего тогдашнего партийного руководства за деформацию принципов внутрипартийной демократии, за нарастание тенденции к бюрократизации политической системы в целом, за превращение дискуссий из метода выработки оптимальных политических решений в средство для запуска в ход «сухой гильотины». Сказанное, впрочем, не означает равной ответственности Н. И. Бухарина, Г. И. Зиновьева, Л. Б. Каменева, И. В. Сталина и др. Для И. В. Сталина предельное обострение полемики служило фундаментом для дискредитации всех оппонирующих сторон и укрепления тем самым бюрократического всевластия в партии, а затем и обществе в целом. Достаточно вспомнить, что оппоненты Н. И. Бухарина (особенно Л. Б. Каменев и Г. Е. Зи-

* *Хогтонская* библиотека (Гарвардский университет), фонд b Ms Russ, 13, Т — 1897, л. 2.

новьев) создали для его дискредитации такую систему аргументации, что И. В. Сталину впоследствии не потребовалось сколько-нибудь значительных усилий для устранения группы Н. И. Бухарина из состава Политбюро.

Нельзя не упомянуть хотя бы вкратце о судьбе самого Н. И. Бухарина после 1929 г. Здесь важно увидеть совпадение личной трагедии одного из лучших представителей революционного большевизма с трагедией всего общества, оказавшегося подмятым террористической личной диктатурой с ее мобилизационно-командной системой управления. В 30-х гг. творческая энергия Н. И. Бухарина не иссякла, но она направлялась теперь в те отрасли, где развитие еще было возможным. Бухаринские разработки, например, проблем науки и техники были плодотворными и важными, в чем-то предвосхитившими современные идеи научно-технической революции. Взглядом в будущее была и бухаринская постановка проблемы гуманизма.

Что же касается «самокритики» и признаний сталинских «побед» в бухаринской публицистике 30-х гг., то достаточно напомнить о репрессивном режиме того времени и по меньшей мере воздержаться от поспешного осуждения. Следует четко осознавать, что выступления в те годы Н. И. Бухарина, особенно на партийных съездах и конференциях, фактически проходили через «высокую» цензуру, которая не только вычеркивала, но и вписывала. Чтобы в публицистических работах 30-х гг. отделить Н. И. Бухарина действительного от Н. И. Бухарина вынужденного, а их вместе — от «вписанного» чужой рукой, потребуется большая и кропотливая источниковедческая работа.

*
* *

Предлагаемый читателю сборник бухаринских работ (статьи, речи, доклады) хронологически охватывает 1925—1928 гг. Период ключевой с точки зрения раскрытия творческого потенциала Н. И. Бухарина, ставшего после смерти В. И. Ленина ведущим теоретиком и идеологом партии. Здесь отчетливо выделяются два этапа, различающиеся с точки зрения направленности и структуры деятельности Н. И. Бухарина. Так, если в 1925—

1927 гг. его усилия в основном концентрировались на разработке общих социально-философских, политических и культурологических оснований концепции, намечающей стратегию преобразования «России нэповской в Россию социалистическую», то, начиная с весны 1928 г., они сосредоточиваются на более углубленной проработке и внесении корректив в экономическую и социальную политику (выявление причин возникновения кризисных явлений и конструирование путей их преодоления).

Особое место в публичных выступлениях и статьях в конце 20-х гг. начинает занимать скрытая и в то же время все углубляющаяся полемика со Сталиным и его окружением, касающаяся не частностей, а стратегии развития партии и страны в целом. Два весенних бухаринских выступления — «Уроки хлебозаготовок» по итогам апрельского (1928 г.) Пленума ЦК и майская речь на VIII съезде комсомола — примечательны еще и тем, что они были почти синхронны сталинским, в которых затрагивались аналогичные проблемы. И для вдумчивого их современника становилась очевидной разница в видении двумя ведущими политическими деятелями страны текущей ситуации и перспектив развития общества.

В работах осени — зимы 1928 г. Н. И. Бухарин, помимо прочего, под видом критики троцкизма (хотя истинный адресат угадывался точно) подверг критике сталинские установки. Произведения этого периода чрезвычайно ценны еще и тем, что в них вскрыты характерные черты идеологии и практики крепнущего сталинизма, обрисованы возможные последствия волюнтаристского, некомпетентного вмешательства в ход социально-экономического развития общества.

Критика сталинского курса не была самоцелью — шел поиск антикризисных мер. Тем не менее предложения группы Н. И. Бухарина о выходе из сложившейся ситуации на основе нэпа — сохранение курса на подъем крестьянского хозяйства и развитие торгово-кредитных форм кооперации, повышение цен на хлеб, поддержка добровольного колхозного движения при обязательной отмене чрезвычайных мер, более взвешенная политика в области капиталовложений в промышленное производство и т. д.— были отвергнуты, а сталинское руководство объявило их вначале правооппортунистическими, а затем и «прокулацкими», «реставраторскими».

Последовавшее осенью 1929 г. полное отстранение Н. И. Бухарина от участия в высшем политическом руководстве означало одновременно и невозможность непосредственной реализации предлагавшейся им социально-политической программы. В этой связи возникает вопрос о возможности объективной оценки нереализованного в истории варианта. Как известно, критерий истины — практика. И практика сталинской политики 30-х гг. дает основания свидетельствовать в пользу «бухаринской альтернативы», отдельные сущностные черты которой, трансформировавшись, продолжали существовать в практике экономического и социально-политического развития страны (так называемые шесть условий т. Сталина означали невозможность обеспечить развитие только на основе диктата внеэкономического принуждения; сохранялись даже под жестким прессом огосударствления традиционные крестьянские формы хозяйствования, в частности, личное подсобное хозяйство; повышалась роль науки и укреплялись формы ее связи с производством и т. д.). В пользу реалистичности «бухаринской альтернативы» свидетельствует и опыт развития ряда вступивших на путь социализма стран, где оказалось воплощенным многое из теоретико-политического наследия Н. И. Бухарина.

Исследование мировоззрения Н. И. Бухарина, его взглядов и позиций по самым различным вопросам теории и практики потребует и времени и усилий многих специалистов. Ведь наследие Н. И. Бухарина без всякого преувеличения огромно. В 1969 г. американским историком Сидни Хейтманом была опубликована аннотированная библиография бухаринских произведений, выявленных в главнейших американских и европейских библиотеках. Она включает (в том числе переводы и переиздания) 937 работ, из которых 37 было опубликовано до 1917 г., 821 — в 1917—1929 гг., 72 — в 1930—1937 гг., 5 — позже и 2 не датированы *. В этом подсчете публикации 30-х гг., особенно газетные, учтены очень неполно. Предлагаемая вниманию читателя частично аннотированная библиография, подготовленная и изданная ИНИОН

* *Bukharin N. I.* A bibliography with annotation, including the locations of his works in major American and European Librares/Completed and edited Sidney Heitman — Stanford.: The Hoover institution on war, revolution and peace Stanford University, 1969. — 181 p.

АН СССР (1989), также носит еще незавершенный, «рабочий» характер, однако она дает читателю возможность познакомиться с перечнем основных произведений Н. И. Бухарина.

Работы расположены в книге в хронологическом порядке. Ссылки на К. Маркса и Ф. Энгельса переведены на Собрание сочинений, В. И. Ленина — на его Полное собрание сочинений. Сокращенные слова раскрыты без квадратных скобок. Правописание слов приводится в соответствии с новой орфографией.

Научные комментарии подготовлены: Ю. П. Вороновым, В. П. Даниловым, М. В. Калининым, С. А. Красильниковым, И. С. Кузнецовым.

Список работ Н. И. Бухарина составлен Т. Н. Камволовой.

В книге воспроизведен рисунок В. Дени (1928 г.).

В. П. Данилов, С. А. Красильников

ПУТЬ К СОЦИАЛИЗМУ И РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ СОЮЗ[1]

1925 г.

I. МЫ ВЫХОДИМ ИЗ НИЩЕТЫ. МЫ СТРОИМ СВОЕ ХОЗЯЙСТВО БЕЗ ПОМЕЩИКОВ И КРУПНЫХ КАПИТАЛИСТОВ

Начиная с 1924 года мы, рабочий класс и крестьянство прежней царской России, начали довольно быстро вылезать из ужасной разрухи, стали залечивать тяжелые раны, стали изживать неурядицу и беспорядок, царившие в прошлые годы. Всякому — другу и недругу — теперь уже делается ясным, что хозяйство огромной страны начинает становиться на ноги. Какую отрасль производства мы ни возьмем, всюду мы замечаем оживление, подъем, продвижение вперед.

В нашей стране основой всего хозяйства является *сельское хозяйство. Промышленность* у нас развита сравнительно слабо, и она в своем развитии тоже зависит от роста сельского хозяйства. Сельское же хозяйство в наших условиях — это есть хозяйство *крестьянское*, больше 20 миллионов крестьянских дворов.

За годы империалистической войны, за годы войны гражданской, за годы великой разрухи это крестьянское хозяйство было подорвано, разорено, обнищало. Но теперь всякий видит, что мало-помалу деревня наша начинает накапливать силы: увеличивается запашка, растет производство, поднимаются новые культуры, крестьяне переходят от трехполья к многополью, кое-где появляются новые машины и тракторы; словом, помаленечку начинается и здесь движение вперед. Правда, царит еще море нищеты и море темноты. Но, если сравнить теперешнее положение с годами гражданской войны, нет сомнения в том, что *мы вылезаем из нищеты*.

Вспомним прошедшие годы. В *городах* большинство фабрик и заводов стояло, лучшие рабочие дрались на фронтах, не было в городах топлива, не было сырья, не было хлеба. Огромные фабрики и заводы не работали,

магазины стояли пустыми, города быстро таяли, и народ из них бежал в поисках за куском хлеба в далекие деревушки, чтобы поближе быть к земле, чтобы как-нибудь отсидеться, чтобы хоть где-нибудь раздобыть кусок хлеба или мешок картофеля. Можно сказать, что все города ходили тогда «в куски», ходили побираться, растекались и расплескивались по всей стране.

А теперь мы видим, как снова быстро начинает расти город, как оживают фабрики и заводы, как начинают строиться новые дома, как кипит городская жизнь. Рабочий класс, истощенный голодухой, начинает оправляться от ужасных годов разрухи. Поднимая производительность труда, он (рабочий класс) обеспечивает себе все больше и больше лучшую жизнь. Понемногу начинаем мы строить и *новые* заводы. Понемногу идет вперед постройка электростанций, и электролампочка становится уже не такой редкой гостьей и под соломенной деревенской крышей.

Быстро подвигается вперед и развитие нашего *транспорта*. Стоит только сравнить и здесь прошлые годы с тем, что есть сейчас. Все мы помним, как ползли редкие поезда с выбитыми стеклами вагонов, все облепленные, точно муравьями, бесконечным количеством людей с мешками за спиной. Вся страна точно разбилась тогда на ряд осколков, и часто было почти невозможно в течение долгого и долгого времени перебраться с одного места на другое. А так называемые паровозные кладбища (груды старых, испорченных, поломанных, заржавевших покойников-паровозов, разбитых, разломанных, изуродованных вагонов) были свидетелями того хаоса, той великой неурядицы, которые царили тогда в нашем транспорте.

Теперь мы упорядочили наше хозяйство и здесь. И железнодорожный и водный транспорт делают все большие и большие успехи, начинают приносить государству прямую прибыль. Канули в вечность годы разрухи, исчезли навсегда старые неурядицы.

Вспомним также судьбу наших советских денег. Помним мы, как все падала и падала ценность наших советских знаков, которые брались уже на фунты, точно простые лоскутья негодной бумаги. На волоске этих несчастных советских знаков держалась государственная казна. Это было время, когда хозяйство и государственная казна были совсем близки к своему полному краху.

А теперь мы имеем *«твердые деньги»*, по городам и селам гуляет уже давно серебряная и медная монета, прочно стоит наш червонец [2]. И крестьянин, и рабочий, и крестьянский двор, и завод, и фабрика, и рудник могут теперь считать, строить план своего хозяйства, знать наперед, что им нужно и можно расходовать, что им придется платить. Государственная казна может правильно считать свои доходы и расходы, составлять правильный план в своем собственном огромном хозяйстве.

Таким образом, по всем направлениям мы продвигаемся к лучшему будущему. Страна наша становится богаче, мы начинаем наносить удары бедности и нищете.

Подавляющее большинство всего того, что есть в нашей стране, *принадлежит рабочему классу и крестьянству*. Правда, мы допустили частного торговца, купца, посредника: мы разрешили кое-где — где сами не могли справиться — вести свое дело частным капиталистам. Местами мы сдали в концессию (в аренду) крупным иностранным капиталистам кое-какие предприятия, поднять которые нам самим еще не под силу и за аренду которых иностранный капитал платит нашему государству [3]. Но если мы будем рассматривать наше хозяйство в целом, то на долю частных, арендованных и концессионных предприятий, промышленных и торговых, придется не так уж много. Подавляющее большинство хозяйств — это хозяйства рабочего государства, или хозяйства крестьян, или мелкие хозяйства кустарей и ремесленников.

О чем, прежде всего, говорят эти факты?

Эти факты, прежде всего, говорят о том, что рабочие и крестьяне одни, без помощи капиталистов и помещиков, без прежних хозяев и управителей, без тех, кто командовал в течение десятков и сотен лет, простой народ, могут строить свое хозяйство.

Это обстоятельство имеет поистине огромное значение. Никогда еще в мире не было такого великого переворота, какой произошел у нас в октябре 1917 года. Ни разу и нигде, ни в одной стране, не удавалось еще трудовым народным массам согнать с теплых местечек командиров буржуазного строя. Нигде еще рабочие и крестьяне не были в состоянии сами приняться за дело устроения своей собственной судьбы. И защитники буржуазного строя, защитники помещиков и капиталистов, постоянно жужжали во все уши, что трудовые массы —

рабочие и крестьяне — не в состоянии будут, даже если бы захотели, вести хозяйство, управлять страной. Говорилось и писалось, что «простой», «неученый» народ никогда не сможет вести такого сложного дела. И после октябрьского переворота [4] почти каждый день и каждый час предсказывалась наша неизбежная гибель. Всего за несколько дней до октябрьского переворота самый умный представитель русской буржуазии, кадет Милюков [5], писал, что большевики никогда не посмеют взять в свои руки власть. А когда большевики, т. е. партия рабочего класса, опирающегося на крестьянство, эту власть «взяли», то все враги трудящихся со злорадством ожидали ее падения. И тем не менее рабочий класс и крестьянство оказались в состоянии обойтись и без помещиков, которые навсегда сметены и выкорчеваны с лица нашей земли, и без крупных воротил капитала, которые доживают свои дни по заграничным столицам.

То обстоятельство, что трудовые массы *управляются сами*, имеет громаднейшее значение не только для нас, но и для трудящихся всего мира. Этот неслыханный и невиданный пример постоянно будет звать трудящихся других стран к великой переделке мира, к великой его перестройке. Этот пример на опыте, делом, опровергает россказни и басни защитников буржуазного порядка, что нельзя обойтись без капиталистов и помещиков. Этот пример вселяет бодрость и уверенность в души всех революционных борцов, в души строителей нового общества.

II. ПОЧЕМУ МЫ ДО СИХ ПОР ПОБЕЖДАЛИ? (СОЮЗ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН)

Если до сих пор мы оказались в состоянии выйти из всех трудностей, вывернуться из самых тяжелых положений, то это, главным образом, могло случиться потому, что в нашей стране создался против *союза помещиков и капиталистов* другой союз, *союз рабочих и крестьян.*

Во всех странах богатые (банкиры, заводчики, фабриканты, крупные помещики, владельцы железных дорог, рудников и т. д.) держатся тем, что порабощают волю значительной части трудовых масс. И только тогда приходит смертный час государству капитала и государству

помещиков, когда *рабочий класс* целиком уходит из-под влияния буржуазии и когда он, этот рабочий класс, *вырывает* широкие слои *крестьянства* из-под этого влияния буржуазии, помогает крестьянству освободиться от него, помогает стать ему на новые рельсы, на новые самостоятельные пути. И только когда против капиталистов и помещиков, против этого союза богатых классов, классов нетрудящихся, вырастает союз классов трудящихся, союз рабочих и крестьян,— только тогда оказывается возможной победа над старым строем и укрепление строя нового. Эту истину нужно помнить всегда, о ней нельзя позабывать ни на одну минуту. И всякий сознательный рабочий и крестьянин должен ее прочно усвоить, ибо только при таком условии можем мы надеяться на свои дальнейшие успехи.

Эта истина подтверждается, прежде всего, в ходе самой революции у нас. Возьмем нашу октябрьскую победу и посмотрим, благодаря чему мы оказались в состоянии победить. Не трудно будет убедиться, что октябрьская победа оказалась возможной именно благодаря тому, что в ходе борьбы рабочий подал руку крестьянину, а крестьянин протянул свою руку рабочему. Что было главным требованием крестьянства? Главным требованием крестьянства было требование земли и мира. Что было главным требованием рабочего класса? Главным требованием рабочего класса было требование перехода фабрик и заводов от капиталистов в народную собственность, было требование мира, было требование Советской власти. Крестьяне никак не могли бы добиться своего, если бы они не поддержали рабочих, и рабочие, со своей стороны, никак не могли бы добиться своего, если бы они не поддержали всей своей силой требований крестьян. Таким образом создался и выковался тот союз, тот «блок» между рабочим классом и крестьянством, который сделал сравнительно легкой победу в великие октябрьские дни. Дело было решено совместными и необычайно дружными действиями рабочих и солдат, солдат, которые были плотью от плоти и костью от кости нашего крестьянства. Солдаты хотели мира — и крестьяне хотели мира; крестьяне хотели земли — и солдаты хотели земли; крестьяне хотели расправы с помещиками — и солдаты хотели расправы с помещиками. Все эти требования поддерживались, распространялись, становились боевыми лозунгами в руках рабочего класса и его партии. Требова-

ния крестьян сплелись с требованиями рабочих. Требования рабочих сплелись с требованиями крестьян. И против этого соединенного напора огромнейшего, подавляющего большинства населения нашей страны не могли устоять никакие силы. *В этом лежит корень октябрьской победы.*

Почему победили мы, далее, в *гражданской войне*, тянувшейся целый ряд лет? Ведь после нашей октябрьской победы против нас ополчились и иностранные капиталисты, которые поспешили на помощь российской буржуазии. Ведь наша буржуазия и ее вооруженные силы были поддержаны всеми средствами — и военно-политическими, и финансовыми — со стороны целого ряда буржуазий могущественных государств. Неоднократно наша Советская страна была в огненном кольце, была окружена со всех четырех сторон войсками неприятеля. Ведь бывали минуты, когда Советская республика сводилась всего к нескольким губерниям, плотно сжатым наступающими отрядами врагов. Ведь бывали минуты, когда под непосредственной угрозой находился Петроград — передовой город пролетарской революции. Ведь было время, когда Деникин подходил к Орлу [6], а в Москве белые заговорщики уже формировали свои штабы и свои офицерские кадры для грядущей расправы с «коммунистическими собаками». Ведь мы переживали неоднократно целые месяцы, будучи отрезанными и от нефти, и от угля, и от хлеба. Ведь целые годы мы жили на положении со всех сторон осажденной крепости, в которой уже начался голод и мор. *И тем не менее*, мы все же победили в этой исключительной по своей жестокости и по своему напряжению гражданской войне между эксплуататорами и эксплуатируемыми, между помещиками и капиталистами, с одной стороны, и рабочими и крестьянами — с другой. Где же корни *этой* победы?

Эти корни лежат, *во-первых*, в том обстоятельстве, что *трудящиеся массы Запада*, иногда сознательно, а иногда повинуясь лишь голосу своего классового инстинкта, становились на нашу сторону, оказывали сопротивление своему начальству, своим правительствам, своим командирам и в разных формах, по-разному, мешали этим правительствам выполнять палаческое дело удушения победоносной революции в России. Не раз случалось, что отряды иностранных войск поднимали красные флаги и уходили с наших фронтов.

Второй, внутренней причиной нашей победы был опять-таки крепкий *военный союз между рабочими и крестьянами нашей страны*. Крестьяне поддерживали рабочих в их борьбе против наседавших со всех сторон врагов. Этот военный союз между рабочим классом и крестьянством был продолжением и развитием боевого союза этих классов во время Октябрьской революции.

Этот военный союз, само собой разумеется, не висел в воздухе — он опирался на связь коренных интересов. Крестьянство, борясь с врагами, защищало недавно отвоеванную от помещика землю. Вражеские войска вели за собой целый хвост капиталистов, крупных землевладельцев, князей, баронов и графов, вытуренных из своих поместий и жаждавших получить обратно насиженные в течение веков старые, родовые дворянские гнезда. И когда крестьянские сыновья — солдаты нашей Красной Армии, испытывая голод и холод, болея тифом, босые, отстаивали границы Советской страны и штыками отбивались от противника, они защищали великое дело освобождения *от ига помещиков*. Они видели, что нельзя укрепить за собой отвоеванную землю иначе, чем в союзе с рабочим классом, который посылал на фронты своих лучших сынов. Они подчинялись руководству рабочего класса, потому что видели, как в революционной, классовой схватке сыны фабрик и заводов героически отстаивают революционное дело, жертвуя всем ради победы над врагом. Они видели также, что только Советская власть является надежной опорой в этой невиданной борьбе. Со своей стороны, рабочий класс точно так же видел, что пришествие помещиков означало бы и пришествие капиталистов, и возврат всего старого режима в целом, и потерю завоеванных в октябрьской битве фабрик и заводов, и уничтожение Советской власти. Военный союз рабочего класса и крестьянства в гражданской войне опирался, таким образом, *на общность основных и коренных задач*, которые стояли на очереди перед обоими трудящимися классами нашей страны. Правда, тяжести этого времени, когда нужно было с необычайной твердостью собирать все, что необходимо было для прокормления Красной Армии, для поддержки фронта, для поддержки оставшихся в голодных городах рабочих,— тяжести этого времени не раз и не два колебали некоторые слои крестьянства. Не раз и не два эти слои крестьянства, измученные тяжестью борьбы и не пони-

мавшие необходимости в огромных жертвах, перебегали на сторону противника, на сторону белых, на сторону учредиловцев [7], на сторону колчаковцев [8]. Но суровый опыт гражданской войны всякий раз показывал им, что в стане белых нельзя искать спасения, ибо этот стан есть стан заклятых врагов не только рабочего класса, но и крестьянства. Колчаки и Деникины вколачивали шомполами веру в правоту большевистского дела и понимание необходимости тесного содружества с рабочим классом. В результате этого мучительного опыта, опыта, завоеванного кровью, крестьянство нашей страны убеждалось все более и более в необходимости жертв ради великой победы над противником. Так выковывалась спайка между рабочим классом и крестьянством в борьбе против общего врага. И здесь лежит *второй* корень нашей победы над всеми противниками, своими, отечественными, и иностранными. *Победа над союзом помещиков и капиталистов есть победа союза рабочих и крестьян.*

Когда последние отряды буржуазно-помещичьих армий были сброшены в море, и под советским знаменем, под красным флагом революции, вновь объединилась на новых основах, на основах мирного и добровольного сожительства многочисленных трудовых народов, наша страна, началось *новое* время, стали на очередь *новые* задачи. Мы уже переставали быть осажденной, воюющей, отбивающейся крепостью. Гражданская война заканчивалась. Нужно было возможно более быстро переходить к мирному труду. Нужно было начинать чинку потрепанного хозяйства. А для всего этого нужно было перейти к другой экономической политике, которая соответствовала бы новому времени и новым задачам, ставшим в упор перед трудящимися классами нашей страны. Продразверстка нужна была для того, чтобы во что бы то ни стало прокормить армию и остатки голодного рабочего класса, без которого крахнуло бы все дело революции. Но продразверстка и запрещение торговли совсем не годились для того времени, когда нужно было перейти к подъему производительных сил сельского хозяйства и к развертыванию нашей промышленности. Так совершился переход к новой экономической политике. Мало-помалу отступали на задний план, а потом исчезали и совсем остатки вооруженной борьбы против нас со стороны капиталистических держав. Наше хозяйство стало подыматься. Мы начали все больше торговать с капиталисти-

ческими государствами, и после ряда колебаний они стали скрепя сердце признавать одно за другим Советскую власть за «законную» власть на землях бывшей царской империи. И вот здесь перед нами в новой форме встает вопрос: как обеспечить нам дело своей окончательной победы, дело укрепления власти трудящихся, дело нашего хозяйственного роста, дело строительства нового общества, новых порядков, новых отношений? На этот вопрос мы должны ответить: мы победим окончательно, мы победим полностью и целиком, мы действительно устроим новое трудовое общество только тогда, если в этих новых мирных, не военных условиях сумеем вновь укрепить тот союз между рабочим классом и крестьянством, который обеспечивал нам победу на протяжении всей нашей революции. Вот почему мы должны вновь и вновь ставить перед собою вопрос о союзе между пролетариатом и крестьянством. Это не просто *повторение* старого вопроса, потому что речь идет о *новых* условиях, *более* сложных, чем раньше. Мы растем, мы хозяйственно становимся все сильнее и сильнее. Но зато не так виден наш общий враг, как в былое время гражданской войны. И нужно разобрать все опасности, лежащие на нашем пути, чтобы не поскользнуться и не проворонить того дела, ради которого мы сражались в течение стольких лет.

III. РАБОЧИЙ КЛАСС И КРЕСТЬЯНСТВО

В союзе рабочего класса и крестьянства, в союзе, благодаря которому мы устояли в борьбе с врагами и начали подымать наново хозяйство нашей страны, *руководящая роль принадлежала рабочему классу*. Рабочий класс в нашей стране не есть большинство трудящегося населения [9]. Громадное большинство этого трудящегося населения состоит из крестьян. И тем не менее рабочий класс был и остается руководящей силой. Для того чтобы понять, почему это так случилось и почему это нужно для победы над помещиками и капиталистами, необходимо подробно рассмотреть положение этих классов в капиталистическом обществе.

При капитализме, при господстве буржуазии, во всех странах, в том числе и у нас, *город* всегда был кровососом по отношению к *деревне*. Все достижения техники и

науки, все завоевания культуры сосредоточивались главным образом и прежде всего в городе. Деревня, сельское хозяйство были и есть на втором плане. Они неизбежно далеко отставали в своем развитии от города. Город притягивал к себе все лучшие силы, наиболее энергичных, дельных и способных людей. Деревня постоянно пустела, отдавая городу свои соки. В городе сосредоточивалась вся грамотность, все образование современного общества. В городе накапливались все сведения о том, что происходит в различных уголках земного шара. В городе находились и находятся основные узлы государственного аппарата, правительственные учреждения, все орудия сильных и мощных буржуазных государств. Деревня неизбежно обрекалась на замкнутое существование, деревня на целые века отставала по своим знаниям, по своей грамотности от города.

Вот эта основная разница наложила свою печать на рабочих, с одной стороны, и на крестьян — с другой стороны. Но дело, конечно, не только в этом. *Рабочий класс* фабрик и заводов *не связан ни с какой собственностью.* Он продает в капиталистическом обществе свои рабочие руки хозяину. Он видит ежедневно, ежечасно, что он работает на этого хозяина. Он начинает ненавидеть буржуазию, не верить ей. А с другой стороны, каждый рабочий привыкает *работать бок о бок с другим таким же рабочим.* Рабочие живут и работают, будучи скоплены огромными массами на гигантских фабриках и заводах, в шахтах и на рудниках. Они не только научаются ненавидеть буржуазию, не верить ей, раскрывать всякий обман с ее стороны, но они научаются давать ей *общий* отпор. Они привыкают все время к мысли, что только *сообща* можно победить врага, что только *сообща* можно, свалив врага, вести по-новому все хозяйство, управлять по-новому отвоеванной у буржуазии страной. Городская культура все же дает в их распоряжение кое-какие средства, которые позволяют рабочему выстроить свои ряды в стройную армию, идущую в бой против господства помещиков и капиталистов, разгадывая все хитрости врага. Не так обстоит дело с крестьянином. Крестьянин работает сам, своим *особым хозяйством*, своей семьей, своим двором. Он не привык, за немногими исключениями (например, покосы и т. д.), работать сообща и совместно со своими односельчанами. У него особое, *частное*, хозяйство, он видит прежде и раньше всего интере-

сы этого *своего* мелкого хозяйства. Условия деревенской жизни редко выводят его за пределы деревенской околицы. До сих пор есть еще крестьяне, которые никогда не выезжали даже в уездный город, есть и такие, которые никогда не ездили по железной дороге.

Конечно, это не «вина» крестьянина, а его беда. Но тем не менее это — факт, и с этим фактом, с этой действительностью нужно считаться, нужно принимать ее во внимание.

Крестьянство к тому же *совсем не однородно.* Крестьянином зовется и зажиточный трактирщик, деревенский ростовщик, кулак; крестьянином зовется и крепкий хозяин, имеющий нескольких батраков, получающий прибыль с их работы и держащий их в узде; крестьянином зовется и трудовой хозяин, работающий со своей семьей сам для себя, не живущий за счет чужого труда; крестьянином зовется и бедняк, безлошадный, еле-еле сводящий концы с концами и часто подрабатывающий где-нибудь на стороне; крестьянином, наконец, зовется и полубатрак, полурабочий, для которого его крестьянское хозяйство составляет лишь подсобный источник существования.

В капиталистическом строе громадное большинство крестьян обречено, по сути дела, на такое существование, когда люди лишь сводят концы с концами. Но каждый крестьянин, имеющий свое хозяйство, свою *собственность*, ищет, главным образом, выхода в том, чтобы, увеличивши свое хозяйство и свою собственность, попасть в следующий, высший разряд крестьянского населения и таким образом подниматься со ступеньки на ступеньку. Имея свою собственность и надеясь ее увеличить (хотя эти надежды, по сути дела, являются в огромном большинстве случаев пустыми надеждами), крестьянин поэтому имеет *известное уважение и известное доверие к более крупным собственникам*, а следовательно, и к буржуа. Он не научается поэтому ненавидеть богатый класс той ненавистью, которой отличается рабочий класс, стоящий лицом к лицу с капиталом. Часть крестьян даже чувствует известного рода почтение к крупным собственникам, и нужен опыт классовой борьбы и прямых столкновений с противником, чтобы развенчать в глазах крестьянина его классовых врагов. *Поэтому капиталисты и помещики гораздо скорее могут обмануть крестьянина, чем рабочего.*

А с другой стороны, крестьянин, не привыкший к постоянной совместной работе и к совместной борьбе, не в состоянии бывает давать систематический постоянный отпор своим противникам. *Разбросанное по деревням, селам и деревушкам, разбросанное и распыленное, точно песок речной, крестьянство не представляло и не могло представлять из себя той стройной и организованной армии, какую удавалось сколотить городскому рабочему.*

Если при этом вспомнить, что городская жизнь давала и дает городскому жителю гораздо *больше всяческих знаний*, грамотности, уменья распознавать хитрости врагов и т. д., то нетрудно будет сообразить, что *руководство в блоке крестьян и рабочих должно было неминуемо принадлежать рабочему классу*. Ведь из всего того, что мы только что видели, вытекает, что рабочий класс является силой, гораздо более сознательной, гораздо более организованной и гораздо более способной вести за собой широкие слои трудящегося населения. Еще и еще раз нужно подчеркнуть, что не «вина» крестьянина его меньшая сознательность, а его беда. Но точно так же ясно, что руководство со стороны пролетариата будет полезно не только для самого рабочего класса, но и для крестьянства. Без этого руководства проиграли бы не только рабочие, но и широкие слои крестьянства.

Так обстоит дело, если мы рассмотрим вопрос о таком времени, когда рабочий класс и крестьянство идут на штурм против союза помещиков и капиталистов. А как обстоит дело, когда, уже после свержения господства этих помещиков и капиталистов, приходится управлять государством и вести все хозяйство страны, отвоеванное у буржуазии и помещиков?

Здесь опять-таки нужно внимательнейшим образом рассмотреть вопрос. Рабочий класс и крестьянство не сваливаются с неба, когда они впервые завоевывают власть. Они выходят из недр капиталистического общества. В этом капиталистическом обществе и рабочий класс, и крестьянство находились на положении классов угнетенных. Даже рабочий класс не в состоянии был при капиталистическом строе подняться настолько, чтобы обучиться делу управления. Ведь вся высшая школа была в руках у буржуазии, все командные высоты в правительстве, в армии, в хозяйстве, в науке и т. д. находились в руках господствующих классов. Поэтому рабочий класс не мог никоим образом в пределах капиталистического

общества выработать из своей среды все те силы, которые нужно для того, чтобы налаживать самим, и исключительно своими собственными силами, весь огромный и сложный государственный и хозяйственный аппарат страны. Когда трудящиеся массы сбрасывают господство помещиков и капиталистов, то на их плечи немедленно же взваливаются такие тяготы, с которыми раньше не приходилось встречаться. Рабочему классу и трудящейся массе вообще нужно думать теперь уже решительно обо всех областях хозяйства и управления. Им нужны техники и инженеры, химики и агрономы, судьи и администраторы, ученые и учителя — словом, все силы, без которых нельзя вести страну по пути хозяйственного и всякого иного совершенствования. А так как рабочий класс не имел и не мог иметь в своем распоряжении своих собственных сил такого рода, то, естественно, сейчас же после завоевания власти трудящимися массами на очередь становится и вопрос об *использовании* многих из тех сил, которые раньше, в общем и целом, служили верой и правдой, не за страх, а за совесть, старому, теперь уже свергнутому буржуазному режиму. Следовательно, перед трудящимися массами возникает новой сложности задача, задача *подчинения своим целям* и задача *переработки* всех вышеупомянутых сил в том духе, в каком это нужно для упрочения и укрепления нового строя [10].

Если у рабочего класса не оказывается сразу достаточных сил и он вынужден, борясь с врагами и неустанно искореняя их открытое и скрытое сопротивление, использовать силы, вначале ему враждебные или полувраждебные и только впоследствии переходящие на его сторону, то тем менее сил оказывается у крестьянства, которое, как мы видели раньше, в условиях капиталистического режима оказывается неизбежно *гораздо более отсталым* и гораздо менее способным разгадывать планы врагов и вести правильную политику.

Рабочий класс все же, несмотря на свою придавленность в условиях капиталистического общества, *оказывается способным руководить общей политикой*, общим направлением этой политики и, неизбежно делая ряд ошибок, все же в конце концов учится побеждать и те трудности, которые встречаются на его новом пути.

Само собою разумеется, что рано или поздно и крестьянство все больше и больше будет учиться на опыте

делу хозяйственного и политического строительства. Но если уже в то время, когда задачей трудящихся классов было лишь ниспровержение союза помещиков и капиталистов, если в это время необходимой была руководящая роль пролетариата в союзе рабочих и крестьян, то *после завоевания власти* это руководство *отнюдь не становится излишним или менее необходимым*. Наоборот, можно сказать, что в особенности в *первый* период, в первую полосу укрепления и развития нового строя, когда появляются огромные массы новых и чрезвычайно сложных задач, это руководство должно быть обеспечено *во что бы то ни стало*. Дело вовсе не в том, что рабочему классу обязательно «хочется» быть на первом месте. Дело в том, что — как бы ни думали об этом некоторые слои крестьянства — это руководство необходимо и *в интересах самой широкой крестьянской массы*. Если бы рабочий класс потерял, в силу каких-нибудь причин, свое руководство по отношению к крестьянству, то тогда совершенно неизбежно дело кончилось бы победой буржуазии.

Руководство со стороны пролетариата является, таким образом, необходимейшим условием победы рабоче-крестьянского дела. Но вопрос обстоит еще более сложно, чем это кажется на первый взгляд. Дело в том, что и сам рабочий класс неоднороден. У него и внутри него есть *различные составные части*, которые хотя и не так резко отличаются друг от друга, как это имеет место между различными слоями, группами и классами внутри крестьянства, но тем не менее все же должны быть приняты во внимание. Возьмем, например, такой слой рабочего класса, как сельскохозяйственные рабочие — батраки. Они являются наемными рабочими, они большей частью не связаны ни с какой собственностью, но в то же самое время общие условия их труда (деревня и деревенские условия вообще; связанная с этим культурная и политическая отсталость; большая разбросанность в работе; большое сходство с условиями труда в крестьянском хозяйстве и т. д.) страшно затрудняют рост их сознательности по сравнению с городскими рабочими, живущими и работающими скопом в культурных центрах страны. Если мы рассмотрим весь рабочий класс в целом, то увидим, что здесь есть и выходцы из крестьянства, и выходцы из ремесленников, мелких торговцев и т. д. С другой стороны, есть и рабочие, которые уже явля-

ются рабочими, быть может, во втором или третьем поколении и с молоком матери уже всосали в себя пролетарский образ мысли, пролетарские привычки и взгляды. Целый ряд других условий влияет по-разному на различные слои рабочего класса. И поэтому немудрено, что *по своей сознательности* рабочий класс никогда не был — и до сих пор еще не является — совершенно однородным. Наиболее сознательные рабочие, которые яснее и лучше других видят и понимают пути и основные интересы трудящихся масс, объединяются в самой передовой организации трудящихся — в *коммунистической партии*, партии, которая самым последовательным и самым умным образом ведет борьбу за уничтожение власти капитала и за постройку будущего нового общества. Если в партии объединяется наиболее сознательная часть пролетариата, то совершенно очевидно, что *внутри* самого пролетариата ей должна принадлежать, в свою очередь, *руководящая роль*. И здесь мы точно так же можем сказать: конечно, не «вина» наиболее отсталых слоев рабочих в том, что они отсталы, и в том, что они по своей сознательности уступают место другим слоям рабочего класса,— это не вина, а «беда» их. С другой стороны, совершенно понятно и очевидно, что *если бы выпало руководство со стороны партии, если бы это руководство каким-нибудь образом было уничтожено, то это в высокой степени повредило бы всему рабочему классу в целом*, ибо это означало бы уничтожение руководства со стороны наиболее сознательной, наиболее передовой и наиболее организованной части рабочего класса.

Итак, к чему мы пришли? Мы пришли к тому, что для победы рабоче-крестьянского дела, дела трудящихся масс, необходимы следующие основные условия: *во-первых, необходим союз между рабочими и крестьянами, их блок*; *во-вторых, в этом союзе руководящая роль должна принадлежать рабочему классу*; *в-третьих, в самом рабочем классе руководящая роль, в свою очередь, должна принадлежать коммунистической партии*. Если внутри рабочего класса уничтожится руководящая роль коммунистической партии или если уничтожится руководящая роль рабочего класса над крестьянством, тогда совершенно неизбежно лопается все рабоче-крестьянское дело, тогда неизбежно побеждают заклятые враги и рабочего класса, и крестьянства.

Можно, однако, поставить вопрос и о таких вещах, где интересы рабочего класса и крестьянства не совпадают, а иногда даже противоречат друг другу. Например, можно указать, что крестьянин продает хлеб, а рабочий этот хлеб покупает. Крестьянин, продающий хлеб, заинтересован поэтому в более высоких ценах; рабочий, покупающий хлеб, заинтересован в ценах более низких. Это противоречие, действительно, существует в жизни. Но мы ведь не говорили, что рабочий класс и крестьянство — это *один и тот же класс*. Мы вовсе не говорили, что между рабочим классом и крестьянством нет *никакой* разницы. Нужно смотреть правде в глаза и не замазывать дело всякой пустопорожней болтовней. Эти *расхождения между рабочим классом и крестьянством существуют, но они отступают на задний план перед такими интересами и такими вопросами, которые имеют более коренное и более основное значение для обоих классов*. Точно так же помещики и капиталисты никогда не были одним и тем же классом; между ними были очень крупные противоречия интересов: городская буржуазия точно так же покупала хлеб и сырье у помещиков, помещики продавали ей этот хлеб и это сырье; и наоборот, буржуазия продавала помещикам продукты промышленности, и помещики покупали у нее эти продукты. И тем не менее несмотря на это довольно существенное противоречие, союз капиталистов и помещиков, в особенности за последнее время, был основным фактом общественной жизни, и всюду и везде блок помещиков и капиталистов под руководством буржуазии, т. е. под руководством этих капиталистов, являлся господствующей силой, с которой приходилось и приходится вести борьбу рабочему классу и крестьянству. Точно так же, как помещики и капиталисты, не будучи одним классом и отличаясь друг от друга, шли и идут *в блоке*, *в союзе* друг с другом и все больше объединяются в хозяйственной жизни и в классовой борьбе против рабочего класса и крестьянства, так и пролетариат, не являясь тем же классом, что и крестьянство, тем не менее должен идти в блоке, в тесном союзе с крестьянством; а крестьянство, со своей стороны, должно, ради собственных основных интересов, поддерживать пролетариат, быть с ним в союзе, добровольно соглашаться на руководящую роль рабочего класса, ибо только при этих условиях возможна общая победа рабоче-крестьянского дела.

IV. БОРЬБА РАБОЧЕГО КЛАССА С БУРЖУАЗИЕЙ ЗА КРЕСТЬЯНСТВО

То обстоятельство, что деревня неизбежно отстает в своем развитии от города, приводит к очень важному явлению. А именно, крестьянство обычно оказывается не в состоянии играть совершенно самостоятельную роль, *оно неизбежно подпадает либо под влияние буржуазии, либо под влияние пролетариата*. Очень часто крестьянство *колеблется* между этими двумя основными классами капиталистического общества. Со своей стороны, буржуазия, используя все преимущества своего положения, используя свои финансовые средства, свое политическое господство, свою монополию на науку, школу, газеты и т. д., ведет систематическую, упорную, никогда не прекращающуюся борьбу за то, чтобы подчинить своему господству, в том числе и своему *идейному* господству, широкие слои крестьянства, причем проводниками этого буржуазного влияния на крестьянство являются обычно более зажиточные слои крестьянства, естественно тяготеющие к буржуазии. Рабочий класс, в свою очередь, борется за то, чтобы *высвободить* крестьянство из-под влияния буржуазии, разъяснить крестьянству необходимость борьбы с капиталистическим строем, который противоречит основным интересам широкой массы, крестьянской бедноты и отчасти среднего крестьянства. В зависимости от того, куда склоняется, в какую сторону колеблется крестьянство — в сторону пролетариата или в сторону буржуазии,— решается вопрос о том, крепко ли стоит на ногах блок помещиков и капиталистов, или же ему, действительно, грозит серьезная опасность со стороны блока рабочих и крестьян. На примере нашей революции можно прекрасно видеть, каким образом буржуазия пыталась использовать темноту крестьянства и его излишнее доверие к крупным собственникам, использовать для того, чтобы сделать из крестьянства пушечное мясо против пролетариата. И точно так же на примере нашей революции и ее развития можно великолепно видеть, как при правильной политике со стороны пролетарской партии можно вырвать крестьянство, в его же собственных интересах, из-под влияния буржуазии и создать из крестьянства добавочную, очень значительную и мощную силу,

острие которой направлено против эксплуататорского капиталистического общества.

Буржуазия непосредственно после Февральской революции пыталась обмануть крестьянство в вопросе *о войне*. Буржуазия, играя на крестьянской темноте и на крестьянской приверженности к родине, пыталась изобразить империалистическую войну, которую она вела по прямой указке английских и французских империалистов, подгоняемая хлыстом этих капиталистов, как войну справедливую, как войну неграбительскую, как войну исключительно оборонительную. Буржуазия играла на патриотических и собственнических струнках крестьянства, буржуазия пыталась изобразить самую революционную партию нашей революции, партию большевиков, как сброд немецких шпионов, немецких агентов, поставивших себе целью распродажу нашей страны германскому империализму. И нужно сказать, что одно время, благодаря бешеной травле со стороны всей буржуазной печати, ей удалось достигнуть известных — с ее точки зрения хороших — результатов. Нашей партии и рабочему классу пришлось испытать тяжелые времена, когда мелкобуржуазная партия социалистов-революционеров оказалась во главе крестьянства и проводила целиком вместе с меньшевиками — другой мелкобуржуазной партией в нашей стране — ту политику, которую диктовала им *наша буржуазия*. И только энергичнейшая работа нашей партии и опыт войны и революции, из которого сами массы убеждались постепенно в полной правоте большевиков, сделали то, что буржуазный обман и буржуазная ложь относительно войны были разоблачены до конца.

Буржуазия пыталась точно так же использовать очень искусно и известные предрассудки среди крестьян в *вопросе о земле*. Широкие массы крестьянства желали получить (и это была вековая мечта нашей деревни) помещичью землю, желали страстно и упорно забрать эту землю от помещиков. Но, с другой стороны, некоторые слои крестьянства, в первую очередь более зажиточные слои, которые, с одной стороны, меньше нуждались в помещичьей земле, а с другой стороны, имели гораздо больше почтения и уважения к крупным собственникам вообще, естественно находились в состоянии колебания и нерешительности. Буржуазия через партию своих лакеев, через партию социалистов-революционеров, пыталась задержать естественное стремление крестьянства к завое-

ванию помещичьей земли. На все лады твердили, что нельзя забирать землю «до Учредительного собрания», что нельзя выкуривать помещика без особого закона из его помещичьих имений; пугали ужасной резней и ужасным земельным хаосом, который должен возникнуть, если крестьяне «самочинно», т. е. не дожидаясь никаких распоряжений сверху, будут забирать эту землю, выгонять помещиков, расправляться с ними так, как они этого заслужили. *Только* одна партия, партия большевиков, партия рабочего класса, стояла за *немедленную конфискацию помещичьих земель*, кричала крестьянам на всех митингах и собраниях, что крестьяне должны, ничего не дожидаясь и никого не слушая, сами забирать эту землю у помещиков. Мы помним то время, когда в правительстве сидели представители буржуазии совместно с представителями партии социалистов-революционеров и когда это правительство арестовывало крестьянские земельные комитеты за их не совсем деликатное обращение с помещичьей землей [11]. Наоборот, наша партия вела энергичнейшую работу по разъяснению крестьянам всей необходимости разгрома помещика, изгнания его с земли. Ибо только развязав революционную энергию крестьянства (а развязывать ее нужно было прежде и раньше всего на вопросе о земле), мы могли создать действительно прочные гарантии революционной победы. Совместный план буржуазии, эсеров, меньшевиков и т. д., план *оттяжки разрешения земельного вопроса*, план, который на самом деле был не чем иным, как поддержкой всего старого режима в целом, этот план провалился потому, что в *вопросе о земле крестьянство пошло не за буржуазией, а пошло за рабочим классом*, пошло не за умеренными лозунгами буржуазии и соглашательских партий, а пошло за *последовательными революционными лозунгами, выставлявшимися партией рабочего класса.*

Эта же ожесточеннейшая борьба между рабочим классом и буржуазией за влияние на крестьянство продолжалась и далее. Самым опасным для буржуазии было, конечно, *завоевание власти рабочим классом и укрепление этой власти*. Буржуазия отлично понимала, что это неизбежно случится, если крестьянство в решительный момент поддержит рабочий класс. Наша буржуазия отлично учитывала тот опыт, который оставил ей в наследство ниспровергнутый царский режим, она помнила, что помещичьему царю удалось разбить силы революционно-

го народа в 1905 г. именно потому, что *тогда рабочий класс не был вовремя поддержан крестьянством*: крестьянство выступило значительно позже, уже тогда, когда разбит и разгромлен был головной отряд революционного движения — городской рабочий класс. Царизму удалось тогда покончить с революцией именно потому, что ему удалось разбить революционную армию *по частям*. Поэтому понятно, что буржуазия прилагала все усилия, чтобы разъединить рабочих и крестьян. Непосредственно перед октябрьскими днями и позже, во время борьбы Советской власти за существование, буржуазия при помощи своих агентов — эсеров и меньшевиков — пыталась обмануть крестьянство *лозунгом «демократии»*: против власти Советов, т. е. против руководства пролетариата, выставлялся лозунг так называемой демократии и учредилки, т. е., по существу дела, лозунг буржуазного господства и руководства, руководства частью *прямого*, частью *через* эсеров и меньшевиков. Рабочий класс и его партия обвинялись в том, что они изменяют лозунгу «равенства», лозунгу «свободы» и т. д. Время было тогда боевое. Нужно было во что бы то ни стало, твердой рукою, беспощадно и мужественно душить все контрреволюционные попытки со стороны буржуазии и помещиков. Буржуазия и помещики в нашей стране имели своих многочисленных сторонников в лице не только меньшевистской и эсеровской партии, но и в лице огромных слоев чиновничества, служащих, так называемой интеллигенции (врачей, адвокатов, учителей, профессоров, духовенства и пр.)[12], не говоря уже об офицерских кадрах бывшей царской армии, которые в своем подавляющем большинстве совершенно открыто стояли за возвращение старых порядков. И вот в такое время, когда нужно было вести *всеми средствами* беспощадную борьбу и обезоруживать противников, буржуазия, эсеры и меньшевики выставляли лозунг «равенства» и «свободы», т. е. свободы для *заговорщиков* вести свою работу, свободы для *бывших помещиков* обманывать крестьян, свободы для *капиталистов* использовать свою денежную сумму для подкупа и организации своих сторонников и т. д. Если меньшевики и эсеры не совсем хорошо понимали, что в таких условиях требование «демократии», которое выставлялось против лозунга Советской власти и диктатуры пролетариата, на самом деле означало не что иное, как требование всяческих свобод *для буржуазии*, то эта

последняя прекрасно понимала, в чем дело. Она подготавливала военную диктатуру кровавых генералов, но ей прежде всего необходимо было обмануть хотя бы часть широких народных масс, оторвать крестьянство от рабочего класса, подорвать, таким образом, крепость Советской власти обманным лозунгом «демократии» и «учредилки». Буржуазия справедливо надеялась на то, что если ей удастся через своих подручных ниспровергнуть Советскую власть, уничтожить руководство пролетариата, то совсем нетрудно будет разделаться «в два счета» с эсерами и меньшевиками, которые совершенно неспособны на какое бы то ни было твердое руководство.

Опыт действительной борьбы показал, что там, где часть крестьянства шла за этими обманными лозунгами, переходила на сторону учредиловцев, там ход событий неизбежно приводил к тому, что через короткий промежуток времени воцарялся и начинал обладать безраздельной властью какой-нибудь из царских генералов. Так было на юге (Деникин, Врангель [13] и пр.), так было на востоке (Колчак и т. д.). Крестьяне, убедившись на собственном опыте в том, к чему приводит учредиловская «демократия», вновь поворачивали к Советской власти, вновь освобождались из-под руководства буржуазии и переходили на сторону пролетариата — на этот раз гораздо более прочно, решительно и беззаветно. И вновь восстановившийся союз рабочего класса и крестьянства снова проделывал поистине великие чудеса в борьбе против объединенных сил помещиков, капиталистов и иностранной буржуазии.

И сейчас, по сути дела, не прекращается эта борьба между рабочим классом и буржуазией за влияние на крестьянство. Несмотря на наш хозяйственный рост, у нас налицо громадное количество трудностей. Наследство старой разрухи висит еще тяжелой гирей на наших ногах. Рабочий класс и городская промышленность не сразу могут дать достаточное количество товаров по достаточно дешевым ценам. Советская власть и руководящая партия прилагают все усилия, чтобы возможно скорее поднять производство, снизить себестоимость и направлять в деревню возможно более дешевые товары. Но нельзя прыгнуть выше своих ушей, и поэтому лишь постепенно наша государственная промышленность оказывается в состоянии решать поставленные ей задачи.

Постройка огромного государственного аппарата, обес-

печение страны необходимой обороной, налаживание всего дела управления и т. д. требуют значительных расходов. Эти расходы, в свою очередь, вызывают необходимость в налоговом обложении, в том числе и налоговом обложении крестьянства. На разоренные и обнищавшие крестьянские хозяйства эти налоги ложатся тяжелым грузом. И рабочий класс не сразу, а лишь постепенно может понижать эти налоги, лишь постепенно может улучшать самую систему обложения, учитывая на опыте, каким образом облегчить крестьянству приходящиеся на его долю тяготы.

Молодое государство в начале своего рождения не имело достаточного количества умелых и знающих людей, преданных делу революции; рабочий класс и крестьянство никогда раньше не учились управлять государством. Немудрено поэтому, что и рабочие, и крестьяне, вовлекаемые в общегосударственное строительство, делали ряд ошибок, которые, в свою очередь, тяжело отражались на крестьянстве. Выработать достаточное количество людей, нужных для управления такой огромной страной, как наша,— дело вовсе не легкое. Господствовавшие прежде классы вырабатывали своих, нужных им людей в течение целых сотен лет и целого ряда поколений. А Советская власть, власть трудящихся, насчитывает всего-навсего несколько лет своего существования в нашей стране. Отсюда неизбежны недостатки в системе нашего управления, отсюда целый ряд печальных явлений и так называемых недостатков механизма.

И вот все эти недостатки используются сторонниками буржуазии для того, чтобы *вбить клин между рабочим классом и крестьянством*, для того, чтобы расщепить и расколоть союз рабочих и крестьян, вырвать крестьян из-под руководства пролетариата и захватить хотя бы их незначительную часть под руководство и идейное влияние сторонников буржуазии.

Следует вспомнить еще о том, что борьба за влияние на крестьянство, эта классовая борьба между пролетариатом и буржуазией, в теперешнее время ведется, между прочим, в нашей стране в совершенно особой, совершенно своеобразной форме, а именно *в форме борьбы за хозяйственную, экономическую смычку с крестьянством.* Эта борьба ведется нашей государственной промышленностью и государственной торговлей против частного капитала, частного торговца и купца, который со своей

стороны отчаянно борется за рост своего экономического, хозяйственного влияния на крестьянство, т. е. борется за то, чтобы получить с этим последним экономическую смычку. Эта борьба между пролетариатом и буржуазией ведется особыми средствами, и пролетариат сможет победить в этой борьбе лишь в той мере, в какой ему действительно удастся поднять свою промышленность, наладить хороший и дешевый торговый аппарат и показать всему крестьянству, что *государственное хозяйство в состоянии лучше удовлетворять насущные экономические потребности и нужды крестьянского населения, чем частный капиталист, частный торговец, частный купец, частный посредник.*

V. КАК МОЖЕТ ВОЗВРАТИТЬСЯ С ЗАДНЕГО ХОДА СТАРЫЙ РЕЖИМ

В руках рабочего класса, в распоряжении государственной власти находятся сейчас вся крупная промышленность, транспорт и крупная оптовая торговля. В руках у новой и остатков старой буржуазии находятся сравнительно незначительные капиталы, но зато имеются огромнейший опыт, ловкость, пронырливость, умелость. С этими средствами частный капитал ведет против нас систематическую, отчаянную, прямо бешеную борьбу. Эта борьба не проходит в формах кровавых сражений, но тем не менее она имеет крупнейшее значение для всей судьбы нашей страны. И поэтому для рабочего класса и крестьянства особенно важно понять, какие условия обеспечивают победу союза рабочего класса и крестьянства и какие условия могут привести к победе союза помещиков и капиталистов.

Мы уже сказали, что задачей рабочего класса и задачей городской промышленности является такое развитие производства, которое бы полностью и дешево удовлетворяло нужды крестьянского населения. Если этого нет и если частный предприниматель, например мелкий частный фабрикант, производит лучше или дешевле, чем государственные заводы, то само собою разумеется, что действительную смычку с крестьянством получает этот частный предприниматель, который в глазах крестьянства повышает свой хозяйственный вес, свой авторитет; наоборот, в таком случае хозяйственный авторитет государственных предприятий, а вместе с тем и всего государст-

ва в глазах крестьянства падет. Если наша государственная торговля, наши торговые агенты продают товар дороже, благодаря своей неумелости, благодаря высоким накладным расходам своего аппарата, благодаря халатному ведению дела и т. д., в то время как частный торговец, привыкший использовать всякую мелочь, продает дешевле, то в таком случае крестьянство опять-таки будет ценить гораздо выше торговлю частную, чем государственную. Хозяйственный авторитет частного торговца будет стоять выше хозяйственного авторитета государственных учреждений. Действительную экономическую смычку, действительное влияние будет получать частный капитал, а это все означает не что иное, как победу буржуазии над рабочим классом в борьбе за *экономическое влияние* на крестьянство.

Можно сказать, что вопрос стоит сейчас таким образом: смычка *кого с кем* будет происходить — частного торговца и капиталиста с крестьянством или пролетарской промышленности с этим самым крестьянством? От ответа на этот вопрос и зависит исход классовой борьбы. Совершенно не важно, что эта борьба ведется в мирных формах, что эту борьбу мы ведем без звона металлического оружия. Несмотря на это, она имеет поистине гигантское значение, она, эта борьба, на деле решает все.

Если частный торговец и капиталист будут отвоевывать себе все большее и большее место в нашей хозяйственной жизни и если именно эти классы будут устанавливать свою хозяйственную смычку с крестьянством, то это будет означать разрыв и трещину в том фундаменте, на котором в настоящее время нужно строить весь союз рабочего класса и крестьянства. Если бы буржуазии действительно удалось все больше оттеснять *экономически* государственную промышленность и государственную торговлю, то это неизбежно повлекло бы за собою и растущее *политическое* влияние этой буржуазии на крестьянство. В настоящее время, когда кончилась гражданская война и когда главнейшей задачей является укрепление хозяйства, вполне понятно, что рост политического влияния рабочего класса на крестьянство, рост доверия этого крестьянства к Советской власти может быть обеспечен лишь в той мере, в какой Советская власть будет показывать себя способной к *хозяйственному* руководству всей страной. Если бы этого не было, если бы было обратное, то тогда *совершенно неизбежным окажется пе-*

реход политического влияния на крестьянство от пролетариата к буржуазии.

Если бы крестьянство ушло из-под политического руководства со стороны пролетариата и подпало бы под влияние буржуазии и частного капитала, то это неминуемо повлекло бы за собою падение Советской власти и водворение буржуазного режима, т. е. установление политического господства новой буржуазии и остатков старой буржуазии, разбитой во время великой революции. Первым делом такого нового правительства была бы неизбежно отмена всяческих национализаций, фабрики и заводы перешли бы в руки частных лиц, частных заводчиков и фабрикантов; была бы немедленно отменена национализация земли, и было бы введено разрешение полной *свободы торговли и спекуляции этой землей*; началась бы бешеная, горячечная *скупка этой земли*, в первую очередь той ее части, которая находится в руках бедноты, не имеющей достаточного инвентаря. Произошло бы в очень короткий срок гигантское *обезземеление крестьянства* и сосредоточение крупных земельных фондов (запасов) в распоряжении *ловких земельных спекулянтов*, которые частью сами превратились бы в *новых помещиков*, частью, перепродав эти земли другим богатым людям, способствовали бы тому, что из этих последних точно так же образовались бы *добавочные слои помещиков*. Эти новые помещики, само собою разумеется, начали бы сдавать часть своей земли в аренду крестьянам, заставляя их платить большие деньги в виде арендной платы. Таким образом, мы пришли бы снова к восстановлению порядков, чрезвычайно похожих на те порядки, которые смела наша революция и за уничтожение которых так героически боролись и рабочий класс, и крестьянство.

Новые правящие классы должны были бы платить полностью все долги царского правительства, все долги правительства Керенского, и, чтобы быть в состоянии выплатить эти поистине огромные суммы, они неизбежно должны были бы обложить неслыханной данью крестьянство, во много раз увеличив его налоговое обложение и беспощадно нажимая на рабочий класс для того, чтобы попытаться на хозяйских началах пустить в ход частную промышленность. Само собой разумеется, что были бы совершенно уничтожены не только советские органы, но и всякое подобие вмешательства со стороны рабочего клас-

са в ход производства; были бы уничтожены всяческие фабзавкомы, профессиональные союзы были бы лишены прав, рабочий класс целиком и полностью был бы устранен от всяческой командующей роли в производстве. Очень скоро и крестьянство поняло бы, что оно проиграло дело, что *разрыв союза между рабочим классом и крестьянством* привел к громадному ущербу для широких масс крестьянства, что он оказался на руку только и исключительно кулацкой верхушке, эксплуататорским слоям, т. е. *сельскохозяйственной буржуазии*. Массы вновь пришли бы в великое движение, крестьянство снова стало бы точить топоры и поднимать вилы на новых помещиков, и вся история началась бы сначала, с громадными потерями, при обессилении рабочего класса и обессилении крестьянства, при гораздо большей опытности буржуазии, при гораздо большей поддержке этой буржуазии со стороны всего иностранного капитала, не разделенного, как это было в 1917 г., своей собственной империалистической потасовкой.

Конечно, на самом деле *ничего этого не будет*. На самом деле будет совершенно другое. Наша государственная промышленность, наша государственная торговля, наша кооперация будут все более и более расти, все более и более оттеснять частного торговца и частного посредника, и в конце концов на этой почве рабочий класс будет все лучше и лучше притягивать под свое влияние и свое руководство широкие крестьянские массы, вовлекая их в дело *активного строительства нового режима, нового строя*. Мы пойдем не по обычному капиталистическому пути, мы пойдем и уже идем по совершенно самостоятельному пути, по своей собственной, особой, социалистической дороге. Это становится возможным, раз рабочий класс, поддержанный крестьянством, завоевал и укрепил свою государственную власть.

VI. СТОЛБОВОЙ ПУТЬ К СОЦИАЛИЗМУ В НАШЕЙ СТРАНЕ

Враги рабочего класса и крестьянства доказывали, что всякая попытка осуществить социалистический строй означает на самом деле не что иное, как всеобщее обеднение и «равенство в *нищете*». Враги рабочего класса, которые в годы нашей граж-

данской войны душили и мучили нашу страну и тем самым вызывали ее нищету и ее разорение, говорили, что эта нищета и разорение вытекают именно из самой сущности социализма и коммунизма. Конечно, все это сплошной вздор. Задача нашей партии заключается в том, чтобы поднять на небывалую высоту богатство нашей страны, а затем и всего мира: не богатство отдельных лиц, не богатство отдельных групп миллионеров, частных капиталистов, спекулянтов, банкиров, биржевиков и т. п., а богатство всего народа, всех трудящихся в целом, богатство страны и стран, которые отвоеваны от прежних господствующих классов. Мы должны быть проводниками наилучшей техники, наилучших способов обработки почвы, наилучших методов организации труда; словом, наша роль, наше значение в такое время, когда мы отвоевали власть у капиталистов и помещиков, сводится в первую очередь к тому, чтобы быть носителями всяческих хозяйственных улучшений. Что касается промышленности, то эти улучшения сводятся к тому, чтобы строить новые, все более крупные заводы, чтобы переходить на электрическую энергию, чтобы подводить основы электрификации под работу всей промышленности, чтобы вводить более правильную, более планомерную организацию этой промышленности и труда в ней; чтобы все больше и больше идти к такому порядку вещей, когда вся промышленность была бы объединена *общим планом*, при котором ничего не пропадает зря, не делается никаких лишних трат и расходов и при котором поэтому себестоимость производства на производимые продукты становится все меньшей и меньшей. Однако такого рода *плановое хозяйство* в промышленности само по себе немыслимо: ведь наша промышленность работает в огромной степени на *крестьянский рынок*, потребителями продуктов промышленного производства являются в первую очередь наши крестьянские хозяйства. Чтобы был точный план в промышленности, для этого необходимо знать, сколько будут потреблять крестьянские хозяйства, для этого нужно строго учитывать, сколько и каких продуктов будут запрашивать эти крестьянские хозяйства от государственной промышленности. Чтобы промышленность имела все больше и больше возможностей для своего развития, для этого необходимо, чтобы развивалось и *само крестьянское хозяйство*; а с другой стороны, необходимо также, чтобы это крестьянское хозяйство было само все более и

более *организованным*, было бы таким хозяйством, где отдельные дворы и отдельные маленькие хозяйства все больше и больше шли бы по пути *к взаимной связи друг с другом*. Очень часто приходится слышать со стороны крестьян жалобы на то, что они живут хуже рабочих, работают в день больше, не могут и мечтать ни о каком 8-часовом рабочем дне, и т. д. и т. п. Но ведь не трудно понять, что все это происходит из-за страшной отсталости самого крестьянского хозяйства по сравнению с фабрикой и крупным производством. Крестьянское хозяйство — это то же самое, что в области промышленного производства маленькое хозяйство ремесленника или кустаря: тот тоже сидит в своем маленьком хозяйстве, трудится дни и ночи напролет и тем не менее не может выдержать никакого сравнения с крупной фабрикой, на которой есть и лучшие машины, и лучшая организация труда, и лучшее использование топлива, сырья и пр. Таким образом, если крестьянство хочет добиться всерьез и надолго крупных улучшений в своей жизни, оно должно идти *по пути к своему объединению*. Само собой разумеется, что нельзя думать, будто можно уговорить или даже будто следует уговаривать крестьянство *сразу* переходить всем до одного к *объединению своих земельных наделов*. Старые привычки и старые способы хозяйства так въелись в людей, что переломить круто эти привычки не представляется возможным. И тем не менее крестьянство, исходя *из интересов своего частного хозяйства*, отдельного и маленького двора, *неизбежно пойдет по пути своего объединения и тем самым все дружнее будет смыкаться с пролетарской государственной промышленностью*. Каким образом можно представить себе это развитие? Это развитие пойдет через *кооперацию*. Любое крестьянское хозяйство заинтересовано в том, чтобы лучше и выгоднее *сбывать* продукты своего производства, любое крестьянское хозяйство заинтересовано в том, чтобы возможно выгоднее и дешевле *покупать* необходимые ему продукты городской промышленности: и по линии так называемого потребительского спроса (покупка мануфактуры, обуви и тому подобных продуктов непосредственного потребления), и по линии спроса производительного (закупка всевозможных средств производства, как-то: улучшенных семян, сельскохозяйственных орудий и пр.). Точно так же любое частное крестьянское маленькое хозяйство заинтересовано в том, чтобы иметь в случае нужды воз-

можно более дешевый кредит. И вот это обстоятельство, которое не только не противоречит интересам частного хозяйства, но непосредственно из этих интересов вытекает и этими интересами диктуется, это обстоятельство толкает крестьянство на путь его *кооперативного объединения*. Так было решительно повсюду, решительно во всех странах мира. Чтобы выгоднее закупать продукты промышленности или продукты сельского хозяйства других стран (например, лучшие семена или лучшие породы скота и т. д.), крестьянство организовывало закупочные кооперативные общества. Отдельные крестьяне организовывались, совместно создавали кооператив, выбирали правление своего кооператива, вносили паи и получали, таким образом, возможность гораздо более организованным путем покупать необходимые им предметы. Здесь вместо отдельных лиц, действовавших вразброд, на свой страх и риск, выступала уже целая организация, которая имела возможность лучше разузнать, где выгоднее и что выгоднее купить, которой продавец, естественно, доверял больше, чем отдельному лицу, и поэтому готов был идти на известный кредит; так как, с другой стороны, такая организация покупала гораздо больше, чем отдельное лицо, отдельный крестьянин, и так как оптовые цены всегда дешевле, чем цены розничные, то совершенно понятно, что при такого рода кооперативных закупках крестьяне-покупщики сберегали себе изрядное количество грошей; если при этом принять в соображение, что общая перевозка и организованное распределение дают тоже немало выгоды, по сравнению с тем случаем, когда каждый крестьянин отдельно должен запрягать свою кобылу, ехать в город и каждый отдельно привозить необходимый ему товар, то станет понятным, что и этого рода расходы точно так же во много раз уменьшаются при кооперативных закупках. Таким образом, отдельное крестьянское хозяйство, ни капли не нарушая обычных для него способов ведения хозяйства, в то же самое время, под влиянием своих же собственных, частных, мелкохозяйских интересов, приходит к созданию *общественных* организаций, именно кооперативов по закупкам.

Или возьмем другой случай, а именно *продажу продуктов крестьянского производства*: продажу молока, яиц, мяса, хлеба и т. д. Если отдельный крестьянин или крестьянка тащится со своей кружкой и ведром вразброд и особо на городской рынок, то это одно; если же кресть-

яне объединяются в общий кооператив по сбыту, то они, благодаря лучшему знакомству с запросами рынка, лучшей организации поставки, экономии на всех накладных расходах, транспорте, перевозке, хранении и пр., неизбежно выигрывают и тем самым получают больше дохода, чем в том случае, когда они выступают отдельно и неорганизованно. Общий *сбыт* продуктов своего производства в некоторых отраслях производства приводит довольно быстро и *к организации самого производства*. Так, например, почти во всех странах, в том числе и у нас, замечалось и замечается, что крестьяне, имеющие кооперативы по сбыту молока, быстро заинтересовываются в том, чтобы перейти и к совместной продаже через свои кооперативы всевозможного рода *молочных продуктов*, как-то: сыра, масла и пр. А отсюда один шаг к тому, чтобы перейти к организации общих кооперативных *маслобойных заводов* или кооперативных *сыроварен*. Отдельные крестьянские дворы организуют общий маслобойный завод, выписывают и сообща закупают нужные машины — сепараторы и пр. В этот маслобойный завод несут молоко, производимое в их отдельных хозяйствах, и затем получают соответствующую выручку путем организованной кооперативом продажи масла, сыра и т. д. В результате эта выручка, идущая, за известными вычетами на содержание и развитие общего кооператива, в карман частного хозяйства, оказывается неизбежно выше, чем та выручка, которая получается у отдельных, не организованных в кооперативы производителей. Здесь мы видим, следовательно, такой случай, когда от организации торговли крестьяне переходят уже *к организации совместного производства*.

Так же обстоит дело, например, и в таких районах, где производится картофель. Там нередко крестьяне приходят к необходимости организовать собственные заводы, занимающиеся *переработкой картофеля*,— крахмалотерочные заводы. Сходные общие кооперативные предприятия имеются и в других отраслях: например, сушка фруктов и овощей, кооперативное производство вина в районах, где крестьянство занимается возделыванием винограда, производство консервов из рыбы в тех местностях, где крестьянство занимается по преимуществу рыболовством, и т. д. и т. п.

Наконец, кооперативные организации *кредита* точно так же ни в малой степени не противоречат интересам

частного производителя-крестьянина. Наоборот, кредитные кооперативные товарищества точно так же, как и кооперативы по сбыту и по закупкам, а равно и по организации отдельных производственных отраслей, неизбежно приносят выгоду этим крестьянским хозяйствам; и поэтому совершенно не случайно, что во всех странах крестьянство идет по этому пути.

Однако есть существенная, прямо-таки гигантская разница между условиями развития сельскохозяйственной кооперации в капиталистических странах, с одной стороны, в нашем Советском Союзе — с другой. При капиталистическом режиме все виды крестьянской кооперации неизбежно подпадают под влияние капиталистического хозяйства. Громадная мощная промышленность находится в руках у буржуазии, могущественная кредитная система, во главе с чрезвычайно сильными банками, принадлежит кучке крупнейших капиталистов, транспорт, железные дороги находятся точно так же в руках либо частных капиталистов, либо буржуазного государства. Весь город, по сути дела, находится в распоряжении буржуазии; его влияние на деревню, в которой, кроме того, командуют помещичье-капиталистические верхушки, владельцы огромных имений,— это влияние является решающим. Кооперативные организации при таком положении вещей, если они развиваются, неизбежно *подпадают под хозяйственное руководство буржуазии и помещиков*, постепенно срастаются с хозяйственными организациями этих капиталистов и помещиков и в значительнейшей мере сами превращаются в особого рода капиталистические организации, опирающиеся на использование и эксплуатацию наемного труда. В самом деле, предположим, что у сельскохозяйственной кооперации, все равно какой, имеется свободный капитал, который неизбежно образуется, если только эта кооперация развивается, а не чахнет. Само собой понятно, что в целом ряде случаев — и чем дальше, тем больше — этот свободный капитал вкладывается непосредственно или косвенно в различного рода банковые учреждения (или в частные банки, или в государственный банк, который находится в распоряжении буржуазного государства). В этом случае получается «сращивание» между *кооперативной организацией и буржуазным банком.* Кооперация попадает в несомненную зависимость от этого банка и через такого рода экономическую смычку *подчиняется хозяйственному (а в*

силу этого, политическому) руководству со стороны буржуазии. Если мы имеем перед собою закупочные кооперативы, то этим кооперативам приходится иметь дело с буржуазными синдикатами и трестами, т. е. с организациями крупных заводчиков и фабрикантов. И здесь неизбежно получается, таким образом, *экономическая смычка и экономическая зависимость от организаций крупного капитала*, которые связываются с кооперативами целой сетью взаимных договоров относительно поставок, кредитных обязательств и т. п.

Точно так же обстоит дело, если речь идет о *кредитных товариществах*, которые еще более тесно связываются с буржуазными банками и попадают в непосредственную от них зависимость. Таким образом, общие условия развития кооперации в пределах капиталистического строя, даже в том случае, если кооперативные организации являются организациями неэксплуататорских слоев крестьянства, т. е. не кулацкими организациями, а организациями трудового крестьянства,— даже в этом случае эти кооперативы неизбежно, самим ходом вещей, в силу общих условий своего развития, в силу того, что они вынуждены работать в тех рамках, которые ставит им господство капиталистического строя, *превращаются в органы громадной хозяйственной машины капиталистического порядка, частями которой они необходимо становятся.* Кооперативные организации, таким образом, *врастают* в общекапиталистический механизм, становятся его составной частью, растут с ним, сами превращаются в своего рода капиталистические предприятия.

Наконец, огромнейшее значение имеет то обстоятельство, что в условиях капиталистического строя, где вся наука, вся техника, все образование, вся школа и вся пресса (печать) находятся в распоряжении буржуазии, *кадровый состав кооперативов* (члены правлений, руководящие и командующие люди, советчики, агрономы, счетоводы и т. д.) происходит обычно из буржуазных слоев. Поэтому они в кооперативах гнут такую линию, которая выгодна для господствующей буржуазии, линию, которая всячески замазывает противоположность интересов между трудом и капиталом, между крестьянами и помещиками. Нередко можно видеть в Западной Европе и Америке, что во главе кооперативных крестьянских организаций стоят даже крупные помещики, попы и пре-

данные им не за страх, а за совесть различного рода их агенты.

Если какая-нибудь кооперативная организация пожелала бы вести свою особую, самостоятельную, против капитализма направленную политику, то она неизбежно была бы тем самым обречена на гибель, она подверглась бы своеобразному хозяйственному бойкоту со стороны мощных капиталистических организаций: она не получала бы кредита или получала бы его на худших условиях, чем другая кооперативная организация, настроенная верноподданнически по отношению к капитализму; она не могла бы нигде покупать необходимые ей продукты промышленности на таких же условиях, как другие кооперативы, и т. д.

Все эти причины определяют собою путь развития крестьянской кооперации в условиях капиталистического хозяйства.

Совсем другие условия имеются налицо при нашем строе, т. е. при строе пролетарской диктатуры. Общие рамки кооперативного развития определяются у нас не тем, что фабрики, заводы, рудники, железные дороги и банки находятся в руках у буржуазии, а тем, что вся крупная промышленность, транспорт и кредитная система *находятся в распоряжении пролетарского государства.* Следовательно, если у нас, при общем развитии производительных сил в нашей стране, город все в большей степени будет становиться хозяйственным руководителем деревни и все в большей степени будет налаживать экономическую смычку, то, если будет крепнуть наше государственное хозяйство, это будет означать растущую смычку *пролетариата* с крестьянством. Крестьянская кооперация будет неизбежно *врастать* в систему *пролетарских* хозяйственных органов, точно так же, как в условиях режима буржуазного она врастает в систему органов хозяйства *капиталистического.* Если при капиталистическом режиме всякая кооперативная организация, которая захотела бы стать на путь развития, противоречащий капитализму, постепенно душилась кредитными и другими хозяйственными учреждениями буржуазии, то в условиях пролетарской диктатуры, наоборот, будут пользоваться всемерной поддержкой именно трудовые кооперативы, кооперативы середняков и бедноты, которые будут получать льготы по сравнению с кооперативами кулаков и деревенских богатеев, т. е. сельскохозяйственной

буржуазии. Наконец, *кадровый состав кооперации*, кооперативные работники, кооперативные служащие и руководители всех видов при пролетарской диктатуре образовываются не буржуазией, а специально обучаются и готовятся в соответствующих учебных заведениях и на практике *таким* образом, чтобы все лучше и лучше вести работу, необходимую с точки зрения строительства нового общества, а не с точки зрения служения крупному капиталу. Здесь видна вся громадная разница между условиями развития деревни при господстве капитализма и условиями развития этой деревни при господстве пролетарской диктатуры. Нельзя себе представлять, что развитие при нашем строе будет таким же, как и при строе капиталистическом. Власть Советов, диктатура рабочего класса вовсе не есть только *политическая власть*, и наше государство отличается от буржуазного государства не только тем, что оно находится в распоряжении другого класса, но также и тем, что оно держит в своих руках всю крупную промышленность и транспорт и поэтому является громаднейшей, мощной экономической, *хозяйственной* силой, силой, которая накладывает свой отпечаток на все развитие страны в целом, и в том числе на все развитие деревенских отношений.

Если крестьянские кооперативы будут, в общем и целом, врастать в систему хозяйственных органов пролетарского государства, это будет означать хозяйственное руководство со стороны пролетариата, это будет означать укрепление союза рабочих и крестьян, это будет означать, что мы идем крупными шагами по пути к социализму.

В самом деле, при общем подъеме народного хозяйства у нас будет расти все больше и больше государственная промышленность, которая все теснее и теснее, через кооперацию, будет срастаться с крестьянским хозяйством. Само крестьянское хозяйство будет, незаметно для себя и все время с выгодой для себя, постепенно и медленно переделываться и перерабатываться. Прежде распыленные и раздробленные, ничем хозяйственно между собой не связанные, крестьянские дворы все больше и больше будут объединяться между собою на почве закупок, продажи и кредита, смыкаясь на этом деле с хозяйственными органами пролетарского государства. С другой стороны, от общественных закупок и общественных продаж, от общих организаций кредита крестьяне будут

постепенно переходить к организации своих кооперативных маслобойных заводов и вообще заводов и фабрик по переработке продуктов земледельческого хозяйства и животноводства.

Этот процесс организации будет идти все дальше и глубже, по мере того как крестьянство на собственном опыте будет все больше и больше убеждаться в выгодности перехода к коллективным формам труда. Через совместную закупку машин крестьяне будут переходить и к коллективному использованию их. Отрасль за отраслью крестьянское хозяйство будет, таким образом, подобно маслобойным заводам, организовываться уже на новых началах. Вместе с этим развитие крупной городской промышленности и возрастающее накопление материальных средств государственного хозяйства дадут возможность усиленной *электрификации* сельского хозяйства. Подача электрической энергии целому ряду крестьянских хозяйств окажет, в свою очередь, еще более мощный толчок к переходу на коллективные формы обработки самой земли, потому что с переходом на электрическую энергию будет становиться уже совсем ясным вся выгода коллективных форм использования этой электрической энергии. Ибо на долю каждого крестьянского двора, на долю каждого отдельного крестьянского хозяйства будет падать гораздо меньшее количество расходов, если трата электрической энергии будет производиться не отдельным крестьянским двором, а целыми объединениями этих дворов. Таким образом, процесс организации крестьянского хозяйства, который начнется с кооперативной организации торговли, перекидывается постепенно, через организацию производства по переработке продуктов крестьянского хозяйства, и на сельскохозяйственное производство в прямом смысле этого слова. С переходом на электрификацию этот процесс получает свое наиболее полное завершение. Так растет все более и более становящаяся *организованной* система крестьянских хозяйств, которые из отдельных и распыленных единиц превращаются в одно организованное целое. Крестьянские хозяйства постепенно переделывают свою собственную природу, смыкаются вместе и срастаются в одно, еще более громадное целое с *государственной промышленностью.* А такого рода хозяйственная цепь, которая организована во всех своих частях, по сути дела, и есть социализм.

Таким путем мы приходим к социализму, несмотря на хозяйственную и техническую отсталость, которой теперь отличается еще наша страна. Конечно, этот путь в условиях технической и экономической отсталости есть путь очень долгий. Но тем не менее это есть верный путь, путь, по которому мы придем к социализму, если только будем вести правильную политику по отношению к крестьянству.

VII. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ДОЛЖНЫ ВЗАИМНО ПОМОГАТЬ ДРУГ ДРУГУ

Общий подъем нашего хозяйства, подъем промышленности, с одной стороны, и подъем крестьянского хозяйства — с другой, означают одну из величайших побед, которую сделала наша революция. Но в то же самое время этот хозяйственный рост сопровождается особого рода «болезнями» роста, т. е. скрывает в себе некоторые своеобразные противоречия, которые могут быть опасны, если наиболее сознательная часть трудящихся, авангард рабочего класса — наша партия, не сумеет их вовремя разглядеть и достаточно ясно объяснить их широким слоям трудящихся. Дело в том, что уже прошло время, когда крестьянин ясно помнил и постоянно имел в уме, что рабочий класс и его партия дали ему помещичью землю и помогли смести с лица нашей страны весь помещичий класс в целом. С переходом на мирную хозяйственную работу и с началом подъема крестьянского хозяйства, равно и государственной индустрии, крестьянское хозяйство все больше и больше становится хозяйством товарным, т. е. производит все возрастающую часть своей продукции для сбыта на продажу. Чем больше крестьянское хозяйство вылезает из нищеты, тем большая часть всего того, что производится внутри этого хозяйства, идет на рынок, выменивается на деньги, а на эти деньги, в свою очередь, происходит покупка других товаров, которые в крестьянском хозяйстве не производятся, но которые ему нужны. Эти продукты идут в первую очередь со стороны нашей государственной промышленности. Таким образом, крестьянин сталкивается на рынке с государственной промышленностью, находящейся в руках рабочего класса. При этом, если речь идет о продуктах сельского хозяйства, выступает

как продавец, а городское население, и в первую очередь рабочий класс, выступает как покупатель. Если же речь идет о продуктах государственной промышленности, то рабочий класс, организованный в государственную власть, выступает в качестве продавца, тогда как крестьянин выступает здесь в качестве покупателя. Но, как известно, интересы покупателя и продавца на рынке противоположны: покупатель заинтересован в том, чтобы купить товар возможно более дешево, тогда как продавец непосредственно заинтересован в том, чтобы продать свой товар по более высокой цене. Чем больше развивается хозяйство в данный период, т. е. *до* осуществления единого организованного хозяйства и крестьянских дворов, и государственных фабрик, тем все более существенным вопросом становится *вопрос о ценах*: о ценах на продукты сельского хозяйства, с одной стороны, о ценах на продукты государственной промышленности — с другой. Мы видим, таким образом, что здесь налицо имеется *непосредственное противоречие интересов* у рабочего класса с крестьянством. Это противоречие неизбежно порождает трения между обоими основными трудящимися классами нашей страны, трения, которые представляют известного рода опасность для рабоче-крестьянского блока.

В чем здесь, однако, дело? Есть ли противоречие интересов между рабочим классом и крестьянством — неразрешимое противоречие? И не скрываются ли за этим противоречием в то же самое время какие-нибудь более коренные интересы, общие у рабочего класса с крестьянством? Мы уже видели: *основной и самый общий интерес обоих классов лежит в их совместном движении к социализму*, что невозможно без упрочения союза рабочих и крестьян и без руководящей роли рабочего класса в этом союзе. Но этот основной и самый коренной интерес рабочего класса и крестьянства находит свое выражение в необходимости *взаимной помощи со стороны промышленности и сельского хозяйства, которые в самой основе своей зависят друг от друга.* Наша промышленность работает, как мы уже об этом говорили, прежде и раньше всего на крестьянский рынок. Она и раньше в своем развитии зависела от этого рынка, но в условиях пролетарской диктатуры она неизбежно зависит от этого рынка в *еще большей* степени, чем при старом режиме: во-первых, у нас отпадает *внешний рынок*, потому что мы не ведем той грабительской политики, политики захвата

новых областей, которую вел царизм; во-вторых, у нас отпадают заказы на флот, военно-морские сооружения и целый ряд громадных военных заказов вообще, ибо мы неизмеримо в меньшей степени тратим на наши военные нужды [14], так как ограничиваемся лишь одной обороной страны, ни в коем случае не имея каких бы то ни было завоевательных целей; отсюда необходимость переоборудования ряда заводов и перевода их с производства военных предметов на производство предметов мирных, необходимых для сельскохозяйственного труда,— в первую очередь сельскохозяйственных орудий и сельскохозяйственного инвентаря; в-третьих, политическая необходимость укрепления диктатуры пролетариата и укрепления влияния рабочего класса на крестьянство диктует нам точно так же гораздо большее внимание к крестьянскому рынку.

Наша промышленность, таким образом, зависит в своем развитии от крестьянского хозяйства. Наша промышленность развивается тем быстрее, чем больше платежеспособный спрос со стороны крестьянства. *Накопление в нашей промышленности идет тем быстрее, чем быстрее идет накопление в нашем крестьянском хозяйстве*, т. е. чем скорее это крестьянское хозяйство выходит из нищеты, чем больше оно богатеет, чем больше покупает оно сельскохозяйственных орудий и машин, чем скорее улучшает оно свою технику, чем быстрее переходит на новую форму обработки земли и чем больше поэтому становится в состоянии покупать у городской промышленности. В свою очередь, развитие крестьянского хозяйства немыслимо без развития городской промышленности. Для того чтобы идти вперед, сельское хозяйство нуждается в продуктах, которые в нем не производятся, а идут из различных отраслей нашей промышленности. Если бы в один прекрасный день кончилась жизнь нашей промышленности, тогда сельское хозяйство было бы обречено на жалкое прозябание, оно должно было бы ограничиться самыми примитивными, самыми первобытными способами обработки земли; в лучшем случае оно должно было бы вечно топтаться на месте и не в состоянии было бы сделать ни одного сколько бы то ни было заметного шага вперед. И наоборот, если развивается промышленность (*металлическая*, с выделкой сельскохозяйственных машин; *химическая*, с изготовлением разного рода удобрений и т. д.), то сельское хозяйство начинает иметь в этой

промышленности своего могучего помощника и свою опору, которая сможет в конце концов перевернуть старые способы обработки земли и быстро двинуть вперед дело развития производительных сил всего сельского хозяйства. *Таким образом, промышленность нуждается для своего развития в успехах сельского хозяйства, и наоборот, сельское хозяйство для своих успехов нуждается в развитии промышленности.* Эта взаимная зависимость друг от друга есть *самое коренное*, что должно определять собою правильную политику со стороны руководящей партии, обязанность которой в первую очередь состоит в том, чтобы частные и преходящие, моментальные и временные, второстепенные и производные интересы подчинять интересам постоянным, наиболее общим, наиболее коренным и основным.

Мы должны в настоящее время помнить, что наша политика должна быть рассчитана не на один год, а на целый ряд лет. В настоящее время наша забота состоит не в том, чтобы как-нибудь удержаться у власти (ибо в настоящее время Советская власть твердо и прочно стоит на ногах); нам нужно думать о том, чтобы проводить политический план, рассчитанный на долгие-долгие годы. Если бы речь шла лишь о том, чтобы разделить между рабочим классом и крестьянством ту сумму национального дохода, которая получается в результате годового труда в нашей стране, и если бы речь шла *только* об этом и не шла бы ни о чем другом, то тогда, разумеется, нелепо было бы говорить рабочему классу: «не бери слишком много», или уговаривать крестьянство, чтобы оно занималось самоограничением: при таком положении вещей, конечно, каждый из классов неизбежно руководствовался бы своим *непосредственным* интересом и стремился бы забрать себе возможно большую долю из совокупного национального дохода, т. е. из всего дохода страны.

Однако мы живем и надеемся жить вовсе не один год; мы надеемся жить долгие, долгие годы, мы надеемся идти все время вперед по пути к социализму. И поэтому задача, стоящая перед нами, задача, стоящая перед обоими классами, вовсе не так проста, как в только что приведенном случае. Если бы эта задача состояла только в дележе *раз и навсегда данного дохода*, общего дохода страны, который *неизменен*, который раз и навсегда определен, который представляет некоторую неиз-

меняющуюся, *постоянную*, величину, тогда, конечно, невозможно было бы никакое быстрое развитие, мы постоянно топтались бы на одном месте. Но ведь не в этом дело. Дело заключается в том, *чтобы постоянно повышать общий национальный доход, постоянно увеличивать и увеличивать количество и ценность товаров, ежегодно производимых в нашей стране, и следовательно, увеличивать национальный доход, весь доход всего общества в целом.*

Если увеличивается общая сумма национального дохода, то тогда есть из чего производить и дележку; если из года в год эта сумма национального дохода *постоянно увеличивается и растет, то тогда ежегодно и на долю рабочего класса, и на долю крестьянства будет приходиться все большая и большая сумма ценностей, и материальное положение обоих классов будет быстро улучшаться.* Поэтому и с точки зрения рабочего класса, и с точки зрения коренных интересов крестьянства, развивающего свое хозяйство в условиях Советской власти, необходимо вести такую политику, *которая обеспечивала бы в первую голову и в первую очередь развитие производительных сил государственной промышленности и крестьянского хозяйства*, а следовательно, из года в год все быстрее идущее возрастание национального дохода.

С этой точки зрения нужно обсуждать *все* вопросы нашей экономической политики и с этой точки зрения необходимо точно так же обсуждать и *вопрос о политике цен.* Предположим, что какая-нибудь группа рабочих говорит нам: «У нас, рабочих, в руках крупная промышленность, мы вольны ставить высокие цены, давайте их ставить, чтобы получить возможно больше прибыли для нашей промышленности; если эта промышленность будет получать большую прибыль, то она будет в состоянии больше платить рабочему, и поэтому в наших интересах политика высоких цен на продукцию нашей промышленности; всякое отступление от такой политики означало бы не что иное, как уступку мелкой буржуазии, означало бы отступление от чисто пролетарской линии».

Было бы правильным такое мнение? Конечно, оно было бы неправильным, а предполагаемая политика была бы вовсе не пролетарской политикой, а была бы политикой цеховой, ограниченной, тупой, не видящей дальше своего носа, т. е. попросту была бы *глупой* политикой. Эта политика предполагала бы *непонимание основной*

связи между государственной промышленностью и сельским крестьянским хозяйством, она неизбежно привела бы к тому, что сама государственная промышленность через короткий срок остановилась бы в своем развитии, натолкнувшись на слабую покупательную силу со стороны крестьянского рынка. Можно было бы при такой политике получать, быть может, довольно высокую прибыль в *ближайшие* годы за счет подрыва крестьянского хозяйства, но эта политика жестоко отомстила бы за себя через небольшой промежуток времени. Государственная промышленность неизбежно *лишилась бы рынка сбыта*, который в таких условиях был бы обречен на резкое сокращение, и вместо дальнейшего развития и непрерывного поступательного хода промышленности настал бы жестокий кризис, который отбросил бы эту промышленность далеко назад. В случае продолжения такой политики мы имели бы хронический промышленный застой и если не попятное движение, то, во всяком случае, бессмысленное топтание на месте [15].

Предположим, с другой стороны, что известные широкие слои крестьянства смогли бы проводить на деле такую политику, которая путем чрезвычайно высокой цены на хлеб и сырье подрезала бы возможности дальнейшего развития промышленности. Тогда, при таких условиях, взявши довольно много за один хозяйственный год, сельское хозяйство через некоторый промежуток времени стало бы страдать от невозможности восстановления своего сельскохозяйственного инвентаря, не говоря уже о том, чтобы переходить к дальнейшему улучшению способов ведения своего хозяйства. Таким образом, и здесь близорукая, ограниченная, не видящая связи между городом и деревней политика неизбежно привела бы к падению национального дохода и тем самым к ухудшению материального положения обоих основных классов нашего советского общества.

Отсюда вытекает, что *противоречие между рабочим классом и крестьянством, о котором мы говорили выше, является противоречием сравнительно второстепенного порядка* и что с точки зрения правильно понятых интересов и рабочего класса, и крестьянства необходимо вести такую политику, которая давала бы простор наиболее полному развитию производительных сил. Рабочий класс с точки зрения своих собственных интересов должен прилагать все усилия к тому, чтобы возможно быстрее

налаживать свое производство, возможно дешевле производить продукты государственной промышленности и возможно дешевле продавать эти продукты, выигрывая, с одной стороны, на все большей массе продаваемых продуктов, а с другой стороны, обеспечивая каждый год все большее и большее расширение всего народного хозяйства.

Совершенно нельзя смешивать положение рабочего класса, *стоящего у власти*, с положением рабочего класса, который только еще *борется* за эту власть. Когда рабочий класс только борется за свою власть, *не его* забота — забота о всем народном хозяйстве в целом, *не его* забота о росте национального дохода, *не его* забота о цельности всего общества. Наоборот, основной и коренной его интерес заключается в том, чтобы разломать, разбить, разрушить капиталистическое общество. Когда же рабочий класс является классом, стоящим у власти, он становится руководителем всего общества в целом, забота о росте национального дохода есть его собственная забота, забота о развитии производительных сил есть точно так же его собственная забота, интересы развития народного хозяйства точно так же суть его собственные интересы. Это нужно понять, и из этого нужно исходить при определении нашей политики. Мы видим, таким образом, что взаимно связанные промышленность и сельское хозяйство есть основной факт, из которого нужно исходить, а *необходимость взаимной помощи промышленности и сельского хозяйства есть основное условие для прочности рабоче-крестьянского блока, без которого немыслимо движение к социализму.*

VIII. РОСТ КООПЕРАЦИИ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ДЕРЕВНЕ

Когда мы говорим, что в условиях пролетарской диктатуры рост кооперации означает, по сути дела, рост социализма [16], это вовсе не означает еще, что весь этот процесс будет проходить совершенно гладко, без внутренних трений. Наоборот, можно сказать, что ход развития через кооперацию к социализму будет сопровождаться, в особенности первое время, т. е. до тех пор, пока государственная промышленность не в состоянии будет подвести фундамент электри-

фикации под все сельское хозяйство, *классовой борьбой* между различными группами и различными слоями крестьянства, которые, со своей стороны, будут находиться в разных отношениях с рабочим классом. Сейчас у нас, как мы уже об этом говорили раньше, имеется налицо целый ряд слоев в крестьянстве, неодинаковых по своему социальному положению. Эти разные слои крестьянства, несомненно, будут по-разному строить кооперацию и в ходе кооперативного строительства будут бороться между собою за влияние. Уже самые задачи и цели, которые ставят себе кооперативные организации, несколько разнятся в зависимости от того, какой слой крестьянства имеется в виду. Если, например, мы говорим о крестьянской бедноте, о безлошадных, которые не в состоянии справиться со своими наделами, у которых нет инвентаря и самых элементарных средств производства, то нам будет совершенно ясно, что эти слои крестьянства должны неизбежно тяготеть к разного рода коллективным хозяйствам (колхозам) в непосредственном смысле этого слова. Организовывать теперь же товарищества по сбыту своих продуктов им невозможно, потому что, по сути дела, им и сбывать-то почти нечего; они должны пройти еще через такую полосу своего развития, когда они будут становиться на ноги и мало-мальски поднимать производство, чтобы потом перейти уже к сбыту все большей части своей продукции на рынок. Пока они не достигли такой ступени своего развития, т. е. пока они еще переживают время отчаянной нужды, самым важным для них является общая закупка инвентаря, рабочего скота, машин и совместное использование этого скота и этих машин на коллективных началах. Поэтому *колхозы* являются естественной формой организации *бедняцких* хозяйств. Однако нужно сказать, что непосредственный переход к такого рода хозяйству требует очень крупной ломки старых привычек, унаследованных от дедов и отцов, и поэтому вряд ли можно думать, что колхозное движение захватит собою *всю* широкую массу крестьянской бедноты. Середняцкие хозяйства, поднимаясь и становясь все более и более прочно на ноги, будут, конечно, организовываться в сельскохозяйственную кооперацию по всем трем основным линиям, о которых мы писали выше: и по линии закупок, и по линии сбыта, и по линии кредита. *Основной* массой, основным ядром крестьянства, является в первую очередь *крестьянин-*

середняк. Поэтому *основной* формой кооперации является точно так же *сельскохозяйственная кооперация* соответствующего вида. Зажиточные и крупные крестьяне равным образом будут стремиться создавать свои кооперативные организации, в том числе и кредитные, и будут стараться делать эти организации своими опорными пунктами. Так как классовая борьба в деревне начнет отмирать еще только через очень значительный промежуток времени, так как в ближайшем будущем мы будем иметь перед собою процесс *расслоения* крестьянства, т. е. выделение его зажиточной верхушки, с одной стороны, и сельскохозяйственных пролетариев и полупролетариев — с другой, то совершенно очевидно, что будет идти классовая борьба и *между* различными ячейками общекооперативной организации, и *внутри* одних и тех же кооперативов: вопрос о выборах правления, о выборах должностных лиц, о паях и об их величине, об уставе кооперативных организаций, о политике, которую должно вести правление, и т. д. и т. п.; на всех этих отдельных вопросах будут развиваться целые («мирные», конечно) сражения между различными слоями крестьянства.

Таким образом, картина будет представляться довольно пестрой. В общей сети кооперативных организаций мы будем иметь и кулацкие ячейки, быть может, иногда и чисто кулацкие, и бедняцкие, и середняцкие, и ячейки смешанного типа. Однако в этой картине будет все же известный *основной фон*. Ведь нужно иметь в виду, что, несмотря на процесс расслоения крестьянства, все же будет сохраняться его *основное ядро, а именно крестьянин-середняк*, эта, как выражался тов. Ленин, «центральная фигура нашего земледелия»[17]. Если даже в условиях капитализма, при капиталистическом городе и при диктатуре буржуазии, сохраняется все же относительно довольно устойчиво слой средних крестьян, то в условиях рабочей диктатуры крестьянство будет разлагаться нисколько не более быстро, а, наоборот, *более медленно*. С другой стороны, по мере того как государственная власть будет все больше и больше оказываться в состоянии подавать руку материальной помощи крестьянской бедноте и середняку, мы будем иметь *новый поворот к поравнению, но уже на совершенно иных основаниях, чем раньше*. Раньше мы в той или иной форме отнимали у зажиточных, у кулаков, и отдавали отнятое беднякам, т. е. зажиточных делали более бедными, и та-

ким образом достигали, как это было, например, во время комбедов, известного поравнения. Теперь же будет другое, а именно: все быстрее и быстрее будут вылезать из нищеты крестьянин-середняк и бедняк при помощи своих кооперативных организаций, пользующихся особым покровительством, особыми льготами, особой поддержкой, материальной и всякой иной, со стороны государственной власти рабочего класса.

Чем больше будет двигаться вперед все народное хозяйство в целом и чем быстрее будет расти наша государственная промышленность, тем все более мощной будет поддержка именно этих слоев крестьянства, которые будут по уровню своей жизни *догонять* зажиточную деревенскую верхушку, но которые в то же самое время будут расти не за счет эксплуатации, не за счет чужого труда, а в силу *улучшенных способов ведения своего хозяйства и объединения усилий ряда крестьянских дворов через кооперативную организацию*, которые будут, следовательно, переходить ко все более и более коллективной форме хозяйствования. Таким образом, основная сеть наших кооперативных крестьянских организаций будет состоять из кооперативных ячеек не кулацкого, а «*трудового*» типа, ячеек, врастающих в систему наших общегосударственных органов и становящихся таким путем *звеньями единой цепи социалистического хозяйства*. С другой стороны, кулацкие кооперативные гнезда будут точно так же, через банки и т. д. врастать в эту же систему; но они будут до известной степени чужеродным телом, подобно, например, концессионным предприятиям [18]. Что будет с этого рода кулацкими кооперациями в дальнейшем? Предположим, например, что у нас есть кредитное товарищество, во главе которого стоят кулаки, пользующиеся там всем авторитетом. Этот кулацкий кооператив, если он хочет процветать, неизбежно должен быть, так же как и все прочие, связан с экономическими государственными органами; он, например, будет вносить свою свободную наличность в наши банки для того, чтобы получать определенный процент; даже в том случае, если бы возникли свои собственные банковские организации у подобного рода кооперативов, все равно они неминуемо должны были бы быть связанными с могущественными кредитными учреждениями пролетарского государства, имеющими в своем распоряжении основные кредитные средства страны. Кулаку и кулацким организа-

циям все равно некуда будет податься, ибо общие рамки развития в нашей стране *заранее даны строем пролетарской диктатуры и уже в значительной степени выросшей мощью хозяйственных организаций этой диктатуры.* Если кулак является волей-неволей вкладчиком в наши банки, если он волей-неволей начинает быть связанным целым рядом отношений с нашими хозяйственными органами, то он неизбежно будет втиснут в определенные границы. Конечно, можно, вообще говоря, было бы представить себе такое положение вещей, когда кулацкое хозяйство нарастало бы со страшной стремительностью, когда накопление в этих хозяйствах шло бы гораздо быстрее, чем во всей государственной промышленности, и когда кулак, таким образом, *перерос бы* всю остальную экономику и, сомкнувшись с частным торговым капиталом, опрокинул бы весь строй — и экономический, и политический — пролетарской диктатуры. Но это предположение является совершенно невероятным. Ибо предположить, что кулацкие хозяйства будут расти быстрее, чем вся государственная промышленность,— это означало бы предположить нечто, прямо противоположное действительности. При развитии нашего народного хозяйства в целом *быстрее всего будет развиваться ставшая уже на ноги крупная промышленность*, которая находится целиком в руках пролетарского государства. Этот рост будет определять собою все и будет служить достаточной гарантией того, что кулак, или зажиточный крестьянин, нанимающий нескольких сельскохозяйственных рабочих, должен будет подчиняться нашему общему строю.

Пролетарское государство, которое заинтересовано в росте «некапиталистических», т. е. социалистических, форм хозяйства, само собою разумеется, не может относиться одинаково к кооперативам кулацкого типа; оно будет, как мы уже упоминали выше, всемерно поддерживать кооперативы бедноты и середняков. В этом, между прочим, будет выражаться классовая борьба, классовая помощь пролетариата наиболее близким к нему слоям в борьбе этих слоев против кулаков или сельскохозяйственной буржуазии.

IX. СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА И ФОРМЫ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

В нашей стране в настоящее время имеются три класса, из которых два класса — рабочие и крестьяне — являются *основными* классами нашего общества и нашего строя, а третий класс — буржуазия (кулаки, нэпманы и т. д.) — существует лишь постольку, поскольку он «допущен» до известной степени и на определенных условиях «к сотрудничеству» с рабочим классом и крестьянством [19]. Мы видели выше, что из того положения, которое занимает теперь рабочий класс, как класс господствующий, вытекает целый ряд основных выводов для политики рабочего государства. Основной и главный вывод, как мы об этом уже говорили, заключается в следующем: *в то время как при капиталистическом строе задачей рабочего класса являлось разрушение общества, в условиях пролетарской диктатуры задачей рабочего класса является не разрушение строя пролетарской диктатуры и нового создаваемого общества, а, наоборот, его всемерная поддержка, укрепление его, руководство им.* Из этого, в свою очередь, неизбежно следуют и другие выводы, а именно выводы, касающиеся *самой формы* классовой борьбы в нашем обществе. Классовая борьба, как мы отлично знаем, не прекращается и не отмирает сразу, а будет продолжаться очень и очень долгое время, пока не исчезнет навсегда деление на классы вообще. Но уже теперь мы видим, как неизбежно меняются вопрос о главном *пути* классовой борьбы и вопрос о *формах* этой борьбы. В капиталистическом обществе, где дело пролетариата заключается в том, чтобы разрушить это общество, постоянной задачей является всемерное *обострение и разжигание* классовой борьбы до тех пор, пока эта классовая борьба не примет самой ожесточенной своей формы, а именно формы *гражданской войны* и вооруженной борьбы со стороны трудящихся масс против господствующего капиталистического режима. В этой борьбе старое общество лопается сверху донизу, и положение классов в конце концов делается совершенно иным: так называемые низшие, угнетенные классы становятся наверху, эксплуататоры становятся классом, сопротивление которого подавляется и которому приходится, после своего разгрома, подчиниться новой власти, власти пришедших с низов классов. Итак, в ка-

питалистическом строе задача рабочего класса — вести линию на обострение классовой борьбы, на превращение ее в *гражданскую войну*. Партия рабочего класса в пределах капиталистического строя является партией *гражданской войны*[20]. Положение совершенно перевертывается, когда рабочий класс берет власть в свои руки, опираясь при этом на широкие слои крестьянства. Поскольку диктатура буржуазии разбита и поскольку на ее место уже стала диктатура пролетариата, постольку задачей рабочего класса является укрепление этой диктатуры и защита ее от всяких на нее посягательств. Партия рабочего класса в таких условиях становится *партией гражданского мира*, т. е. требует *подчинения рабочему классу* со стороны прежде господствующих классов, слоев и групп; она требует от них гражданского мира, и рабочий класс *карает* и преследует теперь *всех нарушителей* этого гражданского мира, всех заговорщиков, саботажников — словом, всех, кто *мешает делу мирного строительства нового общества*.

В своем собственном государстве рабочий класс, после того как он отбил все нападения врагов и обеспечил мирную строительную работу, уже не проповедует внутри страны гражданской войны, а проповедует внутреннее замирение на основах признания полностью новой власти, ее законов, ее учреждений и на основании подчинения этим законам и этим учреждениям со стороны всех слоев, в том числе и бывших противников этой власти. В соответствии с этим появляется и изменение в самих *формах* классовой борьбы. Поясним это рядом примеров. Возьмем, прежде всего, отношение к *буржуазии*. В пределах капиталистического строя по отношению к ней мы проповедовали развитие борьбы вплоть до применения вооруженной силы. Конечно, если бы буржуазия пыталась и теперь выступать против нас с оружием в руках, как она это делала в 1917, 1918, 1919 и т. д. годах, то мы тотчас же пустили бы в ход нашу вооруженную силу и расправились бы с таким противником так, как он этого заслуживал бы. Но сейчас у нас совершенно другое положение. Сила Советской власти и прочность ее настолько очевидны, что для буржуазных слоев нашего общества (нэпманов) совершенно очевидна полная безнадежность всяких попыток повести против нового строя активную и острую политическую борьбу. Этим слоям волей-неволей приходится мириться с существующим по-

рядком вещей. В определенных рамках этой буржуазии разрешена хозяйственная деятельность. Мы вовсе не запрещаем теперь частную торговлю, мы допускаем ряд частных предприятий, мы не запечатываем уже частных лавок, мы даем, следовательно, известную возможность существования для этих кругов. Значит ли это, что прекращается классовая борьба? Нет, никоим образом. Но эта борьба существеннейше изменила свою форму. Со стороны рабочего класса она продолжает вестись: наше законодательство, гарантирующее рабочее дело, обеспечивающее определенные права за профессиональными союзами, заставляющее платить частного предпринимателя страховые взносы, лишающее эти предпринимательские круги избирательных прав в политические органы власти и т. д.,— это есть новая форма *классовой борьбы*. Система налогового обложения, при которой соответствующим образом облагаются доходы и прибыли капиталистических предприятий, это налоговое обложение буржуазии такое, какого нет ни в одной стране,— это точно так же новая форма *классовой борьбы*. Конкуренция со стороны государственной промышленности, государственной торговли, кооперации — это есть опять-таки новая форма классовой борьбы. Когда наше государство дает особые льготы и преимущества кооперативным предприятиям, когда это государство особо финансирует, т. е. поддерживает денежными средствами, кооперативные организации, когда оно в законодательном порядке обеспечивает за ними большие права,— все это есть новая форма *классовой борьбы*. Если в процессе конкуренции на рынке государственная промышленность, торговля, кооперация вытесняют постепенно частного предпринимателя — это есть победа в классовой борьбе, но победа не в механическом столкновении сил, не при помощи вооруженной схватки, а совершенно в новой оболочке, которой не было раньше, которая при капиталистическом режиме была совершенно немыслимой для рабочего класса и крестьянства.

Точно так же *меняется форма классовой борьбы и в деревне*. Правда, то тут, то там классовая борьба в деревне вспыхивает в прежних своих проявлениях, причем это обострение вызывается обычно кулацкими элементами. Когда, например, кулаки или наживающиеся за чужой счет и пролезшие в органы Советской власти люди начинают стрелять по селькорам, это есть проявление

классовой борьбы в самой острой форме. Однако такие случаи бывают обычно там, где еще советский местный аппарат является слабым. По мере улучшения этого аппарата, по мере укрепления всех низовых ячеек Советской власти, по мере улучшения и усиления местных деревенских партийных и комсомольских организаций такого рода явления будут, как это совершенно очевидно, становиться все более редкими и в конце концов бесследно исчезнут [21]. Еще всего несколько лет тому назад главной формой классовой борьбы внутри деревни был непосредственный административный нажим на деревенскую верхушку: вначале постоянные конфискации и реквизиции у более зажиточного крестьянства и передача этого конфискованного добра в пользу бедноты (время комбедов); затем, по сути дела, система постоянных и произвольных нажимов, которые чрезвычайно затрудняли, а иногда и делали совершенно невозможным хозяйственное продвижение вперед и соответствующую деятельность зажиточных слоев деревни, в первую очередь деревенской буржуазии. В то время как в городе уже с самого начала новой экономической политики мы разрешали хозяйственную деятельность частным торговцам и предпринимателям, в деревне, по сути дела, для деревенской буржуазии ставились такого рода рогатки, которые эту деятельность сильно ограничивали или делали ее почти невозможной. Теперь (лето 1925 г.) мы приходим к тому, чтобы отменить на практике такого рода систему, и даем большую свободу движения буржуазным элементам деревни. *Но это вовсе не означает, что мы перестаем вести классовую борьбу против деревенской буржуазии.* Это вовсе не означает, что мы отказываемся поддерживать бедняков и середняков против эксплуататорских слоев. Мы лишь меняем форму нашей классовой борьбы против мелких деревенских капиталистиков. Мы переходим к новой, *более целесообразной* в настоящих условиях форме этой классовой борьбы.

В городе мы вовсе не запечатываем лавки частного торговца, мы допускаем его «работу». В результате мы получаем от этого большее оживление товарооборота во всей стране. А этот торговец является покупателем и у нашей государственной промышленности, и у нашей оптовой государственной торговли; он, с другой стороны, продает — поскольку наша собственная государственная и кооперативная товаропроводящая сеть является очень

слабой — наши товары в различные уголки нашей страны. При этом, конечно, он наживается и получает в свои руки торговую прибыль или часть этой торговой прибыли. И тем не менее, независимо от своей воли, он способствует, благодаря общему оживлению товарооборота, и росту нашей государственной промышленности, и росту нашей государственной торговли, более быстрому оборачиванию общего капитала страны, и в том числе капитала нашей государственной промышленности и нашей государственной торговли. Быстрее поэтому вертится и машина самого производства, быстрее идет процесс накопления, и поэтому скорее увеличивается мощность нашей государственной промышленности — этой основной базы, основного фундамента социалистического общества. С другой стороны, путем налогового обложения буржуазных слоев мы точно так же получаем добавочные средства, идущие в нашу государственную казну. Вот этот прирост материальных ценностей, который получается, с одной стороны, от ускорения роста наших собственных предприятий в связи с оживлением общего товарооборота, а с другой — от налоговых поступлений, *мы направляем на помощь разного рода начинаниям, которые служат делу трудящихся классов, делу социализма.* Такого рода политика есть точно так же классовая политика с нашей стороны. Эта классовая политика имеет своей целью поддержку трудящихся против остатков эксплуататорского мира. Но форма этой политики, форма этой классовой борьбы, как мы видим, совершенно иная, чем в том случае, если бы мы просто-напросто запечатывали бы лавки частного торговца. Благодаря этой новой форме классовой борьбы, мы не только не проигрываем, а наоборот, мы в громадной степени выигрываем, потому что мы в гораздо большей степени усиливаемся, и притом усиливаемся на почве всеобщего роста благосостояния.

Правда, мы не сразу могли повести такого рода политику. Когда у нас на руках были фабрики и заводы, которые не работали; когда у нас выпускалась масса денег, представлявших из себя бумажки, не имевшие почти никакой ценности на рынке; когда у нас вместо банков были одни здания этих банков; когда железные дороги не ходили; когда для работы крупных предприятий не было самых необходимейших условий (не было сырья, топлива, не было даже хлеба для голодных рабочих), то тогда давать свободу частной хозяйственной деятельности и

полную свободу торговле для частных лавочников и частных мелких капиталистов было бы в высшей степени опасно. Нам нечем было бы с ними конкурировать. У нас не было тогда в руках достаточно сильного и мощного орудия борьбы. В условиях разрухи мелкому капиталистику было гораздо легче обернуться со своим небольшим капиталом; он отличался гораздо большей ловкостью и пронырливостью, чем наши казенные учреждения, внутри которых была пустота. И если бы в то время мы дали полную хозяйственную свободу всем этим элементам, не обеспечивши самих себя, т. е. не имея крепких позиций в хозяйственной борьбе, тогда была бы величайшая и чрезвычайно грозная опасность, что тысячи этих мелких капиталистиков захлестнут нас и побьют нас в конкурентной хозяйственной борьбе. И поэтому нам приходилось действовать с известной осторожностью, обеспечивая за собой солидные позиции на поле экономической хозяйственной битвы, т. е. на поле классовых боев и классовой борьбы в ее новой форме. Такой позицией является в наших руках крупная промышленность, транспорт, банковая система (кредит), а также государственный бюджет и государственные финансы.

По мере нашего роста и по мере укрепления этих, как их называют, *экономических командных высот*, мы могли все более решительно разжимать наш зажим по отношению к частному предпринимателю — мелкому и среднему. Нам теперь, например, уже совершенно нечего бояться этой свободы торговли, потому что *на почве* свободы торговли, на фундаменте этой свободы торговли, *используя сами* эту свободу торговли, мы уже в состоянии, укрепив свои командные высоты, вести победоносную хозяйственную борьбу.

Теперь мы можем перенести такого рода политику и на нашу деревню, добившись того, чтобы наши деревенские работники не практиковали системы простого административного «зажима» и «прижима» по отношению к более зажиточным слоям деревни. И опять-таки, значит ли это, что мы хотим здесь отказаться от классовой борьбы с этой сельскохозяйственной буржуазией? Ничуть не бывало. Точно так же, как мы не отказываемся от классовой борьбы с городской буржуазией (нэпманами), когда мы разрешаем ей заниматься своим «делом», так и соответствующая политика в деревне отнюдь не означает отказа от борьбы. Мы изменяем лишь форму ее. Против

лавок деревенских торговцев мы должны выставлять не органы прямого принуждения и насилия, а наши хорошие кооперативные лавки. Против деревенского ростовщика, который дает взаймы деньги за безбожный процент или который сдает внаем свою лошадь безлошадному крестьянину на кабальных условиях, мы должны выдвинуть в первую голову батарею наших кредитных товариществ, хорошую организацию дешевого кооперативного кредита и помощи со стороны государственной власти. Наши товары должны быть лучше и дешевле, чем товары частного торговца, наши кредитные ссуды должны быть больше и гораздо дешевле, чем ссуды, которые дает ростовщик, кооперация должна торговать лучше и быть более приспособленной к местному деревенскому спросу, чем частная торговля. Вот *эти* орудия должны мы выставить на передовые позиции нашей борьбы с эксплуататорскими элементами деревни.

Можно, однако, спросить себя: правильно ли переносить такую политику, которая пригодна для города, на деревню? Ведь есть одна важная для данного вопроса и крайне существенная разница между условиями хозяйственной борьбы в городе и условиями этой хозяйственной борьбы в деревне. В городе у нас уже есть более или менее хорошо организованные и хорошо работающие «командные высоты»; это ведь наша тяжелая артиллерия в борьбе с городскими нэпманами. Но где такого рода «командные высоты» в деревне? Что мы можем выставить в деревне против ее зажиточной верхушки? Где те экономические кулаки, которыми мы могли бы на почве хозяйственной борьбы барабанить по спине деревенского кулака? Не будет ли здесь такого положения вещей, что кулацкие элементы окажутся неизмеримо сильнее *экономически*, чем масса остального крестьянства, и тем самым не будут ли они в состоянии перехлестнуть через нас и очутиться, таким образом, заправилами и хозяевами всей деревенской жизни в целом?

На этот, совершенно законный, вопрос мы должны дать такого рода ответ: *командной высотой по отношению к деревенской буржуазии является пролетарский город*. Нельзя себе представлять дело таким образом, что деревня развивается совершенно самостоятельно и независимо от города. Мы уже говорили, что с ростом производительных сил в стране влияние города будет все более и более решающим по отношению к развитию нашего

сельского хозяйства. А сердцевина этого города, его пролетарская промышленность, его банковая система, его законодательство и т. д. и т. п., все это обернуто «лицом к деревне», т. е. все это служит могущественнейшей опорой середняцким и бедняцким элементам деревни, опорой против ее кулацких слоев.

Промежуточным звеном между пролетарским городом и трудящейся деревней является кооперация, которая как раз и стоит на стыке между этим городом и деревней, воплощая собой в первую очередь ту экономическую смычку между рабочим классом и крестьянством, укрепить которую является основной задачей рабочего класса и нашей партии. Рост этой кооперации, в недрах которой пролетарское государство поддерживает и финансирует бедняков и середняков против кулаков и мелких сельскохозяйственных капиталистиков, означает, как мы видели, непрерывный и систематический рост ячеек будущего социалистического общества. Шаг за шагом государственная промышленность и государственная торговля, смыкаясь с деревенской кооперацией, которая, в свою очередь, перекидывается с торговли на самое производство, будет вытеснять частный капитал: промышленный, торговый и ростовщический. В общую государственно-кооперативную организацию будут вовлекаться и всасываться крестьянские хозяйства точно так же, как через различные формы кооперативных организаций (в первую очередь промысловую кооперацию) будут сюда вовлекаться и всасываться мелкие ремесленники и кустари. Постепенно, с вытеснением частных предпринимателей всевозможного типа и их частных хозяйств и по мере роста организованности и стройности хозяйства государственно-кооперативного, мы будем все более и более приближаться к социализму, т. е. к плановому хозяйству, где все принадлежит всем трудящимся и где все производство направлено на удовлетворение потребностей этих трудящихся.

Частичное развитие капиталистических отношений в деревне, которое будет происходить в ближайшие годы, необходимо должно будет, однако, вызывать и *другие формы классовой борьбы, помимо борьбы чисто хозяйственной*, т. е. помимо борьбы различных хозяйственных форм друг с другом. Например, батраки, которые нанимаются у сельскохозяйственной буржуазии, могут совсем не иметь своего хозяйства, борьба у них идет не такая,

какая идет, например, между середняком и кулаком или же между бедняцким хозяйством и хозяйством кулацким. Борьба между кулаком и батраком идет по линии вопросов, касающихся условий наемного труда (величина рабочего дня, заработная плата, формы оплаты труда, общие условия работы и т. д. и т. п.). Но и здесь линия классовой борьбы со стороны батраков, являющихся частью рабочего класса, стоящего в настоящее время у власти, имеет все же другие формы, чем те формы классовой борьбы, которые были свойственны капиталистическому режиму. Это вытекает из того обстоятельства, что батрачество, которое в кулацком хозяйстве находится, так сказать, *под* своим хозяином, в то же время, как часть господствующего класса, стоит *над* ним, хотя бы отдельные батраки этого и не сознавали. В чем находит себе выражение этот факт? В том, что все законодательство нашей страны направлено своим острием против эксплуататоров и каждым своим параграфом защищает интересы рабочих; в том, что *профессиональные союзы* рабочего класса и *профессиональные союзы* батраков пользуются законом признанными правами, каких они не имеют ни в одной капиталистической стране; в том, что суды нашей страны карают предпринимателей за нарушение этих законов, и т. д. и т. п. Поэтому классовая борьба со стороны батрачества в конечном счете направлена вовсе не на то, чтобы разгромить хозяйство кулаков и разделить его между собой. Мы теперь уже не можем повторять вечно одну и ту же сказку про белого бычка. Батрачество ведет свою классовую борьбу в других формах, вынуждая через свои профессиональные организации и через свою государственную власть, власть Советов, соответствующие условия труда, и прибегает к судам своего класса, если необходимо обуздывать сельскохозяйственных предпринимателей. Точно так же батрачество помогает, будучи частью всего рабочего класса, организации не только наемных рабочих в сельском хозяйстве, но и оказывает всемерную помощь делу организации крестьянской бедноты и середняков, являясь, таким образом, живой соединительной тканью между городскими индустриальными рабочими и широкими слоями трудящегося крестьянства. Это не значит, что у нас не может быть *никаких* старых форм борьбы. К стачке, например, батракам не раз придется прибегать в их борьбе с кула-

чеством. Но и в случае таких столкновений дело идет по-иному, так как за батраков стоят все органы власти, оказывающие давление на частного хозяина.

X. НА КОГО НАМ НУЖНО СТАВИТЬ СВОЮ СТАВКУ?

Нам нужно разобрать те вопросы, которые мы только что выяснили, и несколько с другой стороны. Дело в том, что некоторые товарищи, не понимая сути вопроса, недоумевают по поводу принятого нашей партией политического курса по отношению к деревне. У некоторых, например, появляются такого рода рассуждения.

Во время гражданской войны мы-де опирались на союз городского рабочего класса и деревенских полупролетариев, батраков, полубатраков, мелких крестьян, деревенской *бедноты* вообще. Эта линия нашей политики выражала «истинно-пролетарскую» линию, «левый», настоящий, чисто «пролетарский» курс. Через некоторое время мы переместили центр тяжести нашей политики в деревню. Раньше мы ставили ставку на деревенскую бедноту и опирались в деревне на такие организации, как комитеты бедноты; потом мы провозгласили лозунг «поддержки *середняка*», крестьянин-середняк стал выпячиваться, как «центральная фигура нашего сельского хозяйства»; таким образом, мы, быть может незаметно сами для себя, от *ставки на бедноту* перешли к *ставке на середняка*, т. е. повернули курс *направо*, *в сторону* от «чисто пролетарской» линии; прошло еще несколько времени, и мы теперь заговорили о большей хозяйственной свободе для *зажиточного крестьянина* и даже для кулака; другими словами, мы теперь повернули еще *более* «право» и, по-видимому, ставим свою ставку именно на этого зажиточного, поскольку «провалилась» наша ставка сперва на бедноту, а потом на середняка. Не есть ли это новый поворот нашей политики вправо? Не обозначает ли все это, вместе взятое, неуклонного и систематического *отступления* от пролетарской политики и все большего превращения политики нашей партии в политику постоянных и все дальше идущих уступок, сперва середняку, а потом более чем среднему буржуа? Не есть ли это, другими словами, ясно очерченная линия *вырождения* нашей партийной политики? Не есть ли это *сдача*

наших позиций и *капитуляция* перед растущими капиталистическими отношениями в нашей стране?

Такого рода мысли и такого рода возможные возражения необходимо самым внимательным образом разобрать. Оставлять их без ответа никоим образом нельзя; тут нужно договориться совершенно начистоту, потому что без понимания сути нашей политики (а такое понимание невозможно, если нет ответа на только что поставленные вопросы), без этого понимания нашей политики, конечно, немыслимо вести сколько-нибудь хорошо дело руководства такой огромной страной, как наша, со столькими внутренними противоречиями и с такими сложными задачами, какие стоят на нашем пути.

Для того чтобы ответить на поставленные вопросы и возражения, целесообразно будет, прежде всего, поставить вообще вопрос о так называемой новой экономической политике. Когда мы переходили от системы военного коммунизма к новой экономической политике, то некоторым казалось, будто эта новая экономическая политика означает на деле капитуляцию перед буржуазией. Все враги коммунистической партии и диктатуры пролетариата, «свои» и заграничные, неустанно говорили и писали о *крахе* коммунизма в России, о том, что русские большевики, проделав неудачный опыт осуществления настоящего социализма, быстро разочаровались в этом опыте, ибо он показал полную неосуществимость социалистического строя, и, призвав на помощь ту же самую буржуазию, которую они хотели уничтожить, тем самым расписались в полном своем бессилии. В начале новой экономической политики заговорщики иностранные и русские, эмигрантская (белая) печать неустанно твердили, что в России сделан огромный шаг по пути к восстановлению старого порядка, что за этим шагом неизбежно будут делаться и остальные шаги по пути назад к капитализму: будут-де возвращаться фабрики и заводы, прежние владельцы будут призваны в качестве варягов, спасающих Русь и наводящих в ней порядок, исчезнут все и всяческие «национализации» и «монополизации» и вновь водворится с помощью самих «образумившихся» большевиков старый капиталистический строй, который тем самым еще и еще раз докажет свою громаднейшую жизнеспособность и все свои преимущества перед всеми и всяческими социализмами и коммунизмами. Говорилось также, что большевики, которые раньше «ставили став-

ку» на рабочий класс, теперь ставят эту ставку на буржуазию, старую и новую, которая вывелась под крылышком военного коммунизма, прошла сквозь огонь, воду и медные трубы, знает все ходы и выходы в новом советском строе и поэтому неизбежно окажется гораздо более приспособленной к большевистскому режиму.

Однако можно ли сказать, что новая экономическая политика означала капитуляцию перед капитализмом? Можно ли сказать, что дело трудящихся *проиграно* вместе с введением новой экономической политики? Можно ли сказать, что новая экономическая политика означала отказ от социалистического строительства, крах коммунизма и т. п.? Можно ли, наконец, сказать, что эта новая экономическая политика означала ставку на буржуазию?

Теперь, когда эта так называемая новая экономическая политика насчитывает уже изрядное количество лет, когда она уже получила проверку на опыте и когда мы можем уже подвести довольно внушительные итоги этой политики, мы ясно видим, что в результате ее мы имеем *громадный прирост сил на стороне рабочего класса и трудящихся масс вообще*, на стороне социализма в его борьбе с частнокапиталистическим хозяйством. Благодаря новой экономической политике, мы одержали крупные успехи в области хозяйства, и притом развитие производительных сил нашей страны шло в таком направлении, что все больший и больший перевес получали и получают *социалистические* формы хозяйства и формы, близкие к ним, идущие по пути к социализму. В общей сумме хозяйства нашей страны вовсе не видно того, чтобы по сравнению с государственным и кооперативным хозяйством все рос и рос частный капитал. Наоборот, позиции государственного и кооперативного хозяйства все более и более *укрепляются* на поле общего подъема благосостояния в стране. Раз это так — а это именно так,— то как же можно говорить о какой бы то ни было капитуляции? или об отступлении от пролетарской линии? или о ставке на буржуазию? Хороша «ставка на буржуазию», в результате которой выигрывает в первую голову социалистический пролетариат! Хорош «крах» коммунизма, в результате которого государственное хозяйство пролетарской диктатуры идет после целого ряда лет оцепенения и мертвого состояния к своему быстрому экономическому подъему!

На самом деле «крах коммунизма» был не чем иным, как крахом наших некоторых заблуждений и неправильных представлений о ходе нашего развития к социализму, заблужений, связанных с периодом так называемого военного коммунизма. Но крах некоторых заблуждений вовсе не означает краха коммунизма. Совершенно понятно, что молодой класс, взявший в свои руки государственную власть, пе мог представлять себе всей сложности того пути, по которому ему придется идти. В период гражданской войны, беспощадного подавления эксплуататоров, конфискаций, реквизиций и прочего мы представляли себе, что можем почти сразу перейти к плановому организованному хозяйству, начисто и сразу уничтожив свободную торговлю всюду и везде и заменив эту торговлю организованным распределением (карточки и прочее). Опыт показал нам, однако, что такого рода задача нам пе под силу, да и по существу эта задача не может быть разрешена, когда имеется в наличии колоссальное количесто мелких хозяйств, которые никак нельзя сразу втиснуть в единый стройный план. Долго держаться на запрещении свободной торговли по отношению к мелкому производителю, в том числе и в первую голову по отношению к крестьянипу, было нельзя; это означало такую ломку всех привычных для крестьянина отношений, которая возбуждала против себя широкие слои крестьянства и поэтому неизбежно была обречепа на слом. Крестьянин и мелкий производитель вообще, который привык свободно распоряжаться своим продуктом (продавать его, если он захочет этого), теряли всякий интерес к улучшению и расширению своего производства при системе военного коммунизма. Поэтому получалось то, что сельскохозяйственное производство не могло развиваться и идти вперед при такой системе. *Не было правильного сочетания между частными интересами мелкого производителя и задачами и целями пролетарского социалистического строительства.* Это сочетание, эту связь нужно было в первую голову найти. Новая экономическая политика и означала, прежде и раньше всего, такого рода связь и сочетание. Выше мы видели, как, зацепляя за частнохозяйственные интересы мелкого производителя, можно — через кооперацию — постепенно подводить его к социализму, не ломая сразу и круто привычного строя жизни и не возбуждая, таким образом, против себя мелкобуржуазных привычек и даже

суеверий широких трудящихся масс крестьянства. Вспомним, что в нашей стране около 100 миллионов крестьянского населения, больше 20 миллионов крестьянских дворов; вспомним, что крестьянское хозяйство есть хозяйственная основа нашей государственной промышленности,—и тогда сразу станет ясным, какой толчок вперед должна была получить наша страна с переходом к новой экономической политике. Мы теперь ясно видим наш путь к социализму, который пролегает не там или, вернее, не совсем там, где мы искали его раньше. Мы думали, что мы можем одним взмахом и сразу уничтожить рыночные отношения. Оказалось, что мы придем к социализму *именно через* рыночные отношения. Можно сказать, что эти рыночные отношения будут уничтожены *в результате своего собственного развития.* Каким образом?

Нам известно, что в капиталистическом обществе, где господствует рынок, где разного рода частные предприятия борются друг с другом на этом рынке, конкурируют друг с другом, *крупное производство в конце концов вытесняет мелкое, средний капитал* отступает перед более крупным капиталом, и, в конце концов, место массы конкурирующих друг с другом предпринимателей, фабрикантов, купцов, банкиров занимают группки крупнейших королей промышленности и банков, которые сосредоточивают в своих руках всю промышленность и торговлю. Развитие рыночной борьбы приводит к тому, что число конкурентов все уменьшается и производство сосредоточивается в руках крупных капиталистических организаций. Нечто *по виду* похожее будет происходить и у нас и происходит уже и теперь, с тою только существеннейшею разницей, что у нас на месте крупнейших королей промышленности и банкиров стоит рабочий класс и трудящееся крестьянство. В самом деле, у нас существуют различные хозяйственные формы, разного рода хозяйственные «предприятия»; у нас есть *государственные* предприятия, у нас есть *кооперативные* предприятия, у нас существуют, наконец, *частнокапиталистические* предприятия и т. д. *Наиболее крупное производство находится в руках пролетарского государства.* В руках частнокапиталистического хозяйства находятся гораздо менее крупные предприятия в области торговли, в первую очередь розничная торговля, тогда как оптовая торговля (торговля крупная) находится в руках государства; в

промышленности крупное производство точно так же находится в руках государства, а на долю частных предприятий приходятся лишь предприятия большей частью среднего и мелкого типа. Между этими различными формами предприятий идет хозяйственная борьба, борьба, в которой последнее слово принадлежит покупателю. Покупатель же покупает там, где товар лучше и дешевле. При правильной постановке дела — а такой правильной постановки дела мы все больше и больше добиваемся и все больше и больше достигаем — все преимущества будут на стороне крупного государственного производства, и оно будет забивать в конкурентной борьбе своего частного соперника. Мелкое крестьянское хозяйство, страдая от своей «мелкости», как мы видели выше, будет восполнять этот недостаток своей *кооперативной организацией*, поддерживаемой пролетарской государственной властью, и будет поэтому точно так же отвоевывать для себя преимущества всякого крупного объединения, используя эти преимущества и выгоды, получаемые от кооперации, *в своей борьбе против частного хозяйства кулака. Через борьбу на рынке, через рыночные отношения, через конкуренцию* государственные предприятия и кооперация будут вытеснять своего конкурента, т. е. частный капитал. В конце концов развитие рыночных отношений уничтожит само себя, потому что, поскольку на почве этих рыночных отношений с их куплей-продажей, деньгами, кредитом, биржей и т. д. и т. п. государственная промышленность и кооперация подомнут под себя все остальные хозяйственные формы и постепенно вытеснят через рынок их до конца, постольку и сам рынок рано или поздно отомрет, ибо все заменится государственно-кооперативным распределением производимых продуктов.

Таким образом, наше представление о развитии к социализму в значительной мере изменилось; но эти изменения ни капли не выражают собой отступления от пролетарской политики; наоборот, они выражают собой учет громадного революционного опыта. Мы впервые в новой экономической политике нашли правильное сочетание между частными интересами мелкого производителя и общим делом социалистического строительства. *Новая экономическая политика есть не измена пролетарской линии, а единственно правильная пролетарская политика.* Теперь это стало уже яснее ясного.

Определить, не является ли наша политика отступлением от правильной пролетарской линии, вообще говоря, можно наилучшим образом тогда, когда мы привлекаем к делу *результаты* этой политики. И если результаты эти говорят, что социалистические хозяйственные формы усиливают свой вес в общем хозяйстве страны, то одного этого вполне достаточно, чтобы решить весь вопрос. Политика комбедов в деревне разрешала, по сути дела, две задачи, которые выдвигались тогда на очередь дня: во-первых, задачу борьбу с *сопротивлением* кулаков; во-вторых, задачу *сбора хлеба по продразверстке*, без чего нельзя было прокормить *армию*. Но эта политика не решала и не могла решить *задачу хозяйственного подъема деревни*. Хозяйственный подъем в деревне, т. е. подъем громадного количества мелких хозяйств, невозможен без подъема основной хозяйственной массы крестьянства, крестьянина-середняка. Поскольку этот хозяйственный подъем имеется налицо, постольку даются и основы для подъема государственного хозяйства в городе. Значит ли это, что здесь забывается беднота? Никак не значит, ибо общий подъем хозяйства в стране и подъем государственного хозяйства дает гораздо *больше возможности* не на словах только, а на деле, не на бумаге, а в жизни, не одними декретами, а *настоящей материальной помощью оказывать содействие бедноте*. И если еще до сих пор эта помощь не оказывается в надлежащей степени, то основной причиной этого является *недостаточно быстрый ход накопления средств в нашем государственном хозяйстве*. Поэтому, именно поэтому нам нужно приложить все усилия, чтобы ускорить рост наших материальных средств, ускорить «темп» накопления в нашей государственной промышленности, ускорить приток добавочных средств в нашу государственную казну.

Для того чтобы решить эту задачу, необходимо *дальнейшее развязывание товарооборота* в нашей стране, а для этого, в свою очередь, необходима некоторая большая хозяйственная свобода и для сельскохозяйственной буржуазии, т. е. *перенесение новой экономической политики на деревню*. Теперь это нам ни капли не опасно, ибо у нас, как мы говорили выше, *уже есть командные высоты*; а с другой стороны, это даст возможность, ускоряя товарооборот в стране, более быстро накоплять, даст возможность и более *быстрой помощи бедняцкой и се-*

редняцкой кооперации, колхозам, сельскохозяйственной кооперации, потребительским обществам. *Наша действительная ставка есть ставка на нас самих, есть ставка на рабочий класс и трудящееся крестьянство, есть ставка на рост социалистических хозяйственных форм, на рост государственной промышленности — в первую очередь, на рост сельскохозяйственной кооперации — во вторую. Смычка между двумя этими основными формами есть необходимое условие нашей победы.*

XI. ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И ЕЕ РАЗНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К РАЗНЫМ КЛАССАМ

Развитие нашего теперешнего общества по направлению к социалистическому обеспечивается тем, что у власти стоит рабочий класс и что у нас имеется налицо его *революционная диктатура*, т. е. *его единовластие*. Общее значение диктатуры пролетариата состоит, во-первых, в том, что она есть орудие подавления эксплуататоров, орудие подавления с их стороны всяческих попыток возвратиться к власти; с другой стороны, общее значение пролетарской диктатуры состоит в том, что она есть основной рычаг экономического преобразования общества. Рабочий класс использует машину государственной власти, находящейся в его руках, для того, чтобы *все время преобразовывать экономические отношения общества на социалистический лад*. В самом начале, после захвата власти, лишь только был заложен фундамент нового государственного строя, эта власть была употреблена рабочим классом на то, чтобы «экспроприировать экспроприаторов», т. е. отнять у фабрикантов и заводчиков их фабрики и заводы и сделать их собственностью государства. Рабочая власть закрепила точно так же окончательно и раз навсегда конфискацию всей помещичьей земли и объявила эту землю собственностью всего народа (национализация земли). По мере своего упрочения Советская власть, ведя политику постоянного и систематического укрепления всех ростков социалистических — общественных и хозяйственных — форм, является, таким образом, орудием общественного преобразования. После всего сказанного в предыдущих главах можно сделать тот вывод, что, по мере

роста прочности советского строя, *центр тяжести все более и более перемещается с дела непосредственного и механического подавления эксплуататоров и остатков враждебных рабочему классу общественных групп на дело хозяйственного преобразования общества, на мирно-организаторскую работу*, на хозяйственную борьбу с частными предприятиями, на дело строительства социалистических хозяйственных форм (государственные предприятия, кооперация и т. д.).

Диктатура пролетариата, т. е. рабочего класса, организованного как государственная власть, не может не относиться *по-разному* к различным слоям общества, к различным классовым группировкам. Было бы в высшей степени странным, если бы власть рабочего класса не различала этих слоев, не видела громаднейшей разницы между различными общественными классами и группами и вела одну и ту же, совершенно одинаковую, политику, т. е. находилась бы в одинаковых отношениях к этим различным классам, слоям и группам.

Роль пролетарской диактатуры по отношению к *сопротивляющимся ее режиму слоям буржуазии* состоит в *подавлении* этих слоев. Если, например, к нам приезжают из-за границы агенты российской контрреволюции создавать у нас тайные организации и кружки, ставящие себе целью борьбу с Советской властью и ее свержение, то по отношению к такого рода буржуазно-помещичьим слоям пролетарская диактатура означает собою меч разящий, который беспощадно расправляется с заговорщиками, желающими подорвать всякую возможность общественного преобразования в социалистическом духе. Совершенно другой является наша пролетарская власть, и совершенно другой является роль пролетарской диктатуры по отношению к тем слоям буржуазии, которые, по выражению тов. Ленина, *«допущены к сотрудничеству» с рабочим классом и крестьянством.* В самом деле, мы знаем, что у нас целый слой буржуазных предпринимателей, в первую очередь торговцы, занимаются своей деятельностью, так сказать, на законных основаниях; наши советские законы допускают эту деятельность. В чем состоит роль пролетарской диктатуры по отношению к этим слоям буржуазии? Она состоит, во-первых, в *ограничении* этой деятельности целым рядом условий (рабочее законодательство и законы о труде, права профессиональных союзов, налоговое обложение раз-

личных видов и т. д.); во-вторых, роль пролетарской диктатуры заключается в *использовании* этих элементов для дела социалистического строительства (общее оживление товарооборота, употребление налогов, получаемых с этих слоев на поддержку социалистических хозяйственных форм, и т. д.); в-третьих, в *хозяйственной борьбе* с этими слоями путем *конкуренции* с ними на рынке (государственные предприятия, поддержка конкурирующей с частным капиталом кооперации и т. д.). Если мы спросим теперь себя, какова же главная задача пролетарской диктатуры по отношению к новой буржуазии, то короткий ответ на этот вопрос может быть выражен примерно в такой форме: эта задача есть задача *использования и вытеснения*. Здесь имеются, следовательно, такого рода отношения, которые в конце концов приведут к уничтожению частнокапиталистических форм путем их *вытеснения*. Поставим теперь вопрос о роли и значении пролетарской диктатуры по отношению к *трудовому крестьянству* — беднякам и середнякам. Есть ли здесь хоть какой-нибудь элемент борьбы? Элемент борьбы здесь, несомненно, есть но он неизмеримо меньше, чем в отношениях с новой буржуазией. В чем выражается этот элемент борьбы? Он выражается в борьбе с *колебаниями* некоторых слоев крестьянства в сторону буржуазии. Мы уже видели, что, благодаря частному характеру своего хозяйства, благодаря своей темноте и вековой забитости, благодаря тому, что крестьянство не привыкло к коллективным формам и только-только пачинает к ним переходить, оно склонно при известных условиях, в особенности в тяжелые критические моменты, к колебанию в сторону буржуазии. И вот с этими-то колебаниями, с этими уклонами, вытекающими из двойственной природы самого крестьянства (с одной стороны — труд, с другой стороны — частный характер хозяйства), пролетарская диктатура должна вести, разумеется каждый раз в подходящей форме, решительную борьбу. Однако основной задачей пролетарской диктатуры по отношению к трудящемуся крестьянству яляется задача *помощи и переделки*, переработки хозяйственного уклада крестьянства. Крестьянское хозяйство при помощи пролетарской диктатуры будет превращаться, в первую очередь через кооперирование, в *новую*, *высшую* форму, гораздо более крупную, гораздо более культурную и развивающуюся по пути к социализму. Этот процесс будет идти не через

«вытеснение», «пожирание», «уничтожение» крестьянского хозяйства, а именно через его *медленную переработку*. Если частнокапиталистические предприятия в результате пролетарской диктатуры, в результате ее политики будут вытесняться и *гибнуть*, отступая перед конкуренцией государственных предприятий и кооперативов, то крестьянское хозяйство отнюдь не будет гибнуть, а будет *переходить* в иные, высшие формы. Государственное предприятие *конкурирует* с частным предприятием и в конце концов *забивает* его. Государственное предприятие *не* конкурирует с крестьянским хозяйством, а *помогает* ему подняться на высшую ступень, *не забивает* его в конкурентной борьбе, а *организует* его через кооперацию.

Таким образом, у пролетарской диктатуры по отношению к крестьянству есть такого рода связь, которую можно обозначить словом *союз*. В этом союзе, как мы уже знаем, *руководство* принадлежит рабочему классу, организованному в государственную власть.

Чтобы совершенно ясно и отчетливо представлять себе дело так, как оно есть, нужно строгое различие между двумя вещами: между *сотрудничеством в обществе, с одной стороны, и сотрудничеством во власти, т. е. разделом* этой власти между классами,— с другой. *Сотрудничество и даже союз*, союз крепкий и ненарушимый, не есть еще *раздел* власти. У рабочего класса с крестьянством есть полное сотрудничество в обществе, есть отношение союза. Это значит, что государственная промышленность и крестьянское хозяйство должны помогать друг другу; это значит, что рабочий класс и крестьянство вместе сражаются против помещиков и капиталистов, если они идут походом против советских республик; это значит, что рабочий класс и крестьянство вместе борются на хозяйственном фронте против частного капитала. Но это еще не значит, что у нас есть *раздел власти*, что у нас имеется не диктатура рабочего класса, а диктатура двух классов, т. е. и рабочего класса, и крестьянства. Ведь самый союз есть союз между кем? Между рабочим классом, организованным как государственная власть, и крестьянством; в самой государственной власти крестьянства как соучастника этой власти нет, но эта рабочая власть находится в союзе с крестьянским классом. Почему это так и почему в наших условиях, т. е. в условиях перехода общества к со-

циализму, необходима именно диктатура *одного* класса, т. е. пролетариата? Это необходимо потому, что *только* пролетариат представляет из себя такого рода общественную силу, которая совершенно сознательно и твердо может вести все общество к социализму. Мы видели выше, что руководство на этом пути, руководство в союзе между рабочим классом и крестьянством должно принадлежать пролетариату и что только при таком руководстве возможно победоносное продвижение вперед к социализму. Но диктатура пролетариата, т. е. организация пролетариата в государственную власть, и есть организация *руководства* по отношению к широким массам крестьянства. Однако рабочий класс вовсе не ставит своей целью вечное «царство пролетариата», он вовсе не ставит своей задачей вечное существование пролетарской диктатуры, а равно и свое собственное существование как постоянно и вечно существующего господствующего класса.

Рабочий класс ставит своей действительной задачей, к которой он медленно, но неуклонно идет и ведет за собою все общество, *переделку широких народных слоев*, и в первую очередь переделку *самого крестьянства*, перевоспитание его на социалистический лад, постоянный его подъем и подтягивание к тому уровню, материальному, экономическому и культурно-политическому, на котором находятся самые передовые слои пролетарского населения. По мере переработки широких слоев крестьянства, по мере их перевоспитания *они будут все более и более сравниваться с пролетариатом*, смешиваться с ним и превращаться в одинаковых членов социалистического общества. Разница между классами будет все более и более исчезать. И, таким образом, самые широкие слои крестьянства, «переделывая свою собственную природу», будут сливаться с работниками города, диктатура пролетариата как особого класса будет все более и более отмирать.

В капиталистическом обществе про буржуазию можно тоже до известной степени сказать, что она, эта буржуазия, являлась *руководительницей* всего общества, его самым передовым и самым образованным классом; но руководство со стороны буржуазии и руководство со стороны пролетариата самым резким, самым глубоким, самым коренным образом отличаются друг от друга. Ибо развитие капиталистического общества, во главе которого

стояла буржуазия, приводило к тому, что разница между господствующими классами и классами угнетенными, между буржуазией, с одной стороны, рабочим классом и крестьянством — с другой, все более и более обострялась и увеличивалась. Немыслимо и думать, чтобы в рамках и пределах капиталистического строя рабочий класс и крестьянство выравнивались по своему материальному положению, по уровню своей жизни, по своему образованию, по своему общественному положению с буржуазией. Это противоречило бы самым коренным основам буржуазного общества. Наоборот, самая суть этого буржуазного общества состоит *во все более резком делении его на классы*, самая коренная суть буржуазной политики состоит в том, что при ее помощи буржуазия обеспечивает за собою, *исключительно* за собою, все преимущества материального положения и все преимущества образования: буржуазия имеет в странах, где она господствует, не только монополию (т. е. исключительное владение) на средства производства, фабрики, заводы, железные дороги и прочее; она имеет монополию не только на государственную власть, к которой никого не подпускает; но она имеет и полную фактическую монополию на высшее образование, на прессу (газеты, журналы), на науку и т. д. Новые ученые, новые администраторы, новые инженеры, новые офицеры и генералы, одним словом, новые *руководящие кадры* общества постоянно воспроизводятся не из низших слоев народа, не из рабочих и крестьян, а из слоев той же самой буржуазии и буржуазной интеллигенции, которые без конца пользуются, фактически наследственным путем, всеми преимуществами своего положения. Буржуазия никогда не ставила и не могла ставить своей задачей поднять и поднимать, систематически и неуклонно, новые и новые народные пласты к культурной жизни, ибо это означало бы падение ее собственного могущества.

Совершенно другую политику, *прямо противоположную*, ведет рабочий класс. Его задачей является не воспроизводство того же отношения между классами: его задачей является *преодоление* классовых различий, уничтожение этих классовых различий путем перевоспитания широких народных масс; для этого он пользуется всеми находящимися в его распоряжении средствами и всем могуществом своей государственной власти. Основой этой переделки является переделка *экономических*

отношений общества, развитие этого общества по пути к социализму. А вместе с этим и наряду с этим рабочий класс употребляет все усилия, чтобы перерабатывать широкие народные слои, и в первую очредь своего надежнейшего союзника по борьбе с помещиками и капиталистами — крестьянство. Это находит, между прочим, свое выражение в политике *вовлечения крестьянства в советское строительство.* Привлекая все большее и большее количество беспартийных крестьян к советской работе и помогая им на этой работе перевоспитываться, расти, переделывать свою природу, приобретать навыки, необходимые для дела государственного управления, учиться пониманию не только местных, но и общегосударственных задач и т. д., рабочий класс тем самым постепенно начинает стирать границу между собой и передовыми слоями крестьянства. Через эти передовые слои будут переходить на более высокую ступень и подниматься к новой жизни, активной и сознательной, другие слои, новые группы крестьянства, и мало-помалу, на основе пролетарского руководства, крестьянство будет все ближе и ближе срастаться по своим привычкам, навыкам, мыслям, целям и задачам с рабочим классом. Подобно тому как через кооперацию крестьянское хозяйство будет срастаться с государственным хозяйством пролетариата и в конце концов, переработав само себя, вольется в единое плановое социалистическое хозяйство, подобно этому всем ходом жизни крестьянство будет срастаться с рабочим классом, изменять в этом процессе свою собственную природу и в конце концов сольется с рабочим классом в едином социалистическом трудящемся обществе. Если в начале этого процесса между городским рабочим классом и крестьянством проходила широкая борозда, которая отделяла рабочего, как прирожденного сторонника коллективных форм (общественных форм) труда и борьбы, от крестьянина, как сторонника мелкого частного хозяйства, то, по мере роста кооперации, по мере роста политического и общекультурного воспитания крестьянства, оно будет все более превращаться сперва в нечто похожее на просто-напросто отставший и отсталый широкий слой рабочего класса, а затем будет все более и более приближаться к нему, пока борозда, проходившая между обоими классами, не будет окончательно засыпана и оба класса не сольются раз и навсегда в едином типе трудящихся членов

социалистического общества. Это будет и уничтожением (отмиранием) за «ненадобностью» самой пролетарской диктатуры. Но для того чтобы дойти до этой цели, необходима постоянная и твердая политика, которая, имея в виду эту цель, властно направляет ход общественного развития. Вот почему нужно сохранение полностью на данной ступени развития единственной действительной гарантии правильной политики, каковой гарантией является строй пролетарской диктатуры, опирающейся на крестьянство и находящейся в союзе с этим крестьянством.

XII. ФОРМЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Общая форма пролетарской диктатуры — это есть Советская власть, Советское государство, в его отличие от так называемой буржуазной демократии. Специальной особенностью этой формы государственной власти являются следующие ее отличительные черты. Прежде всего, она *не допускает* к выборам в государственные органы *представителей буржуазии.* Она ограничивает избирательные права с совершенно обратного конца, чем это делается в буржуазном государстве, где в той или иной форме прямо или косвенно, прикрыто или открыто лишаются избирательных прав или ограничиваются в своих избирательных правах представители *трудящегося* народа. Во-вторых, Советская власть ограничивает целый ряд «свобод» или вовсе уничтожает эти свободы *для представителей буржуазии.* Она запрещает, например, политические организации буржуазии. Она запрещает этой буржуазии иметь свои политические боевые органы, в том числе и органы печати и т. д. В-третьих, зато она в небывало широкой степени *осуществляет на деле свободу рабочих* организаций, *их* печати, *их* собраний и пр., вызывая тем самым небывалый расцвет всевозможных объединений рабочего класса и трудящихся масс вообще, проводя, таким образом, на деле широкую *демократию трудящихся* в отличие и в противоположность *демократии для богатых,* демократии для буржуазии, как это практикуется в капиталистических странах. В этих последних рабочий класс и крестьянство часто имеют разного рода права, но эти права имеют в подавляющем большинстве случаев формальный (т. е. лишь на бумаге существующий, а в дей-

ствительной жизни не существующий) характер. Например, на бумаге может быть признана свобода и рабочей печати, но так как все типографии, вся бумага, все здания находятся в руках крупных капиталистических собственников, то революционная рабочая газета не может найти себе фактически места: ее отказываются печатать даже в том случае, если есть материальная возможность ее издавать; или на бумаге может существовать право собраний, но рабочие организации не могут собраться за «неимением помещения» и т. д. и т. п. У нас при Советской власти последняя обеспечивает все более и более *на деле* эти свободы, т. е. осуществляет *проведение этих свобод в жизнь*, ибо Советская власть дает *гарантии* этого осуществления; она материально поддерживает рабочую печать, она предоставляет рабочим организациям лучшие помещения в городе, она дает крестьянам-передовикам возможность устройства своего клуба, отдавая лучшие помещения в деревне, и т. д. и т. п. Ее почта распространяет рабочую печать, ее милиция охраняет рабочие собрании. Словом, все организации государственной власти претворяют в жизнь то, что является необходимым для действительного осуществления самого широкого участия рабочих масс в активном строительстве нового общества.

В-четвертых, Советская власть не оторвана от организаций рабочих и крестьян; наоборот, ее существеннейшей особенностью является то, что она непосредственно связана и непосредственно опирается на огромную сеть разнообразнейших организаций трудящегося народа: профессиональные рабочие союзы, крестьянскую кооперацию, кресткомы, комнезамы [22], рабкоровские и селькоровские организации, всевозможные добровольные общества и объединения и т. д. и т. п. Советская власть поднимает все новые и новые слои даже наиболее отсталого трудящегося населения; например, она организует и всемерно поддерживает различные формы объединения женщин-работниц, крестьянок, женщин, угнетенных прежде империализмом, и наиболее отсталых национальностей, всемерно пробуждая в них сознание необходимости идти к новой жизни и самим принимать участие в построении этой новой жизни. Многочисленные и разнообразные организационные ячейки всех этих объединений трудящегося народа, и прежде всего рабочего класса, связаны прямо или косвенно тесной связью с

органами Советской власти, образуют, по сути дела, единую с нею систему, которая охватывает, организует, просвещает, перерабатывает громаднейшие слои трудящихся.

При капиталистическом режиме государственная власть опирается на замкнутые организации небольших слоев крупных капиталистов. Если она связана с организациями трудящихся, то исключительно в целях их *развращения и обмана*; в таких случаях целью этой связи является не привлечение трудящихся к установлению нового порядка, а к тому, чтобы *отвлечь* рабочий класс и крестьянство от осуществления их *самостоятельных* целей и классовых задач, к тому, чтобы заставить их лучше работать *на буржуазию* и лучше подчиняться государственной власти этой *буржуазии*.

В условиях советского режима сама Советская власть есть, по существу дела, выражение воли трудящихся масс, есть наиболее широкая и всеобъемлющая форма организации этих масс. Если государство у нас есть государство рабочего класса, если существующая у нас диктатура есть диктатура пролетариата, то связь этого государственного аппарата не только с рабочими, но и с крестьянскими организациями является его предпосылкой, является мостиком, по которому крестьянство постепенно переходит *«на точку зрения пролетариата»*.

В-пятых, Советская власть построена таким образом, что участие в политической жизни, например участие в избирательных кампаниях в Советы и работа в этих Советах, в корне отличается от избирательных кампаний и участия в так называемой парламентской работе. В буржуазных республиках граждане выбирают раз в 4 или 3 года, или в какой-нибудь другой срок, депутатов в парламент, и тем почти ограничивается их политическая жизнь. С другой стороны, депутат парламента, не могущий быть отозванным своими избирателями, представляется исключительно парламентским говоруном. В наших условиях избирательные кампании в Советы и работа в этих Советах означают вовлечение и *избирателей* и, в очень большой степени, *депутатов в действительную, настоящую работу по управлению государством*, ибо избиратели участвуют в этой строительной работе даже в самых низовых избирательных ячейках, например на фабриках или на заводах, тогда как их представители в советских органах точно так же обязатель-

но выполняют какую-нибудь руководящую работу по управлению государством или той или иной частью государственного хозяйства и т. д. и т. п.

Можно еще было бы указать ряд признаков, которые глубоко отличают советскую форму государства от всякой иной государственной формы. Легко видеть, что назначения, цели, задачи Советской власти, власти основного класса, переворачивающего весь старый порядок, весь старый мир, в корне *противоположны* характеру, целям и задачам буржуазных государств.

Но эта самая форма Советской власти со своей стороны испытывает *ряд изменений в зависимости от той обстановки, в которой приходится трудящимся бороться за осуществление своего дела.*

В эпоху так называемого военного коммунизма, когда вся страна была превращена в осажденную крепость, когда главнейшей задачей власти была организация вооруженного отпора противнику, когда нужно было в первую очередь быстро и решительно отбиваться от него, не столько обсуждать, сколько руководить в виде приказов и команды, *по-военному*, тогда совершенно естественно форма пролетарской диктатуры была формой *военно-пролетарской диктатуры.* Широкие органы Советской власти, пленумы Советов, фактически, на деле, почти что отмерли, и руководство перешло исключительно к президиумам исполкомов, т. е. к узким коллегиям, к «тройкам», «пятеркам» и т. д. Очень часто, в особенности в местностях, близких к территории, занятой неприятелем, или в таких местностях, которые были под угрозой со стороны неприятеля, создавались, вместо «правильных» органов Советской власти, т. е. органов, действительно, на деле, выбранных всем трудящимся населением, местные так называемые революционные комитеты (ревкомы [23]), которые, вместо того чтобы выносить вопрос на массовое обсуждение и на предварительное решение широких кругов трудящихся, действовали совершенно самостоятельно. Эта форма власти Советов не переставала, конечно, быть выражением интересов трудящихся; она была *необходима* для того периода, была целесообразной для того времени, когда нужно было сократить до минимума всякую говорильню, всякую дискуссию, когда нужно было временами даже поступаться задачей воспитания масс, а когда нужно было действовать, действовать и еще раз действовать на поле вооору-

женной борьбы с врагами трудящегося народа. В связи с этим строем *военно-пролетарской диктатуры* тогдашнего периода стояло и отсутствие точно определенных и подлежащих строгому выполнению *законов*, которые по большей части заменялись приказами и распоряжениями, менявшимися в зависимости от боевой обстановки.

Методы конфискаций и реквизиций были совершенно обычными методами в это время. Все это вытекало из навязанной рабочему классу и крестьянству невероятно жестокой гражданской войны, в условиях мучительно трудных.

С переходом к мирному времени, и в особенности с переходом нашей страны к *хозяйственному подъему* по всей линии, совершенно естественно должна вновь *измениться форма Советской власти в смысле изживания и уничтожения остатков военно-коммунистического периода*.

Революционная законность должна заменить собою все остатки административного произвола, хотя бы даже и революционного. В полосе мирного строительства, когда хозяйственная деятельность стоит на первом плане, всякое бессистемное, произвольное, случайное, непредвиденное вмешательство в ход экономической жизни может чрезвычайно печально отражаться на этой хозяйственной жизни. Начать, прежде всего, с крестьянского хозяйства. Мы сами говорим и пишем, обращаясь к крестьянству, о необходимости более правильного ведения дел в крестьянском хозяйстве; мы предлагаем переходить с трехполья на многополье, мы предлагаем целый ряд новых улучшенных способов земледелия и животноводства, мы говорим о необходимости лучшего учета всех элементов хозяйства, об их лучшем, более целесообразном и более правильном использовании; наша агропропаганда вся пропитана такого рода предложениями, и крестьянство, в особенности его наиболее сознательные и наиболее культурные слои, так называемые крестьяне-передовики [24], охотно идут по этой линии. Но если мы предлагаем крестьянину лучше учитывать все то, что у него есть в хозяйстве, и лучше это учтенное использовать, то, само собой разумеется, всякий произвол и все непредвиденное, что идет со стороны Советской власти, приходит в резкое противоречие и резкое столкновение с нашей собственной пропагандой и с требованием правильности в ведении хозяйства. В самом деле, как

может крестьянин *рассчитывать*, что ему необходимо сделать и какие затраты произвести, если он, например, не будет совершенно точно знать, как и в какие сроки ему придется вносить сельхозналог? [25]

Как он будет правильно вести свое хозяйство, если на него может сыпаться град совершенно непредвиденных распоряжений и если нет твердой, заранее известной системы законов, подлежащих строгому и безусловному выполнению? Эта *новая* обстановка, в корне отличающаяся от военной обстановки времен гражданской войны, властно требует правильной постановки всего дела управления; она требует такого рода управления, которое упиралось бы на заранее известные законодательные постановления, могущие быть учтенными, принятыми во внимание *заранее. Переход к революционной законности*, к строгому выполнению декретов Советской власти, переход к уничтожению, решительному и безоговорочному, остатков административного произвола есть поэтому одна из основных черт, характерных для нового периода в развитии нашей революции.

Вовлечение масс точно так же становится в настоящее время задачей гораздо более необходимой, чем в предыдущий период. Общекультурный подъем и рост политической активности всех решительно слоев трудящихся, в том числе и крестьянства, гораздо большее количество свободного времени, чем раньше, в мучительные годы гражданской войны, улучшение материального положения вместе с хозяйственным ростом — все это заставляет Советскую власть обратить гораздо большее внимание на крупнейшую и благодарнейшую задачу *все более решительного привлечения к государственным делам широких слоев трудящегося населения*. Нужно иметь в виду, что в теперешних условиях, более чем когда бы то ни было, важно для рабочего класса повернуть разбуженную политическую энергию крестьянства *по тому руслу, которое укрепляет союз крестьянства и рабочего класса*. И именно для того, чтобы укрепить руководство со стороны рабочего класса, необходимо в настоящее время, т. е. в период «мирно-организаторский»[26], употреблять все усилия, чтобы сделать все возможное для переработки крестьянства в необходимом духе. Важнейшим способом такого рода воспитания крестьянства является привлечение его, в лице его беспартийных передовиков, прежде и раньше всего, к работе в наших

советских органах. Именно здесь, *учась* на этой работе пониманию общегосударственных задач, и будет происходить эта переработка, а с другой стороны, только таким путем, т. е. путем привлечения широких масс *и* в деревне, *и* в городе, можно будет с большим успехом вести борьбу против бюрократизма, язвы, которая еще до сих пор разъедает наш государственный организм.

Наконец, для наиболее активного людского ядра наших советских органов, а именно для членов нашей партии, руководителей этих советских органов, является в текущий период необходимым изживание *методов команды и приказа и решительный, полный и безоговорочный переход к методам убеждения.*

Вся эта система мероприятий послужит делу упрочения и развития советской системы как особой формы государственного строя и будет обеспечивать все более и более рост (материальный, политический и общекультурный) самых широких слоев трудящейся массы.

Можно, вообще говоря, сказать, что политический строй тем более хорош, тем более представляет собою шаг вперед по сравнению с историческим прошлым, чем *большему количеству людей он дает возможность расти.* Капиталистический строй ограничивает эти возможности слоем избранных: буржуазия, буржуазная интеллигенция, помещики и т. п. Громадные массы трудящихся остаются за бортом этого движения. Возможности приподняться, постоянно переходить на все более и более высокие ступеньки — этой возможности нет для трудящихся масс, т. е. для основной массы человечества, при капиталистическом режиме. Если мы будем оценивать Советскую власть с *этой* точки зрения, то мы легко увидим, что она представляет из себя *самую лучшую* из всех существовавших до сего времени форм государственной власти. Не в том дело, что мы уже достигли всего, чего хотим достигнуть (мы делаем лишь *первые шаги* в направлении к социализму и в направлении к необыкновенному культурному подъему народных низов); дело в том, *что в эту сторону повернут руль общественного развития, и рулем этим,* который определяет собою возможность такого небывалого культурного подъема и движения по направлению к нему, является *Советская власть.*

XIII. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ

Коммунистический строй есть высшая ступень развития человеческого общества, при котором производительные силы этого общества, степень власти человека над природой, далеко превосходят даже ту ступень технического развития, которой отличался капиталистический порядок времен своего расцвета; а наряду с этим коммунистическое общество представляет собою такую хозяйственную организацию, где господствует полное равенство между людьми и где отсутствует всякая эксплуатация человека человеком, а также и всякая команда, всякое насилие одних людских групп над другими. Стоит только сравнить между собой это состояние человеческого общества с тем его состоянием, в котором мы получаем его в наследство от капиталистического строя, чтобы понять, какую поистине грандиозную работу, работу, которой хватит на целый ряд десятилетий, необходимо произвести, чтобы подняться на эту наивысшую ступень человеческого развития. Совершенно понятно поэтому, что всего-навсего лишь через *несколько лет* после завоевания рабочим классом власти нельзя и думать об уничтожении *сразу* всякого вообще неравенства и всякой нищеты. Но в то же самое время необходимо всемерно *ускорять* наш путь к коммунизму, а для этого необходимо, в свою очередь, иметь совершенно ясное представление о том, *каким образом* будет постепенно преодолеваться существующее у нас еще до сих пор неравенство между людьми.

Рассмотрим по порядку главные виды этого неравенства, имеющиеся в настоящее время у нас в *экономической* области. Прежде всего, бросается в глаза неравенство материальных условий существования между *городом и деревней.* Мы уже писали в предыдущих главах о том, что капиталистический способ производства неизбежно вызывает деревенскую отсталость, задерживает развитие сельского хозяйства по сравнению с промышленностью и превращает город в исключительное сосредоточение всех основных жизненных удобств. Такое соотношение между городом и деревней достается в наследство захватившему власть рабочему классу и поддерживающему его крестьянству.

Мелкое хозяйство крестьянина чрезвычайно далеко отстает от современной фабрики с ее техническими усовершенствованиями. Мелкое крестьянское хозяйство точно так же отстает от этой фабрики и по внутреннему своему устройству, по организации труда. В результате производительность труда в этом мелком крестьянском хозяйстве чрезвычайно низка, приходится затрачивать громадные массы этого труда, чтобы получать сравнительно ничтожный результат. Каким образом может быть изжито *такого рода* неравенство между городом и деревней? Было бы совершенно бессмысленным решать его каким-либо механическим путем, одним ударом, одним каким-либо мероприятием. Можно, конечно, представить себе дикую мысль о растаскивании по кирпичикам всех крупных городов со всеми крупными городскими предприятиями, машинами, электрическими установками и т. д. Но это ведь ни капли не поправило бы дела. Прежде всего, потому, что это повлекло бы за собою подрыв и разрушение крупной промышленности, которая, как мы уже видели, служит основным источником для оплодотворения самого сельского хозяйства, поставляя ему машины, орудия труда и целый ряд предметов, необходимых для улучшения сельскохозяйственного производства, а равно и науку, которая все более и более является решающей силой в области сельскохозяйственного производства. Такого рода мысль была бы поистине безумной мыслью, и люди, находящиеся в здравом уме и твердой памяти, должны ее сразу же отбросить. Совершенно естественно, наоборот, прийти к выводу, что лишь при помощи городской промышленности, руководимой рабочим классом, этим верным помощником крестьянства, можно будет поднимать деревню; и не путем разрушения городов, а путем *сближения промышленности с деревней* и путем хозяйственной и технической помощи этой деревне мы будем постепенно заполнять ту пропасть, которую создала между городом и деревней вся предыдущая история развития человеческого общества. Задачей рабочей партии и задачей Советской власти является именно устранение этого противоречия между городом и деревней. Постепенно мы должны будем строить новые заводы, электрические станции и тому подобные крупные производственные промышленные единицы не только в городских центрах, но и среди сел и деревень, разбрасывая эти предприятия по всей стра-

не и делая их рассадниками и очагами культуры, грамотности, хозяйственных улучшений, политической сознательности среди крестьянского населения страны.

Техническая помощь города, в особенности *электрификация*, а наряду с этим *кооперирование* крестьянских хозяйств, которое, как мы уже знаем, определяет столбовую дорогу в нашей деревне к социализму, явятся мощным рычагом подъема, возрастания деревни, и мало-помалу материальные условия существования в городе и деревне будут выравнены, и притом, по сути дела, с *величайшей пользой для той и другой стороны.* Городской житель, запертый в каменных мешках современных городов, не видящий природы и обреченный в таких условиях, несмотря на относительное материальное благосостояние, на вырождение, выиграет от своего приближения к этой природе. И наоборот, житель деревни чрезвычайно выиграет от того, что повысится производительность его труда и что он будет наконец пользоваться всеми теми благами культуры и цивилизации, которые раньше приходились на долю одних наших врагов. Само собой понятно, что для достижения такого рода общественного строя необходимы громадные перемены, произвести которые возможно лишь в течение долгих и долгих лет. Но тем не менее мы уже сейчас видим, как мы вступили на этот путь.

Внутри города, в свою очередь, мы наблюдаем в настоящее время точно так же чрезвычайно резкое и бросающееся в глаза неравенство. Стоит только сравнить нэпманов и уровень их жизни с жизнью беспризорных и голодающих детей или даже с толпами безработных, чтобы увидеть, как далеки еще мы от того идеального состояния, которое мы поставили себе задачей. Если мы расположим различные уровни жизни в порядке их нисходящей величины, то мы получим целую лестницу разрядов, довольно резко отличающихся друг от друга. Если взять одни лишь крупные подразделения, то все эти разряды можно примерно изобразить в таком виде:

1) *Новая буржуазия* (нэпманы), получающая *прибыль* за счет эксплуатации чужого труда, будет ли то прибыль с промышленного предприятия, будет ли то торговая прибыль, или барыш поставщика, или спекулятивный барыш, или какой-нибудь другой вид так называемого «нетрудового дохода». Очень часто уровень жизни лиц этой категории подходит под тот уровень, который был ха-

рактерен для не особенно крупных капиталистов довоенного времени.

2) *Высшие советские служащие*, главным образом служащие хозяйственных учреждений и хозяйственных органов (директора трестов, члены правлений синдикатов, крупные незаменимые спецы и т. д.).

3) *Так называемые ответственные работники вообще.*

4) *Квалифицированные рабочие.*

5) *Неквалифицированные рабочие.*

6) *Безработные, люмпен-пролетариат* (люди, выбившиеся из колеи, хронические базработные, нищие и т. д.).

Вся эта картина наглядно показывает нам опять-таки, насколько мы *далеки* еще от того, чтобы достигнуть равенства даже в пределах города, который является пока что центром нашей работы и где резче всего выражено господство пролетариата. И тем не менее мы уже ясно видим, что развитие нашего общества необходимо поведет, при правильной политике со стороны нашей партии и Советской власти, к смягчению этих противоречий, к их преодолению и к их уничтожению. В самом деле, возьмем, прежде всего, наиболее яркое проявление неравенства — неравенство в материальном положении буржуазии (нэпманов) и положении рабочего класса в его целом. Как будет изживаться это неравенство? Это нетрудно сообразить после всего того, что было уже нами сказано.

Ведь подъем нашего государственного хозяйства, а равно и кооперации будет сопровождаться *вытеснением* частнопредпринимательской формы хозяйства. Еще до того, как эти формы совершенно погибнут и отомрут, сдаваясь перед победоносным шествием развивающихся социалистических хозяйственных отношений, подъем государственной промышленности будет повышать заработную плату рабочего класса, а, с другой стороны, система налогового обложения будет ограничивать дальнейший рост жизненного уровня новой буржуазии. Окончательное вытеснение частнокапиталистического хозяйства, окончательная победа над ним доведет дело до конца, и это *основное* противоречие, это *основное* неравенство в городах будет таким образом уничтожено. Довольно сложно обстоит вопрос относительно неравенства *между высшими кадрами советских служащих и руководителей*, с одной стороны, и *средним рабочим* — с другой. В числе этих высших и ответственных служащих Советской вла-

сти имеются, наряду со всевозможными специалистами, и бывшие рабочие из наиболее талантливых и культурных «рабочих-передовиков» (например, красные директора и т. п.). Совершенно очевидно, что *это* неравенство вытекает, в своей самой глубокой основе, *из культурной отсталости рабочих масс*, которые были в капиталистическом обществе классом эксплуатируемым, политически угнетенным и культурно придавленным. Для выполнения сложной работы по управлению хозяйством и для ведения целого ряда других подобных работ в других областях управления страной необходим большой запас знаний, опыта, умения. Количество людей из рабочего класса, которые оказались способными выполнять такую роль и научились ей за время революции, а отчасти получивших опыт в руководстве массами и в политической борьбе еще *до* победы рабочего класса, сравнительно само по себе мало. Вполне понятно, что *далеко не вся* рабочая масса в целом могла подняться до такого уровня. С другой стороны, разного рода *специалисты*, которые были таковыми еще и при капиталистическом режиме и накопили большой опыт, научный, управленческий, хозяйственный и т. п., являясь необходимым для жизни и для дела управления людьми в теперешних условиях, точно так же представляются до известной степени незаменимыми силами: вся рабочая масса, в целом, всеми своими составными частями, точно так же не могла еще за короткий срок достигнуть такого высокого культурного уровня. Выполнение же подобного рода работы требует само по себе довольно значительной оплаты, обеспечивающей соответствующий образ жизни. Между тем давать такую же плату всем решительно слоям рабочего класса при теперешней степени развития производительных сил представляется невозможным и неосуществимым. Если бы все рабочие обладали таким же высоким культурным уровнем, то руководящие должности могли бы заниматься по очереди или лишь на определенный срок, и таким образом, на так называемых «ответственных постах» постоянно стояли бы все новые и новые работники, так как в любой деятельности можно было бы одного в любое время заменять другим. Но здесь-то и дает себя знать неравенство культурного уровня и еще большая отсталость масс. Опять-таки здесь нужно отметить, что это вовсе не *вина* этих масс, а их *беда*; таковыми их сделали десятилетия капиталистиче-

ского господства. Однако задачей рабочего класса, который за годы революции чрезвычайно быстро учится в самом ходе борьбы все большему участию своему в активном строительстве социализма, а также все больше обучается в специальных учреждениях (разного рода рабочих организациях, клубах, партийных и советских школах, рабфаках и даже вузах), задачей этого рабочего класса является *преодоление такого рода отсталости в своей собственной среде.* Понятно, что не вся масса рабочего класса движется *совершенно одновременно*, всеми своими слоями. Как не все рабочие могут, при настоящих условиях, стоять на командных постах и занимать совершенно одинаковые места в системе управления, точно так же не могут, в силу совершенно понятных причин, все рабочие *поголовно* быть пропущенными через среднюю и высшую школу.

До более или менее высокого уровня современной науки и техники рабочий класс поднимается, если можно так выразиться, *пачками*, сравнительно *небольшими своими отрядами*, к которым год за годом будут прибывать все новые и новые пачки, все новые и новые отряды, *пока развитие производительных сил нашей страны не создаст достаточного экономического фундамента для того, чтобы дети всех рабочих совершенно нормальным порядком проходили через средние и высшие учебные заведения, через соответствующую практику и, таким образом, вступали в жизнь, преодолевши всяческое, создавшееся прежде, культурное неравенство внутри трудящихся.*

В ослабленной степени то, что мы говорили только что о различии между наиболее культурными из рабочих-передовиков, а равно прежних специалистов, с одной стороны, и рабочей массой вообще — с другой, годится и для вопроса о *неравенстве между различными слоями рабочего класса*, различными в смысле различной квалификации их труда (например, металлисты, с одной стороны, землекопы, строительные рабочие и т. д.— с другой). Механика Советской власти, советского режима в целом, направление всей политики пролетарской диктатуры состоит как раз в том, чтобы, поднимая культурный уровень широких рабочих масс, тем самым *уничтожать «незаменимость» наиболее передовых слоев самого рабочего класса*, уничтожать *разницу* культурных уровней и уничтожать разницу материальных условий существования. Конечно, мы никогда не достигнем пол-

ного равенства людей в том смысле, что люди будут совершенно одинаковы по своему уму, по своей талантливости, по цвету своих волос или форме носа, и совершенно это не нужно. Такое равенство было бы как две капли воды похоже на отчаянную скуку. Не в этом заключается цель наших стремлений. Цель наших стремлений заключается в том, чтобы *достигнуть равенства материальных условий существования, чтобы всем обеспечить нормальные условия развития и, таким образом, дать возможность идти вперед всей массе и выделяться наиболее талантливым и способным не из узкого круга «образованных людей»*, отделенных перегородками от остальных, а *из всего огромного трудящегося человечества.*

И здесь нетрудно понять, что это неравенство, вытекающее из очень глубоких причин, не может быть уничтожено одним взмахом. Можно было бы, конечно, в один прекрасный день издать декрет, по которому все решительно высшие советские служащие, все инженеры, все профессора, все директора трестов и т. д. получали бы столько же, сколько получает простой поденщик. Но мы скоро убедились бы, что при таком положении вещей рабочий класс в целом не выиграл бы, а проиграл; он проиграл бы потому, что при таких условиях работа на этих командных должностях пошла бы неизмеримо туже, дело в значительной степени было бы дезорганизовано, и общие успехи сменились бы положением застоя или попятным движением. Рабочему классу *выгоднее лучше содержать* свою собственную верхушку, а равно и выходцев из буржуазного мира, так называемых специалистов, ибо в таком случае он достигнет в гораздо более короткий срок общего повышения производительных сил и за счет этого повышения может гораздо быстрее улучшить свое собственное положение, а с определенного времени, используя этот рост производительных сил, начать усиленнейшее производство «образованных людей» из все более широкой массы своего собственного класса и трудящихся вообще. Из этого, конечно, не следует, что нужно перебарщивать с высокой оплатой; наоборот, с такого рода «перебарщиваниями» партия должна вести упорную борьбу.

Внутри деревни, наконец, мы имеем точно так же *различные слои крестьянства*, жизненный уровень которых отличается друг от друга довольно резко. Стоит сравнить кулака с батраком или с крестьянином-бедня-

ком. Но это коренное противоречие, характерное для современной деревни, будет точно также медленно уничтожаться по мере роста производительных сил и по мере подъема государственного и кооперативного хозяйства. Мы уже видели раньше, что мы будем все более и более в состоянии оказывать помощь хозяйству середняков и бедноты, которая будет переставать быть беднотой, а с другой стороны, путем целого ряда мероприятий мы будем обрезывать и хозяйственно вытеснять предпринимательские слои крестьянства, т. е. сельскохозяйственную буржуазию. Таким образом, и здесь основной линией нашего развития через определенный промежуток времени, когда начнут еще более быстро подрастать социалистические формы нашего хозяйства, является линия *на уничтожение, на преодоление экономического неравенства*, существующего теперь.

Нужно видеть всю глубину нищеты, темноты, культурной отсталости, неравенства, оставленных нам в наследство капиталистическим порядком вещей, чтобы понять, сколько времени потребуется на переделку всего человеческого материала и на преодоление этого проклятого наследства. Но уже теперь мы видим подъем социалистических форм народного хозяйства, что является главной гарантией, обеспечивающей действительную и реальную политику, ставящую своей целью осуществление экономического равенства. А с другой стороны, уже и теперь мы замечаем, как следующее поколение рабочих и крестьян во все большем масштабе сплошной массой поднимается к новой культурной жизни, чему способствует работа нашей партии, чему способствует вся деятельность и вся политика Советской власти. Раньше лишь одиночки из рабочих и крестьян могли попадать в высшие учебные заведения; теперь с каждым годом во все более широких размерах целые большие слои подрастающего поколения трудящихся уже систематически, так сказать, «в нормальном порядке» проходят через рабфаки и поступают в наши высшие школы. Раньше обычно лишь в зрелом возрасте трудящийся человек вступал в активную политическую жизнь; теперь мы имеем около полутора миллиона одних членов *комсомола*, сынов рабочих и крестьян, которые более или менее равномерно приобщаются с юного возраста к активной общеполитической и общекультурной работе, а поколение еще более молодое — *юные пионеры* — на-

чинает охватывать огромные круги людей, которые уже с самого юного возраста воспитываются, растут и учатся работать на *иной* культурной основе, чем предшествующие поколения.

Завоевание власти пролетариатом не может создать исторического чуда, один только факт победы над буржуазией в гражданской войне не обеспечивает сразу и немедленно равенство между людьми. Но это завоевание власти и укрепление рабочей диктатуры в стране в конце концов создает такого рода условия, при которых отчетливым становится *наше движение по направлению* к этому экономическому равенству.

XIV. ПОЛИТИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО, ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ И УНИЧТОЖЕНИЕ ПОЛИТИКИ ВООБЩЕ

Перейдем теперь к рассмотрению того неравенства, которое у нас имеется в области *политической*, в области политических прав. Здесь, прежде всего, необходимо перечислить те факты, в которых находит свое выражение это политическое неравенство.

1) По нашему законодательству не имеют избирательных прав люди, *живущие на нетрудовой доход* (нэпманы, кулаки, всякого рода лица, эксплуатирующие для получения прибыли рабочую силу в том или ином виде)[27]. «Страдающими лицами» являются здесь, таким образом, такие слои населения, которые по своему материальному благосостоянию и по уровню своей жизни стоят на *самой высокой* ступени, являются в нашем строе осколками прежнего капиталистического общества, прежних господствующих классов, которые теперь попали под железную руку пролетарской диктатуры.

2) *Трудовое крестьянство* не имеет таких же прав, как пролетариат, потому, что оно выбирает равное число делегатов при выборах в советские органы власти от значительно большего количества избирателей, чем рабочий класс в городах и фабричных поселках[28]. Здесь есть, таким образом, налицо неравенство политических прав между рабочим классом, с одной стороны, трудящимся крестьянством — с другой, причем это неравенство совершенно очевидно склоняется к перевесу прав на стороне рабочего класса.

3) *Пролетариат* пользуется политическими преимуществами (привилегиями) и в нашем законодательстве занимает первенствующее положение.

Причины такого рода законодательства, закрепляющие политическое неравенство между различными классами нашего общества, довольно ясны и довольно понятны. У нас имеются налицо три класса: рабочий класс, широкая крестьянская масса и, наконец, допущенная к сотрудничеству в обществе буржуазия. Мы знаем, что если мы хотим обеспечить коренные интересы трудящихся, то необходимо обеспечить *руководство пролетариата* и его *союз* с крестьянством *против буржуазии*; мы знаем точно так же, что крестьянство склонно, в силу своего социального положения, а также в силу особых трудностей момента, переходить временами к колебаниям в сторону этой буржуазии, и, наконец, мы знаем, что если бы новая буржуазия возрастала, укреплялась, расправляла свои крылья и осиливала рабочий класс в борьбе за крестьянство, то отсюда проистекли бы неизбежные опасности подрыва всего дела революции. Рабочий класс в нашей стране является наиболее сознательной силой, но он по своей численности насчитывает примерно лишь *одну десятую* крестьянского населения. Для того чтобы руль не вырвался из его рук, необходимо на *данной* ступени развития прежде и раньше всего политически *обезвредить буржуазию* и не дать ей возможности распространять свое политическое влияние на крестьянство и на промежуточные мелкобуржуазные городские слои. Отсюда вытекает и лишение политических прав частных предпринимателей, купцов, лавочников, торговцев, кулаков, нэпманов вообще.

Из того обстоятельства, что крестьянство склонно к величайшим колебаниям и что существует опасность, в силу которой темнота и некультурность крестьянства, в связи с его социальным положением, может толкнуть его, иногда *вопреки его же собственным коренным интересам*, идти за буржуазией, вытекают известные преимущества и политические привилегии, имеющиеся в нашем законодательстве по отношению к *рабочему классу*. Эти преимущества и привилегии служат *добавочной страховкой*, обеспечивающей руководящую роль рабочему классу в нашей стране.

Что касается ограничения или лишения избирательных прав всяческой буржуазии, то вряд ли кто-либо

из трудящихся будет против этого возражать; против этого могут возражать лишь явные или тайные приверженцы этой буржуазии, вроде меньшевиков и эсеров, которые ни капли не верят в возможность осуществления на деле социалистического строя, о котором так много болтают на словах. Им до сих пор кажется, что в России произошла какая-то историческая случайность, что развитие нашего общества неизбежно пойдет по капиталистическому пути и что, чем скорее лопнет Советская власть, чем скорее кончится этот тяжелый сон (для буржуазии), тем будет лучше. Для всякого человека, который всерьез верит словам о социализме и для которого, следовательно, слово не расходится с делом, который верит в необходимость и возможность построения социалистического общества и который отнюдь не хочет возврата к капиталистическому строю,— для такого человека более чем понятно ограничение и лишение политических прав буржуазных элементов в нашей стране.

Неизмеримо сложнее является вопрос о *политическом неравенстве между рабочим классом и крестьянством.* Здесь люди очень часто подменяют трезвые рассуждения моральными, которые ничего общего с политикой не имеют. Говорят, например: разве крестьянин не трудится иногда больше, чем рабочий? Где же справедливость, когда вы ему даете меньше политических прав, чем городскому рабочему? Разве крестьянство не составляет огромнейшего большинства населения в нашей стране? Почему же, если большинство трудящихся состоит из крестьян, почему же пролетарское меньшинство должно искусственно навязывать свою волю огромнейшему большинству трудящихся? Крестьянин не дармоедствует, он не паразитствует, он — не буржуа, а трудящийся. Где же опять-таки здесь хотя бы самая элементарная (простая) справедливость? И не есть ли это отступление от заветов равенства среди трудящихся, на которых только и можно строить настоящий мост к социализму?

Такого рода рассуждения, кажущиеся иногда убедительными, страдают, однако, тем основным пороком, что они вместо трезвого учета сил и вместо трезвого обсуждения вопроса говорят лишь жалкие слова. Если уж зашла речь о справедливости, то вопрос нужно поставить таким образом:

Справедливо или несправедливо было бы, если бы мы *проворонили все дело социализма*? Справедливо или несправедливо было бы, если бы мы дали возможность буржуазии *околпачить нас и возвратить старый порядок вещей*? Стоит только *таким* образом поставить вопрос, чтобы получить на этот вопрос сразу же отрицательный ответ. Конечно, было бы в высшей степени «несправедливо», а попросту говоря, прямо глупо, если бы мы действительно проворонили дело социализма. Но ведь мы знаем, что дело социализма не только не противоречит коренным интересам всех трудящихся, но что в конечном счете от осуществления социализма выиграют *не только рабочий класс*, *но и широкие крестьянские массы*. Следовательно, и с точки зрения рабочего класса, и с точки зрения *коренных* интересов крестьянства провал социализма был бы с нашей стороны прямым политическим преступлением, если бы мы провалили наше дело по своей собственной вине.

Но ведь мы знаем и мы твердо уверены в том, что мы можем прийти к социализму *только и исключительно* при условии союза рабочего класса и крестьянства; мы знаем, что мы придем к победе *только и исключительно при руководстве рабочего класса в этом союзе*. Мы знаем, что подрыв пролетарской диктатуры, т. е. подрыв этого руководства, есть подрыв всего дела социализма. Вот почему мы должны принять *все меры для того*, *чтобы это руководство обеспечить*. И если в настоящее время еще есть опасность известных колебаний со стороны крестьянства или его некоторой части, причем эти колебания на деле идут *против коренных интересов этого же самого крестьянства*, то мы должны пойти на известное политическое неравенство между пролетариатом и крестьянством для того, чтобы дать в руки пролетариату некоторую *добавочную* гарантию, обеспечивающую за ним руководящую роль.

В конце концов, как нетрудно понять, такого рода политика не только не противоречит, но, наоборот, выражает *коренные* интересы крестьянства, которые очень часто, благодаря отсталости и темноте крестьянского населения, *прикрыты* от его глаз пеленой *временных*, или *кажущихся*, или *второстепенных и производных* интересов, менее важных и менее существенных для крестьянства, интересов, которыми нужно уметь жертвовать ради интересов более основных и более коренных.

Рабочий класс и его партия говорят об этом политическом неравенстве между пролетариатом и крестьянством совершенно открыто, признавая перед всеми существование этого неравенства; но точно так же мы открыто говорим, что эти привилегии рабочего класса являются лишь *временными* и будут *исчезать* по мере роста сознательности и по мере переделки нашей крестьянской массы. Чем дальше будет идти вперед дело социалистического строительства, чем больше и больше будут отходить на задний план оставшиеся еще у буржуазии силы и чем больше и быстрее будут укрепляться социалистические формы нашего народного хозяйства; чем крепче, следовательно, будет фундамент экономической смычки между рабочим классом и крестьянством, а следовательно, чем больше будет политическое влияние пролетариата на это крестьянство,— *тем меньше будет необходимости в этих привилегиях для рабочего класса*. Они будут постепенно все уменьшаться и сделаются в конце концов совершенно излишними. А общее дальнейшее укрепление пролетарского влияния и переработка в социалистическом духе широких масс трудящихся сделают неопасным противоположное влияние со стороны даже оставшихся буржуазных элементов, и, таким образом, мы в конце концов перейдем к системе всеобщего и равного избирательного права в наши советские органы.

А если мы посмотрим еще дальше, в глубь нашего будущего, то мы увидим такое время, когда все перегородки между классами отпадут, когда уничтожится грань между трудящимися города и деревни, когда исчезнет необходимость в органах государственного принуждения вообще (если только к тому времени будут низвергнуты капиталистические государства в других странах мира) и когда целиком и полностью отомрет всякая политика. Эта политика заменится одним лишь научным управлением и научным руководством общественным хозяйством.

XV. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВИЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РУКОВОДСТВА И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

Мы видели уже раньше, что правильная политика обеспечивается правильным руководством, а правильное руководство обеспечивается со-

вершенно определенным сочетанием различных общественных классов и их организаций друг с другом. Для того чтобы это руководство действительно было обеспечено, необходимо, чтобы крестьянство шло за рабочим классом, чтобы рабочий класс шел за своими профессиональными союзами, чтобы эти профессиональные союзы, в свою очередь, шли за головным отрядом рабочего класса, за его *партией*, которая должна являться основной руководящей силой всего рабоче-крестьянского блока.

В нашей жизни имеется, как мы знаем, бесконечное количество всевозможных противоречий: противоречия между классами, противоречия между рабочим классом и крестьянством, противоречия внутри самого рабочего класса, противоречия между различными по своему национальному составу частями нашей огромнейшей страны. Необходимо, чтобы существовала в недрах самого рабочего класса такая сила, которая наиболее ясно видела бы все эти противоречия, стояла бы на дозорной вышке и вовремя замечала бы все опасности, умела бы на всех ступенях развития подчинять второстепенное коренному и основному и обнаруживала бы небывалое единство воли и способности к руководству.

Такой организацией рабочего класса и является *коммунистическая партия*; этот самый передовой отряд пролетариата, отряд, вобравший в себя самые решительные, самые сознательные, самые передовые и самые смелые элементы рабочего класса нашей страны.

Именно потому, что коммунистическая партия представляет из себя головной отряд рабочего класса и основную руководящую силу в стране, именно поэтому, прежде всего, по ней стреляют все враги рабочего класса: открытые белогвардейцы и сторонники возвращения к помещичье-буржуазному или буржуазному режиму, вроде российских белых монархистов, кадетов и прочих открытых сторонников помещичьего и буржуазного строя; прикрытые враги социализма и прикрытые сторонники капиталистического строя, вроде меньшевиков, так называемых социалистов-революционеров и т. п. Все они считают своей политической задачей подпилить партийные столбы для того, чтобы вслед за ними свалилось и все здание рабочей диктатуры, Советской власти и был оборван тот путь, на который рабочий класс вступил с первых же дней своей октябрьской победы.

Укрепление влияния партии есть предпосылка, необходимейшее условие пролетарской диктатуры: если нет руководящей роли со стороны партии по отношению к рабочему классу, а затем и к крестьянству, то нет и диктатуры рабочего класса; если нет связи между партией и беспартийными рабочими и крестьянами, тогда не может существовать и быть крепкой Советская власть.

Мы видели выше, что если мы будем рассматривать отношения, складывающиеся внутри рабочего класса, то мы будем иметь во главе этого рабочего класса коммунистическую партию, которая обеспечивает свое влияние на целый ряд других организаций рабочего класса, более широких по своему составу, в первую очередь на профессиональные союзы, эту чрезвычайно широкую форму организации пролетариата, а с другой стороны, на Советы рабочих депутатов, которые представляют из себя государственную форму организации этого пролетариата, опирающуюся на широкие крестьянские слои. Через эти организации, которые, в свою очередь непосредственно смыкаются с беспартийными рабочими, партия обеспечивает правильное руководство всей совокупностью и всеми составными частями пролетарских масс.

Можно спросить себя, однако: что же соответствует у крестьянства тому, чем у пролетариата является его *профессиональная организация*?

Если мы берем таких же рабочих, как в промышленности, но только работающих на земле, то речь идет, конечно, о сельскохозяйственных батраках, о сельскохозяйственных наемных рабочих, для которых, конечно, целесообразно иметь точно так же, как и для рабочих тех или других профессий, свой профессиональный союз. Такой профессиональный союз работников земли существует, это есть Всеработземлес. Если мы спросим себя, однако, в чем состоят особые интересы («профессиональные интересы») крестьянина, то мы совершенно ясно увидим здесь, прежде всего, что крестьянин не работает, как рабочий, а работает в своем собственном хозяйстве и его частнохозяйственный интерес, который вытекает из его положения как мелкого самостоятельного производителя, имеющего свое собственное хозяйство, заключается в том, чтобы выгоднее *продавать* продукты своего хозяйства, чтобы выгоднее *покупать* те продукты, которые поступают к нему из государственной промышленности и которые необходимы для него и в его каче-

стве потребителя, и в его качестве руководителя своего маленького хозяйства; наконец, для него выгодно иметь более дешевый кредит, который нужен ему в хозяйственной деятельности. Его общий коренной интерес заключается в том, чтобы совместно с рабочим классом не допустить возвращения старого порядка вещей, не допустить образования новых помещиков и постепенно улучшать свое хозяйство на основе все дальше и дальше растущего кооперативного объединения крестьянских дворов. *Но ведь все эти задачи решает именно сельскохозяйственная кооперация*, а наряду с нею такого рода подсобные организации, как кресткомы и пр.

Не нужно, однако, скрывать от себя, что до последнего времени крестьяне еще не получили особого доверия к кооперативному движению. Это происходило в значительнейшей мере оттого, что кооперация у нас страдала многочисленными недостатками и крестьянин не находил в ней того, что он должен был в ней находить.

Эти недостатки достались нам в наследство от времени военного коммунизма. Теперь их нужно решительнейшим образом изживать. Прежде всего, речь должна идти о полной *добровольности* кооперации и *о внутрикооперативной демократии, т. е. о выборности* правления и всех должностных лиц. Крестьянин не понесет своих паев и не будет доверять своих денег сплошь назначенным сверху лицам. Он хочет иметь людей, которых он знает, которым он доверяет. Только тогда он будет энергичным образом строить кооперацию, только тогда он будет кровно в ней заинтересован.

Чтобы кооперация сыграла ту роль, какую мы ей отводим, необходимо решить две задачи:

во-первых, задачу *хозяйственного* укрепления кооперации, т. е. задачу накопления кооперативного «капитала», задачу роста кооперативных оборотов и так далее;

во-вторых, задачу *втягивания масс* в дело кооперативного строительства; если этого втягивания масс не будет, то кооперация потеряет одну из самых существеннейших своих особенностей.

Эти задачи нельзя, однако, решить, если не будет проведена *добровольность* кооперативного членства и полная *выборность* руководителей кооперативных организаций. Разумеется, партия, опираясь на бедняков и середняков, должна бороться на выборах *убеждением*. Но *сами* крестьяне должны выбирать. Тогда самодеятельность

крестьянских масс и рост их активности неизбежно приведут к быстрому росту нашей сельскохозяйственной кооперации.

Необходимо, далее, поставить дело так, чтобы *избавить* кооперацию от *излишних* задач, которые прямо подлежат решению со стороны *государственных органов*. Кооперация, конечно, должна быть связана с органами Советской власти, но у нее свои, особые, задачи, наряду с общими задачами. Если бы, например, кооперация стала собирать налог, это было бы неправильно, точно так же, как неправильно было бы, если б в городах профсоюзы рабочих выполняли *непосредственно* задачи государственного управления фабриками и заводами. Если на кооперацию нагружают такие задачи, которые требуют больших *жертв* со стороны крестьянства, то, разумеется, туда будут идти не с большой охотой; и не так поэтому нужно вести дело. Кооперация должна стать для крестьянина *органом его хозяйственного подъема*. Тогда, при обеспечении выборности и добровольчества, кооперация станет *любимейшей* организацией крестьянства. А при связи ее с промышленностью и органами Советского государства вообще она сыграет *на деле* ту роль, которую отводит ей сейчас наша партия.

Оживление Советов и подъем кооперативного движения [29] — основные задачи нашей партии в деревне. Если партия, а вместе с нею и через нее — рабочий класс упрочит свое влияние на крестьянские массы, тогда дело социализма будет *обеспечено у нас наверняка*.

Мы уже говорили о том, что даже у трудового крестьянина, как это принято говорить, есть «две души»: с одной стороны, он является тружеником, борется с помещиком-капиталистом, а с другой стороны, он является собственником, не прочь сам принанять, если разбогатеет, работника, и поэтому имеет известное уважение к крупным собственникам, т. е. к буржуа. Это — во-первых, а во-вторых, в среде крестьянства есть различные слои, начиная от эксплуатируемых и кончая эксплуататорами (беднота и кулаки; полубатраки, подрабатывающие частично продажей своей рабочей силы и их наниматели, зажиточные, богатые, так называемые мироеды). Когда крестьянина организует и на него влияет коммунистическая партия (прямо или косвенно, непосредственно включая крестьянина в свой состав или косвенно влияя на него через свое влияние на кооперативы,

кресткомы и ряд других организаций), то эта коммунистическая партия организует его *трудовую душу*, переводит его постепенно на рельсы общественной работы через кооперацию; приучает к этой работе через Советы, вовлекая его в дело социалистического правительства, через партию — непосредственно перерабатывая его в том духе, который соответствует целям и задачам социалистического строительства. Если бы в крестьянстве выросла *другая* партия *против* коммунистической партии (под каким угодно названием), она могла бы иметь и неизбежно должна была бы иметь только один смысл, только одно значение, она будет всемерно усиливать организовывать «*нетрудовую* душу» крестьянина; она будет организовывать и усиливать как раз его уклоны в сторону к *буржуазии*; она будет холить и лелеять, растить и выхаживать как раз те черты, которые воплощают собою эти *колебания* крестьянства, *вредные* для дела социалистического строительства; она, в силу самого хода вещей, будет неизбежно, так сказать, натравливать временные и производные интересы крестьянства против коренных и основных интересов, мелкобуржуазные предрассудки против социалистической линии развития, кулацкие замашки против пролетарской солидарности; она не только не будет сглаживать трения между рабочим классом и крестьянством, а она будет *обострять* эти трения; она не только не будет вести линию на рабоче-крестьянский союз и на добровольное признание пролетарского руководства,— наоборот, она будет ставить своей задачей так называемое высвобождение от пролетарского руководства, что *на самом деле означает не что иное, как влияние на крестьянство и руководство крестьянством со стороны буржуазии* и идейной агентуры этой буржуазии (эсеров, меньшевиков, трудовиков [30] и тому подобных соглашательских партий).

Таким образом, победа рабоче-крестьянского дела предполагает руководство со стороны коммунистической партии. Но это руководство, в свою очередь, должно опираться на всемерное укрепление *Советов и кооперации*, на *подъем промышленности*. Будут правильно решаться эти задачи — тогда крестьянство наново убедится, что рабоче-крестьянский союз и руководство пролетариата необходимы, как воздух, с точки зрения коренных крестьянских интересов.

XVI. МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СССР

До сих пор мы рассматривали все вопросы исключительно с нашей *внутренней точки зрения.* Между тем мы ведь живем вовсе не одни на земном шаре, а мы окружены капиталистическими государствами, которые боятся нашего роста и которые, по сути дела, являются нашими непримиримыми врагами. До сих пор ни в одной стране, кроме нашей, рабочий класс не был в состоянии свалить свою буржуазию и захватить власть в свои руки. Естественно поэтому встает перед нами вопрос: да можем ли мы построить социализм в одной нашей стране без прямой поддержки со стороны победоносного пролетариата других стран?

Мы сумели *захватить власть* в одной стране, мы сумели отбиться от со всех сторон наседавших на нас противников, мы сумели начать подъем нашего хозяйства, мы сумели укрепить и упрочить строй пролетарской диктатуры. Но есть ли у нас гарантия от того, что на нас не нападут иностранные хищники, что не будет никаких новых «интервенций» с их стороны? Такой гарантией могла бы явиться лишь *победа пролетариата в нескольких других капиталистических странах.* Вот почему наши интересы крепко и раз навсегда спаяны с интересами международного рабочего класса и с интересами угнетенного колониального крестьянства, которое в своих возмущениях против гнета империализма подтачивает силы наших злейших противников и врагов. Вот почему наша партия совершила бы измену и предательство по отношению к интересам нашего рабочего класса и крестьянства, если бы она перестала быть *партией международной революции.* Никогда не нужно забывать ни на одну минуту того обстоятельства, что наше мирное строительство может быть нарушено внезапным прыжком на нас со стороны ближних соседей. Никогда не нужно баюкать себя мечтой о том, будто бы мы оставлены в покое раз и навсегда. И потому неразрывной и нерушимой должна быть наша *братская связь с трудящимися массами других стран,* с массами, которые являются нашими надежнейшими союзниками и нашей могущественнейшей опорой в стане противника.

По опыту гражданской войны, по опыту прошлой интервенции капиталистических держав, которые поддер-

живали всех взбунтовавшихся контрреволюционных генералов, мы знаем, какую огромную помощь уже тогда принес нам международный пролетариат, все время державший за фалды всю буржуазию, не раз мешавший ей успешно проводить ее палаческое дело в нашей стране. Всем известны бунты французских матросов в Одессе, всем известно, как с архангельского фронта ушли английские отряды, все знают, что неоднократно рабочие массы Европы мешали посылке войск, спарядов и оружия, направлявшихся нашим противником для расправы с молодыми советскими республиками. Этот опыт показывает нам, что международная пролетарская солидарность, что солидарность трудящихся вообще не есть просто красное словцо, которым можно утешать себя и которым можно забавляться по праздничным дням, Нет, это самое *реальное дело*, которое имеет громаднейшее практическое значение для вопроса о всей нашей судьбе, о всем нашем будущем, о путях всего нашего развития.

Таким образом, *окончательной гарантией от восстановления старого порядка*, *принесенного на штыках иностранных армий*, может служить лишь международная революция, приверженцем, сторонником и носителем которой должна быть наша партия.

Но может быть, нам суждено погибнуть не от нападения внешнего врага, а от нашей собственной отсталости, от того, что, не имея *технической* и *экономической* помощи со стороны победоносного пролетариата других стран, не имея этой помощи в течение довольно долгого срока, мы неизбежно падем *жертвой своей отсталости*, *своего экономического слабосилия*? Быть может, *мелкобуржуазный характер* страны, подавляющее большинство в ней крестьянского населения, незначительность рабочего класса, к тому же обессиленного долгими годами империалистической и гражданской войн, приведут с «железной необходимостью» к краху всего нашего строительства?

Такие утверждения, выражающие глубочайшее неверие в силы нашей революции, совершенно *неправильны* и ни на чем ровно не основаны. Правда, отсутствие помощи, технической и экономической, со стороны рабочего класса других стран, который, к сожалению, еще не пришел к власти, чрезвычайно *замедлит* наш хозяйственный рост, а вместе с ним и весь темп социалистического строительства в нашей стране. Получи мы такую

добавочную помощь, мы, конечно, пошли бы несравненно *быстрее* по пути хозяйственного подъема, а вместе с тем сравнительно быстро стали бы развертывать все дело нашего строительства: и в области экономической, и в области политической, и в области культурно-бытовой, и в области всевозможных наук и так называемой духовной культуры. Конечно, *без* такой помощи мы пойдем *медленнее* в своем развитии, но *мы все же будем неуклонно идти вперед, как то уже с достаточной ясностью показал опыт первых лет, свободных от гражданской войны* и от непосредственной работы на поле сражения.

В самом деле, на протяжении этой брошюры мы не раз уже говорили о том, что, поднимая производительные силы всего нашего народного хозяйства в целом, мы в то же самое время замечаем все больший рост *социалистических форм* в нашем народном хозяйстве и таких форм этого народного хозяйства, которые все более и более развиваются по *социалистическому пути*. Никак нельзя сказать, что в хозяйственной борьбе частнопредпринимательского капитала всех его видов и оттенков, с одной стороны, и государственных предприятий и кооперации — с другой, частный капитал выходит победителем. Наоборот, мы знаем, что он относительно *отступает* на задний план, что все сильнее и могучее становятся хозяйственные командные высоты и что, таким образом, дело социализма идет вперед. Если оно шло вперед уже в *первые* годы мирного времени, то где же основания утверждать, что в дальнейшем мы будем иметь попятное движение? Где хоть тень доказательства или тень намека на доказательство того, что в *последующие* годы условия развития будут более неблагоприятны для государственного хозяйства и кооперации, чем они были в первые годы нашего хозяйственного подъема? Наоборот, если *таких* доказательств нет, то можно, с другой стороны, указать на целый ряд причин, которые говорят о вероятности *гораздо больших успехов* в будущем. Все больше и больше будут обнаруживаться преимущества *крупного производства* вообще; все большая экономия и выгода будет получаться для государственного хозяйства от роста его *плановости*, т. е. планомерного и наиболее целесообразного использования всех материальных средств и рабочей силы этого хозяйства; все большие суммы будут находиться в распоряжении государствен-

ной власти, которая будет в состоянии с большей широтой помогать делу организации крестьянства через строительство кооперации и т. д. и т. п.

По сути дела, мы уже теперь доказали, что можно строить социализм даже *без непосредственной технико-экономической помощи из других стран.* Правда, формы нашего социализма в ближайший период его строительства будут неизбежно формами отсталого социализма [31], но это не беда потому, что даже и эти формы гарантируют нам все дальнейшее и дальнейшее продвижение вперед к формам социализма, все более совершенным и и все более полным.

Нужно помнить, что даже капиталистический строй, который развивался в течение *ряда столетий*, на закате своего развития, в свою империалистическую эпоху, имел, несмотря на такой почтенный возраст, различные формы и различные, так сказать, «национальные черты». Американский капитализм еще и сейчас довольно сильно отличается от французского, германский — от английского и т. д. и т. п. Американский капитализм носит резко выраженные черты монополистического капитализма с господством банков, сросшихся с могучими организациями отечественной промышленности (тресты). Французский капитализм — это капитализм по преимуществу ростовщического типа, со сравнительпо слабо развитой внутри страны промышленностью, капитализм, дающий деньги в *ссуду* другим государствам, сосущий эти другие государства и отличающийся чрезвычайно малой производственной деятельностью внутри страны; в его лоне приютились и мелкие крестьянские хозяйства, тогда, как, например, в системе английского капитализма этот капитализм пожрал уже целиком хозяйство свободного крестьянина и сумел соединить черты мирового грабителя с энергичной дятельностью по развитию своей собственной отечественной промышленности. Русский капитализм точно так же имел свои особые черты. Эти черты заключались, прежде всего, в том, что капиталистический строй вообще у нас был слабо развит, если брать все народное хозяйство страны в его целом. Это находило свое выражение в том, что в системе российского капитализма громаднейшее значение имело мелкое крестьянское хозяйство, барин-помещик полукрепостнического типа (вместо капиталиста-помещика, употребляющего паемный труд); громадное значение имела также мелкая

промышленность (ремесленники, кустари), которую далеко не успел слопать в своем победоносном шествии крупный капитал. Но в то же самое время если взять одно лишь крупное промышленное производство, то в области этого крупного промышленного производства мы имели очень значительный процент так называемых гигантских предприятий (свыше 10 000 рабочих, вроде морозовских мануфактур, южнорусских сталелитейных заводов и т. п. промышленных гигантов). Это объясняется в значительной мере влиянием *иностранного капитала*, который насаждал в нашей стране огромные предприятия, оборудованные часто по последнему слову западноевропейской техники.

Вот это соединение страшного, полукрепостнического варварства и страшной хозяйственной отсталости вообще с самыми передовыми формами, до которых дошел западноевропейский капитализм, и составляло отличительную особенность российского капитализма, его, как это называют, «национальное лицо».

Но ведь движение к социализму начинается не с пустого места; движение к социализму начинается после захвата политической власти в руки рабочего класса, причем на долю этого рабочего класса *достается наследство, оставленное ему капиталистическим строем.* После вышесказанного совершенно ясно, что это наследство в разных капиталистических странах будет выглядеть *поразному.* И если капитализм в разных странах имел свои особенности, то совершенно понятно, что и *социализм в первый период своего развития, до слияния всех стран мира в одно единое целое, неизбежно будет отличаться точно так же своими особенностями, которые вытекают из особенностей предыдущего развития.* То, что у нас налицо имелось сочетание передовых капиталистических крупных предприятий с крайне отсталыми хозяйственными формами, неизбежно накладывает свою печать и на формы строящегося в нашей стране *социализма*; из наличия мелких торговцев и мелких предпринимателей вытекает, что они останутся существовать еще известное количество времени и при нашем режиме; из наличия огромнейших слоев крестьянства, с его неизмеримо крупным хозяйственным значением в нашей стране, вытекает, во-первых, сравнительно долгий путь к достижению полного социализма, во-вторых, огромнейшее значение *сельскохозяйственной кооперации*, как столбовой дороги

развития крестьянского хозяйства к социализму, а из наличия крупных предприятий, объединяющих в своих стенах многие тысячи пролетариев, вытекает самая возможность пролетарского руководства в нашей стране.

В других странах (если не говорить о колониях), например в Англии, где крестьянское хозяйство играет совсем маленькую роль, формы организации народного хозяйства будут неизбежно другими и ход развития будет отличаться гораздо более *быстрым* темпом по сравнению с нашим. Наоборот, если мы будем рассматривать и те задачи, которые станут перед западноевропейским пролетариатом по отношению к бывшим колониям, где живет масса крестьянского населения, то там будет много задач и много хозяйственных форм, напоминающих те вопросы и задачи, которые мы решаем у себя, и те организационные формы хозяйственной жизни, которыми отличается *наше* строительство. Мы нисколько не должны стыдиться того, что наш социализм, который строим мы, является неизбежно отсталым типом социалистического строительства. Не наша в том вина, но мы можем быть вполне уверены, что у нас *есть возможности для бесконечного продвижения вперед*, для совершенствования этих форм, для изживания нашей отсталости, для все ускоряющегося перехода к действительно полному типу социалистического общества.

Наша страна сейчас еще только-только начала вылезать из поистине ужасающей нищеты, и было бы прямо безумием даже заикаться о том, чтобы почить на лаврах или начать отдыхать. Нам предстоит изжить еще ужасную нищету, остатки голода, грязи, темноты, варварства и косности; но мы уже ясно видим перед собою широкий и правильный путь, по которому мы доберемся и до нашей окончательной победы.

СУДЬБЫ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ *
1925 г.

I

По поводу речи А. В. Луначарского [2] я могу сделать только одно замечание, имеющее вид некоторого расхождения, как и со многими товарищами нашего марксистского лагеря.

А. В. квалифицирует интеллигенцию, как мелкую буржуазию. Давая такое определение интеллигенции, он видит перед собою только российскую интеллигенцию. Если же мы возьмем не только российскую интеллигенцию, а также и западную, то увидим, как это определение недостаточно.

Прежде всего я должен сказать, что мелкая буржуазия есть постоянно распадающийся класс, который в ходе капиталистического развития исчезает. Между тем есть значительные слои интеллигенции, которые в ходе капиталистического развития не исчезают, но нарастают, которые хотя и являются продуктом прошлого, но вместе с тем продуктом специфически-капиталистическим, которые становятся все нужнее и которых квалифицировать таким образом нельзя [3]. Вот, если вы возьмете последний американский ценз, то увидите, что из всех общественных группировок категория служащих, в том числе высших, растет быстрее всех других [4]. А если возьмете рост доходов, то увидите, что ни одна профессия не имеет такого повышения их, как инженерская. Следовательно, это общая картина. Я беру картину капитализма, который не потрясен, не дезорганизован, который стоит на всех четы-

* Настоящая статья представляет собою стенограмму речи, произнесенной тов. Н. И. Бухариным на диспуте о судьбах русской интеллигенции, происходившем 10 марта в Большом зале консерватории. Сборник, включающий в себя доклад и все речи, произнесенные на диспуте, находится в печати.— *Ред.*[1]

рех ногах. Тут надо искать основные тенденции капиталистического развития. Существует даже определенный термин, который не в марксистской литературе выдвинут и который имеет все права гражданства: интеллигенцию называют третьим сословием. Ее рост связывают с ростом крупного производства.

Я должен высказать еще одно соображение, которое имеет общетеоретическое значение. Нужно ясно видеть пред собою, что с ростом производительных сил мы имеем не только расширение всего поля материального производства, но с ростом производительных сил мы имеем абсолютное падение роста числа рабочих, занятых в сфере материального труда. В то же время мы имеем в деревне растущий процесс физического труда и труда духовного, т. е. чем дальше идет процесс развития, тем больше создаются новые виды интеллектуального труда. Парадоксально выражаясь, можно сказать в известной степени, что максимум развития производительных сил совпадает с исчезновением физического труда. В капиталистическом обществе этот процесс совершенно явственно нам демонстрируется.

Это одно замечание, которое я считал уместным сделать, хотя это ни капли не нарушает нашего согласия с т. Луначарским в общем и целом.

Затем еще одно замечание. У нас очень часто в одну категорию относятся совершенно различные величины, которые между собою мало имеют общего. Так происходит и с понятием «мелкая буржуазия». Я приведу пример. Если берете попа или псаломщика, что это такое? Совершенно ясно, что с известной точки зрения это — составная часть интеллигенции, но, с другой стороны, совершенно ясно, что между попом, псаломщиком и инженером по социальному положению чрезвычайно большая разница.

Теперь я должен опереться на тот материал, который дал т. Сакулин [5]. Я тоже говорю: давайте говорить начистоту. Вы призывали к искренности.

Я должен сделать первое основное замечание. П. Н. Сакулин в своей речи призывает нас идти не вперед, а назад, как это ни странно. Он выдвинул основное положение такое. Конечно, для представителей власти, господствующей партии, можно дозволить такую роскошь, как политический подход, но если рассуждать по чести, то это в лучшем случае однобокость. Что тут правильно

и что неправильно? Правильно то, что нельзя подходить к биологу и все время говорить насчет советской системы. Это было бы глупо. Правильно то, что если мы хотим провести какую-нибудь точку зрения свою собственную или хотим указать метод воздействия, то надо вообще входить в сферу их работы. Если я выступаю на съезде инженеров, то говорю по-одному, на съезде водников — по-другому, в среде крестьян по-особому. Конечно, говорю поразному не с той точки зрения, что я должен изменять свою политическую линию, но я должен в целях психологического воздействия, в целях смычки учитывать ту обстановку, в которой выступаю. Если я ставлю задачу борьбы, то я должен быть в курсе дела, не барабаня, а действительно понимая все политические и идеологические зацепки. Но дальше следует «но», которое вырастает из маленького в громадное и которое покрывает все.

Когда вы говорите, что нужно подходить к культурному работнику с точки зрения культуры и что особенно нехорошо подходить с политической точки зрения, то тут есть попытка тащить нас назад с завоеванных позиций. Нам надо приучиться изгонять положения, которые к делу не идут, хотя сами по себе благородны. Можно сказать о целом ряде лиц, что они благородны, серебряных ложек не крадут, цветут розы, они их не сорвут, но, тем не менее, с точки зрения объективного хода событий эта добродетель обретается в «нетях». Говорят, что и Столыпин[6] был хороший семьянин, честный человек. Разве трагедия интеллигенции заключалась в том, что это были мошенники или жулики, которые старались вредить народу? Ни капли. Тогда никакой трагедии не было бы. Мы отлично знаем и прямо говорим, что в первое время Октябрьской революции к нам пошла худшая часть интеллигенции или самая квалифицированная вроде Тимирязева[7], который размахом своей мысли являлся белой вороной. Таких белых ворон было раз-два, и обчелся. Большинство честной интеллигенции было против нас. Почему? Потому, что она разделяла те взгляды, которые у глубокоуважаемого П. Н. сидят еще и сейчас.

П. Н. Сакулин заявил, что о саботаже[8] мы потом поговорим, историю писать еще рано. Он говорит: с чего вы начали? Вы посягнули на свободу научного исследования. Но разве при царизме была свобода науки? Даже при Керенском[9], я спрошу вас, сколько было большевистских профессоров? Что вы считали свободой исследования? Вы

считали свободой исследования в рамках тех понятий и систем, социологическое построение которых было терпимо для господствующего режима. В этих рамках была полная свобода. Но представьте, мы допускаем свободу исследований в рамках нашего режима. С этой точки зрения у нас такие же рамки. Почему же вы то считаете свободой, а это нет? А учительница добродетельная! Вы говорите затем о добродетельной учительнице, которая голодала. С известной точки зрения это определяет ее квалификацию, но это к делу имеет мало отношения. В лучшем случае она боролась с царским режимом, но не выходила из круга тех понятий частной собственности, которые существовали. Почему, когда пролетариат посягнул на частную собственность, она не пошла с ним? Потому, что она отражала идеологию среды. В этом-то и заключалась трагедия, что люди не понимали всего исторического захвата событий. Как представляли себе все эти сливки и не-сливки, которые боролись против нас, положение дела? Они представляли так, что культура накапливалась веками. Россия была великое государство, которое худо ли, хорошо ли вело народ за собою, создавало великие ценности, хотя и под царистским покрывалом, и что вместо этого роста великой стране стала грозить опасность обратиться в ничто. Матрос или проститутка стали являться в храмы науки. Поэтому надо бороться против большевиков. Субъективно честны были эти люди. Я повторяю, что наши противники, которые боролись против нас и хотели положить жизнь свою в борьбе с нами, были честные люди. Но разве дело в оценке их субъективной честности? Утверждать так, значит, тащить нас назад. Они быть могут сколько угодно объективно честными, но эта объективная честность заключалась в том, что они являлись бревном, препятствием на пути развития по той простой причине, что не понимали всего исторического масштаба происходивших событий. В голодные годы, когда так называемый привилегированный рабочий класс питался одной картошкой, когда дело доходило до людоедства, когда самый внешний вид городов представлял картину умирающего человеческого общества, когда жутко было выйти за пределы города,— нужно было громадное проникновение в грядущее, чтобы увидеть колоссальный подъем масс, который приведет к новому порядку. И вот все эти добродетельные учительницы и профессора, и сливки, и просто снятое молоко не

в состоянии были охватить этого процесса. Повторяю еще раз, что они были субъективно честными людьми, и чем более они были честны, тем более их толкало на борьбу с нами. В этом заключалась трагедия. Этот опыт надо переварить, уяснить и сделать соответствующие выводы.

В связи с этим стоит другой вопрос, который П. Н. поднял. Мы,— говорит П. Н.,— политикой не занимались, мы были культурными работниками. Разве это не добродетель? Нет, это плохо, что вы политикой не занимались. Дело вовсе не в том, чтобы быть спецем от политики, а дело в том, чтобы свободно понимать любой культурный процесс. Вы строите здание таким образом, что культурный ряд является независимым от политики. Таких не бывает. Если бы вы доказали, что бывают концепции, которые лежат вне определенного режима, вне классовой структуры, это было бы другое дело. Но таких концепций нет, и с попытками доказать это мы как раз и боремся [10].

П. Н. Сакулин говорит нам, что мы считаем своим долгом проповедывать определенные взгляды, мы хотим, чтобы была гегемония марксизма. А я спрашиваю, из-за чего же мы стараемся внедряться в одну область за другой, пока не захватим их? Потому что это есть величайшее орудие в наших руках, которое позволяет нам строить то, что мы желаем. Почему царское правительство терпело всякие ценности, но совершенно не выносило марксистских? Не потому ли, что они являлись наилучшим фугасом против старого порядка? Какой-нибудь деревенской учительнице, которая кроме старых ботинок и книг Ушинского [11] ничего не видела, простительно говорить, что она занималась только культурной работой, но когда заслуженный профессор говорит, что мы не при чем, мы от политики стояли далеко, позвольте свободу преподавания против марксизма, то это никак не выходит, потому что не продумано. Свобода преподавания — это, можно сказать, есть определенный софизм, потому что речь идет не об отдельных положениях, не об отдельных фактах. Когда речь идет о выработке мировоззрения, мы натыкаемся на то, что эта система является определенным инструментом, который не только вырастает на определенной базе, но служит средством борьбы. Я имею ту привилегию или недостаток, что сам выхожу из интеллигенции и прекрасно знаю ее [12]. Первое, что я услышал в 17 году от старых своих учителей, которые даже

божьей коровки не обидят: «Да, вы,— говорили они,— пожалуй, немецкий шпион». А когда дело дошло до разгона Учредительного собрания [13], то все люди не нашего лагеря кричали нам: «Убийцы, палачи!». Все они милые люди, прекраснодушные интеллигенты, за народ готовы отдать все, только не понимающие, что такое народ, говорят и думают, возвращаясь к старым российским понятиям, становясь на точку зрения добродетельной милой учительницы. А мы говорим, что мы руководства из своих рук не можем выпускать, на что мы имеем историческое право, и то, что нам вменяется в вину, это есть с точки зрения коммунистической величайшая добродетель. Если бы мы вам вручили судьбы России, что бы вышло? Вы бы так одной мертвой лошади испугались, что в панике бросились бы бежать. Когда надо было шагать через трупы, то, извините, для этого надо было иметь не только закаленные нервы, но для этого надо было иметь основанное на марксистском сознании знание тех путей, которые нам история отвела, а вы хотите нас повернуть назад.

В одной из записок был затронут такой вопрос, да отчасти о нем говорил и П. Н., что Маркс тоже вышел из интеллигенции. Выходит, что Маркс потому перешел на сторону рабочего класса, что вышел из интеллигенции. Но перешел-то он именно потому, что был Маркс, а не кто иной. Маркс был исключением из интеллигенция. Это был исключительно гениальный человек. Исключительная даровитость людей заключается в широте их умственного интеллекта. Фридрих Энгельс был из фабрикантской среды, но он выскочил из нее, потому что он был исключительный человек. В этой идеологической стычке, которая происходит здесь, различный подход к классовому делу. Вся речь П. Н. была пропитана с начала и до конца фетишистскими понятиями и старой фразеологией. Я извиняюсь, но я органически не могу переваривать эту фразеологию. «Народ», «мы желаем служить народу». Это все шелуха. Когда вы говорите о народе, я скажу, что вы подразумеваете под народом, когда вы говорите о благе, то я скажу, что вы подразумеваете под благом, когда вы говорите о свободе, то я спрошу, требуете ли вы свободу и для черносотенцев? (*Аплодисменты.*) Я говорю, что все эти категории и все эти словесные значки есть шелуха. Я считаю, что нашей обязанностью является действовать убеждением на всех, в том

числе и на т. Сакулина, чтобы он скорее простился со старой идеологией. Мы любую вещь оцениваем с точки зрения ее реальной пользы, с точки зрения великого общественного целого. Если говорить относительно идеалов, то у нас есть, что противопоставить противникам, и несмотря на то, что многое не сделано, мы достигли того, что дай бог сделать другим. Но должен здесь сказать, что не подлежит никакому сомнению большая роль интеллигенции, которую она сыграла в нашей работе. В буржуазном обществе интеллигенты играли и играют крупную роль. Такие крупнейшие организаторы, как Стиннес[14], были большие люди, но дело в том, что у них все делается на буржуазной основе. Буржуазная интеллигенция есть вождь своего общества, но разница между ними и нами заключается в том что у них водимые никогда не могут подняться до водителей, как класс, как целое, а у нас могут, к этому мы и стремимся.

Если вы хотите сравнивать один режим с другим, если вы хотите понять динамику режима, если хотите понять ценность этого режима с точки зрения, скажем, социализма, то критерий должен заключаться в том, насколько данный общественный порядок представляет широту для подбора действительно настоящих людей, которые двигают все общество вперед. С этой точки зрения, я утверждаю, мы, полунищие, как никто, расширили это селекционное поле подбора во всех решительно областях, мы этот фундамент заложили. Как известно, мелиорация принесет свои результаты только через известное число лет, а не сразу. Кто поднял огромные национальные пласты, кто многоцветность этих новых культур вызвал к жизни,— кто может утверждать, что что-либо подобное могла сделать какая-нибудь другая партия, кроме коммунистической? Нам приходится сталкиваться с узбеками, туркменами, и приходится удивляться, как за несколько лет такие слои подросли, которые будут скоро чудеса творить. Колоссален размах этой борьбы! А как мы подняли мужиков и рабочих! Нам приходится после целого ряда тяжелых дней спрашивать, не сон ли это? Потому что мы видим новых людей, которые правят на новых основах. Когда я прихожу в эту среду и сравниваю ее с гиблой старой культурой, то получается впечатление несравнимых величин, потому что здесь идет широкая волна, а там идут маленькие лодочки, которые желают плакаться. При сравнении у нас получается размах гигантский! Мы

последнюю кухарку поднимаем до уровня государственных задач. Мы приглашаем всех людей подняться на этот уровень политического развития, который Владимир Ильич находил необходимым для кухарки. Владимир Ильич говорил, что через несколько лет мы будем вести за собою Азию[15]. Сейчас вся буржуазная печать говорит, что мы уже ведем ее за собой, что у нас существует союз с Азией. Этого еще нет, но это будет! Мы приглашаем вас подумать об этих гигантских всемирных масштабах. Сойдите, пожалуйста, с идеологической позиции, которая восхваляет невежество сельской учительницы, и не призывайте нас к этому невежеству, а идите вперед по указанному нами пути.

Вы говорите, что сейчас не найдется ни одного человека, который сказал бы, что идет против нас; даже при тайном голосовании, мы, пожалуй, собрали бы большинство; поэтому, заключаете вы, давайте свободу творчества. Но я должен сказать определенно, что у нас во всем нашем порядке вещей основная точка зрения заключается в правильном руководстве. Мы никогда не можем стать на такую позицию, что пускай все совершается само собой,— кто в бога верует, пусть верует. Это не есть руководство страной. У нас еще нет коммунистического общества, а если нет коммунистического общества, то на нас лежит обязанность заботиться о судьбах страны. Мы не желаем спуститься на сменовеховских тормозах. Надо всем усвоить, что те идеологи, которые думают, что коммунизм уступит, ошибаются. Никогда мы на это не пойдем! Мы от своих коммунистических целей не откажемся! Нам необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер. Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их, как на фабрике. Я говорю, что если мы поставили себе задачу идти к коммунизму, мы должны этой задачей пропитать все решительно. Тов. Сакулин говорит, что мы должны воспитывать культурных людей. Верно. Но не просто культурных, а таких культурных, которые работали бы на коммунизм. Скажите, есть режим, который не ставил бы этой задачи? Где вы найдете учебное заведение высшее, среднее и низшее, которое не вырабатывало бы определенного кадрового состава? Таких стран и таких учебных заведений нет. Разница заключается только в том, что мы других людей вырабатываем для того, чтобы устроить другой порядок. Мы рассуждаем,

как строители, как архитекторы, а не как люди, которые говорят, что не надо заниматься политикой.

Когда П. Н. говорил, что сама учащаяся молодежь разберется, то это в политике называется хвостизмом. Профессора обычно жалуются, что мальчишки сейчас указывают профессору, что нужно делать, а сегодня нам говорят, что молодежь сама разберется, сама поймет. А руководство идеологическое! Пускай Пушкин будет этим заниматься, тем более, что он умер и это не опасно.

Вопрос заключается только в том, какие социально-педагогические методы мы должны употреблять, чтобы обеспечить свободу творчества, чтобы обеспечить развитие общества, а, с другой стороны, чтобы не получилось отсутствия свободы мысли. Это две опасности. С одной стороны, опасность догматизации, где написаны готовые тезисы, а остальное, будто бы, само приложится. Против этого надо бороться. Но когда говорят, что надо дать свободу творчества, то сейчас у нас возникает вопрос о свободе проповедывать монархизм, или в области биологии свободу проводить витализм, или в области философии свободу идеалистам кантианского пошиба с субстанцией. При такой свободе из наших вузов выходили бы культурные работники, которые могли бы работать и в Праге, и в Москве. А мы желаем иметь таких работников, которые могут работать только в Москве. Опять мы наталкиваемся на разницу в подходе. Мы подходим к этому вопросу, повторяю еще раз, как строители, а не как идеологи, у которых только фраза, а нет реального содержания.

Я резко вколачивал гвозди, но думаю, что П. Н. не обидится, потому что он сам первый призывал к откровенности. Мы хотели искренно действовать убеждением. Пора бросить нейтральную по отношению к политике точку зрения. Нет такой! Все поиски ее означают какое-то болото, которое на деле может быть чрезвычайно вредным. На эту точку зрения должна стать интеллигенция, и тогда мы получим великолепную базу. Спросите, почему рабочие делают так много предложений, направленных к улучшению производства, почему у них так развита общественность советская. Потому, что не за страх, а за совесть верят в историческую возможность начатого дела. А вот этой веры у интеллигенции нет. Луначарский верно говорит, что есть разные интеллигентские прослойки, но таких интеллигентов, которые до конца с нами шли

бы, таких еще очень мало, а мы всегда их зовем и будем это делать, потому что мы считаем, что идеалы у нас всечеловеческие и всемирные. Если рассуждать с точки зрения исторических идеалов, то все то, о чем нам говорят, есть дохлая собака по сравнению с теми мерами, которые мы провели. У нас огромный размах борьбы, и то, что мы сделали, показывает, какой это размах. Мы не любим, как старые интеллигенты, и не говорим, что мы желали принести жертву и пострадать, мы прямо говорим, что желаем жить, меньше страдать, черпать свои силы в борьбе и видеть ту картину, когда забитые и угнетенные выйдут из-под гнета и начнут строить новую жизнь. Вот с этой точки зрения мы говорим, что нам не нужны общие слова о красоте, а нужна работа и обсуждение каждого вопроса деловым образом; надо дать возможность всем делать то, что можно. Поймите, мы имеем историческую ответственность не более, не менее, как за судьбы всего человечества, как зачинатели, но мы не производим экспериментов, мы не вивисекторы, которые ради опыта ножиком режут живой организм, мы сознаем свою историческую ответственность, и именно поэтому мы каждую точку зрения обсуждаем. Вы ссылались на крестьянина, что он может делать, что хочет. Это не так. Мы подходим и к крестьянину только с точки зрения политической целесообразности, с точки зрения вовлечения в практическую работу. Наша задача заключается вовсе не в том, чтобы сказать, что размахнись рука, раззудись плечо, а в том, чтобы всякая единица была использована по тому руслу, которое нужно. Этого мы будем добиваться, это мы будем решать.

Вот почему, товарищи, заканчиваю я свое выступление следующими соображениями. Русская интеллигенция,— отчасти интеллигенции других народов, других национальностей, живущих на территории нашего Союза,— пережила величайшую трагедию. К несчастью, она считает во всем виноватыми большевиков. Сейчас же важнейшая проблема заключается в том, как координировать наши силы. Но идеология известной части нашей интеллигенции является препятствием в этой правильной координации. Особенно плох фетишизм, оперирование словами, которые не имеют содержания. Разбить эти понятия, когда люди привыкли жить в определенных рамках, боятся из них выйти, трудно, они не поймут этого до самой глубины, а чтобы хорошо работать, нужно понимать

до конца. Мы говорим, обращаясь ко всем работникам интеллигентского труда, ко всем тем, кто имеет знания, что надо работать дружно. Надо повернуть только в определенную сторону. Наша партия никогда не сможет выпустить руля из своих рук и стать на точку зрения другой идеологии. Мы располагаем колеса, как нужно социализму, мы будем действовать во всех областях под давлением той твердой идеологии, которая есть у нас в руках, и от этой идеологии никогда не откажемся. Конечно, тут могут быть разные пропорции. Ленин сказал, что мы введем всеобщее избирательное право. Мы это избирательное право, П. Н., введем, но тогда, когда всеобщее избирательное право никем не сможет быть повернуто против нас. Что вообще большинство населения не против нас, это мы знаем. Мы так захватили позиции, что никто не сможет повернуть против нас. Точно так же и в идеологической области. Когда мы захватываем область естественных наук, мы линию свою поддерживаем, как диктуется интересами пролетарского социализма. Мы тогда сделаем эту диверсию, когда скажет нам политический разум, а разум скажет верно. Я знаю, что в интеллигентских прослойках нарастает интерес к марксизму. Пускай он нарастает дальше. Здесь можно колоссальную работу провести. Для того, чтобы идти по этой столбовой дороге, не нужно тащить нас с идеологических путей назад. Нужно преодолевать все больше и больше антимарксистские воззрения, нужно с полной уверенностью уничтожать навыки старой мысли, нужно становиться под знамя марксизма. Это знамя проверено во многих революциях. В области нашей революции мы победили. Почему те, кто не считал себя марксистами, оказались пораженными нами? Потому, что мы оказались способными предвидеть, заниматься политикой и правильно лавировать, потому что мы были настоящими марксистами.

Поэтому, заканчивая свою речь, я призываю вас идти под знамена рабочей диктатуры и марксистской идеологии. (*Бурные аплодисменты*).

II

Товарищи, я должен сказать, что никто, мне кажется, не был бы более рад, чем мы, коммунисты, если бы разногласия между нами и такими представителями интеллигенции, как Сакулин, уменьшились и были бы сведены к минимуму. Поэтому мне надо

приветствовать выступление П. Н., что я не так его понял. Я продолжаю настаивать на том, что я отметил правильно с нашей точки зрения некоторые пункты. Тов. Сакулин отметил, что Луначарский и Бухарин подходили с политической точки зрения, а вопрос идет о таких работниках, как культурники. Я возражал, что мыслящий культурник не может стоять вне политики. Теоретическое разграничение этого и отрыв неправилен, а практически он приводит к такого рода идеологии, которая превращает ее в самостоятельную субстанцию. Я получил интеллигентскую записку, что нельзя связывать науку и искусство с политикой. Что это показывает? Это показывает, как определенные социальные симпатии налипают на определенные слои. Если т. Сакулин в тонкой формулировке коснулся этого вопроса, то сейчас нам преподнесли его грубее.

Второе — вопрос об условиях умственной работы интеллигенции, что это есть работа мозговая. Это совершенно правильно. Но вопрос заключается в том, когда мы говорим об условиях этой работы, должны ли мы намечать известные рамки, и если должны, то где их граница! Приведу пример. Недавно вышел за границей сборник, посвященный юбилею Струве [16], бывшего социал-демократа, теперь кадета,— вы прочтите, что там сказано. Там помещены статьи Сергея Булгакова [17], Бердяева [18], Лосского [19]. Там проблемы все подогнаны под одну тему. Я спрашивал, должны мы такую науку допускать? Должен сказать: как в искусстве вы можете любую область так разработать и под таким соусом подать и такие нюансы, такие тональности развести, что гамма получится эстетически стройной, но общий исход — гнилье, точно так же в пределах научного творчества, вы можете божественный вопрос разработать чрезвычайно здорово. Сергей Булгаков написал книгу: «Философия хозяйства». В этой «Философии хозяйства» предполагается, что свойства мира есть греховная корка метафизического мира, который ведет свое начало от Адама и Евы. У Бердяева написано, что евхаристия [20] есть самое правильное питание. Факты это или нет? В своем роде это разработано или нет? Я повторяю, такого рода систему можно философски обосновать. Тот же Булгаков говорит, что можно подходить к вопросу с любой точки зрения. Бердяев и подходит с евхаристического конца. Что же? Сказать — вольному воля,— и смотреть на это затемнение мозгов?

Теперь вопрос о тренировке и штампе. Когда я говорил о фабрике, то я думал не то, П. Н. Я, разумеется, говорил — фабрика метафорическая. Насчет штампа я сказал, что две опасности существует, одна из того проистекает, что может создаться чуждая идеология, а вторая, что мы можем мысль сжимать. Разве ошибка была в этой формуле? Нужно избегать этих двух опасностей, нужно вести твердо свою линию, допуская такой размах, который обеспечил бы руководство и вместе с тем сохранил бы движение мысли. Это все нормы, с которыми нужно согласиться. П. Н. против этого не возразил.

Характерно, как он думает насчет учредительного собрания. Он говорил, что самое хорошее для него всеобщее избирательное право или учредительное собрание. Но коммунизм есть всеобщая любовь, но если бы мы сейчас стали говорить: «Братья, давайте обнимем друг друга и прекратим борьбу», то мы никогда не организовали бы партию и не удержали бы власти. Если мы сейчас будем проповедывать всеобщую любовь, то никогда ее не дождемся. То же самое относительно свободы. Одна дама мне пишет: «Господин Бухарин, вы очень не любите слово „свобода", а, впрочем это и понятно». Ничего не понятно. Разная свобода бывает.

П. Н. говорит: зачем вспоминать о старом режиме. Я с этим не согласен. Вспоминать надо. Мы прибегаем к целому ряду старых методов. Армия была и теперь есть Красная Армия; тюрьмы были и есть, государственные учреждения есть, система принуждения есть, террористический режим есть — только направленный на другие цели. А вы говорите: зачем вспоминать о старом? Мы только перевернули понятие «свобода». Раньше была свобода для помещиков и капиталистов, а мы сделали для рабочих и крестьян. Вы говорите, что в университетах были профессора марксисты. В Московском университете, где я учился, если и был, то только один такой тип, как Виппер[21].

В заключение должен сказать следующее. Быть может, в первом своем выступлении я сильно направил острие полемики против П. Н. Сакулина, но он сам призывал, чтобы мы объяснились начистоту. Должен сказать, что я счел бы своим партийным долгом выступить против всякого, который говорил бы, что все прекрасно.

Призываю вас скорее и дружно бороться за будущее, которое мы завоюем своей борьбой. (*Аплодисменты*).

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА[1]

(Критические замечания на книгу тов. Преображенского: «Новая экономика», изд. Комм. академии, М., 1926 г.)

1926 г.

Довольно значительное время тому назад мне пришлось выступить с критикой статьи тов. Преображенского[2] о «законе первоначального социалистического накопления»*. Вскоре автор «закона» ответил сердитой контрстатьей, где он обещался «сфотографировать» меня «на месте преступления», обвинил, натурально, в разных искажениях, упрекнул в том, что я «высокую теорию» подчинил «низменной политике», поздравил с «дешевой победой», воспарил, аки лебедь, в белоснежные выси абстракции и обещал дать еще более солидный ответ, так сказать «по совокупности», в готовящейся к печати *книге*. Теперь эта книга появилась в свет, и мне приходится на нее отвечать, тем более, что «низменная политика» ставит в новой форме те же коренные вопросы нашего строительства, а тов. Преображенский, демонстрирующий к ней свое профессорское «ледяное презрение», по сути дела обосновывает как раз определенную — и при том отнюдь не совсем правильную — *политику*, заодно обрушиваясь на своих оппонентов с целым каскадом избранных «неполитических» характеристик, как-то: «комнародники», «меньшевизм», «вульгарные экономисты» и т. д. и т. п. Защищать всех оппонентов тов. Преображенского не входит в мою задачу. Но указать на то, что тов. Преображенский отнюдь не выдерживает «стиля» и так же мало далек от политики, как любой из нас, грешных, с той только разницей, что он это почему-то скрывает,— указать на это я считал своей маленькой (и даже совсем крохотной), но все

* *Преображенский Е.*: Основной закон соц. накопления («Вестник Комм. Академии», 8); *Бухарин Н.* «Новое откровение о советской экономике» и т. д., сб. «К вопросу о троцкизме». М., 1925.

же обязанностью именно с точки зрения политика. Вообще же да позволено будет заметить, что «высокоприподнятый» тон и профессорское важничанье, которыми густо насыщена книга тов. Преображенского, производят несколько комичное впечатление: вот уж поистине «русский дух» «зады твердит». И что за зады-то! Когда-то все мы в большей или меньшей степени щеголяли этой «ученостью», за что поделом получали от Ленина. Ну, а теперь-то, на девятом году диктатуры, в сорокалетнем возрасте? Не смешно ли выступать этакими индейскими петухами и так претенциозно надуваться?

Пожалуй, чуть-чуть смешно.

А засим позвольте, читатель, взять вас под руку для прогулок по теоретическим садам «Новой экономики».

I. О ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЗАКОНОВ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ О ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ТОВ. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

Первым, самым общим, методологическим вопросом, на который натыкается любой исследователь «новой экономики»*, является вопрос о том, какой *характер* носят законы этой экономики. Известно, что закономерности *капитализма* суть закономерности *стихийного* развития; они «слепы»; они выражают иррациональность общественного процесса; оттого-то они и представляются внешними законами «на манер закона тяжести, когда над вашей головой обрушивается дом» (Маркс). С другой стороны, закономерности организованного *социалистического* общества имеют *свою* характеристику. Разумеется, и здесь царит причинная обусловленность всего происходящего. Но эта причинность познается людьми и получает свое выражение *через* их коллективно-организованную волю. «Царство свободы» есть царство «*познанной* необходимости»[3], но все же *необходимости* и, конечно, абсолютно не правы те, кто знаменитый «прыжок» представляют себе, как прыжок в сфе-

* Название не из удачных, ибо совершенно нейтрально по отношению к социально-классовым моментам: «новым» считается *все*, что «ново». «Новым» был и госкапитализм военного времени, «новой» является теперь экономика послевоенного периода вообще. В термине замазана *социальная* новизна советской экономики.

ру, где причинность исчезает, и где самое понятие закономерности становится за «устарелостью» излишним. Столь смелые «новаторы» по сути дела проделывали бы «прыжок» в царство чистейшей воды дешевенького идеализма. Тов. Преображенский вполне прав, когда обрушивается на них с такой же силой, как вышеупомянутый марксов «дом». К счастью, разновидность таких экономистов, которые совершали бы свой причинно-обусловленный полет в царство беспричинности, не особенно велика, да и полемика с ними совершенно неинтересна за полной ясностью проблемы: нельзя же на многих и многих страницах «в поте лица своего» ломиться в открытую дверь: такое донкихотство явно противоречит режиму экономии.

Поставим себе вопрос о типе закономерностей *переходного периода*, т. е. периода *между* капитализмом и социализмом. Нетрудно сообразить, что этот период есть *период перерастания стихийных законов в законы познанные и сознательно проводимые*. Когда-то г-н *Петр Струве* * выдвинул тезис о неизбежном дуализме хозяйственного процесса, имманентном этому последнему, как таковому. Здесь была перед нами точка зрения буржуа, который не может выпрыгнуть за пределы своей околицы и «научно» полемизирует против возможности рационального общественного строя вообще. Между тем действительность переходного периода, где несомненно этот дуализм еще есть, представляет собой картину постоянного перемещения центра тяжести от стихии к сознательности, от слепоты к плану, от иррационального к рациональному. Пределом этого развития — и историческим, и логическим — является «коммунистический способ производства», наследник и капитализма и пролетарской диктатуры. Все это как будто понимает и тов. *Преображенский*. Но вот дальше он начинает спотыкаться, хотя при этом и имеет победоносный вид. Таково уж «противоречие» преображенской «политики»....

Поставим, в самом деле, перед собой вот какой вопрос: в *чем* выражается рост рационального начала над иррациональным? Ответ будет довольно недвусмысленный: в росте плановости. Что же является базисом этой плановости? Ответ тоже очевиден: рост государственно-социалистических элементов хозяйства, рост их влияния и рост их удельного веса. В чем, наконец, находит свое

* *Струве П.* «Хозяйство и цена»[4].

выражение этот процесс с точки зрения особых свойств *закономерностей* переходного периода? В том, что стихийные регуляторы сменяются сознательными, т. е. *экономической политикой* пролетарского государства (с известного периода теряющего свой классовый характер, т. е. отрицающего само себя, т. е. перестающего быть *государством*).

Абстрагировать от экономической политики пролетарского государства — это и значит брать законы переходного времени *вне* исторической их характеристики, *вне* перерастания «стихийного» в «сознательное», т. е. как раз проделывать то, против чего совершенно справедливо протестует тов. Преображенский.

А сам «товарищ протестант»?

Читайте!

Стр. 6 «Новой экономики» гласит:

«Возражения методологического характера (возражения, делавшиеся тов. Преображенскому.— *Н. Б.*) сводились, во-первых, к тому, что нельзя при исследовании советского хозяйства абстрагироваться от *экономической* (курсив наш.— *Н. Б.*) политики советского государства, хотя бы дело шло об абстрагировании на определенном этапе исследования. Это первое возражение, если на нем настаивать, с неумолимой логической неизбежностью угрожает отбросить оппонентов на позиции Штаммлера [5] и его школы, а также к точке зрения субъективной социологии Михайловского, Кареева и т. д.[6] Вместе с тем, эта позиция не позволяет в области экономической теории выбраться из болота вульгарной политической экономии, хотя бы и в советском издании, а тем самым не дает сделать ни одного действительного шага вперед в деле научного изучения советского хозяйства».

Мы дальше увидим, какие «огромные шаги» сделал тов. Преображенский. Отметим сейчас (пока в кредит, но не долгосрочный) громадную... самоуверенность в осуждении оппонентов, которая — как мы убедимся — есть в данном случае излишняя самоуверенность по отношению к самой *науке*.

Тов. Преображенский повторяет свои филиппики, аналогичные только что приведенным, несколько раз, цитирует Штаммлера, цитирует — совсем не к месту — Маркса, присовокупляет затем ряд одиозных имен (в противоречии с латинской поговоркой их-то ему и нужно упомянуть потому, что они одиозны)*, и затем гордо заявляет, что сам он, разумеется, состоит в «чистых» и целиком

* См. стр. 32, 33 и т. д.

остается «на почве марксизма» (стр. 34). Оставаться «на почве марксизма» очень хорошо, но ведь одно дело декларации, а другое — действительность. По крайней мере, не всегда эти две величины «соответствуют».

Маркс,— говорит тов. Преображенский,— отвлекался от государства и его функций. Это верное замечание (хотя и не очень оригинальное). Но, насколько мы припоминаем, Маркс исследовал *капиталистическое* общество с его *стихийными* закономерностями. А сам тов. Преображенский называет — по заслугам — совсем нехорошими словами тех людей, которые не понимают «маленькой» разницы между капитализмом и периодом пролетарской диктатуры. К чему же тогда ссылка на Маркса?

Но вот что выдает тов. Преображенский поистине *с головой*. В подстрочном примечании на стр. 33, напечатанным самым «петитистым» петитом, мы читаем:

«Указание на то, что у нас государство руководит социалистическим сектором хозяйства и от него неотделимо, доказывает лишь что здесь больше трудностей для абстракции, чем при капитализме, но ни в малой мере не говорит против необходимости отделить *экономику* от *политики* (курсив наш.— *Н. Б.*) *на определенной стадии исследования*».

Читатель, вероятно, догадывается уже в чем дело. Тов. Преображенский *решающий* аргумент своих противников запрятал в *примечание*, а вместе с этим запрятал сюда и *всю проблему*. Постараемся вытащить этот вопрос из этого литературного подземелья и поставить проблему так, как это вызывается действительными интересами исследования.

Но сперва да будет разрешено обратить внимание на одно обстоятельство. В цитате, взятой из 6 страницы «Новой экономики», речь идет об *экономической* политике советского государства, т. е. как раз о той сфере, к которой *хозяйственное планирование* относится в первую голову. В примечании же петитом, куда тов. Преображенский — очевидно не в целях политики, а самого объективного «исследования»— ухитрился насильственно запихнуть самое важное, «*экономическая* политика» превратилась с божьей помощью, просто в «политику». Это, конечно, до известной степени облегчает тов. Преображенскому проделывать его «трудные» абстракции. Но в интересах науки, о которой так печется тов. Преображенский, мы будем говорить в согласии с 6 страницей «Новой экономики», именно об *экономической* политике.

Итак, рассмотрим этот вопрос по существу. Приведем, прежде всего, главный «аргумент» тов. Преображенского. Про возражение о недопустимости абстрагирования от экономической политики советского государства автор «Новой экономики» пишет:

«Это возражение совершенно несостоятельно и бьет против общесоциологического метода Маркса, против теории исторического материализма... Своим построением о „базисе и надстройке" он (Маркс.— *Н. Б.*) обосновал свое право начать анализ капиталистического общества с „базиса", хотя бы определенная надстройка всегда предполагалась, как объективный факт... Почему же и при *теоретическом* анализе советского хозяйства нельзя также начинать с базиса? Мои оппоненты в этом пункте, сами того не сознавая, перекочевывают от марксистского метода в лагерь известного немецкого социолога Штаммлера и его школы, а также подают руку всем другим критикам марксизма...»*

Нетрудно видеть, на чем покоится здесь ошибка тов. Преображенского. Она покоится на том, что он совсем не видит *оригинальности* в соотношении между базисом и надстройкой при режиме пролетарской диктатуры. Настоящий марксизм состоит, как известно, в том, что он рассматривает производственные типы и их надстройки под углом зрения специфически-исторических особенностей (*типовых* особенностей). А тов. Преображенский *в данном* случае радикально *позабыл* об этом основном методологическом требовании марксизма.

В самом деле, «классический капитализм», анализ которого в его абстрактной форме был дан Марксом, являлся такой общественно-производственной структурой, где *хозяйствующие субъекты* с точки зрения их хозяйственных функций не включались непосредственно в аппарат государственной власти. Государство отнюдь не было составной частью *производственных отношений*, изучать которые призвана экономическая теория. Государство *обслуживало* процессы капиталистического воспроизводства, воздействовало на него как соответствующая политическая оболочка — и *только*, причем экономические закономерности определялись на основе стихийности всего процесса в целом. *Финансовый* капитализм обозначал и обозначает известное нарастание (в определенных пределах и при одновременном расширении и обострении противоречий на новой, более высокой основе) *рациональных* моментов (синдикаты, тресты, банковые консорциумы

* *Преображенский*. I, стр. 32.

и т. д.). От этих моментов экономическая теория тоже *не* абстрагировала. Хороша была бы экономическая теория финансового капитализма, если бы она, например, абстрагировала от политики монопольных цен, dumping'a [7], экспорта капитала и т. д. Разумеется, задачей здесь является между прочим, установление объективных границ для этой политики, отыскивание экономических обусловленностей ее и т. д. Но это отнюдь не означает *отвлечения* от этих моментов, что понять вовсе не так трудно.

Но, скажут нам, ведь тресты и синдикаты входят при финансовом капитализме не в систему государственной власти, т. е. не в систему надстройки: они сами суть организационные фромы *экономического базиса* общества.

Это верно. Но указание на них нам нужно для большей ясности последующего изложения вопроса. Ибо у нас *наши* тресты и синдикаты *входят* в совокупный государственный аппарат, а их политика *входит* важнейшей составной частью в политику государственной власти. *Аппарат нашего госхозяйства является составной частью производственных отношений* советского общества, т. е. сам целиком *включен* в «базис». Вот этой «маленькой» особенности нашего строя тов. Преображенский вовсе не замечает. Он только чувствует, что дело неладно, и торопливо, петитцем заползает в подворотню подстрочного примечания.

А давайте поставим вопрос действительно со всей марксистской резкостью. Что является *типичным* для советской экономики, в отличие от всех прежних структур? То, что рабочий класс *и в производственном* процессе играет руководящую роль; то, что старая иерархическая производственная лестница перевернута; то, что нет старого «отношения господства и рабства» (Herrschafts- und Knechtschaftsverhältnis.— Маркс). Это выражается конкретно в первую очередь *в пролетарском управлении промышленностью*, вообще же — в пролетарском руководстве всей хозяйственной жизнью страны [8]. Хозяйственные органы госаппарата суть верхушка нашего специфического *базиса*. Отвлекаться, абстрагироваться от них, значит отвлекаться от основной характеристики «новой *экономики*». И как будто совсем ведь просто понять, что именно такое отвлечение и означает на деле уход с *марксистских позиций*. А тов. Преображенский, который в данном вопросе не токмо уходит, но прямо *бежит* с этих позиций, «победоносно» уличает нас в незаконном сожи-

тельстве с буржуазной социологией! Вот уже поистине: «шел в комнату, попал в другую». Попробуйте действительно «отвлечься» от хозяйственных госаппаратов и затем постарайтесь определить тип производственных отношений «новой экономики». Задача окажется неразрешимой: ибо основное, *решающее* отношение производства есть отношение *руководящего* в производстве рабочего класса и к каждому слою пролетариата в отдельности, и к технической интеллигенции, и (если выходить за пределы государственной промышленности) к крестьянству. Можно и допустимо отвлекаться от чего угодно, но отвлекаться от главного, от того что определяет содержание исторического производственного типа,— есть вещь, недопустимая для марксиста. А эту ошибку делает тов. Преображенский, совершенно по-детски перенося схему буржуазного государства на диктатуру пролетариата.

Государственная надстройка не есть вечная принадлежность общества — это во-первых; во-вторых, она на своей и утренней, и вечерней заре обладает *особыми* чертами, поскольку и там, и тут она не является надстройкой в собственном, «классическом» смысле слова. Ибо она *вырастает* из базиса в начале своего возникновения, и она *погружается* в базис и растворяется в нем в конце своего жизненного пути, когда государство «отмирает». Переходный же период характеризуется сперва необычайным усилением государственных функций именно в силу непосредственного слияния надстройки с базисом. Но, как это ни парадоксально звучит, данное обстоятельство есть предпосылка *смерти* самого государства как специфической надстроечной категории. «Базис» порождает «надстройку», но и уничтожает ее, как Хронос — собственных чад. «Управление над вещами» (Энгельс)[9] в коммунистическом обществе не есть уже функция государственной надстройки: это есть частица совокупного производственного процесса, где хозяйствующим (*планово*-хозяйствующим) субъектом является само общество, где объективный закон развития совпадает с нормой этого развития, где иррациональность хозяйственной жизни сменяется ее рациональностью. Пролетарская диктатура и соответствующие ей производственные отношения есть зародыш коммунистического общества. Планирующие, регулирующие госорганы суть зародыш коммунистического «управления над вещами». Государство пролетариата в

его хозяйственных функциях (*«экономическая политика!»*) есть рациональное начало, коллективный хозяйствующий субъект. Откиньте его, «отвлекитесь» от него и *тем самым* вы отвлечетесь и от плана, и от перерастания стихийных законов в законы познанные и от перерастания политической экономии в пауку, которую Преображенский именует «социальной технологией» и т. д. и т. п.

Тов. Преображенский, однако, ухитряется проделать такой фокус: он категорически настаивает на «плане» и прочих хороших вещах и в *то же* время еще более категорически настаивает на отвлечении от функций государственной власти в области хозяйства. У него есть план, но без субъекта плана; планирование, но без планирующих органов; рациональное начало, но без определенного места, где оное начало упомещается. Такие представления нельзя обозначить иначе как мистику. Эту мистику тов. Преображенский и преподносит своему читателю, выбрасывая одначе красный флаг с надписью: «Я остаюсь на почве марксизма».

«Свежо предание, но верится с трудом»[10].

Не подлежит никакому сомнению тот факт, что за познанием законов стоят эти самые законы, т. е. что любой сознательный план не падает с неба, а определенным образом детерминируется: *познанная* необходимость, как сказано, есть все же *необходимость*. Но отрывать эту «необходимость» от того, что она «познана», значит — для планового хозяйства — *сдирать с общественного закона его историческую кожу*,— вещь, марксистскому мышлению абсолютно чуждая и для него чужая.

Теперь, в заключение, необходимо сделать одно крайпе существенное замечание. Смена общественными законами их исторической кожи есть, конечно, процесс гораздо более длительный, чем смена грязного белья. Вся необыкновенная сложность анализа переходного периода и заключается в *пестроте* костюмов, в особенности, если перед нами страна сочетающая в своем совокупном экономическом организме величайшее разнообразие хозяйственных форм. Завоевание власти пролетариатом и «экспроприация экспроприаторов» есть *предпосылка* для того, чтобы начался процесс линяния общественных законов. Этот процесс имеет своей базой рост государственного хозяйства и его влияния. Этот рост проходит в многосложных и часто в высшей степени противоречивых формах: само *плановое* начало в значительной мере покоится на предвидении

равнодействующей стихийных факторов. Поэтому в каждый данный момент необходимо опасаться и *недооценки*, и *переоценки* планового начала, а равно помнить об исторической *относительности* самого противопоставления. В связи с этим стоит, разумеется, и теоретическая оценка *степени* линяния общественных законов. Анализ всех этих сложнейших переплетов и выведение основных закономерностей развития составляют теорию переходного периода.

Другое замечание.

Из нашего анализа вытекает, что *нелепо* отвлекаться от *экономической политики* пролетарской государственной власти, ибо это означало бы отвлекаться от планового начала. Но вполне допустимо на известной стадии анализа отвлекаться от специфически-политических влияний *чисто политических конъюнктурных колебаний*. Это вопрос совсем особого порядка и, как легко видит любой мыслящий читатель, смешивать *этот* вопрос с общим вопросом о нашей *экономической* политике в ее *основных* линиях было бы, мягко выражаясь, странным и легкомысленным.

Мы видели, что методологическое введение т. Преображенского страдает крупнейшим противоречием. Позднее мы увидим, как это противоречие сказывается на дальнейших построениях т. Преображенского. А пока перейдем к другой, еще более решающей и — на наш взгляд — основной и центральной его ошибке.

II. ВОПРОС О РЕГУЛЯТОРАХ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ИЛИ ОСНОВНАЯ ОШИБКА ТОВ. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

Итак, мы исчерпали вопрос о первой методологической проблеме, поднятой т. Преображенским. Переходим теперь ко второму пункту «порядка дня».

«Второе методологическое возражение было направлено против развиваемого в настоящей книге положения о том, что хозяйственное равновесие в советской экономике складывается на основе борьбы двух антагонистических законов — закона ценности и закона первоначального социалистического накопления, что означает отрицание единого регулятора во всей системе» (стр. 6).

Критикуя натуралистическое понимание закона ценности (совершенно правильно критикуя), нападая на тех,

кто не понимает социалистической природы нашего государственного хозяйства, и называя таких товарищей людьми, тяготеющими «к меньшевистской концепции нашего хозяйства» (совершенно правильно, только... гм... гм... как бы это поделикатнее выразиться на счет некоторых теперешних друзей тов. Преображенского? Не поможете ли вы сами, читатель?..), автор «Новой экономики» продолжает:

«Основное возражение против формулированного мною закона первоначального социалистического накопления... сводилось к следующему аргументу: „Да, говорят оппоненты, социалистическое накопление у нас есть, но никакого *закона* первоначального социалистического накопления нет, или, по меньшей мере, существование его не доказано". Одним словом, борьба социалистического планового начала с рынком есть, но борьбы закона ценности с законом первоначального социалистического накопления нет. Всю глубину и неотразимость этого возражения легче всего понять без лишних слов, если изложить его так, как это сделал в личном разговоре со мной один из моих читателей. Он сказал так: „К чему говорить о каком-то законе социалистического накопления? Сколько советское правительство в пределах возможного постановит накопить, столько и будет накоплено"» (7).

По поводу этого «основного возражения» и основного «контрвозражения» можно сделать следующие коротенькие замечаньица.

О «читателе». Это очень удобный прием взять не шибко борзого умом «читателя» и за сим произвести его возражения в «основные». Правда, тогда тов. Преображенскому и иже с ним «легче понять» — и даже «без лишних слов» — несостоятельность доводов такого «догадливого читателя», легче их опровергнуть и легче чувствовать себя победителем. Но доводы «от читателя» ни капли не уясняют самой проблемы. Ибо, в самом деле, если есть процесс социалистического накопления (см. только что приведенную цитату), то почему должен быть закон *первоначального* социалистического накопления? Это — вопервых. А во-вторых, если есть борьба планового начала с рынком, то почему закон ценности должен уступать свое место именно «закону первоначального социалистического накопления», а не чему-нибудь иному? Ведь, как раз последнее-то и нужно доказать, а не априорно декретировать. Здесь мы подходим уже к сути проблемы. Но для того, чтобы была яснее точка зрения самого тов. Преображенского, мы вынуждены дать ему слово, и притом по довольно либеральному регламенту.

«И закон ценности — говорит т. Преображенский,— и плановое начало, *основные тенденции* которого прививают форму закона *первоначального* социалистического накопления, действуют внутри единого хозяйственного организма, противопоставленные один другому в результате Октябрьской революции» (27, курсив наш.— *Н. Б.*).

«...Если в едином хозяйственном организме имеется в наличности борьба двух начал, как антагонистическая форма движения вперед всей системы, свойственная диалектическому процессу развития вообще, то вопрос надо ставить не так: может ли быть при таком положении два регулятора, а может ли *не* быть (курсив автора) двух регуляторов» (36).

«Если мы отчасти вытесняем спасительное для неорганизованного хозяйства действие закона ценности и с его минусами и с его *плюсами* (курсив автора), мы должны соответственно заместить (!) регулирующую деятельность этого закона другим законом, имманентно присущим плановому хозяйству на данной стадии его развития, законом первоначального социалистического накопления» (40).

Распаляясь все более и более, наш автор переходит прямо в стремительную атаку:

«...факт борьбы двух начал формально все признают. Но, ведь, для борьбы, как известно нужны минимум *два* (курсив автора) борющихся субъекта. Дуализм уже налицо. Борьба, если она действительно ведется, не может не быть борьбой за два разных *типа* (курсив авт.) организации труда, за различное распределение производительных сил, за два метода регулирования. Каким же образом может отсутствовать другой регулятор, антагонистический закону ценности? Это никак невозможно, ни логически, ни на самом деле. А в таком случае, я очень бы советовал нашим экономистам, о которых идет речь, ввести минимум „планового начала“ в свои мысли и показать, как они сводят баланс в области теоретической между положением о „последовательно-социалистическом типе“ нашей государственной промышленности... и между своими упрямыми утверждениями насчет единого регулятора» (44)

Тов. Преображенский строит *всю свою теорию «новой экономики»* на «законе первоначального социалистического накопления». На сем же камне он созидает и якобы правоверную церковь своей практики. При этом неоднократно подчеркивается солидарность с Лениным, а мы, грешники, зачисляемся по адресу «комнародников». Чтобы резче подчеркнуть все значение, какое придает тов. Преображенский своему детищу — пресловутому «закону», мы позволим себе привести обобщающий аккорд самого тов. Преображенского, который берет его, нажимая для пафоса педаль курсива:

«Непонимание того, что такой закон есть, что он имеет принудительный характер для государственного хозяйства и влияет на частное, не только есть теоретическая ошибка, не только уп-

рямство мысли, консервативность, но и вещь опасная практически, опасная с точки зрения борьбы всей нашей системы коллективного хозяйства за ее существование» (41).

Другими словами, кто не признает «закона», тот предает «коллективное хозяйство», теоретически и практически изменяет пролетариату, ввергает себя в лоно мелкой буржуазии и т. д.

Мы начнем с конца, начнем с замечания насчет ортодоксальности теоретической позиции тов. Преображенского. Шесть лет тому назад, в 1920 г., я в своей «Экономике переходного периода» употребил термин «первоначальное социалистическое накопление» и в сноске прибавил: «термин, предложенный В. М. Смирновым». На это Ленин реагировал следующей припиской: «и крайне неудачный. Детская игра, копирование терминов, употребленных взрослыми»[11]. Не трудно будет сообразить, что если, по Ленину, понятие «первоначального социалистического накопления» есть «детская игра», то и «закон» тов. Преображенского попадает в ту же категорию. Почему Ленин прав,— об этом разговор будет в другой главе, при специальном анализе «закона». Мы здесь хотели лишь установить, что ссылки на Ленина со стороны Преображенского напрасны и что «суровые» его выпады по адресу отрицателей «закона» («теоретическая ошибка», «упрямство мысли», «консервативность», «вещь опасная» и т. д.) — все это, прежде всего, относится, как мы видим, к Ленину.

Разумеется, мы отнюдь не считаем, что тем самым вопрос «снимается». Мы только подходим к разбору вопроса *по существу*, начиная с наиболее общих постановок проблемы, и постараемся показать, что тов. Преображенский неправ, и что его рассуждения стоят в вопиющем противоречии с основами экономической и общесоциологической теории Маркса.

Начнем с азов. В замечательном письме к Кугельману от 11 июля 1868 г., Маркс писал *:

«Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говорю уже на год, а хотя бы на несколько недель. Точно так же известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определенные массы общест-

* *Маркс К.* Письма к Кугельману, пер. М. Ильиной, под ред. Ленина.— Петербург: Гиз, 1920. Ст. 62.

венного совокупного труда. Очевидно само собой, что эта необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена *определенной формой* общественного производства; измениться может лишь *форма ее проявления*. Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться в зависимости от различных исторических условий может лишь *форма*, в которой эти законы проявляются. А форма, в которой проявляется это пропорциональное разделение труда, при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде *частного обмена* индивидуальных продуктов труда,— эта форма и есть меновая стоимость этих продуктов»[12].

Другими словами, закон пропорциональных трудовых затрат или, для краткости, «закон трудовых затрат» есть необходимое условие общественного равновесия *при всех и всяческих общественно-исторических формациях*. Он может иметь разные «формы проявления». В частности, в товарном (и товарно-капиталистическом, и в *любом* товарном) обществе он надевает на себя фетишистский костюм закона *ценности*. Закон ценности есть исторически-относительный закон, есть специфическая форма, «у которой написано на лбу», что она «принадлежит такой общественной формации, где производственный процесс владеет («bemeistert») людьми, а не люди производственным процессом» (Маркс *). В законе ценности нельзя видеть закон трудовых затрат — и *только*: ибо это значило бы отвлекаться от специфически исторического значения и характера ценности. Но, с другой стороны, нельзя за общественно-исторической *формой* проглядывать материально-трудовое содержание этого закона. «Сущность» ценности как исторической категории состоит в ее фетишистском характере.

Но так же мало можно отвлекаться от «надисторического» (т. е. свойственного всякому обществу в более или менее «нормальных» условиях) материально-трудового «смысла» этой категории. В одном из подстрочных примечаний I тома «Капитала» Маркс в блестящей формулировке поясняет это:

«Ценностная форма продукта труда есть самая абстрактная, но в то же время наиболее общая форма *буржуазного способа производства*, который через нее характеризуется, как особый тип (Art) общественного производства, следовательно исторически. Поэтому, если в ней видят вечную естественную форму общественного производства, то обязательно проглядывают специфиче-

* *Marx*. Das Kapital. Bd I: Volksausgabe. S. 45.

ские особенности ценностной формы, следовательно, и товарной формы, далее развивая, денежной формы, формы капитала и т. д. Отсюда можно найти у экономистов, которые вполне согласны между собой относительно измерения величины ценности рабочим временем, самые пестро-причудливые и противоречивые представления о деньгах, т. е. о готовой форме всеобщего эквивалента... В противоположность этому возникла система реставрированного меркантилизма (Ганиль и т. д.), которая видит в ценности *лишь общественную форму или, лучше сказать, ее бессубстантную видимость* (substanzlosen Schein)»*.

Маркс тщательно анализирует закон трудовых затрат: a) в условиях «патриархального производства» крестьянской семьи; b) в ассоциации «свободных людей», работающих при помощи общественных средств производства по плану, где «общественно-планомерное распределение (рабочего времени.— *Н. Б.*) устанавливает правильную пропорцию между различными трудовыми функциями и различными потребностями»**, наконец, c) в товарном хозяйстве, где закон трудовых затрат надевает на себя фетишистский наряд закона *ценностей*. Таким образом, закон трудовых затрат — голенький или в костюме — оказывается обязательным и универсальным регулятором хозяйственной жизни.

А теперь вспомним, что говорит тов. Преображенский о переживаемой фазе «переходного периода». У него, как мы видели, налицо следующая цепь рассуждений: переходный период есть период борьбы социалистических начал с началами товарно-капиталистическими; это есть борьба плана со стихией; плану соответствует особый регулятор, стихии — тоже особый; первым, так сказать, пролетарским регулятором, на данной стадии является закон первоначального социалистического накопления, вторым — буржуазным регулятором — является закон ценности; как пролетариат является антагонистом буржуазии, так закон первоначального социалистического накопления является антагонистом закона ценности. Поэтому, в переходный период не может не быть *двух* регуляторов, борьба между которыми и составляет, так сказать, подоснову современной экономики, те основные движущие пружины всего механизма, которые показал нам автор разбираемой книги.

Из этого, как дважды два — четыре, вытекает, что по мере роста планового начала закон ценности перерастает,

* Ibid., S. 44—45. Fussnote.— *Курс. наш.*
** Ibid., S. 42.

по *Преображенскому*, в закон *первоначального социалистического накопления.*

А из анализа *Маркса* тоже, как дважды два — четыре, вытекает, что закон ценности не может перерастать *ни во что иное, как в закон простых трудовых затрат*, и что *иное* «перерастание» является вопиющей чепухой.

В самом деле. О чем может идти вообще речь при переходе от стихийных регуляторов к регуляторам сознательным? Может идти речь о том, чтобы выскочить из рамок закона, о котором Маркс говорит в письме к Кугельману? Достаточно поставить только вопрос, чтобы ясной стала вся бессмысленность отрицательного ответа. Ибо этот закон есть всеобщий и универсальный закон хозяйственного равновесия. Стало быть, речь может идти лишь о смене его (этого закона) общественной *формы*.

С этой точки зрения очевидно, что процесс победы социалистических плановых начал есть не что иное, как процесс сбрасывания законом трудовых затрат своего греховного ценностного белья, т. е. *процесс превращения закона ценности в закон трудовых затрат, процесс дефетишизации основного общественного регулятора*.

Характерно для тов. Преображенского то, что он в двух-трех местах лишь вскользь упоминает о законе трудовых затрат, не видя, что тут-то и зарыта собака. Между тем, концепция самого тов. Преображенского поистине удивительна. Ведь у него выходит, что пролетарское, плановое начало является принципом борьбы не с ценностной оболочкой закона пропорциональных трудовых затрат, а принципом борьбы с этим законом, так сказать, по его материальному существу. Другими словами, пролетарский план состоит, по тов. Преображенскому, в том, чтобы систематически выводить общество из состояния равновесия, систематически ломать общественно необходимую пропорцию между различными производственными отраслями, т. е. систематически бороться с тем, что является элементарнейшим условием существования общества. Нечего сказать, хорошенький «регулятор» придумал, во спасение социализма, тов. Преображенский! Правда, этакая «социальная технология» не обнаруживает ни «робости мысли», ни «консерватизма»: скорее она представляет собой своеобразный, я бы сказал, экономический *футуризм*, до того она противоречит традициям, в том числе и в первую очередь *марксистским* традициям. Но от такой «смелости» вряд ли поздоровится не только закону цен-

ности, но и тому самому коллективному хозяйству, о благе коего столь печется тов. Преображенский.

Этим решается, в сущности, вопрос об одном регуляторе или двух основных регуляторах антагонистического характера. Тов. Преображенский никак не может понять, что в данном случае речь не может идти об антагонизме *по существу материального содержания закона*, а что речь может идти лишь об антагонизме общественной *формы*. Нельзя себе представить дело таким образом, чтобы было два регулятора, антагонистических *по материальному существу*; это, как мы видим, является бессмысленным и с точки зрения действительности, и с точки зрения несоответствия самым элементарным основам марксизма.

Итак: основная ошибка тов. Преображенского состоит в том, что *он процесс перерастания закона ценности в закон трудовых затрат «заместил» процессом перерастания его в свой излюбленный «закон первоначального социалистического накопления»*.

Ради справедливости мы должны сказать, что у тов. Преображенского есть все же нечто, напоминающее некое контрвозражение, некий ответ на нашу позицию. А именно:

«Второе, что надо отметить,— это, по-видимому, происходящее смешение пропорциональности в хозяйстве, которая объективно необходима для каждой системы общественного производства, с разделением труда, с исторически преходящим методом достижения такой пропорциональности на основе закона ценности. Правильное, пропорциональное распределение труда нужно и для капитализма, и для социализма, и для нашей теперешней товарно-социалистической системы хозяйства. Но если бы даже было доказано,— а я показал невозможность такого доказательства,— что фактически складывающееся у нас на основе борьбы распределение производительных сил каким-то чудом соответствует тому распределению, которое сложилось бы у нас при господстве капиталистических отношений на основе действия закона ценности, т. е. что пропорции внутри коллективного производства в данной стадии индустриализации страны соответствуют капиталистическим, то *даже и тогда* еще не было бы доказано положение о едином регуляторе. Откуда следует, что нужные нам пропорции диктуются законом ценности, как регулятором, и только через него могут быть найдены, раз закон ценности исторически и, если хотите, материально, физически связан, неотделим от товарного производства, как производства, где господствует частная собственность на орудия производства?.. Почему невозможно такое положение, что мы нужные пропорции находим в *основном* нашими методами...? ...А если это возможно, если это возможно хотя бы наполовину, то говорить, что у нас в основном один регулятор, значит грубейшим образом смешивать проявление этого закона при капитализме с той объективно хозяйственной необходи-

мостью в пропорциональности, которая существует не для одного только товарного и товарно-социалистического хозяйства и не только капиталистическими методами может устанавливаться. При товарно-социалистической системе как раз эта пропорциональность может устанавливаться *только* (курсив автора) на основе борьбы с законом ценности она всегда будет равнодействующей борьбы, хотя бы направление действия закона ценности и закона социалистического (первоначального?— *Н. Б.*) накопления совпадали иногда в частных случаях в реальной обстановке» (47—48).

В этой длинной тираде самым причудливым образом перепутано и переплетено верное с вопиюще неверным. Правильно то, что мы можем находить пропорции своими методами, но неправильно то, что наши методы противоречат материальному содержанию закона ценности. Правильно то, что закон ценность есть специфическая принадлежность товарного общества. Но неправильно утверждение, будто он сменяется законом первоначального социалистического накопления, который к тому же обязан противоречить закону ценности по материальному существу. *Вопиюще* неправильно заключительное положение, будто пропорциональность у нас может устанавливаться «*только в борьбе*» с законом ценности. Правильным является общее положение о том, что при капитализме пропорции были бы иные. Но неправильными являются те выводы, которые отсюда делаются. И т. д. и т. п.

Нам необходимо остановиться здесь на нескольких вопросах более подробно, ибо они являются новыми, мало разработанными, а тов. Преображенский дает на них явно неудовлетворительный ответ. Мы берем здесь, в связи с только что приведенной цитатой, два вопроса: вопрос о пропорциях при социально различном общественном типе отношений и вопрос о соответствии между ценностью, трудовой затратой и проблемой накопления. Разумеется, мы на данной стадии анализа ограничиваемся лишь самой общей постановкой вопроса и при том под углом зрения того спора о «регуляторах», о котором идет речь в настоящей главе.

К первому вопросу мы подойдем вот с какого конца. Оставим пока в стороне вопрос об общественной форме закона трудовых затрат. Тогда перед нами будет то положение, которое выставил Маркс в цитированном письме к Кугельману. Спросим себя, однако, как же возможно то обстоятельство, что один и тот же по своему материальному существу регулятор приводит к самым разнообразным явлениям в области экономических отношений? Разве, в

самом деле, в разных общественных структурах мы имеем одинаковые пропорции между различными производственными отраслями? Разве динамика этих пропорций и отношений та же? Наконец, что означает громаднейшее различие в *темпе* развития? Возьмите развитие феодального общества и бешеный бег капитализма. Или сравните темп развития первобытной общины с темпом развития при социализме. Как же все это увязывается с единым по существу регулятором, законом трудовых затрат?

Мне кажется, что, примерно, такие вопросы смутно стоят и перед тов. Преображенским. Ему хочется, чтобы у нас развитие шло быстрее, чем при капитализме. Это вполне законное «хотение». А так как нам — думает тов. Преображенский — нужна более быстрая индустриализация, чем раньше, более быстрый темп накопления, то, очевидно, у нас должен быть другой закон. Как видит читатель мы ставим этот вопрос в *общей* форме. На него и нужно дать в первую голову ответ. В каждом обществе производство есть способ удовлетворения потребностей, которые, как выражается в одном месте Маркс, «связаны между собою в одну естественную систему». Совокупное рабочее время распределяется между отдельными производствами, в целом удовлетворяющими — худо ли, хорошо ли — эти потребности. В организованных обществах это выражается в хозяйственном *плане.* В товарном хозяйстве «постоянная тенденция различных сфер производства к равновесию обнаруживается лишь как реакция против постоянного нарушения этого равновесия. Норма, применяемая при разделении труда в мастерской a priori и планомерно, при разделении труда внутри общества действует лишь a posteriori, как внутренняя, слепая сила природы, которая подчиняет себе беспорядочный произвол товаропроизводителей и воспринимается только в виде барометрических колебаний рыночных цен» («Капитал», I, стр. 320—321, пер. Степанова и Базарова)[13].

Возьмем теперь *механику* «регулирования». Пусть перед нами общество простых товаропроизводителей. Здесь мы имеем: невозможность массового применения труда (производство маленькое, раздроблено), узкие рамки раздвижения потребностей; регулирование (стихийное) проходит через колебание цен вокруг ценности; спрос и предложение, конкуренция простых товаропроизводителей, обусловливают поступательное движение. Возьмем капиталистическое общество. Здесь налицо массовое примене-

ние концентрированного труда. Распределение его регулируется в обществе тоже, в конце концов, ценностью. Но: цены колеблются не непосредственно вокруг ценности, цены колеблются вокруг «производственных цен» (издержки производства плюс средняя прибыль); «средняя норма *прибыли*» составляет специфическую «душу» этого механизма. Механизм конкуренции движется *прибылью*; возможности *накопления* появляются и действуют с величайшей силой. Следовательно, закон ценности остается и здесь регулятором. Но весь *механизм* — иной, чем в простом товарном хозяйстве. Закон ценности действует *иначе*, в иных *условиях*, с другим *трансмиссионным аппаратом*. И *поэтому* мы имеем иной тип развития и иной темп его. А так как этот темп производства связан с ростом новых потребностей, а эти последние опять-таки связаны и с различными группировками *людей* (по классам, по их доходам и т. д.), то все время меняется по своему внутреннему составу и «естественная система потребности», что, в свою очередь, обратно отражается и на производстве, в том числе и на внутрипроизводственных пропорциях. Одновременно — что мы особенно подчеркиваем — происходит *постоянное качественное перерождение ряда основных категорий*: простой труд превращается в более сложный, а сложный передвигается на ступеньку еще большей сложности, «средняя интенсивность труда» тоже передвигается и т. д. и т. п. Вместе с тем меняется масштаб общественно-необходимого рабочего времени. Все относящиеся сюда масштабы соответственно передвигаются. Устанавливающееся равновесие каждый раз устанавливается на *новой* основе, но закон продолжает свое действие именно потому, что и сами-то масштабы стали иными. Чем быстрее идет процесс нарушения и последующего восстановления экономического равновесия, тем быстрее происходит и перерождение вышеупомянутых категорий.

Возьмем теперь социалистическое общество. Здесь объективный закон трудовых затрат совпадает с сознательно проводимой нормой трудовых затрат. Колебания идут, во-первых, по линии статистических просчетов (но, как это вполне понятно, характеристика этих колебаний *не* та: это не колебания вверх и вниз подобные колебаниям цен вокруг ценности); во-вторых, основой является здесь сознательное и a priori устанавливаемое постоянное повышение производительности труда (с соответствующим

изменением трудовых измерителей). Масса труда применяется концентрированно. Стимул движения — не прибыль, а покрытие потребностей масс, при величайшей экономии живого труда. Последнее обстоятельство резко отличает весь *механизм*, опосредствующий проявление закона трудовых затрат, от соответствующего механизма при капиталистическом режиме. С другой стороны, «естественная система потребностей» и ее динамика тоже иная, благодаря отсутствию «двухбюджетной системы» (нет классов, отсутствуют разные качественно потребительские бюджеты общественных слоев). Этот социалистический механизм, через который действует закон трудовых затрат, как мы видим, резко отличается от капиталистического. Поэтому тип развития и темп его — иные. А закон трудовых затрат продолжает оставаться основным регулятором всего процесса, да притом еще в максимально «чистом» виде.

Итак, ответ на наш общий вопрос ясен: механизм опосредствующий действие закона трудовых затрат (или закона ценности, как исторической формы этого всеобщего закона), решает дело. А закон остается все же единственным регулятором на всех стадиях развития. Нелепо говорить, напр., что при капитализме есть *два* закона: закон ценности и закон производственных цен; нелепо говорить о том, что один закон противоречит другому, ибо закон производственных цен есть тот механизм, *через* который проявляет свое действие закон ценности.

Так же нужно поставить и вопрос о законах переходного периода.

В чем специфическое отличие этих законов? В том, что здесь происходит процесс перерастания закона ценности в закон трудовых затрат,— это первое обстоятельство, которое должно быть отмечено. Далее. При анализе капитализма можно было отвлекаться от всех не капиталистических элементов. Маркс анализировал «чистый капитализм». Между тем, для теории переходного периода наиболее абстрактной постановкой вопроса может быть только такая постановка его, которая предполагает госпромышленность и простое товарное хозяйство крестьян. От этих «третьих лиц» отвлекаться нельзя, ибо проблема *переходного* периода, как такового, становится бессмысленной вне этого соотношения. Наконец, более конкретная ступень абстрактного анализа предполагает «осложняющий момент» частного *капитала*. Таким образом, мы имеем

разные формы действия закона трудовых затрат: и как закона трудовых затрат, и как закона ценности, и как закона производственных цен, то есть модифицированного закона ценности. А все эти варианты, само собой разумеется, в их сплетении дают своеобразный результат и своеобразную закономерность. Но при всем разнообразии этих форм они сводятся к некоему единству.

Процесс перерастания закона ценности в закон трудовых затрат находит свое выражение в том, что в порядке *плана* «цены» в своей полуфиктивной функции (т. е. уже не как цены, определяемые с точки зрения «барометрических колебаний рынка») складываются сознательно *иначе*, чем они складывались бы стихийно.

Но это ни в малой степени не значит, что здесь есть нечто, противоречащее закону пропорциональных трудовых затрат. Наоборот, здесь есть предварительная антиципация (предвосхищение) того, что при стихийном регулировании устанавливалось post festum [14]. С другой стороны, как мы показали выше, дело не только в антитезе общественных форм трудовой затраты (ценность, с одной стороны, и просто трудовые затраты — с другой). Так как весь опосредствующий механизм производственные стимулы, соотношение между производством и потреблением и т. д.— *иные*; так как не средняя прибыль, а покрытие массовых потребностей все более и более становится (хотя и постепенно) основным принципом производственной плановой деятельности, то и производственные пропорции будут иные, чем при частнокапиталистической структуре общества. В заключение несколько самых общих соображений насчет социалистического накопления и закона ценности (или трудовых затрат).

Когда мы говорим о нашем хозяйственном росте *на основе рыночных отношений* (это есть «смысл» нэпа с известной точки зрения), то тем самым мы опровергаем тезис *о противопоставлении* социалистического накопления *(даже)* закону ценности. Фигурально говоря, мы и закон ценности заставляем служить нашим целям. Закон ценности «помогает» нам и — как это ни странно звучит — тем самым подготавливает свою собственную гибель.

Мы здесь ограничились самыми общими соображениями. Дальнейший разбор книги тов. Преображенского покажет нам, как эти формулы должны быть переложены на более конкретный язык.

III. «ЗАКОН ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ», ИЛИ ПОЧЕМУ НЕ СЛЕДУЕТ МЕНЯТЬ ЛЕНИНА НА ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

Переходим теперь к анализу теоретической оси всех суждений тов. Преображенского, к анализу его «закона первоначального социалистического накопления». Прежде чем погрузиться в эту тайну советского бытия, дадим слово тов. Преображенскому на предмет выяснения роли и значения этого «закона». Тов. Преображенский пишет:

«Мы не только можем говорить о первоначальном социалистическом накоплении, но мы ничего не сможем понять в существе советского хозяйства, если не поймем той центральной роли, какую играет в этом хозяйстве закон первоначального социалистического накопления, который определяет в борьбе с законом ценности, и распределение средств производства в хозяйстве, и распределение рабочих сил, и размеры отчуждения прибавочного продукта страны для расширенного социалистического воспроизводства» (58, курсив автора).

Тов. Преображенский здесь, можно сказать, прямо терроризирует читателя. Шутка сказать! Не принимаешь «закона» значит ничего не понимаешь «*в существе советского хозяйства*». Ну, как же здесь не впасть в ничтожество всякому робкому мыслью человеку, который не способен на отважное признание «делающего эпоху» открытия тов. Преображенского? Нам, однако, кажется, что вполне правильной была бы переделка положения тов. Преображенского: ничего нельзя понять *в существе его ПОЗИЦИИ*, если не отдать себе отчета в его «законе первоначального социалистического накопления». Но одно дело советское бытие, а другое дело сознание тов. Преображенского. Весь спор, ведь, и сводится к тому насколько его теоретическая позиция *верна* т. е. насколько она «соответствует действительности».

«Существо» этой позиции автора «Новой экономики» состоит, как сказано, в «законе первоначального социалистического накопления». Этот «закон» предполагает самый *процесс* «первоначального социалистического накопления», по аналогии с первоначальным *капиталистическим* накоплением. Если выкинуть из построений тов. Преображенского это «первоначальное социалистическое накопление», то разом обрушивается все здание «Новой эко-

номики». Ничего, *ровно ничего* не остается тогда от всей теории тов. Преображенского.

Мы уже приводили выше мнение тов. *Ленина* о «первоначальном социалистическом накоплении» как о «*детской игре*». Это суровое мнение пролетарского вождя и крупнейшего теоретика нашего времени уничтожает тов. Преображенского. Но нам, конечно, недостаточно того, что «magister dixit» («сказал учитель»). Нам нужно *понять*, почему прав Ленин против Преображенского, а не Преображенский против Ленина.

К разбору этой темы мы и приступаем.

Вспомним прежде всего, что понимал Маркс под «так называемым первоначальным накоплением», которому посвящена знаменитая двадцать четвертая глава первого тома «Капитала».

Как *подходил* Маркс к этому вопросу? В самом начале главы он пишет: «...накопление капитала предполагает прибавочную ценность, прибавочная ценность — капиталистическое производство, и это последнее — наличие более значительных масс капитала и рабочей силы в руках товаропроизводителей. Все это движение вертится, повидимому, в порочном кругу, из которого мы можем выбраться лишь тогда, если предположим некое, предшествовавшее капиталистическому накоплению «первоначальное накопление» («previous accumulation» у Адама Смита)[15], накопление, которое является не результатом капиталистического способа производства, а его исходным пунктом» (Das Kapital, I, 644—645).

Как определял Маркс *методы* первоначального накопления? Вот как:

«В действительной истории, как известно, завоевание, порабощение, грабеж и убийство, словом — насилие, играют огромную роль. В смиренномудрой и елейной (sanft) политической экономии царила испокон веков (von jeher) идилия. Право и „труд“ издавна были единственными средствами обогащения, натурально, за исключением каждый раз „этого года“. В действительности методы первоначального накопления были какими угодно, но только не „идиллическими“» (Ibid., 645).

В чем состоит историко-экономическая *суть* так называемого первоначального накопления по Марксу?

«Так называемое первоначальное накопление есть не что иное, как исторический процесс отделения производителя от средств производства. Оно является в качестве

„первоначального“ потому, что оно образует предысторию капитала и соответствующего ему способа производства» (646).

Какие главные *исторические моменты* выражают, по Марксу, период «так называемого первоначального накопления»? «Исторически делающими эпоху в истории первоначального накопления являются все перевороты (Umwälzungen), которые служат рычагом в руках образующегося класса капиталистов, но прежде всего те моменты, когда огромные человеческие массы внезапно и насильственно (plötzlich und gewaltsam) отрываются от своих средств к жизни и, как стоящие вне закона пролетарии (Vogelfreie Proletarier), выбрасываются на рынок труда. Экспроприация сельскохозяйственного производителя, крестьянина, отделение его от земли, представляет основу всего процесса» (647).

Мы нарочно привели все эти выписки из Маркса; они вполне достаточно характеризуют «так называемое первоначальное накопление» с разных точек зрения: и с точки зрения постановки вопроса, и с точки зрения «методов», и с точки зрения исторической сущности процесса, и, наконец, с точки зрения его главных моментов.

Одно небольшое предварительное замечание. Нам кажется совершенно неправильным переносить «предысторию капитализма» на его историю, да еще притом на *всю* его историю. Такая тенденция наблюдается у ряда наших экономистов. Основанием здесь служили и служат следующие соображения: ведь история капитализма полна разорением крестьянства, колониальными грабежами, постоянной экспроприацией мелкого производства, наряду с самыми «брутальными» методами соответствующей политики. А все это моменты «первоначального накопления».

Эти соображения, по-нашему, глубоко неправильны. Здесь упускается *главное*, то, что по Марксу, «так называемое первоначальное накопление» есть «*не* результат, *а* исходный пункт» капиталистического развития. Поэтому, было бы бессмысленно подводить, напр., современный империализм, поскольку он направлен против «третьих лиц» и служит орудием их «пожирания» и «экспроприации», под рубрику «первоначального накопления». Что-либо одно из двух: либо период первоначального накопления берется именно как «предыстория», и тогда *он строго ограничен во времени* (он помещается *до* истории

капитализма, как такового); либо мы видим в нем процесс вытеснения «третьих лиц» вообще — и тогда нужно *ликвидировать самое понятие*, ибо оно ничего *особого*, специфического и т. д. в таком случае не выражает.

Мы полагаем, однако, что Маркс был прав. «Так называемое первоначальное накопление» есть нечто специфическое. Это есть историческая *предпосылка* капитализма, его «предыстория» в противоположность его действительной истории. «Так называемое первоначальное социалистическое накопление» не есть объект *теоретического* анализа для политэкономии (это есть объект социологического и историко-экономического анализа). Для теории политической экономии это есть точно также лишь *историческая предпосылка*. Между тем, процесс дальнейшего вытеснения докапиталистических форм, а равно проблемы империализма и т. д.— представляют материал и для теоретическо-экономического анализа. Никак нельзя выхолащивать понятие «первоначального накопления», лишая его специфических исторических черт («предисторический» характер, насильственные методы, «перевороты» (Umwälzungen), «внезапный и насильственный» характер процесса и т. д.). Ведь Маркс яснее ясного говорил: «Оно (так называемое первоначальное накопление.— *Н. Б.*) является в качестве „первоначального“ *ПОТОМУ*, что „оно образует предисторию капитала“. Смешивать его с *историей*, это значит *целиком* отступать от марксовой постановки вопроса и вместо крепкого вина подавать постную „теоретическую“ жидель».

Переходим теперь к тов. Преображенскому.

Развивая положение, что социализм как определенная структура общества, не может целиком (т. е. и со своей производственной верхушкой) вызревать в пределах капитализма *, и указывая, что «этот факт имеет колоссальное значение для понимания не только генезиса социализма, но и всего последующего строительства» (53), тов. Преображенский продолжает:

«Следовательно, если социализм имеет свою предисторию, то она может начинаться только после завоевания власти пролетариатом. Национализация крупной промышленности и есть такой первый акт социалистического накопления» (54).

---

* См. по этому вопросу нашу давнишнюю статью о буржуазной и пролетарской революции (перепечатана в сб. «Атака») и ср. с нею соответствующие положения Преображенского.

Однако это тов. Преображенскому мало для аналогии с капитализмом. Он идет гораздо дальше в своей исторической параллели.

Вот как он определяет разницу между *социалистическим* накоплением и накоплением *первоначально*-социалистическим (мы даем здесь два варианта, первый — *до* полемики с моей стороны и второй — после полемики):

I. «*Социалистическим* (курсив автора) накоплением мы называем присоединение к основному капиталу производства прибавочного продукта, который не идет на добавочное распределение среди агентов социалистического производства и социалистического государства, а служит для расширенного воспроизводства. Наоборот, *первоначальным социалистическим* накоплением мы называем накопление в руках государства материальных ресурсов, главным образом из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства. Это накопление в отсталой крестьянской стране должно играть колоссально важную роль, в огромной степени ускоряя наступление момента, когда начнется техническая и научная перестройка государственного хозяйства, и когда это хозяйство получит, наконец, чисто экономическое преобладание над капитализмом. Правда, в этот период происходит и накопление на производственной основе государственного хозяйства. Однако, во-первых, это накопление также носит характер предварительного накопления средств для подлинного социалистического хозяйства и этой цели подчинено. А, во-вторых, накопление первым способом, т. е. за счет негосударственного круга, явно преобладает в этот период. Поэтому весь этот этап мы должны назвать периодом первоначального, или предварительного социалистического накопления» («Вестник Комм. Академии» 1924 г., кн. 8, стр. 54).

II. «*Социалистическим* (курсив автора) накоплением *мы называем присоединение К ФУНКЦИОНИРУЮЩИМ СРЕДСТВАМ ПРОИЗВОДСТВА* прибавочного продукта, *КОТОРЫЙ СОЗДАЕТСЯ ВНУТРИ СЛОЖИВШЕГОСЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ* и который не идет на добавочное распределение среди агентов социалистического производства и социалистического государства, а служит для расширенного воспроизводства. Наоборот, *первоначальным социалистическим* накоплени-

ем мы называем накопление в руках государства материальных ресурсов, главным образом, *ЛИБО ОДНОВРЕМЕННО* из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства» («Новая экономика», 58). (Дальше без изменений: черным шрифтом подчеркнуты изменения в начале текста).

Тов. Преображенский, как видит читатель, принял ряд наших указаний, отказавшись от складывания капитала с продуктом, отказавшись от смешения основного капитала с функционирующим вообще и т. д. Это хорошо. Но плохо то, что *другими* своими поправками тов. Преображенский ухудшил еще более свою позицию.

В самом деле. Тов. Преображенскому мы указывали (см. «К вопросу о троцкизме», стр. 96) на то, что при его формулировке нельзя понять, где же собственно у него границы «первоначалия». Если (см. I вариант) речь идет о чисто экономическом преобладании госхозяйства, то это по сути дела дано весьма быстро (закон крупного производства). Но тогда это противоречит «закону», явно рассчитанному на более длительный период. Мы указывали также на то обстоятельство, что, если, с другой стороны, речь идет о преимуществах над странами Запада и Америки (что при абстрактном исследовании, на его первой ступени, впрочем *недопустимо*), то тогда, наоборот, процесс растягивается на очень большие сроки. Тов. Преображенский не остановился в своем ответе на этом пункте. Но что он *сделал*? Он определил теперь (см. II вариант) социалистическое накопление как такое, где *ни одна «копейка»* не получается из несоциалистического круга! И *первоначальное* социалистическое накопление он определил как такое, где есть хоть одна единственная «копейка» из несоциалистического круга («либо одновременно» во II варианте)!

Если брать всерьез аналогии и от такого определения «первоначального социалистического накопления» обратиться к определению «так называемого первоначального капиталистического накопления», то в «предисторию» капитализма *попал бы весь буквально капитализм*, вплоть до его смерти: ибо капитализм получает добавочные прибыли от «третьих лиц» во все время своего существования; нет и не будет такого этапа в жизни капитализма, когда ему не перепадали бы прибыли на основе эксплуатации «третьих лиц».

Ну, а теперь как же обстоит дело с «первоначальным *социалистическим* накоплением»? Нетрудно понять, что до тех пор, пока будет разница производственных структур и техническое преимущество крупного, да притом еще планового, хозяйства, то даже при обмене эквивалентов, выравниваемых по «общественно необходимому труду», госфабрика и госзавод будут всегда в выигрыше по отношению к остаткам кустарничества, ремесла и т. д. Считать периодом «*первоначального* накопления» весь этот период, пока хоть одна копейка будет притекать от кустарей, ремесленников или крестьян в фонд промышленного накопления, это значит поистине «историю» смешивать с «предисторией», а предисторию так растягивать во времени, что самое понятие теряет всякий смысл.

Что же можно было *бы* — весьма условно — назвать «периодом первоначального социалистического накопления»? Так можно было бы назвать *только* акт «экспроприации экспроприаторов» с сопутствующими ему мероприятиями. Если капиталистическое первоначальное накопление характеризовалось как разъединение производителей со средствами производства, то тут налицо их объединение; применение насилия, характеристика процесса как «переворотов», «внезапность и насильственность» процесса, наконец, характеристика процесса как исторической предпосылки и «исходного пункта» развития, а не его «результата»,— все это элементы сходства. Но все же термин «первоначальное социалистическое накопление» является «*детской игрой*». Почему? Да потому, что эта «детская игра» прикрывает особенности нашего развития, притягивает за волосы факты, многое ставит в *совершенно неверную перспективу*. У нас экспроприация — это экономическая революция против только что бывших господствующими классов; в период первоначального капиталистического накопления — *не* революция и *не* против старых господ, а разорение крестьян; там — создание самого необходимого классового полюса; у нас — ничего похожего; там дальнейшие мероприятия идут по *той же линии дальнейшей экспроприации «третьих лиц»*, у нас проблема экспроприации направлена *против буржуазии и помещиков, а главная*, дальнейшая проблема, о которой идет речь у тов. Преображенского, это проблема *мелкого производителя*, т. е. *другого* класса, там дальнейшая эволюция идет под углом зрения *разорения*, вытеснения или, если хотите, «пожирания», здесь — под уг-

лом зрения *«ужиться»*, «переделать, «ассимилировать» и т. п. При таком положении вещей те параллели и аналогии, которые построил тов. Преображенский, и не могут быть ничем иным, как детской игрой в термины. Пора выходить уже из детского возраста. Пора перестать ставить серьезные вопросы по-детски.

Вот почему здесь целиком *прав* Ленин и целиком *неправ* тов. Преображенский.

Эмпирические факты, которые легли в основу целой «теории» первоначального социалистического накопления, это, раньше всего, факты эпохи гражданской войны и голодных годов, период продразверстки и почти остановившейся промышленности. В условиях совершенно исключительных, в условиях неимоверного разорения и величайшего падения производительных сил «экономика» представляла своеобразную картину: «город» проедал свои остатки, «деревня» «кормила» город. Продразверстка была формой, в которой город в в известной степени жил за счет деревни. Это было время, когда Ленин, обращаясь к деревне, говорил: «...дайте нам хлеб *в ссуду*». Эмпирический факт частичного содержания города за счет деревни был, таким образом, налицо. Но 1) это был период, когда отсутствовал сколь бы то ни было нормальный процесс общественного воспроизводства; 2) самый характер лозунга «ссуды» указывает на совершенно специфическое отношение. Попробуйте вложить этот лозунг в уста рыцарей первоначального накопления!

Наконец, никто не станет отрицать, что промышленность получает и будет получать в фонд своего накопления добавочные ценности от мелких производителей. И поистине комичное впечатление производит тов. Преображенский, когда он пишет по этому поводу в своем ответе:

«Признав это, т. е. признав и факт и неизбежность неэквивалентного обмена с частным хозяйством, во всяком случае активный баланс при обмене веществ на стороне государственного хозяйства он (Бухарин.— *Н. Б.*) признал *мою основную постановку вопроса* (!) и тем самым лишил себя возможности вести принципиальный спор по существу всех выводов из этого положения» («Новая экономика», стр. 214).

Мне это «возражение» напомнило один факт из довольно отдаленного прошлого. Когда мы с В. В. Оболенским сидели в тюрьме [16], вместе с нами сидел один эсер, прозванный нами сологубовским «тихим мальчиком». Во

время одной из дискуссий, когда я сказал, что крестьяне вовсе не исчезнут все до наступления пролетарской революции, тогда поднялся — торжественный — «тихий мальчик» и неожиданно громко заявил: «*Первая* уступка!» Так вот тов. Преображенский буквально копирует здесь «тихого мальчика». Это еще более смешно вот почему: сам тов. Преображенский соглашается со мною, что «в основе» его закона «лежит простой трюизм» (стр. 248) и что «дело все в дальнейшей цепи выводов» (там же). Вот мы и начнем помаленьку подбираться к конкретной характеристике различных положений тов. Преображенского, связанных с его «законом», чтобы потом опрокинуть навзничь и «закон» и «цепь выводов».

«*Основная, совершенно недопустимая ошибка* (если это ошибка) тов. Бухарина,— пишет тов. Преображенский,— не могущий, конечно, обойтись без „заподазриваний“,— которую он приводит на протяжении всей статьи, и которая заставляет его бить на версту от цели по основному вопросу спора, заключается в следующем: моя статья является попыткой теоретического анализа советского хозяйства или, скромно выражаясь, попыткой приступа к такому анализу. Наше советское хозяйство делится на государственное и частное. Государственному хозяйству присущи свои закономерности в развитии, частному — свои. Но и то и другое входит в единый организм всего хозяйства Союза в целом. Для теоретического анализа методологически *необходимо рассмотреть и те и другие закономерности*, а *потом* уж объяснять, как получается *равнодействующая* реальной жизни. Но рассматривать тенденции развития государственного хозяйства необходимо в *их чистом виде*, т. е. проанализировать их так, как *если бы развитие государственного хозяйства шло, не встречая сопротивления частного хозяйства, рассматривать закономерность оптимума*. Это есть единственный правильный метод, унаследованный нами от Маркса. Только он дает нам возможность разобраться в пестрых фактах реальной жизни и понять внутренний смысл всего происходящего.

А что же делает тов. Бухарин?

Он анализ закономерности развития государственного хозяйства (анализ, при котором приходится временно абстрагироваться от экономического и политического сопротивления частного хозяйства) и выводы из такого анализа *смешивает с реальной экономической политикой* пролетарского государства и, понятно, *БЕЗ ОСОБЕННОГО ТРУДА „ОТКРЫВАЕТ“ ЗДЕСЬ ПРОТИВОРЕЧИЕ*. Я не знаю, как назвать такое смешение, такую ошибку. Тов. Бухарин прекрасно понимает, в чем тут разница. Он сам не раз с успехом применял тот же метод исследования в своих экономических работах... Одно из двух: или он отказывается понимать теперь сущность этого метода анализа, что мало вероятно, либо он теоретическую добросовестность исследования принес в жертву задачам полемики сегодняшнего дня. И тогда он должен быть сфотографирован на месте преступления» (210—211, курсив наш).

Итак, видите ли, я «без особенного труда» «открыл» у тов. Преображенского противоречия, но в этом я как раз и виновен, ибо — из гнусной склонности к политике — я недобросовестным образом, оказывается, нарочно смешал категории «чистого» теоретического анализа тов. Преображенского с реальной эмпирической равнодействующей, поступил, как вульгарный экономист, и все в угоду той же неизменной политике.

Ну что ж, будем «ответ держать». Приведем только еще одно место из ответа тов. Преображенского на мою первую статью против него. Его «закон» состоит, как известно, в том, что происходит переливание ресурсов из сектора «частного хозяйства» в сектор государственного хозяйства, причем этот закон «отменяет» и закон ценности, и многое другое.

Я указывал тов. Преображенскому на то, что самый факт переливания существует, но что «цепь выводов» у него не та, и что его формулировка по существу сводится к лозунгу «бери без оглядки больше», что неверно ни экономически, ни политически, что приводит к краху рабоче-крестьянского блока и т. д. («низменная политика»!). Так вот, развивая мысль, приведенную в предыдущей цитате, тов. Преображенский пишет:

«...поскольку для государственного хозяйства неизбежна экспансия также и за счет частного хозяйства, то необходимо выяснить, через какие каналы идет этот поток средств в него и каковы тенденции развития государственного хозяйства в этом направлении, *взятые в их чистом виде, т. е. отвлекаясь от сопротивления среды частного хозяйства, а тем самым и от реальной политики*, которую по *экономическим* и политическим соображениям *приходится* (последний курсив автора.— *Н. Б.*) проводить рабочему государству. Идут ли *стихийные* (?! — *Н. Б.*) тенденции государственного хозяйства в его развитии за счет частного производства дальше того, что реально достижимо для экономической политики государства? Разумеется, идут. Но значит ли это, что *научный анализ* (курсив автора) этих тенденций, *формулировка оптимума этих тенденций* означает критику экономической политики государства и партии? Критику политики, которая, какова бы она ни была, *всегда* (курсив автора) будет расходиться с оптимумом? Вопрос достаточно бессмысленный. Но этот бессмысленный вопрос вынуждает нас ставить тов. Бухарин, который ни единым словом не предупреждает читателя, что моя статья посвящена не экономической политике государства, а теоретическому анализу основных закономерностей нашего хозяйства» (212—213).

Так «фотографирует» меня «на месте преступления» тов. Преображенский. А я утверждаю, что именно с

теоретической точки зрения ничего кроме *вздора* в его вышеприведенных суждениях *нет*. Будем разбирать пункт за пунктом, преследуя товарища «фотографа» по пятам. Начнем с конца.

Тов. Преображенский сетует на меня, что я «ни единым словом» не «предупредил читателя»: его статья-де «теоретический анализ основных закономерностей нашего хозяйства», а вовсе не анализ «экономической политики государства». Каюсь, «не предупредил». И «не предупредил» по той простой причине, что радикально расходился и расхожусь с тов. Преображенским в оценке его статьи: *претензия* на вышеупомянутый анализ у него есть, а *самого анализа* по-моему, нет и нет. Я и сейчас вновь перелистываю главу о «законе»: вопрос о «колониальном грабеже» (62), «отчуждение... прибавочного продукта из всех досоциалистических форм» (62), «обложение частнокапиталистической прибыли» (64), вопрос о государственных займах (64—65), эмиссия (65), железнодорожные тарифы (70), монополия банковской системы и кредитная политика (70—73), торговля внутренняя и внешняя (73—78), «политика цен» (так и написано 84—89) и т. д. и т. п. с последующими рассуждениями на тему, что социализм борется с капитализмом и, чтобы победить, должен накапливать за счет частного хозяйства — и чем больше, тем лучше — вот все содержание работы. Тов. Преображенский *проповедует* абстрагирование от политики, а кроме политики у него, по существу дела, *ничего и нет*: только политика у него *плохая*, о чем я в свое время и «предупреждал». *Теоретический* анализ должен был бы показать, какими объективными законами детерминируется наша политика, как изменяется соотношение между производством и потреблением, куда растет динамика пропорций между отраслями производства, как трансформируется закон ценности в закон трудовых затрат, какой новый опосредствующий механизм трудовых затрат появляется в переходный период, где границы нашей политики и т. д. Но этого читатель *не* найдет у тов. Преображенского. Теоретического анализа хозяйства, вопроса об объективных закономерностях, переходящих — через наши головы — в нормы, у него как раз и *нет*. Проповедуя абстрагирование от политики во славу теории, тов. Преображенский в действительности «абстрагировался» от теории во славу политики.

Но для чего же нужны тогда тов. Преображенскому эти протесты против политики? Для того, чтобы обосновывать *плохую* политику. Как это происходит, читатель увидит ниже. Сейчас мы поворачиваем руль и принимаемся за разбор теоретических «возражений» тов. Преображенского, с классической ясностью устанавливающих корни его ошибок и наиболее «интересные» из них, т. е. прямо «вопиющие к небу».

1. Методологическая установка при выведении закона. Тов. Преображенский не продумал методологического *своеобразия* теории переходного периода. Он рассуждает очень просто. Маркс исследовал тенденции капитализма в «чистом виде». Вот вам установка. Отсюда тов. Преображенский «выводит» метод для «новой экономики»: у нас есть госхозяйство и у нас есть частное хозяйство. Выведем законы госхозяйства в «чистом виде», а затем будем определять «равнодействующую». Вот что предлагает тов. Преображенский.

Видимость правоты здесь есть. Но только видимость. В действительности же все построено на неверной аналогии. Маркс, отбрасывая докапиталистические формации и упрощая картину, анализировал «чистый капитализм». Если бы мы отбросили «третьих лиц», то у нас бы получился «чистый социализм», а вместе с тем исчезли бы все категории и все проблемы переходного периода. Попробуйте отбросить все мелкобуржуазное окружение. Тогда проблема ценности исчезнет *вовсе*, исчезнут такие формы, как форма заработной платы и т. д. Не останется ничего «переходного», даже в этом кругу «государственного хозяйства». Если бы речь шла о теории *социалистического* хозяйства (как у Маркса идет речь о теории *капиталистического* хозяйства), тогда тов. Преображенский был бы прав в своей установке, и предельной абстракцией было бы абстрактное госхозяйство, т. е. по существу дела хозяйство социалистическое. Но если ставить перед собой задачу исследования переходного хозяйства в его историческом своеобразии, то необходимо брать в качестве *предельной* абстракции двухклассовое общество, т. е. *комбинацию* пролетарской геспромышленности и крестьянского хозяйства. От внешней торговли (как бы эмпирически она ни была важна) абстрагировать можно и — на первых ступенях анализа — даже *должно* (чего отнюдь не делает тов. Преображенский); но абстрагировать от «третьих лиц» при анализе переходного периода недо-

пустимо; это и значит выбрасывать все *специфические* теоретические проблемы.

Теоретическое непонимание этого влечет за собой и неправильную установку в области экономической политики. Представляя законы развития на манер двух палок, находящихся в руках двух классов, лупцующих с ожесточением друг друга, тов. Преображенский упускает из виду *единство* системы, хотя это единство противоречивое, но оно *есть* единство, с взаимной обусловленностью частей. Недооценка этой взаимной обусловленности чревата крупнейшими ошибками *.

2. Закон «первоначального накопления» «в чистом виде». Эта общая неправильная установка сказывается и на обосновании пресловутого «закона». «Закон» этот — если бы даже он был и был правильно *сформулирован* — есть закон *соотношения* между «госхозяйством» и «частным хозяйством». Отвлекитесь от последнего — и «закон» вообще теряет *какой бы то ни было смысл.* Он превращается в бессмысленный набор фраз, лишенный какого бы то ни было содержания. Мы можем иллюстрировать эту мысль на следующем примере. Один из крупных наших экономистов, выступая в прениях по докладу тов. Преображенского, признавая за этим докладом «огромную научную ценность» и считая его за «исключительное явление в нашей литературе» (см. «Вестник Комм. Академии», 1926 г., кн. 15, стр. 180, 183) дает такую формулировку:

«Еще одно замечание. Если бы мы в области нашего *государственного* хозяйства могли бы выделить некоторый комплекс, который представлял бы собой *автаркию*, тогда закон *социалистического накопления* (речь идет о законе первоначального социалистического накопления, сформулированном т. Преображенским.— *Н. Б.*) *проявлялся бы в полном своем действии*, и закон ценности здесь был бы не при чем. Исходя из такого абстрактного положения, мы можем сказать, что чем ближе тот или другой комплекс нашего государственного хозяйства к автаркии, к некоторому самодовлеющему целому, тем меньше в нем действие закона ценности, и наоборот» («Вестник», стр. 182).

---

* П. П. Маслов [17] (см. его «Основы экономич. политики».— Гиз., 1926), различая частнохозяйственную, государственно-хозяйственную и народнохозяйственную точку зрения, все же недостаточно подчеркивает, что при диктатуре пролетариата государственнохозяйственная точка зрения *совпадает* с точкой зрения народнохозяйственной, если только речь идет о длительных, т. е. *решающих* «интересах».

Итак, если бы мы имели «автаркию», т. е. если бы государственное хозяйство было бы отрезано от «третьих лиц», т. е. скажем, если бы этих «третьих лиц» *вовсе* не было, то тогда как раз в «полном своем действии» проявлялся бы закон перекачки ресурсов из фонда этих несуществующих третьих лиц! Ну, можно ли сказать что-либо более нелогичное, чем приведенное «одно замечание»? А это *вывод* из положений тов. Преображенского, с их «огромной ценностью».

3. Оптимум «закона первоначального социалистического накопления». Свое увенчание разработанные выше мысли тов. Преображенского находят, однако, в утверждениях автора «Новой экономики» об «оптимуме» закона первоначального социалистического накопления. *Эти* соображения тов. Преображенского (наиболее остро направленные против моей аргументации) настолько поразительны, настолько «исключительны» в «нашей литературе», что их действительно, нужно широко популяризовать: на них лучше всего виден «первородный грех» тов. Преображенского.

Мы только что приводили мнение тов. Преображенского о том, что необходимо рассматривать тенденции госхозяйства в их «чистом виде» или, по формуле тов. Преображенского, «как если бы развитие государственного хозяйства шло, не встречая сопротивления частного хозяйства, рассматривать закономерность оптимума» (210). Или, в другом приводившемся нами месте: нужно рассматривать эти тенденции, «взятые в их чистом виде, т. е. отвлекаясь от сопротивления среды частного хозяйства, а тем самым и от реальной политики, которую по экономическим (!! — *Н. Б.*) и политическим соображениям приходится проводить рабочему государству».

Ну, ладно. Как люди послушные, мы попробуем действовать по рецепту «Новой экономики». Сперва только отдадим себе отчет, от каких-таких сопротивлений нам приходится *отвлекаться*. И опять-таки, как люди послушные, мы готовы «послушать» нашего автора, «как такового». Вот как определял эти препятствия тов. Преображенский в «Вестнике» (стр. 80):

«Препятствия, которые встречает на этом пути государственное хозяйство, заключаются не в недостатке у него экономической силы для проведения этой *политики*, а прежде всего в *слабой покупательной способности частного хозяйства и в сравнительно медленном увеличении этой способности*».

Но тут — да простят меня читатели — я на минуту должен прервать изложение и отвлечься в сторону, ибо налицо некий случай в области «теории», который, на мой взгляд, является *криминальным*.

В своей «политической» статье я указывал тов. Преображенскому (см. сборник «К вопросу о троцкизме», стр. 82) на то, что *решающий* пункт о емкости крестьянского рынка тов. Преображенским вовсе не освещен. В своем ответе («Новая экономика», стр. 243—244) мой оппонент обрушился на меня с неслыханной резкостью:

«Что касается емкости внутреннего крестьянского рынка и оценки его роли для нашей промышленности, то меньше всего я должен слышать здесь наставления от тов. Бухарина. Эту проблему я выдвинул (!!) полтора года назад...» и т. д.

Ладно. Не будем спорить на щекотливую тему, кто и когда «выдвинул» какую проблему. Но вот что интересно. В новом издании тов. Преображенский место о слабости крестьянского рынка радикально *переделал*, никого об этом не «предупредив». Мы читаем здесь (см. стр. 87):

«Препятствия, которые встречают на этом пути государственное хозяйство, заключается не в недостатке у него экономической силы для проведения этой политики, а прежде всего (дальше идет полная „замена".— *Н. Б.*) *в необходимости сочетать эту политику с политикой снижения цен...*»

Изменение столь существенное — без оговорок — я считаю неправильным и следуя методу моего «противника», «фотографирую» тов. Преображенского за этим занятием. Читатели сейчас увидят, почему этот пункт представляется нам крайне важным. Но сперва еще одно замечание en passant[18]: необходимо констатировать, что тов. Преображенский, который проповедует абстрагирование от экономической политики государства, в своей *первой* формуле как-никак пытался связать эту политику с *объективным фактом* (слабость внутреннего рынка), во *второй* же формулировке отходит и от этого последнего теоретического момента, «сочетая» политику с политикой (политику накопления с политикой цен). А сам кричит: «Долой политику из анализа!». А теперь возвращаемся к главной теме (из анализа коей будет ясно, *почему* тов. Преображенский изменил формулировку и *почему* он «не предупредил читателя»).

Итак, мы приступаем к вопросу об *оптимуме* «первоначального социалистического накопления» т. е. к вопро-

су о том, какая хозяйственно наилучшая (оптимальная) цифра должна выражать то количество прибавочного продукта, которое может госхозяйство получить с крестьянского хозяйства в фонд промышленного накопления или в фонд накопления государственного сектора хозяйства. Как мы видели, тов. Преображенский настоятельно требует при этом абстрагирования от «препятствий», идущих со стороны «частного хозяйства». Мы видели также, что *главным* таким препятствием является *слабая емкость внутреннего рынка*. Итак, чтобы в «чистом виде» вывести «оптимум» первоначального накопления, нужно, по Преображенскому, абстрагировать от емкости внутреннего рынка.

Ну, а теперь попробуйте вывести этот оптимум! Посмотрели бы мы на такого «оптимальных дел мастера», который смог бы вывести «оптимум», не считаясь *с условиями, этот «оптимум» определяющими*! Не ясно ли даже ребенку, что эта задача *неразрешимая*, а само понятие «оптимума» в интерпретации тов. Преображенского *прямо бессмысленно*? Думаем, что ясно.

Нетрудно видеть, где корень ошибки. Закон *соотношения* предполагает оба члена этого соотношения. Вынимая один (крестьянское хозяйство), вы тем самым уничтожаете все. Вот вам и «теоретический» «анализ»!

4. «Закон первоначального социалистического накопления» и распределение производительных сил. Во второй главе нашей работы мы видели, что «закон первоначального социалистического накопления» заменяет собой закон ценности и является законом, так сказать, заведующим распределением производительных сил в стране. С другой стороны, мы видим также, что основная *наша* ошибка, по Преображенскому, состоит в том, что мы не считаем возможным, абстрагироваться от таких «препятствий» каким является, в первую очередь, емкость крестьянского рынка. Рассмотрим и с этих точек зрения «закон» тов. Преображенского («в чистом виде»!).

Если не стоять на позиции *Туган-Барановского*[19], то ясно, что здесь нельзя отвлекаться от потребления, т. е. от *спроса*. Спрос же у нас в значительной мере есть крестьянский спрос. С другой стороны, у нас *социальное* деление производственных сфер совпадает в главном с основным их *производственным* делением (пролетарская индустрия и крестьянское сельское хозяйство). Тот факт, что хлеб растет на полях, а не на городских мостовых,

был известен даже воспитанницам благородных институтов старого доброго времени.

Что отсюда следует? Отсюда следует, что емкость внутреннего рынка, определяющая спрос, есть один из важнейших факторов, непосредственно определяющих размеры легкой индустрии, и отчасти металлической и проч. промышленности. А это, в свою очередь, по «цепной связи» определяет и пропорции между другими отраслями. Никакого плана индустрии, *взятой «в себе»*, построить поэтому *нельзя.* И совершенно неслучайно, что у нас «производственные программы» промышленности связываются с вопросами урожая. Попробуйте теперь сочинить «план» *помимо* учета «емкости крестьянского рынка», *отвлекаясь* от этого вопроса! Разве это не абсурд? А этот *абсурд* тов. Преображенский поднимает до высоты методологического принципа. В основе этого абсурда лежит также ошибка. Тов. Преображенский видит *противоречия*, но не видит *единства* народного хозяйства, видит *борьбу*, но не видит *сотрудничества*, подходит к вопросу с точки зрения «плоских», «логических», а не *«диалектических»* противоречий. И поэтому получается соответствующий результат.

Пора, пожалуй, переходить теперь от «цепи выводов» к самому закону. Напомним его формулировку, как она была дана в «Вестнике Комм. Академии» («Вестник, 1924, кн. 8, стр. 92). Там тов. Преображенский формулировал свой «закон» следующим образом:

«Чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной революции,— тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на эксплуатацию досоциалистических форм хозяйства и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе, т. е. тем меньше она будет питаться прибавочным продуктом работников социалистической промышленности. Наоборот, чем более экономически и индустриально развитой является та или другая страна, в которой побеждает социальная революция, чем больше то материальное наследство в виде высокоразвитой индустрии и капиталистически организованного земледелия, которое получает пролетариат этой страны от буржуазии после национализации, чем меньше удельный вес в данной стране докапиталистических форм производства и чем более для пролетариата данной страны является необходимым уменьшить неэквивалентность обмена своих продуктов на продукты колоний, т. е. уменьшить эксплуатацию последних, тем более центр тяжести социалистического накопления будет перемещаться на производст-

венную основу социалистических форм, т. е. опираться на прибавочный продукт собственной промышленности и собственного земледелия».

В этой формулировке т. Преображенский вынужден был, под ударами критики с нашей стороны, снять и «колонии», и «эксплуатацию». О сем разговор будет много дальше, и поэтому эту тему мы пока отложим. Сейчас отметим только следующее: *главная* мысль, «непосредственно данная» в «законе», сводится к тому, что там, где «третьих лиц» *нет*, *и брать* с них нечего, там, где их *больше*, и *получить* с них можно больше. Следовательно, здесь перед нами «закон», вроде «закона», гласящего, что 6 больше 5, или 4 меньше 12. Это, как раз, есть «трюизм», с чем впрочем, согласен и сам тов. Преображенский, для которого все — «в цепи выводов». Одним из *главных* выводов у тов. Преображенского является «такой вывод»:

«Закон первоначального социалистического накопления есть закон борьбы за существование государственного хозяйства. Неэквивалентность обмена, которой он требует и в сфере товарообмена, есть не только воспроизведение той пропорции, в которой эта неэквивалентность существует в капиталистических странах, но и связана с известным плюсом сверх этого» («Новая экономика», 249).

Этот «вывод» требует специального рассмотрения, и его анализ предполагает ряд новых промежуточных логических звеньев, установить которые является задачей последующего изложения.

Здесь мы подводим итог другим «выводам», в особенности связанным с «оптимумом», т. Преображенского. Наш «вывод» о «выводах» таков: тов. Преображенский почти достиг «оптимума» путаницы, из которой ему не вылезти даже при помощи фотографических аппаратов. А засим — до следующего раза.

ЛЕНИНИЗМ И СТРОИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ[1]
1927 г.

Основа революционного марксизма есть *материалистическая революционная диалектика*, одним из основных требований которой является требование рассматривать каждую историческую полосу развития человеческого общества в ее конкретных особенностях, в ее специфических чертах. Эти особые, отличительные, характерные *только* для данной исторической полосы черты и составляют так называемую сущность эпохи, или, выражаясь ходовым, вульгарно-идеалистическим языком, ее «дух». Марксизм потому и является непревзойденным научным построением, что он не есть «догма», т. е. застывшая сводка готовых положений и готовых рецептов, для которых не писаны законы движения, развития, переворота, радикального, коренного, иногда катастрофического *изменения* хода мировой истории. Марксизм есть метод живого познания, которое прежде всего учитывает именно эти изменения: он есть наиболее *чуткий* познавательный инструмент. Анализ *конкретного* является поэтому непременнейшей предпосылкой всякого марксистского обобщения, которому органически чужда и глубоко враждебна игра в высосанные из пальца «определения», «дефиниции», безжизненные «классификации», «схемы» и т. д., чем наполнены груды томов представителей буржуазной науки. Это вовсе не значит, что марксизм чурается обобщений. Наоборот, он представляет собой наивысшее воплощение обобщающей научной мысли. Но *его* обобщение — это не безжизненные «*пустые*» абстракции, а сгусток жизни, самый «сок» исторического процесса.

Сам *капитализм*, как особая форма движущегося человеческого общества, был понят, теоретически «схвачен» *марксизмом*. Теперь о «капитализме» говорят букваль-

но все, и его сторонники, и его противники. Но не нужно забывать, что было время, когда представители буржуазной науки *издевались* над термином «капитализм», над понятием классов и т. д. И только ход исторического развития, подтвердивший *целиком* марксово учение, «вдолбил диалектику» в очень основательное количество даже буржуазных «черепов».

Империализм как *особая* форма капитализма, до чрезвычайности обострившая все внутренние противоречия капиталистического способа производства, точно так же получил свое объяснение у марксистов. И *ленинизм* был тем *обогащенным*, получившим свое дальнейшее развитие марксизмом, который теоретически «схватил» особые, специфические черты империалистического капитализма, черты, доводящие капиталистические противоречия до наибольшей напряженности, черты, которые гонят исторический процесс к катастрофам, откуда рождается новый общественный уклад. Характерно то, что не-ленинцы, подходившие к оценке империализма, как особой полосы развития, остановились на полдороге, а затем опрометью пустились бежать назад. Так, например, *Гильфердинг* [2], кончавший свой «Финансовый Капитал» предсказанием «гигантского столкновения», в котором «диктатура финансового капитала превращается в диктатуру пролетариата», в короткий срок стал проповедником Лиги Наций [3], бегущим, как от чумы, от диктатуры пролетариата.

То, что мелькало во сне далеком,
Воплощено, в дыму и в гуле...
Что ж вы коситесь неверным оком
В лесу испуганной косули?
Что ж не спешите вы в вихрь событий
Упиться бурей, грозно странной?
И что ж в былое с тоской глядите,
Как в некий край обетованный?

Так писал, обращаясь к интеллигентам, один из крупнейших русских поэтов, Валерий Брюсов [4]. Увы! Полумарксистские интеллигенты обнаружили не только свойства «в лесу испуганной косули», но превратились в прямых предателей великого класса, который ввязался в небывалый исторический бой. И только *ленинизм* поставил — и теоретически и практически — вопрос о переходе империализма в диктатуру пролетариата, вопрос о *«перерастании» эпохи монополистического капитализма в эпоху социалистических революций.*

Но история нашего времени провела уже дальнейшую борозду. Она привела к рождению пролетарской диктатуры в огромной стране, к упрочнению этой диктатуры, к процессу «положительного» *социалистического строительства.* Пожалуй, не было еще в истории большего рубежа, чем тот исторический рубеж, который отмечен октябрьскими баррикадами 1917 года. Если этот исключительнейшей исторической важности факт изменил в значительной степени всю международную обстановку, разрушив принципиальное единство мирового хозяйства, как *капиталистического* мирового хозяйства, то, с другой стороны, он поставил перед марксизмом в упор задачу, которой *практически* марксизм не знал и о которой *теоретически* он мог высказываться лишь в самых общих формулировках. На отдельном — но все же очень большом — фронте всемирно-исторического развития началась *новая* полоса этого развития, полоса, коренным образом, в самых своих основах, в самых глубинах своего «существа», *отличная* от предыдущих фаз развития. *Опыт ЭТОЙ полосы в его марксистской обработке составляет самую оригинальную черту ленинизма, самое НОВОЕ, что дал ленинизм для обогащения и развития марксистской мысли и марксистской практической деятельности.*

Революционный марксизм в период *капиталистического* развития есть теория *переворота.* Это — разрушительная, «деструктивная» теория с головы до ног. И этот ее характер вытекает из самого существа, из самых характерных черт капиталистического развития.

Капиталистическое общество есть «единство противоположностей». Оно, как и всякое общество, есть «*единство*», есть некое целое, все части которого зависят друг от друга, обусловлены одна другой, развиваются в зависимости друг от друга, не могут существовать вне этой зависимости. Но капиталистическое общество полно кричащих противоречий: оно есть не просто «единство», оно есть «единство *противоположностей*». Оно есть общество классовое, где основным антагонизмом является антагонизм между пролетариатом и буржуазией. И характер *развития* этого общества совершенно особый: его развитие есть, в основе своей, *расширение и углубление этих противоречий.* Если говорить о «генеральной линии общественного развития», то это есть линия «расширенного воспроизводства капиталистических противоречий», и, прежде всего, это есть линия расширения и углубления

классовой борьбы. До каких пределов? До каких границ? До того, пока эти противоречия не расколют общество, не нарушат его *единства.* А нарушение этого единства, т. е. разрушение старого общества, и есть *революция.*

В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс писал, что апология (оправдание) капиталистического строя в основе своей сводится к тому, что буржуазные учения держатся, при анализе капиталистического общества, за момент *единства*, т. е. недооценивают — и не могут поступить иначе — момента *противоположностей.* Практический их интерес состоит в том, чтобы *замазывать*, затушевывать всеми средствами классовую борьбу. Теоретическая их мысль послушно следует за этим «практическим разумом». Вот почему все без исключения теоретические построения буржуазии, касающиеся общественного развития, антиреволюционны: такова, например, «органическая школа» в социологии[5], такова вся буржуазная политическая экономия (ср., напр., «Экономические гармонии» Бастиа[6] или австрийскую школу, или англо-американцев и т. д.). Наоборот, для марксизма характерно именно то, что теоретическое ударение он делает на *противоречиях, на «противоположности».* Практический интерес пролетариата состоит в преодолении капитализма через углубление и обострение классовой борьбы. При этом пролетариат опирается на действительный, *объективный ход развития.* Поэтому марксизм, будучи *революционным* учением, верно отражает объективные тенденции исторического процесса, т. е. является теорией, «соответствующей действительности».

Если марксизм утверждает, что капиталистическое общество идет неизбежно к краху, то немудрено, что обобщающие практические лозунги идут по линии *обострения* классовой борьбы и находят свое завершение в лозунге *гражданской войны.* Для революционного марксизма нет здесь ничего более отвратительного, чем «сотрудничество классов», «гражданский мир», «смягчение борьбы между трудом и капиталом», «промышленный мир» и т. п., вздор, которым господа *реформисты* пускают пыль в глаза просыпающемуся пролетариату. Самые *реформы* используются марксистами для *революции*, как опорные пункты для новой борьбы. Ориентация — на *обострение* противоположностей, на *разрыв* общественного «единства», на *раскол* общества, на *революцию*, которая становит-

ся исходным пунктом *нового* «единства», т. е. нового общественно-исторического уклада.

Но вот создана и укреплена основная предпосылка для развития *на новых путях*, и нужно теперь познать эти пути, эту полосу развития, *в ее* своеобразии. Сколько ошибок, сколько важных шагов, сколько фальшивых теоретических «положений» было сделано, потому, что люди не понимали этого *своеобразия*!

Общество эпохи пролетарской диктатуры, или общество строящегося социализма есть тоже «*единство противоположностей*»: в нем есть разные классы, опирающиеся на противоречивые хозяйственные формы. Но вся общественная динамика *в корне* отлична от динамики капиталистического общества. Если взять развитие в этот период в его самом общем виде, то это будет не расширение и углубление противоречий, а их *смягчение*; конечным этапом будет не *взрыв* общества, не его *распадение*, а величайшее *укрепление* его единства через отмирание противоречий, их *преодоление*. В капиталистическом обществе момент «единства» *уступает* моменту «противоположности», и этот последний торжествует свою конечную победу в *крахе* этого общества. В обществе переходного периода момент единства все более *оттесняет* момент противоположности, и именно он, момент единства, в конце концов, находит свое завершение в коммунистическом способе производства, раз и навсегда ликвидирующем социально-экономические противоречия предыдущих эпох. Капиталистическое развитие есть *расширенное* воспроизводство противоречий общества. Развитие в переходный к коммунизму период есть *суживающееся* воспроизводство этих противоречий. В капиталистическом обществе дело идет к насильственной *революционной ломке*. В обществе переходного периода развитие его в высшую форму есть *эволюционный* процесс. В этом *принципиальное* отличие новой полосы, отличие, связанное с *господством пролетариата*, с принципиально *иной расстановкой классов*.

В этот период марксизм (ленинизм) подчеркивает и момент единства. Но это — апология? Да, до *известной* степени апология. Однако люди, играющие словечком «апология» *вообще* не понимают, в какую бездну антимарксистской «премудрости» они попадают, если из *этой* «апологии» они делают нам упрек. Ибо одно дело апология *капитализма* и совсем, совсем другое дело — апология

пролетарской диктатуры, переходящая в апологию *коммунизма*, как само общество пролетарской диктатуры переходит в бесклассовое коммунистическое общество.

Такова здесь генеральная линия развития. Но эта линия есть лишь *самое общее* выражение тенденций развития. И было бы в высшей степени опрометчивым не видеть особых условий, видоизменяющих эту тенденцию в более узкую полосу времени, на конкретных зигзагах исторического пути.

Вспомним историю развития *капитализма*. Разве там не было и нет тенденций, смягчающих или даже временно парализующих основную линию на обострение классовых противоположностей? Конечно, такие полосы были. В ранний период капитализма мы наблюдаем не раз патриахальные отношения между «хозяином» и рабочим. Перед закатом капитализма мы видим, как пролетариат объединяется с буржуазией на базе подкупа, колониальных сверхприбылей и — идеологически — так называемого национального единства. До поры до времени такие тенденции живут, отчасти даже побеждают. Но вся совокупная логика капиталистического развития в конечном счете ломает им хребет, и с бурной силой прорывается *основная* закономерность, которая превращает «мирное бытие» в грозу и бурю революции.

Основная линия *перехода от капитализма к социализму* есть линия на *сужение* и в конечном счете — на *отмирание* противоречий. Но это вовсе не означает, что в определенные полосы развития исключено *обострение* этих противоречий. Жизнь так сложна, что было бы абсолютно ненаучным, абсурдным, антимарксистским, антиленинским самодовольное самоудовлетворение одной только общей постановкой вопроса, хотя такая постановка абсолютно необходима. Она необходима, но она не достаточна. В начальный период развития, когда центр тяжести лежит еще в более или менее открытых и острых столкновениях, полосы обострения противоречий являются, можно сказать, законом. Но и в период «мирный» не исключено обострение классовых антагонизмов. Здесь нужен конкретный анализ конкретной ситуации.

И тем не менее, общая линия *развития* не может быть основой для общей линии *поведения* пролетариата и его партии. Ибо поскольку пролетариат от позиции класса *угнетенного* переходит к позиции класса *правящего*, многие проблемы ставятся, так сказать, «наоборот».

В капиталистическом обществе *основной и длительный* интерес *всего* рабочего класса состоит *в ниспровержении* «общественного целого», т. е. того общества, в котором он живет. «Непосредственные» интересы рабочего класса или отдельных его частей могут, наоборот, *привязывать* его к этому обществу. Возвеличение непосредственных, временных, преходящих интересов *за счет* основных и длительных (в случае конфликта между ними) и есть база оппортунизма.

В обществе переходного периода *основной* и дополнительный интерес рабочего класса в его целом состоит в *укреплении* общества, *в усилении* его единства, в *преодолении противоречий на основе все большего удельного веса социалистических элементов этого общества. Могут* быть такие положения, когда и здесь цеховые, временные, групповые интересы находятся в конфликте с интересами основными, общими и длительными. Например, в связи с закрытием «свободных портов» и с введением монополии внешней торговли может сокращаться число имеющих работу; то же в связи с социалистической рационализацией и т. д. и т. п. И здесь предпочтение цехового и временного общему и основному есть база оппортунизма, меньшевизма и т. д. Однако ясно, что постановка вопроса для капиталистического периода и для периода пролетарской диктатуры диаметрально противоположна: в одном случае революционная точка зрения есть линия на *взрыв* общества, в другом — на его *укрепление*; в одном случае — на *обострение* противоречий, в другом — на их *преодоление* (преодоление на *определенной* социально-классовой основе).

В капиталистическом обществе вождем и руководителем «общественного целого» является буржуазия. В переходном обществе — пролетариат. Пролетариат здесь не просто класс, борющийся в каждую данную минуту за максимум своей доли в общенациональном доходе, пролетариат здесь руководитель общества, ответственный за его судьбы. Он стоит в *ином* отношении и к хозяйству, и к различным его составным частям, и к различным общественным классам.

Совершенно понятно, что пролетариат совсем по-другому относится теперь к крупной промышленности, совокупным «хозяином» которой он является. Уже отсюда вытекает, что он не может стоять на точке зрения мак-

симума доли своего дохода вообще: ибо часть его он должен отдавать в «фонд накопления»[7].

Но не только в этом состоит вопрос. Пролетариату приходится заботиться и о *сочетании* крупной промышленности с *мелким крестьянским земледелием*, от взаимоотношения между которыми зависит ход экономического (а, следовательно, и всякого иного) развития. При разделе совокупного национального дохода пролетариат не может теперь стоять на такой точке зрения: чем больше возьмешь с крестьянства, тем лучше. Тут *главное* опять таки вовсе не в том, чтобы получить в данный момент возможно больше: такая точка зрения была вполне уместна при капитализме, когда пролетариат не нес заботы о развитии общества. *Главное* здесь в обеспечении надлежащего *темпа развития и в обеспечении максимально быстрого роста социалистических элементов хозяйства*. Непонимание этого обстоятельства, покоющееся на механическом перенесении правильной при капитализме линии на общество пролетарской диктатуры, выражает собою своеобразный оппортунизм. Ибо, в *конечном* счете, уровень жизни рабочего класса определяется как раз не тем, чтобы в *данный* момент получить *наибольшую* долю из совокупного национального дохода, а быстротой темпа развития, быстротой роста социалистических элементов хозяйства на основе наиболее быстрого оборота между городом и деревней.

Ради этого ведь у нас к «сотрудничеству» допущена «до известной степени» и буржуазия [8]. Это обстоятельство бросает особенно яркий свет на все принципиальное отличие теперешней постановки вопроса. *Если* бы речь шла о дележке по принципу максимума в *данный* момент, тогда нужно немедленно было бы конфисковать сразу и всю прибыль новой буржуазии и ее капиталы. *Технически* это можно сделать. Но именно, имея в виду *перспективу* развития, мы сознательно *допускаем* эту новую буржуазию к «сотрудничеству», обеспечивая тем ускорение экономического оборота в стране, на *основе* которого систематически *вытесняем* (каждый раз на все более высокой ступени развития) эту буржуазию.

Господство *пролетариата*, единственного класса, организованного, как государственная власть, новый тип развития влечет за собой принципиально новую установку по всей линии. Если главная ориентация есть ориентация в сторону *единства* постоянно переделываемого на

социалистический лад общества (переделываемого в своеобразных формах *классовой борьбы*), то понятно, что лозунг *гражданской войны* в стране сменяется лозунгом *гражданского мира* (см. письмо Ленина к Мясникову[9]). Если в основном тип развития есть тип эволюционного развития, то понятно, что по отношению к теперешней практике наши методы условно можно назвать «реформистскими» (см. статью Ленина «О значении золота»[10]). Ибо осторожная переделка нашего общества, общества пролетарской диктатуры, наши «реформы», наше «строительство» суть не что иное, как продолжение — в новых формах — *великой пролетарской революции*. И, наоборот, радикальная ломка, уничтожение нашего государства, линия на обострение противоречий и на *взрыв* общества в наших условиях есть линия *контрреволюции*.

Такова диалектика лозунгов, направлений, политических ориентаций. Она, эта диалектика, превосходно объясняет, почему наиболее матерые классовые враги пролетариата, охранители существовав*шего* строя, становятся бешеными радикальными изничтожителями строя, у нас существую*щего*. Она объясняет, почему социал-демократы и эсеры, так мирно «вползающие» в капитализм, реформисты по отношению к капиталистическому строю, являются такими «революционерами» (читай *контр*революционерами) по отношению к диктатуре пролетариата. И, наоборот, та же диалектика объясняет, почему партии коммунистического пролетариата, ориентирующиеся на ниспровержение капиталистических государств, берегут, защищают, охраняют страну пролетарской диктатуры. Она объясняет, почему ленинизм учит, что центр тяжести для нас (если отвлечься от международных дел) заключается в «*мирно-организаторской работе*» (Ленин)[11].

С точки зрения якобы марксистского *попугая* (таковы «ультралевые» ренегаты коммунизма, пляшущие под дудку социал-демократии) говорить о гражданском мире, о сочетании интересов государственного хозяйства пролетариата с интересами мелкого крестьянского хозяйства (что делается в интересах самого крупного государственного хозяйства, как базы социализма) есть ужас и безумие; с точки зрения этого попугая припускать к хозяйственному сотрудничеству буржуазию (не смешивать с сотрудничеством *во власти*, коего быть не может и не будет) — это есть еще больший ужас и безумие, это есть прямо измена, «перерождение» и т. д. «Ультра-левые»

попугаи повторяют по отношению к обществу пролетарской диктатуры социал-демократические мысли, что эти «мысли» суть *оборотная сторона* гнуснейшего социал-демократического пресмыкательства перед капиталистической буржуазией.

Ленинизм, поскольку он является марксизмом строительного периода, из «деструктивного» («разрушительного») учения превращается в учение «конструктивное» («строительное»). Социал-демократизм теперешней эпохи, наоборот, «конструктивен» по отношению к капиталистическим государствам и «деструктивен» по отношению к государству пролетариата. В этом он *принципиально* ничем не отличается от идеологии и политики буржуазии, проводником влияния которой на пролетариат он является сейчас в большей степени, чем когда бы то ни было.

Можно ли из вышесказанного делать заключение, что специфический облик марксизма строительного периода состоит в затушевывании, в замазывании действительно существующих противоречий, в затушевывании, в замазывании действительно существующей классовой борьбы, классового расслоения общества и т. д. и т. п.? Можно ли из лозунга «гражданского мира» делать заключение против классовой борьбы?

Кто так решал бы вопрос, тот безусловно скатился бы на другой бок оппортунизма; ибо преуменьшение классовых противоречий в каждый данный момент ослабляло бы силу сопротивления *буржуазным* тенденциям развития, которые снова и снова возрождаются на базе товарного хозяйства и отступают лишь по мере все более мощного наступления пролетариата с его командных высот, пролетариата, увлекающего за собой массу хозяйств простых товаропроизводителей-крестьян. Для революционного марксиста, для ленинца необходимо правильно оценить не только *всю* историческую полосу развития, но и отдельные конкретные этапы в развитии этой полосы и даже отдельные конкретные коньюнктуры внутри этих этапов. Противоречия переходного периода не исчезают сразу, они преодолеваются в *классовой борьбе*. Классовая борьба пролетариата в капиталистическом обществе *обостряет* противоречие и в конце концов взрывает все общество. *Классовая борьба* пролетариата (а не что-либо иное) в обществе, переходном к социализму, в конечном счете *преодолевает* противоречия. Но это делает именно она, *классовая борьба* пролетариата. Сама диктатура пролета-

риата в действии есть особая форма классовой борьбы, *вытеснения* городской и сельской буржуазии, *руководства* крестьянством и *переделки* этого последнего. Она может временами обостряться (и нужно вовремя видеть, когда противник требует особого отпора и особого преследования с нашей стороны). Но все более возрастающая мощь государственного хозяйства и все более возрастающее его влияние на крестьянство в конце концов делают очевидной даже для слепых победу нового уклада хозяйства. Такова наша перспектива, которая будет осуществлена миллионами рабочих рук и голов.

Мы только тронули часть главнейших проблем строительного периода. Необыкновенная сложность задач, в упор встающих перед пролетариатом в этот период, требует огромного обогащения марксистской теоретической мысли, растущей на основе марксистской строительной практики. Основные вехи дал здесь впервые ленинизм. Он, рожденный в грозную эпоху войн и революции, дал не только разработанную теорию разрушения капиталистического гнета: он заложил прочный фундамент социалистического строительства. ***Синтез революционного разрушения и революционного социалистического строительства, в теории и на практике — таков ленинизм.***

РЕЧЬ НА XXIV ЛЕНИНГРАДСКОЙ ГУБПАРТКОНФЕРЕНЦИИ[1]

26 января 1927 г.

Товарищи, я здесь не буду затрагивать все стоящие перед нами проблемы. Во-первых, потому, что главнейшие проблемы были достаточно освещены в докладе тов. Рудзутака[2], а, во-вторых, потому так же, что пришлось недавно освещать эти проблемы на московской конференции в докладе, который был в свое время отпечатан в «Ленинградской правде». Я здесь остановлюсь лишь на некоторых вопросах самого общего характера, а затем на ряде вопросов, которые в партийной печати и на партийных собраниях освещаются не в той мере, в какой это необходимо.

Разрешите прежде всего дать самую сжатую характеристику современной *международной обстановки.*

ОСНОВНОЕ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКЕ

В чем заключается *своеобразие*, оригинальность теперешней мировой обстановки? Вы знаете, товарищи, что за последнее время у нас в партии шли большие споры относительно капиталистической стабилизации. Вы знаете также и то, что до последнего расширенного пленума Исполкома Коминтерна[3] вопросы стабилизации ставились и решались весьма примитивно. Говорили о стабилизации капитализма *вообще*. Между тем — это стало особенно очевидно за последнее время,— оригинальность современного мирового положения как раз в том и заключается, что весь мир, все мировое хозяйство, вся совокупность государств отчетливо и резко разбились на *три больших круга*, причем процессы, протекающие в каждом из этих больших разделов мирового хозяйства, тенденции их развития настолько своеобраз-

ны, настолько отличны друг от друга и настолько противоречивы, что в настоящее время давать единую, сплошную постановку вопроса было бы абсолютно неправильно. Эти три больших круга — суть: *империалистический мир, поднимающийся Восток и Союз Советских Социалистических Республик.*

В СССР мы имеем совершенно неоспоримый успех в деле социалистического строительства и укрепления пролетарской диктатуры.

На Востоке, в первую очередь в Китае, мы имеем процесс гражданской войны[4], который является мощным тараном, пробивающим цепь капиталистической стабилизации. Китайская революция есть, несомненно, часть международного революционного процесса. Процесс международной революции развивается в этом восточном секторе земного шара в массах китайского народа, образующих колоссальную глыбу современного человечества.

Третьим большим, пока еще наибольшим, «кругом» является остальной мир, мир империалистических держав. Разумеется, было бы неверно отрицать в этом империалистическом круге несомненные признаки стабилизации. Однако было бы ошибочным ставить вопрос даже здесь сплошным образом. Следует дифференцировать нашу характеристику отдельных национальных капитализмов; следует строго-настрого различать положение, тенденции развития и стабилизационные возможности отдельных капиталистических государств. Характерным и оригинальным в нынешнем этапе международного развития является *поляризация* отношений даже *внутри* империалистического круга. Если, скажем, с одной стороны, главной крепостью современного капитализма является такая страна, как *Северо-Американские Соединенные Штаты*, то на другом полюсе империалистического мира, в *Англии*, мы видим резко выраженные тенденции упадка, падение капиталистической кривой.

ДВА БЛОКА

Между тремя «большими» частями мирового хозяйства существуют определенные соотношения. Налицо, прежде всего, совершенно явственная тенденция, глубочайшим образом заложенная в самой природе вещей, тенденция *антиимпериалистического блока:* СССР плюс китайская революция. В противовес

этому мы можем отметить, точно так же лежащую в природе вещей, тенденцию блока капиталистических государств против нас, тенденцию, которая напарывается то там, то здесь на необходимость для капиталистических государств с нами торговать.

Если мы сопоставим обе тенденции, т. е. с одной стороны, все большее и большее приближение к нам Востока, с другой — тенденцию контрблока капиталистических держав, всем острием своим направленного против СССР, как форпоста международной революции, то мне кажется, что на данной стадии развития, в данный отрезок времени первая тенденция является более могущественной. Дело здесь в том, что между нами и китайской революцией,— во всяком случае, на данной полосе ее развития,— меньше трений, чем их существует в странах наших капиталистических противников.

ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В Китае давно уже развертывается революционное движение, но существенно новое и оригинальное *теперь* заключается в том, что китайская революция уже имеет свой *государственный* организующий центр. Этот факт имеет выдающееся значение. Китайская революция миновала уже ту стадию развития, когда народная масса, определенное сочетание классов, боролась против господствующего режима. Современная стадия китайской революции характеризуется тем, что силы революции там *уже* организованы, как *государственная власть*, с таким атрибутом, как регулярная, дисциплинированная, внушающая страх империалистическим врагам армия. И продвижение этой армии, ее славные победы, систематическое оттеснение иностранного империализма войсками Кантона и его союзников есть особая форма революционного процесса.

Мы можем теперь сказать, что процесс международной революции, существующий реально, несмотря на глупую болтовню социал-реформистских попугаев, взятый в его наиболее ярких проявлениях, уже имеет два крупных организованных, и притом государственно организованных, центра. Первое — это пролетарская диктатура в СССР. Вторым моментом является то, что в Китае процесс революции продвигается вперед, имея в руках государственный аппарат. Таким образом, здесь речь идет

о дальнейшем оформлении и революционизировании власти и о распространении ее на все бо́льшую территорию.

Не останавливаясь долго на перспективах китайской революции, я хотел бы отметить здесь следующее. Само собой разумеется, китайская революция себя не исчерпала. Данным «уровнем» развития и тем сочетанием классов, которое имеется сейчас в Китае, дело не ограничится и ограничиться не может. Современная власть революционного Кантона опирается на широкий *блок различных классов*. Внутри этого блока пока довольно крупную роль играет торгово-промышленная буржуазия. Эта последняя, однако, неизбежно будет отходить от революции, поскольку на великую революционную арену все с большей силой и настойчивостью будут выходить низы китайского народа — крестьянство, мелкая буржуазия и китайский рабочий класс. Китайский пролетариат, уже теперь играющий огромную роль в национально-революционном движении, стремится и будет стремиться с еще бо́льшим напором занять позиции руководителя, *гегемона*, вождя китайской революции.

Поэтому в дальнейшем перегруппировка классовых сил внутри Китая совершенно неизбежна, неизбежна передвижка сил внутри правительства, внутри армии, неизбежно известное нарастание противоречий в гоминдане, партии с особой оригинальной структурой, партии, политически скрепляющей блок различных классов. Само собою понятно, что весь этот процесс не может пройти — и наверняка не пройдет — совершенно гладко, без трений, без некоторых столкновений. Но мы оптимистически, с надеждой и уверенностью, смотрим на будущее китайской революции. Она уже так глубоко задела народные низы; она с каждым часом, с каждым днем все сильнее будоражит необозримую массу китайского народа; мы имеем перед собой такой неисчерпаемый резервуар революционной энергии, что конечная победа Красного знамени и на этом фронте борьбы представляется нам более или менее ясной. Вполне очевидно, с другой стороны, и то, что передвижка классовых сил китайской революции, которая происходит уже теперь и которая будет происходить и в дальнейшем,— в случае если кривая революции пойдет вверх,— еще больше приблизит эту огромную часть земного шара с четырехсотмиллионным массивом современного человечества в сторону блока с нами, со страной пролетарской диктатуры.

МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — ЭПОХА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Уже из тех положений, которые я здесь вкратце развил, со всей очевидностью вытекает, что постановка вопроса: *или* стабилизация, *или* международная революция — упрощена и неверна. Наша оценка международного положения должна быть гораздо более сложной. Она от этого только выиграет, потому что будет соответствовать настоящей действительности, которая подлежит нашему анализу. Разве из факта китайской революции можно, например, делать вывод против наличия стабилизации капитализма в Германии? И, наоборот, разве из факта капиталистической стабилизации, скажем, в Германии или во Франции можно сделать вывод о том, что не существует китайской революции, как звена международной революции? Разумеется, такая постановка вопроса была бы смешна.

Сплошная, моментальная, «химически чистая» международная революция существует только в плохих книжках и в социал-демократических пасквилях па коммунизм. Международная революция есть процесс чрезвычайно сложный, разнородный и длительный [5]. В былые времена вопрос о международной революции ставился только в первом приближении. Можно и нужно было тогда давать некоторую общую «алгебраическую» формулу международной революции: международная революция как процесс революционного превращения всего капиталистического общества в целом, всех капиталистических стран в общество социалистическое. Эта формула останется правильной и по сей день. Но, разумеется, теперь эта формула уже *недостаточна*, она слишком сплошна, требует конкретизации.

Теперь, в интересах практического революционного действия, нужно расшифровать конкретно, *как*, *в каких формах*, *в какой последовательности* весь процесс международной революции будет происходить. Теперь, когда мы имеем за спиной почти 10 лет власти пролетариата, когда перед нашими глазами пронеслись всемирно-исторические события, империалистическая и гражданские войны, целый ряд грандиознейших событий в Европе и на Востоке, в империалистических странах и в колониях,— теперь, товарищи, мы хорошо видим, насколько оправдалась ленинская постановка вопроса о международной революции.

Мы видим хорошо, насколько прав был Ленин, когда учил нас, что международная революция есть процесс величайшей сложности. Этот процесс совершенно неоднороден даже с точки зрения классовой. Он состоит не только из чисто пролетарских революций в странах зрелого капитализма,— хотя эти пролетарские революции образуют собой, конечно, главное ядро международного революционного процесса,— он есть процесс низвержения империалистической системы *со всех сторон*; он включает в себя национально-освободительные войны, колониальные восстания, великое революционное движение полуколониальных стран. Сегодня он может идти в одной стране зрелого капитализма; завтра он может вспыхнуть на другом конце земного шара, в колониях; послезавтра он может вспыхнуть в сравнительно отсталой, полузрелой капиталистической стране и т. д.

Процесс международной революции есть целая эпоха человеческой истории.

О МЕЖДУНАРОДНОСТИ И «ОДНОВРЕМЕННОСТИ» РЕВОЛЮЦИИ

«Международность» революции заключается вовсе не в том, что она происходит в разных странах одновременно, в один день. Международность революции заключается в том, что капиталистический мир в целом попал в такую сетку собственных противоречий, что начал трещать, что его революционное низвержение стало неминуемым, что неизбежно за одними революционными вспышками следуют другие, хотя бы промежутки между этими вспышками считались годами.

«Одновременность» международной революции, о которой, давая общие формулы, говорили прежде, не есть одновременность одного дня, часа или года. Эта «одновременность» расшифровывается теперь как одновременность эпохи, большой исторической эпохи, поток которой базируется из целой системы различных каналов и струй великого всемирного революционного процесса, охватывающего победоносные пролетарские революции и частичные поражения рабочего класса, и восточные революции, и первые попытки положительного социалистического строительства, и национально-освободительные войны, и колониальные восстания. Когда человечество пройдет

весь цикл своей собственной переделки, когда повсюду и везде утвердится победоносный рабочий класс,— только тогда можно будет сказать, что великий исторический круг завершен, что международная революция увенчала свое дело.

Вот, товарищи, как нужно характеризовать мировую обстановку. Не: *или* стабилизация, *или* мировая революция, но: и частичная стабилизация, и реально-происходящая мировая революция, систематически подрывающая силы капиталистической стабилизации [6].

Из такой оценки мирового положения, из такого понимания стабилизации и международной революции, а равным образом из наших взглядов на социалистическое строительство в одной стране вытекает совершенно особая постановка вопроса о *нашей* роли в процессе международной революции.

СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА В НАШЕЙ СТРАНЕ С МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Что вытекает из *оппозиционной* постановки вопроса о строительстве социализма в нашей стране и что вытекает из *нашей* постановки этого вопроса, если рассматривать эту проблему не под углом зрения нашей страны, а *под углом зрения международной революции*?

Посмотрите, что получится, если мы станем на *оппозиционную* точку зрения относительно строительства социализма в нашей стране.

Цель оппозиционных заключений, примерно, такова. Сами мы благодаря нашей технической отсталости, из-за неблагоприятного сочетания внутренних сил, не можем доехать до социализма; *поэтому*,— заключают оппозиционные товарищи,— мы должны апеллировать к силам международной революции. «Настоящий интернационализм» увязывается, таким образом, с признанием *невозможности* «допереть» до социализма своими внутренними силами.

Наша постановка вопроса иная. Мы считаем, что *можем* внутренними силами социализм строить и построили бы его даже до конца, если, конечно, нам не помешают вооруженной силой империалистической буржуазии.

Если Советский Союз имеет внутренние силы для того, чтобы *построить* социализм, то тогда роль этого Союза в процессе низвержения капиталистического порядка на земле есть роль главнейшего рычага, головного отряда, *величайшей организующей силы* международной революции. Вот что вытекает из нашей постановки вопроса.

Если мы станем на оппозиционную точку зрения и объявим, что у нас своих внутренних сил для победоносного социалистического строительства нет, то *что тогда* должен представлять собой наш Советский Союз с точки зрения международной революции? Он, в *лучшем* случае, представляет собой *только факел* международной революции, только *крик о помощи* со стороны нашего пролетариата, факел, который уже начинает потухать, начинает чадить «термидорианским» чадом [7]. Наша строительная работа при *такой* постановке вопроса есть тоже, пожалуй, положительный факт, но в чрезвычайно узких пределах, узких границах. Мы взываем к международной революции, но только как догорающий факел; мы отступаем все дальше и дальше и испускаем отчаянный крик о помощи. Оппозиционный призыв к международной революции, к международным пролетариям есть, таким образом, призыв *отчаяния*.

Но разве из этого оппозиционного подхода можно делать вывод о том, что наша страна, это — головной отряд, главная организующая сила международной революции? Конечно, нельзя. Если мы не изнутри, не из нашей страны поглядим на то, что делается у нас, а поставим себя в положение западно-европейских, американских, китайских, японских рабочих, принимая в то же время оппозиционную точку зрения,— тогда наше отношение к СССР неизбежно должно быть довольно прохладным. «Ну да,— сказали бы нам иностранные рабочие,— вы проделали Октябрьскую революция, это ваш подвиг, но теперь оказалось, что силенок у вас недостаточно, что в действительности происходит у вас не то перерождение, не то термидор, не то бог знает что; вы кричите о помощи, мы, пожалуй, поможем кое-чем, но, по совести говоря, мы еще не знаем, стоит ли вас, полупереродившихся, спасать. И уже во всяком случае считать вашу страну головным отрядом, главной организующей силой мировой революции никоим образом нельзя».

И, наоборот, если немецкие, английские, американские, китайские, японские рабочие считают, что наши

внутренние силы *достаточны* для того, чтобы строить социалистический порядок вещей, чтобы в экономическом соревновании бить и бить внутренних врагов,— то тогда, само собою разумеется, они пойдут за нашей страной, как за главнейшим организующим рычагом всемирного революционного брожения. Тогда отношение к стране пролетарской диктатуры должно быть совершенно иное, тогда ее нужно защищать до последней капли крови, тогда при всякой опасности, которая ей угрожает, надо всем жертвовать, все ставить на карту, лишь бы эту страну защищать.

В ЧЕМ СОСТОИТ НАСТОЯЩИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

Вот две совершенно различные оценки. В международном отношении оппозиция наделала нам больше всего вреда тем, что стремилась подорвать веру в СССР, как организующий центр международной революции. Она, несмотря на ее *слова* о международной революции, только повредила делу международной революции, развенчивая роль международного революционного центра.

В чем состоит, товарищи, *настоящий интернационализм*? Настоящий интернационализм состоит вовсе не в звонких «сверхинтернационалистских» фразах, настоящий интернационализм состоит в том, что бы поддерживать революционный процесс, все то, что сплачивает интернациональные пролетарские ряды, все, то, что укрепляет такой организационный центр мировой революции, каким является наш Советский Союз.

Вот почему сугубо не права была оппозиция и по коминтерновской линии; вот почему практически политическое влияние здесь могло быть только резко отрицательным, и вот почему даже те иностранные товарищи, которые, быть может, не разобрались до тонкостей во всех сложных вопросах нашей внутрипартийной дискуссии, в наших индексах и «себестоимости», с такой дружной решительностью протестовали против вылазки оппозиции, предпринятой на последнем расширенном пленуме ИККИ.

На пленуме ряд очень характерных выступлений иностранных товарищей. «Помилуйте,— говорили нашей оппозиции, скажем, китайские товарищи,— вы говорите,

что ВКП не интернациональна, но мы-то, китайцы, очень хорошо знаем, что значит СССР для китайского народа, для китайской революции». Английские товарищи говорили то же самое, уже убежденные на своем собственном историческом опыте, как кровно они связаны со страной Советов. Иностранные товарищи не могут не приходить прямо, если можно так выразиться, в революционное бешенство, когда видят, как оппозиция пытается подорвать мировое организующие революционное значение СССР. Для иностранных товарищей этот основной вопрос вполне ясен, хотя бы они и не знали всех наших тонкостей, всех цифр, коэффициентов, индексов и т. д.— премудростей, которые каждый из нас вынужден тащить на своих плечах.

ТРИ КРУГА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Главные и оригинальные черты современного международного положения можно резюмировать так: мировое хозяйство распалось сейчас на *три* главных *круга*, неоднородных по своему типу — Восток, СССР и капиталистический мир. Внутри империалистического круга происходит своеобразная *поляризация отношений.* Налицо тенденция к *блокировке* между СССР и Востоком. Налицо, с другой стороны, тенденция к блокировке капиталистических государств против нас, несколько осложненная противоречиями в их лагере. Стабилизацию капитализма нельзя некритически *противопоставлять* международной революции. *Международная революция* проявляется весьма бурно на одних участках земного шара, что вовсе не исключает *частичной стабилизации* на других участках. И вопрос о стабилизации, и вопрос о революции нельзя ставить сплошным образом, так сказать, чохом на все страны: нужно давать дифференцированную постановку.

В процессе международной революции наша страна играет роль главного ведущего начала. Поэтому какое бы то ни было *противопоставление* задач социалистического строительства в нашей стране задачам международной революции является в корне ошибочным и наносящим вред самой международной революции.

ОСНОВНОЕ В НАШЕМ ВНУТРЕННЕМ ПОЛОЖЕНИИ

Перехожу к некоторым вопросам нашего внутреннего положения. Здесь я также ставлю, в первую очередь, следующий вопрос: что является теперь для данной переживаемой полосы развития самым *оригинальным*. В общем и целом совершенно правильно то соображение, что мы перешли из восстановительного периода в период реконструктивный. Такая характеристика совершенно правильна. Мне хотелось бы, однако, выяснить, нет ли каких-нибудь особых черт в том отрезке этого большого периода — перехода к реконструкции,— который мы переживаем теперь. Нельзя ли охарактеризовать хозяйственный «момент» в более узком и специальном смысле слова. Мне кажется, что характерными особенностями внутреннего текущего экономического момента, если можно так выразиться, являются *три* черты.

ГОРОД И ДЕРЕВНЯ

Во-первых, мы имеем совершенно особое положение, поскольку речь идет о соотношении города и деревни в области распределения национального дохода. Наша механика распределения национального дохода находит свое отражение не только и не столько в налоговом обложении, сколько в *политике цен*. Главный рычаг, которым мы в настоящее время изымаем средства из населения, используем их на дело индустриализации в первую очередь, есть сейчас политика цен [8]. И вот, товарищи, мне кажется, что в этой области мы дошли сейчас *почти до предела*. Дальше этого предела в деле получения добавочных, экстраординарных доходов с деревни вряд ли можно идти. Это есть нечто специфическое, особое нечто такое, что заставляет всю нашу партию поставить проблему цен с *особенным* ударением.

Я не буду здесь развивать общие соображения относительно блока рабочего класса с крестьянством и о темпе индустриализации,— об этом достаточно уже говорилось,— для примера приведу лишь вопрос об аграрном *сырье*, для нашей промышленности. Вы знаете, что развитие нашей легкой промышленности наталкивается на острый недостаток собственного советского сырья: нет

достаточного количества кожи, хлопка, пеньки, льна и т. д. Наша сырьевая база,— которая есть не что иное, как определенная часть нашего сельского хозяйства,— подрывается вследствие того, что раствор «ножниц», о котором говорил здесь товарищ Рудзутак, находится почти на том архиненормальном уровне, на котором он находился весной 1924 г.[9] А если вы примете во внимание, что важность борьбы за снижение цен мы осознали уже осенью 1923 г., то вы поймете, что по этой линии мы реально пошли довольно значительно вспять. Несмотря на то, что в общем и целом мы имеем огромнейший прирост сил, соотношение города и деревни в некоторых его частях таково, что это уже начало сказываться на явной недостаточности нашего «сырьевого» хозяйства и на обострении диспропорции между валовой продукцией аграрного сырья и потребностями нашей промышленности.

Ненормальное положение с сырьем сигнализирует нам определенную трудность, заставляет нас обратить особое внимание на цены. Мы уже подошли к известной грани хозяйственного давления на деревню. Переходить эту грань нельзя без риска сорваться. Мы должны идти максимально осторожно по этой линии. Состояние сырьевого хозяйства есть экономическое предупреждение, которое должно быть самым тщательным образом учтено в нашей общей экономической политике. Это есть *первая черта*, характеризующая текущий экономический момент.

ОВЛАДЕНИЕ РЫНКОМ

Второй особенностью теперешнего момента является то обстоятельство, что мы за последнее время сделали крупнейшие успехи в деле овладения рынком. Мы впервые теперь являемся господами положения на хлебозаготовительном рынке.

Главным оружием, направлявшимся в свое время оппозицией против нас, был тот аргумент, что кулацкая стихия забивает нас на хлебном рынке. Вы все помните разговоры о том, что, мол, кулак нас так «регульнул», что перевернул вверх дном наши заготовительные операции, что мы являемся слепой игрушкой в руках кулачья, сосредоточившего у себя крупнейшие запасы хлеба. А между тем оказалось, что мы хлебным рынком овладели, являемся на нем хозяевами положения. Мы вытеснили из хлеботорговли частный капитал, который пере-

брасывается на другие отрасли, но мы систематически его вытесняем и оттуда.

Мы закрепились таким образом на одной из важнейших командных высот. Это вовсе не значит, что у рыночной сфере в целом мы достигли такой степени развития, что у нас все гладко. Расширяющийся раствор «ножниц», о котором я говорил,— основное явление на нашем рынке,— является характернейшим моментом, который нам сигнализирует определенные экономические и политические опасности. Но в то же самое время мы господствуем в товарообороте и мы являемся на хлебном рынке хозяевами положения. А это есть несомненно новое и специфическое.

ПРОЛЕТАРИАТ — ЛИДЕР ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОЦЕССА

Третьей особенностью является то, что в нынешнем фазисе новой экономической политики, в переживаемом отрезке начавшегося реконструктивного процесса мы достигли того, что наш рабочий класс укрепился настолько на командных высотах, что стал действительно *лидером хозяйственного процесса страны в целом.* Когда мы только что начали новую экономическую политику, мы и тогда ставили перед собой задачу экономического лидерства в стране, но у нас реально этого лидерства, в полном смысле этого слова, не было. До сих пор мы завоевывали командные высоты, но нельзя было утверждать, что, сидя, так сказать, на командных высотах, мы, закрепившись на них *целиком*, давали всеобъемлющее руководство хозяйством. Я напомню, что у нас в расчетах даже между государственными органами преобладал частный капитал, что за несколько лет нэпа мы еще имели напряженнейшую борьбу между нашими командными высотами и частнокапиталистическими кругами, борьбу, в которой частник имел относительно очень сильные позиции. Теперь в огромной степени возросла и откристаллизовалась роль рабочего класса как руководителя хозяйства. Колоссально повысилась теперь ответственность всего рабочего класса в целом, ответственность нашей партии, ответственность руководителей нашей партии, ответственность руководимых нами хозяйственных органов. Рабочий класс теперь ворочает действительно колоссальными глыбами населения, миллиардными глы-

бами ценностей; даже распыление крестьянского хозяйства, в некоторых определяющих линиях, зависят от хозяйственной политики рабочего класса.

УСКОРЕНИЕ ОБОРОТА — ОСНОВНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА РОСТА

Прежде чем в этой попытке нащупать характерные признаки современного экономического момента, перейти к боевым задачам нашей хозяйственной политики, я должен сделать небольшое отступление и, так сказать, вогнать клином одну постановку вопроса относительно возможности нашего развития вообще. Очень часто у нас можно было слышать такие рассуждения: «Ну что же, мы ничего из-за границы не получаем, никакие особенно крупные кредиты на нас не сыплются, мы еще нищие, у нас ведь, по совести говоря, нет базы для построения нашего будущего благополучия. Никто нам ни чертушки не дает. Западная Европа и Америка — богатые дяденьки, но они больше на нас зубы точат, чем помогают,— короче говоря, нам *не на чем расти*». Это есть одна из основ пессимистических рассуждений всей хныкающей публики относительно всевозможных «невозможностей».

Я приведу один исторический пример. Когда мы переходили от военного коммунизма к новой экономической политике,— получали ли мы что-нибудь из-за границы? Ничего не получали. Оказывал ли нам кто-нибудь под новую экономическую политику кредит, притекали ли к нам извне какие-нибудь капитальные суммы? Ничего этого не было, как известно. Закричали ли мы на всех перекрестках, что отказываемся от наших коммунистических целей? Не закричали. Только Мартов [10] заявил, задолго до «новой оппозиции» [11], что у нас тогда уже, в 1921 г., начался термидор. Но, как никак, факт остается фактом: во время перехода от военного коммунизма к нэпу нам никто ничего не подарил и никакая зарубежная золотая манна на нас не посыпалась.

И тем не менее переход к новой экономической политике сопровождался нашим несомненным ростом. Почему? Почему случилось так, что, ничего не получив извне, ничего не получив также добавочно изнутри, мы все-таки стали быстро расти? Потому, что наличные производственные факторы и элементы страны, которые раньше были

в неправильном соотношении, были заперты нашей политикой, мы в нэпе сомкнули, раскрепостили, дали им возможность друг друга оплодотворять.

В первую очередь мы нашли правильное сочетание между интересами нашей государственной промышленности и частными интересами мельчайших крестьянских хозяйств, о чем говорил Ленин в одной из своих работ [12]. Мы нашли это сочетание в новой экономической политике.

Мы взяли как *данное* то, что было в нашей стране, но взяли это в *новом* организационном сочетании. Различные производственные факторы, взятые в новом сочетании, стали оплодотворять друг друга, привели к процессу нарастания материальных ценностей. И процесс этот стал развиваться, несмотря на то, что ни один американский дядюшка не преподнес нам на блюде кредитов в качестве компенсации за наше, так сказать, поумнение при переходе от военного коммунизма к нэпу.

С тех пор, товарищи, мы прошли огромный цикл хозяйственного развития. Мы на базе нэпа дали мощный толчок производительным силам, мы стали определяющим фактором всей экономической жизни, мы стали подлинными хозяевами совокупной экономики, мы в огромной степени развернули масштаб наших хозяйственных маневров.

Наша теперешняя задача заключается в том, чтобы преодолевать все огромные недостатки, чтобы нищету, которая у нас имеется, безработицу, которая у нас есть, болезни нашего сельского хозяйства максимально быстро изживать. Здесь речь идет опять-таки вовсе не о том, чтобы во что бы то ни стало что-нибудь получить *извне* (хотя, конечно, «всякое даяние», поскольку оно не расходится с принципами хозполитики, есть «благо»[13]), но о том, чтобы всеми экономико-политическими мероприятиями, всей суммой наших рычагов, которыми мы располагаем, воздействовать на ход экономической жизни так, чтобы систематически ускорять процесс нашего хозяйственного роста.

Я вряд ли ошибусь, если скажу, что нашей центральной идеей, нашей *центральной экономической директивой* должна быть *директива ускорения товарооборота* [14]. Ускорение товарооборота усилит взаимное оплодотворение различных частей нашего хозяйственного целого, форсирует процесс накопления материальных ценностей в нашей стране. Разумеется, ускорение товарооборота есть

только общая экономическая директива, которой должна быть подчинена вся система наших хозяйственных задач.

ЗАДАЧИ РАБОЧЕГО КЛАССА КАК ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЛИДЕРА СТРАНЫ

Рабочий класс нашей страны, который стоит у руля власти, который является экономическим и политическим лидером страны, никоим образом не должен забывать своего господствующего положения.

При власти буржуазии в капиталистическом государстве перед рабочим классом стоит одна основная забота в повседневной борьбе: получить в дележке национальных доходов в каждый данный момент возможно большую долю. Тогда это составляло правильную линию рабочего класса, тогда, при капиталистическом режиме, отступление от этой линии означало оппортунизм. Тогда только подпевалы капиталистической плутократии могли болтать о так называемых чрезмерных требованиях рабочего класса.

Другое совсем дело, когда рабочий класс является господствующим классом в огромной стране. Его забота — это не только забота о том, чтобы в данный момент возможно больше получить, но и в том, чтобы непрестанно смотреть за тем, что будет завтра. Он должен отвечать за все хозяйственное целое, за всю страну, за то, чтобы она не развалилась. Его революционный интерес заключается в том, чтобы укреплять пролетарскую гегемонию, систематически усиливать социалистические элементы нашего хозяйства.

Вот почему совершенно бессмысленно то, что сквозит у некоторых наиболее «радикальных» оппозиционеров: предложение рабочему классу «ловить момент», вырывать в дележке национального дохода максимум для себя в каждый данный момент. Мы могли бы, конечно, технически взять с льноводов, хлопководов, с крестьян, занимающихся животноводством, производящих кожи и т. п., гораздо больше, чем берем. Но этим мы подорвали бы в корне свою собственную сырьевую базу, что было бы едва поправимой глупостью [15].

Теперь все члены нашей партии должны видеть то, что будет и завтра, и послезавтра. Это есть существенное отличие между нашей партией и рядовым или отсталым рабочим. Наша партия должна на данном отрезке времени сказать себе: «Мы — рабочая партия, стоящая у власти и строящая социализм, партия, несущая величайшую историческую ответственность. Мы переживаем такой-то момент в хозяйственном развитии с такими-то особыми штрихами. Мы должны со всей силой приняться за ускорение товарооборота, обратить внимание на интенсификацию сельского хозяйства, в особенности в отраслях, производящих сырье для индустрии. Мы должны реализовать, наконец, нашу политику цен: цены снизить. Мы должны все время думать о завтрашнем дне о возможных осложнениях и опасностях».

Мы тем более должны взяться за интенсификацию сельского хозяйства, что последняя связана теснейшим образом с безработицей. Огромнейшее количество наших безработных, как известно,— выходцы из деревни,— пролетаризующаяся и нищающая беднота. Передвижка людской массы из деревни в город происходит из-за различия жизненных уровней города и деревни, из-за невозможности при данных условиях хозяйственно и жизненно плодотворно работать в сельском хозяйстве.

Боже упаси думать, что проблема интенсификации сельского хозяйства, распространение различных трудоемких культур, соответствующее районирование сельского хозяйства, это — проблема, которую можно разрешить сегодня или завтра. Мы были бы не особенно умными парнями, если бы полагали, что здесь раз-два плюнуть, и все будет в порядке. Я говорил здесь *о длительной* установке нашей работы, ибо мы теперь должны думать не только о задачах, которые сигнализируются сегодняшним днем, но во все большей степени о тех, которые мы будем решать в течение многих и многих годов.

РАЦИОНАЛИЗИРОВАТЬ ХОЗЯЙСТВО

Неся заботы о подъеме и интенсификации *сельского хозяйства*, мы должны с еще большей энергией налегать на проблему *рационализации* всей нашей экономики в целом, особенно промышленности. Рационализация должна идти по *трем* главным линиям.

Она должна быть, *во-первых*, *рационализацией производства* (понижение себестоимости, уменьшение всевозможных накладных производственных расходов, сокращение непроизводительного потребления, увеличение продуктивности труда и т. д.).

Она должна быть, *во-вторых*, *рационализацией обращения*, т. е. рационализацией нашей товаропроводящей сети.

И, наконец, *в-третьих*, она должна быть *рационализацией нашего управленческого аппарата* (максимальное упрощение аппарата, уменьшение накладных расходов управления, ликвидация многозвенности и параллелизма, сверхцентрализма, сокращение числа инстанций и т. д.).

Проблема рационализации есть проблема огромной сложности, требующая колоссального внимания рабочих, находящихся под непосредственным воздействием нашей партии. Если нам в области рационализации производства удастся произвести большую работу, то это поможет нам в огромной степени разрешить практически проблему ускорения оборота, небывало оживить циркуляцию «крови» между городом и деревней, а в целом дать мощный толчок нашему развитию.

СНИЗИТЬ ЦЕНЫ

Рационализация хозяйства поможет нам разрешить и проблему цен. О проблеме цен я не буду долго говорить потому, что говорил уже о ней подробно на московской конференции. *Политика цен — сейчас решающий узел нашей экономической политики.* Реальная заработная плата зависит от «ножниц». Но, кроме того, из-за высоких цен застопориваются возможности правильного движения вперед всего нашего хозяйства. У нас, товарищи, нет конкуренции, который заставлял бы наших хозяйственников силой слепого стихийного закона непрерывно улучшать, несмотря ни на что, систему нашего производства, обращения и управления. Именно поэтому нужен здесь организованный нажим рабочего класса и крестьянства. Давление самих трудящихся масс под руководством нашей партии па хозорганы только и будет изо дня в день подхлестывать наших хозяйственников и заставлять их все время заботиться о снижении себестоимости, об оздоровлении розницы, улучшении про-

изводства, всемерном сокращении непроизводительных расходов и т. д.

Рабочий класс нашей страны держит в своих руках рычаги огромнейшей и сложнейшей хозяйственной машины. У нас в одном кулаке централизованы, сосредоточены гигантские ресурсы. Такой централизации, такого сгущения хозяйственной мощи в нескольких центрах, которые имеются у нас, нет ни в какой другой стране. В таких условиях наши хозяйственники и все мы прямо обязаны создавать все необходимые гарантии против застоя. Мы обязаны улучшать наше производство. Мы обязаны снижать цены. Мы должны создать среди наших производственников, всех хозяйственников, кооператоров соответствующую психологию. Нельзя у нас, особенно теперь, смотреть на потребителя и покупателя, как на существо, которое поглотит любую дрянь. Надо приучать хозяйственников к величайшему уважению к покупателю-потребителю. Надо понять, что не потребитель у нас служит хозяйственному аппарату, а хозяйственный аппарат служит потребителю, ибо потребитель есть то, чему служит наша большевистская партия, потребитель — это трудящиеся массы нашей страны. Так, и только так, мы должны ставить вопрос. (*Аплодисменты*).

Товарищи, я знаю, что такая постановка вопроса может вызвать среди некоторых наших хозяйственников «естественное» чувство недовольства. Можно слышать такие речи: «Зачем нам понадобилось натравливать публику на хозяйственников?». Но, дорогие друзья, не надо нам забывать, что бич всей нашей советской жизни — *бюрократизм*, о котором тысячи раз говорил и писал Ленин, распространяется в сокровенной основе своей именно отсюда, из хозаппарата.

БОРЬБА С БЮРОКРАТИЗМОМ

Бюрократизм есть определенное отношение к людям и к работе. Бюрократизм в наших хозяйственных организациях есть, в первую очередь, паршивое отношение к потребительской массе, манера плевать на потребителя с высокого дерева. Эту психологию мы должны смять, уничтожить до основания, — только тогда мы добьемся решающих успехов по всей линии борьбы с бюрократизмом.

Я должен здесь, между прочим, заметить следующее: величайшее — я сказал бы, парадоксальное — недомыслие оппозиционной платформы заключалось в том, что многие из виднейших оппозиционеров требовали политики повышения цен. Ведь именно политика высоких цен на основе монопольного овладения крупной индустрией была бы главнейшим и самым опасным фактором нашего бюрократического перерождения. Поэтому, ломая эту оппозиционную установку, ЦК партии считал, между прочим, что он проделывал и работу по борьбе с бюрократизмом.

Хозяйственники не должны обижаться, когда приходится обо всем этом говорить. Надо помнить, что и в политике, и в экономике решает не субъективная воля, не настроения хороших ребят, но решает объективная логика событий. Ведь речь идет о массах, о сотнях тысяч, о миллионах людей, о классах, движение и развитие которых подчинено определенным законам. У нас гигантский аппарат хозяйственного руководства. В этом аппарате сидит много тысяч превосходных хозяйственных работников-коммунистов, отдающихся целиком своему делу и имеющих несомненные заслуги в восстановлении нашего хозяйства. Они, однако, даже, несмотря на хорошие намерения, будут бессильны, если мы не поставим все хозяйствующие организации в такие объективные организационные рамки, которые позволят и заставят наших работников действовать с максимальным эффектом.

Тут мы упираемся в вопрос о приближении к решению этой задачи широких масс. Об этом я достаточно много говорил уже на московской конференции. Я должен повторить здесь еще раз, что проблема приближения масс, в особенности профсоюзных масс, к борьбе за цены, к борьбе с хозяйственным бюрократизмом есть одна из коренных проблем нашей политики. Иначе, если мы одни будем кричать все время о снижении цен, а массы будут в стороне,— рабочие скажут: «Вы болтаете, кричите о снижении цен, но это ничего не значит, все равно никакого снижения цен не происходит». Массы должны быть обязательно превращены из простых наблюдателей в активных участников нашей хозяйственной борьбы. Нашим хозяйственникам мы скажем: «Дорогие друзья, мы знаем, что сажаем вас на слишком теплую сковородку, но такова уж обязанность нашего брата-коммуниста потеть за самой трудной, порой чертовски, работой; как вы там

ни разоряйтесь, а попотеть уж придется, а ваши внуки получат в будущем коммунистическом обществе добрую награду». (*Смех, аплодисменты*).

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Товарищи, в связи с вопросом о рационализации нам придется, конечно, решать много очень сложных и трудных проблем. На одной из этих проблем я хотел бы остановиться. Иногда можно услышать такие речи: вот, мол, мы вводим рационализацию и проч., а ведь это, порой, означает — «получай расчет». Нам несомненно нужно продумать всю эту проблему. Не имея готового решения в кармане, я хотел бы указать, по какой линии, па мой взгляд, мы должны здесь идти.

Не стоит, конечно, распространяться о том, что у нас рационализация не та, какая имеется в капиталистическом обществе. Всякий понимает, что рационализацией мы укрепляем дело нашей социалистической индустрии, в то время как в буржуазном обществе рационализация помогает делу капиталистической эксплуатации, что мы действуем в интересах рабочего класса, а там действуют в интересах капиталистов. Есть еще одно различие. Всякая рационализация в Западной Европе связана с систематическим увеличением числа безработных, причем безработица там бьет в подавляющей массе коренных индустриальных рабочих. У нас, товарищи, перспективы совершенно другие по сравнению со странами капитализма. Речь идет в данном случае об индустриальных рабочих, а не о той основной массе безработных, которая приходит из деревни. (Эта последняя безработица должна быть устранена главным образом интенсификацией сельского хозяйства.)

Конечно, рационализация производственного процесса, введение новых машин в первую очередь, в известной мере связана с выталкиванием части квалифицированных рабочих из производственного процесса. Скрывать это от себя было бы глупо, нужно подумать о том, как этот вопрос разрешить.

В общем и основном этот минус будет покрываться, разумеется, развертыванием нашей индустрии. В этом отношении у нас перспективы лучшие, чем у западноевро-

пейских капиталистов, которые прямо задыхаются от недостатка рынка. У нас рынок более емкий, превышающий предложение. В перспективе, если мы будем вести правильную политику по отношению к деревне, емкость рынка станет еще бо́льшей, рынок раздвинется еще шире.

В связи с растущими перспективами промышленного строительства перед нами маячит одна, еще недостаточно осознанная проблема, которая, мне кажется, впоследствии может стать чрезвычайно острой. Это — *проблема перераспределения рабочих сил*, вопрос о перераспределении рабочих рук в связи с ростом нашей индустрии, в связи с капитальным строительством. У нас нет еще соответствующей подготовки для решения этой проблемы. А готовиться надо, ибо в дальнейшем она все равно встанет перед нами, ибо неминуема перегруппировка сил между отдельными отраслями промышленности, между отдельными районами, фабриками и заводами. Рано или поздно нам придется решить вопрос о перераспределении рабочих сил и связанный с этим ряд вопросов: о жилищном строительстве, о школе, вопросы быта и семьи и т. д. И мне кажется, что нащупывать решение этой задачи мы должны уже сейчас. Биржи труда [16], Наркомтруд, профсоюзы и пр.— все они столкнутся с этой проблемой.

Готовиться, повторяю, нужно сейчас. Никогда не нужно упускать из вида, что живая рабочая сила есть *решающий* фактор производства и в то же самое время — главнейший политический фактор нашей страны. К проблеме предстоящего перераспределения рабочих сил нужно подойти со всей осторожностью, уменьем и трезвостью, со всеми гарантиями, что здесь будет только минимум промахов.

НАША ПОЛИТИКА В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ

Товарищи, я остановлюсь теперь на некоторых наших внутрисоциальных проблемах. Я сейчас не буду вновь развивать перед вами известную вам точку зрения партии на вопрос о классах, о кулаке, о середняке, бедняке. Сейчас всякий видит, что никакой кулацкой политики мы не ведем, что курс мы взяли совершенно правильный, что наша твердая линия здесь целиком оправдана опытом истекшего периода. Если я не касаюсь этой проблемы, то не потому, что я считаю ее

маловажной или что-нибудь в этом роде, а потому, что убеждать партийную конференцию в этом отношении вновь не представляется целесообразным.

Я хотел бы, товарищи, затронуть кое-какие новые проблемы другого порядка, которые встают сейчас перед нами.

Я прежде всего, товарищи, хочу сделать несколько замечаний относительно национального вопроса, потом, в связи с этим, насчет антисемитизма и, наконец, насчет интеллигенции.

Ленинградский пролетариат, который является одним из самых передовых отрядов рабочего класса, правящего колоссальной страной, не должен забывать ни на одну минуту, что на территории нашего Союза находится больше сотни различных национальностей. Сидя здесь, в Ленинграде или в Москве, мы не видим украинцев, белорусов, бурятов, чеченцев и прочих. Но если они не маячат перед нашими глазами непосредственно, то думать о них каждый раз, когда мы ставим перед собой какую-нибудь общеполитическую проблему, мы *обязаны*.

Мы двадцать тысяч раз говорили, что хозяйственный рост страны, подъем индустрии и сельского хозяйства определил собою оживление всех классовых группировок.

Хозяйственный рост связан с частичным оживлением наших мелкобуржуазных и буржуазных противников. Далее. Если мы говорим вообще о том, что у нас активность этих слоев повысилась, то ясно, что она повысилась более или менее повсюду; она повысилась в РСФСР среди российской мелкой, средней и крупной буржуазии; она повысилась и среди украинской, и среди белорусской, и среди всякой иной буржуазии. Мы сейчас имеем оживление политической активности этих слоев по «национальной» линии, что принимает форму роста *шовинизма* во всех этих группировках. В составных частях нашего Союза, в отдельных независимых республиках, входящих в состав нашего Союза, мы имеем иногда очень оригинальное положение. Возьмем, например, Украину. Там рабочие в большинстве — великоруссы; городское мещанство — русские и евреи, крестьянство — сплошь украинское. Руководить украинским крестьянством в таких условиях, когда мы не имеем достаточных кадров украинского индустриального пролетариата, нам приходится в значительной мере через определенные прослойки мелкобуржуазной ук-

раинской интеллигенции. Это неизбежное последствие оригинальной структуры Украины.

В некоторых других областях Союза мы имеем довольно похожую картину. Поскольку мелкобуржуазная и среднебуржуазная стихия поднимается на основе хозяйственного роста, поскольку она политически формируется, это находит свое выражение и в росте *шовинизма*. То же происходит и в РСФСР.

Я больше всего должен сказать о великорусском шовинизме. Недавно мне случилось в «Правде», центральном органе нашей партии, выступить с резким фельетоном против Есенина [17]. Я считаю, что это нужно сделать не столько, так сказать, «упокойницким» мотивом по линии развенчания Есенина, сколько по другим мотивам.

Нужно признать, что сменовеховский [18], «национально-российской» момент в свое время в определенную стадию нашего развития служил мостиком для «примирения» с Советской властью части саботировавшей прежде буржуазной интеллигенции. Сменовеховцы считали положительным фактором то, что большевики «собрали Россию» на манер Ивана Калиты. Мы старались сменовеховцев использовать, ими руководить, их вести за собой. Иногда, однако, бывает так, что, по выражению Ленина, руль вырывается из наших рук. Это ясно сказалось на нашей литературе. Очень значительная часть ее в настоящее время прямо вопит на «истинно русский» лад. Правда, для прилику обычно надевается советский колпак, навешиваются советские побрякушки, маскируется под «коммунизм». Все это в известной незначительной пропорции не так вредно и страшно, ибо, если рядом с этой малявкой — сменовеховской-российской идеологией — находится огромный кулачище нашего пролетариата, то как бы ни пищали сменовеховцы, они не могут разрушить наш пролетарский интернационалистский хор. Но когда наша активность на этом фронте недостаточна, когда маленькая сменовеховско-российская фигурка начинает кричать слишком громким голосом, тогда, извините, не обратить на это внимания мы не можем. Тут нам надо подтянуться. Я, может быть, взял это в слишком резких чертах, но перехлестывание таких националистических мотивов в литературе, несомненно, налицо. С другой стороны, обостряются национально-шовинистические тенденции среди национальных меньшинств. Обострение шовинистической идеологии, например, на Украине, выражено

довольно явственно. То же самое и в Белоруссии. То же в ряде некоторых других республик Союза.

Мы, товарищи, должны теперь вновь обратить внимание на национальный вопрос. Ответ наш должен быть таким, который подобает интернационалистической и ленинской партии. Мы наталкиваемся на ряд крупнейших трудностей. Возьмем пример Украины. Коммунистам нужно парализовать растущий украинский шовинизм. Линия сопротивления у некоторых «русопятов» очень примитивна и проста. Ведь на Украине рабочие, главным образом, русские. Рабочие суть гегемоны революции. Они суть соль земли, а раз они русские, к чему увлечение украинизацией и т. д. Такие «русопятские» настроения имеются налицо. Представьте себе нашего великорусского работника, который приехал на Украину. Ему партийную литературу преподносят на украинском языке, доклад предлагают делать на украинском языке, выступать среди крестьянства заставляют по-украински. Он, разумеется, кричит, воет. Меня, мол, замордовали, я лучше убегу; ну их к черту с украинизацией и проч. Я уеду в Питер, в Москву, туда, где не будет у меня этой непосильной добавочной работы.

Такова первая реакция со стороны некоторых не особенно далеких русских товарищей.

Но правильна ли такая реакция, правильно ли идти по этой линии? Мы должны сказать самым решительным образом, что *не правильно*. Такое отношение к делу само есть выражение известной националистической *великорусской* идеологии. Возьмите положение, которое имеется сейчас. Часть украинской интеллигенции, сельская, в первую очередь, раздувает ненависть против «москалей», опираясь на воспоминания о проклятом старом режиме, когда царизм угнетал все национальные меньшинства. А рядом стоит Польша, которая, с одной стороны, готовит войну против нас, с другой стороны, пытается заигрывать с национальными меньшинствами. Пилсудский [19] вовсе не такой дурак, которым его изображают иногда.

Одна из главных слабостей Польши заключается в том, что Польша есть пестронациональное государство, с резко выраженным польским шовинизмом, государство, в котором национальный гнет обострен настолько, что создает взрывчатые материалы, угрожающие фашистскому режиму в «Жечи Посполитой».

А посмотрите вместе с тем, как ловко Пилсудский действует. Он разгромил белорусскую громаду [20], но в то же время свою кулацко-буржуазную белорусскую национальную организацию усиленно прикармливает. Крайне левых, национально-революционное движение, сочувствующих коммунистам он разгромил, а в то же время сам идет на некоторые уступки белорусским буржуазным националистам. С другой стороны, он заигрывает с украинской белоэмиграцией, тайно работает даже на нашей Украине. Вот почему между прочим крайне опасно брать фальшивый тон, заявлять, что вы «не согласны», не «хотите украинизации», «протестовать» против украинского языка и т. д. Поступать так значит сослужить кой-какую службишку Пилсудскому и всем противникам коммунизма. Великорусской части наших работников на Украине, разумеется, трудно обучиться языку и т. д. Но они *обязаны* это сделать, если хотят проводить нашу общую партийную линию. Если мы в теперешний исторический момент не преодолеем внутренней косности, если русские товарищи на Украине не поймут, что нельзя руководствоваться полуобывательскими разговорами в роде: «ах, мне трудно, украинизация — чепуха, не важна, на Украине нет украинских рабочих» и т. п., то мы можем погубить очень многое. Это будет близорукая, глупая политика. Она только *наряжается* в одежды пролетарские, это, мол, голос русского пролетариата против украинского мужика, подобно тому, как оппозиция тоже старалась наряжаться в пролетарские одежды. Существо политики и там и здесь на самом деле антипролетарское. Вести противоукраинизаторскую политику значит разжигать и взращивать национальный шовинизм, значит косвенно лить воду на мельницу такой опытной фашистской лисы, какой является Пилсудский. Малейшая ошибка в нашей национальной политике чревата вредными последствиями для всей страны. Надо считаться с общим положением страны, надо считаться с положением наших отдельных республик, надо прежде всего великорусский шовинизм держать за ухо.

АНТИСЕМИТИЗМ

Теперь несколько замечаний об *антисемитизме*. У нас антисемитизм имеет под собой определенную базу. Главная основа здесь, как то нетрудно понять, заключается в следующих моментах. Во вре-

мя «военного коммунизма» мы русскую среднюю и мелкую буржуазию наряду с крупной обчистили. Российский интеллигент, который одно время фордыбачил, саботажничал и т. п., был тоже выбит из позиций. Затем была допущена свободная торговля. Еврейская мелкая и средняя буржуазия заняла позиции мелкой и средней российской буржуазии, вышибленной из седла в период военного коммунизма. Если были маленькие лавчонки, на которых было написано «Иванов», то потом появились в бо́льшей пропорции и лавчонки, на которых написано «Розенблюм». Приблизительно то же произошло с нашей российской интеллигенцией, которая фордыбачила и саботажничала: ее места заняла кое-где еврейская интеллигенция, более подвижная, менее консервативная и черносотенная. Таким образом частичное восстановление и новое равновесие произошло на несколько иной основе. При таких условиях понятно, лавочник Иванов склонен к разговорчикам в стиле: «всюду Розенблюмы. Россию жидам продали» и т. п. Российский интеллигент тоже склонен к разговорчикам в роде: «всюду Розенбляты, смотрите, Россию жидам продали» и т. п. Своеобразное положение, способствующее росту антисемитизма, заключается в том, что у нас в центральных районах, в центральных городах сосредоточены еврейская буржуазия и еврейская интеллигенция, переселившиеся из западных губерний и из южных городов. Благодаря этому наш безработный и мелкая буржуазия не видят еврейской нищеты, еврейской бедноты, которые ютятся не здесь, а в бывшей черте оседлости, там, где еврей — мелкий ремесленник — живет впроголодь, где еврей — полурабочий, мелкий торговец — прозябает в нищете. Вот почему у отсталых, мелкобуржуазных элементов классовая вражда и, так сказать, социальная зависть к зажиточным и «благоустроенным» еврейским слоям добавляется национальной антисемитской ненавистью в лошадиной порции. Такова база для роста антисемитизма у нас.

Мы должны, товарищи, с антисемитизмом повести яростную борьбу.

У нас даже в кругах нашей партии нередко проявляется антисемитская тенденция, уклончик, который есть оборотная сторона растущего великороссийского шовинизма. Это сказывается в «шутливых» анекдотиках, разговорах о «жидах», «жидочках» и т. д. Это есть, с позволения сказать, «идеология», с которой мы должны бороть-

ся. По этой националистической, антикоммунистической, совершенно непривычной «идеологии» мы обязаны бить и бить.

Есть и другой уклон в вопросе об антисемитизме. Некоторые вообще, боятся заглянуть в корень вещей, и, считая себя, по-видимому, «интернационалистами», боятся сказать хоть одно слово против еврейского нэпмана. Это, конечно, глупо. Наша позиция должна быть совершенно ясной. Надо с антисемитизмом бороться между прочим, как и с «социализмом дураков», по выражению Августа Бебеля [21]. Надо говорить правду, как она есть, а эта правда заключает в себе, как удар против еврейского нэпмана, так и удар против российского шовинизма; против «бытовых» разговорчиков, которые входят теперь в моду и которые суть проявления великороссийского шовинизма, ударить не мешает и ударить в первую очередь, ибо великоросс должен говорить первым делом о грехах великороссов.

Если в нашей среде сомнительное «право гражданства» получает то, что в начале революции мы называли бы черносотенством, то по этому надо ударить покрепче. А, с другой стороны, нельзя вести борьбу с антисемитизмом по-глупому. Тот, кто боится сказать, что бывают евреи бедные и богатые, и что богатые евреи суть наши классовые враги, тот, кто это прячет в карман, тот только *способствует росту антисемитизма*. Мы должны проводить нашу линию совершенно открыто, совершенно отчетливо.

Мы должны видеть, как оформляются и как растут у нас различные буржуазные веяния. Мы знаем, что никогда никакая идеология не рождается готовой сверху донизу. «Идеологии» нарастают постепенно: кусочек тут подвернется, кусочек — там. Первый маленький кусочек — антисемитизм. Другой кусочек — великороссийский национализм. Третий кусочек — «почему не помочь кренкому хозяину», даже если он выступает против бедноты. «Зачем говорить о международных революциях, когда у нас самих дел полон рот»,— вот вам четвертый кусочек. Еще несколько кусочков — и стопроцентная буржуазная идеология готова. В сложной механике борьбы постепенно, не сразу, а по кусочкам, все набираются, постепенно формулируются, складываются и получают закругленную формулировку враждебные нам идеологии. Тут нужно чуткое партийное ухо, которое бы все составные части этого процесса своевременно улавливало.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Товарищи, несколько слов я хотел бы сказать относительно тех процессов, которые происходят в среде нашей интеллигенции. Прежде всего я скажу относительно технической интеллигенции и наших ученых. Теперь, когда мы вступаем в процесс большого планового строительства (Днепрострой, Волго-Дон и т. д.), мы должны всячески заботиться о том, чтобы привлечь первоклассных инженеров, ученых и проч. в большей степени, чем до сих пор привлекали. Привлечение ученых и технической интеллигенции в большей мере, чем прежде, должно стать одной из наших самых насущных забот. Мы будем по-прежнему бороться против таких нездоровых явлений, как «спецеедство»[22], хотя новый рабочий полудеревенского типа и будет кричать против спецов к месту и не к месту. Сущим вздором являются всякие разговоры, которые в частности ходят в Ленинграде, о том, что наша партия хочет изменить свой курс по отношению к интеллигенции и перейти к «нормам», которые существовали в 1918 году, о том, что мы хотим интеллигентов посадить на селедку и рассматривать, как саботажников[23]. Эти разговоры являются, разумеется, зеленой чепухой. Но это вовсе не означает, что мы не должны в той или иной степени бороться против различных процессов в интеллигентской среде, процессов, которые мы считаем отрицательными. Если мы видим, что в интеллигентской среде, в литературе и проч. расцветает шовинизм, то мы должны и будем с этим бороться.

Конечно, мы будем и наших дураков уму-разуму учить, тех, которые воображают себя слишком чуткими умами, которые придираются к мелочам, усердствуют по части самых нелепых «оргвыводов». Мы постараемся искоренить остатки такого положения, когда всякий, против которого что-нибудь в порядке идейной борьбы напишут, боится, как бы на него не «воздействовали» в административном порядке. Мы будем наших дурашливых ребят учить уму-разуму. Но мы будем вести борьбу против всяких вредных идеологических тенденций. И если такие тендеции в глухих формах имеются среди нашей интеллигенции либо в форме более активных выступлений с шовинистическими нотками в нашей литературе, либо в форме соскальзывания на рельсы борьбы против нашей диктатуры, за «демократию» и т. д. и т. д., то требовать от нас, чтобы мы на это не реагировали, разумеется, наивно.

От нашей пролетарской линии мы отступить не собираемся. Мы взяли на себя претензию быть руководителями всей хозяйственной машины, всей страны и мы не собираемся уходить. И едва ли кто решится попробовать нас «уйти». У нас рабочий класс у власти, пролетарская диктатура,— эту аксиому должен запомнить каждый, как дважды два — четыре.

НУЖНА КВАЛИФИЦИРОВАННАЯ УЧЕБА

Я, товарищи, хотел бы еще обратить ваше внимание на следующее. Проблемы, стоящие перед нами, так сложны, так огромны, что циркулярами, параграфами, нажимами, штампами идти никак нельзя. Это касается таких больших вопросов, как, например, вопрос о крестьянстве, о пролетариате и т. п., о чем мы очень много говорили. Но возьмем ряд других вопросов — о той же самой интеллигенции, о воспитании комсомола, о нашем литературном фронте, вопрос об идеологической борьбе и т. п.— здесь нельзя, товарищи, взять одним нажимом. Ежели ты на таких идеологических высотах руководить хочешь, то ты *обязан* иметь крепкий внутренний авторитет, чтобы руководимый тобой имел к тебе внутреннее уважение. Если я знаю, что мной хочет руководить тот или иной человек, который в три раза меньше меня понимает, то я, конечно, могу его слушаться в порядке дисциплины, боязни кары, но я не могу признавать его настоящим авторитетом. Когда у нас настолько осложнилась борьба, настолько осложнились задачи руководства, требуется, чтобы мы разбирались во многом, чтобы следили и за литературой, и за философией, и за наукой, и за политикой, за всем.

Нам во что бы то ни стало необходимо создание своих авторитетов в разных областях, необходима *квалифицированная учеба* нас самих. Эта проблема утверждения и завоевания внутреннего авторитета стоит в качестве одной из крайне важных проблем, которые мы должны настойчиво разрешить.

ГОД РАБОТЫ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В заключение несколько слов по поводу текущей партийной конференции. Мне приходилось выступать на прошлой партийной конференции

в Ленинграде[24]. С тех пор ленинградская организация проделала огромный круг развития. ЦК нашей партии всегда имел ленинградскую организацию в качестве своей главной опоры, в качестве передового пролетарского отряда нашей партии. И великая историческая инициатива крупнейших революционных актов, которые делывала наша партия, начиная с Октябрьского восстания, сплошь и рядом принадлежала именно ленинградской организации. Потом ленинградская организация пережила внутреннюю лихорадку, пережила огромный внутренний кризис[25]. На прошлой конференции она уже стала подытоживать итоги своей прошлой болезни. На XXIV конференции мы имеем за собой годовой проверенный итог работы. Этот год работы показал, что ленинградская организация не только окрепла, не только преодолела до конца болезнь, но и *встала снова на то место, которое занимала* в нашей партии до последнего партийного кризиса.

Мы, товарищи, отлично все знаем, что единство нашей партии восстановлено полностью: мы оппозицию разбили в пух и прах. Но мы не можем и не будем успокаиваться на лаврах. Мы не можем, к сожалению, сказать: «Поставлена заветная точка — теперь только деловая работа». Трудности у нас большие, новые трудности еще впереди, предпосылок для мелкобуржуазного брожения в нашей стране еще много: возможность новых и новых вылазок со стороны оппозиции не исключена. Если бы все шло на 100 проц. гладко, то, разумеется, у нас не было бы почвы для какой бы то ни было оппозиции. Гладко на все 100 проц. у нас дело идти не может, и мы выросли настолько, что это понимаем.

Наша задача заключается в том, чтобы делать поменьше ошибок, чтобы трудности преодолевать возможно быстрее.

Мы оппозицию разбили. Мы доказали широким партийным массам неправильность оппозиционной точки зрения: мы убедили, что права партия. Но мы не имеем гарантий от рецидивов оппозиционной фракционности. Тем более мы должны разъяснить массам нашу линию и основы ленинизма. В этой разъяснительной работе мы должны остерегаться механической зубрежки. Если люди повторяют одни и те же слова: «смычка, смычка; ленинизм, ленинизм», а когда спросишь их, что такое смычка, они вразумительно ответить не могут, то против этого нужно

решительно бороться, нужно по-серьезному приняться за углубленную работу.

Наряду с этим все более твердыми шагами пойдем мы по линии деловой работы. Размах этой работы громаден. Открывающиеся перспективы — и внутренние, и мировые — необъятны. Международная революционная борьба против империализма перешла в новую, высшую стадию развития. В двух огромных странах революция проходит в ее максимально-организованной государственной форме. Дуют буйные ветры мировой революции, дуют все сильнее, несмотря на то, что на ряде еще участков процесс капиталистической стабилизации. Все ярче и все внушительнее осуществляются предсказания Владимира Ильича. Во всю ширь развертывается исторический процесс. Открывающиеся огромные перспективы возлагают на нашу партию и на рабочий класс величайшие обязательства. Наша страна образует всеобщее начало мировой истории; она не есть потухающий факел, зовущий на помощь, от нее не идет чад термидора. Наша страна есть головной отряд всемирной революции, а наша партия есть величайший организатор всемирно-исторической борьбы. (*Бурные аплодисменты*).

ДОКЛАД И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА XVI МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ВКП(б)[1]

20, 22 ноября 1927 г.

ОТЧЕТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА

Прежде всего позвольте от имени Центрального Комитета приветствовать конференцию московского организованного партийного пролетариата. (*Аплодисменты.*) Наша конференция собирается непосредственно перед очередным XV съездом, после празднования десятилетнего юбилея нашей пролетарской революции, в условиях, когда мы имеем ожесточенную борьбу внутри партии, выходящую отчасти за ее пределы и отличающуюся своими особенностями. Эта борьба отнюдь не означает широкого партийного кризиса или кризиса в стране, но она была ожесточенной, так как никогда еще не было столь крупных разногласий внутри нашей партии и столь антипартийных методов борьбы, какие применялись со стороны очень незначительной оппозиционной группы в наших рядах, группы, отчасти выходящей уже за пределы нашей партийной организации. Я хотел бы начать свой доклад как раз с подведения некоторых итогов той дискуссии, которую мы имели за последнее время.

I. НЕОМЕНЬШЕВИСТСКИЙ ХАРАКТЕР ИДЕОЛОГИИ И ТАКТИКИ ОППОЗИЦИИ

1. Идеология оппозиции

Мне кажется, что если мы попробуем в кратких словах подвести итог этой дискуссии, то можем сказать, что в области принципиальных разногласий троцкистская оппозиция почти целиком перешла на рельсы меньшевизма, это — по основным вопросам нашей революции. В лице оппозиции мы имеем новый мень-

шевизм — «неоменьшевизм», который, конечно, отличается от классического меньшевизма некоторыми особенностями, совпадая с ним в основном. В вопросах об оценке движущих сил нашей революции и об оценке существующего сейчас в нашей стране положения, на рубеже десятилетия пролетарской победы, чрезвычайно большая часть взглядов оппозиции почти слово в слово повторяет то, что утверждает классический меньшевизм в лице его наиболее характерных представителей. Но не только в этом, а и в методах борьбы, в тактической линии наша оппозиционная группировка повторяет те приемы и те методы борьбы, которые отличают элементы политических организаций, стоящих за пределами нашей партии. В первую очередь я имею в виду ту же самую РСДРП, т. е. организацию меньшевиков [2]. Вот итог.

Я, товарищи, на этом вопросе постараюсь задержаться по возможности краткое время. Но легко понять, что обойти эти вопросы, которые занимали всю нашу партию все последнее время и которые, безусловно, сопровождались очень крупными издержками для всего нашего государства, для всей нашей деловой работы,— эти вопросы обойти абсолютно невозможно.

Что лежит в основе той теоретической оценки положения в нашей стране, которую дает оппозиция? В основе ее лежит положение, что наша страна в силу ее технической и экономической слабости не в состоянии без поддержки победоносного пролетариата в других странах успешно продолжать дело социалистического строительства.

Эта троцкистская формула, которая не раз Троцким [3] выставлялась и защищалась, в видоизмененном виде лежала в основе октябрьской ошибки тт. Каменева и Зиновьева [4]. Эта формула повторялась перед XIV партсъездом. Эта формула оказывает свое давление и теперь. Из этой формулы вытекает вывод оппозиции о нашей неизбежной гибели, о нашем неизбежном — в условиях затяжки мировой революции — перерождении, проходящем согласно оппозиционным и меньшевистским теоретикам через ряд этапов. С точки зрения расположения основных классовых сил в стране мы якобы имеем сейчас такого рода перегруппировки: от пролетариата к крестьянству, следовательно, от пролетариата к мелкой буржуазии, от крестьянства к кулачеству, т. е. от мелкой буржуазии и от простого товаропроизводителя в сторону капиталистических элементов, от кулачества к буржуазии, нэпману. Че-

рез ряд промежуточных этапов, через ряд различных звеньев этого большого процесса мы якобы идем к тому, что основной руль, гегемония, ведущее начало переходит из одних рук в другие, от рабочего класса к капиталистам, к нэпмановской буржуазии.

На основе перегруппировки сил в стране, под влиянием политики, которую ведет наша партия, совершается якобы, в свою очередь, и соответствующее перерождение нашего государственного аппарата, т. е. радикальное изменение классового характера власти в нашей стране. Сперва происходит отрыв общего государственного аппарата пролетарской диктатуры от своего классового пролетарского базиса, потом происходит превращение государственного аппарата в некую внеклассовую, самостоятельную силу; потом этот самостоятельный независимый от пролетарского классового базиса аппарат получает якобы, по выражению Троцкого, другой «социальный заказ», «социальный заказ» от другого класса, происходит сползание на кулацко-нэпмановские рельсы. Это и находит свое определенное выражение в теории так называемого термидора. За термидором, т. е. за контрреволюционным перерождением государства, следует открытый цезаристский, бонапартистский переворот [5].

В связи с этим дается соответствующая оценка нашей партии. Наша партия, которая имеет свой костяк в партийном аппарате, сперва якобы отрывается от пролетарской массы, потом (или наряду с этим) аппарат отрывается от основной партийной массы, получает самостоятельное значение, потом начинает подводить под себя другой классовый базис, получает «социальный заказ» от иных классов, нащупывает себе другую социальную базу, буржуазную базу. И это есть выражение термидорианства, бонапартизма. Отсюда делается практический вывод, что существующий партийный режим есть главная из опасностей, низвержение которой является первой обязанностью каждого партийца, каждого революционера. Вот как характеризуется картина перегруппировки классовых сил внутри государственного аппарата, внутри нашей партии. Все идет одним путем, через одни и те же этапы, причем общий смысл этого процесса есть процесс термидорианско-бонапартистского перерождения.

Я, товарищи, считаю излишним дальше останавливаться на изображении этой самой теории, потому что всем вам она достаточно известна, изрядно навязла в зубах.

Само собой разумеется, опровергать это по существу, т. е. доказывать, что наша партия не бонапартистская, не термидорианская, было бы ниже достоинства нашей партии. Мы можем с гораздо большим правом упрек в бонапартизме и термидорианстве вернуть тем уличным «героям», которые на четырех ногах ползают за каждой торговкой на каждом вокзале [6]. (*Аплодисменты*).

Я хотел бы констатировать один факт: эта теория *обща для нашей оппозиции и для меньшевиков*. Я говорю это с полным сознанием ответственности за свои слова, с полным сознанием того, что я не преувеличиваю ни на один атом. Я вам приведу несколько цитат из меньшевистских произведений и из оппозиционных выступлений, где вы увидите не только полное совпадение политической мысли, но вы увидите полное, буквальное совпадение некоторых формулировок.

Я приведу три выдержки из речи Троцкого и две выдержки из «Социалистического Вестника»[7].

Вот, что говорил т. Троцкий на последнем пленуме ЦК и ЦКК [8]:

«В партийном режиме находит свое выражение вся политика партийного руководства. Эта политика *сдвинула за последние годы свой классовый стержень слева направо*: от пролетариата к мелкой буржуазии, от рабочего к *спецу*, от рядового партийца к *аппаратчику*, от батрака и бедняка к *кулаку*, от шанхайского рабочего к *Чан-Кайши* [9], от китайского крестьянства к буржуазному *офицерству*, от английского пролетария к Перселю, Хиксу [10], генсоветчикам и т. д. без конца. *В этом самая суть сталинизма*».

Вот вторая цитата, которая увенчивает все здание:

«Партийный режим вытекает из всей политики руководства. За спиной *крайних аппаратчиков стоит оживающая ВНУТРЕННЯЯ БУРЖУАЗИЯ. За ее спиной — МИРОВАЯ БУРЖУАЗИЯ*. Все эти силы давят на пролетарский авангард, не давая ему поднять голову или раскрыть рот. Чем больше политика ЦК сдвигается с классового русла, тем больше приходится эту политику навязывать пролетарскому авангарду *сверху — методами принуждения*. В этом — корень нынешнего возмутительного партийного режима». (Ibid.)

Здесь поставлены все точки над i: за крайними аппаратчиками, т. е. за ядром Центрального Комитета (по терминологии Троцкого), скрывается даже не мелкая бур-

жуазия, даже не кулак, а зрелая, вполне сложившаяся буржуазия, за спиной которой, в свою очередь, скрывается мировая буржуазия. Так вот, значит, мы, представители ЦК, являемся идеологами политики нэпмана, политики мировой буржуазии. Это очень смешно, но это было сказано не где-нибудь, а на заседании ЦК и ЦКК. Это — характеристика, даваемая со стороны Троцкого. А что пишут меньшевики? Меньшевики здесь более последовательны, они родословную нашего «бонапартистского грехопадения» ведут не с последних дней и даже не с момента созревания «великого блока» Зиновьева и Троцкого, они ведут нашу родословную, начиная с момента революции, с момента захвата власти большевиками. Вот что пишет Дан [11] в «Социалистическом Вестнике» № 21/22:

«Та самая речь Ленина, которая возвещала „новую экономическую политику", кончилась и новым „лозунгом", предписывавшим отныне „социалистов держать в тюрьме".»

«Так вступила большевистская диктатура в новую фазу своего развития, в фазу „нэпа", когда революционные задачи, выполнительницей которых сделала ее история, все более уходят в прошлое и когда самосохранение все больше становится для нее самодовлеющей целью, хотя и прикрываемой самыми фантастическими „теориями". Из силы революционной она все более становится силой консервативной. Из выразителя интересов масс в определенной, исторически обусловленной обстановке — тормозом для выявления и защиты этих интересов в новых условиях, созданных революцией. Ибо в этих новых условиях, когда основной социальной силой России становится мелкобуржуазное крестьянство; когда и на национализированных фабриках и заводах государство ведет хозяйство капиталистическое; когда образовались громадные кадры людей (чиновников, администраторов, хозяйственников), источником существования которых становится хотя и монополизируемая государством, но создаваемая трудом рабочих „прибавочная стоимость"; когда, словом, возрождаются в России классы буржуазного общества, а вместе с ними и классовые антагонизмы,— в этих условиях интересы трудящихся и особенно интересы рабочего класса требуют и в России, как и во всякой другой стране, *свободы классовой организации и борьбы*, не мыслимой без *политической свободы*".»

«Как фактор революции, большевистская диктатура исторически пережила себя. *Она превращается в диктатуру „аппарата“, все более от всех классов отрывающуюся и всем им себя противоставящую, все более вступающую в конфликт с интересами общественного развития и потому заживо разлагающуюся*».

Вы видите, что Дан несколько даже умереннее в своей оценке, чем Троцкий, потому что Дан останавливается на той точке, когда аппарат отрывается и оторвался от пролетариата, а Троцкий говорит, что этот аппарат пережил стадию своего отрыва, уже подвел под себя классовый базис нэпмана, за спиной которого стоит буржуазия международная.

Последняя цитата из передовицы последнего номера «Социалистического Вестника», посвященного 10-летнему юбилею нашей революции. В статье, которая называется «Юбилейный разгром», дается прямая оценка выступлений оппозиции за последнее время и оценивается это с точки зрения тактики. Вот что мы находим и читаем в этой передовице:

«Кое-что из оппозиционных теорий не может не встретить всеобщего отклика. Ее (оппозиции.— *Ред.*) характеристика *перерождающейся диктатуры во многом правильна и соответствует действительности*. Пусть она кое в чем не нова, пусть она заимствована у *политических противников, разве в этом дело*? Важно то, что она *правильна*, что она *публично констатирует то, о чем до сих пор можно было говорить лишь в подпольной социалистической печати*. Ее указания *очень верны*: быстро идет процесс перерождения, который оппозиция называет „термидорианским“; активность народных масс сменяется активностью верхушек. На место народа вступает власть — так во всех областях. Вместо рабочей активности — активность хозяйственников. Вместо советов — работа президиумов. Вместо армейской массы — самосознание офицерства. Вместо партийной массы — циркуляр Политбюро, *Троцкий прав — такова действительная картина*, а куда ведет эта эволюция, нам приходилось писать уже не раз. *Что удивительного, если теперь, когда и коммунистическая оппозиция увидела то, чего не видят одни слепые, она умеет привлечь симпатии и заставить себя слушать*?»

«Кое-что из оппозиционной теории не может не встретить всеобщего отклика». Теперь посмотрите, что это за «кое-что». «Ее характеристика... перерождающейся дик-

туры во многом правильна и соответствует действительности. Пусть она кое в чем не нова, пусть она позаимствована у политических врагов, разве в этом дело? Важно то, что она правильна, что она публично констатирует то, о чем до сих пор можно было говорить лишь в подпольной социалистической (сиречь: меньшевистской.— *Н. Б.*) печати, ее указания очень верны, быстро идет процесс перерождения, которое оппозиция называет термидорианским, активность народных масс подменяется активностью верхушек, на место народа вступает власть вместо рабочей активности — активность хозяйственников, вместо совета — работа президиума... Она умеет привлечь симпатии и заставить себя слушать». От себя я прибавлю, что символом этих «симпатий» со стороны рабочих могут служить калоши и соленые огурцы. Но не это в данном случае важно. В данном случае важно то, что вы имеете здесь *совпадение*. Раньше была только перекличка между меньшевиками и нашей оппозицией, а теперь вы имеете совпадение политической мысли, не приближение к чему-то общему, а *совпадение* политической мысли,— потому что, когда «Социалистический Вестник» говорит: дескать, у оппозиции «кое-что правильно», а потом перечисляет, что это за «кое-что», то выясняется, что это «кое-что» есть характеристика классовых соотношений в стране, это «кое-что» есть классовая характеристика нашей государственной власти, это «кое-что» есть характеристика нашей партии. Что же остается кроме этого «кое-что» из самых важных вопросов? Ровно ничего. Основное исчерпано. Характерно то обстоятельство, что цепочка этих взаимных объятий продолжается дальше. У нас в газетах отмечалось, что Милюков в своем органе отпечатал документы оппозиции с нижеследующим примечанием от редакции, напечатанным жирным шрифтом.

«Ниже мы печатаем два отрывка из большевистской оппозиционной литературы. Они как раз годятся для „юбилея“. В Советской России эти отрывки напечатаны быть не могут. Они печатаются там в тайных типографиях, как при старом режиме, и выслеживаются и уничтожаются — тоже как при старом режиме. Таким образом мы осуществляем „свободу печати“ для т. Троцкого. Благодарности не ждем, но сами выражаем удовлетворение, что большевистская „оппозиция“ вступила в стадию подпольной печати. Надеемся, что за ней последуют и дальнейшие стадии».

Вот оценка, вот она — эта «классовая правда классового врага». Я, товарищи, считаю излишним останавливаться дальше на идейном содержании оппозиционной платформы. Совершенно ясно, что *наши идейные разногласия уже переросли рамки тактических разногласий, они стали программными разногласиями*, и я полагаю, что людям с такими взглядами в нашей партии не место. (*Бурные аплодисменты*).

Всякому понятно, что тактические разногласия, это такие разногласия, которые предполагают некоторый общий язык. Я могу расходиться со своими товарищами по партии, например, в количественной оценке тех извращений, которые у нас есть, я могу расходиться в оценке тех или иных методов борьбы против этих извращений. Но если я расхожусь с каким-либо партнером, с которым я хотя бы сто лет сражался вместе, в оценке того, есть ли наша партия — партия революционного пролетариата, или же она — перерождающаяся партия, которую нужно выбросить и чем скорее, тем лучше выбросить,— тогда у нас ничего общего, мы тогда — враги, которые, исходя из этого, делают свои выводы. Я знаю, что есть еще логика борьбы: некоторые говорят не то, что думают, некоторые в своей борьбе идут дальше, чем они сами хотели бы. Это, вероятно, имеет место среди некоторых оппозиционеров. Но из этого отнюдь не следует, что нужно быть более терпимым. Ибо в оборот пущены такие вещи, которые ставят людей по другую сторону баррикады. Если у нас термидорианская власть, тогда нашу власть нужно взрывать, а если это пролетарская диктатура, то нужно ее защищать. Если у нас термидор,— нужно организовывать стачки на фабриках, если у нас пролетарская диктатура,— нужно строить социалистическую промышленность. Если наша партия переродилась в переверзевско-алексинскую партию [12],— нужно ее разрушать, а если у нас пролетарская диктатура,— нужно защищать нашу страну до последней капли крови.

Это — *две разные программы*, а не две разные тактики, и когда оппозиционные политики перебегают от одной к другой, приближаясь то к одной, то к другой (в зависимости от того, сколько они колотушек получат от рабочих по затылку), мы говорим: извините, любезные, это — недостойная игра, с платформой «термидора» мы никого в партии оставлять не будем.

2. *Тактика оппозиции*

Из всего этого, как я уже говорил, вытекает и тактика, которую проводят оппозиционеры. Я не буду здесь останавливаться опять на этих вопросах, пересказывать дело, начиная с «лесных братьев» и кончая всякими их дачами, захватом МВТУ[13] и пр. Из газет вы всю эту «музыку» знаете, я хотел бы только сказать, что в общем *мы здесь уже имеем все формы борьбы, кроме одной, имя которой «вооруженное восстание»*. Мы имеем нелегальщину, нелегальные типографии. Мы знаем, как Раковский[14] в Харькове организовывал полустачку. Это вам уже показывает, что они не будут останавливаться перед переходом к *стачечной борьбе*. Мы имеем, затем, уличные демонстрации. Не вина оппозиционеров в том, что они вывели вам на улицу лишь разбросанные кучки, что у них кишка оказалась тонка. Важно то, что они перешли к *уличной борьбе*. Но если уже есть попытка уличной демонстрации, есть попытка организации стачечной борьбы, то дальше следует только одно — *вооруженное восстание*.

Никаких форм промежуточных больше нет. Все промежуточное исчерпано в той лестнице форм борьбы, которая в природе существует вообще. Нелегальная борьба, мобилизация своих сил, агитация, пропаганда, массовое действие, уличные выступления, стачка плюс демонстрация. За этим следует лишь демонстрация плюс восстание. Дальше некуда идти.

У них — другая программа, флаг которой был вывешен в знаменитом положении о термидоре; у них — другая тактика, которую нельзя иначе назвать, как тактикой повстанчества против Советской власти и нашей партии, первый флажок которой был вывешен в известном тезисе о Клемансо[15], от которого Троцкий отбрехивался и говорил, что там не так изложено. Теперь смысл этого тезиса всякому дураку виден. Это означает переворот в нашей стране, это означает другую власть, это означает другую партию. Конечно, у оппозиции стояла перед глазами лишь перспектива захвата руководства партией. Они думали, что у них такой огромный авторитет в стране, что это легко будет провести, что они смогут всех и всякого убедить и что клемансистский переворот произойдет безболезненно. Троцкий покажется, два вузовца покричат: «Да здравствует вождь Красной Армии», и, дескать, готово.

Дескать, все рабочие только того и ждут, чтобы этот переворот произошел. Дескать, все ждут пришествия оппозиционных «спасителей». Как только они появятся на ступеньках своего храма, все будет сделано безболезненно, никаких кровавых столкновений, без всякой гражданской войны. Вот на что они надеялись. Но жизнь показала другое. Ничего не получили в партии. Потом стали сами апеллировать ко всем и каждому. Стали апеллировать к широким массам, но широкие массы набили им все скулы. (*Смех*). И нужно им теперь создавать какое-то самоутешение. Это самоутешение сегодня пропечатано в признаниях одного товарища, который перешел теперь на нашу сторону, но который раньше входил в состав областного комитета оппозиции и присутствовал на заседаниях объединенного ЦК Зиновьева и Троцкого на квартире у «объединенного» Смилги [16]. (*Смех*). Самым трагикомическим, а по чести говоря, просто комическим, является то, что когда они собрали всех своих людей, то констатировали с полным единодушием, что они «просыпались». Признавшись у себя в том, что «просыпались», они на следующий день представили в ЦК две бумаги, где пишется, что за них был весь миллион. Они прислали бумаги, где говорят, что все решительно были за них и что только жалкая кучка «углановских свистунов» [17] была против. (*Смех*). Оппозиция представляет маленькую кучку, и эта маленькая группка живет самообманом, своих вождей водит за нос: вот недавно на одном заводе оппозиционер звонил, чтобы туда приехал Троцкий, дескать, все 100 проц. за него, а что оказалось? Оказалось, что собрание единодушно было против оппозиции. Они живут самообманом, иллюзиями, оппозиционными грезами. Казалось бы, пускай грезят. Но то, что они делают сейчас, это вредно не только само по себе, ибо развязывает *другие силы*. Вот, товарищи, тема, которая неоднократно развивалась и которая заслуживает в первую очередь нашего внимания. Если вы сейчас пройдетесь по улице крупного города, то на площади или в трамвае вы увидите, как развязывается эта мелкобуржуазная дрянь в нашей стране. Почему? Потому, что оппозиция развязывает вот эти все силы. Возникают конспиративные кружки, группировки. Вот недавно я из Одессы получил программу «коммунистической рабочей партии», представляющую замечательно интересный документ для характеристики настроений этого рода. По программе можно увидеть, что ее писал

тертый интеллигентский калач. Она берет тезисы о «термидоре» и «перерождении» и развивает их, накручивает, конечно, и грубее и резче, чем оппозиция: вожди партии обратились-де в новых капиталистов, сосущих кровь, и пятое, десятое. Говорится о том, что мы натравливаем одну нацию на другую. Резко взята антисемитская струя. Но потом сразу выскочили интеллигентские уши. Авторы выискали главную вину в том, что мы натравливаем рабочих на интеллигенцию.

Но совершенно ясно, что опорным пунктом для этой программы явились тезисы оппозиции, развязавшей все эти оголтело-реакционные силы. Дальше идут разные контрреволюционные прокламации и все проч. Их развелось сейчас гораздо больше, чем было несколько месяцев назад.

Замечается сейчас некоторый рост кружков и группочек, мечтающих о терроре, о заговоре и проч. Я думаю, что будет полезно показать кулак всей этой шпане, чтобы они знали...

Оппозиционные документы и выступления есть средство оживления третьей силы. Все эти документы и выступления оппозиции мы имеем как раз тогда, когда катится к нам *огромная волна международной симпатии*. Мы сейчас присутствуем при таком положении вещей, когда даже среди социал-демократических рабочих имеется большой рост симпатии к Советскому Союзу, который нашел свое выражение и в делегациях, и в только что закончившемся конгрессе друзей СССР, происходившем в этом же самом зале [18]. Тут было около тысячи человек иностранных делегатов, но, товарищи, если бы вы поговорили с делегатами, когда они сюда приехали, то увидели бы, как они здесь переделывали себя, с какими настроениями они уезжали отсюда; если бы знали, как они выбирались сюда, какая борьба происходила там, когда они должны были приехать сюда,— вы почувствовали бы, что от них тянутся нити к большим и широчайшим массам рабочего класса. Не случайность — весь их восторг, восторг даже перед этими парадами физкультурников, не говоря о другом. Их присутствие здесь является доказательством того, что они идут к нашему Союзу, к нашему пролетарскому государству. Отмечу такой яркий штришок на этом конгрессе. Здесь, с этой кафедры говорил один француз, председатель французской делегации, Каломер, который является редактором влиятельного французского журнала.

Он все время занимал позицию против нас. Он все время защищал анархическую точку зрения, все время был против нас, думая, что мы душегубы, грабители и т. д. Здесь он сделал заявление от имени французских анархистов и от анархистов, входящих в ряд других делегаций, что они целиком от этой позиции отходят. И в это время Троцкий и кампания предлагают *нам* идти к анархистам!

В Советском союзе массы идут к нам, а они, оппозиторы, думают, что они идут к рабочим массам и попадают... в кабинет господ Щербаковых. Они говорят, что рабочий класс с ними, что они будут к нему апеллировать, а в это время рабочий класс всего мира идет к нам, к нам идут даже социал-демократические рабочие и говорят нам: «Мы будем свою кровь проливать за защиту Советского Союза». А наши «революционные» оппозиторы заглядывают на Запад и говорят, что у нас, в Советской России, термидор. Разве не ясна картина? Она абсолютно ясна. У нас — разные — программа и тактика. Конечно, мы должны бороться за всякого рабочего, который за оппозиторами идет, но мы не имеем права сделать ни одной идейной, политической уступки людям, которые в своей программе и в вопросах тактики являются совершенно созрелыми и даже перезрелыми меньшевиками.

Из всей этой дискуссии мы можем сделать такой вывод: на XV партийном съезде перед оппозиционерами будет два пути: либо абсолютно, безоговорочно, безусловно, на деле распустить свою фракцию, свою партию, отказаться от указанных выше меньшевистских взглядов, либо этого не будет сделано, и тогда соответствующим образом наша партия будет их рассматривать.

Тов. Клара Цеткин [19] на собрании коммунистов — членов конгресса друзей СССР правильно заметила, что по существу дела решение, которое было принято ЦК, является лишь формальным выражением того, что есть. И это абсолютно правильно. Если желают возвращения к рабочему классу и к партии, пускай возвращаются на основе тех условий, которые им поставит партия на XV съезде; если будут юлить, уклоняться и проч., никто не пожалеет, никакие массы на защиту их не пойдут. Они думали, что вывод Троцкого и Зиновьева из партии будет сопровождаться, по крайней мере, всеобщей стачкой, а на самом деле рабочие сказали: «Наконец-то! Хорошо»,— и беспартийные передовики-рабочие вошли в партию...

Наша партия должна теперь поскорее переходить к очередным делам, потому что нам и так «в копеечку» встала такая дискуссия и такая критика.

Нам нужно поднять выше нашу собственную самокритику и нашу положительную работу, потому что должен заверить, что за последнее время мы из-за этой оппозиции начали упускать темп руководства. Всякий понимает, что в особенности руководящему нашему органу, нашему Центральному Комитету, и так не хватает времени, чтобы следить за всей огромной машиной, за всем тем делом, которое лежит на плечах нашей партии, и терпеть антипартийные выступления мы больше не будем. Поэтому мы должны перед оппозицией на XV съезде поставить вопрос со всей прямолинейностью, со всей резкостью, со всей остротой: либо с нами, либо нет, а если будете юлить, как двадцать раз юлили на совещаниях, то мы на это не пойдем, потому что довольно играть «термидором», демонстрациями, довольно играть диктатурой в стране и нашей партии.

II. ИТОГИ НАШЕГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ОСНОВНАЯ ЛИНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Перехожу к вопросу об итогах нашего строительства и основной линии нашей экономической политики.

Я, товарищи, сегодня не буду приводить цифр, потому что уже все цифры относительно командных высот, индустриализации нашей страны, соотношения между сельским хозяйством и нашей промышленностью, относительно борьбы за снижение цен, частного капитала, накопления и прочего уже изрядно проникли во все мозги, отпечатаны в десятках тысяч разных брошюр, справочниках, книжках, и снова возвращаться к этим колонкам цифр, это — лично для меня — совершенно невозможно, потому что боюсь, что у меня язык от скуки упадет на пол.

Главное положение, которое мы выставляем здесь и которое, по нашему мнению, вполне соответствует действительности, заключается в следующем: несомненным фактом для нас является повышение удельного веса всего обобществленного сектора нашей экономики, т. е. нашей социалистической индустрии, наших банков, транспорта, нашей кооперации. Несомненно укрепление ведущей роли

социалистического города над деревней, что выражается в более быстром развитии нашей индустрии по отношению к сельскому хозяйству и укреплении соответствующих связей ее с последним. Безусловно, что в области торгового обращения наша госторговля и наша кооперация заняли целый ряд важнейших стратегических пунктов, причем роль кооперативных и госторговых органов в целом ряде торговых областей превратилась почти в монопольную. Так, например, обстоит дело на важнейшем стыке между городом и деревней: в области наших хлебозаготовок. Безусловен, следовательно, процесс вытеснения частного капитала из одних отраслей, после чего он перебегает в другую, причем вытесняется и оттуда. Равным образом, безусловен рост нашей кооперации, которая уже обнимает изрядное количество, почти около трети крестьянских дворов. Причем все эти процессы сопровождаются повышением материального уровня рабочего класса и трудящихся вообще. Зарплата растет из года в год неодинаковым темпом, но и в своем номинальном и реальном выражении. Эти вещи мы доказывали, будем доказывать, можем доказывать в любое время с цифровым материалом. Я хотел отметить следующие тенденции, которые важно отметить.

Не нужно ни на одну минуту забывать наличия в нашей стране значительной прослойки с большим сравнительно экономическим удельным весом: мелкую кустарную и ремесленную промышленность. Не нужно забывать, что как раз в эту сферу, т. е. область мелкой кустарной и ремесленной промышленности, сейчас направились усилия частного капитала. Частный капитал, будучи вытеснен рычагами нашего социалистического преобразования, будучи вытеснен нашей промышленностью, торговлей, нашей оптовой торговлей, нашей кооперацией и пр., в известной мере окопался в кругу мелкой кустарной и ремесленной промышленности, в частности в системе так называемой домашней промышленности. Нам нужно помнить, что в ряде промотраслей, производящих средства потребления, мы еще имеем частные хозяйства, т. е. ремесленников, находящихся часто под влиянием частного капитала. Если вы возьмете такие отрасли промышленности, как, например, швейная, то там большинство принадлежит частному хозяйству. Если вы возьмете пищевую промышленность, то там роль частного капитала еще очень велика, так что, когда мы говорим о победном марше наших

хозяйственных высот и о преобладающей роли нашей крупной промышленности, в первую очередь нашей крупной цензовой социалистической промышленности [20], мы не должны все же забывать, что в ряде отраслей, и в первую очередь во всем этом секторе ремесленного и полуремесленного кустарного производства, мы имеем еще значительное поле для деятельности частного капитала, который как раз здесь окопался, как раз здесь имеет кое-какие позиции. Между тем эта промышленность непосредственно смыкается с деревней, и здесь, в этой области, частный капитал имеет возможность проводить смычку с верхушками деревни против нас, что здесь гораздо легче, чем с другого конца.

Мы имеем, несомненно, известный рост кулацких хозяйств. Цифр я не буду приводить, о дифференциации вообще разрешите сказать в несколько ином контексте. Исходя из того, что мы в настоящее время укрепляем командные высоты, что мы вытесняем из целого ряда отраслей обращения нашего основного противника, на основе решений XIV партийного съезда, утвердившего решения XIV конференции,— Центральный Комитет должен был перед собой поставить вопрос о том, какие мы должны сделать тактические выводы. Ответом на этот тактический вопрос явились наши тезисы как по работе в деревне, так и директивы по составлению пятилетки.

Я хотел бы сказать парочку слов относительно нашей стратегической и тактической классовой установки перед XV съездом партии.

Перед XIV партийной конференцией (нам нужно это иметь в виду) мы в основном вопросе нашей внутренней политики имели нелады, имели известную размычку (или начало размычки) между рабочим классом и основной массой крестьянства, т. е. между пролетариатом и середняком. Нелишним будет вам напомнить, что эта размычка нашла свое выражение в целом ряде довольно острых фактов политической борьбы в деревне. Мы имели убийства селькоров и рабкоров, волну всевозможных террористических актов против представителей низших ячеек советской власти и даже нашей партии. Раньше этого мы имели так называемое грузинское восстание [21], попавшее в лапы и в руки дворянско-кулацких слоев и меньшевистской партии. Мы имели весьма острую постановку вопроса о крестьянском союзе [22]. Это был политический симптом, чтобы не сказать больше. Следовательно, действи-

тельно началась размычка между рабочим классом и крестьянином-середняком. И когда XIV партийная конференция, а за нею позже и XIV партийный съезд поставили вопрос о ряде мероприятий, то этот ряд мероприятий был направлен в первую очередь на то, чтобы укрепить смычку с основной массой крестьянства — с середняком. Вы помните, что тогда в деревне были остатки военно-коммунистического режима; необходимо было снять эти остатки, так как они вызывали у середняков такое настроение, которое приводило к приостановке запашки и улучшений в хозяйстве из-за боязни «рассереднячивания». Чтобы середняцкая масса крестьянства эту боязнь потеряла и чтобы она смогла развивать свое хозяйство, нужно было *уничтожить остатки военно-коммунистического режима в деревне*. Это нужно было сделать. Если бы мы этого не сделали во время XIV конференции и XIV партсъезда [23], мы бы не имели примирения с основной массой крестьянства, а, наоборот, расхождение между рабочим классом и крестьянством все более и более раздвигалось бы, на почве чего, вопреки всем уверениям оппозиции, кулак взял бы на буксир середняка, поссорил бы середняка с пролетариатом еще больше, и мы могли бы дойти до известного политического кризиса в нашей стране. Вот как обстояло дело ко времени XIV конференции. Мы выступили с рядом мероприятий, основной политический смысл которых заключался в том, что мы уверенно перешли на рельсы *революционной законности в деревне*, каковая абсолютно необходима с точки зрения улучшения крестьянского хозяйства, потому что крестьянин не мог и не может хозяйничать, если он заранее не знает, сколько, когда, в какие сроки будут от него брать, и будут или не будут его дергать. Вот почему мы обязаны были пойти на те мероприятия, на которые пошли XIV партконференция и XIV партсъезд. Эти вещи были тогда настолько убедительны, что за решения XIV конференции, которые были утверждены XIV партсъездом, голосовали Зиновьев, Каменев и Троцкий.

На XIV съезде Зиновьев и Каменев выступили против ЦК. Что касается Троцкого, то должен сказать на основании документа,— ЦК получил на днях письмо т. *Антонова-Овсеенко* [24], который все время был целиком с Троцким,— что *на XIV партсъезде Троцкий был настолько согласен с партийной линией, что хотел даже выступить самым решительным образом против Зиновьева*

и Каменева. А через 3—4 месяца он оказался уже в *блоке* с теми, против которых он только что хотел выступать, в блоке против ЦК, *за* который он только что хотел выступать. Вот она — величайшей «принципиальности» «линия», грустная повесть о том, как создается басня-«поэма» о термидоре!

Мы должны были проделать на XIV конференции и XIV съезде тот маневр, который мы проделали. Когда мы сейчас, через два года, приходим к новому партсъезду, к новому высшему судье политики Центрального Комитета, мы в первую очередь должны себя спросить: вот эта политика, которую мы два года проводили, достигла она своей основной цели, т. е. примирения с середняком? Мы на это отвечаем: она достигла этой цели, потому что, чтобы ни говорили про наши недостатки — их у нас очень много,— что бы ни говорили про наши огромнейшие прорехи, в особенности в области деревенской работы,— их у нас тысячи,— не подлежит сомнению основной социально-классовый итог, что за эти последние два года отношения между рабочим классом и основной крестьянской массой, т. е. середняком в первую очередь, улучшились. Этого отрицать никто не может. Этого отрицать нельзя, потому что это есть основной факт нашей политической жизни и политической жизни нашей страны. И вот, когда мы это проделали, когда мы этих завоеваний достигли, когда мы эту основную центральную, во время XIV партсъезда, задачу разрешили, когда мы сейчас кулака политически изолировали *несмотря на его хозяйственный рост* и повышение веса его в хозяйственном развитии, в экономике сельского хозяйства, в экономике деревни, когда рабочий класс более крепко связался с середняком-крестьянином, когда мы достигли целого ряда результатов в области организации деревенской бедноты и батрачества и их сплочения с середняком против кулака, когда у нас уже имеется другая расстановка классовых сил в стране,— нашей центральной задачей является не успокоение середняка, а упрочение союза с ним и наступление вместе с середняком на кулака.

Так, товарищи, обстоит дело с основной социально-классовой стратегической установкой теперь. Когда со стороны оппозиции нам задают вопрос: ага, вы делаете политический зигзаг, или, как про меня сказал Троцкий, что Бухарин «теоретическую кобылу» поворачивает то хвостом, то мордой, я, конечно, посмеюсь над этой «кобылой»,

но должен сказать, что если ты ее раз повернул хвостом, то второй раз она повернется мордой, это — закон. Но должен сказать еще, что все политическое искусство, искусство наездников, которые руководят этой «кобылой», в том и заключается, что ты должен вовремя поворачивать ее хвостом, когда нужно, и вовремя поворачивать ее мордой, когда этого требует расстановка классовых сил. Если бы мы поворачивали ее так, как предлагала оппозиция во время XIV партсъезда, мы разорвали бы наш союз с крестьянином-середняком. Если мы теперь начинаем говорить относительно усиления наступления на капиталистические элементы, или кулацкие, то не потому, что нам «взгрустнулось», или оппозиция «подхлестнула» нас, или нам сон приснился хороший, или что «мы сбрендили», а потому, что за два с лишним года с XIV конференции и съезда мы решили ту задачу, которую мы себе тогда ставили. Когда мы в большей степени можем помочь бедноте, когда оперились (не выросли еще как следует, а оперились только) наши организации деревенской бедноты и батрачества, теперь, конечно, другое наличие ресурсов и средств, и мы нашу «кобылу» поворачиваем так, как это нужно пролетариату. Мы должны сказать, что если оперировать с этой «кобылой» и дальше, то мы будем и в будущие годы поворачивать так, как это будет определяться правильным учетом изменяющихся классовых сил. В этом весь гвоздь. Нужно учесть классовые силы и в зависимости от этого маневрировать и определять свою политику.

III. ТРУДНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И НАШИ ЗАДАЧИ

Я, товарищи, хотел развить несколько мыслей относительно трудностей нашего экономического строительства теперь. О достижениях я сказал в самой общей форме, разрешите остановиться подробнее на трудностях. Мы должны сознавать ясно, что из факта нашего роста, который будет идти и дальше, симптомы этого мы видим на каждом шагу, мы можем ощущать этот рост физически,— из этого отнюдь не следует, что все будет идти, как по маслу. Я полагаю, что этот год будет очень трудным годом. Это нужно ясно видеть. Мы будем

иметь ряд дальнейших достижений, но у нас будут и затруднения, вызываемые как внутренними причинами, так и внешними осложнениями. Я должен сказать, что мы уже теперь имеем ряд экономических трудностей, связанных с международным положением. Эти трудности идут извне. Такие вопросы, как вопрос о наших торговых отношениях, как вопрос о кредитах, испытывают ряд затруднений. Англия ведет против нас определенную политику[25], она влияет на целый ряд стран, вплоть до Германии, которая в области кредитов, заказов и проч., сейчас держится более чем прохладной точки зрения по отношению к нам. Это стоит в связи со всем комплексом международных вопросов, и мы здесь за последнее время имели, и нельзя сказать, что не будем иметь в ближайшем будущем, затруднения, что может, понятно, отразиться и на нашем внутреннем строительстве (экспортно-импортный план, производственные программы и т. д.). Вот, товарищи, например, известно, что предупреждения о военной опасности и о подготовке к войне, которые были подняты нами своевременно, они другим концом ударили против нас. В чем это выразилось? В повальной закупке и заготовке муки, сахара и т. д. Это создало новый добавочный спрос сверх обычного. Крестьянство стало придерживать хлеб у себя, стал образовываться натуральный запас хлеба, хлеб не выбрасывался на рынок. Я должен сигнализировать московской партийной конференции совершенно открыто и прямо об опасности довольно сильного падения цифры нашего хлебного экспорта. Если можно говорить об исправлении, нашем реагировании на такое положение, то оно должно заключаться в нашей мирной политике, в такой политике, которая по возможности дала бы нам известную оттяжку, затянула бы развитие международных событий, неблагоприятных для нас. И с этой точки зрения та партийная линия, которая была намечена и которая была неоднократно подтверждена пленумами ЦК, она остается и сейчас правильной и непоколебимой.

1. Основной капитал[26]

Если мы перейдем к собственно внутренней экономической политике, то в первую очередь я имею в виду те затруднения, какие мы имели в эти годы и будем иметь, еще и впредь в области нашего основного капитала. Нам приходится вести вперед наше

капитальное строительство, капитальное строительство нашей социалистической индустрии в условиях, когда мы должны опираться и в дальнейшем на наши собственные внутренние ресурсы. В противоположность всякой другой стране, которая строится и обстраивается на основе иностранных займов и кредитов, мы строимся сами; вопрос об источниках для основных капитальных вложений будет играть для нас крупнейшую роль и в будущем, ибо нам приходится вкладывать огромной величины капиталы в тех случаях, когда в наличии имеется неизжитый товарный голод. Если вкладывать те капиталы, которые мы собираем по копейке из разных источников города и деревни, в быстро реализующееся легкое строительство, если вкладывать их с расчетом, чтобы можно было быстро возвращать в виде готовых продуктов и, таким образом, ускорить оборот капитала, а в то же время смягчить при помощи этого капитала те затруднения, которые имеются в связи с неизжитым товарным голодом,— это был бы выход из положения. Но мы не можем вести такую политику, чтобы не вкладывать значительную сумму капитала в капитальное строительство в области тяжелой индустрии, и центр тяжести мы не можем не перекладывать на производство средств производства. Между тем, нужно видеть, что вложения в крупнейшие заводы, например, по металлургии и проч., мы реализуем только через ряд лет. Получается, что деньги собираем и вкладываем, а на товарно-потребительском рынке это еще не ощущается так быстро и непосредственно, как бы нам хотелось.

Эта задача, проблема основного капитала, будет точно так же мучительно и жгуче стоять в течение ближайших лет. С другой стороны, теми ресурсами на капитальное строительство, которые у нас имеются, мы не можем маневрировать и, вложив определенную сумму в капитальное строительство, мы не можем ее по-другому перераспределить. Мы чрезвычайно связаны. Особенность нашего теперешнего хозяйственного строительства заключается в том, что ко всем неблагоприятным условиям, которые мы имеем (недостаток капитала в нашей стране), прибавляется и отсутствие резервов. Мы поэтому правильно в пятилетке дали директиву идти на то, чтобы создать резервы. Эта директива является особенно необходимой.

Нужно приложить все усилия, чтобы в ближайшие годы, не ломая наших производственных программ, выполнить директиву относительно резервов. В связи с этим

стоят и трудности нашего планирования, потому что если бы мы жили в покое и к нам не могли вторгнуться каждую секунду факторы, которые лежат вне нашей воли, вроде атаки на нас со стороны иностранного империализма, тогда мы в общем и целом шли бы быстрее и несравненно спокойнее.

2. О рационализации производства и распределения и об интенсивности труда

Следующим вопросом, на котором я хотел бы остановиться, является *вопрос о себестоимости* и, дальше, *о рационализации* нашего производства. Товарищи, нам нужно совершенно серьезно продумать вопрос о себестоимости нашей продукции, потому что нечего и говорить о соревновании с иностранным капитализмом, о смычке с деревней, об усилении ведущей роли социалистического города *без того*, чтобы не прилагать всех усилий для разрешения *проблемы себестоимости*. Проблема себестоимости упирается у нас в целый ряд факторов. Она упирается в старую технику, в вопрос о переоборудовании нашей промышленности, она упирается в плохую организацию труда и в производстве, и в распределении. Она упирается в высокие накладные расходы, которые мы снижаем, но которые мы еще не снизили до необходимого и возможного уровня. Она упирается в неэкономное и нерациональное использование нашего топлива и сырья. Она находит свое выражение и в том, что доля заработной платы на единицу продукта еще крайне велика. И вот на этом вопросе я бы хотел остановиться, потому что это есть вопрос, на котором чрезвычайно многие сбиваются и путаются.

Например, у оппозиции имеется такой тезис или полутезис: дескать неправильно выставлять положение, что доля зарплаты должна понижаться, это-де есть антисоциалистическая политика. *Это — вздор, это — зеленая чепуха*, потому что всякому дураку понятно, что когда мы переходим на лучшее оборудование, когда, скажем, на электрических станциях вместо трех человек начинает управлять пара человек огромной машиной, то эта высокая техника находит выражение, между прочим, и в том, что доля живого труда в единице продукта *падает*. В этом на-

ходит свое выражение технический прогресс, и кто полагает, что доля живого труда на единицу продукта должна оставаться той же самой, тот предлагает нам экономическое безграмотство. Только абсолютно неграмотные люди могут защищать такое предложение. Вопрос о постоянном повышении материального уровня рабочего класса, *это — несколько другой вопрос.*

Следовательно, заботясь о переоборудовании нашей промышленности и в то же время ведя курс на постоянное повышение материального достатка рабочего класса, нам в то же время самое время нужно — путем рационализации промышленности, лучшего использования сырья, повышения органического состава капитала наших предприятий, рационализации по всей линии — идти по той линии, чтобы доля зарплаты в себестоимости нашей продукции понижалась. Все дело заключается у нас именно в отсталости, в непреодоленном еще нами производственно-техническом варварстве. Я, товарищи, должен сказать, что эта проблема себестоимости является у нас *центральной проблемой, о которой мы не должны забывать ни на одну секунду.*

Со стороны оппозиции с вопросом рационализации происходит самая недостойная игра. С одной стороны, Троцкий всюду и везде говорил о сравнительных коэффициентах (по сравнению с мировыми показателями). Но если мы в то же время противодействуем рационализации нашего производства, то все разговоры о мировых коэффициентах превращаются *в обман* всех трудящихся. Тем более, что у нас есть некоторое сопротивление со стороны отдельных прослоек рабочих рационализаторским процессам. И нам нужно ставить вопрос совершенно открыто и в упор: хотим ли мы оставаться на кустарном уровне нашей промышленности или хотим переоборудовать нашу промышленность на основе самой возможной для нас сегодня высшей техники? И так же открыто сказать, что тот, кто желает оставаться на доморощенном уровне нашей техники, тот — экономический реакционер. Если он будет болтать в то же время о мировых коэффициентах, то это — реакционер-обманщик.

Нам, рабочему классу, нужно поставить проблему рационализации — и технической, и организационной, и прочей — как *центральную проблему текущего дня*, и никаким элементам, даже находящимся в наших же собственных пролетарских рядах, *не сдавать в этом вопросе ни*

пяди. Нам нужно заботиться всеми силами о том, чтобы рационализаторский процесс происходил наиболее безболезненно, чтобы он сопровождался повышением материального уровня наших рабочих, чтобы он (что я считаю колоссально важным) сопровождался не оттиранием рабочих от производства, а, наоборот, добавочным вовлечением рабочих в производственный процесс и в управленческую работу. Это все — наша священнейшая обязанность, но это не отрицает, а предполагает самую энергичную борьбу за более высокий технический уровень, ибо без этого мы не можем развернуть нашей работы. И всякое баловство с этим вопросом, которое проводит оппозиция (рационализация превращается-де в нажим на рабочих), это есть политическое шарлатанство, это значит играть с важнейшими проблемами социализма, и этой игры мы не допустим, это будет недостойно нашей партии, которая ведет рабочий класс вперед, а не заставляет его топтаться на одном месте.

И еще одна сторона дела. Я не сделаю ошибки, если поставлю вопрос об интенсивности труда прямо. *Рационализация будет сопровождаться ростом интенсивности труда*, и я считаю, что увиливать от этого вопроса нельзя.

Абсолютный вздор думать, что если мы вводим конвейерную систему, то это не будет сопровождаться ростом интенсивности труда. Конечно, будет. Если сейчас оппозиция кричит: «Ага, значит, нажим на рабочий класс, вы хотите большую интенсивность труда», мы должны прямо сказать: «Да, большая интенсивность труда. Мы одновременно скажем, что мы должны при этом ставить рабочего в такие условия, чтобы он сам, его рабочая сила *внутренне перерождались* в смысле своей способности развивать более интенсивный труд *с минимумом неприятных ощущений для себя, с уменьшением этих неприятных ощущений против прежнего, менее интенсивного труда*. Вот наша установка. Нельзя думать, что рабочая сила будет вечно оставаться такой же, как сейчас. Если среднего нашего рабочего перевести в Германию или лучше в Америку, *он устанет в 10 раз скорее*, чем самый обыкновенный, средний американский или немецкий рабочий, ибо его (нашего рабочего) сила, она — низшего порядка по сравнению с рабочей силой немецкого рабочего, и поэтому наш рабочий больше устанет от менее интенсивного труда, чем немецкий рабочий при высокой интенсивности. Мы не стоим на капиталистическом пути, и рост, повышение

качества нашей рабочей силы будет сопровождаться чем-то, что отличает улучшение нашей рабочей силы и рост возможностей для интенсивного труда от условий капиталистического режима. Чем? Вот первое мероприятие, которое показывает *чем*: *переход на семичасовой рабочий день*, потому что семичасовой рабочий день, это есть величайшая компенсация, которая всю проблему роста интенсивности труда ставит на другие рельсы, чем в капиталистической стране. В этих других рамках мы и должны вести дело. Конечно, сейчас рано думать о том, что мы могли бы осуществить требование нашей программы. У нас в программе относительно рабочего дня написано, что мы в конце концов должны перейти *на шестичасовой рабочий день*, с условием, чтобы минимум 2 часа люди обучались теории производства, государственного управления и военного искусства [27]. Значит, более интенсивный труд компенсируется *сокращением рабочего дня*, повышением качества, качественным «перерождением» рабочей силы, что будет ускоряться универсальным изучением производства, вовлечением в управленческую работу, перемещением центра тяжести трудовых усилий с *мускульных на нервно-мозговые*. Следовательно, когда мы говорим о желании иметь новую технику, тем самым мы говорим, что будет бóльшая интенсивность труда, облегчающаяся и сопровождающаяся «перерождением» самой рабочей силы. И не нужно бояться этого признания. Это — совершенно неизбежный факт, глупо от этого отвертываться. Мы должны говорить беспартийным массам: да, интенсивный труд, но зато мы будем проводить сокращение рабочего дня и будем помогать тебе в твоем культурном росте.

Возьмите среднего нашего рабочего, не привыкшего к собраниям и работе на наших собраниях. Всякий знает, что через полчаса-час такой человек заснет, а мы с вами будем сидеть и 2, и 3 часа, и 4, потому что привычка такая образовалась, тренаж. Наша рабочая сила в этом отношении так сказать, качественно переродилась в смысле способности развить более интенсивный труд без быстрого истощения. Это значит, что рабочая сила уже приобрела такие навыки, такой характер, что она способна развить большее количество энергии. В этом заключается одна из *проблем воспитания нашей рабочей силы*. Мы не можем держаться за такой темп работы, такой ее ритм,

такую работу с прохладцем, которая скорее относится к каменному веку, а не к эпохе новейшей техники.

Мы должны идти здесь вперед, *но не отупляя рабочего, как в капиталистических странах, а давая ему полную возможность путем сокращения рабочего дня* и путем культурной и общеполитической работы перевоспитать самого себя. На этом пути мы действительно будем мало-помалу создавать *социалистических работников, новых* рабочих и соответственным образом *новую, социалистическую рабочую силу.*

3. Товарный рынок и безработица

Дальнейшая трудность и дальнейшая задача, которые стоят сейчас перед нами, это — вопрос относительно нашего товарного рынка, товарного рынка промышленной продукции, и наших хлебозаготовок. Мы за последнее время не можем констатировать особого обострения товарного голода, как это утверждается оппозицией. Хлебные хвосты нельзя брать в качестве решающих показателей нашей экономики: это — чисто конъюнктурное явление, которое уже теперь изживается, и, по всей вероятности, будет скоро изжито. Но мы не изжили общей проблемы товарного голода. И в связи с этим перед нами стоит опасность, что мы не в состоянии будем извлекать в значительной мере тех хлебных излишков, которые должны были бы быть нами извлечены из деревни. Мы сейчас имеем рост натуральных хлебных запасов, откладывание их в деревне, что связано с нашими конъюнктурными и международными затруднениями. Но нужно сказать, что у нас предложение несколько отстает от спроса. Я лично сторонник того взгляда, что у нас всегда предложение будет отставать от спроса, потому что в нашей хозяйственной структуре заложен такой рост потребностей, который и гонит нашу промышленность, чтобы она развивалась. Но у нас все же есть и товарный голод, который мы должны разрешить рационализацией, обновлением и расширением основного капитала. Нового здесь ничего не выдумаешь. Дело заключается не в том, чтобы выдумать новый рецепт, а в исполнении тех решений, которые мы выносили, в том, чтобы эти решения действительно и на деле проводились.

И, наконец, товарищи, я хотел упомянуть еще об одной проблеме, где тоже не выдумаешь много рецептов, но о которой нужно упомянуть с точки зрения расположения классовых сил и политического положения. Это — вопрос о *безработице*. Еще на прошлой конференции, где я тоже был, если не ошибаюсь, докладчиком, я выступал в этом самом зале с вопросом о безработице и говорил, что нашу безработицу нужно лечить с двух концов: это, во-первых, в деревне — путем развития интенсивных культур и индустриализации сельского хозяйства [28], что помогло бы задержать рабочие руки на самой земле, и с другого конца — расширением нашего промышленного производства. Жизнь целиком оправдывает это положение, и мы должны только подчеркнуть со всей силой и со всей настойчивостью необходимость на деле проведения этой политики, т. е. развитие интенсивного хозяйства на земле, индустриализацию сельского хозяйства, расширение промышленного строительства; сюда присоединяется вопрос о рационализации и о 7-часовом рабочем дне, о возможно более непрерывной работе в промышленных предприятиях (при наличии сырья), что позволяет при сокращении рабочего дня вводить дополнительную смену, что позволяет расширить количество рабочих.

Вот те вопросы, которые стоят сейчас перед нами в области чисто экономического строительства. Как вы видите, мы не можем сказать, что у нас все сделано и что у нас нет никаких трудностей и задач, а что мы будем дальше, как по паркету, идти вперед. Наоборот, в ближайшее время мы будем встречаться с большими трудностями. Эти трудности в общем и целом есть трудности, вытекающие из того, что в нашей стране нужно совершать великое дело, которое требует изрядного вложения капитальных сумм. Это — главная проблема: как в нищей стране сколотить богатый капитал для индустриализации. Она предполагает огромнейшее напряжение сил, огромнейшее напряжение средств. Мы работаем в области планового хозяйства с большим напряжением. Но мы полагаем и считаем, что при условии величайшей дружности наших рабочих в деле рационализации, экономии, снижения себестоимости, собирания распыленных сбережений в городе и деревне мы эти трудности преодолеем.

К этому разделу я хотел бы еще прибавить, что за последнее время у оппозиции появилась одна, самая гнусная, нота, которая, заключается в натравливании рабочих

на наших красных директоров. Говорят, о присваивании прибавочного труда, создаваемого рабочим классом. Это натравливание есть гнусность. Само собой разумеется, что весь ряд труда, не относящегося к области материального производства,— будь то труд школьного учителя или труд организатора, скажем, Красной Армии,— в конечном счете может проходить только, если соответствующие люди потребляют то, что создается в области материального производства. И нет ничего плохого в том, что известный кадр *наших* людей, *наших* работников из этого источника черпает и действительно работает на пользу рабочего класса. Это — не то, что наши оппозиционные субъекты, которые тоже живут из этого же источника, но разрушают дело рабочего класса.

IV. ПЕРЕГРУППИРОВКА КЛАССОВ В СТРАНЕ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Я перехожу к анализу соотношения классов внутри нашей страны. Всякому понятно, что классовая борьба в нашей стране в первую очередь находит свое выражение в борьбе различных хозяйственных форм, и что главнейшей классовой победой рабочего класса в нашей стране является сейчас непрерывное продвижение вперед социалистической индустрии и командных экономических высот, находящихся непосредственно в руках победоносного рабочего класса. Однако будет нелишним взять этот процесс классовой борьбы и с точки зрения самих классов непосредственно, т. е. проанализировать, что делается в среде живых людей, на базе основных перегруппировок между хозяйственными формами в нашей стране, о чем я говорил в предыдущем изложении.

1. Пролетариат

Возьмем, прежде всего, пролетариат и спросим себя: какие главные процессы происходят внутри рабочего класса нашей страны? Что можем сказать мы относительно рабочего класса и о тех изменениях, которые происходили здесь на базе общего хозяйственного строительства Советского Союза?

Постараюсь отметить главные факты, заслуживающие, на мой взгляд, нашего внимания. Прежде всего, мы имеем бесспорный факт *числового роста рабочего класса* нашей страны. Если в предыдущую полосу нашего развития, во время «военного коммунизма» и в самых начальных стадиях новой экономической политики, в голодное время, мы видели распыление рабочего класса, то за все последние годы, наоборот, мы видим процесс сплочения рабочего класса. Это находит, во-первых, свое выражение в увеличении числа пролетариев. Вторым фактом, который мы должны отметить, является повышение *удельного веса* рабочего класса в общей массе населения страны. Растет из года в год не только число рабочих, и в том числе в первую очередь число индустриальных пролетариев, но и процент рабочего класса по отношению к общему населению страны, т. е. удельный вес рабочего класса. Если мы посмотрим на рабочий класс с точки зрения его жизненного уровня, то точно так же мы с абсолютной ответственностью можем заявить, что в общем и целом мы имеем непрерывный рост зарплаты и в номинальном и в реальном ее выражении, непрерывное повышение материального жизненного уровня рабочего класса. Это — три факта, которые, мне кажется, должны быть отмечены в первую голову.

Но есть и другие процессы. Внутри самого рабочего класса происходят перегруппировки. В своем составе рабочий класс претерпевает известные изменения. Какого рода изменения? Во-первых, понижается удельный вес высококвалифицированной, специфической верхушки рабочего класса; это стоит в связи с начинающимся процессом рационализации нашей промышленности, который ослабляет значение некоторых высококвалифицированных слоев рабочего класса, связанных с определенной техникой и определенным обучением.

С другой стороны, мы имеем повышение массовой квалификации, т. е. средних квалифицированных слоев, и повышение удельного веса особенно этой прослойки, этой большой группы рабочего класса в нашей стране. Далее мы имеем процесс вовлечения совершенно новых не обработанных слоев, которые впервые становятся, входят в состав индустриального рабочего класса. Теперь уже закончился процесс всасывания старых рабочих, старых кадров рабочих, которые в голодные годы ушли из городов. Теперь мы имеем процесс втягивания новых рабочих, кото-

рые не были до сих пор индустриальными пролетариями, которые впервые приходят на фабрику, которые впервые становятся фабрично-заводскими рабочими. Наконец, мы имеем перегруппировку внутри пролетариата в силу естественного роста, биологического роста пролетариата, т. е. мы имеем подход рабочей молодежи, детей рабочих, вступающих в производственный процесс. Следовательно, мы имеем здесь известную возрастную перегруппировку, которая есть совершенно нормальное явление, которое будет повторяться и в дальнейшем. Наконец, в связи с целым рядом трудностей, которые у нас сейчас есть, в связи с избыточным населением в деревне, в связи с тем, что расширение нашей продукции идет далеко не в ногу с ростом избыточных рабочих рук, мы имеем известную прослойку безработных рабочих, часть из которых является хронически безработными, другая часть которых является безработными более или менее конъюнктурного порядка. Таковы процессы внутри самого рабочего класса.

Налицо несомненный процесс консолидации пролетариата. Это — первый и главнейший вывод, поскольку мы анализируем положение рабочего класса. Само собой разумеется, что числовой рост рабочего класса вовсе не прямо пропорционален росту политического влияния рабочего класса в стране. *Политическая роль рабочего класса возрастает больше, чем простой численный рост рабочего класса.* Это — закон. Поэтому одна из величайших ошибок оппозиции заключается в том, что она вне всякого соответствия с действительностью и прямо в противоречии с азбукой марксизма представляет положение так, что роль рабочего класса в экономике и политике страны «свертывается». На деле она не может не повышаться и она повышается. Однако перегруппировки в среде рабочего класса, и в первую очередь вступление в состав рабочего класса новых рабочих слоев и рабочей молодежи, ставили и ставят перед нами задачи, которые мы до сих пор, я считаю, не разрешили, и решение которых еще больше ускорит рост политического влияния пролетариата в стране. На эту сторону дела, мне представляется, нужно обратить сугубое внимание.

На московской конференции перед XIV съездом партии, когда была первая перекличка между ленинградскими оппозиционерами и московской организацией, я выдвигал этот вопрос о новых слоях рабочего класса. Мне кажется, что жизнь целиком подтвердила своевременность

постановки этого вопроса. Если мы по чистой совести спросим себя, что мы сделали для специальной обработки этих слоев, то я должен сказать, что мы сделали здесь чрезвычайно мало. У нас этот процесс обработки идет стихийно. Вовлекаются новые слои рабочих, они принимают участие наряду с другими рабочими в производственных совещаниях и в других органах рабочего класса, они поставлены в общую систему нашей пролетарской диктатуры и поэтому, разумеется, вовлекаются в культурно-воспитательную и культурно-политическую работу. Такова, так сказать, наша система, которая дает уже сама по себе рамки для этого процесса. Но если мы спросим себя, что мы сделали хотя бы в области создания специальной литературы для этих слоев рабочего класса, в области специального разъяснения специфических черт нашего строительства и пр., то здесь мы сделали очень мало. Эту ошибку нужно возможно скорее исправить, в частности, в связи с оппозицией, которая ведь апеллирует прежде всего к этим слоям рабочего класса. Оппозиционные документы стараются, ведь, нащупать именно это больное, недостаточно здоровое место. Сезонные рабочие, полурабочие, безработные — вот эти клавиши берут как раз на оппозиционном рояле наши почтенные оппозиционеры. Но и независимо от оппозиционеров нельзя забывать об этих слоях. Это представляет специфическую, особую задачу, довольно трудную задачу. *Мы пишем почти все наши брошюры, книжки, произносим речи в расчете на старого рабочего-кадровика*, который имеет в своей голове массу предпосылок: он знает, как было раньше, он знает, чего мы достигли, знает нашу фабрику, знает наши недостатки, и в то же время он может уложить эти недостатки в правильную перспективу. Не то у новых слоев рабочих, которые не видели старого порядка, старой фабрики. Не то и среди молодежи. Поэтому совершенно понятно, что рабочий-кадровик идет целиком за нас, а если и есть у оппозиции небольшой привесок, то это среди молодежи и новых слоев рабочих и новых безработных.

Мы должны внимательно следить за перегруппировками в рабочем классе, не обольщаясь общим положением, что «в общем» рабочий класс консолидируется. Рабочий класс консолидируется, его удельный вес, безусловно, растет, его мощь и социальная сила вырастают. Но наша задача заключается в том, чтобы даже на сравнительно небольшие больные места обращать сугубое внимание и по-

нимать, что нужно предпринимать целый ряд мероприятий, которые могли бы втянуть не только стихийно, но в известном порядке новые слои рабочего класса. Переделывать природу рабочего класса — наша постоянная задача, переделывать полукрестьянскую психологию новых слоев рабочего класса — наша сугубая задача. Ведь и по отношению к нашей партии нелепо требовать, чтобы, допустим, все время был один и тот же процент революционеров с подпольным стажем до 1905 г. Это значит не понимать того, что мир изменяется, что одни люди умирают, а другие люди рождаются. То же самое с рабочим классом, и не обращать внимания на состояние рабочего класса, на его состав было бы величайшей ошибкой с нашей стороны. Так обстоит дело с рабочим классом.

2. Крестьянство

Если мы теперь поставим вопрос о крестьянстве и спросим себя насчет процессов, которые здесь происходят, то уж на основе нашего общего экономического анализа, которого я не давал, потому что я предполагаю его всем известным, мы видим, какие тут главные процессы. Мы имеем специфическую дифференциацию крестьянства в нашей стране. Об этом писалось и говорилось много. Мы имеем дифференциацию, своеобразие которой выражается,— я говорю это очень условно и не претендую на особую точность выражения — выражается в частности в известной стабилизации числовой величины среднего крестьянства. В общей сумме крестьянской массы у нас остается, мне кажется, примерно то же количество середняцкой прослойки в качестве основной фигуры. Мы имеем числовой рост батрачества и несомненный рост кулака, рост его хозяйственного значения, потому что кулаки представляют из себя группу с более сильным хозяйством, и, наконец, уменьшается количество бедноты. Таковы в основном процессы в составе самого крестьянства. Крестьянин-середняк остается основной массой. Кулачество растет. Количество батраков возрастает. Сокращается беднота.

Нужно иметь в виду еще следующее обстоятельство. При всех успехах, которые мы делаем в области организации деревенской бедноты и батрачества и их сплочения со средним крестьянством, мы все же должны видеть, что очень часто эти организации не в достаточной степени

выполняют свою роль и потому, что на стороне кулака имеется преимущество — культурно-политическая выучка. Можно было бы привести много примеров, когда кулак из-за этой выучки забивает местные организации батраков и бедноты. Это объясняется слабым культурно-политическим уровнем наших людей в деревне и сравнительно большой культурно-политической грамотностью представителей кулацких слоев.

Необходимо усилить, несмотря ни на какие достигнутые результаты, культурно-политическую работу и работу по созданию грамотных и пролетарски выдержанных кадров, обслуживающих нашу деревню.

Нам нужно еще обратить внимание на крестьянскую молодежь. Я тут несколько забегаю вперед, потому что то же самое нужно сказать и относительно рабочего молодняка. Я думаю, что нужно всем нам, всей партии, подумать насчет проблемы, которая у нас сейчас в последнее время была в загоне, проблемы партийного руководства комсомолом. Мы воспитываем огромные кадры молодежи, через наш союз молодежи пробуждая их к активной политической жизни: между тем, поскольку они вырастают уже за пределы самого комсомола («переростки»), мы вынуждены запирать партийные ворота для огромного количества людей, прошедших очень большую партийную выучку в рамках комсомольской организации. И когда мы говорим, что хотим сделать из вас *беспартийный актив*, они говорят, что нас хотят сдать в *беспартийный архив*. Нужно сказать, что это большая проблема, которую нужно поставить. Я не берусь эту проблему сейчас решать, для этого нужно специальное изучение опыта, но я думаю, что ее нам нужно перед собой поставить, потому что в общей механике нашей страны и в общей механике наших приводных ремней, обеспечивающих пролетарское руководство, есть много слабых сторон. Нужно прощупать то или иное решение этих вопросов.

Вот то главное, что я хотел сказать относительно крестьянства.

3. Ремесленники и кустари

Я позволю себе сказать два слова о городской и полугородской промысловой мелкой буржуазии, в частности, о кустарях и ремесленниках. Кустари и ремесленники составляют в общей экономике страны далеко не маловажный слой. Подчинены они нашему

влиянию еще в очень малой степени, а капиталистическому влиянию — в большей степени. Значит, мы имеем значительное количество этого слоя, слабую организованность этого слоя, сравнительно минимальное влияние со стороны нашей партии на эти слои и большее экономическое влияние со стороны частного капитала. Это нужно признать. Если мы возьмем слой мелкой и мельчайшей торговой буржуазии и то, что примыкает отчасти к этим слоям, так называемую мелкобуржуазную городскую бедноту, то мы имеем и процесс обеднения этих слоев и процесс вытеснения этих слоев. В частности как раз в области торговли произошли различные перегруппировки этих слоев. Часто на этой почве мы имеем соответствующее обострение различного рода контрреволюционных, шовинистических, например, антисемитских, настроений. Это — почва, где произрастают часто семена фашизма на нашей почве. Это мы должны видеть и с этим должны повести решительную борьбу.

Каковы выводы? Мы должны поставить перед собою задачу более усиленного экономического охвата этих слоев мелкой буржуазии, в первую очередь кустарей и ремесленников, через кустарно-промысловую, снабженческую кооперацию, синдицирование предприятий, через соответствующие связи с кооперацией вообще. Мы должны именно здесь повнимательней поставить перед собой задачу борьбы с частным капиталом, который через систему домашней индустрии, через раздачу сырья, через своеобразную систему заказов оперирует в этой области. Понятно, что до сих пор мы были заняты в первую очередь тем делом, чтобы высадить наших противников, высадить частных капиталистов из сферы крупной промышленности, из сферы оптовой торговли, из сферы розничной торговли в крупных городах. Мы неоднократно выступали с положениями и с тезисами о том, что мы не смотрим на мелкую промышленность как на противника, которого надо вытеснить, а считаем, наоборот, возможным ее развитие. Но мы до последнего времени мало обращали внимания на социально-классовое овладевание этой сферой производства. Теперь мы выросли, наше влияние возросло, и мы должны в большей степени обратить внимание на экономический и политический охват этих слоев мелкой буржуазии. Во-первых, экономический охват, борьба с частным капиталом, и затем, во-вторых, политическая обработка этих слоев, причем здесь я считаю необходи-

мым усилить и заострить борьбу против различных антисемитских тенденций, которые суть не что иное, как зародышевые формы русского фашизма. Из этого и на этой почве может вырасти русский фашизм. Конечно, он не вырастет, потому что мы ему в необходимый момент срежем голову, а пока нужно укрепить наше политическое влияние так, чтобы те или другие гнусные и контрреволюционные тенденции не вырастали отсюда вообще.

4. *Служащие и интеллигенция*

Затем нужно просмотреть мельком другие слои, именно наших служащих и нашу интеллигенцию. Тут, товарищи, нужно сказать, что партия наша должна сделать гораздо больше, чем сделала до сих пор. Прежде всего несколько слов относительно фактического положения здесь.

Прежде всего, если посмотреть на интеллигенцию, то здесь мы должны констатировать наличие как раз у квалифицированных и наиболее хорошо оплачиваемых слоев интеллигенции целой реакционной прослойки, которая если и ведет себя очень конспиративно и непосредственно не выступает против Советской власти и пр., то, с другой стороны, представляет собой довольно сколоченный кулак, который на работу смотрит просто так, как на обязанность. Эти никогда не проявляют никакой творческой инициативы, никогда не стремятся активно помочь или преодолеть трудности, получают жалованье, а на работу смотрят только как на выполнение своих формальных обязанностей. В целом ряде случаев эта верхушка такого рода специалистов квалифицированного порядка настроена реакционно. Я не говорю, что такие настроения свойственны всей квалифицированной интеллигенции, отнюдь, нет, но я говорю о настроении определенного ее слоя, который тихой сапой ведет борьбу, например, с выдвиженцами, которых они стараются затереть и никакого хода им не давать и пр. В разговорах они открыто спекулируют на военной опасности, которая угрожает нашей стране.

Есть в среде квалифицированной интеллигенции сменовеховская прослойка. Ее политическую физиономию я не буду описывать. Своими прогнозами и анализом, анализом того, что есть, и того, что должно быть, по их мнению, она, примерно, сходится с нашей оппозицией, потому что то же думает, что мы перерождаемся и будем перерождаться, расценивая это с положительным знаком.

Они в общем и целом работают, иногда хорошо работают, но их политическая установка есть борьба за лучшие кадры интеллигенции, чтобы отвести их с настоящего советского пути. Делают они это очень осторожно, очень умно, по внешности они очень лояльны по отношению к Советской власти, а иногда делают вид, что даже больше чем лояльны. Но, есть у них определенная линия, линия на сознательное сворачивание с нашего классового пути, линия действительного перерождения.

Основная же масса интеллигенции из слоя служащих, это — то, что можно было бы назвать советским середняком, который действительно уже идет с Советской властью. В особенности среди технической интеллигенции уже имеется целый, довольно значительный кадр, который действительно идет с Советской властью и хочет идти с Советской властью, потому что он, выросший на дрожжах новых событий, довольно хорошо представляет себе размах нашего строительства, знает перспективы нашего строительства с его громадным будущим, с его громадными возможностями, с большим строительным пафосом. Это есть ядро советской интеллигенции, отчасти советских служащих, которых мы должны, разумеется, всемерно поддерживать.

Наконец, товарищи, существует прослойка недовольных служащих и полуинтеллигентов и интеллигентов, которые являются хронически безработными, в особенности в связи с решительным нажимом и сокращением нашего государственного аппарата, с борьбой против бюрократизма и т. д. Это серьезный вопрос, потому что мы режем наш госаппарат и должны его резать, потому что мы сокращаем его и должны сокращать, и мы не должны мошенничать и двурушничать, как делает оппозиция, которая, с одной стороны, говорит: сокращение аппарата, а с другой стороны, в другом параграфе пишет, что мы не можем, мы не должны выбросить ни одного служащего. Одно из двух: либо ты должен резать этот аппарат, либо не должен резать аппарат. А быть именинником и на Петра, и на Онуфрия может быть и хорошо, но политически бесчестно. Мы стоим на той точке зрения, что мы должны будем и дальше, по всей вероятности, сокращать этот самый аппарат, что это есть одна из предпосылок нашей борьбы с бюрократизмом, так как он действительно у нас разбух. Но сейчас у нас такое положение вещей, когда мы эти излишние руки не можем рассовать в другие сфе-

ры приложения труда. Поэтому мы должны считаться с тем, что это несет безработицу служащих, части интеллигенции. И вот, товарищи, эти слои не довольны. Рассосать их недовольство мы не в состоянии сразу, это дело большого промежутка времени. Они связаны, в свою очередь, и с интеллигентскими кадрами, которые образуются частью из этих же слоев, частью из наших вузов и пр. Дрожание среди нашего служилого элемента и нашей интеллигенции, передающееся в первую очередь на вузовский «барометр», это — тоже настоящая социальная база для нашей оппозиции, наряду с мелкой буржуазией, с отсталыми прослойками рабочих. Если вы сделаете статистический подсчет, кто как голосует, кто кому аплодирует, вы увидите, что здесь также находится социальная база нашей оппозиции.

Какие замечания по этому поводу можно сделать в смысле итоговых выводов? Во-первых, нам нужно вести борьбу с реакционными элементами систематически, планомерно; во-вторых, нам нужно усилить нашу работу среди интеллигенции, и я должен, товарищи, сказать, что очень часто мы не делаем здесь того, что мы могли бы делать,— это нужно признать. Мне лично неоднократно приходилось встречаться с рядом представителей таких интеллигентских прослоек, которые говорят: «Мы бы хотели, чтобы нами руководили, но я не могу считать полезным икса, игрека, зета, про которых я наверняка знаю, что они ничего не понимают в том деле, за которое берутся». Конечно, тут имеется известное пренебрежительное отношение к нашим товарищам, которые постепенно выдвигаются, но, с другой стороны, мы должны принять меры к улучшению руководства этими интеллигентскими группами, ставя здесь людей тактичных и хоть что-нибудь понимающих в соответствующей отрасли. Надеяться на то, что здесь росчерком пера или фельдфебельским окриком можно было что-нибудь сделать, не приходится. Мы вышли из этой фазы. От нас требуют не только приказа, но и настоящего руководства, основанного на знании дела. И вот, товарищи, здесь, на этом фронте, и в области литературы, и в области искусства, и в области театра, и в области науки, и в области научной техники и прочего у нас дело обстоит очень плохо, а главное, чем дальше, тем больше мы запускаем эту болезнь. Потому что если мы, например, посмотрим, как подрастают новые кадры квалифицированные, научные, то мы по всем вузам

имеем одно и то же явление, что наши дорогие коммунисты и комсомольцы хуже работают над наукой, чем беспартийные. Этого больше терпеть нельзя: получаешь ты хлеб от пролетариата, который послал тебя в высшее учебное заведение,— изволь работать, и заниматься делом, иначе гнать тебя надо из высшего учебного заведения.

Я думаю, что, конечно, здесь есть и ряд таких причин, как материальная нищета, перегрузка общественной работой на холостом ходу и прочее. Двадцать тысяч раз на партийных собраниях мы ставили этот вопрос и до сих пор не сдвинули его как следует. И поскольку мне известно, вчера на Московском Комитете обсуждался этот вопрос, это — угрожающее явление, потому что это совсем не пустяки, какие кадры научных специалистов и проч. мы будем иметь через 2—3 года. Это не пустяки. Уж лучше разгрузить от очень большого количества общественных обязанностей, оставив необходимый минимум (для связи с партией, с рабочими) и спрашивать после этого по самой настоящей, свирепой строгости, чтобы они учились, а не «вола крутили». Работа среди интеллигенции, усиление работы по формированию наших собственных кадров стоит перед нами.

5. *Итоги*

Вот, в общем, те замечания, которые я хотел сделать касательно разных классов, группировок в нашей стране. Итоги здесь какие? Безусловное усиление рабочего класса, укрепление блока рабочего класса с основными массами крестьянства. Но при этом несомненное оживление активности различных противосоветских групп. И в верхушке квалифицированной интеллигенции, о которой я говорил, реакционеров, и среди полуинтеллигентской молодежи, и среди реакционных частей крестьянства мы имеем оживление. Мы имеем оживление меньшевиков, мы имеем оживление эсеров. В связи с оппозицией все группировки, направленные против нас, лезут в эту оппозиционную щель и откровенно об этом пишут. Если бы вы познакомились с тем, какие разговоры ведутся в среде интеллигенции полувраждебной и враждебной к нам, то вы бы увидали, что по всей линии ведется спекуляция на двух фактах. Во-первых, на факте опасности, во-вторых, на оппозиции. И совершенно понят-

но, это вытекает из всей механики борьбы. Рост активности противопролетарских группировок налицо. Он происходит в различных формах: в форме создания своих организаций, в форме попытки создания своих платформ и программ, как я вам рассказывал, в форме организации различных группировок, в форме организации различных блоков и т. д. Все это, вплоть до уличных разговоров, указывает на активизацию сил, враждебных нашей диктатуре, враждебных диктатуре пролетариата. И само собой разумеется, что мы должны здесь во всех отношениях оказаться на высоте положения, и мы, без сомнения, *окажемся* на высоте положения. Угрожающего, конечно, здесь ничего нет. Но мы должны в области экономической больше, чем раньше, наступать на враждебные нам элементы. В отношении различных классов мы должны, одновременно с борьбой против непосредственных наших противников, обязательно *усилить нашу положительную работу*. Если бы мы с возросшей силой выполнили те социально-политические задачи, которые перед нами стоят, если бы мы сделали ряд добавочных усилий, это принесло бы только пользу, и эта польза пойдет по линии дальнейшего укрепления нашей диктатуры.

В заключение этого раздела своего доклада я бы хотел поставить один общий вопрос, который вытекает из того, что я говорил о разных классах, и который представляет и теоретический, и практический интерес. Мы не раз говорили, что общая эволюция, общий ход развития в нашей стране в переходный период между капитализмом и коммунизмом это есть период отмирания классов и, следовательно, период отмирания государственной власти. Между тем, мы видим такой исторический зигзаг, такой период, когда классовая борьба в своеобразных формах идет довольно остро и на данном перекате имеет тенденцию к обострению. Как это увязать одно с другим? Как увязать общую генеральную линию развития на отмирание классов с обострением классовой борьбы? Я прежде всего хотел бы сказать, что у нас элементы отмирания государства все же есть и есть элементы отмирания классов. Например, скажем, наш рабочий класс есть рабочий класс, пролетариат, а в то же самое время он начинает быть чем-то иным, потому что пролетариат — это наемные рабочие, но у нас в социалистических предприятиях нет *наемных* рабочих. Наш рабочий превращается в социалистического работника. Наш рабочий класс не замыкается

как особый класс, он влияет на другие классы, на Красную Армию. Наша Красная Армия есть одно из орудий культурно-политической переделки крестьян. Крестьянин, прошедший коммунистическую армейскую школу, уже имеет известное зернышко пролетарской обработки, социалистической обработки. Мы имеем вовлечение самых широких масс в государственную работу, переделку этих масс и переделку этими массами государственного аппарата. Эти процессы деформируют наши основные классы, раскрестьянивают крестьян, распролетаривают пролетариат. Это не что иное, как элементы отмирания самой государственной власти. В то же время, несмотря на эти элементы отмирания государственной власти, мы имеем по целому ряду каналов обострение классовой борьбы. Почему? Я думаю, что здесь два главных факта стоят перед нами. Во-первых, это наша международная обстановка. Представьте себе конкретно: вот перед вами колеблющийся интеллигент, который не знает, выйдет ли у большевиков в конце концов или нет, но знает то, что сейчас грозит опасность войны. Это поддерживает его старые традиции, потому что еще до сих пор некоторые считают нас и наш строй «ненормальным» уродом в семье «нормальных» капиталистических государств. Капиталистические государства давят на эти слои, давят тем, что эти слои знают — будет война, и они могут сомкнуться с ними. Это питает известные старые надежды, это заостряет борьбу внутри страны.

Второе, это то, что мы сами, развивая наши экономические рычаги, наши командные высоты, наше хозяйство и промышленность и пр., двигаемся в этом процессе *неравномерно*. Вот я приводил вам пример: кустаря мы до сих пор в значительной степени оставляли в забросе; на кулака мы нажимали целым рядом наших рычагов, но вытеснять его с его деревенской базы мы только-только начинаем и поэтому наш противник рассосан не просто по всему фронту, но имеет также свои опорные пункты. Вот эта неравномерность всасывания различных мелкобуржуазных трудящихся слоев в социалистическую экономику и неравномерность охвата различных сфер хозяйства, где старается укрепиться буржуазия, и выражается в том, что у нас в определенный период может быть резкое обострение с некоторыми общественными слоями в стране. В отношении к нашему внутреннему противнику наши задачи сформулированы в тезисах ЦК к партийному съезду. Нужно, чтобы наша партия обращала внимание на любую

опасность и использовала любую возможность продвижения социалистического строительства вперед. Наш внутренний противник сам по себе нам уже не так опасен, но он становится опасен для нас, поскольку он смыкается с активизацией нашего внешнего противника.

V. ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА

Теперь, несмотря на то, что я уже говорил достаточно, я все-таки хотел бы коснуться другой темы, которая в моем плане носит название: «Экономика, политика и культура».

Товарищи! С абсолютно полным правом тов. Ленин, незадолго до своей смерти, поставил в упор *вопрос о культурной революции*. Владимир Ильич поставил необыкновенно остро этот вопрос. Но, я должен сказать, *никогда культурная революция не стучалась так в двери нашей партии, как стучится она сейчас*. Здесь речь идет и о более культурной рабочей силе в промышленности, и о культуре в нашем земледелии, здесь речь и о создании более культурных руководящих советских кадров, и о создании более культурных партийных кадров, и о ликвидации элементарной неграмотности.

Мы сейчас вступили в такой период, когда нужно поставить перед собою задачу более внимательного отношения к культурным запросам и с точки зрения материальных ресурсов, средств на это дело. Я думаю, что мы упираемся в эту проблему сейчас уже и с чисто производственного конца. Правильно или неправильно, что сейчас налицо не ликвидированная еще оторванность нашей научной деятельности от нашей производственной деятельности? Есть ряд исключений, отрадных исключений. Вот, например, трест слабого тока, который сейчас работает вместе с научным кабинетом, одного из крупнейших и виднейших наших академиков, академика Иоффе [29]. Спрашивается: что он от этого получает? Мне рассказывали, когда я был в Ленинграде, как много этот трест слабого тока выгадал от этого. Они свели до минимума брак в продукции стали, благодаря связи с кабинетом академика Иоффе. По целому ряду областей идет теперь на деле такая работа. Но все-таки, товарищи, мы имеем варварское расточение наших сил и средств в любой нашей крупной отрасли, потому что часто мы, хозяйственники, практики, своим умом доходим до того, что давным-давно из-

вестно другим. Говорят, в деле организации различных научных лабораторий, институтов и кабинетов мы кое-где перещеголяли и заграницу. Пусть так. Но я все же считаю, что у нас еще мало научных учреждений, обслуживающих нашу промышленность, потому что у нас иногда и сама наука, из-за оторванности, движется на холостом ходу.

Но для того, чтобы правильно подойти к этому делу, нужно затратить деньги, нужно обратиться к соответствующим людям, нужно ими руководить. У нас — величайшее кустарничество в этом отношении, почти отсутствует взвешивание и продумывание того, сколько на ту или иную культурную область мы должны затратить. В конце концов, *в научной области, и прежде всего в области материального костяка научной работы, мы должны иметь такой же план, как в области нашего материального производства* [30]. Мы высчитываем в области производства, сколько нам нужно для капитальных вложений, сколько на переоборудование и т. д., но в очень малой степени мы учитываем, когда, куда и сколько нам нужно бросить денег на те или иные научные организации, учреждения и т. д. Здесь разделение средств у нас идет страшно грубо и не продуманно. Между тем, мы могли бы быстро окупить наши затраты, которые мы должны бросить на целый ряд таких вещей, соответствующим производственным эффектом. Например, мы могли бы в тысячу раз меньше устраивать банкетов и тратить на это средства. Я вполне понимаю жалобы некоторых товарищей и иностранцев насчет этих банкетов, и мы можем отчасти понять наших крупных ученых, которые говорят, что вот столько денег затратили на банкет Академии Наук. Правильно, лучше бы было, если бы эти деньги затратили, например, на физиологическую лабораторию академика Павлова [31]. Это — чепуха, такая наша грубая, непродуманная политика. (*Аплодисменты*). Мы должны в непроизводительных расходах сократиться, мы должны здесь поставить себя в узкие рамки, не должны показывать свое хлебосольство, так называемую широкую русскую натуру, положив руки на стол: я-де хлебосольный хозяин. От нас никто не требует хлебосольства, лучше будет, если построить парочку новых лабораторий.

Задача культурного строительства, затрата средств, правильное их распределение и проч.— является той проблемой, в которую мы должны вцепиться жестко. Она свя-

вана с целым рядом других вещей. Напр., рационализация нашего производства. Рационализация производства есть не только техническая рационализация, это есть и рационализация рабочей силы. Это — немаловажная вещь в общем балансе рационализации. Ведь мы другую, культурную, действительно культурную, рабочую силу должны воспитывать. Я не исключаю отсюда и нас самих, руководящую часть партии и прочих организаций. Мы сами должны заниматься своим воспитанием для того, чтобы выполнить задачи, которые усложняются, должны выработать другую, культурную, социалистическую установку.

Все это должно занимать нас гораздо больше, чем занимало до сих пор. В этой области нужно обратить внимание на целый ряд вещей, на которые раньше, в первый период, когда не имели базы для осуществления, обращали очень большое внимание, а потом почти забыли. Нужно напирать, во-первых, на *борьбу* с пьянством среди рабочего класса. Что бы ни говорили о морали и обо всем прочем, но когда видишь большое ослабление качества производственного эффекта, ослабление рабочей силы, ее деморализацию и т. п., мы должны в разных формах и по-разному давать этому отпор. Это — наша производственная задача. Подхихикивания в этом деле — ни к чему. Мы должны поощрять все меры к созданию общественного мнения со стороны партии, профсоюзов и проч., и мы должны помаленечку, постепенно начать перематывать наши доходы, получаемые от водки, на *кино и радио*. (*Аплодисменты*).

В то время как радио и кино во всех странах являются самой доходной статьей, на которой капиталисты наживают колоссальные деньги, мы как-то ухитряемся здесь делать все наоборот. (Больше того, со своими собственными фильмами мы ухитряемся делать наоборот. Скажем, «Броненосец Потемкин» в Берлин был продан за ерунду, а капиталисты нажили на этом большую сумму денег. Надо же ухитриться так поступить!). Ну, если бы у нас не было спроса! А то ведь огромный спрос мы имеем, но только все чудовищно дорого. (*Аплодисменты*). В отношении радиоустановок, бесстыдно дорого мы производим. Мы сейчас, что касается кино, имеем огромный спрос. У любого дрянного кино стоит хвост больше, чем за мукой стояло, а мы, несмотря на то, что это — рентабельные вещи, где вовсе не требуется колоссальной техники, колоссальных затрат, ухитряемся сделать кинопро-

изводство самым захудалым производством. Это не мое личное мнение. В тезисах ЦК об этом прямо написано. В тезисах о директивах по пятилетке записано, что мы должны форсировать темп развития радиоустановок и кинопродукции. Мы постепенно должны создавать такую отрасль производства, развивая это потребление дальше и дальше, и помаленьку, постепенно перематывать на эту катушку доходы, которые идут от увеселительных и прочих вещей.

Мы, товарищи, должны обратить внимание и на *рационализацию быта* нашего рабочего класса. Думают, что все это мелочи и мелочи, а вот мне рассказывают интересные факты, в том числе из жизни рабочего Москвы. Вот, предположим, мы снизили на 4 рубля цены на пальто, но ввиду того, что мы «замечательно» «организовали» распределение, и у нас торгуют магазины тогда, когда рабочий на фабрике стоит, и не торгуют тогда, когда рабочий не стоит на фабрике, он должен потерять рабочий день, чтобы купить это пальто. 4 руб. вы ему дали, и 4 рубля он потерял. Это — факты, из которых складывается многое. Мы шумим о политике цен. Мне рассказывали, что женщины, работницы бывш. Прохоровской мануфактуры, готовы перейти на большее число сторонок, если им устроить механическую прачешную; они интенсифицируют свой труд, если им пособить с другого конца, и таких случаев бесконечное множество, а у нас, по старой традиции, «русский человек» заботится о большом и великом. О международной революции он может сказать в течение секунды 4 раза, а в то же время не увидит, что он может сделать сравнительно второстепенную вещь и получит большой экономический и культурно-политический эффект. Международную революцию мы очень хорошо помним, и тут мы все, что в наших силах, делаем для ее ускорения, это — хорошо, но вот прачешные, столовые, бани, жилища, уничтожение бестолковщины, безалаберщины, удивительной обломовщины, всяких дезорганизаторских и дезорганизующих явлений в области нашего распределения, торговли, быта и т. д. — в этом необходимо так пособить рабочему, чтобы он вовремя мог все делать, чтобы он не испытывал лишних затруднений, ибо все эти так называемые мелочи в жизни рабочего имеют колоссальный удельный вес. Мы раньше, когда были партией, не стоявшей у власти, умели к рабочему

обращаться не только на улице и не только через митинг, фабрично-заводское собрание, но мы ходили по столовым, по казармам, по общежитиям. Каждый из нас, подпольщиков, это знает, сам побывал в казармах, а если вы сейчас возьмете работу наших парторганизаций, то вы должны сказать, что в казарму редко кто заходит, в общежитие редко кто заглянет. Это нужно прекратить.

Мы запустили в значительной мере работу среди молодежи. В среде молодежи сейчас огромные процессы происходят, и наши парторганизации еще не в состоянии уловить все эти процессы и дать им правильное разрешение. Общую линию давно наметили на последнем партсъезде, а целый ряд проблем и сейчас стоит перед молодежью. Среди молодежи есть кое-какие выходы, на которые нужно обратить сугубое внимание. У рабочей части молодежи стоит проблема, которую они формулируют в виде вопроса: чем и кем мне стать? Раньше я обучался и становился квалифицированным мастером, квалифицированным рабочим, находил свое место в производственном укладе и в общей механике производственной. А теперь рационализацию очень часто молодежь воспринимает так, что перед ними перспективы закрыты. Я получил вчера и третьего дня ряд сводок на эту тему. На этот вопрос нужно дать ответ. Комбинация сокращенного рабочего дня для молодежи, с обучением государственному управлению и с обучением военному искусству и т. д., давно стоит у нас в программе, но не стоит реально в качестве нового воспитательного принципа. Этот вопрос нужно поставить и нужно решить. Молодежь наряду с новыми рабочими, о которых я вам говорил, это у нас — самое слабое звено среди рабочего класса. Я говорю с точки зрения тех задач, которые сейчас на наши плечи ложатся. Мы должны налечь на эту сторону дела, в особенности на комсомол, в особенности на вузы. Эту задачу нужно, в конце концов, поставить с такой остротой, чтобы не возвращаться вечно к ней. Если я не ошибаюсь, то чуть ли не на 10—12 съездах ставился вопрос относительно обучения наших комсомольцев-кадровиков в вузах, и решен был, а «воз и ныне там». Так нельзя дальше идти.

Вопрос о работе *среди женщин-работниц*. Исчез с нашего поля зрения целый ряд «деталей», которые очень важны. У нас имеется проституция. Должен вам сказать, что борьбы с этой проституцией, которая была бы видна

и которую наши женщины-работницы вели бы, сейчас не видно, она заглохла, она не на виду. Я, лично, ее не замечаю, не вижу ее по газетам. Может быть, она где-то и ведется, может быть, но, чтобы она велась как общественная кампания,— этого нет.

По целому ряду более мелких вещей такое же положение. Например, *беспризорность*. Лишь не очень давно удалось обшить и обмыть в Москве полторы тысячи беспризорных. Обшили, обмыли, собрали их и поселили в Звенигороде. Правда, они там разворочали все, как есть. Конечно, они вначале будут безобразничать, но все же совершился хоть какой-то сдвиг. Мы очень много говорили о беспризорных, а элементарного не могли сделать: положить в постель, выстричь, вымыть. Возможно, что мы сделали ряд ошибок и неправильностей, но хоть какой-то поворот сделали, а то «растекались мыслью по древу».

Активизация жен рабочих. Из опросов рабочих выясняется, что до сих пор у нас в стране наши рабочие-передовики считают своих жен как политический балласт и груз,— настолько мало мы эту женскую армию сумели охватить своей работой, несмотря на всю работу наших женотделов. Тут точно также нужно из всех сил усилить нашу работу.

Должен сказать еще несколько слов *о борьбе с бюрократизмом.* О борьбе с бюрократизмом мы чрезвычайно много говорили. Мы за последнее время *кое-что и сделали* в этом отношении в смысле сокращения и упрощения аппарата. Но мы не должны утешать себя тем, что сократили аппарат на 20 проц., еще на 20 проц., еще на 10 проц. Если мы будем думать, что только этим можно уничтожить бюрократизм,— это будет абсолютной утопией. Это сокращение должно сопровождаться такой реорганизацией, которая бы на деле этот аппарат упрощала и которая бы сопровождалась перевоспитанием функционеров, живых людей, работающих в аппарате.

У нас очень часто в торговых заведениях по одежде встречают и по одежде провожают. Даже в органах Наркомзема то же самое говорят: неудобно такому-то отказать, а когда приходит какой-нибудь замухрышка-крестьянин, тогда по-другому действуют. Если пройдетесь по целому ряду наших наркоматов, наших хозяйственных и пр. органов, то,— конечно, не везде и всюду, но очень часто — наталкиваешься на такую психологию. Нет у наших служащих, у нашего государственного аппарата, да,

очень часто и у наших товарищей нет такого воспитания и такта, которые бы заставляли его вежливо обращаться с тем, кто приходит к нему за справками и проч. А мы очень часто сами *потакаем* этому делу, недостаточно за это ругаем, *недостаточно натравливаем мыссы на то, чтобы эти безобразия прекратить.* Если вы возьмете прежнего приказчика, у него были свои добродетели: не воруй, считай, почитай и служи своему хозяину и пьянствуй только по воскресеньям или двунадесятым праздникам. Мы эту пуповину разворотили, а собственных добродетелей очень мало создали. У нас очень часто мало различают казенное и свое, потому что у нас-де коммунизм. Конечно, у нас есть слой работников, перегруженных до черта. Всякий знает, что иногда хочется кусаться, когда лишний кто-нибудь приходит,— настолько ты устал от работы, от перегрузки. Но мы должны сами себя обуздывать,— те, кто действительно перегружен. В особенности нам нужно вытравливать такую психологию у тех людей, которые не очень-то перегружены, но которые ссылаются на то, что заняты, перегружены. Нужно учиться не все делать самому, а проверять работу других своих функционеров, нужно воспитывать служащих, нужно создать известные добродетели у каждого слоя этих служащих, вытекающие из их профессиональных занятий. Нужно жесткое давление со стороны масс против тех, кто заражен бюрократизмом, невнимательностью к представителям массы трудящихся. Нужно карать за преступления против этих добродетелей. Бороться с бюрократизмом только механическим сокращением,— это чепуха, это — только первый приступ: борьба состоит в том, чтобы поставить наших функционеров в такие условия, чтобы они не могли, боялись вести себя неприлично, нетактично, невнимательно, грубо по отношению к тем, кто серо одет, кто приходит к ним с фабрики, из деревни. Нужно чтобы они знали, что не они — пуп земли, а что они находятся на службе у пролетариата, и за преступление против этого — карать.

Вопрос *о самодеятельности масс*, о дальнейшем развитии наших добровольных обществ, кооперации, Советов, о работе их секций и проч., а прежде всего о нашей прессе, которая *должна еще больше усилить струю самокритики по отношению к нам самим.* Это — проблемы более или менее известные. Я отмечу, что нам ни в коем случае не нужно думать так: оппозицию мы расколотили,

она разбита и больше ничего. Если мы оппозицию разбили, я думаю, что мы ее совершенно сокрушили и изничтожили до конца. Это не только не снимает с нас, а, наоборот, возлагает обязанность *более жестокой самокритики по отношению к самим себе и по линии государственной, и по линии партийной, и проч.* Я должен сказать, что мы, например, уже давно не практикуем такой вещи, как периодическая рассылка работников самого высокого полета на места, в том числе и в деревню. Мы должны заботиться об усилении культурно-политической работы среди деревенской бедноты, подкрепить всеми силами союз батраков, еще теснее, еще прочнее связаться с середняком, обратить настоящее внимание на деревенскую интеллигенцию и т. д. и т. п. В отношении к интеллигенции,— мы должны усилить наше идеологическое влияние на нее, мы должны усилить кадры партийцев, работающих на этих фронтах. Я должен сказать, извините за такое «лирическое» отступление, что каждый раз, когда я выступал в Большом театре или еще где-нибудь, и, когда оркестр начинает играть туш, я начинаю чувствовать себя болонкой или лошадью с большим крупом, танцующей в цирке. Иногда у нас играют такие марши, что это черт знает что такое! Есть такой марш «Красная Армия», куда напихано все, что угодно: и «Из-за острова на стрежень», и из «Коробочки», и все это под названием: марш «Красная Армия». Когда я был в Ростове, и там давали марш под названием «Коммунары», я услышал нахабную немецкую шансонетку, которую у нас называли маршем «Коммунары». У нас есть целый ряд таких случаев и в кино, и в музыке, и где хотите. Это — не пустяки, это есть идеологическое извращение.

Наконец, товарищи, позвольте два словечка сказать относительно *партии*. Нужно иметь в виду, что если к оппозиции тянется «третья сила», которая является врагом пролетарской диктатуры, то к нашей партии будут налипать разные подхалимские, карьеристские и пр. элементы. Нужно помнить, что в наших рядах есть еще такие элементы, с которыми мы должны бороться. Наша страна велика и обильна, большевистской твердой рукой мы наладили в ней кое-какой порядок, расчистив и повыгнав много всякой дряни и гнилья, но как следует еще порядок не наладили. «Варягов» мы никаких абсолютно приглашать не намерены, сами без «варягов» управим-

ся, а если которые к нам и захотят придти против нашей воли, мы здесь им руки отсечем. Но борьба с прилепившимися слоями в наших рядах должна быть больше, чем когда бы то ни было, она необходима в особенности теперь.

Во всякой борьбе внутрипартийной есть отрицательные черты, сверх обычных. Многие из наших товарищей, имея дело с оппозицией, воздерживались от необходимой самокритики, полагая, что оппозиция это сейчас же раздует, увеличит в 1000 раз и будет бомбардировать партию. Оппозиция, конечно, этим и занимается, но нам нужна величайшая самокритика, не оппозиционная, антипартийная, а пролетарская самокритика и только тогда мы выйдем действительными победителями на все 100 проц., а не на 99, потому что тогда мы окажемся в состоянии еще в большей мере вовлекать массы в наши партийные ряды и действительно подавлять буржуазную и всякую иную нечисть и погань, которую сейчас оживила оппозиция. Забота о чистоте нашей партии должна быть одной из первейших наших забот, и после XV съезда нам нужно будет еще более усилить эту работу. Я здесь целиком и полностью согласен с Н. А. Углановым, когда он в своем вступительном слове подчеркнул важность задачи внутрипартийной демократии.

VI. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И НАШИ ЗАДАЧИ

Я, товарищи, детально останавливаться не буду на международном положении. (*Смех*). Я не иронически это говорю, хотя и знаю, что это может послужить поводом для того, чтобы наша оппозиция сказала: ну, вот, «национальная ограниченность», потому что мало говорил о международном положении.

По вопросу о военной опасности: мы считаем ее попрежнему актуальной. Возможно, что она несколько отдалилась в силу нашей политики и нашего маневрирования, нашей мирной политики. Если это так, то свою роль здесь сыграл Коммунистический Интернационал, мобилизация всего мирового рабочего класса вокруг лозунга *защиты СССР* от империалистов, борьба против с.-д. и иностранных отделений нашей оппозиции, которые вели

антисоветскую линию. Некоторое отдаление возможно, и я не считаю это исключенным.

Но, товарищи, мы поставлены в такое положение, что мы должны быть начеку. Опасность остается, потому что крупные исторические факторы действуют, частичная стабилизация есть факт. Остро стоит вопрос о рынках, особо остро стоит вопрос относительно угля и т. д. Расшатка капиталистического организма происходит на колониальной периферии, и мы на ближайшем конгрессе Коминтерна особенно остро поставим колониальный вопрос.

Внутри европейских стран сейчас развитие революционного движения совершается на основе противоречий стабилизации капитализма. В первую очередь оно выражается в виде *симпатии к Советскому Союзу*. Поэтому перед Коминтерном стоят задачи: развитие международной революции, поддержка революционных движений, нахождение путей всевозможного организационного закрепления нашего влияния, которое вокруг Советского Союза мобилизует силы рабочих.

Линия нашего советского правительства гласит: *никаких принципиальных уступок, но всяческое маневрирование, лишь бы оттянуть нападение капиталистических стран на нас*, активная политика мира, мира и еще раз мира.

Этими основными задачами вполне определяется та политика, которую ЦК вел и намерен вести. Ничего похожего на уход Коминтерна из Китая, ничего похожего на отмену монополии внешней торговли, ничего похожего на расширение прав буржуазии, кулака нет. ЦК предлагает всей партии и XV съезду не только не расширять права кулака, но, как мы видим, отнять некоторые права, как, например, право голоса и в земельных обществах.

Примерно так же обстоит дело и с обвинениями оппозиции в вопросах международной революции, и с монополией внешней торговли, и проч. Ни один человек, находящийся в здравом уме и свежей памяти, не станет отрицать, что наша партия ведет интернациональную международную пролетарскую политику.

Я недавно читал в одном буржуазном журнале статью, где говорится, что это (т. е. мы, СССР) есть огромный эксперимент, и теперь безусловно ясно, что в случае войны симпатии рабочих окажутся на стороне Советского

Союза, и массы будут мобилизованы вокруг советского государства, потому, что оно является защитником рабочих. Буржуазный глаз на этот раз увидел правду, хотя и неполно. Сейчас не 1914 год, не 1917 год мы переживаем, сейчас мы переживаем 1927 год. 10 лет стоит за нами. И пусть это запомнят гг. империалисты...

* *
*

Несмотря на разные колебания внутри нашей партии в 1917—18, в 1921, в 1923, в 1925 и в 1927 гг., несмотря на все это, мы в нашей партии видим рост и укрепление, «слияние» с массами рабочего класса и трудящихся вообще. Оппозиция у нас заостряет все время свои нападки, и глубина расхождения все время увеличивается, а количество оппозиционеров тает с каждым годом. В 1923 г. за Троцким шла почти половина московской организации, а сейчас — половина одного вузовца. (*Смех, аплодисменты*). В 1923 г. у нас были величайшие внутрипартийные колебания, а теперь герои нашей оппозиции стоят одиночкой и воображают, что воплощают не то волю партийного коллектива, не то волю рабочего класса. И характерная подробность: все их плакаты, лозунги, выступления выпирают на первый план личности. На демонстрации кричали: «Да здравствуют Троцкий и Зиновьев!». Во время похорон Иоффе [32] они кричали: «Да здравствуют Троцкий и Зиновьев!» На собраниях то же: «Да здравствуют Троцкий и Зиновьев!» Они личность выпирают, а мы сколачиваем железный пролетарский коллектив, и с этим костяком, под этим знаменем мы победим. (*Бурные, продолжительные аплодисменты*).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ОТЧЕТУ ЦК

Товарищи, я вначале хотел бы сделать несколько замечаний о некоторых выступлениях по разделу моего доклада, называющемуся: «Экономика, политика и культура». Прежде всего несколько слов по поводу речи тов. Луначарского. Тов. Луначарский выступал так, как если бы я смотрел на нашу культурно-политическую работу сквозь исключительно черные очки [33]. Мне кажется, что тов. Луначарский посмотрел

сам сквозь слишком черные очки на то, что я говорил, он не совсем понял смысл моего выступления. Я выступил в поддержку работы, которую представляет у нас тов. Луначарский. Я говорил, что в настоящее время, если мы возьмем развитие нашей экономики, то мы с нашей культурной работой не поспеваем за теми потребностями, которые предъявляют и наша индустрия, и наше сельское хозяйство. Я доказал то обстоятельство, что самое развитие нашей крупной промышленности сейчас упирается в известной и при этом очень значительной мере в недостаток научно-технического обслуживания нашей промышленности в непосредственном смысле этого слова и в смысле недостатка кадрового состава. Я указывал на то обстоятельство, что в настоящее время, в связи в особенности с оживлением целого ряда антипролетарских элементов в нашей стране, развязанных деятельностью оппозиции, здесь требуется особливая внимательность, ибо не все еще командные высоты заняты нами, нашим руководством, как это нужно было бы сделать.

Я указывал на то обстоятельство, что на целом ряде пунктов культурно-идеологического участка нашего общего социалистического фронта у нас нет достаточного кадра умелых руководителей, что здесь приказом нельзя брать, а лишь тактичным, умелым руководством и т. д.

Я абсолютно и не думал отрицать успехов культурно-социалистического строительства в нашей стране, успехов и по линии чисто элементарных культурных потребностей вроде распространения грамотности, газет, книг, журналов, и по линии более сложных потребностей, о которых говорил тов. Луначарский. Но я указывал на некоторое несоответствие, которое существует у нас между нашими достижениями и культурными потребностями страны, наличным кадровым составом, размерами средств и ресурсов, которые мы тратим. Вывод, который я сделал, заключался в том, что необходимо сейчас требовать большей плановой увязки между тратами на культурные и на остальные потребности и большей плановой увязки внутри потребностей самого культурного фронта. Другими словами, я, так сказать, «намекал», что тов. Луначарскому нужно давать больше денег из общегосударственной казны. А он говорит: «Нет, дело обстоит не так плохо». (*Смех*).

По существу дела я скажу, что абсолютно не думаю возражать тов. Луначарскому, когда он говорил о наших достижениях, но я остаюсь при своем мнении, что на этот фронт общесоциалистической культурной работы надо обратить большее внимание и в смысле материальных, и в смысле человеческих ресурсов.

Меня также не совсем правильно поняли некоторые другие товарищи. В частности, здесь выступала тов. Петрова, которая заступилась, так сказать, за «женскую честь»[34]. Я, разумеется, никогда не думал, что все жены рабочих являются балластом и грузом. Я был бы одним из последних, кто бы стал отрицать значительные достижения, великолепные достижения, которые мы сделали в области поднятия культурного уровня женских трудящихся масс. Последний съезд работниц и крестьянок[35], нашего женского актива, был достаточно убедительной демонстрацией — не знаю, как оппозиция не догадалась до сих пор объявить ее демонстрацией в пользу оппозиции (*смех*) — достаточно убедительной демонстрацией этой огромной массовой творческой работы, которая была проделана. Это абсолютно правильно. Но, товарищи, я здесь хотел сказать своими довольно беглыми замечаниями на этот счет лишь то, что мы не сделали в этой области столько, сколько требуется с точки зрения потребностей, предъявляемых нам массовым движением рабочего класса и крестьянства. Можно было бы сделать гораздо больше.

Из моих замечаний вытекало, что нам, как партийной организации, следует обратить большое внимание на быт рабочих. Нашим партийным товарищам, нашим пропагандистам, агитаторам, организаторам и пр. нужно чаще ходить в дома рабочих, на квартиры, в казармы, в общежития. Из этого вовсе не следует, что я отрицаю огромный размах нашей массовой работы и пр.,— отнюдь нет. Я указывал лишь слабые звенья в нашей массовой работе и говорил, что на них необходимо нажать.

У нас есть целый ряд добровольных обществ, которые по своим каналам, своими методами, своими способами вовлекают огромные пласты трудящихся в массовую, общестроительную, культурно-политическую работу. Однако, несмотря на весь размах, эта работа у нас могла бы быть развита больше. Поэтому я предлагал обратить больше внимания по борьбе с пьянством, обращал внимание женотделов на более широкую работу по борьбе

не только с алкоголизмом, но и с проституцией и т. д. Я старался указать коммунистам, рабочим, трудящимся слабые пункты, некоторые слабые звенья, на которые мы должны обратить сугубое внимание, дать в эту сторону некоторый крен, чтобы эти слабые места выравнять. В этом заключался смысл соответствующего раздела моего доклада.

Теперь разрешите перейти к более острым вещам. В первую очередь — о нашем международном положении.

Я не останавливался на международном положении с достаточной полнотой. И, как я и предсказывал в своей речи заранее, за этот факт уцепился т. Раковский[36]. Я не останавливался на анализе нашего международного положения со всей подробностью потому, что, как это подчеркнуто в моем докладе, я полагаю, что наша партия, в том числе московская организация нашей партии, разжевала эти вопросы. В связи с выступлением тов. Раковского и в целях разоблачения его игры с опасными вещами я коротко отмечу здесь один факт.

Если можно сказать, что появилось что-либо новое за самое последнее время, то это новое заключается в обострении конфликта между Польшей и Литвой[37], причем этот польско-литовский конфликт приобретает крупное значение и имеет международный характер. Все признаки,— вы их знаете из газет,— говорят за то, что Польша предпринимает сейчас наступление на Литву, что ведутся военные приготовления для того, чтобы провести польский план фактической оккупации Литвы. С точки зрения международных отношений осуществление этого плана означало бы расширение того военного плацдарма, который Польша будет направлять против Советского Союза. И как бы ни уверяли в настоящее время польские дипломаты, польские дипломатические круги устами того или другого своего представителя, что здесь речь идет не о Советском Союзе,— мы должны совершенно отчетливо понять, что эти шаги польского правительства направлены к тому, чтобы проглотить самостоятельное Литовское государство и начать с более крупного масштаба подготовку дальнейшего наступления на Советский Союз. Значение предполагающегося захвата Литвы не может не быть расценено всеми нами как шаг, направленный против Советского Союза. Следовательно, вопрос о военной опасности мы не снимаем, вопрос о военной опасности продолжает оставаться самым острым вопросом нашего между-

народного положения, внимание международного рабочего класса мы должны концентрировать на военной опасности, а отнюдь не снимать этого вопроса, не ослаблять нашей агитации здесь.

В этой обстановке заявления тов. Раковского относительно того, что мы были слишком уступчивы по отношению к Франции, крайне поучительны не только с точки зрения определения правильности или неправильности той или другой политики, но и с точки зрения разоблачения самого нутра, общей установки оппозиции. Я позволю себе поэтому на словах тов. Раковского остановиться несколько более подробно.

Прежде всего, я должен сказать, почему мы отозвали Раковского. Мы отозвали Раковского, чтобы выпятить перед всем миром *основной вопрос*, не позволив французским реакционерам порвать на вопросе о личности нашего посла. Этот основной вопрос есть вопрос о том, *разрывает с нами французское правительство или не разрывает*. Наша партия ведет линию на мирную политику, на политику мира, и мы знаем, что рабочему классу Западной Европы известно, что мы ведем мирную политику, не поддаваясь на провокацию империалистов, проводим тактику возможной оттяжки военного нападения на нас. Я думаю, что нет ни одного сумасбродного человека, сомневающегося в абсолютной необходимости политики мира, за исключением оппозиционеров, которые представляют собой людей совершенно особой категории.

Вы знаете, что в результате нашей политики мира и соответствующего маневрирования, суть которого вам известна, под давлением пролетариата и части мелкой буржуазии, заинтересованной в мирных отношениях с нами, французское правительство сейчас не смогло решиться на разрыв, к чему его усиленно толкали английские консерваторы и английские нефтяники, желающие получить монополию снабжения широких французских потребителей по грабительским ценам и желающие вытеснить советскую нефть, которая давит на цены вниз и этим сберегает широким французским потребителям огромные суммы.

Вот наша линия на наше маневрирование. А ориентация Раковского какая? Такая, чтобы в момент обострения отношений Польши и Литвы пододвинуть свои войска к границе, конечно, не к французской, к французской границе мы не можем,— а к польской. Вот предложение

Раковского. А дальше что? Ведь если придвинуть войска, то в случае если бы французы не уступили, нужно было бы войска двигать дальше. А это бы означало конфликт международного значения и масштаба, что сейчас и нужно английскому империализму. И по какому поводу? — По поводу личности Раковского. Как мы ни уважаем Раковского,— а до самого последнего времени он был одним из лояльных членов оппозиции,— но так маневрировать мы ни в коем случае не могли. Это было бы преступное маневрирование, легкомысленное маневрирование, игра с огнем, с войной. Наоборот, нам нужно было действовать таким образом, что мы вопросы о личностях снимаем, выставляем на шахматной доске крупные политические вопросы и ведем перед массами всего мира политику в открытую. Не на личности посла, а на этих крупнейших политических вопросах. Теперь весь мир знает, что руководящие круги французского правительства стояли за разрыв и дприжерская палочка была поднята именно по этой линии, а мы эту преступную политику разоблачили перед всеми и до разрыва не допустили. Тут нужно было выбирать: следовать ли тактике тов. Раковского (бряцание оружием) или правильнее было выставить такие предложения, которые заинтересовывали и втягивали в эту борьбу широкие массы, перед которыми разоблачен курс французского правительства на разрыв? Мы решили, что бой нужно давать не на личности посла, а на вопросе о соглашении. Это единственно правильная политика.

Раковский бросил здесь опасное слово *«война»*. Он войной хотел бы отвечать, но потом он быстро военный «хвост» запрятал в свои брюки и сказал: «Нет, не совсем так, достаточно было пригрозить и т. д.» *Пригрозить войной*! Ну, если так, то говорить тут больше нечего. Я скажу лишь о том, откуда у них сие получается.

Какая у них установка? Такая, что мы здесь все прогнили («термидорианцы»), может быть остался маленький шанс. Наша государственная власть есть термидорианская власть, т. е. по существу, контрреволюционная власть. Нужно сделать какое-то судорожное усилие для того, чтобы выпрыгнуть из этого термидорианского болота. Поэтому теперь в области внешней политики Раковский проговаривается: «война». Авось, на этой кривой выедем, станем снова революционерами, увлечем за собой остальных, поведем за собой массу, незаметно в ходе

этого переворота Ворошилова сменим Троцким[38], изменяя все соотношения сил в стране. Что это такое? *Это клемансистский тезис Троцкого.*

А в области внутренней политики, как говорила Надежда Константиновна[39], выступая здесь, их рецепт,— возврат к «военному коммунизму». Это — тоже судорожное движение. Там они делают прыжок в сторону войны, тут, внутри страны, закручивают на рельсы «военного коммунизма». Дескать, авось удастся разогнать «политические сумерки», выдуманные Троцким, «спасти» страну от «термидорианского перерождения». Авось, в связи с войной придет победоносный пролетариат Западной Европы, который окажет, по троцкистской теории, свою государственную помощь, и таким образом мы выйдем из затруднения. Товарищ Раковский, я знаю, что вы раньше были также *и против* Зиновьева с Каменевым, а теперь вы *за* Зиновьева с Каменевым, я знаю, что вы раньше были за многое другое, а теперь против. (*Раковский*: «*Совсем недавно*»). Ну, вот видите; и совсем недавно. Все слышали, ни у кого уши не отсохли с тех пор, как вы реагировали на заявление одного из товарищей. Это совсем не случайно у Раковского вырвалось такое крылатое словечко «война». Оно отражает самую их сердцевину. Это вот и есть самая основная их установка во внешней политике. Она диктует им и определенную внутреннюю политику. И как внутренняя установка на 100 проц. неправильна, точно так же неправильна и их внешняя установка. *Нашей политикой останется и должна оставаться политика мира.* Наша политика должна сопровождаться возможностью для нас определенных маневров, но не на основе тех лживых утверждений, которые т. Раковский вместе со своими друзьями подписывал. Ваши судорожные зигзаги в сторону отчаянных волевых импульсов и волевых жестов, все это вытекает из установки, что у нас все переродилось. Только с такой точки зрения можно понять их политическую игру, всю их тактику и стратегию.

Перехожу к речи тов. Каменева[40].

Приходит после ожесточенной борьбы против партии, после борьбы, принявшей совершенно неслыханные формы, выпирающие оппозицию за рамки партийной организации, ставящие ее даже на антисоветские рельсы,— приходит после этого один из ответственнейших лидеров объединенного оппозиционного ЦК, приходит для того,

чтобы демонстрировать здесь свою политическую линию, свое политическое «кредо» и что же? Слышали ли мы от него хоть одно слово насчет того, существует или не существует у нас диктатура пролетариата, налицо или не налицо «термидор» и пр.? — *Он обошел все эти вопросы.* Основной вопрос революции есть вопрос о государстве, и на него извольте дать свой ответ! Если я говорю, что в нашей стране — термидор, я тем самым отрицаю пролетарскую диктатуру. Если я утверждаю пролетарскую диктатуру, я тем самым отрицаю термидор. Если я стою за защиту отечества как социалистического, я буду последним шарлатаном, если бы говорил одновременно о термидоре в этой стране. Я не могу защищать перед лицом международного пролетариата это отечество как социалистическое отечество пролетариата, утверждая в то же самое время, что его государственная власть есть власть термидорианская, или, как «любезный друг» Ма-Да-Ро — Троцкий — заявляет, что за руководящей группой стоит внутренняя и международная буржуазия. Это — платформа Корша, это есть тезис, который контрреволюционен, от «а» до «зет» *контрреволюционен.* (*Аплодисменты*).

Вот как стоит вопрос. И когда приходит ответственнейший руководитель группы, которая на своем знамени пишет вот эти тезисы, а здесь не говорит по этому вопросу ни одного слова, то это — или политическая трусость, или политическое шарлатанство. (*Аплодисменты. Голос с места: «И то и другое»*). Вот как нужно поставить вопрос.

Вот эта двурушническая игра с коренными вопросами нашей революции есть самое возмутительное, что только может быть. Я предпочитаю открытого врага и открытого противника, который говорит напрямик:

«Термидор, вы переродились, вас нужно гнать, я вас буду свергать, вы меня можете закопопатить в десять тюрем, а я все равно буду бороться против вас, чтобы вас свергнуть».

Я понимаю такую позицию. А когда приходят люди и осмеливаются своим растленным языком говорить про людей, ведущих линию Ленина, что они переродились, а сами запутались в двух соснах,— диктатура или термидор, и, смотря по аудитории, из одного кармана и из другого вынимают то диктатуру, то термидор,— то мы говорим: «Это — стыд, срам, позор».

Тов. Каменев доказывал, что их блок глубоко принципиальный, что еще на XIV съезде они наметили политическую линию и что они последовательные революционеры.

Я читаю вам выдержку из письма, которое было прислано в Центральный комитет, из письма тов. Антонова-Овсеенко Троцкому. В этом письме, между прочим, сказано (он пишет Троцкому):

«Я знаю, что вы собираетесь выступить на съезде против т.т. Зиновьева и Каменева. Я глубоко сожалел и сожалею, что нетерпеливые и близорукие друзья фракционеры вас побудили (после немалого с вашей стороны сопротивления) отказаться от этого (уже решенного было) выступления. Вы знаете, что я был против вашего блока с Зиновьевым и Каменевым, как совершенно беспринципного».

Значит, выходит, глава их блока Троцкий на XIV съезде, с которого они ведут свою «принципиальность», еще нюхал воздух, выступить за ЦК или не выступить. Это называется «принципиальностью»!

Насчет «врастания кулака в социализм». Поскольку это «врастание» связывают с моим именем, я должен заметить, что это «врастание» кулака «без классовой борьбы» — от начала до конца выдумано Каменевым. Его Каменев присочинил и придумал. А не угодно ли послушать, что писал ваш «принципиальный» Троцкий в одной брошюре, передающей доклад на общегородской конференции в Запорожье 1 сентября 1926 г. Это интереснейшая вещь, которая показывает корни установки в аграрном вопросе, установку в вопросе борьбы с кулаком, постановку вопроса о развитии нашей деревни, о социалистическом или несоциалистическом пути и многое другое. Мы тогда не заметили этой брошюры Троцкого. Вот что писал Троцкий в этой брошюре о XIV партийной конференции:

«Последние мероприятия партии в области крестьянской политики означают расширение рамок для товарокапиталистических отношений в деревне. Это — несомненный факт. От раскулачивания кулака во время военного коммунизма наша партия и Советская власть ходом вещей вынуждены были придти к допущению в деревне накопления капитала, который мы прежде называли кулацким, а теперь вернее было бы назвать фермерским капиталом».

То же самое, что говорил Богушевский[41]:

«Слово „кулак“ связано с отношениями еще полукрепостного порядка, с засильем помещика, исправника. У нас же сейчас образуется в деревне собственник-фермер нового типа. Конечно, мы можем по старой памяти называть его кулаком, но гораздо правильнее назвать его фермером капиталистического типа».

То же самое говорил Богушевский. Никакой разницы нет. Богушевский говорил, что кулак, этот «жупел», отошел уже в старину, но что он теперь растет в другой форме. А блок Троцкого стащил этот «жупел» Богушевского и спрятал. Почему об этом Каменев не говорит? Но я на этом останавливаться не буду. Если бы я был таким же, как оппозиционеры, я бы остановился на этой цитате и повторял бы ее все время, как попугай. Но мне важно понять сердцевину троцкистского блока.

Теперь я зачитаю вам другие цитаты, которые будут подбираться к этой сердцевине и много дадут для понимания оппозиции. Вот, что писал тов. Троцкий:

«Пока мы не можем,— продолжает Троцкий,— дать деревне высокой техники, у нас есть *две возможности*: *либо применить в деревне методы военного коммунизма и задержать там развитие производительных сил, что привело бы к сужению рынка*, и, тем самым, к задержке производительных сил в промышленности; *либо до тех пор, пока мы не можем средствами нашей промышленности коллективизировать сельское хозяйство, мы должны допустить там развитие производительных сил, хотя бы и при помощи капиталистических методов. В этом сущность нынешнего периода нашей политики.*»

А позвольте вас теперь спросить: разве это — «левая» сердцевина? Разве партия остановилась на одной из этих двух возможностей, т. е. либо безграничное развитие капитализма, этого фермера, кулака и проч., либо методы военного коммунизма? — Ничего подобного. Мы свою политику и на XIV съезде не так понимали, и никогда такой она не была. Мы никогда не ставили вопрос так: либо возвращайся к военному коммунизму, либо безграничное чисто капиталистическое развитие в деревне. А Троцкий ставил так. А теперь от чисто безудержного развития капиталистических отношений в деревне люди шарахнулись в обратную крайность, о которой писал Троцкий, не видя того осторожного, среднего пути, который есть единственный ленинский путь. Они теперь ша-

рахнулись в другой конец своей альтернативы, что разъяснила Надежда Константиновна в своей речи здесь.

Но разрешите для полного удовольствия и ублаготворения Каменева прочесть третью цитату из его учителя, покровителя, вождя и идеолога — Троцкого. В той же самой брошюре Троцкий писал следующее:

«*Кулак, богатый крестьянин, который продает хлеб* через посредство государства, позволяет государству получать иностранную валюту, за которую мы можем ввозить машины для наших заводов. *Это плюс, это содействует приближению к социализму*». Без всякой оговорки. И после этого «добродетельный» Каменев приходит сюда, цитирует Богушевского и говорит: у нас — линия, у нас — принципиальность! На самом же деле, сперва Зиновьев шарахнулся по политической линии вправо, когда он, напуганный грузинским восстанием, предлагал всячески уступать, беспартийные фракции организовать, дать газету и проч. или когда он заявил, что нужно не только уклониться в сторону крестьянства, но и преклониться и поклониться его хозяйственным потребностям, а там, глядишь и Троцкий по линии кулака сдал. После этого эти люди приходят к нам и говорят: как мы замечательно последовательны, как мы далеки от зигзагов. (*Смех, аплодисменты*).

Заметьте, как тов. Каменев и в этом вопросе здесь перед собранием «маневрировал», как он ловко уклонялся от обсуждения крестьянского вопроса, и вопрос о середняке он в два счета подменил вопросом о Перселе; начал с кулака, а потом вдруг кулак и все прочее исчезло, и сразу Чан Кайши да Персели выстроились в один ряд. Но тов. Каменев плохо знает свою собственную литературу, плохо знает, что говорили его дорогие друзья на том же самом XIV партийном съезде, ибо как раз о Перселе на XIV съезде Зиновьев говорил не что иное, как то, что вопрос о соглашении с Перселем есть *вопрос жизни и смерти нашего движения*. Как раз на этом съезде Зиновьев говорил, что при помощи соглашения с Перселем мы «преодолеем весь реформизм в Западной Европе». И после того, как они и в этом вопросе наблудили, так же, как Троцкий в вопросе о кулаке, после этого они приходят и говорят: «Вы стояли за блок с Перселем!». Да, мы стояли за известное соглашение с теми, кому еще доверяли английские рабочие и кого перед английскими рабочими нужно было разоблачить. Но за что стояли вы,

дорогие друзья? Вы стояли за такой блок, с помощью которого вы думали преодолеть весь западно-европейский реформизм. Это есть правда и проверка вашей линии. Только смех может вызвать выступление Каменева, когда он приходит с совершенно «ясным челом», позабыв, опустив, скрыв, умолчав о том, что они раньше говорили, и рассусоливает сказочки насчет последовательности линии оппозиции. Скоро можно ожидать, что Зиновьев, Каменев, Сафаров[42] и Капатчиков[43] объявят несуществующими все свои брошюры против Троцкого. Я жду с каждой минутой, что случится это историческое чудо, что вся их борьба против троцкизма будет объявлена несуществующей. Что же является реальной проверкой линии оппозиции и линии партии? А реальная проверка, это проверка в жизни, об этом я говорил. Реальная проверка нашей политики, намеченной на XIV партсъезде, показала нам, что благодаря нашей политике середняк успокоился, и блок между рабочим классом и крестьянством укрепился. Об этом я достаточно говорил и здесь только напомню. В этом — настоящая проверка политической линии. А если мы теперь подведем итоги, то можно сказать: у оппозиции не было линии, а теперь ее линия стала превращаться в линию авантюр во внешней политике, в линию возврата к «военному коммунизму» во внутренней политике. А наша линия, несмотря на отдельные ошибки частного характера, выдержала испытание с точки зрения проверки самой суровой и самой жесткой действительности.

Тов. Каменев дальше спрашивает нас: вы осчастливили манифестом «страждущее человечество», а на каких основах построен этот манифест? Почему вы этот манифест построили не на основе идей XIV съезда, от которых остались одни клочья (по выражению тов. Каменева), а на идеях, которые вы «стибрили» у оппозиции? Основная идея манифеста, на которой он построен от начала до конца, это — идея строительства социализма в нашей стране. Вот основная идея манифеста. Это — чья идея? Ваша? — Это идея Ленина, против которой вы боретесь!

Какая у них главная контридея, окрашивающая сейчас любое их выступление? Их идея есть идея «свертывания международного рабочего движения», идея «политических сумерек» и «термидора» у нас. И ничего нет мудреного, что мы строили манифест, который был предложен вниманию всех трудящихся, который был, с другой стороны,

законодательным актом наших высших государственных органов, мы строили его на идее *утверждения пролетарской диктатуры*, а не на гнилых идеях «термидора», «политических сумерек», «клемансизма» и прочих «изобретениях» троцкистской оппозиции.

Нам говорят они: вы раньше утверждали, что нет средств для повышения заработной платы, а теперь вы выходите и говорите, что 7-часовой рабочий день возможен. Этот аргумент настолько «блестящ», настолько удивителен, что он превосходит все другие аргументы. Во-первых, когда это мы говорили, что у нас нет средств для повышения заработной платы? Мы так никогда вопроса не ставили. Мы говорили, что у нас нет средств для такого повышения заработной платы, какое демагогически выставлялось богатыми «миллиардерами» Зиновьевым и другими. Но мы всегда подчеркивали, что наш курс есть курс на поднятие заработной платы, и заработная плата фактически росла.

А 7-часовой рабочий день? — 7-часовой рабочий день принимается на новой основе, на основе сделанных достижений. Кто вам сказал, что для проведения 7-часового рабочего дня, для его реализации потребуются большие добавочные средства? А вот, представьте себе, что мы 7-часовой рабочий день вводим не как «подарок» рабочим, а как один из важнейших инструментов рационализации нашего производства. Ведь об этом я и говорил в своем докладе, которого Раковский и Каменев изволили не слышать, потому что они пишут свои платформы, не зная, что говорим мы. Разве наша ориентация заключается в том, чтобы нанести себе убытки при помощи 7-часового рабочего дня? — Наоборот, мы считаем, что сокращенный рабочий день даст нам возможность переорганизовать нашу производственную базу, что будет сопровождаться ростом числа рабочих, работающих в индустриальном производстве, что будет сопровождаться большей эффективностью труда, что даст нам в конечном счете большую, а не меньшую продукцию. Вольно оппозиции представлять 7-часовой рабочий день как «подачку». Такой взгляд означает либо политическую передержку, либо абсолютное непонимание того, почему, для чего и как партия собирается проводить 7-часовой рабочий день.

Подходя к концу, я остановлюсь еще на одном аргументе и на одном положении тов. Каменева. Вы видели, товарищи, насколько правильно утверждение, что мы шли

за оппозицией. Вы видите, насколько правильно утверждение оппозиции, что она не колебалась и занимала последовательную политику. Нет ничего смехотворнее этого утверждения оппозиции. Но если действительно было бы так, что мы «украли» платформу оппозиции, тогда спрашивается: почему же как раз в тот момент, когда по мнению оппозиции большинство перешло на сторону оппозиции, зачем тогда устраивать уличные демонстрации против партии? — Представьте себе, что я веду с Надеждой Константиновной спор. После некоторого боя она перешла на мою политическую позицию. Так почему в таком случае я должен начать еще более усиленную борьбу против Надежды Константиновны? — Наоборот, я думаю, тогда можно сказать: наконец-то гора с плеч свалилась, наконец мы с вами, Надежда Константиновна, можем плечо к плечу маршировать вместе. Спрашивается: почему же у оппозиции происходит наоборот? Да потому это так происходит, что настоящая их платформа есть платформа отрицания пролетарской диктатуры в нашей стране. (*Аплодисменты. Голоса*: «*Правильно*!»).

Вот почему, какую бы политику партия сейчас ни вела, из их основного тезиса, что у нас есть термидор и нет пролетарской диктатуры, вытекает и бешеная атака против партии, вытекают их партийные преступления, организация второй партии, и вытекает в то же самое время то гомерическое, неизмеримое политическое хвастовство, которое их отличает. Это ведь просто курам на смех, когда Каменев выходит сюда и продолжает воображать, что за ним стоят миллионы!

Дико, потому что люди настолько ослепли, что они не видят ни огромного воодушевления на демонстрации, не видят и громадного возмущения оппозицией. Никогда не было столько партийных лозунгов, как во время октябрьской демонстрации. Все это видели, слышали и пр. А оппозиторы говорят: демонстрация была вся за нас и только «пара свистунов» была против нас! Или, когда Каменев выходит сюда и говорит: наша нелегальщина, это была «попытка прорваться к рабочему ядру» нашей партии, в то время как это рабочее ядро нашлепало им по затылку, когда они имеют маленькую опору лишь в полуинтеллигентских слоях,— так ведь подобное «объяснение» преступлений против партии просто смеху подобно.

Мы знаем, что есть у них и «герои», которые играют с очень опасными идеями... Здесь выступал тов. Зоф[44] и рассказывал, что они пробовали вести работу в армии и во флоте. Я должен спросить вас всех: когда тов. Каменев выступает и говорит,— если не сделаете того-то и того-то, то будет катастрофа,— что это значит? Позвольте вас спросить, что значит эта угроза? — Мы можем им в ответ сказать, что если оппозиция попробует вызвать катастрофу, тогда... тогда мокрого места от них не останется! (*Конференция, стоя, покрывает последние слова тов. Бухарина бурными аплодисментами, постепенно переходящими в овацию*).

УРОКИ ХЛЕБОЗАГОТОВОК, ШАХТИНСКОГО ДЕЛА И ЗАДАЧИ ПАРТИИ

К ИТОГАМ АПРЕЛЬСКОГО ПЛЕНУМА ЦК И ЦКК ВКП(б)[1]

Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б)
13 апреля 1928 г.

Товарищи!

После разгрома оппозиции вся паша партия, естественно, должна была, засучив рукава, приняться за деловую работу. В духе деловитости и самокритики проходила работа пленума. Это было самым характерным, что отличало только что закончившуюся сессию пленума ЦК и ЦКК. Пленум обсуждал два главных вопроса: хлебозаготовки и их уроки и шахтинское дело. От этих в высокой степени конкретных вопросов он неизбежно, разумеется, должен был подойти к некоторым крупным вопросам нашей общей внутренней политики. В самом деле, хлебозаготовки и уроки хлебозаготовительной кампании поставили, в сущности, вопрос об отношении между рабочим классом и крестьянством, вопрос об отношении между различными слоями крестьянства и специально вопрос о политике нашей партии по отношению к кулачеству.

Точно так же и шахтинское дело подвело нас к крупным проблемам, а именно к вопросу об отношении рабочего класса к технической интеллигенции, об отношении между партией и профсоюзами, партией и беспартийными массами; оно подвело нас вновь к проблеме внутрипартийной демократии, партийной дисциплины и т. д.

Мне поэтому придется не ограничиваться простым пересказом того, что было на пленуме, но постараться проанализировать те крупные вопросы, которые я только что назвал.

I. УРОКИ ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

Экономика и классы

Начну с некоторого почти теоретического вопроса, а именно вопроса о производственных и рыночных пропорциях в нашем хозяйстве, с одной стороны, и социально-классовых силах в нашей стране — с другой. Это необходимо выяснить в первую очередь потому, что каждый член партии спрашивает себя: почему мы испытали крупнейшие затруднения в деле хлебозаготовок и чем эти затруднения объясняются? Являются ли они затруднениями абсолютно неизбежными? Означают ли они наличие крупного перевеса сил на стороне нашего противника — кулака, частника и т. д.? Являются ли они результатом наших собственных ошибок? Или же они объясняются известной комбинацией и наших ошибок, и наступления нашего классового противника? Если верно последнее, то в каком отношении стоят наши ошибки к силам нашего классового противника?

Прежде всего, я хотел бы указать на две возможные, на мой взгляд, неправильные постановки вопроса о причинах наших хозяйственных затруднений.

Одна, неправильная, односторонняя, однобокая, с известной точки зрения крайняя, постановка вопроса гласит: во всем виновато нарушение основных рыночных пропорций; мало произвели промышленных товаров, большой спрос был в деревне, и на этом анализе ставят точку. Это одна точка зрения, один подход.

Другой, тоже неправильный, тоже неверный подход состоял бы в следующем: дело, дескать, не в том, достаточно или недостаточно произвели мы промышленных товаров по сравнению с деревенским спросом; дело, дескать, не в том, была или не была у нас диспропорция на рынке, а в том, что у нас страшно разбогател кулак, усилилась его позиция в деревне, где он сомкнулся с середняком или с определенной частью середняка.

Можно формулировать дело таким образом: один, неправильный, односторонний, однобокий подход состоит в том, что видят хозяйственные пропорции, хозяйственные формы, рыночные отношения, вещные потоки товарных масс, выбрасываемых на рынок, *но не видят классов.*

Другой, тоже неправильный и однобокий подход состоит в том, что видят классы, видят силы кулака, но не видят той общехозяйственной экономической базы, на которой развертывается борьба классов, не видят рыночных отношений, товарных потоков, идущих из города в деревню и обратно, не взвешивают рыночных пропорций, не ставят вопроса о диспропорциях и т. д.

Одна точка зрения видит хозяйственные формы и рыночные отношения, но не видит классов; другая — видит классы, их борьбу, но не видит рыночных отношений, хозяйственных пропорций. Обе эти точки зрения неправильны. Правильное, соответствующее действительности положение может быть формулировано таким образом: *через борьбу хозяйственных форм, через рынок, через товарные массы, через регулирование этих товарных масс, через владение этими товарными массами, через отношения производства и через отношения рынка борются классы*. Нельзя отделять одно от другого: классы от экономики, экономику от классов.

Если это так, то вполне понятно, какое значение имеет, скажем, вопрос об аппарате, о плановом руководстве в нашей стране. Если вследствие тех или иных просчетов наши плановые руководящие органы нарушили необходимые хозяйственные пропорции, то что это значит с точки зрения классовой борьбы? Это значит, что создается такое положение, которое легко может быть использовано нашим противником — кулаком, частником, буржуазией вообще; наш минус, наш проигрыш становится плюсом, выигрышем для классового врага.

Если же мы осуществляем правильное балансирование элементов народного хозяйства, держим их в известном равновесии, то наш классовый противник в борьбе против нас ограничен в значительно более узких пределах. Борьба его против нас, конечно, не уничтожается, не прекращается, она продолжается, но проходит в гораздо менее выгодной для нашего противника обстановке. Но если аппарат нашего планирования, управления, руководства ведет к нарушению той или иной серьезной хозяйственной пропорции, от чего происходит дезорганизация рынка, то наш классовый противник приобретает гораздо большее значение. Он уже может использовать конъюнктуру. Раз вода немножко замутилась, наш противник может гораздо более энергично, ловко, с гораздо большим успехом использовать эту сложившуюся конъюнктуру в

своих хозяйственных интересах против нас. Удельный вес его силы станет возрастать, ибо зевки руководства, планирования и управления дают ему возможность использовать создавшуюся хозяйственную конъюнктуру.

Ошибки планирования и руководства являются, говоря вообще, либо ошибками в генеральной линии политики, ошибками *политической линии*, либо ошибками текущего руководства, конъюнктурными ошибками. Если мы имеем дело с ошибками первого порядка, то это означает, что наш противник длительно использует такого рода положение, что он нас длительно будет бить. Таких ошибок у нас, до сих пор по крайней мере, не было. У нас бывают, однако, довольно серьезные конъюнктурные ошибки. Конъюнктурные ошибки не являются ошибками политической линии, но они могут играть значительную роль для определенного, более или менее короткого, отрезка времени.

Перехожу к тем конкретным затруднениям, которые мы пережили, но последствий которых мы еще не изжили.

Ошибки планового руководства, диспропорции, классы и затруднения заготовительного периода

Прежде всего нужно сказать, что затруднения, которые мы имели и из которых мы полностью еще не вышли, отнюдь не носят обязательного характера. О них нельзя сказать, что они были абсолютно неизбежны, неотвратимы. Они сложились в результате запоздания с рядом мероприятий нашей экономической политики, в результате просчетов планового руководства, в результате отрыва наших парторганизаций от руководства хозяйством в связи с партийной дискуссией и борьбой партии против антипартийных и антисоветских выступлений оппозиции.

Между хозяйственным управлением и партийной жизнью у нас имеется самая тесная связь. Наше хозяйство не может рассматриваться отдельно от экономической политики государства, руководимого партией. Неправильны те теории, которые на манер теории Преображенского отрывают нашу экономику от экономической политики. По сравнению с буржуазными странами, где политики дерутся, а трестовые магнаты и госаппарат продолжают свое дело, у нас внутрипартийная борьба дает

себя знать во всем хозяйственном организме страны гораздо сильнее.

Эти специфические особенности нашего хозяйственного развития объясняют, почему трясение нашей партии отразилось и на нашей хозяйственной жизни.

Ошибки планового руководства так остро отражаются на нашем хозяйстве и потому, что мы идем вперед с *величайшим напряжением сил, с величайшим напряжением наших хозяйственных планов, с величайшим напряжением нашего государственного бюджета, наших средств*, стараемся держать самый напряженный темп хозяйственного развития, дабы догнать и перегнать капиталистические страны. Эта напряженность заставляет нас идти вперед, преодолевая величайшие препятствия и трудности [2].

Вполне поэтому понятно, что различные просчеты планирования и регулирования на том или ином участке сказываются очень серьезно на всем народном хозяйстве в целом.

Резолюция ЦК по хлебозаготовкам прямо указывает на то, что *затруднения, которые мы испытали, не являлись неизбежными затруднениями.* Они сложились на основе нашего запоздания, ошибок планового руководства, партийной дискуссии. Разумеется, даже самый блестящий план не снимает объективных трудностей нашего хозяйственного развития и нашей работы: отсталость страны, быстрый темп накопления, невозможность «стопроцентного» планирования (наличие 24 млн. крестьянских хозяйств [3]) — все это остается и неизбежно влечет за собой появление тех или других затруднений на различных участках хозяйственного фронта. Эти трудности уменьшаются при правильном плановом руководстве; они *обостряются* почти при каждом более или менее крупном конъюнктурном просчете.

Сперва я хотел бы остановиться на *экономической* стороне затруднений, в результате которых мы чуть-чуть было не попали в лоно общехозяйственного кризиса.

Необходимо отметить, что у нас вообще имеется *расхождение между циклом воспроизводства в сельском хозяйстве* и, с другой стороны — в *промышленности.* Реализация товарной продукции с. х. у нас происходит не в тот момент, когда промышленность идет полным ходом, а, наоборот, когда промышленность только что испытала известное сезонное ослабление. Это, конечно, можно по-

править, если к моменту реализации урожая у нас будут серьезные маневренные резервы, будет соответствующее количество товарных запасов. В этом году у нас резервов не было. Когда мы вступили в осеннюю с.-х. кампанию, то наша промышленность не имела достаточного количества резервов, которое она могла бы выбросить и противопоставить тому спросу, который шел из деревни [4].

Следовательно, то, что мы вовремя не сумели накопить определенного резервного фонда со стороны нашей промышленности,— это было одной причиной нарушения равновесия на рынке.

Но дело не только в резервах. Дело также и в том, что у нас в этом году сезонное сокращение производства было острее, чем в прошлом году.

Резкое снижение производства во время летних отпусков, т. е. в 3- и в 4-м кварталах прошлого хозяйственного года, и недопроизводство по сравнению с планами в 1-м квартале 27/28 г. при снижении розничных цен на продукты нашей промышленности понизило относительно предложение промтоваров.

За это же время мы наблюдали повысившийся спрос со стороны деревни. Этот спрос со стороны деревни складывался под влиянием экономического роста деревни вообще, деревенской верхушки, кулацкого хозяйства, в частности. Причем здесь нужно отметить два рода явлений, чрезвычайно важных для понимания всей механики тех затруднений, которые мы испытали.

Во-первых, мы имели высокие цены на технические культуры (и высокий урожай на эти технические культуры) и на продукты животноводства. Реализация продуктов технических культур и продуктов животноводства дала деревне, в особенности деревенской верхушке, довольно значительные добавочные суммы денег по сравнению с прошлым годом, позволившие произвести за их счет необходимые платежи по налогу и т. д. Во-вторых, в связи с нашими большими затратами по капитальному строительству, в связи с различными подсобными и другими работами, в деревню ушло значительно большее количество денег по сравнению с прошлым годом. На сколько больше? Подсчеты, имеющиеся здесь, весьма приблизительны. Некоторые считают — больше сотни миллионов, другие называют еще более значительные цифры. Во всяком случае, не подлежит никакому сомнению, что за последний год эти побочные доходы крестьянского хо-

зяйства значительно превышали то, что крестьянство имело от этих источников в прошлом хозяйственном году. Этот возросший спрос, спрос со стороны кулацких хозяйств в том числе, не был сбалансирован соответствующим увеличением налогов. В результате так называемый баланс между городом и деревней был нарушен, т. е. то количество промышленной продукции, которую город выбрасывал в деревню, не могло уже соответствовать тому количеству денег, которое очутилось на стороне крестьянского спроса. Дело осложнилось, как мы видели, еще и тем, что осенью мы могли дать деревне относительно меньшую долю промпродукции, чем раньше.

В городе также, в связи с увеличением количества рабочих, фонд заработной платы, следовательно, городской спрос, увеличился.

Итак, баланс между спросом и предложением был нарушен. Был целый ряд попыток вычислить размеры товарного дефицита, но я должен вам сказать, что эти цифры являются крайне неустойчивыми. Приводились, например, такого рода вычисления, что за 4-й квартал предыдущего хозяйственного года и 1-й квартал текущего хозяйственного года этот дефицит измерялся, приблизительно, в полмиллиарда рублей. Имеются затем другие цифры, которые дают сумму значительно меньшую. Но я вам могу напомнить в этом отношении такие общеизвестные факты. Всем известно, что осенью мы *оголили для города товарный деревенский рынок* — поскольку речь идет о промышленных товарах. Мы направили товары в города, дабы удовлетворить спрос в городе. А зимой, когда дали себя почувствовать затруднения с хлебозаготовками, мы *оголили город для заполнения деревенского рынка*. Мы оказались вынужденными перебросить промышленные товары в деревню. Для чего мы это сделали? И правильно ли сделали, что оголили город и перебросили товары в деревню?

Правильно сделали. Для того сделали, чтобы добиться больших результатов в деле заготовки хлеба. Но если товарные массы передвигаются в экстренном порядке сперва в город за счет деревни, а потом из города в деревню, то это и означает, что товаров не хватает. В городе это выражается хотя бы в тех же самых хвостах, которые мы имели, и еще имеем сейчас, не только по линии сельскохозяйственных продуктов, но и по линии промышленной продукции. Делать по этому поводу благодушную фи-

зиономию и говорить, что это не важно, мне кажется, нельзя, потому, что это очень важно.

Относительно же деревни нужно добавить, что имелись факты даже абсолютного снижения товароснабжения деревни по сравнению с прошлым годом, так что главное и основное в области экономики, связей между городом и деревней, состоит в том, что в то время, как спрос на товары со стороны деревни возрос, товарное предложение отстало.

Почему это отразилось в первую очередь именно на заготовках хлеба?

Это отразилось в первую очередь на хлебе по целому ряду причин.

Прежде всего, мы имели за последнее время крупное расхождение в соотношении цен на зерно, с одной стороны, и на продукты животноводства и технические культуры — с другой стороны. Это расхождение было настолько невыгодно для хлеба, что крестьяне предпочитали оставлять хлеб у себя, а деньги, нужные для уплаты налогов и покупки промтоваров, получали от продажи продуктов животноводства и технических культур.

Крестьяне иногда предпочитали скармливать хлеб скоту и продавать этот скот. Это объяснялось, главным образом, дальнейшим расхождением в соотношении цен на *зерно* — с одной стороны, и на продукты *животноводства и технические культуры* — с другой, расхождением, которое сильно росло за последние годы. Если мы возьмем 1924—1925, 1925—1926, 1926—1927 операционные хозяйственные годы и первый квартал 1927—1928 г., то получим следующие показатели (довоенные цены берутся за 100): в 1924/25 году индекс зернопродуктов составлял 129, продуктов животноводства и технических культур — 135. Разница была небольшая. В 1925/26 г. падает индекс зерновых культур: было 129, теперь — 123, а технические культуры и животноводство повышаются: было 135, теперь 140. По зерну падение, по животноводству и техническим культурам повышение. В 1926 году индекс цен на зерновые культуры с 123 упал до 106. Индекс на продукты животноводства и технические культуры со 140 поднялся до 145. За первый квартал 1927/1928 г. по зерну 109 — почти такая же цифра, небольшое увеличение по сравнению с 1926—1927 годом; по техническим культурам уже 151, вместо 145. Вы видите, что за последние годы шло *непрерывное раздвижение ножниц в отношении*

цен на зернопродукты, с одной стороны, и на продукты животноводства и технические культуры — с другой. Продажа *зерна* становилась наименее выгодной из всех возможных продаж со стороны крестьянского хозяйства.

Но я должен сказать, что невыгодное положение для зерновых культур создалось не только по линии этих рыночных отношений, но и по линии *налогового обложения.* Для зерна и здесь были созданы наиболее неблагоприятные условия. У меня нет достаточных цифр, чтобы выделить зерновые культуры, но я приведу вам некоторые данные, которые дают только очень приблизительное понятие относительно того, что я хочу подчеркнуть. Возьмем две наиболее крупные графы условно чистого дохода крестьянского хозяйства: «полеводство» и «неземледельческие доходы», в том числе и неземледельческие доходы кулацких хозяйств.

Полеводство занимает в общей сумме всего условно чистого дохода крестьянства 39,5 %; неземледельческие же доходы, в том числе и нетрудовые доходы кулацких хозяйств, занимают 27,8 %. Разница между этими цифрами не так уж велика, но если возьмем налоговое обложение того и другого, то получим такие цифры: доля полеводства в налогах равняется 66,59 %, а доля неземледельческих доходов — только 5,2 %. Тут, конечно, нужно иметь в виду зарплату строительных рабочих и другие доходы, которые обложением не улавливаются, но, несмотря на это, расхождение все же слишком большое.

Есть еще одно обстоятельство, касающееся резкого нарушения рыночного равновесия. Я указывал выше, что у нас имеется расхождение между циклом сельскохозяйственного производства и ходом промышленного производства. Но почему же крестьянин, который выручил осенью за свой продукт определенное количество денег, а промышленность к этому сроку (если у нее нет специальных резервов) не подоспела выбросить достаточное количество товаров, почему крестьянин не хочет *ждать* с этими деньгами, скажем, несколько месяцев, а предъявляет эти деньги сейчас же?

Это объясняется тем, что наши деньги еще не укрепили себя настолько, чтобы серьезно служить *средством накопления.* Крестьяне рассматривают деньги как средство платежа, как средство обращения, но еще не в достаточной мере как средство накопления. Наш крестьянин предпочитает скорее закупить на деньги товары, чем

внести их в сберкассу. Система нашего кредита еще не крепка. Если бы она была крепче, если бы были крепче наши сберкассы, если бы эти кредитные рычаги были сильнее, тогда был бы другой оборот. Но этого нет. А поэтому, после того, как известное количество денег оказывается на руках у крестьянина, или если эти деньги у него остались от прошлого хозяйственного оборота, крестьянин их пускает непосредственно на рынок. Деньги эти не идут по каналам сберкасс, банков, кредита, а непосредственно начинают давить на рынок.

В результате этих причин мы получили сокращение предложения хлеба. С июля по декабрь включительно в прошлом году мы заготовили 428 миллионов пудов, а в этом году 300 миллионов, причем за декабрь этого года было заготовлено лишь 59 % заготовок за декабрь прошлого хозяйственного года. Само собою разумеется, что дальнейшее развитие этого хлебозаготовительного кризиса грозило бы нам срывом всего нашего хозяйственного плана, срывом снабжения городов, срывом реальной зарплаты и целым рядом других, еще более крупных хозяйственных бед. Вот, товарищи, та картина, которая получилась, если рассматривать ее с чисто экономической стороны. Я намеренно начал свой доклад с указания на то, что экономическая сторона дела не может быть оторвана от социально-классовой стороны, и обратно: социально-классовая не может быть оторвана от экономической стороны. Именно потому, что была создана такая экономическая конъюнктура и были нарушены основные рыночные пропорции, именно поэтому для кулаков, которые держали компактные массы хлеба в своих руках,— хотя отнюдь не главные массы,— явилась возможность лучше маневрировать против нашей политики цен.

Кулак, несомненно, *использовал* конъюнктуру, причем наши заготовительные органы не оказались на высоте положения. Они объективно, независимо от своей воли, помогали нашему противнику, поскольку не образовали единого заготовительного фронта, поскольку вместо того, чтобы сомкнуться тесными рядами, они конкурировали друг с другом и иногда прямо-таки бешено конкурировали [5].

Таким образом, с экономической стороны мы имели нарушение основных хозяйственных пропорций и на *базе* этого известную, гораздо бо́льшую, чем прежде, экономическую *активность со стороны кулачества*, попытку

его сомкнуться с середняком на основе определенной политики цен при попустительстве конкурирующих между собой заготовительных органов, при условии дискуссии в партийных организациях и при некотором непонимании местными организациями необходимости отпора нашему хозяйственному противнику всеми средствами, которые были в их распоряжении.

Вот картина тех хозяйственных затруднений и тех причин, которые привели к хлебозаготовительному кризису, грозившему привести к тяжелым народнохозяйственным последствиям.

Оппозиция и анализ наших затруднений

Прежде чем перейти к вопросу о тех мерах, которые принял ЦК для ликвидации хлебозаготовительного кризиса, я хотел бы поставить такой вопрос: не является ли тот анализ, который дал ЦК, некоторым приближением к тому, что говорила наша оппозиция? Не есть ли он, по сути дела, доказательство известного тезиса, который в свое время был выставлен Каменевым, а именно, что кулак «регульнул» наше хозяйство? [6]

Я, товарищи, представляю себе дело так, что тот анализ, который я здесь давал, как небо от земли отличается от оппозиционной точки зрения.

Как представляла себе оппозиция кулацкую опасность? Таким образом, что у нас капиталистические элементы растут быстрее социалистических, что нэпман и кулак постоянно и победоносно наступают на нас, а мы отступаем перед ними, что это имеет свои глубокие корни в технико-экономической отсталости нашей страны. Это увязывалось с известным тезисом о том, что мы и впредь будем вынуждены отступать, если нам не поможет государственно-организованный западно-европейский пролетариат. Вот смысл и корни оппозиционной «философии».

Мы же знаем, что дело обстоит совершенно не так. Мы знаем, что главнейшие рычаги хозяйственного воздействия находятся в наших руках, и владение этими рычагами делает нас непобедимыми с точки зрения внутренних отношений, *если только мы не будем делать крупных ошибок*. Кулак же представляет опасную силу в первую очередь постольку, поскольку он использует

наши ошибки. Поэтому центр тяжести лежит в правильности нашей политики и в первую очередь в установлении правильных хозяйственных пропорций. Если мы обеспечим правильные пропорции между основными элементами нашей экономики, поле для кулацкой контратаки чрезвычайно сузится, хотя, конечно, и не уничтожится целиком. Напротив, крупные просчеты, чем бы они ни вызывались — простым ли арифметическим просчетом или недостатками нашей статистики, или событиями партийной жизни (дискуссия) — делают кулака опасным классовым противником.

Пленум ЦК совершенно правильно отметил это обстоятельство. В его резолюции говорится:

«Таким образом, создавшаяся экономическая конъюнктура, использование ее со стороны кулачества, ошибки при выполнении операционного плана распределения промтоваров (опоздание с их завозом), ошибки планирования вообще (недостаточность обложения деревенской верхушки, чрезмерное расхождение цен на зерно и цен на другие продукты сельскохозяйственного производства и т. д.), временное отставание роста промпродукции, наконец — что играло крайне существенную роль — недостаточная организованность и активность аппарата (в том числе и партийного) привели в целом к крупнейшим хозяйственным затруднениям, развернувшимся на фоне громадного роста производительных сил и социалистического сектора, затруднениям, которые *не имели бы места при своевременном, правильном сбалансировании основных элементов хозяйства и устранении недочетов хозяйственного и партийного аппаратов*»[7].

Таким образом, ЦК в своей резолюции прямо сказал, что если бы мы вовремя и без опозданий спланировали основные элементы хозяйства, правильно и своевременно приняли необходимые меры, мы не имели бы пережитых затруднений, кулак *не был бы в состоянии* срывать нашу хлебозаготовительную политику.

Не сваливая с больной головы на здоровую, мы прямо говорим, что в значительной мере виноват наш «аппарат», аппарат не в узком смысле этого слова (тот или другой советский орган сделал такую-то ошибку), а в широком смысле слова: виноват аппарат, *планирующий хозяйство*. Мы плоховато спланировали. Отвлеченные дискуссиями, мы наделали ошибок, запоздали, и *это* дало возможность нашему противнику, который в других ус-

ловиях не мог бы ничего серьезного против нас сделать, одержать кое-какие (временные) успехи, которые были сведены на нет решительными мерами партии.

Оппозиция утверждала, что мы без помощи Западной Европы погибнем. Мы же утверждали и утверждаем, что у нас есть «все необходимое и достаточное» для победоносного движения вперед. Она говорила, что мы отступаем. В действительности мы растем и наступаем. Она говорила, что наш классовый противник растет, и нам нужна внешняя помощь, чтобы как-нибудь вывернуться из затруднительного положения. В действительности же главное дело в наших ошибках, просчетах, в том, что мы не умеем еще достаточно хорошо планировать, делаем промахи, запаздываем, отчасти и потому, что не умеем еще вовремя предупредить такие вещи, как дискуссия, и тем самым даем некоторые козыри нашему противнику.

«Регульнул» ли нас кулак?

Скорее мы сами себя регульнули, плохо спланировали и тем самым, повторяю, дали известные козыри в руки своему противнику, который ловит каждый наш зевок, использует любую промашку, переходит в контратаку на том участке фронта, где мы не поставили достаточно высоких барьеров.

Мероприятия ЦК партии

После того как наша партия справилась с оппозицией и, ликвидировав внутреннюю болезнь, переключила свою энергию на фронт деловой работы, обнаружились критические явления в области хлебозаготовок, сигнализировавшие необходимость принять экстренные и исключительные меры.

ЦК был поставлен в условия, когда нужно было во что бы то ни стало решить задачу хлебозаготовок всеми возможными средствами, ибо срыв хлебозаготовок дал бы себя почувствовать и мог бы в конечном счете привести к серьезным политическим колебаниям. Надо было принять экстренные меры. Совершенно естественно, что из того анализа причин кризиса хлебозаготовок, о котором я вам говорил, вытекали и меры, к которым должен был прибегнуть ЦК для того, чтобы выправить фронт хлебозаготовок.

Поскольку основной причиной затруднений являлась диспропорция на рынке, ЦК должен был в срочном по-

рядке бросить в деревню добавочное количество промышленных товаров, не останавливаясь перед временным оголением промышленных центров.

Кроме того, мы должны были предпринять ряд мер, которые смягчили бы перевес денежного спроса со стороны деревни.

Мы провели добавочное обложение верхних слоев деревни, что являлось непосредственным социально-классовым нажимом на верхушку деревни [8].

Мы провели заем укрепления крестьянского хозяйства, который производительно размещается в деревне, и закон о самообложении, преследующий удовлетворение деревенских нужд [9]. Мы ударили по враждебным классовым силам, которые организовали борьбу против нас,— по кулакам и скупщикам. Сюда относится применение 107 статьи [10]. Затем раздача деревенской бедноте 25 % (в других местах был другой процент) конфискуемого хлеба [11]. Дальше шли мероприятия по линии создания единого фронта хлебозаготовителей, а затем чрезвычайные мероприятия по линии проверки и чистки советского аппарата от тех элементов, которые срослись или полусрослись, или дружат с кулацкими слоями в деревне и т. д. Мы провели громадную мобилизацию партийных сил, приведя в движение весь партийный аппарат, что в конечном счете оказало решающее влияние на ход хлебозаготовок. Крайние и экстраординарные меры получили свое историческое оправдание в том, что удалось усилить темп хлебозаготовок и добиться того, что в итоге количество заготовленного хлеба превышает заготовки прошлого года за тот же период.

После января у нас начался известный нажим, и сразу же было отмечено быстрое увеличение хлебозаготовок. В сентябре и октябре мы имели нормальные хлебозаготовки, несколько превышавшие хлебозаготовки прошлого года за те же месяцы. В ноябре мы имели уже падение, в декабре мы имели чрезвычайное падение, примерно вдвое. После этого начали выравниваться и, в конце концов, к апрелю месяцу догнали прошлогодние цифры.

Нужно иметь в виду, что мы должны продолжать хлебозаготовительную кампанию сравнительно быстрым темпом и в остающиеся месяцы для того, чтобы в общем балансе за весь год добиться необходимого хозяйственного эффекта.

Так называемые перегибы и дальнейшее наступление на кулачество

Само собою разумеется, что перед каждым членом партии встает наряду с этим вопрос и относительно политического результата этих мероприятий, а затем относительно практической подготовки следующего операционного года. Как нам нужно готовиться к следующей хлебозаготовительной кампании? Нужно ли нам ориентироваться на то, чтобы повторить еще раз опыт этой хлебозаготовительной кампании? В каком соотношении стоят эта хлебозаготовительная кампания и те чрезвычайные меры, которые мы приняли, к намеченной XV съездом линии партии? Эти вопросы имеют, конечно, большое значение.

Судя по докладам с мест различных товарищей, мы можем отметить, что за время хлебозаготовок партийные и советские аппараты в деревне улучшились. Ослабели и в ряде мест серьезно разбиты позиции кулачества, серьезно двинулась вперед работа среди деревенской бедноты, чрезвычайно поднялась активность бедняков и середняков. Можно сказать, что мы вышли из затруднений без осложнения отношений с основной массой середняцких слоев крестьянства, но отношения с верхушечной частью середняцкого крестьянства несколько обострились. В общем балансе по политической линии мы вышли с плюсом. И отсюда нужно сделать известный политический вывод для нашей будущей работы. Мы должны понимать, во-первых, смысл линии, принятой XV съездом нашей партии, во-вторых, значение и место экстраординарных мер, которые диктовались совершенно исключительной, чрезвычайно обостренной хозяйственной обстановкой, и, в-третьих, необходимость решительной борьбы с различными перегибами, извращениями нашей политической линии и наших экстраординарных мер. За такие извращения приходилось иногда не только судить, но и принимать самые крутые репрессии по отношению к тем или другим местным деятелям советского и партийного аппарата.

В чем же заключались эти перегибы? Об этих перегибах, между прочим, сказано и в резолюции, принятой пленумом ЦК и ЦКК: «Эти извращения и перегибы, допущенные местами со стороны партийных и советских органов, подлежат самой категорической отмене, и партия

обязана объявить им самую решительную борьбу, ибо они грозят дать длительный отрицательный как экономический, так и политический результат»[12]. С точки зрения политического существа эти перегибы можно определить как мероприятия, которые ударяли не только по кулаку, но и по середняку, и которые часто являлись сползанием на рельсы продразверстки. Такие перегибы бывали в целом ряде мест. Они не изжиты, пожалуй, до сего времени, хотя соответствующие директивы Центрального Комитета неоднократно предупреждали партийные организации против них. Сюда относятся такие меры, как конфискация без суда хлебных излишков или запрещение вообще вольной продажи и покупки хлеба, запрещение вольного хлебного рынка, разного рода обыски для выявления излишков, установление в ряде пунктов заградительных отрядов, принудительное размещение займа и другие «фокусы», которые местные работники выдумывали. Например, скажем, при выдаче денежных переводов в деревне определенное количество выдается деньгами, а другое количество — облигациями займа.

Эти перегибы должны быть прекращены во что бы то ни стало. Кое-где мы имели настоящие эксцессы, насильственные меры, за которые в некоторых местах пришлось нескольких человек даже расстрелять.

Центральный Комитет отметил, что политические перегибы указанного выше типа, приближающиеся к продразверсточным методам, неизбежно должны дать «длительный отрицательный как экономический, так и политический результат». Почему? Потому что они могут подорвать самые основы нашего хозяйственного развития. Если, например, были такие случаи, что вводился прямой товарообмен, т. е. за деньги не давали промтоваров, а только за хлеб, что это означает? Ясно, что это подрывает нашу валюту, потому что в таком случае наши деньги — наполовину не деньги.

Правда, если мы принудительно размещаем заем, государство от этого кое-что получает, но если рассматривать это дело с точки зрения перспектив, то какой же кредит возможно основывать на такой базе, когда ты всучиваешь насильно тот или иной заем? Ясно, что при таких условиях толковать о привлечении мелких сбережений в сберкассы или вкладов в кооперацию или требовать, чтобы люди вносили сбережения в банк,— абсолютная бессмыслица. А мы все время говорим, что мы должны вести

такую политику, в результате которой мелкие сбережения крестьянства всасывались бы в наши кредитные учреждения.

Здесь весьма уместно вспомнить отмеченный нами выше факт о том, что у нас и так чрезвычайно мало развита роль денег в качестве орудия накопления, в качестве средства сбережения. Между тем, всякие меры, подрывающие нашу кредитную систему, еще более сузили, парализовали бы эту роль денег. А это, в свою очередь, означало бы, что деньги постоянно выбрасывались бы на рынок и обостряли бы рыночные диспропорции. Таким образом, подрывая кредитную систему (всякими «перегибами» и «перегибиками»), мы получили бы в будущем году расширенное воспроизводство нынешних трудностей.

Следовательно, перегибами подрывается самая система кредита и товарность нашего хозяйства. Если прибегать к продразверсточным методам, то у середняцких масс теряется стимул расширять свое производство, выбрасывать большое количество товаров на рынок, товарооборот между городом и деревней будет сокращаться, т. е. мы с точки зрения перспективы развития проигрываем наверняка.

Но я здесь должен указать также и на то, что в теперешней обстановке имеется кое-что существенно новое по сравнению с прошлыми годами. Это новое мы должны внимательно проанализировать. Я хотел бы остановиться сперва на решениях XV съезда. Когда мы переходили к нэпу «всерьез и надолго» и потом, когда мы сражались с оппозицией, мы все время исходили из того, что новая экономическая политика никакой отмене не подлежит. И сейчас это положение остается: нэп никакой отмене не подлежит.

Но мы должны ставить вопросы «не вообще», а в применении к теперешнему времени. Мы, конечно, никогда не мыслили нэп таким образом, что мы отказываемся от воздействия на рыночную стихию. Все мы помним положение Ленина о том, что капитализм-то мы допускаем в определенных пределах, но что мы его регулируем, причем мера и глубина регулирования определяются нами, Советским государством. Мы знаем также, что новая экономическая политика сама в себе таит корни своего собственного преодоления, т. е. победы социализма. И вот, если мы так подойдем к решениям нашего XV съезда, то можем ли мы сказать, что XV съезд

партии только повторил XIV съезд или XIV партконференцию? Нет, мы этого сказать не можем. Мы говорили накануне XV партийного съезда, что нам необходимо повести политику форсирования нашего наступления на кулачество, политику решительного усиления социалистического сектора в деревне, потому что мы укрепили союз с середняком, мы укрепили командные высоты и т. д.[13] Но XV партсъезд дал отчетливые указания и по линии конкретных экономических форм и мер в этой борьбе. Внес XV съезд партии что-нибудь новое? Да, внес. Как можно формулировать это новое? Не в основе самой политики, не так, чтобы до XV съезда была одна политика, а после него — совсем другая. Новое, что внес XV съезд в нашу экономическую политику, приблизительно, грубо схематически (я подчеркиваю эту оговорку), нужно формулировать так, что XV съезд сделал известный, довольно крупный шаг в сторону усиления методов прямого регулирования, усиления борьбы с кулачеством, усиления коллективизации сельского хозяйства. XV съезд особенно подчеркнул *необходимость производственного кооперирования* крестьянского хозяйства, особенно подчеркнул значение контрактации для коллективизации сельского хозяйства, особенно подчеркнул необходимость классового распределения машин, необходимость ограничения аренды и ряд других вещей. Все это находит свое разумное обоснование в тех сдвигах, которые произошли в нашей стране за последние годы, сдвигах, усиливших позиции социализма (между прочим, этого точно так же не понимала покойная наша оппозиция).

Однако решения XV съезда не снимают, конечно, того положения, что базой отношений между городом и деревней, роста производительных сил в нашей стране является пока что *товаризация сельского хозяйства.* Проблема товаризации, конечно, еще не снимается. Мы должны сказать, что рост товарооборота между городом и деревней является положительным фактом и заслуживает нашей поддержки.

Или, скажем, снимается ли такой вопрос, как вопрос об индивидуальном трудовом накоплении в сельском хозяйстве? Нет, еще не снимается. Решения XV съезда нашей партии его не снимают, решения XV съезда нашей партии не ставят на этом вопросе крест, эти решения не говорят о том, что мы сейчас стоим против накопления

в индивидуальном трудовом крестьянском хозяйстве. Это было бы совершенной бессмыслицей. Однако уже сейчас, владея целым рядом все возрастающих у нас рычагов, *мы должны более солидно, чем до сих пор, более сильно, чем до сих пор, с гораздо большими затратами средств, энергии, материальных ресурсов и всего прочего повести линию на переход к коллективно-производственным объединениям в деревне.*

Две тенденции

В соответствии с этим нужно сказать, что мы сейчас можем прощупать две возможные тенденции. Одна тенденция — консервативная тенденция аппарата, который не видит нового, который считает, что XV съезд нашей партии — это то же самое, что XIV, что 1928 г.— это то же самое, что, скажем, 1925 г. С другой стороны, мы видим известную тенденцию к перелету, к игнорированию меры, к известному перескоку через те необходимые этапы, через которые мы неизбежно должны пройти. То, что я назвал консервативной тенденцией, тенденцией, которая сопротивляется новому, хочет, по сути дела, остаться даже за пределами того, что было до XV съезда, эта тенденция имеется у людей, которые не видят новой ступени в развитии самой новой экономической политики, не видят и не понимают новых возможных форм хозяйственного развития, не видят необходимости нажать на производственное кооперирование середняцкого и бедняцкого хозяйства, не видят необходимости форсированного наступления на кулака, не верят в возможность реального успеха в деле такого наступления. Хлебозаготовки выявили такую прослойку нашего аппарата, которая потеряла классовое чутье, не хочет ссориться с кулаком. Это — *полуобывательская идеология.*

С другой стороны, мы наблюдаем иногда и перелеты через определенные необходимые этапы, что выражается, скажем, в непонимании преходящего, условного характера экстраординарных мер. Иные думают, что эти меры являются почти что нормальными; имеется склонность отрицать важность роста индивидуальных хозяйств или переоцениваются вообще методы административного порядка, забываются иногда различные хорошие вещи, которые необходимо всегда помнить, например, о среднем крестьянстве. Усиление коллективизации некоторы-

ми понимается чрезвычайно примитивно, в результате чего «коллективы» организуются чуть ли не по разверстке. Есть сведения, что, заполучив денежки, люди их забивали в лжеколлективы, набирали в коллективы с бора да с сосенки, попадали туда и кулачки. Эти перелеты представляют собой крупную отрицательную величину, которая должна быть изжита.

Мы должны идти вперед, мы будем идти вперед, но нужно всегда иметь хороших вахтенных, чтобы сигнализировать опасность и своевременно принимать меры к ее устранению, потому что каждая катавасия внутрипартийного характера или хозяйственная обходится в копеечку и имеет крайне отрицательные — и экономические, и общеполитические — результаты.

Как не следует балансировать

Перехожу к вопросу о ближайших задачах нашей партии в этой области. Эти задачи в основном уже должны быть ясны из того, что я сказал.

Главное и основное в области хозяйственной политики, что для нас должно стоять в центре наших забот при определении наших планов на ближайший операционный хозяйственный год, это вопрос, как правильно сбалансировать основные хозяйственные элементы?

Как же в самом деле сбалансировать эти основные хозяйственные элементы?

В нашей стране имеется течение, которое мы держим под обстрелом, течение, идущее из кругов ученых специалистов народнического типа: Кондратьева [14], Вайнштейна [15] и др., в руках которых находился журнал Конъюнктурного института при Наркомфине [16].

Бюллетень этого Конъюнктурного института оценивал положение вещей таким образом, что все беды, мол, в нашей стране происходят от курса на индустриализацию: слишком быстрый темп индустриализации страны, не связанный, по мнению этих спецов, с реальным темпом накоплений во всей стране и в крестьянском хозяйстве, этот курс есть главный виновник всех бед и несчастий. Прямой вывод, который они делают из всего этого — необходимость дать отбой назад, пересмотреть генеральный курс на индустриализацию страны.

В последнем номере Бюллетеня Конъюнктурного института был помещен ряд статей, подписанных Кондратьевым и Вайнштейном и целым рядом других лиц, где они по разным линиям обосновывали такого рода анализ и соответствующие политические и экономические выводы. Я приведу выдержку из статьи Утца: «Из ведущего фактора оздоровления народного хозяйства она (наша промышленность.— *Н. Б.*) в возрастающей степени стала ведущим фактором новых осложнений и затруднений». Итак, все беды происходят от политики индустриализации.

Значит, делают они вывод, нужно сократить решительным образом темп индустриализации. Это с одной стороны. С другой стороны, тот же автор предлагает изменить курс на повышение заработной платы. Он говорит, что нужно уменьшить спрос, идущий в первую очередь от городского рабочего населения, и поэтому нельзя раздувать фонд заработной платы, нужно сократить заработную плату.

Другой автор, Вайнштейн, говорит, что нужно поднять цены на хлеб и поставить перед собой задачу развития хуторского землепользования. Вместо коллективов — хуторское землепользование.

Отмена курса на индустриализацию, отмена курса на повышение зарплаты, курс на снижение зарплаты и курс на повышение хлебных цен, в первую очередь для хуторских хозяйств,— вот их линия. Если рассматривать задачу балансирования отдельных элементов хозяйства как математическую задачу, можно сбалансировать по-разному, но только такое сбалансирование, которое предлагается Кондратьевым, Утцом и другими, будет означать не что иное, как решительный сдвиг от индустриализации страны в сторону окулачивания страны. Это абсолютно ясно. А в социально-классовом смысле это означает ослабление позиций рабочего класса, который урезывается и со стороны своей промышленной базы, и со стороны непосредственного количества материальных средств, которые он получает в виде заработной платы, и наряду с этим усиление экономической мощи верхушечных, наиболее зажиточных слоев нашей деревни. Это совершенно откровенная кулацкая программа, в результате которой соответствующий научный орган «приказал долго жить». Этот «метод сбалансирования», само собою разумеется, никак не может стать предметом дискуссии в нашей пар-

тии; он решительно отбрасывается ею. Я упомянул о нем здесь только для того, чтобы отметить самый факт выявления идейных позиций таких интеллигентских групп, которые, несомненно, выражают собою соответствующие интересы верхушечных, кулацких слоев нашей деревни.

Можно поставить вопрос об оппозиционном методе сбалансирования нашего хозяйства для выхода из тех затруднений, о которых я говорил: я разумею политику повышения цен на промтовары. Это есть тоже один из возможных методов сбалансирования, потому что если мы перейдем к политике высоких цен на промтовары, то мы для короткого промежутка времени получим плюс на нашей стороне в виде увеличения накопления, получим сокращение платежеспособного спроса на другой стороне.

В этом вопросе у нас с оппозицией глубочайшие расхождения, здесь лежит один из главнейших водоразделов, который проходил между нами и оппозицией. Мы должны, несмотря на наши хозяйственные затруднения, отвергнуть и этот метод сбалансирования, т. е. метод сбалансирования путем повышения цен на промтовары. Мы должны его отвергнуть потому, что мы тогда стали бы на путь монопольного загнивания нашей промышленности, мы поставили бы в затруднительное положение рабочий класс, способствуя этим снижению реальной зарплаты. Этот метод не только не означал бы шага вперед, но потащил бы нас в некотором отношении назад, к временам военного коммунизма. Мы рисковали бы при этом уменьшить товарооборот между городом и деревней и уничтожить побудительный стимул для нашей промышленности к снижению себестоимости и пр., не говоря уже о том, что мы укрепили бы положение зажиточных слоев деревни и ухудшили бы положение бедняцких и середняцких слоев. Значит, этот метод сбалансирования по всем этим причинам, о которых мы достаточно говорили уже во время нашей дискуссии перед съездом, мы точно также должны отвергнуть.

Правильный путь

Наш план сбалансирования заключается, во-первых, в повышении налоговых ставок на верхушечные слои, в улавливании тех неземледельческих доходов, которые у нас улавливаются до сих пор очень мало. Перед нами стоит задача увеличения пром-

товарной продукции. Несмотря на все трудности, которые эта задача на нас наваливает, для нас обязательно расширение предложения промтоваров, исходя из того, что у нас сейчас в деревне нужен не только миткаль, а и другие товары, в том числе товары, которые значатся не в отделе «Б», т. е. не в отделе производства предметов широкого потребления, но и в отделе тяжелой индустрии. Следовательно, необходимо расширение контингента направляемых в деревню промтоваров и переход, поскольку речь идет о широком товарном рынке, на рельсы другого ассортимента, ибо структура спроса со стороны деревни не та, что была раньше.

Необходимо добиться повышения эффективности наших капитальных затрат и достижения в меньший срок больших результатов. Нужно сказать, что по обследованию РКИ капитального строительства видно, что у нас значительные суммы капитальных вложений далеко не эффективно применяются. Усилить эффективность их применения, укоротить срок строительства новых промышленных предприятий и тем самым приблизить их непосредственное функционирование, целесообразно и своевременно использовать заграничное оборудование — является нашей крупнейшей задачей.

Наконец, нам необходимо сбалансировать основные элементы нашего хозяйства и по линии более правильного соотношения, и производственного и рыночного, между зерновыми культурами и техническими и продуктами животноводства. Эта задача общего характера, но важнейшая по существу. У нас еще статистика крайне слабо поставлена и на протяжении короткого, сравнительно небольшого отрезка времени, она дает различные цифры. Нам нужно крайне подтянуться для того, чтобы получить более достоверный материал и более достоверные цифры, но особенно нужно это сделать специально по линии промышленных товаров. Нам нужно озаботиться, чтобы за летнее время не уменьшался бы выпуск промышленной продукции и чтобы ко времени реализации урожая мы накопили бы определенный товарный резерв для маневрирования в хлебозаготовительной кампании.

Политические и организационные решения

Примерные подсчеты на будущий хозгод дают нам большую надежду, что это сбалансирование может удаться. Объективные основания для этого имеются. Нам необходимо принять, с другой стороны, ряд организационных мер по линии подготовки к будущей хлебозаготовительной кампании. Точные решения по этому вопросу содержатся в резолюции. Главное мероприятие, которое там указано, идет по линии образования единого государственного заготовительного аппарата. Создается соответствующая организация, которая объединяет различные республиканские организации вместе с бывшим Хлебопродуктом в одну большую организацию — Союзхлеб [17]. Точно устанавливаются соотношения между другими организациями второстепенного порядка и этим универсальным заготовителем хлеба. Главная суть заключается здесь в том, чтобы парализовать те отрицательные стороны, которые резко проявились в текущую заготовительную кампанию (преимущественно раздробленность фронта заготовителей и конкуренция между ними) путем организации единого центра, путем единства заготовительных операций.

Хлебозаготовительная кампания, безусловно, взбудоражила деревню. Она улучшила наши отношения с беднотой, ослабила кулака, в общем и целом удержала нас в крепком союзе с середняком, но верхушка последнего сейчас, безусловно, до известной степени нами не довольна. Нам нужно выравнять наши отношения с середняцким крестьянством до конца. Нам нужно использовать пробужденную активность бедняцких и середняцких слоев деревни, чтобы дальше вести нашу атаку против кулачества. Нам необходимо во что бы то ни стало усилить нашу массовую работу. Нам необходимо закрепить позиции бедноты и продвинуться дальше. Необходимо дальше укреплять наш союз с середняком.

Нам необходимо помнить, как говорит резолюция, принятая пленумом ЦК, что «экстраординарные» меры должны быть ликвидированы постольку, поскольку исчезают трудности данной хлебозаготовительной кампании. Разумеется, что если бы мы опять попали в такое положение, мы не откажемся от экстраординарных мер. Однако центр тяжести хлебозаготовительной работы лежит

в том, чтобы в будущий операционный хозяйственный год мы вошли с наилучшей общехозяйственной обстановкой. Если этих наилучших условий и правильного сбалансирования элементов народного хозяйства нам удастся достигнуть, а мы имеем основания надеяться на такую удачу, то нам не понадобятся «экстраординарные» меры, какие понадобились в текущем хозяйственном операционном году.

Итак, в чем политический результат и ближайшие задачи? В том, что мы деревню встряхнули, что бедноту усиленно организуем, что на кулака нажали, что сейчас приступили в гораздо большей степени, чем до сего времени, к строительству различных форм коллективного хозяйства в деревне; в том, что мы сейчас изо всех сил должны продолжать нашу посевную кампанию, изо всех сил должны продолжать нашу строительную работу в деревне и всячески ее усиливать, что союз с середняком отнюдь не потерял того огромного значения, которое он имел раньше, в особенности ввиду того, что мы не только должны здесь повторять старое, но должны постепенно делать новые шаги вперед, чтобы середняцкое крестьянство постепенно, в меру целесообразности, в меру средств и сил, в меру показа настоящего коллективного хозяйства вводить точно так же в русло производственного кооперирования, не говоря уже о всерастущей необходимости строить кооперацию вообще,— и потребительскую, и сельскохозяйственную.

Вот, товарищи, задачи, которые вытекают из уроков хлебозаготовок и которые в общем и целом встали перед ЦК и были им разрешены.

Позвольте мне перейти ко второму вопросу объединенного пленума ЦК и ЦКК.

II. Шахтинское дело [13]

Шахтинское дело, конечно, имеет значение не только для Донбасса, это есть дело общесоюзного размаха и общесоюзного значения. И точно так же, как исходя из конкретных фактов в вопросе о хлебозаготовках, ЦК должен был обсудить важнейшие вопросы нашей внутренней политики, так же, исходя из шахтинского дела, мы неизбежно пришли к постановке крупнейших вопросов нашей рабочей политики, нашей

политики по отношению к технической интеллигенции, нашей внутрипартийной и нашей профсоюзной политики и т. д. и т. д.

Что произошло в Донбассе?

Я постараюсь остановиться на самых важных и на самых основных моментах. Органы ГПУ при помощи рядовых рабочих раскрыли в Донбассе вредительскую организацию, которая через ряд посредствующих звеньев была связана с иностранным капиталом, с крупными иностранными капиталистическими организациями, с эмигрантскими кругами, наконец, с военными штабами некоторых иностранных держав. Она состояла в значительной мере из бывших собственников соответственных шахт и рудников, причем некоторые из них имели очень гнусный контрреволюционный стаж и осели, работая в качестве спецов, в наших учреждениях. Она состояла из белогвардейских инженеров и техников, из которых многие оказались бывшими деникинцами, некоторые бывшими контрразведчиками Деникина. Она имела свой центр, своих людей в Москве, Харькове и ряде других городов. Она имела связь через некоторых иностранных инженеров с заграницей, причем некоторые из этих инженеров оказались членами фашистских организаций, в частности организации германского Стального шлема [19].

Идеологией этой организации являлось свержение Советской власти, восстановление капиталистического режима, в частности, передача Донецких рудников бывшим шахтовладельцам. Ближайшей их задачей была решительная спекуляция на войне и на новой интервенции. Все это стало известно из показаний некоторых арестованных, так называемых спецов и инженеров. Некоторые из арестованных инженеров говорили, что их организация пережила несколько этапов в своем развитии и что последний этап связан с нажимом на Советский Союз со стороны капиталистических держав. Свержение Советской власти с этого времени стало почти официальной платформой этой организации.

Действия и средства этой организации были самые различные. Саботаж в самых различных видах и формах. Заказы по негодным планам совершенно несоответствующего оборудования, выпуск не того оборудования, кото-

рое нужно; перестановка его: станки с одной фабрики увозятся на другую, а там эти станки оказываются непригодными; закрытие рентабельных шахт, приносящих большую пользу, и открытие нерентабельных шахт; нерациональное распоряжение материальными ресурсами, оборудованием, рабочей силой, техникой и т. д. Все это, так сказать, наиболее мягкие формы. Более свирепые формы — сознательная порча и затопление шахт, порча заводов, непосредственная разрушительная деятельность вплоть до взрыва турбин. Гнусное и провокационное отношение к рабочим, нарушение не только всех кодексов законов о труде и проч., но и часто прямая политика провоцирования конфликтов.

Это значит, что и по отношению к новому строительству, и по отношению к плану, и по отношению к физическому существованию машин и средств производства, и по отношению к живой рабочей силе,— по всем областям, в которых можно вредить делу советского социалистического строительства велась подкопная подрывная «работа», причем все это прикрывалось так называемым хорошим отношением к коммунистам, т. е. очень часто была смычка с хозяйственниками, верхушкой профсоюзников и коммунистов, которая усыпляла классовую бдительность наших работников. Фактически эти люди водили наших хозяйственников, профработников, коммунистов — верхушку их — в буквальном смысле за нос.

На что обратить сугубое внимание

Я уже не говорю о том, что не исключена возможность существования организаций, подобных этой, в других областях; нет гарантии, что такая гнусность не завелась в военной промышленности или в химической; хотя прямых данных для этого предложения нет, но во всяком случае это не исключено. Но самое поразительное, на что мы должны обратить сугубое внимание, это то, что, несмотря на существование такой организации, Донецкий бассейн за последнее время все рос и рос, достигая рекордной цифры в своем производстве. Работая в невероятно тяжелых условиях, когда административные верхушки и командующие техники, во всяком случае многие из них, находились в стане врагов, рабочие на фронте производственно-классовой борьбы делали все, что могли. И Донецкий бассейн рос,

приобретая все большее значение как огромная производственная единица в нашей стране, давая рекордные цифры своей производительности. Это, первое, обстоятельство говорит о глубоком, неисчерпаемом запасе революционных сил пролетариата.

Второе отрицательное, сугубо отрицательное, обстоятельство заключается в том, что в течение целого ряда лет эта шайка действовала и в течение ряда лет наши хозяйственные и профсоюзные органы не заприметили существования этой организации. Больше того, рабочие, обыкновенные рядовые рабочие 20 тысяч раз говорили партийным, профсоюзным, советским организациям, что дело неладно; на этой почве был целый ряд конфликтов и все же, несмотря на то, что рабочие тысячу раз поднимали тревогу, несмотря на это, партийные, советские и профессиональные организации, а также хозяйственники оказались тупы, глухи и преступно небрежны по отношению к рабочим, которые указывали на эту опасность. Вот две вещи, которые сразу вырисовываются перед нашими глазами.

Какие вопросы ставит шахтинское дело?

Это дело ставит — как я об этом говорил — крупнейшие вопросы. Прежде всего ставится вопрос об отношении между партией и беспартийной массой, об отношении между беспартийными рабочими массами и профессиональными организациями, об отношении между профессиональными организациями и хозяйственниками, об отношении между партией, профессиональными союзами и хозяйственниками и т. д. Все эти вопросы, не говоря уже о специальном вопросе, а именно вопросе об отношении к технической интеллигенции, имеют огромное значение. В самом деле, что говорит шахтинское дело, если посмотреть в корень? Оно говорит, что вся система приводных ремней — массы, класс, профсоюзы и советы, партия — была нарушена. Налицо был отрыв партийной организации от рабочих масс, профсоюзной организации от беспартийных рабочих масс и хозяйственников от этих рабочих масс. Ведь нужно же действительно совершенно оторваться от жизни рабочего, чтобы проглядеть все безобразия, обнаружен-

ные нашей комиссией, которая в составе Томского [20], Молотова [21] и Ярославского [22] работала там перед пленумом ЦК. Из докладов этих товарищей с полной ясностью обнаружилось, что нужно было быть геройски настроенными рабочими Донецкого бассейна, чтобы выносить все то, что пришлось им вынести.

Начну с партии. В ряде обследуемых мест партийные органы потеряли классовое чутье по отношению к технической интеллигенции. На бытовой почве отдельные члены партии срослись или полусрослись со спецами, местами создался ненормальный зажим внутри партийной организации. Это можно иллюстрировать следующим сообщением из доклада тов. Ярославского: «На собрании актива Славянской парторганизации 22 марта во время прений по докладу тов. Мышкина о решениях ЦК ВКП(б) об Артемовской организации в президиум посыпались записки, в которых спрашивали — можно ли в выступлениях касаться отдельных ячеек и хозяйственников? Затем вышел один товарищ и, обращаясь к собранию, сказал: „Вот мы теперь говорим, а почему мы раньше молчали?". Все собрание, свыше 500 человек, отвечало: „Говорить не давали, зажимали рот"». Нельзя было говорить ни о каком-либо хозяйственнике, ни о какой-либо ячейке. Во главе Артемовской организации стояла кучка переродившихся коммунистов, которые проделывали всяческие безобразия, от пьянства до насилий над женщинами. Вот вам организации! Ну, если такие явления существуют внутри партийной организации, то совершенно естественно, что это же распространяется и дальше. Может ли такая организация быть авторитетной и среди беспартийных рабочих масс и среди профсоюзноорганизованных масс?

Пример № 2 из того же доклада Ярославского: «...как правило, партийные собрания были менее активны, чем беспартийные, и менее содержательны. На них чувствовался большой зажим. Партийцы не освободились еще от настроений, которые были созданы продолжительным хозяйствованием артемовской партийной верхушки. Беспартийные собрания были не только более активны, они выявляли значительный интерес беспартийных рабочих к задачам нашего строительства и искреннее желание исправить недочеты. Эти же собрания обнаруживали, что беспартийные массы очень хорошо осведомлены об отрицательных сторонах партийных организаций и очень мало

знают о положительных сторонах партийных организаций»!

Если такая структура сложилась внутри партийной организации, то естественно было и соответствующее отрицательное влияние на беспартийную массу. И тем не менее, говоря словами доклада товарища Томского, шахтинские события, все ошибки нашей организации не подорвали авторитета партии и Советской власти в глазах рабочих-горняков. Они горячо и сознательно любят производство, искренне и безгранично их доверие к ВКП(б) и Советской власти. На этом, на доверии к центру, на доверии к партии вообще и жили в течение ряда лет.

Дальше, профсоюзы. Все наши обследования, произведенные членами ЦК и ЦКК, установили вопиющие факты не только по линии вредительства, но и по отношению к рабочему классу. Нормы, регулирующие положение рабочего класса, и в смысле рабочего дня, и в смысле зарплаты, и в смысле непосредственного быта, и в смысле охраны труда и прочее, были опрокинуты. Я не могу здесь перечислять отдельные случаи, иногда вопиющие и совершенно возмутительные. Спрашивается, где же были профсоюзы? Ясно, если партийная организация находилась на таком уровне, то соответствующим образом действовали и профсоюзы. Они тоже закостенели, в значительной степени оторвались от масс и, получив подкрепление у переродившихся верхушечных организаций партии, не развили должной активности. Что же касается наших хозяйственников-партийцев, то они оказались, как это видно из всех обследований, совершенно в плену у специалистов-вредителей.

Шахтинское дело и необходимость самокритики

Тов. Сталин[23] в своей речи на пленуме выставил совершенно правильное тактическое положение, что сейчас мы твердо должны зарубить себе на носу необходимость самокритики; мы не должны зажимать и неумелую критику, потому что и в неумелой критике частью заключено здоровое зерно, а требование, чтобы каждая критика оказывалась верной на все сто процентов, означает удушение всякой критики. Надо двигать дело самокритики энергичнее. Только таким путем мы можем сломить то закостенение, которое проникло в

некоторые звенья нашего аппарата, приносит нам огромнейший вред и грозит поссорить нас с широкими массами. Нам нужно также обратить сугубое внимание на профсоюзы, на их работу. По шахтинскому делу ЦК разработал ряд мероприятий, которые я не буду здесь повторять, так как они всем уже известны из газет.

Одно только нужно особо подчеркнуть. Надо обратить максимум внимания на наши профсоюзы, ибо это самая широкая рабочая организация. Она сейчас меняется в своем составе. Недавно было обследование металлических заводов Украины. Что же оказалось? Оказалось, что иногда процент текучести рабочих доходит до 50 и даже до 80. Это значит, что у нас даже на крупных и крепких производственных единицах, в силу целого ряда причин, о которых я не буду здесь говорить, появляются новые пласты рабочих. Некоторые удивляются, высчитывая количество старых большевиков, которые вступили в партию до 1905 года, и ахают, что процент их падает. Но как же ему не падать, раз люди не могут жить вечно. То же и с рабочим классом. Нельзя же думать, что состав рабочего класса будет все тот же, как и 30 лет назад,— это абсолютный идиотизм. Рабочий класс будет вербоваться и из деревенщины, и из служащих, и из безработных. Наша задача заключается не в том, чтобы поставить здесь перегородку. Не в этом наша задача. Что это есть «охвостье» и «дрянь» рабочего класса — так нельзя ставить вопрос. Наша задача заключается не в том, чтобы отгородить себя и успокоиться, а в том, чтобы переработать по-пролетарски и по подобию своему новые слои рабочего класса.

А профсоюзы, несмотря на то, что мы до сих пор кричим, этой задачи удовлетворительно не разрешают. Имейте в виду, что если бывает разрыв между коренниками-рабочими и верхушкой парт- или проф- или соворганизаций, то между новыми слоями рабочих и верхушкой разрыва будет в десять раз больше. И понятно почему. Тут надо сделать какое-то совершенно исключительное усилие, чтобы разбить бюрократическую коросту в наших профсоюзах, заставить их действовать более энергично. И должен сказать, что тут нужно немножко расширить самокритику. От нас зависит провести в жизнь эту критическую струю, заставить работников профсоюзов шевелиться. Это мы в силах и обязаны сделать, потому что если мы не сделаем, будем вредить себе, будем сами

в хвосте гнусных вредителей рабочего дела в советской республике.

Хозяйственники. Из всех обследований, которые были нами сделаны, из всего совокупного материала, представленного различными органами, как я уже говорил, вытекает, что хозяйственники очутились на побегушках у буржуазных специалистов. И здесь директивы ЦК идут по двум линиям: во-первых, по линии увеличения прав хозяйственников по отношению к техническим директорам; а во-вторых, по линии повышения квалификации наших хозяйственников. По линии повышения технической квалификации, ЦК счел необходимым дать директиву нашим хозяйственникам, чтобы они обучались тому производству, в котором они работают, обогащали свою практику, больше занимались самообразованием. Кроме того, ЦК дал директиву об ускоренной подготовке наших собственных техников и наших собственных специалистов через высшие школы, через заграничные командировки и пр. и пр. Разработанные детали этого вопроса вы найдете в принятой резолюции ЦК по шахтинскому делу.

Укрепление пролетарской демократии

Дух, которым проникнута соответствующая резолюция, состоит в развертывании пролетарской демократии, производственных совещаний, в усиленном внимании к рабочему изобретательству, в отмене всяких нарушений наших правил, наших законов о труде и прочее, в заботах о мелочах, в орабочении наших аппаратов [24]. Это и есть та основа, на базе которой строится резолюция ЦК.

Товарищи, шахтинское дело является крайне ярким делом. Оно является крайне ярким делом особенно потому, что здесь непосредственно замешан иностранный капитал. Вы знаете, что после того, как мы арестовали несколько инженеров-иностранцев [25], против нас началась свирепейшая атака в Западной Европе. У нас резко ухудшились отношения с Германией. Против нас усилилась неистовая кампания за границей, увеличились попытки финансово-экономического бойкота и т. д. Но я, товарищи, должен отметить еще и другую сторону шахтинского дела. Звезда, гнусная звезда шахтинского дела находится в целом созвездии гнусных дел, которые заставляют нас кое над чем задуматься. У нас было рязанское дело,

о котором говорил т. Молотов на XV съезде партии[26], было артемовское дело, о котором я упомянул, где отдельные партработники насильничали над женщинами, пьянствовали и т. д. У нас недавно вскрылось сочинское дело, где во главе обвиняемых стояли участники гражданской войны (я сам видел одного, который потерял ногу в гражданской войне, но который вместе с другими собутыльниками дошел до того, что секретарь комсомольской ячейки в порядке угождения начальству поставлял ему комсомолок). У нас было воронежское дело, где организовалась воровская нелегальная акционерная компания, которая занималась, в буквальном смысле, разворовыванием казенного имущества. После реализации складывали деньги в общую казну и имели паи, причем в шайке была связь и с парторганизацией.

Повторяю, если бы было больше самокритики, больше действительной демократии внутри партии, то такие прохвосты не гнездились бы так долго. Поэтому вся вместе взятая обстановка властно требует самокритики, большей внутрипартийной демократии, меньшего назначенчества. В то же время она требует от нас решительного поворота партийной организации в сторону интенсивной работы среди широких масс, в сторону развития не только партийной, но и профсоюзной демократии, в частности, подбора и выдвижения новых людей, чтобы не стала образовываться бюрократическая короста. Все это необходимо проделать. Отчасти в связи с этим Центральный Комитет вынес особое постановление относительно рассылки членов Центрального Комитета и Политбюро ЦК, а также наркомов и других центральных работников Советской власти на работу на места сроком от 1 1/2 до 2 месяцев каждый год. Так как это не какое-нибудь место в речи, а официальная резолюция пленума ЦК, то, мне кажется, есть достаточная гарантия того, что это решение будет выполнено.

И в хлебозаготовках, и в шахтинском деле не шибко много светлых моментов. Но нельзя ни на минуту забывать, что и наши затруднения с хлебозаготовками, и наши затруднения такого типа, каким является шахтинское дело, происходят на базе быстрого, теперь всеми признаваемого, роста. Это не признак отступления или невозможности победоносного продвижения вперед или какой-то обреченности или невозможности дальнейшего существования без государственной помощи западно-европей-

ского пролетариата и т. д. Все это неправда. В наших руках могучие рычаги дальнейшего строительства и воздействия на широчайшие массы. Мы имеем в своих руках средства исключительной силы для постройки хозяйственной, культурной и политической жизни нашей страны. И лишь благодаря нашей общей некультурности и ряду неувязок в нашем собственном организме, мы то слишком забегаем вперед, то накреняемся на одну сторону, то обнаруживаем у себя под боком огромные провалы. Но во всяком случае мы идем вперед!

Если партийная организация под руководством ЦК твердой рукой исправит недостатки, которые были вскрыты двумя крупнейшими делами, то не может быть никакого сомнения, что по линии хозяйственного строительства, по линии консолидации сил рабочего класса, по линии укрепления нашего союза с середняцким крестьянством, по линии организации бедноты и беспощадной борьбы с кулачеством — наша партия будет идти к дальнейшим победам.

ТЕКУЩИЕ ЗАДАЧИ КОМСОМОЛА

Доклад на VIII Всесоюзном съезде ВЛКСМ[1]

6 мая 1928 г.

ВВЕДЕНИЕ

Товарищи! На XIV партсъезде в докладе о комсомоле я, между прочим, определял положение таким образом, что между рабочим классом и его классовыми врагами идет борьба за влияние на молодежь[2], на новое поколение рабочего класса и крестьянства. За сравнительно короткий срок, прошедший с XIV съезда, это положение получило значительное подтверждение.

Настоящий съезд комсомола происходит в такое время, когда борьба за молодежь, борьба между рабочим классом и нашей партией, с одной стороны, и всеми нашими противниками — с другой, несомненно обострилась. В книжке, которая написана к десятилетию пролетарской диктатуры правым меньшевиком, литературным лидером самых отъявленных, ярко-желтых ренегатов социалистического движения, *Ст. Ивановичем*[3], одна из

основных ставок поставлена на завоевание «ими» молодежи или, что то же, на разложение ее кадров. Ст. Иванович в своей книжке строит целую теорию, которая должна доказать «неизбежность» гибели пролетарской диктатуры. Одним из моментов этой теории является следующая мысль: в Октябрьской революции, во время гражданской войны, во время столкновения с могучими силами противника, старым кадрам коммунистической партии удалось сколотить крепкую централизованную организацию. Однако старые партийные кадры, которые закалились в неустанной борьбе против буржуазии, в изнурительной тяжелейшей работе быстро снашиваются, физиологически ветшают и, наконец, вымирают. Перед ними встает вопрос о создании «смены». Но вся трагическая безвыходность положения для коммунистической партии и ее дела,— рассуждает Ст. Иванович,— заключается в том, что в условиях теперешней советской действительности *не может* быть воспитана настоящая большевистская смена. Ст. Иванович полными мелочной злобы и животной ненависти к нашей партии словами расписывает, каким образом физически вымирает старая партийная гвардия. Констатировав этот непреложный факт, автор, «спеша и задыхаясь», умозаключает, что молодежь, которая растет в новых условиях, либо физически и умственно вырождается, либо превращается в силу, враждебную боевому большевизму, а следовательно, враждебную пролетарской диктатуре. Таким образом, различие условий воспитания старой партийной большевистской гвардии и молодого поколения неизбежно, по мнению злопыхательного памфлетиста из бывших людей [4], подтачивает основы всего нашего движения.

Другой пример. Не так давно в «Социалистическом вестнике» была помещена статья *Гарви* [5], тоже правого меньшевика, злостного противника СССР. Этот автор констатирует, что в Советском Союзе за последнее время среди молодежи имеется известный «отход от политики». Молодежь поголовно увлечена культурной, экономической, технической и всякой другой работой. Он этот процесс изображает, как естественный процесс, через который «молодежь» (Гарви почти не видит различных классовых прослоек среди молодежи) придет к новой, но уже *меньшевистской*, политической установке, направленной своим острием против пролетарской диктатуры, против господства коммунистической партии в нашей стране.

Таким образом и «официальный» меньшевизм ставит свою ставку на молодежь.

Если вы возьмете отсеченные и отколовшиеся от нашей партии группировки, в первую очередь троцкистскую оппозицию, то нетрудно будет увидеть, что и она в течение ряда лет ставила ставку именно на молодежь. Не так давно было опубликовано в «Правде» письмо от одного из бывших троцкистов, тов. Антонова-Овсеенко[6]. Этот товарищ, между прочим, пишет, что он пришел к такому заключению, что *уже в 1923 году* у Троцкого был план создания новой, враждебной историческому большевизму партии, с опорой на новое поколение, в первую очередь на студенческую молодежь.

Внутри нашей страны мы имеем также ряд других противников, которые активно работают среди молодежи. Церковные организации, за спиною которых стоят христолюбивый лабазник, кулак, верующий частник, «крепкий хозяин», бай, сектантские общины и т. д.— все они тянутся своими щупальцами к молодежи. Совершенно естественно и понятно, почему эти группы, начиная с самых злобных, махровых, густопсово-черносотенных наших врагов и кончая изгоями нашей собственной партии, апеллируют к молодежи. Ответ дан ходовой фразой: «молодежь — наше будущее». От того, что будет представлять собой «смена», зависит в первую очередь дальнейшая судьба нашей революции.

В этом нет ровно никакого преувеличения или «красного словца». Уже Маркс и Энгельс прекрасно понимали решающее значение *переделки людей*.

«Как для массового порождения... коммунистического сознания, так и для выполнения самого дела необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, *в революции*; следовательно революция необходима не только потому, что нельзя никаким иным способом свергнуть *господствующий класс*, но и потому, что *свергающий* класс может только в революции очиститься от всей грязи старого общества и стать способным создать новое общество» («Архив», кн. 1, стр. 226/227)[7].

Понятно без дальних объяснений, что если вместо массовой переделки в духе коммунизма мы будем иметь рост «грязи старого общества» среди молодежи, то революция будет похоронена под радостные взвизгивания меньшевиков, черносотенных зубров, цивилизованных

банковиков и дипломированных лоботрясов всех стран, народов и мастей.

Вот почему нам нужно эту проблему со всей остротой поставить перед собой, вот почему, мне кажется, ваш съезд должен откликнуться на все главные вопросы, связанные с борьбой за новые кадры молодых рабочих и крестьян, за их действительно коммунистическую переделку.

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОМЕНТА И ОБОСТРЕНИЕ БОРЬБЫ ЗА МОЛОДЕЖЬ

Мы сейчас вступили в такую полосу нашего исторического развития, когда налицо обострение международных отношений. Освещение этой темы не входит в задачу моего доклада, но это обострение достаточно ясно и видно каждому из вас. Внутри страны в области нашей главной, хозяйственной, работы мы перешли к строительству новых крупнопромышленных предприятий, мы вошли в так называемый реконструктивный период, когда, залечив старые раны, мы строим уже на новой базе, начинаем свое внутреннее развитие «на своей собственной основе»[8], *переходим* рамки того наследства, которое нам оставлено от буржуазного режима. В области сельскохозяйственного производства мы в настоящее время уперлись в острую постановку вопроса о переходе к производственному кооперированию сельского хозяйства.

Эти задачи — задача промышленной реконструкции и задача производственного кооперирования деревни — предполагают гораздо более сильное вовлечение в процесс хозяйственного строительства широких масс, в том числе рабочей и крестьянской молодежи. Эти же задачи ставят перед нами проблему *реконструкции всей рабочей силы в нашей стране*, т. е. воспитания ее на новых основах, которые соответствовали бы тому техническому перевороту, к которому мы приступаем. Они предполагают точно так же создание нового кадра *руководителей*, новых специалистов из рабочего класса, из крестьянской бедноты и т. д.

Но наряду с реконструкцией хозяйства и техническим переворотом мы должны неизбежно ставить перед собой — ибо первая задача не может быть без этого ре-

шена — и задачу *переделки всего нашего массового людского состава*, вовлекая его еще более решительно и энергично в дело социалистического строительства и управления страной. Все эти задачи нашего социалистического строительства, вопросы реконструкции промышленности, вопросы кооперирования сельского хозяйства *не могут быть ни оторваны, ни противопоставлены задачам классовой борьбы*. Совершенно неправильно и теоретически и практически считать, что, скажем, задача постройки новых заводов, это — одно, а классовая борьба с остатками капитализма или с его новыми ростками, это — другое. Точно так же совершенно неправильно думать, что борьба в деревне с кулаком, это — одно, а кооперирование вообще и производственное кооперирование крестьянства в особенности, это — другое. Так разделять, так разрывать эти задачи, отдирать их друг от друга или противопоставлять их одну другой абсолютно неправильно ни теоретически, ни практически. Поскольку мы строим нашу социалистическую промышленность, постольку мы вытесняем нашего классового противника. Поскольку мы кооперируем крестьянство, в особенности поскольку мы кооперируем его на производственной основе, постольку мы *тем самым* ведем по самой главной, основной, решающей линии нашу классовую борьбу с кулачеством. Поэтому задачи нашего социалистического строительства и в городе и в деревне не могут быть отделены от задач нашей классовой борьбы. Мы должны нашу классовую борьбу, если так можно выразиться, «экономизировать», должны пропитать ее духом хозяйственного строительства. И, наоборот, наше хозяйственное строительство мы должны пропитать духом классовой борьбы. Только понимание увязки этих двух сторон общественного процесса: классовой борьбы, с одной стороны, и нашего хозяйственного строительства — с другой, только понимание того, что это есть две стороны *одного и того же наступления* со стороны рабочего класса на хозяйственного (т. е. и на *классового*) противника, есть настоящее, действительно марксистское, действительно ленинское понимание тех задач, которые перед нами стоят. Отсюда следует, например, такого рода важнейшее положение, что мы не смогли бы и не сможем сплачивать сил рабочего класса, не подводя хозяйственного базиса под рабочий класс. Не строя новых фабрик и заводов мы не можем собирать в нашей стране все возраста-

ющие массы пролетариата. Не кооперируя крестьян, не способствуя организации крестьянской бедноты и крестьян-середняков в области хозяйства, мы не можем сплачивать этих сил против кулачества «всерьез и надолго». Поэтому у нас постоянно должна быть увязка между нашим хозяйственным строительством, подъемом материального благосостояния рабоче-крестьянских масс и социальной мощью рабочего класса, а равно и его ближайших деревенских союзников. Таков тот экономический и в то же время социально-классовый фон, та общая картина в нашей стране исходя из которой мы должны решать очередные задачи комсомольской организации.

II. ГДЕ КЛАССОВЫЕ ВРАГИ И «ВНУТРЕННИЕ ВРЕДИТЕЛИ»?

В нашей комсомольской печати сейчас часто ставится вопрос: где наш классовый враг? Обострение классовой борьбы за молодежь, вызванное наступлением пролетариата, уже в достаточной степени расшифровало этого классового врага. Этот классовый враг гнездится в различных окопах и траншеях, а иногда стреляет «в упор». Когда за последнее время мы наблюдаем снова ряд убийств комсомольцев, когда кулачье хватается кое-где за обрез и пускает пулю вдогонку молодым товарищам, стоящим на посту,— а такие выстрелы прогремели уже в нескольких местах,— то тут вряд ли стоит даже задавать вопрос: «Где классовый враг?» Кулацкие громилы достаточно красноречиво говорят сами за себя, и вырвать их свинцовый язык необходимо во чтобы то ни стало.

Само собой разумеется, что в связи с трудностями в деле хлебозаготовок, в связи с различными экстраординарными мерами, которые нам приходилось применять,— а эти меры были абсолютно необходимы,— заострение борьбы против диктатуры рабочего класса со стороны кулацких элементов, недовольство верхушки середняков и некоторых ее прослоек дает себя знать. Само собой разумеется, что необходимо поэтому всемерно усилить работу среди бедноты и батрачества, вновь и вновь крепить союз с середняком, систематически изолируя кулачество. Само собой разумеется, что лишь постоянной и длительной работой можно добиться здесь прочных и

решающих успехов. Но при этом нельзя спускать ни одного случая кулацких выступлений. За всякое попустительство кулацким убийцам необходима суровая кара и суровое возмездие.

Итак, *здесь* классовый враг налицо во всей своей откровенной классовой наготе. Одно время он прятался и скрывался. Наше наступление на капиталистические элементы обострило его сопротивление, наше наступление до известной степени даже сплотило ряды противника. Еще Маркс в общей форме говорил, что «партия революции сплачивает партию контрреволюции»[9]. А в наших условиях, в условиях пролетарской диктатуры, это положение приобретает оригинальную форму, но все же оно остается правильным.

Такова наиболее обнаженная и наиболее злобная физиономия врага. У нас есть однако целый ряд замаскированных форм существования и активности нашего классового противника: я говорю здесь не об идеологических *течениях*, а об *организациях* в деревне и в городе, организациях, легально существующих. Таковы, например, церковные и сектантские организации.

Величайшей глупостью с нашей стороны было бы, если бы мы видели церковь и церковные организации (христианские, иудейские, магометанские и всякие иные) такими, какими они были до революции. Они действуют сейчас совершенно *по-другому*.

В настоящее время происходит спешная, лихорадочная «модернизация» церкви, т. е. приближение к «современным», более «передовым», если так можно выразиться, формам работы. Если православный «батюшка» стрижет свои локоны, а раввин — свои пейсы, то это является лишь символическим выражением больших перемен в области всех форм «работы» этих сословий. Это «оживление» сопровождается известным успехом. В текстильном районе, например, даже рабочие подчас строят церкви, собирают на них деньги. В Крыму усилилась деятельность мулл. Магометанское духовенство решилось на такой шаг, как допущение женщин в мечеть,— совершенно неслыханная прежде вещь! Здесь теперь читают «лекции» относительно нравственной жизни, отношений между полами по Корану и т. д. «Духовные» объединения почти повсеместно пользуются такими методами, как организация школ кройки и шитья для женщин, проповедуют вред алкоголизма и курения. Отбирая таким об-

разом часть *нашей* культурной работы, они наматывают ее на свою религиозную катушку и таким образом, будучи организациями противника, постепенно пытаются «хорошими средствами» заработать себе очень плохой — с нашей точки зрения — политический капитал. Сектантские организации за последнее время тоже выросли. Даже в Ленинграде, в городе с самым передовым рабочим классом в мире, даже здесь констатируется несомненный рост сектантского движения. Отдельные корреспонденции дают понять, что за последние годы значительно усилился охват сектантскими организациями *рабочей* молодежи. Мы полагали, что комсомол — единственная организация молодежи в нашей стране. Существует, однако, целый ряд сектантских организаций, которые объединяют в своих рядах *примерно столько же, сколько и комсомол*. При этом данные о составе сектантских организаций очень показательны. В Сталинграде, например, процент рабочих в них равен 60—70. Все эти «баптомолы», «христомолы»[10], «союз верующих молодых людей» и т. д. объединяют большой слой молодых рабочих и крестьян.

Большинство *сектантских* организаций, работающих и среди взрослых и среди юношества, ведут борьбу против употребления спиртных напитков, курения, против употребления всяческих «истинно русских» словец. (*Смех*). Понятно, что этим они часто притягивают к себе и в городе, и в деревне *далеко не самые плохие элементы* среди молодежи и в особенности среди женской части рабочего класса, среди девушек-работниц, крестьянок и т. д. Из этого необходимо сделать некоторые крупные *выводы для работы комсомольской организации*, но на этих выводах я остановлюсь во второй части своего доклада.

Конечно, под сенью религиозных организаций собираются иногда в некоторых местах давнишние заклятые и самые лютые враги рабочего класса. Например, костромское общество трезвенников имеет чуть ли не старую программу «союза русского народа»[11] и, несмотря на это (вот что означают «общие условия пролетарской диктатуры»), работает среди безработных, вынуждено прикидываться другом трудящихся, оказывать материальную помощь и с *этого* конца зазывать в свою лавочку. В некоторых сектантских организациях, например, у адвентистов в Москве и Московской губ., приютились

и бывшие жандармы и бывшие господа военные, которым осталось надеть на себя смиренное обличие, чтобы отсидеться. Они забрались в глубокие лисьи норы, эти господа!

Все эти организации нельзя, конечно, стричь под одну гребенку. Они имеют различное значение, опираются на различные классовые группировки, обладают различным кадровым составом, имеют разные общеполитические установки. Их нельзя рассматривать сплошь как одно единое целое, поэтому нельзя по отношению к ним применять одни и те же методы борьбы. Мы имеем, например, по-настоящему организованные коллективы почти без применения наемного труда, но с религиозной окраской,— о них рассказал мне тов. Трейвас[12]. А наряду с ними есть *лжекооперативные* объединения под религиозной вывеской, которые являются эксплуататорскими организациями, кадровый состав которых иногда набит кулачьем и густопсовыми черносотенцами. Поэтому соответствующим образом необходимо варьировать и наш подход к подобным организациям.

Вот вам, товарищи, вторая рубрика различных организаций нашего классового противника, начиная с таких, которые политически почти лояльны, вплоть до крайних и наиболее озлобленных политических врагов.

Перейду к третьей рубрике наших классовых противников. Я имеют здесь в виду враждебные нам *«идейные» течения*, за которыми непосредственно не стоят какие-либо оформленные и хорошо сколоченные организации.

Прежде и раньше всего здесь следует отметить рост различных *«национализмов»*.

В особенности мы должны отметить рост проявлений великодержавного, *великорусского* шовинизма, который находит свое отражение и в среде учащейся молодежи, а через нее просачивается даже и в комсомол. Встречаются такие прослойки и такие «идейные» течения, которые нашу национальную политику — один из основных устоев рабочей диктатуры в нашей стране, одно из самых ярких проявлений нашего интернационализма — подводят под рубрику дробления «великой России». Попадаются такие милостивые государи, которые утверждают, что наша национальная политика, поскольку, скажем, идет речь относительно распространения украинского языка на Украине, тюркского языка в Азербайджане и т. д., означает «принижение культурного уровня

и мирового значения русской культуры». Старая великодержавная спесь, третирование всякой другой нации как нации второго порядка как «инородцев»— эта надутая, чванливая идеология российского помещика и либерального барина, прикрывавшего крестом святой Софии — премудрости божией — низменные вожделения своего кошелька, начинает вновь пошевеливаться вместе с ростом кулачка, обозленного нашим наступлением частного торговца и «идейного» героя шахтинской марки, который тем больше хрипит о «России» и тем больше бьет себя в патриотическую «русскую» грудь, чем мерзопакостнее продается иностранному капиталу.

Конечно, в железных объятиях пролетарской диктатуры невозможно открыто выкинуть трехцветный флаг[13] и запеть истошным голосом: «Разумейте, языцы, и покоряйтеся: яко с нами бог»[14]. Поэтому эта идеология ползет на карачках и проявляет себя в укороченных формах.

На Украине мы наблюдаем иногда, как русские элементы, в особенности из старого чиновничьего аппарата, ни за что не желают обучаться украинскому языку. Они видят в систематическом проведении политики украинизации проявление чего-то такого, что подрывает честь и славу «России». Они до сих пор в душе смотрят на Украину как на «Малороссию», которая должна поставлять вареники и «малороссийское сало», плясать казачка и т. д. для пользы *настоящих* русских, «России» и т. д. Эта барская, антипролетарская, великодержавная идеология просачивается и в низы.

С другой стороны, имеется и встречный процесс роста «национализмов» местного характера в отдельных национальных республиках, в автономных областях и т. д., где буржуазия, баи, кулаки, муллы, шовинистическая интеллигенция, вроде украинско-петлюровской, и т. д., и т. п., стремятся противопоставить свои идейные позиции позициям революционного коммунизма. Иногда бывает очень оригинальное сочетание этих идейных течений, направленных, по сути дела, против пролетарской диктатуры с опоэтизированием мелкобуржуазной деревенской отсталости в противовес социалистическому городу. Один из казакских поэтов — Джумбаев — протестует в поэтической форме против проведения железной дороги, потому что железная дорога несет в Казакстан, с его вольными степями, сифилис и разврат. Конечно,

железная дорога несла иногда и сифилис, и разврат, но теперь она несет и медицинскую помощь против бытового сифилиса, который чрезвычайно распространен среди кочующих народов.

Этот рост местного шовинизма и местного национализма овладевает даже некоторыми советскими органами. Так, например, дагестанский политпросвет издал в 1927 г. одну чрезвычайно шовинистическую брошюру. Совсем недавно, меньше года назад, был издан сборник стихов, где между прочим, можно прочесть такие достопримечательные строки:

Бухара, восторжествуй, к тебе придет Эмир.
Ты являешься небом, а Эмир луной.
И как небо не может жить без луны,
Так Бухара не будет без Эмира.
Эмир — это пальма, Бухара — это сад.
Сад без пальмы жить не может.
Пальма придет к своему саду.

То есть, здесь в поэтической форме совершенно открыто проповедуется монархическая контрреволюция.

Таких примеров можно было бы найти довольно много. Нужно оговориться, что дело здесь не ограничивается только «течениями». Есть *нелегальные* организации, носители такого национализма и так называемые чисто буржуазные и мелкобуржуазные. К последним принадлежат, напр., «молодые марксисты» в Грузии — организация, разделяющая всецело меньшевистскую позицию, резко националистически окрашенная, и так называемый армянский троцкистский союз молодежи. Этот «троцкистский союз молодежи» представляет собой тоже меньшевистскую и националистическую организацию.

Я хотел бы особенно остановить ваше внимание на вопросе об *антисемитизме*. Антисемитизм старого времени германские социал-демократы называли когда-то социализмом дураков [15]. Этот «социализм дураков» имеет сейчас довольно сильное распространение. «Социализм дураков» перерастает, однако, в фашизм продувных бестий. Антисемитизм можно определить поэтому как комбинацию фашизма неглупых «лидеров», злостных наших классовых противников, выставляющих в виде приманки «социализм дураков». Таких дураков у нас, кстати сказать, еще много. (*Смех*). Я не буду здесь вскрывать социальные корни антисемитизма. Но я должен со всей силой подчеркнуть, что этот самый «социализм дураков»

должен с нашей стороны встретить самый беспощадный отпор. Борьбу эту надо вести не путем сюсюкания о либерально-гуманитарном отношении к «народам», которые были угнетены в средние века и пр., а нужно дело ставить на *классовую* основу. Для нас обязательна бешеная борьба против антисемитизма, поднявшего свою голову, борьба, которая не исключает, а предполагает борьбу с нэпманами всех наций, в том числе и еврейской.

Теперь я хотел бы отметить рубрику таких врагов, которые создают мостик, открывают большие возможности для наших непосредственных классовых противников. Я хотел бы сказать несколько слов касательно *врагов «внутри нас самих»*. «Враг в нас самих» не оторван от классовых врагов в непосредственном значении этого слова. Он по-разному увязан с нашим классовым врагом. Возьмем, например, *бюрократизм.* Он может в известных своих звеньях носить непосредственно классовый характер, скажем, когда в норах нашего аппарата сидят остатки старорежимных господствовавших классов, которые нас активно саботируют или тихо и систематически «итальянят». Это есть непосредственное выражение борьбы со стороны наших классовых противников. Бюрократизм существует и в виде зачатков известного классового перерождения отдельных выходцев из рабочего класса. Он может быть и в этом смысле составной частью классового врага. Но он может быть проявлением неправильной системы работы выходцев из нашего собственного класса, не переродившихся, но поставивших себя в такие условия, в такие отношения, когда они наносят прямой ущерб нашему социалистическому строительству и поэтому *объективно* помогают нашим классовым противникам. Само собой разумеется, что в лице бюрократизма мы имеем явление, которое необходимо не только вскрывать, но против которого нужно активно бороться.

Есть такие враги «внутри нас», как *алкоголизм.* Это зло становится прямой социальной опасностью. Мы имеем факты, когда отдельные прослойки рабочих пропивают от 14 до 15 проц. своей заработной платы. Эта цифра не есть отдельное исключение. Мы имеем сейчас такое положение вещей, что в области пьяного дела (если взять количество пьяных) даже Ленинград иногда превосходит довоенную норму и вступает в «реконструктивный» период этого пьяного начала. (*Смех*). Красная ар-

мия — самая трезвая организация в нашей стране — даже она немного тронута тлетворным дыханием алкоголизма. Целые категории преступлений, в которых мы имеем повышение общего числа преступлений, в том числе и партийные преступления, в огромнейшем большинстве случаев связаны с распространением алкоголизма. То же самое мы наблюдаем и в среде молодежи, где подчас «спайка» достигается винными парами. Ничего хорошего от этого, конечно, не получается. Комсомол должен понять, что чинопочитание, подхалимство, «разложение» питаются очень часто алкогольными парами. Это в значительной мере алкоголь привел к такому неслыханному преступлению, как то, что секретарь комсомольской организации в Сочи являлся поставщиком «живого товара» из комсомолок для людей, которые из товарищей превратились в пьяных мерзавцев и скотов. Один такой факт показывает, какое огромное значение имеет алкоголизм в смысле разложения комсомольских рядов. Против этого врага необходимо поднять все, что есть культурного и классово сознательного в нашей стране. Нужно жестоко бичевать эту старую, варварскую, истинно русскую традицию, калечащую народы нашего Союза. Я должен здесь сказать, что даже среди старой партийной гвардии мы иногда встречаем наплевательски безразличное отношение к этому вопросу: будет тебе, мол, «мораль проповедывать». Так еще можно было разрешить себе говорить раньше, когда мы не отвечали за всю страну, когда такого рода задачи не лежали еще на наших плечах. Но когда алкоголизм становится социальной опасностью, которая непосредственно подрывает нас хозяйственно, направляя производительные силы по другому руслу и уничтожая их, понижая производительность труда, разлагая рабочий класс и рабочую молодежь,— тогда молчать *нельзя*. Проклятие наше заключается в том, что если мы совершенно прекратим продажу водки, мы разведем самогонное море, с которым нельзя управиться обысками и арестами. У нас в этой области опыт уже был. Но именно поэтому перед всеми общественными организациями, перед нашей партией и в особенности перед комсомолом встает задача организации обществ и кружков борьбы за трезвость, за разумный отдых, за разумную, а не скотскую систему развлечений. В связи с этим я хотел бы повторить уже сказанное, а именно, что сектанты часто берут у нас хоро-

шие кадры молодых рабочих и крестьян именно потому, что последних привлекает у сектантов «более строгая жизнь», и я думаю, что в борьбе за более «строгую» жизнь ничего позорного для нас и для комсомола нет. Нам нужно эту борьбу развить, организовать ударные группы, которые на этой почве будут драться с сектантскими организациями и не отдадут им хороших элементов рабочей и крестьянской молодежи.

Еще один враг, который имеется внутри нас и растет под влиянием мелкобуржуазного окружения и культурной отсталости самого рабочего класса в нашей стране. Это — *мещанство в работе и в нашем быту.*

В наших условиях, в условиях пролетарской диктатуры, главный признак мещанства — в мелкобуржуазной распущенности, в отсутствии пролетарской дисциплины, в безответственности, в индивидуалистическом пренебрежении к *общему* и к общим интересам, в дрянненьком разладе между проповедями с официальных кафедр и своими собственными поступками.

А глядишь — наш Мирабо
Старого Гаврилу
За измятое жабо
Дует в ус да в рыло [16].

И когда наши смоленские, сочинские и прочие «Мирабо» превращаются в держиморд и пьяниц, они по сути дела воспроизводят нравы паршивеньких провинциальных чиновничков и мещан, для которых «картишки», «винишко» и девочки составляли главное содержание жизни. Ведь ради этого они и запускали свои руки в казенные сундуки. Человечек прежнего строя, эта мизерабельная фигурка мещанина, не переступал известных границ в своем поведении потому, что он боялся высшего начальства (которое, в свою очередь, не дремало и состояло из высокопоставленных воров) и *ада* с его чертями, сковородами и проч. Старорежимные старушонки обоего пола предрекали нам моральную деградацию («*бога* вы не боитесь!»). Но, разрушив бога, или, во всяком случае, изрядно подмочив его репутацию, мы отнюдь не должны оставаться «без руля и без ветрил». Мы строим свои нормы и на хулиганскую распущенность должны отвечать вещами, иногда более суровыми, чем угрозы «с того света». Мы не должны воспитывать мрачного пуританина. Мы должны воспитывать жизнерадостных борцов. Но воров и растратчиков, старых и молодых насильни-

ков мы должны карать беспощадно и вколотить всем *наши* нормы поведения. Вместо окрика начальства будет у нас окрик рабочей массы, которая отлично распознает, где пахнет правдой, а где несет лицемерием. С этой точки зрения, комсомольская молодежь должна посмотреть и на свои собственные ряды, беспощадно вскрывая индивидуалистическую грязь и выметая ее железной метлой из своей комсомольской избы.

Обезьяничанье с буржуазных образцов худшего типа (от румян и фокстротов до специфической литературы) в области «быта»; суетливая и безалаберная работа; чванливая безграмотность, заглушаемая треском заученных и проштемпелеванных фраз, в которых стараются затрепать даже самые лучшие лозунги; мало развитое чувство ответственности, слабое иногда чутье масс,— разве все эти пороки еще не гнездятся в наших рядах? А они помогают *классовому врагу*, который кое-чему научился в ходе нашей революции.

Само собой разумеется, что здесь мы имеем врага, который держится на остатках старых традиций, старых навыков, старых привычек и на новых, скверных привычках, развивающихся под влиянием мелкобуржуазных слоев. Но, товарищи, само собой понятно, что и эти враги: алкоголизм, мещанство, бюрократизм и пр., с точки зрения классовой борьбы тоже подлежат расцепке. Они *мешают* социалистическому строительству. Они *помогают* нашим противникам.

Баланс всему этому вопросу о классовом враге я, примерно, формулировал бы так: враг обнаружен теперь нашим наступлением на него, наступлением, которое мы начали на основе абсолютного и относительного перевеса сил на нашей стороне. Нам не приходится его искусственно «искать»; а там, где он неясен, наша задача, действительно, заключается в том, чтобы яснее показать его классовое лицо. Наряду с этим нам не нужно забывать, что есть целый ряд крупнейших отрицательных явлений, которые сидят *в нас самих*, в нашем классе, что борьба с ними есть борьба со старыми традициями и со старыми привычками. Владимир Ильич недаром сказал в одной из своих работ, что сила привычек миллионов есть *самая страшная сила* [17]. Когда мы, выстраивая в шеренгу наших врагов, выкидываем или выбрасываем, или забываем об этой «самой страшной силе», о силе привычек миллионов, в данном случае и о наших

собственных «привычках», мы делаем непростительную вещь. Мы постоянно должны смотреть и на свой собственный класс, и на самих себя, для того, чтобы не упустить тех огромных язв, которые сидят *непосредственно в теле нашего* организма. Иначе наши поиски классового врага превратятся в легкомысленный визг. Классовый враг обнаружен в большей степени, чем раньше, наступлением социалистических элементов на него. Вопрос заключается в том, *чтобы найти правильные методы борьбы с ним.* Таким образом, лозунг о том, что нужно «показать лицо классового врага», это — правильный лозунг, но это далеко не достаточный лозунг. Показать мы должны классового врага вовсе не для того, чтобы на него «посмотреть», а для того, *чтобы его преодолеть.* Нашей общей задачей, задачей этого съезда в первую очередь, является, показав лицо классового врага, найти правильные методы борьбы с ним, т. е. такие методы, которые давали бы наиболее положительный эффект.

III. СПОСОБЫ БОРЬБЫ С ВРАГАМИ И ГЛАВНЫЕ ЗАДАЧИ КОМСОМОЛА

1. Укрепление связи с низами масс и регулирование состава комсомола

Перехожу теперь к вопросу относительно нашей борьбы и относительно некоторых конкретных задач, которые, как мне представляется, вытекают из теперешнего положения вещей.

Прежде всего остановлюсь на вопросе о социальном составе комсомола, о том, на какие группы ему в первую очередь нужно опираться. Казалось бы, это вопрос совершенно элементарный, казалось бы, что этот вопрос раз навсегда решен. В общей формулировке здесь, действительно, вряд ли что можно будет изменить. Я, однако, все-таки хотел бы отметить некоторые особенные задачи, хотя и частичные, но играющие все же большую роль.

Из анализа социального состава комсомола вытекает, что комсомольская организация в первую очередь опирается на *среднюю* прослойку рабочей молодежи, поскольку речь идет о ее производственной квалификации;

этот слой молодежи составляет также главную массу актива. Высококвалифицированная рабочая молодежь в значительной мере не охватывается комсомолом. С другой стороны, весьма недостаточно охвачены комсомолом и *низшие* категории рабочей молодежи, т. е. наиболее отсталые, наименее оплачиваемые, наименее квалифицированные, стоящие на низком материальном и культурном уровне своего развития. Я считаю необходимым подчеркнуть этот факт и поставить его в связь с изменившейся структурой рабочего класса. Неоднократно отмечалось, и здесь это нужно повторить, что у нас очень мало обращается внимания на изменившуюся структуру рабочего класса, на огромное количество новых рабочих, на различные слои полупролетарского типа, которые периодически, волнами приходят в наши крупные города. Эти слои рабочего класса в настоящее время количественно выросли в связи с нашим капитальным строительством. В капитальные работы у нас втянуто значительное количество рабочего класса, в том числе сезонников, наименее квалифицированных и наименее идеологически выдержанных пролетарских слоев. Все это имеет место и в отношении молодежи.

Со всеми оговорками, но все же нужно отметить и подчеркнуть тот факт, что у нас имеется известная *дифференциация внутри самого рабочего класса.* На совещании, которое было у меня вчера с московскими рядовыми комсомольцами, один товарищ хорошо формулировал эту сторону дела в отношении рабочей молодежи. Он сказал: «*Одни рабочие у нас пижонятся, а другие ходят почти с сумой*». Эта формулировка, быть может, с некоторым преувеличением, но выражает сущность вещей. Видеть это нужно и отмахиваться от этого абсолютно невозможно. Нужно понять, что рабочая диктатура, наша партия и комсомольская организация ставят своей задачей отнюдь не выращивание, хотя бы и на советской основе, своеобразной рабочей аристократии, которая была бы привилегированным сословием в лоне совокупного рабочего класса. Мы своей конечной задачей считаем уничтожение даже противоположности между городом и деревней, между центрами индустрии и деревенской периферией этой индустрии. Мы считаем своей задачей не выращивание рабочей аристократии, не противопоставление ее другим слоям рабочего класса,

а систему подтягивания низших слоев рабочего класса к высшим.

Но, товарищи, если такова основная линия нашей политики, которую никак нельзя позабывать, от которой никак нельзя отмахиваться, которую нельзя ни в коем случае рассматривать, как нечто второстепенное, то тогда мы должны со всей остротой поставить перед собой и вопрос *об идеологической переделке всех этих низших слоев рабочего класса, т. е. о систематическом воздействии на них.*

Те, кто,— я думаю в такой аудитории, как эта, таких товарищей будет довольно много,— изучают сочинения В. И., неоднократно могут у него встретить такое положение, что мы должны обращаться к наиболее обездоленным, к наиболее отсталым слоям. Не в том, конечно, смысле этого слова, что этим наиболее обездоленным и наиболее отсталым слоям должна обязательно принадлежать идейная гегемония. Эти слои отсталы и в идейном отношении, поэтому они как раз не могут претендовать на идейную гегемонию в нашем движении. Но тов. Ленин выставлял эту проблему,— и с полным правом настаивал с такой отчетливостью на постановке этого вопроса,— потому, что, не приведя в движение этих, наиболее отсталых слоев рабочего класса (а в наших условиях не вводя их в русло социалистического строительства), *мы никогда не сможем достигнуть такого размаха нашего движения, такой консолидации сил рабочего класса, при которых только и возможно думать о разрешении труднейших задач нашей революционной борьбы и нашего социалистического строительства.*

Если мы возьмем деревню не только по отчетам, но по устным сообщениям, которые всегда лучше отражают жизнь, то из них выясняется, что до сих пор еще, иногда *даже* в комсомольских организациях, на наиболее отсталые пролетарские слои деревни, на батраков, пастухов и проч. иногда еще смотрят по-буржуазному. Вместо того, чтобы их в первую очередь привлекать, их переделывать; вместо того, чтобы уделять величайшее внимание вовлечению именно этих слоев рабочего класса внутри совокупного рабочего класса нашей страны,— об этой задаче иногда позабывают. И поскольку, товарищи, идет речь относительно состава комсомола, мы должны обратить внимание на то, чтобы мы внутри рабочей молодежи связались и *с низшими полупролетарскими*

слоями рабочего класса, обратили гораздо большее внимание на их идейную обработку, на дело их организации, на дело помощи этим слоям, на дело вовлечения этих слоев в общее русло социалистического строительства.

Очень хорошо знаю, что из того, что я говорил, некоторые могут при соответствующем борзом желании вывести целую теорию своеобразных уклонов. Например, можно сказать: вы судите о передовых слоях рабочего класса в наших советских условиях так, как будто бы речь идет о капиталистических странах, где наиболее квалифицированные рабочие являются резервом социал-демократии, социал-предателями и пр.; у нас своеобразная «рабочая аристократия», скажем, металлисты, или вообще наиболее индустриальные, наиболее фабрично-переделанные слои рабочего класса являются основными когортами совокупного пролетариата.

Это все будет верно. Само собой разумеется, что у нас металлисты являются не базой социал-предательства, а основным слоем, на который опирается наша партия, и который является основным рычагом социалистического строительства в нашей стране.

Но надо иметь в виду, что эту роль *руководителя* всего пролетариата, эту роль наиболее передового отряда *внутри* рабочего класса передовые слои рабочего класса могут лишь постольку выполнить, поскольку они *не отрываются* от других слоев пролетариата, поскольку они не отрываются от всей *массы* пролетариата, поскольку они не замыкаются в цеховых рамках, а ведут эту массу *за собой*. А я утверждаю, что комсомольская организация в целом *в известной* мере оторвалась от наиболее отсталых слоев рабочего класса в городе, и это надо исправить. Надо подтянуть эти слои, на эту задачу обратить сугубое внимание. Чем дальше мы идем по пути социалистического строительства, чем большее количество новых рабочих вовлекается в великий организованный процесс в нашей стране, тем настойчивее мы должны иметь в виду эту задачу. В жизни иногда бывает так, в особенности при крупной социальной перемене, какова у нас имеется, что старые ошибки и старые уклоны иногда под чрезвычайно революционными и чрезвычайно «левыми» лозунгами могут появляться вновь. Возьмем хотя бы тенденцию передовых слоев рабочего класса отгородиться от «деревенщины», от полупролетарских

слоев, отгородиться, фигурально выражаясь, от пастухов, от неквалифицированных слоев деревенского полупролетариата. Казалось бы, что это — очень «индустриальная» формулировка, а раз «индустриальная» — значит, как будто бы резко классовая, а раз резко классовая, резко «пролетарская» — значит, резко «социалистическая».

Между тем эта постановка вопроса *полуменьшевистская*, полуменьшевистская потому, что разница между большевизмом и меньшевизмом состояла и состоит в том, что большевизм стоял на точке зрения *гегемонии* рабочего класса, а меньшевизм на точке зрения «чисто классовых», как они выражаются, а по сути дела *цеховых* интересов рабочего класса. Ленин в свое время выдвинул положение о том, что рабочий класс, осознавший себя как класс, смотрит не только на себя: его занимают вопросы *отношения между классами*; он не варится только в собственном соку; он претендует на роль *руководителя* тех классов, которые могут пойти с ним в союзе. Надо, чтобы все товарищи поняли это. Когда мы говорим о том, что наша партия должна регулировать свой классовый состав; или когда мы говорим, что наш комсомол должен принять известные меры для того, чтобы не только очиститься от пролезших в него кулацких элементов, но и не «осереднячиться», в большей степени пополниться пролетарскими слоями, то есть увеличить процент рабочих в своем собственном составе,— то все это мы говорим вовсе не для того, чтобы, очистившись от «мелкобуржуазной скверны», сидеть спокойно. Наоборот! Мы это очищение производим и считаем нужным произвести *для того и потому, чтобы этим улучшенным инструментом правильнее и энергичнее воздействовать на эти самые мелкобуржуазные массы в пролетарском духе*. Наша партия должна по составу своему быть прежде всего рабочей. Недопустимо, чтобы в социальном составе нашей партии было преобладание нерабочих, в том числе даже и крестьянских элементов. Но это нужно вовсе не для того, чтобы рабочая по своему составу партия ни в каких отношениях с крестьянством не находилась. Это нужно *для того и потому, чтобы обеспечить тем самым нашей партии большую и лучшую пролетарскую выдержанность и при помощи этой «укрепленной» организации лучше воздействовать на крестьянство, лучше и правильнее вести это крестьянство к социализму*. В этом выражается идея гегемонии пролета-

риата. Но если мы не можем отрываться даже от мелкобуржуазных слоев, то тем более невозможен и недопустим отрыв от значительной части самого пролетариата: нужно сплотить его силы, нужно *подтянуть* отсталые слои рабочего класса, нужно обратить внимание, чтобы комсомол по линии батрачества, по линии отсталых слоев рабочего класса пополнял себя, укреплял себя этими слоями с тем, чтобы лучше, смелее и успешнее переделывать мелкобуржуазную периферию.

2. Общая идейная установка

Какова должна быть общая идейная установка в теперешний момент?

Если в вопросе о *составе* комсомола при теперешнем соотношении его сил с силами противника требуется сплочение пролетарского и полупролетарского ядра союза, то конкретные условия, в которых мы живем, диктуют ему известную общую установку. Первый вопрос, который мы должны себе сейчас задать, заключается в том, на что мы в этой установке должны в первую очередь «нажать», что мы должны сделать в настоящее время *главным звеном* своей совокупности нашей работы, воспитательной, общественной, пропагандистской, агитационной и всякой иной?

Все товарищи отлично знают, что наша партия имеет в настоящее время перед собой две крупнейшие задачи: *рационализацию промышленности и коллективизацию сельского хозяйства.*

Относительно второй задачи нужно отметить, что речь идет здесь не о каком-то внезапном скачке, не о решении проблемы коллективизации сельского хозяйства «в два счета». Речь идет о том, что наряду с общим подъемом сельского хозяйства нужно острее, чем раньше, поставить проблему коллективизации сельского хозяйства и эту задачу с большим напряжением сил и средств *решать.*

Но эти задачи решаются сейчас и партией и комсомолом в таких условиях, когда значительно изменилось соотношение между старыми и молодыми слоями рабочего класса в партии, в комсомоле и в самом рабочем классе, причем комсомол еще более резко, чем все другие организации, отражает на себе эту неизбежную смену поколений. Мы должны дать себе совершенно ясный

отчет в том, что мы уже вступили, поскольку речь идет о комсомольской организации и поскольку речь идет о рабоче-крестьянской молодежи вообще, в *третий* период, *в третью фазу нашего развития*. У нас был такой период, когда члены комсомольской организации еще знали городового, фабриканта, старого офицера. Этот слой давно ушел из комсомола. Потом был период, когда преобладающим был слой, который не знал уже городового, но зато знал гражданскую войну, и большие кадры комсомольской организации получали прекрасную боевую закалку и выучку в кипящем котле гражданской войны. Они видели своего классового противника с оружием в руках, они были взмыты гигантской волной общего энтузиазма рабочего класса и части крестьянства, шедших в атаку против врага под широко развернутыми знаменами, с колоссальными целями, с мировыми хотениями, с огромными и самыми яркими лозунгами; они били этого врага, отбивая каждую пядь советской земли кровью. Но теперь мы вступили в третий период нашего развития, когда и *этот* слой комсомольцев уже перерос рамки комсомольской организации, ушел из комсомола. Мы поэтому получаем внутри комсомола такой состав, который не только не знал городового, *но который уже не знает гражданской войны*.

Из этого вытекает чрезвычайно многое.

Еще во время XIV съезда, два года назад, мы имели в рядах комсомола остатки бойцов гражданской войны. При таком положении вещей, когда молодежь не видела старого режима, не видела гражданской войны, но участвует уже сейчас в строительстве социализма, видит в то же время зияющие противоречия нашего строя, такие противоречия, которые еще не скоро будут изжиты,— понятно, что этот новый состав молодняка гораздо более чутко относится к противоречиям нашего строя и гораздо менее, чем уходящая теперь смена чаплинского типа[18] (*смех*), понимает все происходящее в целом, в огромном масштабе нашей строительной работы.

Среди комсомольцев бывали неоднократно дискуссии на тему: где должен лежать центр тяжести, в политике или в культурно-экономической работе? В своем отчете ЦК комсомола правильно ставит эту проблему, увязывая и то, и другое. Но вдобавок к этому мы должны сейчас перед всей комсомольской организацией с гораздо большей настойчивостью и с гораздо большим ударом, чем

раньше, поставить вопрос *об осмысливании всего строительного процесса в целом.* В этом отношении и в партии, и в комсомоле, где это особенно нужно, сделано чрезвычайно мало, если не сказать — почти ничего.

Мы выдвинули задачу рационализации, мы говорим относительно необходимых жертв, которые тут должны быть; мы говорим относительно того, что нам нужно догонять заграницу; мы говорим о том, что строим социализм. Но разве мы как следует объясняем молодому рабочему, как на основе этих процессов рационализации, вытеснения частника и пр. мы придем к такому общественному укладу, когда *действительно* не будет неравенства, когда *действительно* не будет беспризорности, когда *действительно* не будет нищеты, когда будет коммунизм? Нужно прямо сознаться, что на эту сторону, на указание *путей к тому общественному укладу*, который является конечной целью Коммунистического Интернационала, нашей партии и комсомола, мы конкретных путей не указываем. Мы не ведем настоящей пропаганды социализма.

Нам скажут: мы строим этот социализм и на практике его пропагандируем. Это, конечно, так. Конечно, практическое строительство, это — решающее дело. Но без увязки между нашей повседневной работой и нашей конечной целью невозможно постоянное, *систематическое осмысливание этого строительства.* И чем меньше воспитаны слои рабочего класса, которые теперь подходят к нам, тем менее терпеливо относятся они к язвам переходного периода. Чем меньше мы ведем работу, указывающую пути, открывающую широкие перспективы нашего строительства, тем больше вырастает опасность отрыва рабочих, крестьянских, батрацких, полупролетарских масс молодежи от нас, тем больше на основе этого непонимания будут расти известные индивидуалистические стимулы, тем меньше мы будем в состоянии увязывать так называемые личные мотивы устройства себя в системе общественных отношений с великими задачами нашего класса в целом.

Поэтому осмысливание всего нашего строительства, пропаганда полного социализма и коммунизма, пропаганда путей к нему таким образом, чтобы каждое мероприятие и каждый наш крупный лозунг, вроде лозунга рационализации промышленности, быта, вроде лозунга коллективизации нашего сельского хозяйства, получил свой

настоящий размах,— должно быть осью нашей работы. Только на этом можно строить известный пафос среди молодежи, строительный пафос; только при этом можно поднимать каждую частичную задачу до настоящих великих и всемирных целей рабочего класса; только на этом можно разбить тот величайший предрассудок, который считает, что героическая работа пролетариата проявляется только в том, что он борется на баррикадах или стоит непосредственно на поле военных битв. Это неправда! Героичен рабочий класс и тогда, когда он сражается, и тогда, когда он строит великое, неизвестное еще миру, человеческое общество будущего.

3. Рационализация промышленности и коллективизация сельского хозяйства

Несколько слов я хотел бы сказать относительно коллективизации в деревне. Комсомол в настоящее время является по сути дела такой организацией, которая играет в деревне не меньшую, а в практически-организационном смысле и большую роль, чем наша партия. Наша партия имеет в настоящее время 18.000 деревенских партячеек, комсомол же насчитывает в настоящее время 49.000 своих деревенских ячеек. Одно это числовое сопоставление показывает, насколько крупная ответственность лежит в настоящее время на деревенских ячейках нашего комсомола. Наши деревенские ячейки поставлены пред новыми, большими задачами. Мне кажется, что комсомольская организация должна в первую очередь предпринять какие-нибудь меры для того, чтобы товарищам, работающим в деревне в труднейших условиях, помочь. Известное перераспределение сил, отбор известного количества квалифицированных городских сил и переброска их в деревню необходимы. В какой форме это нужно сделать, я не буду здесь говорить, но из записок товарищей, работающих в деревне, выяснилось с абсолютной очевидностью то, что можно назвать бюрократическими элементами руководства в комсомоле. Многие товарищи отмечали, что они получают инструкции такого типа, что теперь, дескать, стоит задача коллективизации, задача перехода на коллективное производство, перехода на производственное кооперирование и пр., а настоящих указаний, как к этому приступить, как это сделать, с какого конца на-

чать работу, в какой форме эту работу проводить, как приступиться вообще к этой работе, таких указаний, таких инструкций они почти не получают. Крик сейчас идет в первую очередь с этой стороны: покажите, *как* нужно проводить в жизнь эти директивы. В особенности жалуются на это девушки-комсомолки, которые со всей охотой рвутся работать, но чувствуют себя покинутыми и заброшенными. Нет опытных инструкторов, знающих, умеющих, которые бы на практике это дело поставили. Это — одна из необходимых задач, которую нужно решить.

Из всякого нашего мероприятия может при неумелой политике и практике вырасти что-нибудь совершенно противоположное нашему желанию. Мы сейчас решили взяться за дело коллективизации, но сразу же, через несколько недель после того, как партийный съезд принял соответствующее решение, мы видим уже, по какому руслу могут здесь быть всякие извращения, приводящие к результатам, противоположным тому, чего мы хотим. Первое извращение, это — разверсточная система коллективизации. Получили столько-то денег на район, распределили их по уездам, уезд распределяет дальше; и вот на эти распыленные деньги организуются коллективы. Конечно, так строить коллективы нельзя. Второе явление, о котором точно так же сейчас сообщают из ряда мест,— это то, что кулак лезет в коллективы. Мы дали лозунг, мы обещали помочь, мы эту помощь начинаем давать, как государство рабочего класса, а кулак в деревне лезет в коллективы, чтобы изнутри завоевать кооперированное производство, чтобы превратить его в лжекоммуну, в лжекооперацию, чтобы получить командную палку в свои руки.

Следовательно, ко всем техническим и экономическим трудностям, к трудностям, которые вытекают из неумелости, присоединяются трудности классовой борьбы внутри производственно-кооперативных объединений, которые в настоящее время стали возникать действительно ускоренным темпом. Для того, чтобы помочь во всем этом сложном переплете разобраться в вопросах техники, экономики, классовой борьбы, контроля этих организаций; для того, чтобы поставить дело коллективизации сразу на ноги; для того, чтобы потом не приходилось это дело с большими затруднениями исправлять,— необходимо сейчас же наладить действительный инструктаж и не за-

бывать, что потребность в культурных силах для деревни растет. В материалах, которые мне товарищи дали из ЦК комсомола, есть замечательные отзывы деревенских комсомольцев на статьи в наших газетах. В газетах им говорят: сиди в деревне и работай там. А они говорят: поезжайте сами в деревню, у вас в городе есть и то, и се; вы умно говорите,— так, будьте добры, поезжайте, пожалуйста, в деревню и поработайте немного сами. Я должен сказать, что известное рациональное зерно тут есть. Если мы не будем периодически в той или другой форме отдельных работников из комсомольской городской организации посылать в деревню, чтобы они там завоевали себе авторитет и помогли на практике деревенским товарищам, то мы поступим неправильно.

В первой части своего доклада я говорил, что нам необходимо нашу классовую борьбу увязать с экономическим строительством, что нужно «экономизировать» политику и «политизировать» экономику. Само собой разумеется, что «экономизировать» политику, скажем, на фронте борьбы среди различных литературных течений довольно трудно. Но, товарищи, когда мы строим наши производственные кооперативы, то тут как раз лучше всего эта связь видна. Мы должны добиться того, чтобы кулак не верховодил и не проникал в эти организации. Мы должны добиться того, чтобы расширением этих производственных объединений по *экономической* линии нанести довольно значительный удар кулаку. Мы должны стремиться выбить из-под кулака базу наемного труда, перетягивая наиболее обездоленные полупролетарские и пролетарские слои на свою сторону, объединяя, кооперируя их и т. д. и т. п. В этой же строительной работе, делая эту строительную работу стержнем всей нашей работы вообще, мы должны побить своего классового противника, организовавшегося в сектантские и всякие другие организации. Не нужно большого крика и не нужно большого напряжения сил, чтобы понять и расшифровать и разжевать, скажем, такой лозунг, как лозунг ареста контрреволюционных элементов. Это само собой разумеется. Об этом нечего распространяться. Но мне кажется, что неправильно было бы, если бы мы нашу борьбу с этими организациями поставили под углом зрения административного воздействия. Мы не можем идти по линии разгона сектантских организаций, привлекаю-

щих трезвых рабочих и трезвых крестьян. Отсекая те организации, которые служат прикрытием для контрреволюционных элементов, всеми мерами репрессии, мы должны своим примером, своей работой и своим показом отвоевать у церковных и сектантских организаций те слои, которые за ними идут. Это будет потруднее. Мы можем средствами административного воздействия, механически, разбить всякого рода организации, но мы не можем таким путем по-настоящему отвоевать у них те слои трудящихся, которые еще за ними идут. Для последнего нам нужно свою работу поставить в несколько раз лучше, чем она ведется у них.

В хлебозаготовительную кампанию мы произвели необходимый, но очень решительный нажим на кулака. Однако мы все исходим из того положения, что, ограничивая эксплуататорские стремления кулака, мы должны применение экстраординарных мер довести до минимума. Мы все исходим из признания того, что хотя это экономическое преодоление кулака непосредственно труднее, но зато много эффективнее. Нам нужно систематически вовлекать в работу крестьянский молодняк, в первую очередь батрацкие, полупролетарские, бедняцкие и лучшие середняцкие элементы. Мы должны их завоевать на свою сторону. Мы должны укрепить союз с середняком. Лозунг Владимира Ильича — «ужиться с средним крестьянством»[19] — не снят и *не может быть снят никем и никогда.* Проблема *переделки* крестьянского хозяйства остается. Поэтому, товарищи, нам необходимо на эту сторону дела, на завоевание масс показом, умелой помощью, лучшей организацией работы обратить особое внимание.

Необходимо усилить антирелигиозную борьбу и пропаганду, необходимо уничтожить иногда слишком терпимое отношение наших советских организаций к различным духовным школам, которых у нас расплодилось слишком много, и в то же самое время нашей комсомольской организации необходимо изо всех сил налечь на показательную работу во всех ее областях, начиная с экономической. Таким образом, дело нашей рационализации, дело кооперирования деревни — все дело социалистического строительства укладывается в рамки великой классовой борьбы рабочего класса, строящего социалистическое хозяйство и идущего в поход против капитализма.

4. О методах работы комсомола

Теперь можно перейти к вопросам о методах работы. Я вспоминаю то время, когда мне приходилось сражаться с комсомольцами за принцип различных добровольческих организаций и когда многие товарищи были настроены решительно против этих принципов.

Отчет ЦК комсомола о практической работе комсомольских организаций за время, прошедшее с XIV партийного съезда, показывает, что этот принцип проверен практикой и воспринят комсомолом. В общем и целом основные методы работы, соответствующие текущему периоду, нащупаны правильно. Имеются различные добровольные объединения, «ядра», «группы», работающие по разным направлениям; все они оказались жизнеспособными и мне кажется, что им надо придать только большой размах, придать им иногда некоторые более общие цели, перенести этот опыт на другие сферы работы. Эти мероприятия в совокупности дадут, несомненно, большое оживление и большой подъем в работе комсомола. Опыт «ядер быта», групп «по рационализации», групп «организаторов здорового досуга»; опыт производственных конкурсов, великолепный опыт «хозяйственной переклички»; опыт «рационализаторских кружков», ударных бригад, «встреч производителей с потребителями», объединений рабочих-избирателей и т. д. — весь этот опыт, только начавший применяться в массовом масштабе, должен быть учтен и продолжен. Мне кажется, что всем этим начинаниям суждено сыграть огромную и, быть может, на данном перевале развития комсомола решающую историческую роль. Именно здесь может найти себе место та увязка между стремлениями к более высокой и более культурной личной жизни с общественными интересами, увязка, которая в настоящее время составляет стержень всей комсомольской работы. Я бы хотел здесь сделать некоторые предложения и дополнения к этим методам работы, которые, может быть, ваш съезд примет и которые я, во всяком случае, просил бы на этом съезде обсудить. К различным группам, которые уже организованы, целесообразно было бы присоединить *«группы по борьбе с бюрократизмом»* или *«группы помощи РКИ»*[20] (голоса с мест: «Есть уже такие»). Возможно, что они есть, хотя в отчетных материалах о них ничего

не сказано. Я думаю, что это не случайно, и объясняется дело тем, что они не получили такого большого размаха. Из этих групп нужно организовать легкую кавалерию РКИ. У нас дело борьбы с бюрократизмом чрезвычайно туго продвигается вперед потому, что организация, которая ставит себе задачей борьбу с бюрократизмом, сама в известной мере строилась по бюрократическим принципам: ко всем наличным комиссариатам прибавлялся еще один комиссариат, который контролирует, сам нуждаясь в контроле. А нам нужно иметь в виду, что бюрократизм у нас в значительной мере вырастает не по злой воле руководителей учреждения и не по злой воле кадрового состава работников, а в силу отсталости техники и экономики, в силу некультурности масс, общей громоздкости централизованной системы нашего аппарата и т. д. Между тем Рабоче-крестьянская инспекция уже пошла по пути своей собственной «дебюрократизации», или своего собственного «разбюрокрачивания». Она привлекает большое количество рабочих корреспондентов, она создала свой центральный печатный орган [21], она создает такие же печатные органы на местах, она уже начинает превращаться в комиссариат нового типа. Но, мне кажется, ей еще недостает легкой, добровольно действующей кавалерии, и создать ее должен в первую очередь комсомол. Комсомол вообще играет очень большую роль в деле самокритики. Печатный орган комсомола «Комсомольская правда» имеет, несомненно, крупные заслуги в этой области, но нам нужно создать особый тип летучего «неофициального» контроля. Специальные группы комсомольцев должны ходить по магазинам, учреждениям, базарам, лавкам, комиссариатам и пр. Они приходят не в качестве казенных контролеров, не с мандатом, не с талоном и не с официальным требованием; они приходят либо просто как покупатели, либо как жалобщики, как просители, словом, как обыкновенные смертные наряду со всеми прочими. Таким образом, они получают материал, ведут учет того, что они получили при этих обследованиях. Эта легкая кавалерия нужна потому, что только так, только ревизуя неофициально, можно действительно выкопать бюрократического противника, можно действительно влезть в самое сердце злоупотреблений, можно действительно настоящие безобразия вскрыть, можно застать врага на месте преступления, а не тогда, когда он подчистится, заметет

песочком все следы и жалобщика еще выставит, как бузотера, а самого себя — в честном виде. Не знаю, так ли строили существующие ячейки помощи РКИ и комсомольские группы свою работу. Если так, то очень хорошо, но я предложу товарищам обсудить эту постановку работы, которая должна быть связана, конечно, с величайшей гласностью, с соответствующим печатанием результатов, с соответствующей оглаской принятых мероприятий и т. д. и т. д.

Нужно образовать группы, которые действовали бы при бюро жалоб или сами служили в том или другом смысле такими бюро по приему жалоб по расследованию их и по продвижению их. У нас очень часто не доводится дело до конца опять-таки в силу бюрократической структуры наших комиссариатов. У нас огромная централизация контроля, поэтому трудно все обслужить, поэтому часть всех жалоб и дел, подлежащих разбору, уплывает между пальцами, попадают либо наиболее важные, либо такие, где был наибольший напор. Мне кажется, что здесь можно и нужно организовать целый ряд таких групп, которые несли бы добровольно службу по разбору жалоб, по расследованию дел и точно так же были связаны с нашими контролирующими органами. Мне кажется, еще, что, быть может, целесообразно было организовать добровольные группы, которые обслуживали бы различных ходоков, приходящих из деревни, которые обслуживали бы различных таких жалобщиков, которые нигде не могут найти нужных им мест, которые указывали бы различные адреса, куда нужно и к кому обратиться и т. д. и т. д.

Судя по письмам, которые каждый из нас получает, и судя по письмам, которые получаются в редакциях газет, мы имеем чрезвычайно значительный процент такого рода людей, которые приезжают из деревень, из далеких окраин, которые не находят никаких концов, которые не могут ничего добиться, не имея проводников, своих толкачей, не имеют тех, кто позаботится о них, и в конце-концов разочарованные уезжают. Даже в материалах ЦК комсомола есть чрезвычайно поразительные сведения, как раз касающиеся этой стороны дела. Приезжают молодые парни для того, чтобы поступить на рабфак, нигде не могут найти никакой помощи, уезжают, а потом пишут политическую декларацию, которая буквально гласит следующее: «Мы разочаровались во всей болтовне о

строительстве социализма. Мы приехали с желанием поступить на рабфак, ничего не добились, уехали, видим, что все это обман и ложь». Точка. Такие-то.

Вероятно, таких немало. Поэтому, товарищи, мне кажется, что помощь комсомольская организация в этом деле может оказать величайшую.

На вчерашнем совещании с комсомольцами один товарищ — вузовец сделал замечание, которое, мне кажется, нужно учесть.

Этот товарищ ставит вопрос об общественной работе нашего студенчества, об общественной нагрузке студента, следовательно, идеологически более или менее квалифицированного работника. Оказывается, «общественная работа» студентов заключается в первую очередь в том, что когда нужно, скажем, пять человек для того, чтобы раздавать билеты на какой-нибудь вечер или концерт, раздают эти билеты 40 человек. Когда какая-нибудь общественная работа в учебном заведении требует 3 человек, этой работой занимаются 40 человек. Оказывается, вся «общественная работа» заключена в первую очередь в рамках соответствующих учебных заведений. Но ведь так можно замучить даже очень охочего до общественной работы человека! Товарищ был совершенно прав, указывая, что студенчество наше нужно решительнее пустить на обслуживание не специфической *студенческой* работы, а гораздо решительнее нужно бросать их на культурную и политическую работу на фабрики, заводы и т. п. и т. д. У нас целый ряд работ в этом отношении абсолютно в загоне, как будто их и не было. На последней московской конференции[22] я спрашивал: куда девался обход рабочих казарм со стороны членов партии? Куда девались специальные летучки, выпускаемые от случая к случаю, обслуживающие конкретные задачи? Правда, сейчас есть стенгазеты. Но обход рабочих квартир, рабочих казарм, беседы на спальнях, все это совершенно исчезло. Конечно, у нас все «утряслось» и «упорядочилось» в том смысле, что есть школы, университеты, партийные кружки, обслуживающие идеологию, но от этого очень далеко до настоящей связи с *глубокими* слоями рабочего класса, деревенской беднотой и батраками. Если члены наших организаций не будут ходить в рабочие клубы, на заводы, в казармы, рабочие квартиры и т. д., то настоящей интимной связи с массами не завязать. Я спрашиваю комсомольцев, как у вас ведется работа, когда происхо-

дит вербовка в комсомол: производится ли обход казарм, квартир? Нет, это идет механическим порядком: в газете объявляется, ведется общая пропаганда и только. Но неужели мы себе позволим и дальше такую роскошь, чтобы отказаться от наилучших и испытанных способов вербовки? Ни в коем случае. То, что мы растеряли ряд методов, к которым прибегали раньше, это как раз связано с известными бюрократическими тенденциями. И если мы сейчас говорим о разного рода работе, новой, живой, интересной, которая давала бы действительное удовлетворение, в особенности удовлетворение нашей молодежи, то мы вовремя должны вспомнить об этих методах. Мы должны перейти к организации таких кружков и групп, которые бы специальной своей целью ставили вербовку такими методами — обходом квартир, казарм, спален и пр., которые бы на эту сторону дела обратили свое внимание, которые бы здесь смогли переворошить застоявшиеся отношения и которые бы здесь сказали свое новое живое слово. В эту работу нужно включить и такие квалифицированные кадры нашей молодежи, как наше студенчество.

Итак: опыт, который имеется, должен быть расширен, ему должен быть придан наибольший размах, он должен быть дополнен некоторыми новыми задачами, важнейшей из которых я считаю специфическую работу среди масс в их быту и затем борьбу с бюрократизмом не на словах, а на деле.

5. Различные сферы работы. Подготовка кадров. Комсомол и теория

Оригинальность теперешнего положения заключается в том, что мы с каждым годом, быть может незаметно для себя, все больше и больше дифференцировали свои задачи, и комсомол так или иначе должен был определять свое отношение к ним. Не буду сейчас касаться *качества* руководства и работы — хорошо или худо она делается. Но если вы присмотритесь к теперешнему положению вещей, то вы увидите, что молодежь сейчас руководит уже в целом ряде отраслей работы, чего раньше не было. Возьмем такую отрасль, как художественная литература. Наша художественная литература — худо или хорошо, это другой вопрос,— но руководится выходцами из комсомола.

В области нашей политической публицистики точно так же определенные кадры молодежи придвинулись вплотную к руководству. В других областях, например в теории, мы наблюдаем тот же самый процесс. Но это положение вещей — рост нашей общей культуры — не может не задевать и тех комсомольцев, которые пребывают сейчас еще в лоне комсомола. Партийная и комсомольская масса необыкновенно выросла, но выросли и потребности масс, потребности рабочей и крестьянской молодежи. И тут огромная опасность заключается в том, что *кадровый состав молодежи*, ее ведущий состав не успевает удовлетворять эти запросы, отстает от них.

Комсомольцы жалуются, что неудовлетворительно обстоит дело с нашими кадрами и что в особенности неудовлетворительно поставлено дело с их *теоретической* обработкой. В связи с тем, что я говорил в первой части своего доклада о необходимости пропаганды социализма, мы должны в комсомоле, быть может, тоже на основе широкого добровольческого движения, поставить сейчас вопрос о *теоретической подготовке комсомольцев*. Опыт диспута по вопросу о толковании теории стоимости Маркса в этом отношении показателен. Молодежи этот диспут собрал больше двух тысяч человек. Я думаю, что нам такие вещи нужно всячески поддерживать и нужно комсомольскую массу вовлечь в это теоретическое движение. А практика у нас такова, что у нас почти ни одному знающему молодому талантливому «парню» или молодой талантливой девушке не дают возможности заниматься. При такой политике мы через некоторое время придем к тому, что в решающих областях теории авторитетами у нас будут не наши люди, а либо наши враги, полувраги или наши полудрузья, но во всяком случае не ортодоксальные коммунисты-ленинцы. В институте Маркса и Энгельса [23], например, чрезвычайно мало ортодоксальных партийцев и комсомольцев. И это вовсе не вина этого великолепного и единственного в своем роде учреждения. Его директор тов. Рязанов [24] говорил мне: «Да, дайте, пожалуйста, мне людей, членов партии!». Но мы их *не даем*, мы любого выдающегося человека, независимо от того, сидит ли он в комсомоле или в другой организации, сейчас же упрятываем на административно-политическую работу. Мы *позабываем*, что наука есть наука. Она требует времени, она требует труда, она требует длительной квалификации, она требует борьбы за знания. Нельзя

мимоходом, в особенности в теперешней сложной обстановке, решать задачи, делая «на коленях» заметки. И руководить молодежью теперь нельзя так, как было это прежде. Мы должны поставить перед Центральным Комитетом нашей партии эту проблему. И я думаю, что хорошо было бы, если бы вы на своем съезде обсудили эту проблему и сказали, что мы должны, наконец, отрядить известное количество людей на учебу, на выработку из них теоретических вождей, идеологов партии и комсомола. Без этого нельзя жить. (*Аплодисменты*). Владимир Ильич неоднократно писал и говорил, что он считает величайшим оппортунизмом презрительное отношение к теории. А нас может стукнуть и практика по голове, если мы вовремя не спохватимся и вовремя не поднимем этот вопрос. Но если, с одной стороны, мы должны выделить такие квалифицированные силы специально для выработки из них наших будущих идеологических лидеров, то, с другой стороны, мы должны *во всем* комсомоле поднять интерес к теоретическим вопросам, вызвать большее теоретическое движение молодежи. Почему мы должны держаться на уровне вопросов о том, существует ли бог или нет, когда для целого ряда людей этот вопрос уже решен, и почему мы не ставим других вопросов, которые для многих еще не решены? Например, вопрос о споре с виталистами, вопрос о механическом или диалектическом материализме, вопрос о закономерностях переходного периода и тысячи других. Эти вопросы сейчас дискутируются, но все больше среди замкнутых журналистских ученых и полуученых групп. Мы должны эту теоретическую струю пустить в широкий массовый оборот. Неправда, что рабочая молодежь не откликнется на это. Она с величайшим восторгом откликнется на это дело, если его умело поставить, если каждый раз учитывать опыт соответствующей аудитории, если посылать лекторов, которые сами понимают в этом деле. Таким путем мы поднимем теоретический уровень массы, мы вовлечем новые слои, которым надоела однообразная жвачка, скудная, скучная и монотонная. Нам нужно взять целый ряд новых тонов, нам надо играть на гораздо большем количестве клавишей, нам надо откликаться на ряд запросов, на которые мы еще не умеем откликаться. В связи с этим и отчасти в связи с общим положением о необходимости усилить теперь пропаганду социализма, я должен отметить и следующее: комсомольской организации,

в частности «Комсомольской правде», как я говорил, принадлежит заслуга острой постановки вопроса о критике наших недостатков. Это дело продолжать обязательно нужно, ни в коем случае не снижая тона. Но необходимо периодически *обобщать этот критический опыт*. Почему я это говорю? Потому что необходимо указывать *пути преодоления зла*. Нельзя оставлять молодежь бесперспективной, нельзя строить все на отрицательной критике. Я, разумеется, отлично знаю, что у комсомольского руководства и «Комсомольской правды» нет только отрицательного отношения. Но необходимо чаще и систематичнее обобщать этот критический опыт, чаще и систематичнее указывать перспективу преодоления зла, конкретные пути этого, чаще увязывать отдельные вопросы *с общими задачами нашего социалистического строительства*, с дорожками, по которым идет развитие нашего общества к коммунизму. У нас до сих пор господствует такое представление, что социализм — это такой порядок вещей, который как-то сразу установится. Между тем, социализм *развивается*, создается по частям; он, развиваясь от некоторых своих очагов, завоевывает новые и новые позиции, *растет*. Наша конечная цель — это полное развернутое коммунистическое общество. Но надо дать почувствовать и показать, что социализм в нашей отсталой стране развивается и растет, что то, что у нас есть, несмотря на недостатки и зияющие пробелы, это — развитие социализма, и что он отсталый у нас потому, что находится в начальной фазе своего развития и притом в такой стране, в которой это развитие сопряжено с максимальными трудностями. И тогда, товарищи, когда мы так поставим вопрос, у нас любая реформа, любой кавалерийский или некавалерийский наскок на язвы бюрократизма получит глубокий смысл с точки зрения той *крупной* задачи, которую ставит себе наша партия и которую ставит себе наш комсомол.

6. Школы, социалистические кадры, пионердвижение

В связи с вопросом о кадрах, о которых я говорил, я должен здесь со всей резкостью поставить вопрос о школе. Вот уже если из среды комсомола несется стон, то это *стон о школе*, с какой угодно точки зрения. Вот вчера батрачки и батраки, приехав-

шие на съезд, очень много говорили об этом и, безусловно, говорили с полным пониманием важности этого дела. «Ну, с какой точки зрения ни подойдешь,— говорят они,— нам выхода пока что нет». Прежде всего, ведь в целом ряде деревень вообще нет школ, а иногда их еще закрывают. Во-вторых, нет средств, нет учебников, нет литературы. (Между прочим, все они жаловались — и это надо принять к сведению и руководству — на отсутствие специальной батрацкой литературы). В-третьих, материальная нужда изменяет классовый состав наших школ.

Возьмем цифры классового состава наших учебных заведений в начале учебы и в конце. На начальных ступенях в начале года, мы имеем иногда 46—50 проц. пролетарских элементов, т. е. приличный классовый состав. В конце учебного года — картина нередко иная: 10—15 проц. Почему? Причина та, что учащийся или студент, если он батрак, бедняк и т. д. ниоткуда никаких добавочных средств не получает и не выдерживает, он вынужден оставить учебное заведение. Учебные заведения превращаются в сито, которое задерживает в себе более состоятельные элементы (*аплодисменты*), и, таким образом, мы иногда обольщаем себя очень часто теми цифрами, которые мы получаем при приеме в учебные заведения, но не обращаем внимания на те цифры, которые получаются *в конце* учебного года, а разница между этими цифрами весьма значительная. То, что в школе негде поместить себя батраку; то, что у нас беднейшая часть населения вынуждена уходить из учебных заведений и что материальные ресурсы школы чрезвычайно малы, мне кажется, обязывает нас сказать, что нам нужно, наконец, *начать перестраивать* наш бюджет с гораздо большими ассигнованиями на школу. (*Аплодисменты*). Мне кажется, что «всуе законы писать» относительно наших красных спецов, относительно того, что шахтинское дело требует от нас великолепного пролетарского стопроцентного состава, что нам необходимо иметь своих агрономов, учителей, техников, инженеров и проч., всуе об этом говорить, кричать и писать, если мы не будем давать насущно необходимых для настоящей реализации этого дела средств. Поэтому, мне кажется, комсомол должен занять здесь определенную позицию, в своей резолюции сказать совершенно бесстрашно, полным голосом, на основании учета всего того опыта, который он получит в течение работы этого съезда, что здесь нужно изменить

положение дела. Иначе мы ничего не добьемся ни по линии специально классового улучшения нашей школы вообще, ни по линии состава наших красных спецов, состава наших техников и инженеров, ни по всяческим другим направлениям. Таким образом, товарищи, вопрос относительно наших кадров, в широком смысле этого слова, связан с вопросом относительно нашей школы, и школа есть, пожалуй, одно из самых больных мест в нашем общем советском организме. Я должен сказать, что парадоксальность положения еще более подчеркивается тем обстоятельством, что мы сейчас чрезвычайно занимаемся криками о культурной революции. Культурная революция без материальной базы, культурная революция без школы — это абсолютная ерунда. Об этом тоже нужно сказать. Мы не сможем и не сумеем вести вперед культурную революцию, если не обеспечим минимальными средствами важнейшие элементы подступа к этой самой культурной революции. Таким образом, и с точки зрения социально-классовой, и с точки зрения нашего кадрового состава, и с точки зрения общих задач культурной революции, и с точки зрения классовой борьбы, и с точки зрения хозяйственного строительства, и с точки зрения уничтожения элементарной безграмотности, ну с любой решительно точки зрения *школа должна стоять в центре нашего внимания.*

Должен еще сказать, что вопросы самокритики, вопросы необходимых условий роста и подбора комсомольских активистов связаны и с некоторыми переменами в системе руководства и внутренней механики комсомола. Нужно сейчас взять решительный курс на внутрикомсомольскую критику и внутрикомсомольскую демократию. Несомненно, что нужно *на деле* освежить комсомольский актив, руководящий комсомольский состав. Если в отношении партии целый ряд дел (Шахтинское, Артемовское, Сочинское и проч.) показали, что недостаточно только говорить о самокритике, а нужно также *обеспечить возможность этой самокритики*, т. е. нужно обязательно усилить ноту *выборности* наших органов, то точно так же нужно сказать это и относительно комсомола. Не был бы секретарем комсомольской организации в Сочи поставщик «живого товара», если бы в местной комсомольской организации имела место действительная выборность. Этого не было бы потому, что его в 24 часа выбросили бы, обмазав дегтем со всех сторон, а его не выбросили пото-

му, что существовал «комсомольский зажим» внутри организации. Эти препоны нужно снять для того, чтобы действительно слово претворялось в дело.

Комсомольский съезд должен точно так же прямо сказать, что нужно улучшить *партийное руководство* комсомолом, и здесь я позволю себе не согласиться с отчетом ЦК, где сказано, что оно очень улучшилось. Вряд ли оно очень улучшилось, а может быть ухудшилось. (*Смех. Аплодисменты*).

Я должен сказать, что это особенно видно, начиная с верхов. Наш Центральный Комитет партии сейчас не больше, а фактически меньше, интересовался работой комсомола, нам нечего этого таить. В качестве представителя ЦК я прихожу к вам и докладываю, что ЦК обращал за последнее время на комсомол меньше внимания, чем в «предыдущую эпоху» нашего развития. Если это правильно, то правильно и другое, что на местах было примерно то же самое. (*Смех. Аплодисменты*).

(*Голос*: «*Это самокритика*»). Да, это самокритика. (*Смех. Аплодисменты*).

Я вообще советовал бы чрезвычайно многим товарищам зарубить себе на носу, что самокритика, это вовсе не значит, когда ты критикуешь другого, а самокритика означает, что ты критикуешь самого себя и другим разрешаешь критиковать тебя. (*Смех. Аплодисменты. Из президиума*: «*Это правильно*!»).

Если это правильно, то *не* правильно то, что написано в вашем отчете. (*Смех. Аплодисменты*).

Вот тов. Чаплин объясняет это тем, что корректура ошиблась и вместо одного слова поставила другое. (*Смех. Аплодисменты*).

Комсомольский съезд должен ответить на вопрос относительно партийного руководства по совести, что партийное руководство не улучшилось, а ухудшилось, что это положение нетерпимо, что партийные организации должны это положение изменить, а ЦК партии должен принять все меры, которые отсюда вытекают.

Позвольте коротко отметить еще одну проблему, хотя бы в самом общем виде, *о пионердвижении*. В этой области за последние годы дело обстоит плохо, очень плохо. Помню, на XIII съезде я писал резолюцию относительно «пирамиды», что чем ниже по возрасту, тем шире должен быть охват [25]. Это положение правильно, но у нас сейчас получилось обратное соотношение. У нас получилось та-

кое соотношение, что охват возрастов детскими организациями, долженствующий быть более широким, сживается по сравнению с комсомолом. Уже один этот крупнейший факт сигнализирует на то, что дело обстоит здесь плохо... Если мы присмотримся к этому вопросу, то увидим, что вопрос упирается в первую очередь в недостаток *руководящих кадров*, которые бы понимали что-либо в деле руководства пионерами. К этому в основном сводится постановка задачи. Мне кажется, что ЦК, который вы изберете на этом съезде, должен будет обратить на эту проблему большое внимание; он должен обратить внимание на выработку руководителей из среды комсомола, на смычку с соответствующими педагогами, чтобы на следующем съезде выровнять линию, выйти с другим балансом, не с тем, который мы имели до сих пор.

7. Интернациональные задачи комсомола

Перехожу к последнему пункту, к вопросу относительно интернациональных связей комсомола. Международное положение Советских республик всем известно. Совершенно очевидно, что мы вступили в полосу, когда возможность нападения на нас со стороны капиталистических стран усиливается. Тот, кто наблюдает за международной жизнью последнего периода, без труда увидит, насколько напряженным стало международное положение. Возьмем избирательные кампании. Избирательная кампания во Франции — «парламентская» операция, но разве в этом году избирательная кампания не насыщена была духом самой напряженной классовой борьбы? Как никогда за последнее время! Ни одна из избирательных кампаний во Франции за последние годы не проходила при таком ожесточении. Разве недавно прошедшее 1 Мая не показало нам величайшего обострения классовой борьбы, разве оно не показало, что классовые группировки стали стеной одна против другой? Разве около 400 раненых и убитых в Варшаве во время первомайской демонстрации, цифра, которую мы не слыхали со времен «пятого года», разве она не показывает, что и здесь набухли противоречия капиталистического порядка? Разве различные попытки финансового и экономического бойкота, которые имеются против СССР, не показывают то же самое, не говорят убедительным и ярким языком?

Вот почему для нашей партии и для комсомола вопрос *об интернациональных связях и интернациональной работе приобретает первенствующее значение.* Если мы должны были в Коминтерне сейчас напрячь все усилия для того, чтобы поставить коренным образом тактические проблемы и поставить целый ряд организационных проблем, которые должны повести форсированным маршем наши партии по пути превращения их в массовые коммунистические партии, то всесоюзная делегация в КИМ [26] должна, мне кажется, поставить вопрос об усилении работы Коммунистического Интернационала Молодежи. КИМ в последнее время терял своих членов в большей степени, чем теряли в предыдущий период коммунистические партии. Развитие нашей организации повсюду, развитие комсомольских организаций в Западной Европе должно быть сейчас подчеркнуто на этом съезде, и в этом направлении должно быть даны соответствующие директивы представительству всесоюзного ленинского комсомола в международной организации комсомола. Но нужно сейчас подчеркнуть также задачи *интернационального воспитания* и задачи ознакомления комсомольцев и рабоче-крестьянской молодежи со всеми рабочими партиями, с положением дела в других странах; в то же самое время необходимо налаживать в возрастающей степени прямую связь международного характера; точно так же, как некоторые наши фабричные организации, которые переписываются с рабочими той или другой фабрики во Франции, Германии и проч.,— так должны работать и комсомольцы. Мне кажется, что комсомольская организация должна в возрастающей степени прибегнуть к *разнообразным* методам налаживания своей интернациональной связи, усилить, расширить, углубить эту работу для того, чтобы подготавливать систематически изо дня в день общий фронт всего международного комсомольского пролетариата и идущих за ним слоев деревни.

Таким образом, товарищи, все наши задачи получают в тот период, в который мы входим, огромный размах. Неправда, величайшая чепуха, величайший вздор, что мы переходим только на латание старых подошв. Мы должны выказывать величайшее «внимание к мелочам». Но мы вошли в период, когда у нас в области международных отношений должна идти великая подготовка к огромным боям, которых у нас еще не было, ибо будущие бои — это не есть бои гражданской войны с босыми ар-

миями и с маленькими отрядами, плохо вооруженными и проч.: нам предстоит огромная борьба с капиталистическим мощным врагом, которая потребует напряжения всех международных сил, идущих под нашим знаменем, которая потребует мобилизации всех взрослых и комсомольских организаций, которая будет требовать от них величайшего героизма.

В области нашей внутренней политики и хозяйственного строительства мы приступили точно так же к разрешению задач огромного масштаба, мы приступили к капитальному строительству; мы с величайшим напряжением, с огромными трудностями разрешаем колоссальную задачу. Кто посмеет сказать, что это есть задача, которую можно якобы сравнить с прыжками блохи? Мы поставили гигантскую задачу культурной революции в нашей стране. Мы продолжаем свое наступление на убегающего противника. Мы должны в этот отрезок времени заострить эту борьбу, связанную с нашим социалистическим строительством, мы должны в возрастающей степени теснить внутреннего врага, мобилизуя вокруг нашей партии и комсомола все более широкие массы, приступая к широкой мобилизации всех слоев международного пролетариата. Наши комсомольцы были всегда в передних рядах борцов с империалистической войной. Вожди комсомольских организаций и вышедшие из них новые лидеры наших коммунистических партий всегда стояли в первых шеренгах против империалистической войны. Они там будут стоять и впредь, и наш съезд, съезд Всесоюзного ленинского комсомола, должен и здесь сказать свое полновесное слово. Мы вступили в период задач более великих, чем когда бы то ни было, и, как в прежний период, комсомольская организация будет поставщиком великой революционной энергии, она и в этот исторический период будет идти под тем же славным знаменем. Она не успокоится тем, что всесоюзный пролетариат вручил ей Красный орден [27]. Она будет носить этот орден для того, чтобы завоевать еще более славные, еще более решающие и еще более могучие победы. (*Бурные аплодисменты. Съезд встает и устраивает т. Бухарину овацию*).

ЗАМЕТКИ ЭКОНОМИСТА

К НАЧАЛУ НОВОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО ГОДА[1]

30 сентября 1928 г.

Наступает новый хозяйственный год. И совершенно естественно, что у всякого мыслящего рабочего, а тем более рабочего-коммуниста, появляется потребность подвести известные итоги, наметить известные перспективы, увидеть всю картину нашего хозяйственного развития в *целом.* Посмотрите на письма рабочих, на записки, подаваемые во время многоразличных собраний, послушайте выступления рядовых пролетариев. Какой огромный культурно-политический рост! Какой уровень вопросов и проблем, копошащихся в головах массы! Какая жгучая потребность доискаться до «корня вещей»! Какая неудовлетворенность ходячей и стертой монетой штампованных и пустоватых фраз, элементарных, как бревно, и похожих одна на другую, как две горошины. Надо сознаться, что здесь, в этих «ножницах» между запросами массы и той «духовной пищей», которая ей подается (подается часто холодной или неряшливо едва-едва разогретой), есть большая доля вины с нашей стороны вообще, со стороны нашей печати — в особенности. Разве те вопросы, жгучие и «больные», которые сверлят мозги многим и многим, находят у нас достаточно живой отклик? Разве разного рода сомнения получают достаточное разъяснение с нашей стороны? Разве у нас достаточно удовлетворительно поставлено дело серьезной информации о нашем хозяйстве? Разве мы в достаточной степени ставим перед массой, и *рабочей* массой в первую очередь, сложнейшие проблемы нашего хозяйствования? Нет, и тысячу раз нет: здесь у нас громадный пробел, который нужно заполнить, чтобы иметь право говорить о *серьезных* усилиях по вовлечению масс в активное социалистическое строительство.

Но дело, разумеется, не только в пропаганде. Стремясь извлечь уроки из нашего собственного прошлого и непрерывно критикуя самих себя, мы должны прийти также к следующему выводу: мы и сами недостаточно осознали еще всю *новизну условий реконструктивного периода*. Именно поэтому мы так «запаздывали»: проблему своих спецов поставили лишь после шахтинского дела, проблему совхозов и колхозов сдвинули практически с места после хлебозаготовительного кризиса и связанных с ним потрясений и т. д., словом, действовали в значительной мере согласно истинно русской поговорке: «Гром не грянет — мужик не перекрестится».

Когда мы в свое время переходили от военного коммунизма к новой экономической политике, мы самым смелым, самым решительным образом стали перестраивать все наши ряды. Эта огромная перегруппировка сил, наряду с бешеной пропагандой таких лозунгов, как «учись торговать» и т. д., была предпосылкой наших хозяйственных успехов.

Переход к *реконструктивному периоду*, разумеется, не выражает принципиального сдвига хозяйственной политики, что, несомненно, было в 1921 году. Однако он имеет огромнейшее значение, так сказать, в *другом измерении*. Ибо существует величайшая разница между, скажем, простой *починкой* моста и его *постройкой*: последнее требует знания и высшей математики, и сопротивления материалов, и тысячи других премудростей. То же и в масштабе *всего* хозяйства. Реконструктивный период поставил ряд сложнейших *технических* задач (проектирование новых заводов, новая техника, новые отрасли промышленности), ряд сложнейших *организационно-экономических задач* (новая система организации труда на предприятиях, вопросы standort'а[2] индустрии, районирования, формы всего хозяйственного аппарата и пр.), ряд величайшей трудности задач *общего хозяйственного руководства* (сочетание в новых условиях основных элементов хозяйства, вопросы социалистического накопления, вопросы экономики в связи с вопросами классовой борьбы, опять-таки в *новых* условиях этой борьбы, и т. д.), наконец, ряд проблем, касающихся *людского* аппарата (вовлечение масс в процесс рационализации, с одной стороны, проблема квалифицированных кадров — с другой). Крупные технические завоевания капиталистического мира (особенно в Германии и Соединенных Штатах) и рост

мирового производства крайне заостряют постановку наших внутренних проблем. Между тем мы не произвели необходимой перегруппировки наших сил или, вернее, производили ее не в той мере, не в том темпе и не с той энергией, как это требовалось объективным ходом вещей.

I

Истекший год подводит итог целому *трехлетию* реконструктивного развития нашей экономики. Страна сделала громадный прыжок вперед. Прямо смешно бывает читать преученые рассуждения наших беглых Бруцкусов[3] и Загорских и различных «светил» иностранной науки, которые, подцепив парочку газетных сенсаций из области «сведений» made in Riga[4] и напялив на себя важнецкие колпаки, с превеликим усердием тщатся доказать «крах советского хозяйства», «крах коммунизма», «крах большевизма» и прочие «крахи» на тему: что думают Чемберлены[5], когда им не спится. Между тем всякому непредубежденному наблюдателю, у которого сохранилась хотя бы минимальная способность объективного суждения, ясно, что как ни верти и как ни вертись, хозяйство СССР по большинству главнейших направлений бешено мчится вперед и что самые зигзаги этого бега и как будто внезапные своеобразные «кризисы» этого хозяйства являются всем, чем угодно, но только не предвестниками любезного белым сердцам «краха большевистской системы».

За последние годы в ряде производственных отраслей, в первую очередь промышленных, мы уже подошли к серьезным техническим сдвигам: наша *нефтяная* промышленность, черное гнездо которой прочно слажено в Бакинском районе, пережила настоящую техническую революцию и почти переоборудована на американский лад; наше *машиностроение*, основной рычаг дальнейшего переворота и индустриальной переделки страны, двинулось большими шагами вперед; его особый отряд, *сельскохозяйственное машиностроение*, втрое превысил цифры довоенного уровня; выросла целая новая ветвь промышленности — *электротехническая* промышленность; заложен фундамент нашей *химической* промышленности и впервые на нашей территории мы приступаем к добыче азота из воздуха; *электрификация*, постройка электростанций неуклонно завоевывают все новые и новые позиции; хо-

зяйственно-техническая революция выбрасывает свои щупальцы и в деревню: мощно поддерживая и развивая кооперативные объединения крестьян, она уже выслала около 30 000 *тракторов* в поля и степи нашей страны, и тракторные колоны, как боевые дружины технического переворота, появляются уже нередко гостями на самых отсталых, поистине варварских участках нашего Союза,— впервые ножи тракторных плугов поднимают целину сальских, украинских, заволжских, казахских степей, и вольный ковыль в последний раз поет свою предсмертную песнь [6].

Посмотрите на сухие цифры, которые своим строгим языком рассказывают нам о продолжающейся революции в нашем Союзе.

Основной капитал всего государственно-кооперативного сектора народного хозяйства СССР вырос за 3 года (1925/26—1927/28) на 4 млрд руб. по ценам 1925/26 года (+14 % с лишком).

Основной капитал государственной и кооперативной промышленности за те же годы и в тех же ценах поднялся с 6,3 млрд руб. до 8,8 млрд руб., т. е. на $2^1/_2$ млрд (+39—40 %), причем темп прироста достиг за последний год огромной цифры в 15 %.

Эти данные говорят о реальном накоплении, т. е. о *расширенном воспроизводстве*. Если же взять *всю* сумму капитальных вложений, т. е. включать и возмещение сношенных частей «капитала», то мы получим такие цифры.

Весь обобществленный сектор: здесь цифра годовых вложений поднялась с 2 млрд до 3,4 млрд руб. по тем же ценам.

Государственная и кооперативная промышленность: здесь соответствующие цифры будут составлять 890 млн руб. в 1925/26 году и 1,5—1,6 млрд в 1927/28 году.

Интересно также отметить систематический рост совершенно *нового промышленного строительства*. Доля средств, идущих на это строительство, в процентах к общим ассигнованиям на промышленность неуклонно возрастает: 1925/26 год — 12 %, 1926/27 год — 21 %, 1927/28 год — 23 %. Чрезвычайно быстро растет удельный вес промышленности во всем народном хозяйстве, удельный вес производства средств производства в промышленном секторе и т. д. Характерно при этом то обстоятельство, что доходы *крестьянства*, по последним исследованиям, почти *наполовину* состоят из доходов *промыш-*

ленных (промыслы, строительство, доходы от лесоразработок и пр.)*. Все это показывает, насколько быстро идет процесс индустриализации страны, насколько ярко идет в то же время процесс *социализации* (обобществления) всей ее экономики. Цифры, касающиеся вытеснения частника, общеизвестны. Растет товарооборот страны, в частности оборот между городом и деревней. Растет грузооборот. Растет бюджет. Из года в год увеличивается численность рабочего класса. Растет материальный и культурный уровень его жизни. И т. д. и т. д.

И в то же время рост нашей экономики и несомненнейший рост *социализма* сопровождаются своеобразными «кризисами»[7], которые, при всем *решающем* отличии закономерностей нашего развития от капиталистического, *как будто* «повторяют», но в вогнутом зеркале, кризисы капитализма; и тут и там диспропорция между производством и потреблением, но у нас это соотношение взято «навыворот» (там — перепроизводство, здесь — товарный голод; там — спрос со стороны масс гораздо меньше предложения, здесь — этот спрос больше предложения); и тут и там идет вложение огромных сумм «капитала», которое связано со специфическими кризисами (при капитализме) и «затруднениями» (у нас); но у нас и это соотношение взято «навыворот» (там — перенакопление, здесь — недостаток капитала); и тут и там — диспропорция между различными сферами производства, но у нас типичен *металлический голод. Безработица* у нас имеет место одновременно с систематическим ростом численности занятых рабочих. Даже аграрный «кризис» у нас идет «навыворот» (недостаток предложения хлеба). Словом, в особенности истекший год поставил перед нами проблему *наших «кризисов»*, имеющих место в начальные периоды переходной экономики в стране отсталой, мелкобуржуазной по составу своего населения, находящейся во враждебном окружении.

Маркс, как известно, дал теорию *капиталистических кризисов*. Эти кризисы он выводил из общей бесплановости («анархии») капиталистического производства, из невозможности при капитализме правильных *пропорций* между различными элементами процесса воспроизводства, в том числе между производством и потреблением, или,

* См.: Контр. цифры Госплана на 1927/28 г., с. 16.

другими словами, из *невозможности для капитализма «сбалансировать» различные элементы производства.* Это вовсе, конечно, не значит, что Маркс обходил *проблему классов и классовой борьбы.* Потребление масс, его уровень, самая ценность рабочей силы включают, по Марксу, и момент классовой борьбы. Во всей механике развертывающихся противоречий между производством и потреблением, между ростом производства и отношениями распределения, уже *включена* эта борьба классов, *напяливающая на себя костюм экономических категорий.* Оторвать классы и классовую борьбу от экономических отношений пытался известный буржуазный экономист, проф. *Туган-Барановский*, который в своей «социальной теории распределения» подчеркивал *только* момент «классовой борьбы», *выбрасывая за борт ее экономические определения*, а в своей теории кризисов, выбрасывая момент потребления масс, выбрасывал тем самым целиком и момент классовой борьбы. Единственно правильной является, однако, именно теория Маркса, а не буржуазная теория *Туган-Барановского.* Поэтому и к вопросу о *наших* «кризисах» можно и должно подходить с методологией Маркса, а не «социальной теорией распределения» *Туган-Барановского*, хотя она внешне и «базируется» на «классовом» принципе. С другой стороны, смешно упрекать, скажем, схемы воспроизводства во II томе «Капитала» в том, что они, эти схемы, игнорируют проблему классов: это значило бы не понимать ни теории классовой борьбы, ни марксовой теории воспроизводства.

В переходный период (переходный от капитализма к социализму) классы еще остаются и классовая борьба временами даже обостряется [8]. Но общество переходного периода есть в то же время известное *единство*, хотя и противоречивое. Поэтому и для этого общества (с гораздо большим, если уж на то пошло, «правом») можно построить, по аналогии со вторым томом «Капитала», «схемы воспроизводства», т. е. наметить условия правильного сочетания различных сфер производства и потребления и различных сфер производства между собою, или, другими словами, условия *подвижного экономического равновесия.* По сути дела, в этом и состоит задача выработки *народнохозяйственного плана,* который все больше и больше приближается к балансу всего народного хозяйства, плана, сознательно намечаемого, являющегося и предвидением (прогнозом), и директивой одновременно.

Поставим теперь дальнейший вопрос: если у нас «кризисы» имеют как будто характер «вывернутых наизнанку» капиталистических кризисов; если у нас эффективный спрос масс шагает впереди производства, то *не есть ли «товарный голод» общий закон нашего развития*? Не обречены ли мы на — периодические или непериодические — «кризисы» на *обратной* основе, на *ином* соотношении между производством и потреблением? Не суть ли эти «критические» затруднения *железный закон* нашего развития? [9]

В этой встречающейся и в нашей экономической литературе постановке вопроса уже заранее заложен определенный порок. Здесь смешиваются две совершенно различные вещи: с одной стороны, отставание — в каждый данный момент — развертывающихся производительных сил от еще более быстро растущих потребностей («спроса» — в широком смысле этого слова), с другой — специфически острая, «кризисная», форма, а именно форма *товарного голода* (где уже идет речь о спросе *платежеспособном*). Первое явление выражает лишь тот факт, что общество действительно переходит к социализму, что рост потребностей является *непосредственной* двигательной пружиной его экономического развития, что производство становится *средством* и т. д. Совсем другое — *моменты кризисного характера*, которые *нарушают ход воспроизводства*. Они могут лежать лишь в *нарушении* условий экономического равновесия, т. е. вытекать из *неправильного сочетания элементов воспроизводства* (*включая сюда и момент потребления*). «Извращенный» — по сравнению с капиталистическим — характер «кризисов» определяется действительно принципиально *новым* соотношением между потребностями масс и производством. Но это соотношение не есть развивающийся *антагонизм* (наоборот, производство догоняет все время потребление масс, идущее впереди, являющееся основным стимулом всего развития), поэтому здесь нет базы для «ЗАКОНА кризисов», для закона *неизбежных* кризисов. Но здесь *могут* быть «кризисы», вытекающие из *относительной анархичности, т. е. относительной бесплановости* хозяйства переходного периода.

Относительная *бесплановость* — или *относительная* плановость — хозяйства переходного периода имеет своей основой существование мелких хозяйств, форм рыночной связи, т. е. значительных элементов стихийности. Поэто-

му и сам план имеет особую природу: это вовсе не более или менее «законченный» план развитого социалистического общества. В этом плане есть много элементов предвидения *стихийной равнодействующей* (например, исчисление урожая, товарной массы хлеба, товарной массы продуктов крестьянского производства вообще, а следовательно, и цен и т. д. и т. п.), которая становится исходным пунктом для той или другой директивы. Именно поэтому у нас невозможен «идеальный» план [10]. Именно поэтому здесь до *известной* степени могут иметь место ошибки. Но ошибка, имеющая свое объяснение, и даже *неизбежная* ошибка, не перестает быть *ошибкой*. Это во-первых. Во-вторых, грубейшее нарушение основных пропорций (как у нас в случае с зерновым хозяйством, о чем ниже) и соответствующие просчеты *отнюдь не неизбежны*. В-третьих, если любой хороший план не всемогущ, то плохой «план» и плохое хозяйственное маневрирование вообще могут загубить и хорошее дело.

В давнишней полемике с троцкистами [11] (см. сборник: «К вопросу о троцкизме») нам приходилось доказывать, что *нельзя переоценивать планового начала* и не видеть очень значительных элементов *стихийности*; приходилось еще тогда разжевывать ту истину, что понятие пропорции между отраслями промышленности, взятой «в себе», т. е. безотносительно к крестьянскому рынку, есть *бессмысленное* понятие, что именно поэтому сила нашего плана *относительна* и структура его *своеобразна*. А в полемике с *Е. А. Преображенским* (см. «К вопросу о закономерностях переходного периода» [12]) приходилось разъяснять, что нельзя при анализе закономерности переходного периода отвлекаться от экономической политики пролетарского государства, ибо здесь огромная часть хозяйства есть *государственное* (и связанное с ним кооперативное) хозяйство, важнейшие хозяйственные организации суть *государственные* организации и т. д. Поэтому, несмотря на относительность нашего планирования, роль его поистине *огромна*; крупные ошибки хозяйственного руководства, вызывая нарушение основных хозяйственных пропорций в стране, могут тем самым вызвать к жизни и крайне неблагоприятные для пролетариата перегруппировки классов. Нарушение необходимых *экономических* соотношений имеет своей другой стороной нарушения *политического* равновесия в стране.

Из того, что «товарный голод» не есть абсолютный закон развития переходной экономики, что *«кризисные»* нарушения основных хозяйственных пропорций не неизбежны, вытекает следующее:

Чтобы добиться возможно более благоприятного (возможно более бескризисного) хода общественного воспроизводства и систематического роста социализма, а следовательно, возможно более выгодного для пролетариата соотношения классовых сил в стране, необходимо добиваться возможно более правильных сочетаний основных элементов народного хозяйства («балансировать» их, расставлять их наиболее целесообразным образом, активно воздействуя на ход экономической жизни и классовой борьбы).

Всякий отказ от этой важнейшей и наисущественнейшей задачи является *капитуляцией перед мелкобуржуазной стихией*, воплощением знаменитых исторических лозунгов мелкобуржуазной расхлябанности: «авось», «небось» и «как-нибудь». По сути дела, смешно даже доказывать эту аксиому. Но такова консервативность и рутина нашего бюрократического аппарата, что ее еще *приходится* «доказывать», ибо там сплошь и рядом еще гнездится эта изумительная идеология: раз затруднения *все равно* будут — айда на печку!

II

Реконструктивный период требует от хозяйственного руководства самого тщательного продумывания проблем текущей политики. Здесь прежде всего вновь ставится все тот же «проклятый» вопрос *о соотношении города и деревни*, и вновь разогреваются старые «рецепты», долженствующие якобы спасти нас от всяких зол и напастей: троцкистские чревовещатели, эти садовники, дергающие растение за верхушку, чтобы оно «скорее росло», и мелкобуржуазные рыцари крепкого хозяина, которые скорбят и хнычут по поводу «форсированного наступления на кулачество»,— все они загомозились на фоне затруднений в связи с хлебозаготовками, ожили, возобновили продукцию своих панацей, выступили — в который раз! — со своими пожеланиями, требованиями, предостережениями, угрозами. Рассмотрим и мы эту «проблему проблем», еще раз критически проверив свою линию.

Мы провели историческую борозду между капиталистическим миром и миром пролетарской диктатуры, но нам полезно использовать исторический опыт капитализма. Нам полезно использовать этот опыт и с точки зрения интересующей нас проблемы, тем более что все мы помним положение Маркса: различные типы соотношений города и деревни отмечают целые исторические эпохи.

В пределах и рамках капитализма нетрудно различить три основных типа отношений. *Первый* тип — наиболее отсталое, полукрепостническое *сельское* хозяйство, крестьянин-паупер, голодная аренда, беспощадная эксплуатация мужика, слабая емкость внутреннего рынка. (Пример: дореволюционная Россия). *Второй* тип — гораздо меньшие остатки крепостничества, крепостник-помещик в значительной степени уже капиталист, более зажиточное крестьянство, большая емкость крестьянского рынка и т. д. *Третий* тип — *«американский»* — почти полное отсутствие феодальных отношений, «свободная» земля, на начальных ступенях развития отсутствие абсолютной ренты, зажиточный фермер, огромный внутренний рынок для промышленности. И что же? Нетрудно видеть, что *мощь и размах* индустриального развития, мощь и размах роста производительных сил были максимальны именно в *Соединенных Штатах*.

Троцкисты, ставя проблему *максимальной* перекачки (взять все, что «технически досягаемо»; брать больше, чем брал царизм, и т. д.), хотят поместить СССР в этом историческом ряду *«за» старой Россией*, в то время как его нужно поместить *«за» Соединенными Штатами Америки*. Ибо если Соединенные Штаты осуществляют наиболее быстрое *в пределах капитализма* развитие сельского хозяйства и движения производительных сил в целом, то мы — на *социалистическом* базисе, на основе решительной борьбы со всеми капиталистическими элементами — должны идти еще быстрее, в тесном *союзе* с решающими массами крестьянства. В своей наивности идеологи троцкизма полагают, что максимум годовой перекачки из крестьянского хозяйства в индустрию обеспечивает максимальный темп развития индустрии вообще. Но это явно неверно. Наивысший *длительно* темп получится при таком сочетании, когда индустрия подымается на *быстро растущем* сельском хозяйстве. Именно тогда и *индустрия* дает *рекордные* цифры своего развития. Но это предполагает возможность быстрого реального накопления в

сельском хозяйстве, следовательно, отнюдь не политику троцкизма. Переходный период открывает *новую эпоху* в соотношении между городом и деревней, эпоху, которая кладет конец систематическому отставанию деревни, «идиотизму деревенской жизни», которая закладывает фундамент курса на *уничтожение* противоположности между городом и деревней, которая поворачивает самую индустрию «лицом к деревне» и индустриализирует сельское хозяйство, выводя его с исторических задворок на авансцену экономической истории. Троцкисты не понимают, следовательно, того, что *развитие индустрии зависит от развития сельского хозяйства.*

С другой стороны, мелкобуржуазные рыцари, «защищающие» сельское хозяйство от всяких долевых отчислений в пользу индустрии, стоят, по сути дела, на точке зрения увековечения мелкого хозяйства, его убогонькой техники, его «семейной» структуры, его узенького культурного горизонта. Глубоко консервативные по существу, видящие в хуторском хозяйстве альфу и омегу техники агрономии, экономики,— эти идеологи «хозяйчика» отстаивают рутину и индивидуализм в эпоху, которая ставит на своем знамени революционное преобразование и коллективизм, и, по сути дела, расчищают путь махрово-кулацким элементам. Если троцкисты не понимают, что развитие индустрии зависит от развития сельского хозяйства, то идеологи мелкобуржуазного консерватизма не понимают, что *развитие сельского хозяйства зависит от индустрии*, т. е. что без трактора, химического удобрения, электрификации сельское хозяйство обречено топтаться на месте. Они не понимают, что именно индустрия есть рычаг радикального переворота в сельском хозяйстве и что без *ведущей роли* индустрии невозможно уничтожение деревенской узости, отсталости, варварства и нищеты.

Исходя из преодоления обоих этих флангов «общественой мысли», мы должны теперь разрешить конкретный вопрос о соотношении между индустрией и сельским хозяйством у нас в СССР *в данный* период. Основные факты, которые мозолят всем глаза, таковы: при общем росте оборота между городом и деревней — товарный голод, т. е. и недостаточное (резко недостаточное) покрытие деревенского спроса, следовательно, как будто отставание промышленности от сельского хозяйства; с другой стороны, затруднения с хлебом, недостаточное предложение хлеба по сравнению со спросом на него, т. е. как будто

отставание сельского хозяйства; огромный рост промышленной продукции и огромный рост капитального строительства, и в то же время — весьма значительный *товарный дефицит*. Все эти «парадоксы» нашей хозяйственной жизни должны получить свое разрешение. От этого разрешения зависят и основные директивы нашей политики.

Троцкий в своем заявлении Коминтерну («Июльский пленум и правая опасность»)[13] — документе неслыханно клеветническом и кликушеском — пытается местами *аргументировать*, опомнясь на минуту от перманентного визга. Важнейшие места аргументации: 1) «что отсталость сельского хозяйства является причиной всех трудностей, это, разумеется, бесспорно»; 2) «по типу своему нынешнее сельское хозяйство бесконечно отстало, даже по сравнению с нашей очень отсталой промышленностью»; но 3) «несмотря на несравненно более высокий свой, по сравнению с сельским хозяйством, технико-производственный тип, наша промышленность не только не доросла еще до ведущей и преобразующей, т. е. до подлинно социалистической роли по отношению к деревне, но и не удовлетворяет даже и текущих товарно-рыночных потребностей, *задерживая* тем самым ее развитие»; 4) «поднять сельское хозяйство вверх (точно его можно подымать и вниз! — *Н. Б.*) можно только через промышленность. Других рычагов нет... Смешивать воедино два вопроса: об общей исторической отсталости деревни от города и об отставании города от рыночных запросов сегодняшней деревни — значит сдавать гегемонию города над деревней».

Из этих рассуждений делаются и выводы: партия с XII съезда (!!) вела *правую политику*, политику недостаточной индустриализации и, следовательно, утери темпа, откуда и вырос кризис хлебозаготовок; партия в феврале признала, утверждает Л. Д. Троцкий, отставание промышленности, но теперь (после июльского Пленума и отмены чрезвычайных мер) партия снова взялась за старое и т. д. и т. д. *Генеральный* вывод: необходимо форсировать индустриализацию *сверх* того, что делается в настоящее время (о других «выводах» автора здесь говорить не место).

В этих рассуждениях поражает не только то, что они кричаще противоречат «музыке социализма», которую автор перманентной революции слышал в первых контрольных цифрах, появившихся, как это всем известно, *гораздо*

позднее XII съезда[14]. В этих рассуждениях поражает прежде всего полное отсутствие анализа динамики развития. Ни вопрос об основных фондах промышленности по сравнению с основными фондами сельского хозяйства, ни вопрос о величине продукции пром. и с. х., ни вопрос о движении этих соотношений не интересуют автора. Между тем соответствующие факты кое о чем говорят даже для людей, трижды оглушенных буржуазной ложью о СССР.

Эти факты находят свое выражение в следующих цифрах* (см. *таблицу*).

Из этих *рекордных* цифр по промышленности вытекает, что дело не просто в «технико-производственном типе» промышленности, который более высок, чем «тип» крестьянского хозяйства (эта святая истина вряд ли нуждается даже в упоминании), что *не только «тип»*, но и *конкретная динамика развития дает гигантский перевес индустрии* и обобществленному сектору вообще. Из этих *рекордных* по промышленности цифр вытекает также, что не в якобы низком *темпе* развития (при *данных* средствах, ресурсах и возможностях) лежит *корень* объяснения того, что наша промышленность не покрывает деревенского спроса,— темп развертывания нашей промышленности по сравнению с капиталистическими странами *неслыханно высок* (даже товарная продукция промышленности растет значительно быстрее товарной продукции сельского хозяйства); из этой картины вытекает, что дело отнюдь не в отставании индустрии от сельского хозяйства. Словом, из этих цифр вытекает необходимость искать какое-то другое, менее элементарное, но более *действительное* объяснение.

Характерно, что Троцкий и троцкисты не только «не интересуются» всеми вышеприведенными фактами (в 1925 году они аналогичными фактами все же интересова-

---

* Данные берем тоже из контрольных цифр Госплана, только не на 1925/26 г. (как это делал Троцкий в 1925 г.), а на 1927/28 г. (с. 520—521 — проценты вычислены нами — 464—467). Кроме данных по ВСНХовской промышленности, которые взяты из «Сводного Промфинплана» на 1927/28 г. (с. 97 и 99). Необходимо иметь в виду, что данные Госплана на 1927/28 г. оказались для промышленности преуменьшенными, а для сельского хозяйства — несколько преувеличенными. Более свежие данные тт. смогут получить из «Контрольных цифр» Госплана на 1928/29 г., которые, вероятно, скоро выйдут из печати.

A. Прирост основных фондов
(в % к предыдущему году)

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
I			
Госпромышленность	+8,0	+10,7	+13,1
Электростроительство	+21,3	+44,1	+44,0
Госпромышленность с электрострстр.	+8,6	+12,4	+15,1
II			
Весь обобществл. сектор в целом (госпром.+ электрострстр.+ + трансп.+ жил. ком. стр. + + кооперация и т. д.)	+3,5	+5,5	+7,6
III			
Сельское хозяйство	+4,6	+4,3	+4,7
В том числе частное	+4,5	+4,0	+4,3

B. Прирост валовой продукции
(в % к предыдущему году)

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
I			
Вся промышленность (по довоен. ценам)	+39,3	+13,7	+13,4
В том числе цензовая	+45,2	+15,1	+14,3
В том числе ВСНХовская (по опт. ценам на 1/X 1926 г.)	—	+19,6	+23,1
II			
Сельское хозяйство (без лесн. хоз., рыболовства и охоты; цены довоен.)	+20,6	+3,9	+3,0
В том числе зернов. культуры	+32,4	+3,8	—1,9

C. Прирост товарной продукции
(в % к предыдущему году)

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
I			
Вся промышленность (цены довоен.)	+38,5	+13,5	+13,9
В том числе цензовая	+45,2	+15,0	+15,1
В том числе ВСНХовская (по отпускным ценам 1/X 1926 г.)	—	+15,1	+17,6
II			
Сельское хозяйство (без лесн. хоз., рыболовства и охоты; довоенные цены)	+11,3	+8,1	+8,9
В том числе зерновое хозяйство	+30,8	+10,2	+6,8

лись, правда с «музыкальной» точки зрения), но они «не замечают» и других крупнейших по своему значению фактов. Видимость аргумента у Троцкого — *непокрытие деревенского спроса*. Но он отнюдь не затрудняет себя вопросом о характере этого спроса, о структуре спроса на промтовары вообще и т. д. Между тем эти вопросы, как мы сейчас увидим, имеют *решающее* значение.

Во-первых, почему у «сверхиндустриалистов» троцкистского толка *деревенский* спрос отождествляется со спросом *сельского хозяйства*, и в частности со спросом со стороны *зернового хозяйства*,— спросом, основанным на движении соответствующей сельскохозяйственной или даже зерновой *продукции* (ибо говорить об «отставании» или «неотставании» промышленности от с. х. на основании непокрытого деревенского спроса можно только при условии такого отождествления)? Почему не делается никакой, *ровно никакой* попытки проанализовать структуру *деревенского спроса*?

Между тем уже в «Контрольных цифрах» на 1927/28 год мы читаем, что, «по последним исследованиям, сумма этих доходов (доходов не специально сельскохозяйственного характера.— *Н. Б.*) оказывается *почти равной сумме доходов от реализации сельскохозяйственных продуктов**. В 1927/28 году доход от реализации сельскохозяйственной продукции (вне деревни) составлял 2634 млн. черв. руб., а от неземледельческих занятий (вне деревни) — 2400 млн. руб.**

Таким образом, действительно, *почти половина доходов крестьянства* (а следовательно, *почти половина деревенского спроса*) есть результат не земледелия, а других заработков, и в первую очередь заработков, связнных с *самой промышленностью* (строительные работы и пр.)[15]. *Поэтому делать вывод об отставании промышленности ОТ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА, на основе только факта непокрытого деревенского спроса,— нелепо.*

Во-вторых, делать этот вывод вдвойне нелепо, если связывать его (как это и делают г-да критики) с кризисом *хлебозаготовок*, т. е. с проблемами *зернового* хозяйства. Теперь-то и малому дитяти ясно, что оппозиционные побасенки об «ужасно аграмадных» натуральных зерновых фондах деревни, все эти разглагольствования

* Контрольные цифры Госплана на 1927/28 г., с. 16.
** Там же, с. 468.

о 900 млн. пудов разлетелись, как яркие пузыри, и лопнули навсегда[16]. *Никто* больше этим россказням не верит. Наоборот, все яснее и яснее становится то обстоятельство, что *хлеба* у нас производится вообще *мало*, что у нас часто в подсчетах *смешивали* растущие доходы деревни, ее *общие* доходы с доходами от *зерна*, т. е. по росту суммарных деревенских доходов неправильно судили о *движении производства зерновых хлебов*.

Даже по предположительным данным «Контрольных цифр» на 1927/28 год, данным, которые оказались для 1927/28 года по зерну *преувеличенными*, отмечалось *сокращение* валового сбора зерновых культур. По этим данным, сбор зерновых хлебов составлял в 1926/27 году 3779 млн руб. по довоенным ценам, в 1927/28 году — 3708 млн руб.; в процентах к предыдущему году составляет для 1926/27 года прирост на 3,8 %, а для 1927/28 года — *сокращение на* 1,9 % (а в действительности сокращение оказалось еще больше). В червонном исчислении *оба года* показывают сокращение: в 1926/27 году на 15,5 %, в 1927/28 году дальнейшее сокращение на 0,6 %*.

Таким образом, *при бурном росте индустрии, при значительном росте населения, при подъеме потребностей этого населения количество хлеба в стране не растет*. Разве не ясно, что наплевистское отношение к *зерновой* проблеме являлось бы при таких условиях настоящим преступлением? И разве не ясно, что троцкистская постановка вопроса и троцкистское его «решение» вели бы прямехоньким путем к действительному, а не иллюзорному краху.

Хлебозаготовительный кризис явился выражением вовсе не *изобилия* хлеба при голоде на промтовары[17]. Это «объяснение» не выдерживает никакой критики. Он *подготовлялся* в обстановке измельчания крестьянского хозяйства[18] стабильностью или даже падением зернового хозяйства и *проявился*: 1) при выросшей диспропорции цен на зерно, с одной стороны, техкультур — с другой; 2) при росте добавочных доходов от неземледельческого труда; 3) при недостаточном повышении налоговых ставок на кулацкие хозяйства; 4) при недостаточном снабжении деревни промтоварами; 5) при возросшем хозяйственном влиянии кулачества в деревне.

В своем существе кризис этот связан был с неправильной политикой цен, с огромным разрывом цен на

* Контрольные цифры Госплана на 1927/28 г., с. 464, 465.

зерно и на другие продукты сельского хозяйства. В результате этого происходило перераспределение производительных сил в *сторону* от зернового хозяйства, их (относительное) *бегство* из области зерновой продукции. Само собой разумеется, что этот процесс наиболее ярко проявлялся *в производящих районах.* Вопиющим примером (не типичным, однако, примером) неправильного маневрирования с ценами является *Северный Кавказ.* Здесь валовой сбор пшеницы с десятины был: в 1925/26 году — 69,9 пуда; в 1926/27 году — 37,9 пуда; в 1927/28 году — 29,8 пуда. При этом сбор в 69,9 пуда сопровождался со стороны заготовительных органов ценой в 1 руб. 15 коп., а при сборе в 37,9 пуда — в 1 руб. 02 коп. В результате, если вычесть семена, крестьянин выручал с десятины: в 1925/26 году — 72 руб., в 1926/27 году — 32 руб., в 1927/28 году — 24 руб. Если даже допустить, что эти данные не вполне точны, все же они с достаточной ясностью характеризуют определенную тенденцию. Конечно, это пример исключительный, по нему нельзя судить об общем положении вещей. Но он указывает на большие прорехи не только в области нашего общего планирования (просчет с зерном в масштабе СССР), но и в области нашего порайонного маневрирования.

Если процесс топтания на месте (и даже падения) зернового хозяйства наиболее резко проявлялся в производящих районах, то он не мог не отражаться в конце концов и на районах потребляющих: отсутствие снабжения хлебом этих районов должно было приводить к росту натурализаторской тенденции.

Здесь — пару слов о значении закона цен. С легкой руки *Е. А. Преображенского* идеологи троцкизма воображают, что закон социалистического накопления должен чем дальше, тем больше насиловать закон ценности, который есть закон равновесия *товарного* производства. Здесь не место разбирать подробно всю абсурдность этого положения. Укажем здесь, что самое противопоставление закона ценности как закона товарного производства и закона социалистического накопления как заместителя и наследника закона ценности *нелепо* уже по одному тому, что и при капитализме был закон накопления, действовавший на *основе* закона ценности: поэтому закон ценности может перерастать в наших условиях во что угодно, но только не в закон накопления. Сам закон накопления предполагает существование другого закона, на

основе которого он «действует». Что это — закон трудовых затрат или что-либо иное — в данном случае для нас безразлично. Ясно одно: если какая-либо отрасль производства систематически не получает обратно издержек производства плюс известную надбавку, соответствующую *части* прибавочного труда и могущую служить источником расширенного воспроизводства, то она либо стоит на месте, либо *регрессирует*. Этот закон «годится» и для зернового хозяйства. Если соседние отрасли производства находятся в сельском хозяйстве в лучшем положении, происходит процесс *перераспределения* производительных сил. Если этого нет — происходит, в наших условиях, общий процесс *натурализации сельского хозяйства*. Думать, что рост планового хозяйства означает возможность (на том милом основании, что отмирает закон ценности) действовать, как левая нога хочет, значит не понимать *азбуки* экономической науки. Эти соображения являются достаточным базисом для определения границ «перекачки». *Противники индустриализации* возражают против всякого отчуждения хотя бы части прибавочного продукта, т. е. против всякой «перекачки». Но в таком случае замедляется темп индустриализации. *Троцкисты* определяют величину перекачки в пределах «технически досягаемого» (т. е. выходить даже за пределы прибавочного продукта). Ясно, что в таком случае не может быть и речи о *развитии* сельского хозяйства или его зерновой отрасли, что необходимо для развития индустрии же. *Здесь* истина лежит посередине.

Но развитие (именно развитие, т. е. расширенное производство) сельского хозяйства вообще (в том числе и производство сырья и зернового хозяйства) необходимо и с точки зрения *экспорта* и *импорта*. За ввоз оборудования нужно платить. То же самое за ввоз сырья. Было бы совершенно дикой вещью, если бы мы, после выпадения хлебного экспорта, на основе зернового кризиса, вообще переориентировались так, что навсегда поставили бы крест на этом экспорте. Довольно с нас временной зависимости от заграницы по линии импорта оборудования. Зависеть от нее одновременно и по оборудованию, и по сырью, и по хлебу — *немыслимо*. Мы должны, опираясь на нашу сельскохозяйственную базу и используя ее продукцию, платя за импортное оборудование «сельскохозяйственной валютой» (что, конечно, вовсе не исключает необходимости усиления и промышленного экспорта),

развивая свою тяжелую индустрию, постепенно эмансипироваться от зависимости и по линии оборудования и становиться, таким образом, все более и более на собственные ноги (что, разумеется, не исключает необходимости дальнейшего использования международных экономических связей)[19].

В-третьих, почему троцкисты умалчивают о *внедеревенском спросе*? Разве у нас сполна покрывается спрос *рабочего* населения? Разве у нас сполна покрывается производительный спрос *самой промышленности*? Разве у нас покрывается спрос на промтовары (металл, топливо, строительные материалы и пр.), предъявляемый *прочими отраслями обобществленного хозяйства* (транспортом, жилстроительством и т. д.)? Ведь нужно же понять, какое огромное значение имеют эти обстоятельства для понимания корней товарного голода, для понимания хода воспроизводства у нас.

Правда, в этой области у нас нет вразумительных статистических данных; наши хозяйственные органы еще не поняли всей *абсолютно неотложной* необходимости тщательного и вдумчивого изучения *структуры спроса* * на промтовары, хотя это значение с точки зрения анализа *воспроизводства* является совершенно исключительным. По чрезвычайно грубым и лишь примерным исчислениям, произведенным по моей просьбе некоторыми товарищами и дающим представление не столько о точных пропорциях, сколько о *порядке* интересующих нас величин, дело представляется в следующем виде:

	% от общего спроса на промтовары
1. Спрос на промтовары, предъявляемый самой промышленностью (как для нужд текущего производства, так и для капитального строительства)	37—39
2. Спрос прочих отраслей обобществленного хозяйства	15—16
Итого спрос всего обобществленного хоз-ва (без зарплаты)	52—55
3. Спрос лиц, живущих на заработную плату	15—16
4. » прочего городского населения	около 5
5. » крестьянства	23—25
6. Экспорт промтоваров	2—2,5

* Под «спросом» в данном случае понимается не только денежный спрос, но и «спрос», удовлетворяемый, допустим, данным производственным объединением его же собственной продукцией (например, спрос передельных заводов Югостали на чугун, производимый самой же Югосталью, и т. д.).

При этом спрос, создаваемый обобществленным *капитальным строительством* (*с включением зарплаты* строительных рабочих), входит в совокупный спрос на промтовары в размере, вероятно, 16—17 %.

Таким образом, эти примерные исчисления, касающиеся структуры спроса на промтовары на предстоящий 1928/29 год, показывают, что деревенский спрос даже в *его целом* составляет лишь одну пятую или одну четвертую всего совокупного спроса на промтовары.

Что касается других частей спроса (т. е. трех четвертей или даже четырех пятых его!), то ведь *здесь налицо тоже «отставание»*! В частности, и сама промышленность, развиваясь бешено, в рекордных темпах, предъявляет и бешеный спрос на промтовары же, но *не может* его удовлетворить. Когда Троцкий говорит, что промышленность отстает от роста деревенского спроса, от роста сельского хозяйства, то этот аргумент лишь на первый взгляд может выглядеть убедительно. Но вот при внимательном анализе оказывается, что *промышленность «отстает» от самое себя*!! Что это значит: «промышленность отстает от самое себя»? Как понимать эту формулу? А это значит, что *промышленность в своем развитии натыкается на границы этого развития*. Вот тот вывод, который обходится сверхиндустриалистом Троцким и замазывается рассуждениями о деревенском спросе на промтовары, рассматриваемом изолированно от всего совокупного спроса на промтовары. А «натыкаться» на границы означает следующее: 1) очевидно, взяты недостаточно правильные соотношения между отраслями самой промышленности (напр., явное отставание металлургии); 2) очевидно, взяты недостаточно правильные соотношения между ростом текущего производства промышленности и ростом капитального строительства (как промышленности, так и всего обобществленного сектора в целом); если нет кирпича и не может быть в данном сезоне его произведено (по техническим условиям) больше определенной величины, то *нельзя* сочинять программы строительства, *превышающие* этот предел, и вызывать этим спрос, который не может быть покрыт, ибо, сколько ни форсируй строительство дальше, все равно из воздуха не сделаешь фабричных зданий и жилищ (к этому вопросу мы еще вернемся при обсуждении проблемы капитальных затрат); 3) очевидно также, что границы развития даны *производством сырья:* хлопок, кожа, шерсть, лен и т. д. равным образом не могут быть

добыты из воздуха. Но как ведомо всем, эти предметы суть продукты *сельскохозяйственного производства*, и их недостаточность является причиной недостаточного развития валовой продукции промышленности, которая не может, в свою очередь, покрыть целиком ни спроса городского, ни спроса деревенского населения. Если, следовательно, налицо недостача сырья плюс недостача хлеба (а это, помимо прочего, означает также «недостачу» экспорта и недостачу импортных товаров), плюс недостача строительных материалов, то нужно быть поистине остроумным человеком, чтобы требовать еще «сверхиндустриалистской» программы.

Подводя общие итоги, нужно сказать: 1) *по основным фондам, по валовой и товарной продукции темп развития индустрии чрезвычайно превышает темп развития сельского хозяйства; 2) зерновое хозяйство, поставленное в крайне невыгодные условия, угрожающе отстает даже от минимально необходимых темпов; 3) спрос со стороны деревенского населения наполовину является неземледельческим спросом и сам в значительной мере порождается развитием крупной промышленности, обобществленного хозяйства; 4) дальнейшее увеличение темпов в развитии индустрии определяется в значительной мере сельскохозяйственными сырьевыми и экспортными лимитами; 5) очевидно далее, что при распределении средств внутри промышленности (а в части капитального строительства — внутри всего обобществленного сектора) нужно добиться всестороннего учета всех факторов, определяющих «более или менее бескризисное развитие»* (из резолюции XV съезда), *более правильное сочетание отраслей промышленности и отраслей обобществленного сектора.*

Из всего комплекса вытекающих отсюда проблем на первое место становятся проблемы *капитального строительства и зернового хозяйства.* Что касается последнего вопроса, то партия в своих решениях — в особенности в своих последних решениях — подчеркнула все его огромное значение: отсюда выпрямление политики цен, отсюда постановка вопроса о совхозах и колхозах, отсюда необходимость громаднейших практических усилий в данной области. Разумеется, *если бы* не было угрожающего отставания зернового хозяйства, его дробления, понижения его товарности и т. д., то целесообразней было бы, пожалуй деньги, ассигнуемые на совхозы, вложить, скажем, в производство черного металла, которое является

«узким местом» нашей промышленности. Однако даже «сверхиндустриалисты» не решаются напасть на совхозы. Почему? Потому что очевидно именно отставание зернового хозяйства. «Чисто производственная» точка зрения, т. е. точка зрения «увеличения продукции» (*Ленин*), совпадает здесь с точкой зрения *«классового замещения»*, постепенного замещения капиталистических элементов сельского хозяйства возрастающей коллективизацией индивидуальных бедняцких и середняцких хозяйств, *укрупнением* и обобществлением сельскохозяйственного производства. Эта огромная новая проблема, которая отнюдь не предполагает пренебрежительного отношения к индивидуальному трудовому хозяйству, а, наоборот, должна решаться *на подъеме* индивидуальных хозяйств (именно так ставил вопрос тов. Ленин), требует особого внимания и особого напряжения усилий именно благодаря своей новизне. Это есть, до известной степени, крупное капитальное строительство в сельском хозяйстве, требующее и *новой техники* (тракторизация, механизация, химизация и т. д.), и *квалифицированных кадров*. Подъем индивидуального крестьянского хозяйства, особенно зернового, ограничение кулацкого хозяйства, строительство совхозов и колхозов при правильной политике цен, при кооперировании масс крестьянства и т. д. должны выправить крупнейшую хозяйственную диспропорцию, находившую свое выражение в стабильности и даже регрессе *зерновых культур* и в *слабом развитии сельского хозяйства вообще*. В общем и целом при составлении наших планов необходимо помнить о *директиве XV съезда: «Неправильно исходить из требования максимальной перекачки средств из сферы крестьянского хозяйства в сферу индустрии, ибо это требование означает не только политический разрыв с крестьянством, но и подрыв сырьевой базы самой индустрии, подрыв ее внутреннего рынка, подрыв экспорта и нарушение равновесия всей народнохозяйственной системы. С другой стороны, неправильно было бы отказаться от привлечения средств деревни к строительству индустрии, это в настоящее время означало бы замедление темпа развития и нарушение равновесия в ущерб индустриализации страны»**.

* Резолюция XV съезда «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства»[20].

III

Осью всех наших плановых расчетов, всей нашей хозяйственной политики должна быть забота о постоянно развивающейся *индустриализации страны*, и партия будет бороться против всякого, кто вздумает свернуть нас с этого пути. Со всех точек зрения (развития производительных сил, развития сельского хозяйства, роста удельного веса социализма, укрепления смычки внутри страны, укрепления международного экономического веса, обороноспособности, роста массового потребителя и т. д. и т. п.) индустриализация СССР есть для нас *закон*. При этом нужно постоянно иметь в виду, что наша социалистическая индустриализация должна отличаться от капиталистической тем, что она проводится *пролетариатом*, в целях *социализма*, что она *по-другому, по-иному* воздействует на крестьянское хозяйство, что она по-другому, по-иному «относится» к сельскому хозяйству вообще. Капитализм создавал *приниженность* сельского хозяйства. Социалистическая индустриализация — это не паразитарный по отношению к деревне процесс (при капитализме, несмотря на развитие сельского хозяйства под влиянием индустрии, элементы такого паразитизма налицо), а средство ее величайшего *преобразования и подъема*. Индустриализация страны означает поэтому и индустриализацию сельского хозяйства, и тем самым она *подготовляет* уничтожение противоположности между городом и деревней.

Понятно, что процесс индустриализации не может идти одинаково плавно на всех ступенях развития. Понятно также, что он ставит нас перед труднейшими проблемами: в полунищей стране необходимо собрать и производительно применить, превратив в новую технику, новые здания и т. д., огромные суммы «капитала». Проблема *капитального строительства* выдвигается поэтому на первый план. Здесь мы сталкиваемся с труднейшими и сложнейшими задачами, которые никак не могут быть решены ни криком, ни «интуицией», ни другими аналогичными качествами. Здесь нужно вдумчивое изучение проблемы, здесь неуместно какое бы то ни было дилетантство, здесь необходима коллективная проработка вопроса, здесь необходим *счет*.

Мы должны стремиться к возможно более быстрому темпу индустриализации. Значит ли это, что мы *все* должны вкладывать в капитальное строительство? Вопрос в

достаточной мере нелеп. Но этот нелепый вопрос скрывает в себе другой вопрос, вполне «лепый», а именно вопрос о границах накопления, о верхнем лимите для сумм капитального вложения.

Прежде всего при составлении программ капитального строительства необходимо иметь в виду директиву партии о *резервах* (валютных, золотых, хлебных, *товарных*)[21]. За последнее время вошло в очередную «моду» помалкивать насчет политики резервов:

Ходить бывает склизко
По камешкам иным.
О том, что очень близко,
Мы лучше помолчим[22].

Однако, хотя «молчание — золото», а золота у нас мало, все же играть в молчанки тут никак нельзя. У нас не только нет резервов, но перебои в снабжении, «очереди» и «хвосты» стали «бытовым явлением», в значительной мере дезорганизующим и нашу *производственную* жизнь.

Мы говорим о том, что в известной мере ошибки планового руководства неизбежны, что затруднения у нас велики, что международная обстановка напряжена. Можно ли при этих условиях хозяйствовать *без резервов*? Политика, постоянным спутником которой было бы отсутствие резервов, попахивала бы авантюризмом. Именно поэтому партия в последние годы ставила проблему резервов во главу угла. Но эта директива до сих пор выполнялась явно недостаточно. *Нужно создать здесь решительный перелом,* ибо партия выносит свои резолюции вовсе не для забавы. В настоящее время нет ровно никаких оснований для ревизии решений XIV и XV съездов о резервах. Наоборот, вся обстановка диктует нам *выполнение* этих решений. Мы специально интересовались вопросом о том, как обстоит дело с выполнением этой директивы при составлении наших перспективных наметок. Возьмем, напр., последние наметки, имеющиеся в области проектировки пятилетки промышленности. У меня такое впечатление, что при составлении контрольных цифр пятилетки в ВСНХ о политике резервов позабыли и подумать. Так, из отчета «*Экономической жизни*»[23] видно, что слишком большие требования, предъявляемые пятилеткой к бюджету, делают ее «*нереальной*»*. А «нереальность» — это недостаток «довольно» существенный.

---

* См.: Эконом. жизнь, № 188: «Проблемы пятилетнего плана».

Понятно, что вопрос о резервах стоит в ближайшей связи и с вопросом о *производительном* потреблении (в том числе и капитальном строительстве), и с вопросом о *личном* потреблении (личном потреблении масс). Общеизвестно, что здесь у нас струна натянута крайне туго. *Натягивать ее дальше, еще более обострять товарный голод невозможно.* XV съезд и здесь дал совершенно правильную директиву:

«Нельзя... исходить из одностороннего *интереса накопления* в данный отрезок времени (как того требовал Троцкий...) или исходить из одностороннего *интереса потребления*».

К сожалению, и в вопросе о товарном голоде и пятилетних перспективах промышленности перед нами такая же картина, как в вопросе о резервах. Отчет «*Экономической жизни*» говорит о представленной пятилетке промышленности, что здесь *отсутствует баланс спроса и предложения* (см. речь тов. Межлаука [24]). Если план, который составляется в период кризиса снабжения, не проанализирован под углом зрения баланса спроса и предложения *, то это, конечно, не «внешний» недостаток, не «формальная» промашка, а глубокий *внутренний порок. Острота товарного голода должна быть решительно смягчена, и притом не в отдаленной перспективе, а в ближайшие годы. Первые шаги в этом направлении нужно сделать теперь же.*

Необходимо далее поставить вопрос о *материальных элементах* капитального строительства. Для того чтобы индустриализация страны проводилась в жизнь, а не оставалась на бумаге, для того чтобы капитальное строительство было реальностью, а не бюрократической «игрой в цифирки» (*Ленин*), необходимо обеспечение не только соответствующего количества *денег*, выражающего собой спрос на строительные материалы и т. д., но и соответствующее *предложение* этих последних, их физическое, натуральное бытие, их простая наличность, притом не их будущая «наличность», а их наличность в настоящем, ибо из «будущих кирпичей» нельзя строить «настоящие» фабрики даже по Бём-Баверку [25]. У нас, однако, часто становятся на какую-то странную точку зрения своеобразного «*денежного фетишизма*», полагая, что деньги будут — все

* Судя по некоторым примерным исчислениям, дефицит по КЦ (контрольным цифрам.— *Ред.*) пятилетки чрезвычайно возрастает.

будет. Между тем если у нас нет налицо тех или других материалов в нужном (с учетом экономии) количестве и если для их производства требуется период, выходящий за рамки того времени, когда они должны быть производительно потреблены, то не выручат никакие деньги. Можно бить себя в грудь, клясться и божиться индустриализацией, проклинать всех врагов и супостатов, но от этого дело ни капельки не улучшится. Можно надеяться на правило: «авось проскочим!», можно играть в чет-и-нечет «загадывать» и т. д., но, увы, объективные соотношения выползут все равно на свет божий.

Как же, однако, у нас обстоит дело здесь на ближайший год? Ответ дает следующая таблица.

Баланс строительных материалов на 1928/29 год

Материалы	Емкость	Производство	Дефицит или избыток	То же в %
Цемент (в тыс. б.)	15 100	13 460	—1640	—10,8
Кирпич (млн. шт.)	2 677	2 445	—232	—8,6
Алебастр (в т. т.)	335	281	—54	
Известь (в т. т.)	734	700	—34	
Мел (в т. т.)	250	252	+2	
Огнеупорн. матер. (в т. т.)	758	683	—45	
Лес пиленый (т. к. м.)	10 368	10 191	—177	—
Стекло оконное (т. т.)	184,8	158,2	—32	—17,4
Балки швеллера (т. т.)	208,8	147	—61,8	—29,7
Проволока катан. (т. т.)	157,3	122	—35,3	—22,4
Сортовое жел., фасон. и сталь (т. т.)	1246,6	958	—288,6	—23,2

Эти данные * показывают, что если по кирпичу и цементу были приняты кое-какие меры (хотя 8,6 % и 10,8 % все же больше, чем «достаточный» дефицит), то дефицит по стеклу, балкам и швеллерам, проволоке, сортовому железу и стали чрезвычайно высок. К сожалению, автор статьи, откуда мы заимствуем эти цифры, не объясняет, при каком именно приросте физического объема строительства будут иметь место эти дефициты. Но если это исчисление дефицитов правильно, то перед нами вырисовывается довольно сложная задача, как же *строить на деле*, если не хватает 20 % строительного металла? И нельзя ли здесь иметь более точный подсчет и программы, рассчитанные на *реальные* балки и железо, а не эфирные и воображаемые?

---

* См.: Барский. Промышлен. строит. материалов.— Эконом. жизнь, № 220. Проценты вычислены нами.

Интересно проследить положение вещей на наиболее отсталом фронте нашей крупной промышленности, на фронте *черной металлургии,* производящей чугун, рельсы, балки, швеллера, листовое, кровельное и оцинкованное железо, жесть, трубы железные и чугунные, катанку и др. Здесь «Контрольные цифры баланса черных металлов на 1928/29 год» дают нам такую картину развития по 3 годам:

	1926/27 г. % удовл. потребн.	1927/28 г. % удовл. потребн.	1928/29 г. % удовл. потребн.
1. Транспорт	95,1	91,0	87,0
2. Наркоматы и учрежд.	97,5	96,0	78,5
3. Металлопром. ГУМП [26]	91,5	87,4	77,2
4. Металлопром. местная	75,2	87,2	66,0
5. Пр. неметал. пром.	81,3	81,8	77.5
6. Коммун. хоз. и строит.	79,4	73,6	57,7
7. Кустарн. пром.	62,4	67,8	48,5
8. Индивид. потреб. города и села	68,2	60,5	56,6
Итого	82,3	80,0	71,0 *

Таким образом, дефицит (*дефицит*!!) быстро возрастает (*возрастает*!!) *по всем решительно категориям потребителей*!

Для того чтобы понять, каким же это образом получается такой парадокс, что у нас идет по всей линии — и по личному потреблению, и по потреблению производительному — рост дефицита, так обостряющийся как раз на 1928/29 год, нужно посмотреть, как проектируются у нас цифры прироста капитального строительства.

Какую директиву давал на этот предмет *XV съезд партии*?

«В вопросе о *темпе* развития необходимо... иметь в виду крайнюю сложность задачи. Здесь следует исходить не из максимума темпа накопления на *ближайший* год или несколько лет, а из такого соотношения элементов народного хозяйства, которое обеспечивало бы *длительно* наиболее быстрый темп развития...

В области соотношения *между развитием тяжелой и легкой индустрии* равным образом необходимо исходить из оптимального сочетания обоих моментов. Считая правильным перенесение центра тяжести в производство

* **Контр. цифры баланса черных металлов на 1928/29 г., издание (и данные) ВМС, с. 8—9.**

средств производства, нужно при этом учитывать опасность слишком большой увязки государственных капиталов в крупное строительство, реализующееся на рынке лишь через ряд лет; с другой стороны, необходимо иметь в виду, что более быстрый оборот легкой индустрии (производство предметов первой необходимости) позволяет использовать ее капиталы и для строительства в тяжелой индустрии при условии развития *легкой* индустрии»[27].

Как мы видим, XV съезд партии был очень осторожен. В вопросе о темпе XV съезд прямо говорил *против* бешеного разгона темпа на первые годы и последующего неизбежного снижения. Как же в ходе работ выполняется *эта* партийная директива? К сожалению, у нас нет свежих материалов о предположениях по капитальному строительству всего обобществленного сектора. Но вот данные о проектировании капитального строительства по промышленности (т. е. примерно о 35 % всего обобществленного строительства).

Прирост капитальных вложений в процентах к предыдущему году составляет по вырабатываемой пятилетке (*к счастью, не принятой президиумом ВСНХ)*:

1929/30	1930/31	1931/32	1932/33
+39,6 %	+7,3 %	—1 %	—8,3 % *

Таким образом, здесь поступлено *«как раз наоборот»*. В 1929/30 году дан разгон почти на 40 % прироста только для того, чтобы эта цифра слетела до 7, а затем до — 1 и, наконец, до —8. Не ясно ли, что это — проектировка без *установки*? Какие предпосылки легли в основу акробатических salto mortale в области *такого* серьезного дела, как капитальное строительство? На эти вопросы нельзя найти сколько бы то ни было удовлетворительного ответа. Эти фантастические курбеты покрывают без всякого дефицита самый пылкий спрос на «товары» *плохого* качества.

Нельзя ли и здесь, в вопросе о темпе, потребовать *точного выполнения решений XV съезда*?

Ведь перенапряжение капитальных затрат: 1) не будет сопровождаться *реальным* строительством такого объема, 2) неизбежно через некоторое время поведет к свертыванию уже начатых работ, 3) крайне неблагоприятно отразится па других отраслях производства, 4) обострит

* Эконом. жизнь, № 188. Газета не дает процента для 1928/29 г., но, судя по более поздней информации, этот процент достигает 25.

товарный голод по всем линиям, 5) в конечном счете *снизит темп развития.*

Такое положение вещей в условиях стабильных и полустабильных цен имеет еще отрицательное воздействие на *денежную систему.* Но эта тема особого порядка, хотя и в *высшей степени важная.*

Для всякого коммуниста понятно, что нужно идти вперед так быстро, как это *возможно.* Понятно, что нам в высокой степени нежелательно снижать *уже достигнутый* темп, который — это нужно помнить — мы достигли ценою величайшего напряжения бюджета, ценою отсутствия резервных накоплений, ценою сокращения доли потребления и т. д. Мы идем с напряжением *огромным.* И нужно понять, что если мы должны *сохранить* (а не раздуть!) этот темп и в то же время: 1) смягчить товарный голод, 2) сдвинуть вперед дело с резервами, 3) обеспечить более бескризисное развитие,— то для этого нужно принять ряд самых решительных мер, обеспечивающих большую эффективность строительства, *большую производительность всех наших производственных единиц и гораздо большую производительность новых, входящих в процесс производства предприятий,*— эффективность и производительность, серьезно превышающие теперешние требования в этой области.

Конкретные обследования РКИ показали, что здесь у нас уйма непроизводительных трат и расходов. Эти faux frais[28], связанные с рядом организационных вопросов, нужно свести до минимума. Нужно зверски работать над снижением индекса строительных материалов. Нужно зверски уменьшать период производства (то, что строят в Америке два месяца, у нас строят около 2 лет!). Нужно в значительной мере изменить *тип* строительства (слишком тяжелые здания и т. п.). Нужно гораздо более экономично расходовать материалы (у нас, например, расходуется в $1^1/_2$—2 раза больше металла, чем это необходимо). Вся эта рубрика в целом может дать *гигантскую* экономию, если принять во внимание, что капитальное строительство в промышленности составляет только *одну треть* совокупного строительства по обобществленному сектору (1,25—1,30 млрд руб. по промышленности без электростроительства из общей суммы в 3,4 млрд руб. за 1927/28 год).

Высвобождающиеся суммы должны пойти: 1) на смягчение напряженности на рынке, которая бьет и промыш-

ленность, и все обобществленное хозяйство, и рабочих, и крестьян (как мы это видели выше из анализа структуры спроса), и нашу денежную систему; 2) на образование *резервов*; 3) на сохранение реально нами достигнутых темпов.

Одновременно необходимо всемерно подымать производительность наших предприятий, снижать себестоимость продукции (обеспечить действительное массовое производство продукции). Новейшие изобретения, важнейшие технические достижения вообще, серьезная рационализаторская работа, втягивание масс, развитие и применение *науки*, роль которой должна быть теперь повышена в *несколько раз*,— все это должно стоять в центре нашего внимания. Нужно покончить с российским провинциализмом: мы должны следить за каждым движением научно-технической мысли Европы и Америки и использовать каждый их действительный шаг вперед; мы должны научно поставить дело нашего статистического учета; мы должны кончать — и возможно скорее — с неразберихой, дерганием и пр. в системе нашего хозуправления. Мы должны научиться *культурно управлять в сложных условиях реконструктивного периода.*

Эту задачу возможно решить, лишь поняв следующее: *мы не перестроили так своих рядов, как того требует реконструктивный период.*

У нас должен быть пущен в ход, сделан мобильным максимум хозяйственных факторов, работающих на социализм. Это предполагает сложнейшую комбинацию личной, групповой, массовой, общественной и государственной инициативы. Мы *слишком* все перецентрализовали. Мы должны спросить себя, не должны ли мы сделать несколько шагов в сторону ленинского государства-коммуны? Это вовсе не значит «распускать вожжи». Наоборот. Основное руководство, важнейшие вопросы должны гораздо тверже, более жестко (*но зато и более продуманно*) решаться «в центре». Но в строгих рамках этих решений действуют уже нижестоящие органы, отвечающие за *свой* круг вопросов, и т. д. Гиперцентрализация в ряде областей приводит нас к тому, что мы сами лишаем себя *добавочных сил, средств, ресурсов и возможностей*, и мы не в состоянии использовать всю массу этих возможностей, благодаря ряду бюрократических преград: мы действовали бы гораздо более гибко, маневренно, гораздо более успешно, если бы, начиная с отдельного госпредприятия,

были бы в состоянии больше применяться к реальным, конкретным условиям и не делать поэтому тысяч маленьких и больших глупостей, которые в сумме «влетают в копеечку».

*

* *

Хлебозаготовительный кризис сигнализировал нам крупные опасности. Экономика обернулась здесь и своей классовой стороной.

Эти опасности еще не изжиты, и нужна еще большая работа, чтобы они были изжиты. В стране, несомненно, колобродят враждебные нам силы: кулачество в деревне, остатки старых и новые буржуазные группировки в городах. В порах нашего гигантского аппарата гнездятся тоже элементы бюрократического перерождения с их полным равнодушием к интересам масс, их быту, их жизни, их материальным и культурным интересам. Если активные идеологи мелкой и средней буржуазии протягивают свои щупальца и тихонечко пробуют колебать нашу политическую линию (таковы противники индустриализации, противники совхозов, колхозов и т. д.), то чиновники «чего изволите?» готовы выработать какой угодно, хотя бы сверхиндустриалистский, план, чтобы завтра хихикать над нами в «узком кругу», а послезавтра идти под руку с нашими противниками. У рабочего класса есть, однако, масса козырей на руках. В борьбе с классовыми врагами, усиливающими свою политическую активность, пролетариат, опираясь на бедноту, организуя ее силы против кулачества, развертывая смелую самокритику в своих рядах, будет все успешнее преодолевать и свои собственные недостатки. Мы растем, и мы можем расти, и мы будем расти с меньшими потрясениями, если станем культурнее и научимся лучше управлять. Именно об этом говорил в последнее время тов. Ленин.

ТЕКУЩИЙ МОМЕНТ И ЗАДАЧИ ПЕЧАТИ

Доклад и заключительное слово на IV совещании рабселькоров[1]

28, 30 ноября 1928 г.

Дорогие товарищи! Прежде всего приветствую вас по поручению ЦК нашей партии, вас, представителей нашей выросшей и возмужавшей в классовых боях рабселькоровской армии, съехавшихся сюда изо всех уголков нашего великого пролетарского Союза. (*Бурные аплодисменты*). Наше Всесоюзное совещание — уже четвертое по счету — собирается на одном из труднейших перевалов в истории пролетарского государства, перевалов, которые наряду с гигантским ростом нашей техники, нашей экономики, нашей культуры, организованности наших рядов, раскрывают в то же время новые трудности и ставят перед рабочим классом и основными массами крестьянства новые крупнейшие задачи.

Именно в связи с этими важнейшими вопросами я и буду говорить о задачах нашей печати.

*
* *

Прежде всего по обычаю, освященному если не веками, то во всяком случае десятилетиями, позвольте сказать несколько слов о нашем *международном положении.*

Характеристика теперешнего положения СССР исчерпывается в основном несколькими словами: попытки финансового бойкота и длящаяся военная опасность. Эта опасность не снята с порядка дня. Никто из нас не может, конечно, утверждать, что война есть перспектива ближайших дней, ближайших месяцев или даже ближайшего года. Но никто не может дать гарантии, что нападение на наш Союз, эта «горькая чаша», нас обязательно минует. Организованные силы коммунистического движения, представленные на последнем съезде Коммунистического Интернационала[2], поставили именно этот вопрос

в центре своей работы. Длящаяся опасность войны капиталистических держав против Советского Союза есть совершенно реальный, не подлежащий никакому сомнению факт. Нужно при этом помнить, что если увеличивается количество наших друзей, если в ряде капиталистических стран рабочие массы левеют, если на *нашей* стороне великой баррикады между трудом и капиталом есть несомненный прирост сил, то, с другой стороны, за последнее время одержал целый ряд успехов и наш еще могущественный, закованный в латы, хищный противник — международный капитал. Он одержал ряд блестящих успехов в области *техники* и экономики, он одержал целый ряд несомненных побед в области *науки*; он добился ряда эффектных достижений в сфере *военного дела*. Обо всем этом, товарищи, мы ни в коем случае позабывать не должны.

И вот здесь, прежде всего, появляется вопрос: сделали ли мы, наша *печать* (а я говорю, в первую очередь, именно о задачах нашей советской печати), сделали ли мы все, что можем и должны сделать для того, чтобы увеличить те силы, которые стоят на нашей стороне? И сделали ли мы все для того, чтобы сплотить громадные, миллионные массы трудящихся под руководством пролетариата на случай всяческих возможных нападений на наш Союз? На этот вопрос, я думаю, нужно ответить отрицательно. Мы сделали далеко не все, что мы должны были бы сделать.

Как и на чем должны мы сплачивать народные массы и подчинять их руководству пролетариата в борьбе с капиталистическими врагами, готовящими военное нападение на СССР? Мы должны их сплачивать, разъясняя мирную политику советского правительства и разоблачая цели и планы врагов. Советское правительство с самого начала своего возникновения ведет демонстративную и в то же самое время глубоко принципиальную *политику мира*. За последнее время Советское правительство сделало в своей внешней политике целый ряд крупнейших и смелых шагов. На фомки лондонских дипломатов [3], на военные интриги, на лицемерную болтовню о мире со стороны самых разнузданных и самых вороватых поджигателей войны оно ответило *предложениями о полном и всеобщем разоружении* [4].

Спросим себя: довела ли наша печать, наша пресса вообще до сведения каждого крестьянина в захолустных,

медвежьих уголках нашего Союза мирные предложения Советского правительства? Рассказала ли она о них простыми, понятными словами? Известила ли всех и каждого, как отвечено было на предложения нашего правительства? Нет, все это было сделано в очень и очень *недостаточной* степени. Даже наши крупнейшие газеты не сделали всего того, что необходимо было для этого, а это есть наша *первоочередная задача*. Очень плохо было бы, если бы в случае военного конфликта или подготовки к обороне нашего пролетарского государства у широчайших масс нашей страны не было абсолютной, твердой, категоричной, безусловной уверенности в том, что Советское правительство предприняло *все* возможное для того, чтобы отвратить от нас бедствие войны. Мы должны советские предложения по разоружению так распространить, каждый их параграф так разъяснить, чтобы смысл их был ясен самому отсталому рабочему, батраку в деревне, сезонному рабочему в городах, каждому трудящемуся крестьянину везде и всюду: в центральных губерниях, в далеких аулах на Кавказе, в Сибири и на Дальнем Востоке, у берегов Белого моря и в Крыму, на Украине и Узбекистане. Это наше огромнейшее оружие, а его мы недостаточно использовали. Быть может, нужно было бы, чтобы каждая газета издавала соответствующие листовки или брошюры, чтобы действительно в миллионах и миллионах экземпляров распространить то, за что боролось и будет еще бороться наше Советское правительство, тогда нам гораздо легче было бы разоблачать нашего капиталистического противника. Это еще не поздно наверстать.

Пропаганда мирной политики Советского правительства, пропаганда систематически отвергаемых капиталистическими державами предложений Советского правительства есть первейшая обязанность нашей печати, всех наших газет и нашей популярной литературы, поскольку она ставит своей задачей сплотить, объединить, организовать не отдельные группы, а действительно миллионные массы.

Второй вопрос, связанный с этим: мы все отлично знаем, что во время гражданской войны, во время великого нашествия на нас в 1918—1920 гг. иностранных армий, армий интервенционистов, поддерживавших царских служак, Деникиных, Колчаков и проч., одним из величайших и самых мощных орудий в наших руках было разоблаче-

ние всех вожделений помещика, капиталиста, банкира, всей рати господствовавших классов, всего царско-дворянского и буржуазного сброда, который был вдохновителем кровавой войны против трудящихся масс.

Мы сейчас в значительной мере точно позабыли, что русские белогвардейцы составляют одну из боевых колонн в армиях наших капиталистических врагов и что они в значительной мере являются и теперь идеологическими застрельщиками и поджигателями войны против нас, все эти бывшие тузы нашей промышленности, бывшие крепостники, бывшие «великие» и «невеликие» князья и графы.

Между тем у них есть сейчас свои планы. Эти планы вновь и вновь ставятся в порядок дня, а мы в нашей печати об этом почти молчим. Первой задачей печати, задачей, подготовляющей оборону пролетарского государства, должно являться, наряду с разоблачением иностранных империалистов, разоблачение и этих врагов, которые ненавистны трудящимся массам, вожделения которых им больше понятны, чем вожделения всех Хиксов [5], Пилсудских, Пуанкаре [6], Муссолини [7] и прочих деятелей иностранного капитализма. Мы позабыли об этом ряде наших врагов. Мы должны их энергично обстреливать, вытаскивать их «за ушко, да на солнышко», разоблачать их как символ всего капиталистического строя, который идет против нас. Это — мое второе замечание.

Третье: *всемерная помощь нашей Красной Армии.* В капиталистических странах культ армии играет огромнейшую роль. Мы, само собой разумеется, ни на одну минуту не должны возводить Красную Армию на пьедестал в качестве какого-то оторванного от народа идола. Сила Красной Армии заключается как раз в том, что она едина с трудящейся массой народа. Тем более мы должны заботиться, чтобы укреплять мощь Красной Армии и ее связи с народными массами нашей страны. Не всегда мы помним об этой задаче. Эта задача нередко вспыхивает феерическим блеском во время маневров, «ударных» кампаний, празднеств, но это есть наша *постоянная* задача, которую нужно разрешать систематическп, изо дня в день. Это — один из важнейших вопросов, которые стоят перед нами, и наша печать — крупнейшая сила, имеющая массовые отряды своих бойцов,— должна помнить об этом непрестанно.

Само собою понятно, что решающей силой, которая стоит на нашей стороне, является международный проле-

тариат, и поэтому нам нужно всемерно расширять *наши интернациональные связи*, связи между рабочим классом и трудящимся крестьянством нашей страны и трудящимися массами — прежде и раньше всего пролетариата — других стран.

Нужно всемерно расширять и укреплять международную связь по всем возможным линиям и каналам: от фабрики к фабрике, от завода к заводу, от рудника к руднику. Обмен мнений, обмен опытом между нашими товарищами и заграничными товарищами должен быть усилен во много раз. В брошюре Марии Ильиничны, брошюре очень хорошей, собран материал по этому вопросу[8]. Мы должны на этом совещании поставить перед собой задачу всемерного усиления наших новых международных связей, роста их и вширь и вглубь. Мы должны продолжать это дело и пробовать здесь самые разнообразные способы и методы связи. Печать в этом деле должна стать верной и умной помощницей.

Таковы замечания, касающиеся первого вопроса, вопроса, связанного с обороной нашего государства.

Непосредственно строительные задачи лежат, конечно, внутри нашего Союза. Мы поставили на своем знамени лозунг *«Догнать и перегнать капиталистические страны Европы и Соединенные Штаты Америки»*[9]. Однако нужно отдать себе ясный отчет, что означает этот лозунг: догнать и перегнать страны, чрезвычайно высоко стоящие по своей технике, чрезвычайно богатые, прекрасно вооруженные и по-своему весьма культурные. Догнать и перегнать такие страны, как Германия, Англия и Соединенные Штаты Америки,— это значит построить наново мощную индустрию; это значит совершенно перестроить и реорганизовать весь транспорт; это значит подвести широчайший базис электрификации и под промышленность и под сельское хозяйство; это значит в корне переделать все основы деревенского производства, потому что по своей технике это унаследованное нами от времен царизма производство еще напоминает скорее полуварварское средневековье.

Нам нужно иметь в виду, что этот лозунг «догнать и перегнать» мы должны осуществить в стране чрезвычайно отсталой, в стране, которая фактически находится под полубойкотом капиталистических держав, в стране, в которой нет лишних капиталов, лишних средств, лишних ресурсов.

В прошлые годы, в период так называемого восстановления, мы чинили старые заводы, пускали в ход те, которые стояли, и средства, которые были для этого необходимы, были, в первую очередь, средства, шедшие на оборотный капитал: на заработную плату рабочим, на покупку вспомогательных материалов и т. д. Это траты большие, но не огромные. Совсем другое дело, когда нужно было поставить в порядок дня: «Даешь новую, технически совершенную машину, даешь трактор, даешь новые фабрики, новые шахты, новые электростанции, новые железные дороги!». Вот когда так была поставлена проблема, когда уже нельзя было больше двигаться на прежних рельсах и нужно было нажимать на рычаг *нового строительства*, тогда вопрос о средствах — огромных «капитальных» средствах — встал во весь рост. Это есть одна из основ — можно сказать, решающая основа — целого ряда крупных затруднений, которые встали перед нами. Мы должны во что бы то ни стало взять этот барьер и мы его *возьмем*. Необходимо во всей ощутительности представить себе все значение вопроса о средствах на капитальное строительство. Мы должны строить не только новые фабрики, но мы должны основывать целые *новые отрасли производства*. Ведь мы так отстали от Западной Европы и Америки, что, например, химической промышленности у нас вообще почти не было, между тем как во всех передовых капиталистических странах она играет крупнейшую роль. Она играет первоклассную роль для военного дела, для сельского хозяйства, для других отраслей индустрии. Необходимо ставить новое машиностроение. Сейчас появился за границей целый ряд новых производств: производство искусственного шелка, искусственного волокна, новых металлов, появились новые способы добычи жидкого топлива и т. д. И нам нужно бы это переносить к себе, чтобы догнать Западную Европу и Америку; нам нужно основывать целый ряд новых отраслей производства.

Сейчас в Западной Европе и Америке в области транспорта достигнуты громадные успехи. Не нужно себе представлять «заграницу» и то, что она производит, по старым номерам довоенных журналов, вроде «Нивы»; техника мощно двинулась вперед; не только переоборудован железнодорожный транспорт, но создан автомобильный транспорт и новый воздушный, военный, торговый и пассажирский флот. Мы только приступили к делу. Мы де-

лаем также только первые шаги в отношении морского и речного транспорта. Могут сказать: «Э, куда заехал!» На это скажу следующее. Наш экспорт несет большой урон потому, что мы должны платить огромные фрахты иностранным пароходовладельцам. Речной транспорт у нас очень слаб, и от этого страдает внутренний оборот в стране. В ближайшее время перед нами встанет огромная задача переоборудования и нового строительства наших железнодорожных путей, наших шоссейных дорог. Можем ли мы развивать наш товарооборот при жалком состоянии наших дорог? Можно ли говорить о культурной революции при таком положении вещей? А теперь попробуйте подсчитайте, сколько будет стоить прокладка новых шоссейных дорог, железных дорог, новых мостов, организация автотранспорта, строительства морского и речного флота, не говоря уже о флоте воздушном. На это потребуются тоже огромные средства.

Если посмотреть на нашу экономику, то часто мы находим в ней такие явления, которые действительно пахнут средневековьем. Например, часто цена на один и тот же продукт в одной губернии одна, а в соседней губернии много выше или ниже. Этого, конечно, не было бы, если бы налицо имелся быстрый товарооборот, предполагающий, в свою очередь, развитые и хорошо оборудованные пути сообщения.

Все части хозяйства страны связаны друг с другом и зависят друг от друга. Без новых фабрик и заводов нельзя строить достаточного количества железных дорог, т. к. на них требуются рельсы, вагоны, паровозы, а, с другой стороны, для развозки продуктов нужны железные дороги. Нельзя переделать сельское хозяйство без развития металлической промышленности и всей тяжелой индустрии, без подведения базы электрификации, а, с другой стороны, нельзя строить новые огромные заводы, не имея достаточного количества хлеба. Одно связано с другим. Одно невозможно без другого. Вопрос о коренной переделке сельского хозяйства поставлен сейчас самой жизнью. Ведь никак не скажешь: «Даешь металл, а о хлебе — не наша забота». Для того, чтобы получить металл, для того, чтобы подвести базу тяжелой индустрии, нужно позаботиться и о том, чтобы производить достаточное количество хлеба. А сколько варварства мы имеем еще в нашем сельском хозяйстве! И тут возникает вопрос о том, как добыть новые средства для создания новой техники. Трактор нам

с неба не свалится, его нужно или купить за границей, или — что гораздо лучше — производить у себя. Но для этого нужно строить тракторные заводы, следовательно, опять-таки необходимы добавочные средства. Эти средства можно получить только создавая добавочное количество материальных ценностей, т. е. повышая производительность труда и увеличивая массу этого труда. Больше производить! Лучше производить! Дешевле производить! Без осуществления этих задач мы не в состоянии будем идти вперед тем шагом, которым мы должны идти, чтобы «догнать и перегнать» капиталистические страны. Изменение *техники* сельского хозяйства (новые машины вместо сохи!) есть обязательная наша заповедь. Переход на искусственное удобрение тоже обязателен. Разбрасывание вилами навоза — старинный дедовский способ, в конце концов должен же уступить место применению искусственного удобрения! А для этого необходимо строительство *химических заводов*. Таким образом, мы не можем серьезно реорганизовать наше сельское хозяйство без того, чтобы разрешить задачу строительства химической промышленности. Далее, целый ряд отраслей сельского хозяйства требует громадных капитальных затрат. Возьмем производство хлопка в Узбекистане. Там все дело зависит от регулирования воды, бегущей с гор и распределяемой по бесчисленным каналам. Эта так называемая оросительная, или ирригационная, система требует громадных затрат на крупные капитальные сооружения. Идем дальше. Наше сельское хозяйство чрезвычайно страдает от того, что нет соответствующих заводов, которые бы непосредственно обрабатывали продукцию сельского хозяйства. У нас очень мало сыроваренных заводов, консервных заводов, мало сушилок, мало заводов, которые превращали бы сельскохозяйственные продукты в консервы, и для внутреннего потребления в стране и для вывоза.

У нас бывает даже так, что после хорошего урожая фруктов масса их пропадает из-за отсутствия сушилок или консервных заводов. А в то же время в других районах этих продуктов вообще нет, хотя спрос на них и имеется.

Итак, и для настоящего развития сельского хозяйства нужны добавочные средства. Его нужно перестраивать. И здесь необходимо капитальное строительство. Эта переделка сельского хозяйства предполагает его *укрупне-*

ние. Трактором нельзя пахать на наделе с носовой платок. Сложные машины нельзя применять в мельчайшем хозяйстве. Нужно поэтому — в борьбе с кулачеством и в борьбе с нуждой — объединять хозяйства, строить колхозы, организовывать совхозы, превращать их в рычаги воздействия на крестьянские дворы, в рычаги дальнейшей коллективизации и кооперирования крестьянских хозяйств [10]. Из этого вовсе не следует, что нам нужно забросить заботу о мелких и мельчайших хозяйствах. Их у нас около 25 млн. Решающая, подавляющая масса хлеба производится в них — и долго еще будет производиться [11]. Да и огромнейшие массы живых людей, население СССР, состоит именно из крестьян середняков и бедняков. Чем лучше они живут, чем больше они производят, чем больше они продают, тем лучше для страны Советов. Поэтому просто глупо было бы сказать: пока нету трактора — ни шагу вперед! Или: пока не объединились люди в колхоз, нечего им рассказывать и точить лясы, чтобы они улучшали свое индивидуальное хозяйство! Такая, с позволения сказать, позиция была бы, повторяю, глупостью. Но для того, чтобы коренным образом переделать сельское хозяйство, чтобы действительно перейти на крупное коллективное хозяйство в широких размерах, нужна новая техника, ибо даже из тысячи сох ни одного трактора не сделаешь. Если вы соберете тысячу сох в одном месте, то выигрыш от этого, конечно, будет, но это будет не то, к чему мы стремимся, этим еще не будет разрешена наша основная задача социалистического переустройства деревни [12].

Итак, как и относительно капитального строительства в промышленности и транспорте, так и относительно сельского хозяйства можно сказать, что вопрос заключается в трудностях, связанных с *необходимыми затратами*.

Есть еще одна область, где этот вопрос стоит чертовски остро: это вопрос о *жилищном строительстве*. Люди живут, время течет, дома стареют, дряхлеют, облупливаются, и все это происходит незаметно. Прошли пять-шесть лет, и дома начинают разрушаться, и города выросли, народу наперло в них видимо-невидимо, жилищная площадь уменьшается. Можно в одной комнате четыре перегородки поставить, потом в каждом отделении еще по четыре, но потом уже по всем законам физики наступит такой момент, когда нужно в шкаф платяной лезть. (*Смех*). У нас именно такое положение во многих городах суще-

ствует. Жилищный кризис — одна из самых острых гроблем, и решение ее требует точно так же огромных затрат. А что делается, например, со школами? Для рабочих один из самых острых вопросов есть вопрос об обучении детей. И на это тоже нужны теперь большие добавочные суммы. Правда, некоторые древнегреческие философы гуляли на воздухе со своими учениками. Но — увы! — это возможно было в Греции, на наших морозах не очень погуляешь! (*Смех*).

Коренной вопрос, это — вопрос *о нашей основной промышленности*, о производстве средств производства, о производстве чугуна, о производстве металлов, о крупном машиностроении, о производстве тракторов, о нашем электротехническом производстве, о наших электростанциях, о химическом производстве и проч., все это — огромные области строительства, и задача организации их стоит перед нами с величайшей остротой.

Итак, если мы хотим идти вперед, нам нужно со всех сторон наскребать средств для развития нашей индустрии и особенно для развития производства средств производства. Это нужно делать, нужно здесь приносить значительные жертвы ради строительства нового фундамента, нужно бороться против всяких настроений, идущих вразрез с этой линией. Но при этом нужно иметь в виду и опасность расхождения между развитием промышленности и развитием сельскохозяйственной ее основы. Здесь мы подходим к основе теперешних особых наших затруднений. Надо иметь в виду следующее: если мы строим новую фабрику, новый завод, если прокладываем новую шахту или возводим новые дома, то эта фабрика, завод, электростанция и т. д., которые мы строим и которые нужно строить, скажем, три года, за *эти* три года не выпускает ни одной товарной единицы: ни куска сукна, ни тонны угля, ни пуда металла. Если мы строим гигантские сооружения в роде Волховстроя или Днепростроя и т. д., то все эти годы, пока эти огромные производственные единицы сооружаются, они ничего *не дают*, а *берут* они огромное количество и средств производства (кирпича, цемента, леса, металла, стекла и т. д.), и средств потребления, нужных для работающих там рабочих. Рабочие, строящие ныне заводы, тоже потребляют: они покупают себе штаны, фартуки, пищу, кислую капусту, мясо, хлеб и т. д. Всякий это понимает. Что же получается? Получается огромный спрос на разные товары: металл, цемент,

стекло, кирпич, хлеб, мясо, капусту и пр. Пока новые предприятия строятся, они предъявляют, таким образом, большой *спрос*, а сами ничего не дают [13].

Когда фабрика на ходу, она *сама* выбрасывает или гвозди, или металлы, или машины, или ситец, или сукно, или еще что-нибудь, что идет в товарный оборот. Но когда строительство такое огромное, и когда оно еще не кончено, то оно со всех сторон вбирает в себя, как большая прожора, а из себя ничего не выпускает. И здесь нужно *ждать*, приходится нести известную жертву, приходится *потерпеть*.

И через известное время в «действующую армию» наших фабрик и заводов будет входить все большее число *новых* предприятий, которые будут *давать* больше, чем брать, которые будут *выбрасывать* новые товарные массы. Но сейчас мы как раз обретаемся на очень трудном перевале.

В условиях, когда мы не можем получать крупных займов за границей, мы должны жертвовать многим ради крупного строительства, нашего промышленного фундамента, т. е. мы должны тем самым *меньшую* долю товаров бросать на потребительский широкий рынок. В связи с этим стоит до известной степени и явление *нехватки* товаров, т. е. то, что мы называем *товарным голодом*. Но отказываться от того, чтобы дальше тем же темпом вести вперед наше индустриальное строительство, мы ни в коем случае не должны. Конечно, если бы какие-нибудь сумасшедшие люди предложили сейчас строить вдвое больше, чем мы это делаем, то это означало бы именно политику сумасшедших [14], потому что тогда голод на промтовары у нас обострился бы в несколько раз, а этот товарный голод отражается на хлебном голоде. Если крестьянство ничего не может получить из городских продуктов, то ему невыгодно продавать хлеб. Поэтому промтоварный голод означает хлебный голод. Мы должны натягивать струну и брать возможно быстрейший темп развития нашей промышленности. Мы не должны ослаблять темпа нашего промышленного строительства. Мы должны темп нашего строительства сохранять и по мере возможности его увеличивать, но в то же самое время не должны забывать и другой стороны дела, т. е. того, чтобы не перетянуть слишком. В настоящее время мы переживаем довольно трудное положение вещей. И именно потому, что нам строить во что бы то ни стало нужно, а строить нам очень

трудно, нужно этот период изжить, перевалить через него, тогда мы пойдем гораздо более легко к своей цели.

Какая же помощь требуется от нашей рабселькоровской армии в деле преодоления этих трудностей? Трудности, стоящие перед нами, мы можем преодолеть лишь при том условии, если мы всю массу трудящегося народа мобилизуем под руководством пролетариата на дело хозяйственного строительства в нашей стране. Главный вопрос нашей классовой политики, это вопрос о том, как мы должны привести в движение миллионные трудящиеся массы нашей страны для разрешения наших строительных задач.

Все вы отлично знаете, что сейчас местами есть иногда довольно значительное недовольство, в особенности в деревне, да и в тех городах, где плохо обстоит дело со снабжением хлебом. На это, конечно, нужно обратить большое внимание. Опасность разрыва между городом и деревней есть ведь главнейшая внутренняя опасность в нашей стране [15]. Смычка между рабочим классом как руководителем и середняцким крестьянством при опоре на бедноту есть главнейшее, решающее условие успешности классовой борьбы. Поэтому и сейчас мы должны поставить перед собой задачу: мобилизовать миллионы так, чтобы вместе с рабочим классом в первую очередь шли батрацкие и бедняцкие слои крестьянства и огромное большинство середняков, чтобы эта огромная глыба народа могла служить делу классовой борьбы против бюрократизма, против нэпмана, против кулачества, которое теперь оживилось, которое осмеливается стрелять из обрезов по селькорам.

По отношению к бюрократизму, кулаку, капиталисту должна вестись непрерывная война, непрерывное наступление, которое может быть тем успешнее, чем большее количество бедняцких и середняцких масс пойдет под руководством пролетариата. Важнейшая мысль Ленина в учении о пролетарской диктатуре заключается в том, что трудящиеся массы должны строить социализм под руководством пролетариата. Пролетариат есть вождь всех трудящихся, и он сможет свое дело довести до конца лишь постольку, поскольку он сумеет повести за собой огромные миллионы трудящихся; чем крепче союз пролетариата с основными массами крестьянства, тем успешнее будет дело социалистического строительства, тем успешнее будет классовая борьба рабочего класса. Классовая борьба у нас

на теперешнем этапе сильно заострилась. Кулак схватился местами за ружье. Но для того, чтобы его утихомирить по-настоящему, для этого необходимо, чтобы *середняк шел с нами*, а не с кулаком, чтобы у кулака не было *агентов* на селе, чтобы он не вербовал своих сторонников из бедноты, а был окружен ненавистью на селе. Это есть наша главная задача, от которой отказаться мы ни в коем случае не можем. Конечно, это задача трудная, потому что середняцкая прослойка деревни в трудные моменты колеблется; но наша задача заключается в том, чтобы союз с ней был возможно более крепким, чтобы именно кулачество было изолировано. Это задача чрезвычайно трудная, но необходимая, и от нее мы не можем отказаться ни на каком этапе нашего строительства и нашей борьбы, ни во время мира, ни во время войны. Однако для того, чтобы союз с середняком у нас был возможно более прочен, нам нужно по-настоящему сплотить нашу опору в деревне, сплотить в первую очередь *батрачество*, сплотить *деревенскую бедноту*. Нужно позаботиться о том, чтобы и в городах новые прослойки рабочего класса (строительные рабочие, сезонные рабочие вообще, новые слои рабочего класса, влившиеся за последние годы в нашу промышленность, и т. д.) стали в общие пролетарские ряды, плечо к плечу, рука к руке с кадровиками пролетариата, с коренным его ядром. Старые кадры рабочих, делавших Октябрьскую революцию, вымирают, стареют, нарождаются новые поколения, тянутся на заводы, частью из деревни, из ремесла и кустарных промыслов. Эту прослойку рабочий класс должен переварить и перевоспитать. Мы не должны смотреть на них сверху вниз с презрением какой-то рабочей аристократии, недовольные, что вот, мол, пришла рабочая «деревенщина». Нет, наша задача заключается в том, чтобы поскорее сделать их товарищами по труду, борьбе, строительству.

Руководство классовой борьбой со стороны пролетариата, борьбой против кулачества и частного капитала в союзе с середняцким крестьянством и с опорой на бедноту — это наша основная стратегическая линия. Ее обеспечение, разумеется, должно составлять и предмет забот *рабселькоровской армии*.

Чтобы эти задачи классовой борьбы действительно разрешить, и притом по возможности более хорошо, более умело, с меньшими издержками и с большим успехом, необходимо обратить внимание вот на что: мы двадцать

тысяч раз и миллионы раз говорим о борьбе с бюрократизмом, этим великим тормозом на нашем пути. И тем не менее эта борьба с бюрократизмом у нас до сих пор увенчалась не шибко большими успехами. Нужно сказать, что бюрократизм даже в буржуазных обществах, даже с точки зрения буржуазии, представляет большое зло. На этих днях я читал недавно вышедшую книжку одного неглупого, архиправого немецкого генерала, фон Секта [16]. Этот генерал начинает свою книжку, которая называется «Мысли солдата», следующим положением: «Есть три вещи, против которых честно борется человеческий дух: глупость, бюрократия и ходовые словечки». Правда, почтенный генерал говорит, что бороться с глупостью он предоставляет более умным людям (я не знаю уж, из чего проистекает такая скромность этого автора «Солдатских мыслей»), но что бюрократизм есть одно из величайших зол человечества — в этом он прав. Трудно сказать, что больше вредит нам — глупость или бюрократизм, и кому нужно отдать здесь пальму первенства. (*Возглас т. Кона* [17]: *«Обе хуже»*). Тов. Кон берет на себя роль Париса между этими двумя «красавицами» и говорит, что «обе хороши». (*Смех*). Так вот, товарищи, я спрашиваю: какой нужно выдвинуть сейчас лозунг для того, чтобы успешно бороться против бюрократизма? Мне кажется, что нужно сейчас выставить лозунг — *больше инициативы, местной, групповой, личной* [18]. Мы двадцать тысяч раз должны сейчас повторять и проводить в жизнь этот пароль. Очень часто во многих областях нашей работы мы в значительной мере эту инициативу как-то незаметно сами сковали, а ее нужно *развязать*. В самом деле, именно в этой скованности и выражается бюрократическая «жила», бюрократическая «тенденция». Она связана с тем, что мы почти каждое доброе начинание обязательно хотим впихнуть прямиком и целиком в рамки государственного аппарата. Иногда дело от этого пищит, топорщится, а мы насилуем его и нередко с усердием втискиваем его в бюрократическую оправу. Известное бюрократическое окостенение происходит, таким образом, не только с нашими государственными учреждениями. Наша беда не только в том, что наши советские работники являются частенько зараженными бюрократизмом,— это было бы еще полбеды. Бывает так, что *партработники* превращаются в чиновников советского государства. Им бы нужно исправить недостатки советского государства, а они так же думают

о чинах и орденах, так же относятся к входящим и исходящим бумагам, как любой чиновник, так же позабывают о живых людях. Партработник, таким образом, *«имеет тенденцию»*, как выражаются, превращаться в чиновника. *Профсоюзники* не хотят отставать на этом пути: профсоюзная канцелярия местами все больше заменяет общение с массой. *Кооперативные* работники догоняют своих товарищей, даже *рабкоры* обнаруживают эти грешки. (*Смех*).

Иногда рабкор чувствует себя так, будто он с мандатом ходит, чин имеет, на людей уже сверху вниз поглядывает, словом, сияние государственной власти, ее благодать сделала на нем свою отметину. Не то, чтобы помогать пролетарскому государству просто за совесть. Нет, он чувствует себя примерно так, как надворный советник при старом режиме [19]. (*Смех, аплодисменты*). Это — штука чрезвычайно опасная, и не только для людей, но и для учреждений, что, в свою очередь, опасно и для людей. В самом деле: хорошо или плохо, что у нас на этой вот основе *кооперация* имеет почти что одно лицо с простой государственной лавкой? Мы орем везде и всюду: «Самодеятельность, общественность, кооперативная общественность» и пр., а выходит — *дуля*. Ибо нужно чуть ли не в телескоп (не то, что через простую лупу) смотреть: в чем же *разница* между государственной простой лавкой и кооперацией, *где* эта самая „общественность", под лавкой спряталась что ли? У нас кооперация должна быть *кооперацией*, должна объединять массы, должна на селе представлять общественность, должна поднимать инициативу. А какая к черту здесь инициатива, когда там сидят нередко чиновники бесконтрольные. У нас и в *профсоюзах* очень часто имеются подобные тенденции. Бывает так, что органы профсоюза мало чем отличаются от администрации. Бывает так, что и *партийные* органы не отличаются ничем от органа государственной власти. Сидит в канцелярии какая-нибудь партийная тройка, которая «рассудку вопреки, наперекор стихиям»[20] прямо «замещает» советский орган. Никто не ходит ни в какие Советы, обращаются прямо туда, а эти товарищи сидят, судят и рядят, милуют и карают, делают все, что угодно, как будто партийный орган есть непосредственно орган государственной власти! Задача партии заключается в том, чтобы партийцы были отнюдь не чиновники, а самые живые люди в стране, которые бы чиновников могли выво-

дить «за ушко, да на солнышко», которые бы исправляли, поправляли и направляли органы государства, а если они сами — чиновники, то они не за «ушко», а только за «ручку». (*Смех, аплодисменты*). Рабкоровское движение вырастает, появляются новые рабкоры и селькоры, великое движение растет и растет, а в то же самое время появляется уже и прослойка рабкорчиков, которые ходят с заднего крыльца к директору и услужающе спрашивают: «Писать о чем *прикажете*?». А охотников «приказывать» у нас развелось до черта. У нас даже титулы есть забавные: «*начальник* Главискусства», «*начальник* Главнауки», в чем, впрочем, товарищи, обреченные носить эти титулы, вовсе неповинны [21]. Но это между прочим. Итак, рабкор должен *поправлять*, а, глядь, он заранее себе связал руки и ноги.

Посмотрите, как сложно обстоит у нас дело. Мы должны, конечно, помнить: у нас есть хозяйственники; они, конечо, тоже дети нашего класса; некоторые из них, правда, не без греха, но ведь во всех слоях нашего класса бывают грешки; у них может быть больше грехов, ибо больше соблазнов, но они делают *наше* дело. Однако социалистическое строительство, это такая сложная штука, что ты все же должен отличать и видеть разницу между задачами профсоюзника и хозяйственника. Основная задача профсоюзника, это — строительство социализма? Да, верно. Главная задача хозяйственника — строительство социализма? Да, и это верно. И хозяйственники, и профсоюзники, и партийцы, и верные работники госаппарата, все они — строители социализма. Однако между этими слоями нужно различать: между ними должно быть разделение труда; когда я говорю, а вы меня слушаете, мы делаем одно дело, но мы не кричим сразу, все вместе. Здесь тоже есть разделение труда. Утром я устраивал совещание рабселькоров, они говорили, а я слушал; теперь я буду говорить, а вы будете меня слушать. (*Смех*). Так больше порядка и мы друг другу помогаем. В общем делаем *одно* дело. Так и во всем огромном масштабе строительства нашей страны. Главная задача *хозяйственника* — смотреть, чтобы был порядок на фабрике: строй новые фабрики; смотри, чтобы ничего не пропадало; налаживай хозяйство; развивай производительность труда; подтягивай, береги каждую копейку и т. д. А задача *профсоюзника*? Он должен в строительстве хозяйственника поддерживать, но у него есть *особые* задачи: ты хочешь, чтобы

лучше было поставлено производство,— хорошо, но ты не нажимай на рабочего, когда можно без этого обойтись, когда можно еще лучших результатов достигнуть техническими улучшениями, более совершенной организацией труда, экономией в расходах и т. д. Словом, у профсоюзника другие задачи: он должен быть в первую очередь связан с массой. Такое разделение труда вовсе не страшно. Ты хочешь лучшей работы,— ладно, я тебе помогу: но изволь-ка вовремя платить зарплату, вовремя выдавать спецодежду, озаботься, чтобы вентиляцию поставить. Наоборот, было бы, например, ведь странно, если бы у нас Наркомторг вместо заботы о хлебоснабжении стал бы строить фабрики, а ВСНХ стал бы бегать по СССР и ловить хлебных спекулянтов? Разделение труда у нас должно быть. Должно быть также разделение труда и взаимная помощь хозяйственников, партийцев, органов Советской власти, рабкоров и проч. Каждый должен делать свое дело, а если они начнут путать свои роли, то кроме чепухи из этого ничего не получится.

У каждой «профессии» есть и свои «болезни». У табачницы — туберкулез, у некоторой части хозяйственников — бюрократические заболевания (*аплодисменты*), у коммунистов — излишняя самонадеянность и чванливость, у других — целый ряд своих пороков, которые затем растут и подчас превращаются в такой нарост, что тяжко становится дышать.

Если мы спросим себя, как попроще выразить основную задачу момента в этих вопросах, то я думаю, нужно сказать таким образом: *необходимо всемерно усилить активность и инициативу всей советской общественности. В этом сейчас главная задача. Ножичком этой живой советской общественности нужно обрезать излишние и вредные наросты на нашем государственном аппарате.*

Конечно, наше советское государство не есть что-то обособленное от советской общественности. Наши профсоюзы своими щупальцами вдвинуты в советский аппарат, например, они намечают кандидатуры хозяйственников, в их руках Наркомтруд и т. д. Пальцы разных общественных и государственных организаций объединяются в один мощный кулак аппарата пролетарской диктатуры. Но не нужно забывать, что каждый из них выполняет *особую* функцию.

Сейчас органам советской общественности нужно, организуя широкую, миллионную массу, стричь со всех сто-

рон бюрократизм и пресекать в корне все извращения, которые имеются и у общественных организаций.

Нужно обязательно добиться усиления и активизации советской общественности по линии партийной, профессиональной, кооперативной и т. д. Больше инициативы! Больше самодеятельности! Больше массового творчества!

Здесь я должен сказать несколько «теплых слов» по поводу *отличительных признаков бюрократизма и отличительных признаков бюрократа.* Характерными для бюрократа являются несколько признаков, которые все связаны друг с другом. Обычно говорят: «Бюрократ, это — тот, кто имеет дело с бумажками, „бумажный человек"». По своему опыту каждый знает, что без бумаги трудно писать. Некоторые гениальные личности пишут на заборах, но это не рекомендуется делать (*смех*). Бумажка сама по себе есть благо, но, как всякое благо, может быть «употреблена во зло». Например, тогда, когда в Москву, в губернский, либо в окружной центр приезжает какой-нибудь крестьянин по земельным или другим делам, с ним никто толком не поговорит, дела не разъяснит, а бумажку он получит, да притом со всеми штемпелями; с нею его направляют в другое место, где ему дают другую бумажку, с которой он идет в третье место и т. д. Для бюрократа бумажка есть стопроцентное оправдание: он употребил бумагу, чернила и такое цивилизованное орудие производства, как печать. Все будто бы в порядке. А что это *на деле* означает? А на деле — ничего, кроме траты бумаги, чернил, лишних рабочих часов, возбуждения справедливой злобы среди массы, не получилось.

Самое отвратительное в бюрократизме, это формальное отношение к делу, такое отношение, когда в существо дела не вникают, а стараются поскорее сбыть его с рук, непрестанно обретаясь в порыве административного восторга и сознания своей «мощи» над людьми. Я советовал бы вам читать старых сатириков, например, Щедрина, хотя бы его «Историю города Глупова». У нас остались еще старые элементы, да и среди новых иногда подрастают «молодые да из ранних». Колупнуть немного наши административные кадры — можешь наткнуться и на Грустиловых, и на Негодяевых, и на Великановых, и на Угрюм-Бурчеевых [22].

Формальное отношение к делу выражается в том, что *человек* («проситель», «жалобщик») исчезает, ибо для бюрократа нет принципиальной разницы между челове-

ком и бревном, для бюрократа важно, чтобы он сам был чист перед начальственным оком, и только. Если попадают бюрократы повыше, то это отражается на всей работе, иногда даже на отдельных административных актах. Такие люди не хотят и не могут ясно представлять себе и учитывать заранее, как то или другое решение подействует на массы, на рабочих, на бедняцко-середняцкие слои крестьянства; они не беспокоятся в своем творчестве и не спрашивают себя: а не выйдет ли из того или другого распоряжения или административного указания такой истории, например, что захудалый крестьянин на клячонке должен без толку ехать за десятки верст и затем возвращаться обратно или плестись пешком, натирая кровавые мозоли, и тоже без толку. Это и есть то зло, которое в резолюциях нашей партии называется «невниманием к нуждам масс»[23]. Это и есть злостно-бюрократическое «творчество». Ленин всегда видел перед собой трудящиеся массы со всеми их нуждами, со всеми их потребностями, со всеми их интересами, со всеми их мыслями, со всеми их сомнениями.

На совещании с рабселькорами товарищи указывали на такие распоряжения, которые,— как выразился один селькор,— нужно считать «надругательством над бедняцкой личностью». Такое бюрократическое творчество нужно действительно выжигать каленым железом, а не только каленым пером. При этом такие бюрократические сочинители никогда не признаются, что они в чем-либо виноваты; наоборот, они всегда будут уверять, что все в их округе обстоит благополучно, что все благоденствует. Нужно хорошенько взяться за такую личность, чтобы выявить действительность из-под хлама вранья. Эту бюрократическую коросту, которая имеется во всех порах нашего совокупного аппарата, нужно всячески сдирать, снимать и в первую очередь нужно снимать силами советской общественности, которая должна срезать бюрократические наросты, помогая именно *этим* нашему пролетарскому государству. А это, в свою очередь, предполагает бóльшую и более смелую критику, бóльшую активность всех общественных организаций, бóльшую их инициативу.

Очень часто бывает, что трудно бороться с бюрократической окостенелостью — и это одно из основных зол, потому что один и тот же человек занимает несколько мест и должен сам себя контролировать, потому что он и администратор, и партийный деятель, и руководитель раб-

коров, словом, все, что угодно. Я немножко преувеличил, но и такие случаи есть (*голоса*: *Есть, есть*). Но в таком случае он сам отвечает перед собой, сам себя исправляет, сам себя контролирует, т. е. *ни перед кем* не отвечает, и *никому* не дает себя ни контролировать, ни исправлять. Или бывают группы лиц, компании «друзей», которые сводят на нет взаимный контроль, вместе выпивают, вместе гуляют и т. д., им тогда трудно друг друга контролировать. Дружба, может быть, и не плохое чувство, но объективно получается, что из-за этого «кумпанства» сводится на нет контроль. Одной из отвратительных черт истинно русского образца является образование таких кумпанств-собутыльников.

У нас слово «спайка» имеет два значения. Спайка — в смысле образования хороших товарищеских отношений и спайка — в смысле алкоголическом. (*Смех*). Но очень часто и та, и другая «спайка» сливаются гармонически в одно целое (*смех*), так что таких людей никак не отдерешь друг от друга, приходится их «распаивать». (*Смех*). Даже в партийных, профсоюзных и комсомольских организациях бывают такие «спаянные» компании. Обычно бывает так, что эти «кумпанства» имеют, выражаясь по-заграничному, свое негласное «бюро» или свою «центральную фигуру», играющую роль «души общества». Что же из этого получается? Если такую «фигуру» переводят, скажем, из Одессы в Архангельск, то вся его компания лезет в Архангельск «устраиваться». Если его переводят из Архангельска в другое место, то вся компания опять кочует за ним. Это компанейцы называют «подбором работников». (*Аплодисменты*). Мы распаиваем в одном месте, а глядишь, в другом месте — опять спаиваются. И вот такие «милые нравы» нужно тоже обязательно взять под обстрел. Нужно, конечно, отличать действительную товарищескую спайку от только что изображенной, против последней необходимо вести ожесточенную борьбу.

Несколько слов о некоторых частичных задачах нашей печати. Я беру в качестве основной установки своего доклада ту мысль, которую формулировал раньше, а именно: *для того, чтобы в реконструктивный период преодолеть все трудности, нужно бросить на борьбу миллионы. А для того, чтобы бросить эти миллионы, нужно поднять удельный вес советской общественности и этим рычагом обрезать бюрократическую коросту советского государственного аппарата, помогать ему бороться с его собственны-*

ми болезнями — с подхалимством, с чиновническим угодничеством и осуществлять настоящую самокритику. С этой целью нужно выявить некоторые довольно элементарные, но тем не менее заслуживающие внимания директивы.

Наша печать должна, во-первых, возможно более *правильно информировать о положении вещей.* Мы, разумеется, не можем рассказать «всем, всем, всем» о некоторых вещах, не можем, потому что это принесет вред пролетариату. Мы не можем ничего печатать, например, о наших военных тайнах. Ведь мы живем не в закупоренной бутылке. Нельзя ставить такой лозунг, что все, мол, *до конца* выкладывайте в газетах. Но мы должны правильно информировать о существующем положении, потому что, если мы что-нибудь замалчиваем или недостаточно смело информируем, то это в конце концов отражается в худую сторону на нашем общем деле. Представьте, что мы стали бы скрывать трудности, которые у нас есть и которые нам еще предстоят. В ходе этих трудностей нас справедливо спросили бы: откуда все это свалилось, почему же вы об этом молчали? Рабочий класс у нас способен на большие жертвы, но он требует — и он вправе требовать — чтобы мы вовремя говорили то, что есть. Без этого не может быть ставки на рабочий класс, без этого не может быть мобилизации трудящихся масс.

Второе: мы должны *правильно учитывать настроения масс.* Мы тем и сильны были, что всегда слушали массу, и даже тогда, когда масса иногда заблуждалась, мы терпеливо разъясняли, говорили, в чем трудности, разбирали положение дел по косточкам и делали понятным и доступным массе тот путь, по которому партия идет. Но для всего этого нужно уметь слушать массу. И в первую очередь, это — задача рабкоров, потому что рабкор, который превращается в чиновника, рабкор, который теряет живую связь с массой и не отражает того, что говорит масса, такой «рабкор» *перестает быть рабкором.* Такой «рабкор» социалистическому строительству никакой пользы не принесет.

Конечно, роль рабкора не состоит только в том, чтобы слушать, развесив уши. Как и у всей нашей партии и у Советов, у него не пассивная, а активная роль. По поводу сомнений, которые есть у рабочей массы, он должен выступать с разъяснениями. Это — великая работа. Сейчас мы переживаем такой момент, когда эта разъяснительная

работа особенно необходима, потому что очень часто мы сидим в редакциях, кабинетах и т. д., а в это время на улицах, фабриках и заводах, в переулках, трамваях и пивных говорят о том, что в газетах получает крайне слабое отражение. На это печать должна реагировать, ибо это есть составная часть *жизни масс*. Не лишне занимать активную позицию в борьбе даже с нелепыми слухами, пускаемыми в оборот нашими врагами. Представьте, что мы стали бы скрывать трудности, которые у нас есть и которые нам еще предстоят. В ходе этих трудностей нас справедливо спросили бы: откуда все это свалилось, почему же вы об этом молчали? Наша задача — *разъяснить*, что это чепуха, *разъяснить* в чем дело и разоблачить кого надо и т. д.

Далее. Необходимо, чтобы рабкоры точно так же, как и все другие работники печати, повели борьбу за то, чтобы поменьше было *бессмысленного попугайства и побольше разумного понимания вопросов текущей жизни*. Недавно я читал новый роман «12 стульев». Здесь довольно едко изображена фигура халтурящего якобы пролетарского поэта, который ходит по редакциям всяких профорганов и получает всюду гонорар, но составляет свои «производственные» стишки своеобразным способом [24]. Идет он, скажем, в орган профсоюза, объединяющего рабочих леса, и приносит «балладу» про Гаврилу, которую начинает так:

«Гаврила шел кудрявым лесом.
Бамбук Гаврила порубал».

Потом идет в профсоюз сельскохозяйственных рабочих и переиначивает пресловутую «Гаврилу» таким образом:

«Пахал Гаврила спозаранку.
Гаврила плуг свой обожал».

Потом идет к работникам связи и пишет:

«Служил Гаврила почтальоном,
Гаврила письма разносил».

Идет далее в союз булочников, и снова у него тот же самый Гаврила:

«Служил Гаврила хлебопеком,
Гаврила булки испекал». (*Смех всего зала*).

Этот самый «Гаврила» всюду и везде приносит обильную пищу карману находчивого автора. В том же самом романе есть довольно удачная пародия на некоторые стороны нашей общественной жизни. В романе дана карти-

на одного губсоцстраховского учреждения, где сидят беззубые старухи. Тут же красуется лозунг: «Пережевывая пищу, ты помогаешь обществу». (*Смех*). Или на станции общества спасения утопающих развешан плакат со страшно «революционным» кличем: «Дело спасения утопающих есть дело рук самих утопающих»[25]. (*Громкий смех всего зала*).

У нас очень часто бывает, что во многие отрасли нашей общественной жизни, хозяйственной, профсоюзной, партийной пролезают авторы вот этаких Гаврилиад. Нам нужно *разнообразить* нашу пропаганду и агитацию; нам нужно добиваться ясности в самой *сути*, а не ублажать себя «словесностью». Без разъяснения, без вдумчивого анализа, без пропаганды наши лозунги могут превратиться в стертые пятаки. Вообще нужно понять, что стоящие перед нами задачи строительного периода по отношению к людям заключаются не в том, чтобы воспитывать попугаев, которые когда угодно, в особенности под бдительным взором начальства могут повторять одно и то же, а воспитывать таких людей, которые разбираются в вопросах, могут дать правильные указания, которые любому врагу, будь то кулак, будь то нэпман, смогут дать на деле, в борьбе, правильный «ответ», которые смогут переубедить колеблющихся, будучи сами убеждены и действуя не за страх, а за совесть.

При обострившейся сейчас классовой борьбе, когда нужно руководить миллионами, когда нужно бороться с кулаком, местами обнаглевшим, когда нужно прочно завоевать середняцкую массу, способствуя изживанию колебаний в ее среде, формалистам-чиновникам не решить быстро эту задачу: здесь нужны сплоченные, верные, закаленные кадры *сознательных борцов*. Величайшая *сознательность* необходима и для борьбы с внутрипартийными уклонами, с правой опасностью, которая выражает мелкобуржуазные шатания в стране.

Сейчас от наших речей, резолюций, постановлений, решений зависит довольно много. Это не просто «литература»: тут вставил «словечко», там «ввернул», здесь соловьем распелся. Нет. Не такое теперь время. Сейчас все у нас проверяется *практикой*, практикой строительства, практикой классовой борьбы.

От наших действий, от нашей политики зависит в значительной степени судьба многих миллионов живых людей. Кто этого не хочет понимать, есть сам воплощение

бюрократизма, потому что основное свойство бюрократа состоит в том, что он не видит перед собой живых людей. А настоящий коммунист, настоящий строитель нашего Союза должен постоянно иметь перед собой живую массу, вместе с которой, во главе которой и для которой мы строим социализм в нашей стране. Нам не нужны бюрократические истуканы, ибо весь наш кадровый состав поставлен революцией для того, чтобы ежечасно, ежеминутно, ежесекундно думать о нуждах и потребностях трудящихся масс, о правильном удовлетворении этих нужд и потребностей, текущих и длительных, главных, решающих. Правильное удовлетворение этих нужд и потребностей *в основе* своей заключается в том, чтобы скорее, успешнее и по возможности безболезненней идти по пути строительства социализма.

С этой точки зрения огромное значение приобретает лозунг нашей партии о *самокритике* [26]. Необходимо, конечно, чтобы эта самокритика в возрастающей степени становилась оружием нашего социалистического строительства, и потому совершенно необходимо, чтобы эта самокритика не ограничивалась пустяками, необходимо, чтобы она смотрела дальше и глубже, чтобы она освещала дурные и хорошие стороны, чтобы она стремилась выйти за предел одной «своей околицы», одного завода; необходимо, чтобы она не превращалась в базарную перебранку селедочниц на торговой площади. Очень часто у нас бывает, что обращается много внимания на совершеннейшую чепуху и пропускают за ней, за этой чепухой, значительные вещи. Бывает и так, что самокритика сводится к личным счетам и подсиживаниям. Есть и специальные любители, которые искусно ограничивают размах самокритики, пуская ее по каналу мелочной перебранки. Поскольку речь идет о вопросах, касающихся нашего хозяйственного строительства, повторяю, самокритику не надо ограничивать одними мелочами, а развивать ее смелее, смотреть дальше и глубже, воспитывая, таким образом, рабочих, как строителей социализма и втягивая новых борцов в это строительство. Дальше, товарищи, нам необходима, с другой стороны, *самодисциплина*, которая должна стать одной из составных частей внутреннего культурного роста каждого из нас, внутреннего культурного роста, который нам необходим для того, чтобы решить сложные задачи реконструктивного периода. У нас нарождаются такие люди, которые культурную революцию

понимают чисто внешне. Можно обвесить себя всеми чинами и орденами и портфелей нацепить сзади и спереди; можно усвоить себе технику ведения собраний и стать большим ловкачом в устройстве шествий и праздников, но дело не подвинется от этого вперед. Задача наша заключается не в этой внешности. Дело во *внутренней* культуре, которая выражается в добросовестном отношении к работе, в сознании мельчайшей ответственности, которая на каждом из нас лежит. Если у нас будет сознание этой ответственности, будет больше внутренней добропорядочности, которая нам до зарезу необходима, то и самокритика будет настоящей самокритикой, а не мелкой перебранкой, будет настоящей самокритикой, которая действительно является величайшим рычагом нашего социалистического строительства.

С таким подходом к делу мы должны идти в бой и за очередные наши задачи: за хорошее проведение хлебозаготовок, за расширение посевных площадей, за рационализацию нашей промышленности, за победу пролетариата при выборах в Советы и т. д.

Все эти задачи подчинены задачам нашей великой борьбы. Наши огромные обобщающие лозунги — металл, хлеб, культура, оборона — мы будем проводить в борьбе со всеми и всякими врагами пролетариата, мобилизуя миллионные массы. Наша армия, армия рабочих и сельских корреспондентов, есть один из крупнейших вспомогательных отрядов в этом великом процессе переделки нашего общества. Если каждый из вас в полном сознании своей ответственности перед пролетариатом, имея перед собой ясную перспективу, как идти, куда идти и зачем идти, будет делать свое дело, дело сплочения массы, и если мы общими усилиями эту массу сплотим, союз рабочего класса с крестьянством укрепим, народные массы против классовых врагов в бой поведем, эту миллионную массу в атаку против трудностей организуем, то никакие силы в мире, ни внутренние, ни внешние, не смогут переломить мощный хребет великого Союза Социалистических Республик! (*Бурные аплодисменты*).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ТОВ. Н. И. БУХАРИНА

Товарищи, я прочитал стенограммы всех выступлений и поданные записки. Записок было довольно много, поэтому я не смогу ответить на

каждую из них и припужден в ходе своего заключительного слова привести только некоторые, наиболее крупные, наиболее политически важные вопросы и на них дать ответ.

Некоторые записки, а также отдельные товарищи, выступавшие в прениях, говорили о том, что я не коснулся целого ряда вопросов. Например, в записках спрашивают: как нужно поставить дело с кружками или редколлегиями рабселькоров? Или спрашивают: почему я не коснулся такого вопроса, как пролетарская литература и рабкоровское движение? Или ставят мне вопрос о том, каковы особые задачи работы рабселькоров среди нацменьшинств, почему я специально не коснулся вопроса о молодежи, о военных корреспондентах и т. д., и т. п.

Что касается всех этих вопросов, можно ответить весьма кратко: я не мог коснуться всех вопросов потому, что мой доклад — не единственный доклад на этом совещании и я думаю, что поступил бы в высокой степени неправильно, если бы стал, так сказать, «объедать» других докладчиков и отнимать у них вполне заслуженный «хлеб». (*Смех*).

У нас должно быть известное разделение труда: если у меня, скажем, поставлена такая тема: текущий политический момент и задачи нашей печати, то я не обязан говорить о целом ряде вопросов, очень существенных для нашего движения, но которые прямого отношения к моей теме не имеют. Есть, правда, такие молодые люди, которые умеют отвечать на любой вопрос из любой области. Однако мне уже по старости лет не приходится претендовать на то, что я обязательно все скажу. (*Смех*). Если предъявлять ко мне такое требование, тогда можно было бы прямо объявить: 4-е рабселькоровское совещание, докладчик по всем вопросам — Н. Бухарин. (*Смех*). Вот почему, товарищи, я целого ряда вопросов не коснулся, хотя я этим отнюдь не хочу сказать, что все те вопросы, на которые я не ответил, сами по себе не заслуживают довольно крупного внимания.

Теперь я перехожу непосредственно к делу. Прежде всего должен сказать, что никто не оспаривал тех основных положений, которые я выставил в связи с нашей международной обстановкой, никто не оспаривал те практические предложения, которые я сделал по этой линии. Что касается вопросов нашего хозяйственного строительства, наших внутренних вопросов, которые, конечно, не китай-

ской степой отделены от вопросов международного положения,—вот по этим вопросам, по вопросам хозяйственным был получен целый ряд записок. Выступавшие в прениях товарищи также затрагивали эти вопросы. Я возьму наиболее существенные проблемы, которые были поставлены в записках или в речах, и на них отвечу. Один круг вопросов, которые в первую очередь я хочу здесь поставить, заключается в следующем вопросе: вы рассказывали здесь относительно трудностей индустриализации, относительно того, что мы должны иметь огромные средства для дела этого строительства,— откуда же в конце концов эти средства взять, где тот источник, опираясь на который мы в конце концов сможем эти трудности преодолеть, из этих трудностей выехать? В одной записке в полуюмористической форме сказано: «Ты уже, тов. Бухарин, покопай сам, из каких бы мест выковырять эти самые средства, о которых ты говорил». Я на этом вопросе в докладе останавливался, но, очевидно, он недостаточно усвоен. Естественно, что товарищей, которые думают об экономике нашей страны, должны беспокоить большие трудности, стоящие перед нами, должен беспокоить этот вопрос,— средства требуются громадные, задачи колоссальнейшие, как их разрешить; где же источник средств, если мы из-за границы не можем ничего получить или, во всяком случае, на этих надеждах строить наши перспективы не можем, не смеем и не должны. Я этот вопрос поставлю со всей остротой. На него должен быть единственный ответ, а именно: добавочные средства, которые мы можем внутри нашей страны получить, заключаются *в улучшении нашего производства*, в улучшении *нашего труда*, всей нашей работы, в том, что мы должны научиться *дешевле строить*, в том, что мы должны научиться *больше и лучше производить*. В конечном счете этот источник есть народный труд [27]. Наши враги, а иногда наши полудрузья, сомневаясь вообще в правильности наших путей, очень часто говорят таким образом: «Ну, вот, видите, и Советская власть хочет за счет рабочих, за счет крестьян строить новую индустриализацию, новые мосты, новые железные дороги, и целый ряд других вещей, которые необходимы». И когда так поставят вопрос, тут нам абсолютно нечего «кочевряжиться» и говорить, что это — не так. Нет, именно так, нужно прямо сказать. Откуда же, если из-за границы нельзя получить новых добавочных ценностей, мы сможем внутри страны получить эти ценности? Они

создаются *трудом* и только из добавочного количества лучшего труда мы можем получить добавочное количество материальных средств. Никаких других источников не существует. Разница с прежним порядком заключается в том, что при прежнем порядке эти новые средства, добавочные ценности шли в распоряжение не того класса, который их созидал. Рабочие строили новые мосты, но не для себя, а для буржуазии; крестьяне и народные массы производили хлеб, но отдавали продукты своего труда в руки помещиков, в руки капиталистов. У нас же строительство сосредоточено в руках рабочего государства. От рабочих, от всего трудящегося народа это требует довольно значительных жертв, потому что, как я объяснял в прошлый раз, если строится новый завод, то пока этот новый завод не начнет выпускать новой продукции, он в себя вбирает очень много, на него нужно тратить много труда, а он известный срок не дает почти ничего. Происходит дело так, что мы, не развивая потребления масс так быстро, как могли бы делать, не удовлетворяя целого ряда непосредственных нужд, скапливаем этот труд для того, чтобы употребить его на дело постройки новых предприятий, новых заводов, новых станций и т. д. Вот почему, товарищи, это вовсе не прихоть или желание обязательно подгонять народные массы или еще что-нибудь, когда наша партия, Советская власть говорят, что во главу угла все же нужно поставить задачу, чтобы рабочий класс нашей страны добился и добивался все время большей производительности своего труда, чтоб мы все научились лучше работать, чтоб мы все и управляющие кадры наших советских аппаратов научились лучше управлять, делать меньше ошибок, правильнее и целесообразнее организовывать работу и, следовательно, точно так же повышать производительность своего труда. Поэтому мы говорим, что мы сейчас, в теперешний реконструктивный строительный период должны обязательно стремиться к тому, чтобы вся наша народная трудовая сила и в первую очередь трудовая сила пролетариата, стала на ступеньку повыше, чтобы мы действительно научились сверху донизу лучше и производительнее работать. Это есть для нас жизненная необходимость. Если мы хотим разрешить такую проблему, такую задачу, которая выражена в лозунге «догнать и перегнать Западную Европу и Америку», то ясное дело, что мы можем это сделать только в том случае, если будут повышены качественные

свойства нашего народного труда, труда рабочего класса и крестьянства, если этот труд станет производительнее, если масса его станет больше. Следовательно, нам абсолютно нечего стыдиться, незачем отрицать и бояться признать ту простую истину, что добавочные средства мы можем получить только путем добавочного труда. Это ответ на первый вопрос.

Вторая серия записок, это — записки критического характера, иногда с некоторым оттенком внутреннего недовольства или, во всяком случае, записки, которые показывают, что даже в нашей среде возникают вопросы, сомнения, не ведем ли мы дело так, что в конце концов ничего у нас не выходит. Например, есть такой вопрос: «Когда же это кончится?» Речь идет здесь о товарном голоде, о хвостах, об очередях, о мануфактуре, о недостаточном снабжении хлебом, о недостатке крупы и т. д. Один из товарищей спрашивает: «Когда же в конце концов это кончится, надоело». Что касается того, что все эти вещи в высокой степени неприятны, об этом никто не будет спорить. Какой бы человек осмелился выйти и произнести речь на тему о том, что очень приятно, когда имеется налицо недостаточное снабжение хлебом, или что страшно весело, когда трудно купить себе новые штаны. (*Смех*). Вряд ли найдется такой человек, который будет утверждать, что все это приятно, что нужно бить в ладоши, аплодировать, хлопать и т. п. Ясное дело, что эти крупнейшие недостатки нашей теперешней экономики, нашей хозяйственной жизни суть довольно значительные наши бедствия и вопрос заключается только в том, как нужно находить выход из этого положения, как все это лечить. Нельзя рассматривать как особую нашу добродетель такие явления как очереди, хвосты, плохое снабжение, недостача некоторых элементарных жизненных продуктов. Смешно нам самих себя и всех нас славословить по поводу того, что у нас имеются такие крупнейшие нехватки. Больше того, я бы сказал, что те люди, которые относятся к этому, как к абсолютным пустякам, что они являют собой *воплощение бюрократизма*, потому что как же в самом деле относиться спустя рукава к вопросам, которые мучают массы, которые заставляют массы так или иначе переносить большие лишения и большие страдания. Проходить мимо этих вопросов, отмахиваться от них, объявлять их несуществующими и пр. никак нельзя, а нужно совершенно трезво их видеть. Правильная или неправильная

политика заключается в том, какой ответ вы даете насчет того, как выходить из этого положения, как эти беды лечить и, наконец, вопрос заключается в том, какое объяснение даете вы этим явлениям, тому, почему это происходит. На вопрос о том, почему это происходит, я в значительной степени ответил в прошлый раз в своем докладе. Как смотрит наша партия на это? Говорим ли мы, что это очень хорошее состояние? Никак нет. Что решил, например, последний пленум ЦК нашей партии? Последний пленум ЦК нашей партии, который недавно закончился, прямо написал в резолюции по хозяйственному вопросу, по вопросу о контрольных цифрах, что наша партия должна *взять курс на смягчение, а, в конечном счете, на преодоление товарного голода*[28]. Наша партия вовсе не говорит, что это очень хорошо и прекрасно. Наоборот, она ставит своей задачей и, мне кажется, все мы должны ставить своей задачей, чтобы у нас было не больше, а меньше хвостов, не больше, а меньше очередей, чтобы у нас было не меньше, а больше крупы, было не меньше, а больше хлеба, не меньше мяса, яиц, масла, а больше. Об этом не может быть никакого спора.

Вопрос заключается в том, как выходить из этого положения? Выход здесь не совсем простой, выход здесь довольно сложный. Прежде всего известная нехватка товаров, скажем, продуктов промышленности, вероятно, еще известное количество времени будет у нас держаться. Прошлый раз я об этом говорил. Позвольте еще раз этот вопрос здесь затронуть и напомнить. Если вы представите себе, какую груду нового строительства мы должны сейчас поднимать, то для всего этого требуются продукты промышленности и продукты питания. Строится новый завод или новая электростанция. Этот новый завод никакого товара в первое время выпускать сам не будет. Между тем на него идет стекло, кирпич, машины и т. д. Занятые в стройке люди тоже едят, одеваются и пр. Все это на строительство идет, а новых готовых продуктов мы пока не получаем. Так вот, если сейчас мы ведем такое огромное новое строительство, то понятно, что целый ряд продуктов, которые идут хотя бы на то, чтобы строить, скажем, крестьянскую избу,— кровельное железо, гвозди и т. д.,— все это отгребается для нового крупного строительства. Поэтому все потребности страны у нас не удовлетворяются. Приходится просто сказать: нужно немного потерпеть, потому что для того, чтобы построить эту са-

мую огромную махину, без которой мы через некоторое время не сможем существовать, нам нужно сюда очень много отгрести и на другие отрасли придется меньше.

С другой стороны, дело состоит в том, что если мы не сможем значительного количества промтоваров бросить в деревню, то у крестьянина не будет большого желания продавать хлеб, потому что ему деньги нужны вовсе не для того, чтобы смотреть на них, а для того, чтобы на них покупать товары. Если крестьянин может купить недостаточное количество товаров, то у него нет большого желания продавать хлеб. Значит, нехватка товаров промышленной продукции отражается на недостаточном подвозе, сдаче и продаже хлеба со стороны крестьянства.

Отсюда происходит такая, на первый взгляд, странная вещь: мы все время говорим, что мы растем, что мы идем гигантскими шагами вперед — вот, пожалуйста, выстроили Волховстрой, строим Днепрострой, там-то проводим железную дорогу, наши фабрики и заводы выросли и пр., рабочие видят, что строятся новые домны, новые шахты, а, с другой стороны, происходит такая нехватка. Объясняется это тем, что для того, чтобы покрыть все потребности, у нас не хватает количества производственных товаров и приходится очень большое количество их тратить на новое строительство и на занятую в нем рабочую силу, а взамен этого мы еще пока достаточного количества новых товаров не получаем. Так, конечно, не всегда будет, потому что те закладки, которые мы произвели три года тому назад, они теперь уже начинают входить в строй. Завод, который три года тому назад был заложен, в этом году уже начинает работать. Когда мы начнем с товарно-промышленного конца вылезать — количество промышленных товаров будет возрастать,— то и хлеб лучше будет притекать.

Что касается нашего зернового хозяйства, надо сказать, что за последние годы у нас валовая продукция пшеницы и ржи в силу целого ряда причин, отчасти и недорода, стоит на месте и даже уменьшается. Само собой разумеется, что нам приходится сейчас бить тревогу по части зернового хозяйства. Необходимо во что бы то ни стало зерновое хозяйство подымать. Вот почему, опять-таки, последний пленум ЦК нашей партии этот вопрос о зерновом хозяйстве поставил на очень видное место. Здесь нужно идти по двум линиям — с одной стороны, по линии создания новых *крупных зерновых советских хо-*

зяйств, по линии создания *колхозов*, а затем, и это ни в коем случае нельзя не только забывать, но нужно обязательно иметь в виду в качестве одной из центральных задач всей нашей политики — необходимо принять целый ряд мер для *подъема мелких крестьянских хозяйств* [29].

Нам необходимо строить крупные советские хозяйства и вести пропаганду и помогать крестьянству организовывать различные коллективные хозяйства по той простой причине, что крупные хозяйства всегда производительнее мелких. Так же дело обстоит в промышленности, так дело обстоит и в сельском хозяйстве. Если вы имеете, скажем, малюсенький надельчик, и если этот надельчик не объединен с другими кусками земли, то попробуйте сделать тракторную запашку. Тут никакой трактор не окупится. Но не только трактор, любая другая сложная машина требует больших участков земли, чтобы окупить себя. Нельзя сесть на аэроплан и летать в комнате. Вы сразу расшибете себе нос и никакого полета не получится. Так называемые сложные, комбинированные машины, которые и жнут и складывают в снопы, связывают их и т. д., тоже требуют такого хозяйства, которое могло бы их окупить. Например, в Соединенных Штатах Америки есть сложные машины, которые делают целый ряд операций, но для того, чтобы употребить такую сложную машину, сравнительно дорогостоящую, нужно опять-таки иметь большой размах. Я уже не говорю о том, что крупное хозяйство экономит и на целом ряде других вещей. Поэтому мы должны примером, пропагандой, показом, помощью убеждать нашего индивидуального крестьянина — середняка и бедняка — переходить к общественному хозяйству, к тому или иному виду коллективного хозяйства. В то же самое время мы должны организовывать советские хозяйства и это особенно нужно знать селькорам, которым приходится с этими вопросами встречаться. Нам советские хозяйства нужны вовсе не для того, чтобы мы хотели путем их как-то пожрать и задавить крестьянские дворы и крестьянские хозяйства. Если бы мы так на это дело смотрели, мы бы смотрели неправильно. Нам крупные зерновые хозяйства и крупные фабрики нужны, с одной стороны, для того, чтобы иметь всегда в государстве хлебный фонд, гарантированный твердый на всякий черный и не черный день, это во-первых, а во-вторых, нам нужно стараться организовывать крупные хозяйства так, чтобы они служили примером и рычагом воздействия на

крестьянские хозяйства, чтобы они были показом для хозяйств в смысле способов обработки земли, в смысле выгодности крупного хозяйства и выгодности перехода индивидуального мелкого хозяйства к крупному хозяйству, чтобы крестьянин убедился в преимуществах крупного хозяйства перед мелким. Всякий, даже беднейший, крестьянин, если ему расскажешь, но не покажешь на примере, может не поверить и может сказать: зубы заговариваешь или язык чешешь, а если он увидит, что тракторная обработка подымает хозяйство, он скорее оценит пользу трактора, если при этом ему скажут, что если он хочет, то и ему помогут объединиться в колхозное хозяйство, он получит тогда и лучшие семена, получит помощь государства и т. д., это будет иметь огромное значение для крестьян. Конечно, не сразу все это сделается. Конечно, новые советские хозяйства будут делать сначала много ошибок и, вероятно, будут и большие неудачи, как это во всяком большом деле бывает, но в конце концов мы это дело должны поставить, и мы это дело поставим. Наряду с этим необходимо, как говорит резолюция пленума ЦК по этому вопросу, поставить одной из центральных наших задач заботу о том, чтобы поднимались производительные силы индивидуальных бедняцких и середняцких хозяйств нашего Союза, потому что все-таки у нас по последним подсчетам насчитывается около 25 миллионов дворов. Простой расчет вам покажет, сколько мы можем в течение 5 лет устроить крупных советских хозяйств. Поэтому понятно, что основная масса хлеба производится в индивидуальном крестьянском дворе и пролетарскому государству абсолютно не безразлично, будет ли оно находиться в состоянии нищеты, бедности, или будет быстро развиваться. Конечно, советское государство заинтересовано в развитии бедняцких и середняцких хозяйств. Поэтому необходимо здесь принять целый ряд мер, который пленум ЦК нашей партии точно так же определил. Сюда относится целый ряд мер касательно с. х. налога и гораздо более точного соблюдения революционной законности [30]. Одна из главных наших бед заключается в том, что крестьянин не может рассчитать заранее, что с него возьмут и в какие сроки, и он боится, не будет ли дело меняться так, что будет семь пятниц на неделе. Конечно, такой порядок у каждого может отбить охоту запахивать и нужно добиться того, чтобы обложение было по средствам, а между тем у нас бывает, что удар приходится не по

коню, а по оглобле и вместо того, чтобы бить по кулацкой верхушке, бьют по середняку. Нужно, чтобы удар приходился не по середняку, а напротив, чтобы середняк находился под защитой советских законов, чтобы основная масса крестьянских хозяйств — бедняцких и середняцких — знала, сколько с них должны получить и в какие сроки. Тогда будет другое положение, легче будет середняцкому хозяйству, запашки будут расти и расширяться и т. д.

Таким образом, товарищи, в области нашей промышленности у нас сейчас взят курс на то, чтобы в первую очередь развивать средства производства, машиностроения: чугун, металл, уголь — это есть база всей нашей промышленности. В области сельского хозяйства необходимо развивать зерновое хозяйство, организуя, с одной стороны, колхозное движение, а, с другой стороны, строя крупные советские хозяйства и, с третьей стороны, предпринимая целый ряд мероприятий, которые помогали бы подняться индивидуальным бедняцким и середняцким хозяйствам.

Теперь, товарищи, несколько слов на тему *о классовой борьбе*. На этот счет я в своем докладе останавливался. Прения подтвердили нам, в первую очередь, что за последнее время обострилась резко классовая борьба в деревне. Кулак в некоторых местах схватился за обрез и если вы посмотрите различные записки, которые были получены, и послушали вопросы, которые были поставлены, вслушаетесь в речи, которые здесь говорились со стороны селькоров, то вы без труда заметите, что здесь есть целый справедливый ряд жалоб на органы Советской власти. Само собой разумеется, что не может быть двух решений вопроса о том, как нужно отвечать на стрельбу со стороны кулачества. Здесь нужно прямо сказать. Неоднократно многие из нас, представители нашей партии и Советской власти, заявляли, что с этим нужно бороться самым беспощадным образом, что в ответ на действия обрезом нужно тоже говорить языком свинца, иначе с этими наглыми противниками разговаривать нельзя. Этот ответ совершенно прямой, совершенно точный и абсолютно необходимый. А жалобы, которые здесь есть, сводятся к тому, что очень часто наши судебные инстанции, наша милиция, наша прокуратура не оказывается ни в какой мере защитницей наших селькоровских кадров, не является достаточной защитницей. Бывают случаи, когда сель-

кор ранен, убит, происходит суд и если даже сей суд прошел на 100 % хорошо, потом в какой-нибудь инстанции сокращают сроки, дают помилование и т. д. Приговоры часть запаздывают с исполнением, а бывают и такие случаи, когда при самом расследовании, при следствии дела, которое обычно находится в руках милиции, путем блокировки представителей власти с той средой, которая виновна в этих преступлениях, очень часто путем таких закулисных махинаций дело вообще исчезает и виновный выходит сухим из воды. Поэтому само собой разумеется, что здесь нашей задачей, задачей нашей печати, задачей всех наших советских, партийных и общественных органов должна быть бешеная борьба в защиту селькоров.

Но очень часто эта борьба против селькоров происходит не в такой открытой форме, как стрельба, поджоги и т. д., а в форме довольно замаскированной, путем изоляции наших селькоровских работников, путем закулисных интриг, путем выживания, снятия под тем или иным предлогом. Очень часто бывает, что кулачье отродье проникает в сельсовет, в кооперативные органы, даже в коммунистические ячейки, в общественные или государственные организации, окапывается и получает официальный мандат, право на ту или иную расправу и тогда, конечно, преступник выходит сухим из воды, а пострадавший очень часто оказывается виновным.

В этой классовой борьбе, которую приходится вести нашим товарищам в деревне, беда наша часто состоит в следующем. Кулак в деревне может находиться в разном положении. Он может находиться в таком положении, когда он изолирован, когда на него показывают пальцем, когда слово «кулак» на селе — ругательное слово, когда кулак находится в осаде. Он, конечно, может и тогда хвататься за обрез, но тогда у него руки коротки, ему труднее спрятать концы в воду, его легче вытащить «на солнышко», его делишки будут раскрыты, он будет наказан. А бывает и другое положение, в особенности, в моменты различных затруднений, колебаний в деревне, когда кулак имеет за собой резерв, когда в его распоряжении имеется часть бедноты, когда у него есть агентура, когда часть середняков на его стороне. Это бывает нередко, скажем, тогда, когда бедняк продал хлеб, а весной ему не на что хлеба купить. Государственные и общественные организации вовремя помощь ему не оказали, и он вынужден обращаться к кулаку, к своему классовому противнику. Он

идет к нему на поклон и на кабальных условиях получает хлеб. Но кулак его за эту кабальную ниточку держит, дергает и может на этой почве превратить в своего агента. Может случиться, что благодаря какому-нибудь перегибу со стороны органов Советской власти имеются некоторые колебания среди середняков, и тогда кулак является организатором, вождем, он организует эти слои недовольных, он их науськивает и натравливает против Советской власти и в таких случаях бывает, что не кулак в деревне изолирован, а селькор, коммунист или не коммунист, изолирован. Пальцем тычут не в кулака, а в селькора. В осаде находится не кулак, а селькор. И одна из первейших задач, которая перед нами стоит, одна из первейших задач, которая стоит перед каждым селькором, находящимся в таком переплете, состоит в том, чтобы отвоевать всю бедноту и отвоевать подавляющую часть середняка. Это бывает иногда очень трудно. Я знаю, товарищи, как трудно иногда приходится местным работникам. Они с полным правом могут сказать, что вы, чорт знает, как рассуждаете, сидя в Москве. Сегодня говорите такое-то задание, завтра другое. А когда в результате мы это выполним, а мы должны это выполнить,— на нас накидываются со всех сторон, говорят: обрабатывай, отвоевывай и т. д. Это очень трудная штука и нельзя все сваливать на местных работников. Бывает такое трудное положение, как у нас было в прошлом году во время хлебозаготовок, когда хлеб приходилось выдирать, чтобы не остановились фабрики и заводы, чтобы как-нибудь выкрутиться. Нельзя сказать, чтобы все за это были нам страшно благодарны. Понятно, это было очень тяжелое время и мы надеемся, что такое тяжелое время не повторится. Я думаю, что мы не должны допустить до чрезвычайных мер в дальнейшем. Наоборот, мы должны решительно встать на тот путь, чтобы мерами революционной законности, мерами совершенно нормальными вести хлебозаготовки. Но хвосты от прошлого года остались? Остались. Положение местных работников трудно? Трудно. Изолированность наших людей, преданных Советской власти, бывает? Бывает. Трудно полностью восстановить доверие со стороны середняка и даже иногда со стороны некоторых слоев бедноты. Но дела, мы надеемся, пойдут лучше. Упорство наших работников не должно быть поколеблено ни на иоту. Наоборот, как друзья познаются в несчастье, так и настоящие люди познаются в периоды больших трудно-

стей. Армия селькоров должна здесь крепко выстоять на своем посту и бороться изо всех сил за то, чтобы систематически отвоевывать бедноту и середняцкое крестьянство, изолируя кулака. Само собой разумеется, товарищи, что здесь одна из задач селькора и печати заключается в том, чтобы бороться и против, так называемых, перегибов со стороны разных советских, партийных органов, потому что как раз такие ненужные, неправильные действия нашего советского аппарата вызывают целый ряд нежелательных явлений, которые, в общем и целом, обходятся нам в копеечку. Вот как, товарищи, обстоит дело сейчас с этим вопросом. Мы должны беспощадно кулака, хватающегося за обрез, карать всеми средствами, вплоть до свинцового языка. Мы должны сплачивать бедноту, мы должны бедноту сплачивать особенно сейчас потому, что сплошь да рядом кулак имеет в деревне то преимущество, что он культурнее бедняка и середняка, он любую бумажку скорее напишет, все ходы и выходы в любое советское учреждение вплоть до ГПУ найдет скорее, чем бедняк или середняк, он пролезет всюду с большей легкостью. Он более пролаза, он более культурен, он более хитер, он более сметлив, и, само собой разумеется, что при таком положении вещей беднота деревенская может дать ему надлежащий отпор только в том случае, если она будет организована, если она будет поднимать свою собственную культуру. И в этом отношении роль селькора, роль печати по сути дела только начинает приходить в действие. У нас еще страшно мало сделано и с батрачеством, и с действительной организацией деревенской бедноты, и с политическим просвещением этой бедноты и т. д., и т. п. Вот, товарищи, те замечания, которые я хотел сделать в связи с вопросами классовой борьбы в деревне, которые в той или иной форме были заданы мне в записках.

Наконец, четвертая серия вопросов. Я получил ряд записок о правом и левом уклонах.

Вопрос относительно мелкобуржуазных шатаний есть вопрос о положении классовой борьбы теперь. Если мы говорим сейчас, что кулачество обнаглело вот на данном отрезке времени,— это значит, что классовая борьба в деревне сейчас обострилась. Если кулак схватился за обрез и стреляет местами в селькоров или поджигает их хаты,— это означает, что классовая борьба обострилась и что

контрреволюционные силы кулачества, которые определенное количество времени назад сидели смирно, стали сейчас активнее.

В городах известные враждебные нам прослойки старой интеллигенции стали сейчас более активными. Они зашевелились более активно, потому что у нас обострились в настоящий момент разного рода хозяйственные затруднения. На почве затруднений он может испытывать известный прирост своих сил. Если бы у нас, например, не было никаких затруднений с хлебозаготовками, если бы у нас не было в прошлом году чрезвычайных мер, если бы у нас в деревне дело обстояло хорошо на сто процентов — ясное дело, тогда все среднее крестьянство и вся беднота была бы вместе с нами, кулак не смог бы использовать своих агентов и искать новых среди бедняков, среди середняков — он был бы совершенно изолирован. Если мы испытываем затруднения, если в результате этих затруднений у нас есть известные, хотя бы и небольшие колебания, скажем, среди среднего крестьянства, то кулак, *которого мы все больше вытесняем*, на этом подыгрывает: он подзуживает, он науськивает, он на свою катушку делишки наматывает, он наглее наступает. На данный отрезок времени то же самое происходит и в городах. Но как может, скажем, какой-нибудь нэпман хоть одного городского рабочего уловить так, чтобы тот стал его «агентом» или запел в его дудку? Этого быть не может. Но если, скажем, где-нибудь во Владимире, или в Иваново-Вознесенске, или в Баку дело со снабжением хлебом или еще чем-нибудь обстоит не особенно хорошо — тогда наш активный противник говорит: видите, государство у вас в руках и все прочее, мне, частному капиталисту, вы житья не даете, а сами без хлеба сидите. Конечно, кое-кто может на эту удочку поддаться, дрогнет. Таким образом, враг использует наши затруднения, он становится наглее. Это абсолютно ясно, это всегда было и всегда будет, пока нам придется иметь дело с затруднениями.

Но что отсюда вытекает? Отсюда вытекает, что в ответ на обостряющуюся борьбу против нас мы должны *давать контрудары и переходить в дальнейшее наступление.*

Мы должны в широких народных массах переламливать всякие настроения колебаний, мы должны разбивать наиболее активные элементы, которые такого рода настроения создают. Мы должны убеждать, уговаривать, объяс-

нять и разъяснять настоящее положение дел тем, кто иногда поддается наговорам, наветам, агитации и пр. наших открытых классовых противников, наших открытых классовых врагов. Вот как обстоит дело в стране. Совершенно естественно, что, так как наша партия не отделена никакой китайской стеной от страны, то могут иметь место и известные колебания внутри нашей партии. Точка зрения нашего ЦК заключается в том, что у нас есть два уклона: откровенно правый, оппортунистический и, как сказано в резолюции последнего пленума ЦК,— другой, по существу тоже правый, но одевающийся в левую фразеологию, имя которого троцкизм [31]. Разница какая между этими двумя уклонами? Разница заключается в следующем: откровенно правые уклонисты считают, что необходимо нам сократить наше промышленное строительство, считают так: так как у нас товарный голод и беды, связанные с большими суммами, которые мы тратим, то нам нужно наше промышленное строительство сократить, не так размахиваться, не строить столько фабрик и заводов, медленнее здесь идти и т. д. Противоположный троцкистский уклон считает, что можно еще больше потерпеть, что нужно еще больше тратить на фабрики, чем тратится сейчас, еще скорее развивать строительство наших крупных заводов,— авось как-нибудь проскочим. Точка зрения партии ни с одним, ни с другим уклоном ничего общего не имеет. Благодаря тому, что у нас в стране подавляющее большинство состоит из мелких хозяйчиков, огромная часть наших хозяйств — это хозяйства мелких товаро-производителей — база, основа для различных колебаний и, прежде всего, для колебаний вправо, у нас, вообще говоря, большая. При условии значительных трудностей, которые у нас в стране несомненно есть, это дает себя знать и внутри нашей партии. Вот что я хотел сказать относительно уклонов.

Я, товарищи, хотел еще остановиться на нескольких частных задачах очень крупного масштаба, которые сейчас стоят перед нашим движением. Не буду здесь повторять, что рабкоры и наша печать должны помогать всему социалистическому строительству, строительству совхозов, колхозов и борьбе с бюрократизмом, исправлению суда, милиции, прокуратуры, что этим делом должны руководить через газеты разных видов, начиная от крупных центральных газет и кончая стенными газетами. Я хотел, товарищи, подчеркнуть только, что в текущий момент перед

рабселькоровской армией стоят несколько особо ударных, особо важных задач, имеющих крупное политическое значение для всей нашей страны.

Первый вопрос — *хлебозаготовки.* Сейчас, примерно, собрана половина необходимого хлеба, но кампания должна продолжаться, развертываться, потому что о больших успехах нашего строительства, новых металлических заводах, о химических удобрениях и тракторах для деревни мы не в состоянии будем думать и говорить, если не обеспечим дело хлебозаготовок. Вы, товарищи, вероятно, читали ту резолюцию пленума ЦК ВКП(б), о которой я здесь уже говорил. В основу теперешней кампании по хлебозаготовкам положено строгое соблюдение законности. Никаких чрезвычайных мер, борьба со всяческими перегибами, и задача нашей рабселькоровской армии заключается в том, чтобы помочь нашему государству путем пропаганды, путем агитации за продажу хлеба государству, путем самой деятельной поддержки наших органов, поддержки не какой-нибудь административной, а поддержки в первую очередь убеждением, пропагандой, агитацией, разъяснением необходимости продажи хлеба государству. Необходимо помогать и в деле борьбы с спекулянтскими, частнокапиталистическими элементами. Эта задача стоит перед нашей рабселькоровской организацией, как первоочередная задача.

Второе — борьба за *расширение посевных площадей.* Нужно, чтобы селькоры следили за каждым новым распоряжением Советской власти, за каждым постановлением наших руководящих партийных органов в этом смысле. О политике нашей партии по отношению к индивидуальному крестьянскому хозяйству, отдельному крестьянскому двору я уже в заключительном слове говорил. Нужно, чтобы наша селькоровская армия помогала вести пропаганду за новые способы обработки земли, поскольку это возможно, за расширение посевных площадей, за подъем урожайности, в особенности же за *расширение посевных площадей.* На этот пункт надо с особой силой напереть. Пионерами, побудителями, толкачами этого дела, пропагандистами и агитаторами этого дела будут наши товарищи селькоры.

Наконец, товарищи, нужно упомянуть еще одну кампанию, которая сейчас стоит перед рабселькоровской организацией — это *избирательная кампания в Советы.* В этом году, мне кажется, эта избирательная кампания будет

большим смотром классовых сил, в особенности в деревне и не только в деревне, но и в городе. Это вполне понятно почему. Если правильно то положение, что теперь в данный отрезок времени классовая борьба в силу целого ряда причин обостряется, то она должна получить и свое отражение в ходе избирательной кампании. В целом ряде наших деревень и сел кулак будет стремиться организовать свою кампанию: кулаки будут стремиться проводить своих людей. Ничего еще не значит тот факт, что кулачество у нас лишено избирательных прав. Механика классовой общественной жизни такая, что не обязательно кулак должен сидеть в Совете, чтобы ворочать всеми делами, он может иметь своих агентов и своих людей, он может законспирировать своих людей так, что они не очень будут болтать об этом, а в то же время будут делать его дело. Во время выборов нам необходимо изо всех сил противопоставить нашему классовому противнику возможно большую массу. Мы должны откровенно сознаться, что беднота у нас еще слабо организована, что батрачество у нас из рук вон плохо организовано. Мы должны прямо сказать, что у нас сейчас большие нехватки в деле блока между беднотой и середняцкими слоями крестьянства, что у нас не всюду и везде середняки отвоеваны от кулаков и поэтому эти задачи большой политической важности, они стоят сейчас и перед нашей партией, и перед Советской властью, и перед вашей селькоровской армией. И в городе то же самое,— нам вовсе нельзя полагаться на то, что рабочий класс всегда был, есть и будет за нашу партию и за Советскую власть. Конечно, он был, есть и будет, но это происходит не само по себе, это не сваливается с неба. Ничего подобного. Состав рабочего класса здорово переменился, у нас есть новые слои рабочего класса, у нас много новых слоев рабочего класса, пришедших из деревень, из кустарей, из ремесленников, из разорившихся мелких торговцев в городе и т. д., и т. п. Если вы посмотрите сейчас состав рабочего класса, то увидите, что процент коренных рабочих падает, приходят новые люди[32]. Вместе с новым строительством появились громадные кадры новых рабочих, строительные рабочие, сезонники и целый ряд других.

Вот почему и в городе дело сплочения рабочей массы есть одна из крупнейших задач.

Сейчас, товарищи, я подхожу уже к самому концу без всякого обмана. (*Смех*). Я не касался вопросов, имею-

щих очень крупное значение, как вопрос о партийном руководстве — это непосредственно в мою задачу на этот раз не входит [33]. Но я должен просто сказать, что я согласен со всеми товарищами, которые говорят, что партруководство рабселькорами еще из рук вон плохо. Я подробно об этом говорил на прошлом совещании рабселькоров — к сожалению, должен констатировать этот факт и сейчас. Другие товарищи сделают из этого соответствующие выводы и укажут организационные пути, чтобы это улучшить. Но должен сказать, что за последнее время все же рабселькоровское движение поднялось на несколько ступеней, это не подлежит никакому сомнению. Оно поднялось в том отношении, что оно стало более *массовым*, оно додумалось, докопалось до целого ряда крупнейших новых методов в своей работе. Если мы возьмем такие вещи, как всевозможные *радиомитинги*, *смотры*, *переклички* и целый ряд других новых методов, которые появились за последнее время и которые все более развиваются и втягивают все большие массы в орбиту нашего социалистического строительства, то это великое обогащение методов работы означает огромный рост всего нашего движения в целом. Товарищи! Мы работаем сейчас под знаком самокритики, к самокритике мы призываем рабочие и трудящиеся массы. И вот, при самой строгой самокритике по отношению к самим себе, к нашему рабселькоровскому движению мы должны сказать, что оно выросло, что оно показало свою величайшую жизнеспособность, что оно идет и вширь и вглубь, что оно перекинулось на наши заграничные рабочие отряды. Оно достигло такой ступени развития, когда и в Западной Европе и Америке оно вызывает подражание среди наших западно-европейских и американских братьев. Оно стало поэтому большим политическим фактором в жизни нашей пролетарской страны и начинает становиться крупным политическим фактором в жизни Западной Европы и Америки.

Вот почему, товарищи, когда слышишь, например, такие речи, как речь тов. Мускина, который передавал то, что его просили передать рабочие Николаевского завода им. Марти: «Василь! передай в Москве „Правде“ и „Рабоче-Крестьянскому Корреспонденту“ такой привет, чтобы все почувствовали», то мы, москвичи, со своей стороны можем сказать: «Дорогие товарищи, дорогие друзья, передайте всем работникам нашей рабселькоровской армии такой привет, чтобы его почувствовали все миллионы тружеников». (*Аплодисменты*).

ПРИМЕЧАНИЯ

ПУТЬ К СОЦИАЛИЗМУ И РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ СОЮЗ
1925 г.

1 «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» — одно из наиболее популярных в 20-е гг. произведений Н. И. Бухарина.
В настоящем сборнике печатается по: *Бухарин Н. И.* Избранные произведения.— М.: Политиздат, 1988.— С. 146—230.

2 Денежная реформа 1922—1924 гг. предусматривала, в частности, выпуск в обращение кредитных билетов Госбанка — червонцев, равных по золотому содержанию дореволюционной 10-рублевой золотой монете. Червонцы подлежали обеспечению драгоценными металлами, устойчивой иностранной валютой, краткосрочными векселями и легко реализуемыми товарами. Выпуск червонцев осуществлялся в соответствии с потребностями оборота, что обеспечивало их устойчивость.

3 Основные положения концессионной политики Советского государства были законодательно закреплены декретом СНК РСФСР от 23 ноября 1920 г. С 1921 по 1929 г. было заключено 123 концессионных договора. Большинство концессионных предприятий действовало на территории РСФСР. Концессии, не играя в целом значительной роли в экономике СССР (в 1925/26 хоз. г. на долю их предприятий приходилось 0,4 % промышленной продукции страны), занимали, однако, заметные позиции в отдельных отраслях промышленности. В иностранных капиталовложениях наибольшей была доля таких английских акционерных обществ, как «Лена-Голдфилдс-лимитед», «Тетюхе». С конца 20-х гг. характер концессионной политики изменился, к 1937 г. по соглашению с концессионерами последние немногочисленные договоры были аннулированы.

4 Октябрьский переворот — определение употреблялось в публицистике первых послереволюционных лет. В. И. Ленин, в частности, называл Октябрь 1917 г. «пролетарским переворотом» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 41.— С. 35).

5 *Милюков П. Н.* (1859—1943) — буржуазный политический деятель, лидер кадетской партии. Приват-доцент Московского университета, специалист по истории социально-экономического и культурного развития России XVII—XVIII вв. С 1907 г. председатель ЦК кадетской партии, редактор ее органа — газеты «Речь». Министр иностранных дел во Временном правительстве первого состава. После Октября бежал на юг России, где активно сотрудничал с белогвардейцами и интервентами. В эмиграции с 1920 г., занимался антисоветской деятельностью. Написал несколько книг по истории революции и гражданской

войны (История второй русской революции — Константинополь — София, 1919—1924.— Т. 1—3; Россия на переломе.— Париж, 1927.— Т. 1, 2; и др.). Во время второй мировой войны Милюков, находясь в оккупированной Франции, призвал эмиграцию к отказу от сотрудничества с гитлеровцами.

[6] Летом — осенью 1919 г. белая Добровольческая армия под командованием Деникина перешла в наступление, значительно потеснив войска Красной Армии. 3 июля Деникин издал «Московскую директиву», в которой планировалось нанесение удара на Москву кратчайшим путем — через Курск, Орел, Тулу. 13 октября белые овладели Орлом. Возникла одна из самых критических ситуаций, грозившая существованию Советской власти. ЦК партии обратился к коммунистам и всем трудящимся с призывом «Все на борьбу с Деникиным!» Были проведены партийная мобилизация (на фронт было отправлено 30 тыс. коммунистов), а также партийная неделя, в ходе которой в ряды партии вступило свыше 270 тыс. новых членов. В ходе начавшегося 11—13 октября контрнаступления Красной Армии 20 октября Орел был освобожден.

Деникин А. И. (1872—1947) — один из руководителей российской контрреволюции, царский генерал. В 1917 г. командовал войсками Западного и Юго-Западного фронтов. Один из организаторов белой Добровольческой армии, с апреля 1918 г.— ее командующий, с 1919 г.— главком «вооруженными силами Юга России». После разгрома основных сил весной 1920 г. с остатками армии эвакуировался в Крым, оттуда отплыл в Константинополь. В эмиграции издал свои воспоминания о гражданской войне (Очерки русской смуты: В 5 т.— Париж; Берлин, 1921—1926).

[7] Учредиловцы — члены распущенного декретом ВЦИК в январе 1918 г. Учредительного собрания, нелегально создавшие в Самаре Комитет членов Учредительного собрания (Комуч). После захвата города белочехами 8 июня 1918 г. объявил себя «временной властью», претендуя на «всероссийское» значение. Преимущественно эсеровский по составу Комуч распространил свою власть на территории Среднего Поволжья и Приуралья. Являл собой разновидность режима «демократической» контрреволюции, подготовившего установление колчаковщины в восточных районах страны осенью 1918 г.

[8] *Колчак А. В.* (1873—1920) — один из руководителей российской контрреволюции, царский адмирал. В 1916—1917 гг. командовал Черноморским флотом, занимал реакционные позиции. Под давлением матросских масс был отозван в Петроград, командирован в США. После Октябрьской социалистической революции вернулся на Дальний Восток. При поддержке интервентов и монархистов стал вначале военным и морским министром Временного Сибирского правительства, а 18 ноября 1918 г. возглавил в Омске переворот, установив режим военной диктатуры. Был провозглашен Верховным правителем Российского государства. Арестован в Иркутске, по приговору большевистского ВРК расстрелян в начале февраля 1920 г.

[9] Доля рабочих (вместе с неработающими членами семей) в общей численности населения страны в 1924 г. составила 10,4 % против 14,6 % в 1913 г. Довоенная численность рабочих и служащих в народном хозяйстве СССР была достигнута в 1928 г.

[10] Анализируя пути развития социально-политических отношений между рабочими и специалистами, Н. И. Бухарин считал идейное завоевание интеллигенции задачей «новой сложности», подчеркивая тем самым глубину и значимость этого направления социальной политики партии и государства.

[11] Земельные комитеты (главный, губернские, уездные и волостные) были учреждены весной 1917 г. и призваны содействовать подготовке земельной реформы (занимались сбором необходимых для этого сведений, разбирали «конфликтные» ситуации между крестьянами и помещиками). Будучи выборными органами, комитеты, особенно низовые, с усилением крестьянского движения осенью 1917 г. включились в борьбу масс за захват помещичьей земли. В ответ на это Временное правительство нередко использовало по отношению к ним репрессивные меры (роспуск комитетов, арест представителей и др.). После Октября Советское правительство использовало местные земельные комитеты для проведения в жизнь Декрета о земле.

[12] В состав работников умственного труда страны 1917 г. входили различные по своим социальным и профессиональным характеристикам группы. Самой многочисленной была категория служащих государственных учреждений (чиновничество) — около 576 тыс. В стране насчитывалось также до 60 тыс. инженерно-технических работников, 280 тыс. учителей, свыше 10 тыс. преподавателей вузов и ученых, более 100 тыс. священников (белое духовенство), почти 190 тыс. офицеров и военных чиновников. Общая численность интеллигенции достигала 1,5 млн чел., с учетом служащих более широких и массовых категорий работники умственного труда составляли 3 млн. Не все они враждебно относились к Советской власти, во всех социальных и профессиональных группах происходила политическая дифференциация, в результате которой основная часть интеллигенции пришла к признанию диктатуры пролетариата.

[13] *Врангель П. Н.* (1878—1928) — один из руководителей российской контрреволюции, царский генерал. В апреле 1920 г. после поражения основных сил деникинских войск и отступления в Крым возглавил «вооруженные силы Юга России». После разгрома в Крыму в ноябре 1920 г. бежал за границу. В эмиграции стремился сохранить военные формирования белогвардейцев. Глава Российского общевоинского союза (РОВС). После смерти Врангеля опубликовано два тома его «Записок» (Белое дело.— Берлин, 1928.— Т. 5, 6).

[14] В 1924—1925 гг. в СССР была проведена военная реформа, согласно которой Красная Армия включала кадровые части и территориально-милиционные формирования. Это привело к сокращению численности личного состава по сравнению с ноябрем 1920 г. более чем в 10 раз (с 5,5 млн до 530 тыс. чел. к 1 октября 1924 г.). Что касается расходов на оборону, то в 1925/26 хоз. г. они составили 15,7 % от расходной части бюджета, несколько снизившись по сравнению с начальным этапом реформы (17 % в 1923/24 хоз. г.).

[15] Описывая подобный вариант экономического развития страны, Н. И. Бухарин опирался на анализ и уроки, извлеченные из ситуации, сложившейся в 1923/24 хоз. г. и получившей название кризиса сбыта.

[16] Здесь Н. И. Бухарин перефразировал известный тезис, выска-

занный В. И. Лениным в работе «О кооперации»: «...простой рост кооперации для нас тождественен... с ростом социализма» (Полн. собр. соч.— Т. 45.— С. 376).

[17] Здесь Н. И. Бухарин привел, вероятно, перефразированное выражение В. И. Ленина: «...старательный крестьянин как „центральная фигура" нашего хозяйственного подъема» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 43.— С. 382).

[18] Данные высказывания Н. И. Бухарина в последующем, особенно после выступления И. В. Сталина на апрельском (1929 г.) Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), послужили основанием для обвинения его якобы в создании «немарксистской теории о врастании кулачества в социализм» (*Сталин И. В.* Соч.— Т. 12.— С. 28). Между тем из контекста рассуждений вытекало, что кулацкие кооперативы Бухарин рассматривал в качестве элементов госкапитализма в системе советской экономики, по отношению к которым предполагалась иная классовая политика, нежели к кооперативам, преимущественно бедняцким и середняцким по своему составу. В решениях XIV партконференции (апрель 1925 г.) указывалось на необходимость «предоставить всем слоям населения, занимающимся сельским хозяйством, право участия в кооперации» (см.: *КПСС* в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.— М., 1984.— Т. 3.— С. 369.)

[19] См.: *Ленин В. И.* Как нам реорганизовать Рабкрин.— Полн. собр. соч.— Т. 45.— С. 387.

[20] Н. И. Бухарин опирается здесь на мысль, высказанную В. И. Лениным в августе 1921 г. в письме Г. И. Мясникову — партийному работнику, впоследствии одному из деятелей «Рабочей группы РКП(б)»: «Да, кто не понимает смены лозунга „гражданская война" лозунгом „гражданский мир", тот смешон, если не хуже» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 44.— С. 78).

[21] В апреле 1929 г. упомянутое место из брошюры было процитировано И. В. Сталиным для дискредитации Н. И. Бухарина, якобы сводящего процессы обострения или затухания классовой борьбы к «случайным причинам» («негодность» советского аппарата, «перегибы» и т. д.) (см.: *Сталин И. В.* Соч.— Т. 12.— С. 35). Между тем в ряде своих работ Н. И. Бухарин сознательно заострял вопрос о значении советской политической системы (партия, Советы, общественные организации) как фактора, во все большей степени влияющего на характер, формы и интенсивность классовой борьбы.

[22] Кресткомы — крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (ККОВ) — сельские общественные организации, существовавшие в 1921—1932 гг., были призваны помогать прежде всего бедноте. Комнезамы (комитеты незаможных селян) — организации деревенской бедноты на Украине в 1920—1933 г.

[23] Ревкомы (революционные комитеты) — временные чрезвычайные органы Советской власти в годы гражданской войны. Они сосредоточивали в своих руках всю полноту гражданской и военной власти. После гражданской войны с созданием условий для перехода к нормальному построению местных органов власти ревкомы готовили выборы в Советы, а затем передавали свои полномочия исполкомам Советов. В ряде районов страны, например в Сибири, в силу особых условий ревкомы просуществовали до середины 20-х гг.

[24] Имеются в виду крестьяне, применявшие в своем хозяйстве передовые агрокультурные приемы, работавшие в сельскохозяйственных кружках, занимавшиеся опытничеством и т. д.

[25] Переход от натурального налога к денежному стал осуществляться с 1922 г. С 1924/25 хоз. г. исчисление сельхозналога проводилось только в денежной форме. Многие бедняцкие и некоторая часть середняцких хозяйств вообще освобождались от уплаты налога или получали скидку.

[26] Это перефразированное высказывание В. И. Ленина о том, что с переходом к нэпу центр тяжести в партийно-государственной политике переносится на «мирную организационную „культурную" работу» (см.: *Ленин В. И.* О кооперации.— Полн. собр. соч.— Т. 45.— С. 376).

[27] Доля лиц, лишавшихся избирательных прав («лишенцев»), не была постоянной и менялась в зависимости от социально-политической ситуации в период очередных выборов в Советы. В 1922—1925 гг. к выборам не допускалось в городах от 5 до 9 %, на селе — 1—1,5 % взрослого населения. Во второй половине 20-х гг. их доля начала возрастать: с 7,7 (в городе) и 3,6 % (на селе) в 1927 г. соответственно до 8,5 и 4,1 % в 1929 г.

[28] По Конституции РСФСР, принятой летом 1918 г., рабочие по сравнению с крестьянством пользовались более широкими избирательными правами. Во Всероссийском съезде Советов участвовали представители городских Советов (1 депутат от 25 тыс. избирателей) и губернских съездов Советов (1 депутат от 125 тыс. жителей). Областные губернские съезды Советов составляли представители городских (1 депутат от 5 тыс. избирателей) и уездных (1 депутат от 25 тыс. жителей) съездов Советов. Такой избирательный принцип сохранился и в Конституции СССР 1924 г.

[29] Октябрьский (1924 г.) Пленум ЦК РКП(б) наметил программу дальнейшего укрепления Советов, оживления их деятельности. Эту линию более развил 3-й Всесоюзный съезд Советов (май 1925 г.), который предложил расширить полномочия местных Советов, усилить элементы демократизма в их работе. Что касается кооперации в сельском хозяйстве, то именно в это время на основе восстановления товарного производства начался быстрый рост самых различных форм кооперативных объединений, особенно кредитных и сбыто-снабженческих.

[30] Трудовики — члены Трудовой народно-социалистической партии. Создана в июне — июле 1917 г. в результате слияния так называемой трудовой группы (фракции мелкобуржуазных демократов, депутатов крестьян и интеллигентов народнического направления в Государственной думе России) и партии народных социалистов (энесов), выделившейся в 1906 г. из правого крыла партии эсеров. Поддерживая Временное правительство, лидеры трудовиков (А. В. Пешехонов, А. С. Зарудный) входили в коалиционный кабинет Керенского. Во время Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны трудовики участвовали в контрреволюционных организациях и заговорах. В 1918 г. партия прекратила свое существование.

[31] Положение о различных (национальных) формах социализма, впервые высказанное Н. И. Бухариным в докладе на IV Конгрессе Коминтерна (1922), впоследствии приводилось им и в других статьях и речах. Оно базировалось на тезисе, что «со-

циализм отдельных стран будет иметь различные формы, так же как и форма производства отдельных стран при капитализме отличается друг от друга... Мы можем совершенно откровенно сказать, что русский социализм по сравнению с другими будет выглядеть более азиатским, так как взаимоотношения между промышленностью и сельским хозяйством России и другие черты нашей отсталости найдут свое выражение в более отсталых формах социализма» (Правда.— 1922.— 19 нояб.)

СУДЬБЫ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
1925 г.

[1] В диспутах первых послереволюционных лет о судьбах русской интеллигенции участвовали наряду с известными учеными, публицистами, литераторами (М. А. Рейснер, П. Н. Сакулин, А. К. Воронский и др.) видные деятели партии, авторитеты в вопросах культурной политики (Н. И. Бухарин, А. В. Луначарский). Диспут о судьбах русской интеллигенции проходил 10 марта 1925 г. в Москве в Большом зале консерватории. Стенограмма речи Н. И. Бухарина «Судьбы русской интеллигенции» публиковалась несколько раз.

В настоящем сборнике печатается по: Печать и революция.— 1925.— № 3.— С. 1—10.

[2] *Луначарский А. В.* (1875—1933) — советский партийный и государственный деятель, один из организаторов и теоретиков культурного строительства в СССР. Академик АН СССР (1930). Член партии с 1895 г. После II съезда РСДРП активно сотрудничал с В. И. Лениным. Однако в годы столыпинской реакции отошел от политической деятельности. На VI съезде РСДРП(б) с группой межрайонцев принят в партию. С 1917 по 1929 г.— нарком просвещения РСФСР. Член ВЦИК и ЦИК СССР. В последние годы жизни был отстранен сталинским руководством от выработки культурной политики в стране, работал в научной и дипломатической областях.

[3] Продолжая тему диспута, А. В. Луначарский 15 марта 1925 г. счел необходимым углубить полемику с Н. И. Бухариным по ключевым вопросам о социальной природе интеллигенции, ее месте и роли в современном обществе (см.: *Луначарский А. В.* Интеллигенция и религия.— М., 1925.— С. 3—5). Идейно-теоретические споры середины 20-х гг. были призваны способствовать выработке соответствующей новым условиям партийно-государственной политики по отношению к работникам умственного труда.

[4] В США удельный вес интеллигенции и служащих, работавших по найму, в составе самодеятельного населения увеличился с 12,7 % в 1900 г. до 21,5 % в 1920 г. (*Труд* при капитализме: Стат. сб.— М., 1964.— С. 117).

[5] *Сакулин П. Н.* (1868—1930) — литературовед, академик АН СССР (1929). С 1902 г. преподавал в Московском университете, который покинул в 1911 г. вместе с передовыми профессорами и доцентами в знак протеста против реакционной политики министра просвещения Кассо. Впоследствии работал в вузах Петрограда и Москвы. Одним из первых среди крупных ученых

признал Октябрьскую социалистическую революцию, вел работу в разных отделах Наркомпроса. Принимал активное участие в диспутах середины 20-х гг. по проблемам интеллигенции, политики в областях науки и культуры. Научная и общественно-политическая деятельность П. Н. Сакулива получила высокую оценку А. В. Луначарского (см.: *Луначарский А. В.* Неизданные материалы.— М., 1970.— С. 105—112).

[6] *Столыпин П. А.* (1862—1911) — русский государственный деятель. С 1902 г. губернатор Гродненской, с 1903 г.— Саратовской губерний. В 1906 г. назначен министром внутренних дел, затем одновременно и председателем совета министров. Организатор третьеиюньского переворота 1907 г., руководитель аграрной реформы.

[7] *Тимирязев К. А.* (1843—1920) — один из основоположников русской научной школы физиологов растений, член-корреспондент Петербургской (Российской) АН (1890). Профессор Московского университета (1878—1911). Ушел в отставку, протестуя против реакционной политики министра Кассо. Одним из первых среди крупных ученых принял Октябрьскую социалистическую революцию. Действительный член Социалистической академии общественных наук, член Государственного ученого совета при Наркомпросе. Опубликовал сборник «Наука и демократия» (1920), высоко оцененный В. И. Лениным (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 51.— С. 185).

[8] Саботаж, организованный чиновниками и служащими старых государственных и общественных учреждений в первые дни установления Советской власти в Петрограде и других городах страны, являлся одним из методов классовой борьбы контрреволюции против диктатуры пролетариата. Саботаж не был всеобъемлющим и длительным.

[9] *Керенский А. Ф.* (1881—1970) — русский буржуазный политический деятель, эсер. Адвокат, получивший известность своим участием в ряде политических кампаний (в частности, в расследовании обстоятельств Ленского расстрела). Депутат IV Государственной думы, председатель фракции трудовиков. В период февральской революции 1917 г.— министр юстиции, военный и морской министр, затем премьер-министр Временного правительства, Верховный главнокомандующий. После Октябрьской революции возглавил антисоветский мятеж, с разгромом которого скрывался в подполье. Эмигрировал летом 1918 г. За рубежом продолжал вести антисоветскую деятельность. Возглавлял редакцию газеты «Дни», подготовил ряд публикаций о событиях 1917 г., а также мемуары (Гатчина.— М., 1922).

[10] О марксистском анализе диалектической взаимосвязи политики со сферами научной и культурной деятельности см.: *Ленин В. И.* Ценные признания Питирима Сорокина. 20 ноября 1918 г. // Полн. собр. соч.— Т. 37.— С. 188—197; *Он же.* Речь на II Всероссийском съезде учителей-интернационалистов 18 января 1919 г. // Там же.— С. 430—433.

[11] *Ушинский К. Д.* (1824—1870/71) — русский педагог-демократ, основоположник научной педагогики в России. В основу его педагогической системы легли требования демократизации народного образования и идея народности воспитания. В пореформенной России широкой известностью пользовались написанные им учебники «Детский мир», «Родное слово», а также педагогиче-

ские труды. Среди них фундаментальное издание «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» (В 2 т.— 1868—1869).

12 «Родился 27 сентября (по старому стилю) 1888 г. в Москве,— писал Н. И. Бухарин в автобиографии.— Отец был в то время учителем начальной школы, мать — учительницей там же. По специальности отец — математик (кончил физико-математический факультет Московского университета). Воспитывали меня в обычном интеллигентском духе...» (*Энциклопедический* словарь Русского библиографического института Гранат.— 7-е изд.— М., б. г.— Т. 41, вып. 2.— Стб. 52).

13 Н. И. Бухарин выступил с речью от имени большевистской фракции на открытии Учредительного собрания 5(18) января 1918 г. После отказа правых партий поддержать политику Советской власти, большевики, левые эсеры и некоторые другие группы покинули заседание. В ночь с 6(19) на 7(20) января ВЦИК по докладу Ленина принял декрет о роспуске Учредительного собрания, одобренный затем III Всероссийским съездом Советов.

14 *Стиннес (Stinnes) Гуго* (1870—1924) — основатель финансового объединения в сфере тяжелой промышленности Германии. Во время первой мировой войны и после нее сложилась сверхмонополия «Stinnes». Она включала 1664 фирм, охватывавших различные отрасли промышленности и торговли и располагавших многочисленными филиалами за границей. После смерти Г. Стиннеса концерн пришел в упадок.

15 Речь идет об авангардной роли Советской России по отношению к национально-освободительному движению (см., например: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 44.— С. 163).

16 *Струве П. Б.* (1870—1944) — русский экономист, философ, историк, публицист. В 1890-е гг.— теоретик «легального марксизма», участвовал в составлении Манифеста I съезда РСДРП (1898). Со временем идейно эволюционировал в сторону буржуазного либерализма. С основанием в 1905 г. кадетской партии вошел в состав ее ЦК. Участвовал в сборнике «Вехи» (1909). Преподавал политэкономию в Петербургском политехническом институте. С 1917 г. академик Российской АН, в 1928 г. исключен из АН СССР. Враждебно встретив Октябрьскую социалистическую революцию, сотрудничал с белогвардейскими режимами Деникина, Врангеля. С разгромом войск последнего — в эмиграции. Преподавал в Пражском и Белградском университетах, занимался историей русской общественной мысли.

17 *Булгаков С. Н.* (1871—1944) — русский экономист, религиозный философ, публицист. В 1890-е гг. входил в группу «легальных марксистов», позднее эволюционировал в направлении буржуазного либерализма, член кадетской партии. Участвовал в сборнике «Вехи». Под влиянием Вл. Соловьева обратился к религиозной философии. В 1918 г. принял сан священника. В 1922 г. был выслан из страны. В эмиграции — профессор русского Богословского института в Париже (1925—1944). В «Философии хозяйства» (1912) Булгаков попытался дать религиозное обоснование взаимоотношения человека и мира как деятельности.

18 *Бердяев Н. А.* (1874—1948) — русский философ-идеалист, общественный деятель, публицист. На рубеже 900-х гг. принимал участие в революционном движении, сторонник «легального

марксизма», был сослан в Вологду. В дальнейшем обратился к религиозной философии. Один из инициаторов сборника «Вехи». К Октябрьской социалистической революции отнесся отрицательно. Организатор философского объединения — Вольная Академия духовной культуры (1918—1922). В 1922 г. в составе группы российской интеллигенции был выслан за границу. Принял участие в создании своеобразного учебного и исследовательского центра — Русского научного института в Берлине (1923). С 1924 г. жил во Франции, издавал в Париже журнал «Путь» (1925—1940). Взгляды Н. А. Бердяева оказали влияние на развитие ряда философских течений (персонализм, экзистенциализм).

19 *Лосский Н. О.* (1870—1965) — русский религиозный философ, представитель интуитивизма и персонализма. В 1922 г. вместе с группой философов, экономистов, политических деятелей был выслан за границу. До 1945 г. жил в Чехословакии. В 1947—1950 гг. — профессор философии в Русской духовной академии в Нью-Йорке.

20 Евхаристия — то же, что и причащение.

21 *Виппер Р. Ю.* (1859—1954) — русский советский историк, специалист в области всеобщей истории, академик АН СССР (1943). С 1897 по 1922 г. преподавал в Московском университете, профессор (1899). В исследовании социально-экономических отношений использовал принципы исторического материализма. Отрицательно отнесся к преобразованиям Октябрьской социалистической революции. В 1924 г. эмигрировал в буржуазную Латвию. В 1927—1938 гг. профессор университета в Риге, где подвергался преследованию за прогрессивные взгляды. С 1941 г. в Москве на преподавательской, затем научной работе.

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

1926 г.

1 Одна из наиболее значительных работ, созданных Н. И. Бухариным в период острых внутрипартийных дискуссий 1925—1927 гг. вокруг проблем выбора форм и методов социалистического строительства в СССР. Статья, написанная в остро полемической форме, соединила в себе черты публицистичности и научности в анализе вопросов развития страны. Критика теоретических построений Е. А. Преображенского, сторонника Л. Д. Троцкого, не являлась самоцелью: в ходе полемики Бухарин стремился углубить марксистское видение закономерностей и тенденций развития экономики в переходный период. Работа впервые опубликована в трех номерах «Правды» (1, 3 и 7 июля 1926 г.), предполагалось ее продолжение. Этот замысел не был осуществлен, хотя к теме дискуссии (о законах и категориях политической экономии и социально-экономической политике государства в переходный период) Н. И. Бухарин в последующем возвращался неоднократно (см. «Заметки экономиста»).

Гораздо менее известен ответ Е. А. Преображенского на бухаринскую критику, помещенный во втором («исправленном и дополненном») издании «Новой экономики» (М., 1926.— С. 13—

48). В нем наряду с неизбежными полемическими выпадами в адрес оппонента сделаны справедливые замечания о сложном и противоречивом развитии экономической системы страны в условиях нэпа, указано на слабость и непроработанность ряда ключевых положений тогдашней бухаринской экономической программы. Н. И. Бухарин считал свою позицию в дискуссии в целом правильной и своевременной, с чем связано издание работы отдельной брошюрой уже в разгар разногласий с И. В. Сталиным, в котором он усматривал сторонника теоретических идей Е. А. Преображенского.

В настоящем сборнике печатается по: Правда.— 1926.— 1, 3, 7 июля.

[2] *Преображенский Е. А.* (1886—1937)— партийный деятель, экономист и публицист. В партии с 1903 г. Вел партийную работу на Урале, неоднократно подвергался арестам и ссылкам. На VI съезде партии (1917) избран кандидатом в члены ЦК, на IX съезде (1919)— одним из трех секретарей ЦК. Работал в редакции газеты «Правда», председателем Главного управления профессионального образования Наркомпроса. Автор работ, в том числе «Об экономических кризисах при нэпе», «От НЭПа к социализму» и др. В соавторстве с Н. И. Бухариным в 1919 г. написал учебник политграмоты «Азбука коммунизма». В политических дискуссиях 20-х гг. являлся сторонником Л. Д. Троцкого, выступал с теоретическими обоснованиями политики ускорения индустриализации страны. В 1927 г. исключен из партии по обвинению во фракционной деятельности, в 1929 г. восстановлен, в 1933 г. вновь исключен. Необоснованно репрессирован. Посмертно реабилитирован.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— 2-е изд.— Т. 20.— С. 116.

[4] *Струве П. Б.* Хозяйство и цена.— Спб.; М., 1913—1916.— Кн. 1, 2.

[5] *Штаммлер* (*Stammler*) *Рудольф* (1856—1938) — немецкий теоретик права, неокантианец. Утверждал, что право первично по отношению к экономике и государству. По Штаммлеру, экономическое и политическое развитие должно идти путем частичных изменений права. В работе «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории» (1896, русский перевод 1899) с позиций так называемого юридического мировоззрения пытался опровергнуть марксизм, отождествлявшийся им с экономическим детерминизмом. Взгляды Штаммлера подвергали критике В. И. Ленин (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 636; Т. 46.— С. 30) и другие марксисты.

[6] Субъективная социология (этико-социологическая школа)— теоретические воззрения на общественно-исторический процесс ряда представителей российского народничества. Кроме общих философско-исторических схем, субъективная социология включала разработки по ряду конкретных проблем: взаимоотношение индивида и общества, роль личности в истории, механизм связи лидера и массы и др. Теоретиками субъективной социологии являлись крупные ученые — Н. К. Михайловский (1842—1904) и Н. И. Кареев (1850—1931).

[7] dumping — демпинг, бросовый экспорт (англ.)

[8] Данная мысль была сформулирована Н. И. Бухариным в работе «Экономика переходного периода» (М., 1920.— Ч. 1.— С. 49). «Единственный выход,— писал он,— заключается в том, что низшие звенья системы, основная производительная сила капита-

листического общества, рабочий класс займут господствующее положение в организации общественного труда».

9 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— 2-е изд.— Т. 20.— С. 292.

10 Видоизмененная цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действие 2-е, явление 2-е):

Как посравнить, да посмотреть
Век нынешний и век минувший.
Свежо предание, а верится с трудом.

11 Термин «первоначальное социалистическое накопление» был предложен В. М. Смирновым, одним из руководителей советского хозяйственного аппарата. В. И. Ленин в замечаниях на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода» (М., 1920) назвал термин «крайне неудачным» (см.: *Ленинский* сборник.— М., 1985.— XI.— С. 406).

Смирнов В. М. (1887—1937) — партийный и государственный деятель, экономист. Член партии с 1907 г. В 1917 г.— член Московского ВРК. После Октября — один из создателей и член Президиума ВСНХ. Делегат VI — IX съездов партии. Член редколлегии «Правды», «Экономической жизни». С 1921 г.— член коллегии Госплана, затем член коллегии ЦСУ СССР (1927). В 1920-е гг.— активный деятель группы «демократического централизма», разделял взгляды Л. Д. Троцкого, в 1927 г. исключен из партии. Незаконно репрессирован. Посмертно реабилитирован.

12 В приведенной цитате имеются разночтения с текстом К. Маркса, опубликованным во 2-м издании (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.*— Соч.— 2-е изд.— Т. 32.— С. 460—461).

Кугельман (*Kugelmann*) *Людвиг* (1830—1902) — немецкий врач, участник революции 1848—1849 гг. в Германии, член I Интернационала. С 1862 по 1874 г. вел постоянную переписку с К. Марксом.

13 Перевод на русский язык «Капитала» К. Маркса (т. 1—3, 1907—1909), осуществленный И. И. Скворцовым-Степановым и В. А. Базаровым, справедливо признавался лучшим переводом дореволюционного периода и переиздавался в таком виде в советское время (1920).

Скворцов-Степанов И. И. (1870—1928) — партийный и государственный деятель. Член партии с 1896 г. Нарком финансов в первом составе Советского правительства. С 1925 г.— член ЦК, ответственный редактор газеты «Известия», директор Института Ленина при ЦК ВКП(б).

Базаров В. (Руднев В. А.) (1874—1939) — деятель революционного движения, социал-демократ, экономист, публицист. С 1902 г. член Московского, затем Петербургского комитетов РСДРП. После II съезда партии — сторонник В. И. Ленина. Активный участник революции 1905—1907 гг., член Большевистского центра (1906). Позднее отошел от активной политической деятельности. Разделял философские и политические воззрения А. А. Богданова. В 1917—1918 гг. один из лидеров организации социал-демократов-интернационалистов. Действительный член Социалистической академии (с 1918 г.). С 1921 г. работал в Госплане СССР. Сыграл большую роль в разработке методологии планирования экономики. В конце 20-х гг. был объявлен автором «вредительской теории затухающей кривой» развития советской экономики. В 1931 г. репрессирован в связи со сфаль-

сифицированным процессом над «Союзным бюро меньшевиков».
[14] post festum — после праздника (лат.).
[15] *Смит* (*Smith*) *Адам* (1723—1790) — шотландский экономист и философ, один из крупнейших представителей классической буржуазной политэкономии. Разработал важнейшие категории трудовой теории стоимости. Впервые провел деление буржуазного общества на классы наемных рабочих, капиталистов и земельных собственников. Автор «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776).
[16] Речь идет о периоде массовых арестов членов Московской организации партии в 1910 г., когда Бухарин и Осинский некоторое время содержались вместе под арестом.

Осинский Н. (Оболенский В. В.) (1887—1938) — партийный и государственный деятель, экономист, публицист, академик АН СССР (1932). Член партии с 1907 г. Партийную работу начал в Москве, неоднократно подвергался репрессиям. После Октября — управляющий Госбанком, председатель ВСНХ (1917—1918). Один из лидеров «левых коммунистов» (1918), группы «демократического централизма» (1920—1921). В 1921—1923 — заместитель наркома земледелия, с 1926 г.— управляющий ЦСУ СССР. Кандидат в члены ЦК партии, член ВЦИК, ЦИК СССР. Незаконно репрессирован. Посмертно реабилитирован.
[17] *Маслов П. П.* (1867—1946) — русский советский экономист, академик АН СССР (1929). В революционном движении с конца 80-х гг. XIX в., подвергался репрессиям со стороны царского режима. Социал-демократ, после II съезда примкнул к меньшевикам. Крупный специалист в области аграрных отношений, некоторые его работы критиковал В. И. Ленин. После Октябрьской социалистической революции занимался педагогической и научной работой.
[18] en passant — мимоходом, между прочим (фр.).
[19] *Туган-Барановский М. И.* (1865—1919) — русский буржуазный экономист, историк, «легальный марксист». В 1905—1907 гг.— член партии кадетов. После Октябрьской социалистической революции — министр финансов буржуазной Украинской Центральной рады. Преподавал политическую экономию в крупнейших вузах страны, последние годы жизни — в Одесском университете. Его взгляды неоднократно критиковали В. И. Ленин, Н. И. Бухарин. Активный участник кооперативного движения в России, автор работы «Социальные основы кооперации» (М., 1916).

ЛЕНИНИЗМ И СТРОИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
1927 г.

[1] В 1920-е гг. Н. И. Бухарин уделял большое внимание пропаганде ленинского теоретического наследия. В 1925—1929 гг. он ежегодно выступал с речами и газетными публикациями, приуроченными к дате смерти В. И. Ленина — 21 января.

В настоящем сборнике печатается по: «Правда».— 1927.— 21 янв.
[2] *Гильфердинг* (*Hilferding*) *Рудольф* (1877—1941) — один из лиде-

ров австрийской и германской социал-демократии и II Интернационала, теоретик австромарксизма — оппортунистического направления в рабочем движении. После первой мировой войны выступал с позиций ревизии марксизма. В 20-е гг.— министр финансов в Веймарской республике. В своем основном труде — «Финансовый капитал» (1910, русский перевод 1912) — одним из первых обратился к анализу империализма с научных позиций. В. И. Ленин, подвергнув критическому разбору данное исследование, отметил вместе с тем его несомненную ценность (Полн. собр. соч.— Т. 27.— С. 309).

[3] Лига Наций — международная межправительственная организация, возникшая в соответствии с решениями Версальского мирного договора (1919) и действовавшая в период между первой и второй мировыми войнами. Основной ее целью статут (устав) провозглашал «развитие сотрудничества между народами и гарантию их мира и безопасности», что, однако, не препятствовало входившим в нее государствам участвовать в интервенции против нашей страны. В рамках Лиги Наций в 20-е гг. было начато международное обсуждение проблем разоружения. Для принятия СССР в Лигу Наций вплоть до 1934 г. создавались препятствия. Ее деятельность фактически прекратилась с началом второй мировой войны, формально же Лига Наций была ликвидирована в 1946 г. в связи с созданием Организации Объединенных Наций.

[4] *Брюсов В. Я.* (1873—1924) — поэт, писатель, основоположник русского символизма. Безоговорочно принял Октябрьскую социалистическую революцию, работал в Наркомпросе, Госиздате и др. организациях. Организовал в 1921 г. Высший литературно-художественный институт, впоследствии названный его именем.

Цитируется отрывок из стихотворения «Товарищам интеллигентам. Инвектива» (1919) (*Брюсов В. Я.* Сочинения: В 2 т.— М., 1987.— Т. 1.— С. 395—396).

[5] «Органическая школа» в социологии — направление в буржуазной социологии конца XIX — начала XX в., отождествлявшее общество с организмом и пытавшееся объяснить социальную жизнь биологическими закономерностями. Ее представители П. Ф. Лилиенфельд (Россия), А. Шеффле (Германия), Р. Вормс, А. Эспинас (Франция). Концепция «органической школы» была известным шагом вперед в развитии социологии, однако в целом она была ненаучной. Общественное развитие, с точки зрения сторонников «органической школы», должно происходить путем эволюции, что на практике приводило к апологии капитализма.

[6] *Бастиа* (*Bastiat*) *Фредерик* (1801—1850) — французский буржуазный экономист, представитель экономического либерализма первой половины XIX в. Один из авторов антинаучной теории гармонии интересов труда и капитала, изложенной в работе «Экономические гармонии» (1849, русский перевод 1896). Сущность экономической гармонии Бастиа видел в обмене, который он рассматривал как обмен услугами, которые оказывают друг другу капиталисты и рабочие, и на этом основании отрицал объективное содержание стоимости, создаваемой в процессе производства товаров. К. Маркс охарактеризовал его как «самого пошлого, а потому и самого удачливого представителя

вульгарно-экономической апологетики» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— 2-е изд.— Т. 23.— С. 18).

[7] Фонд накопления — часть национального дохода, используемая на расширенное воспроизводство: прирост основных фондов, материальных оборотных средств и резервов. Источником фонда накопления является прибавочный продукт. Фонд накопления реализуется в приросте национального богатства. В составе фонда накопления выделяются фонды производственного и непроизводственного накопления.

[8] «...В нашей Советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и „нэпманы", т. е. буржуазия» (*Ленин В. И.* Как нам реорганизовать Рабкрин // Полн. собр. соч.— Т. 45.— С. 387).

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 44.— С. 78—83.

Мясников Г. И. (1889—1946) — рабочий, профессиональный революционер. В партии с 1906 г. Неоднократно подвергался репрессиям со стороны царизма. В годы революции и гражданской войны работал на Урале, затем в Петрограде (1920—1921). В мае 1921 г. обратился в ЦК с «Докладной запиской», в которой критически оценивал внутрипартийную жизнь, выдвигал требование демократических свобод для всех политических направлений. В. И. Ленин, дискутируя с Г. И. Мясниковым, написал ему письмо (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 44.— С. 78—83). В 1922 г. исключен из партии, в 1923 г. возглавил признанную антипартийной организацию «Рабочая группа РКП(б)». 7 ноября 1928 г. перешел границу с Персией. Позже находился в Турции (в тюремном заключении).

[10] *Ленин В. И.* О значении золота теперь и после полной победы социализма // Полн. собр. соч.— Т. 44.— С. 221—229.

[11] «Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную „культурную" работу» (*Ленин В. И.* О кооперации // Полн. собр. соч.— Т. 45.— С. 376).

РЕЧЬ НА XXIV ЛЕНИНГРАДСКОЙ ГУБПАРТКОНФЕРЕНЦИИ
1927 г.

[1] XXIV Ленинградская губернская партийная конференция проходила 25—31 января 1927 г. В ее работе приняла участие группа членов Политбюро (Я. Э. Рудзутак, Н. И. Бухарин, В. М. Молотов) а также председатель партийной коллегии ЦКК Е. М. Ярославский. Н. И. Бухарин выступил 26 января с речью о международном и внутреннем положении страны.

В настоящем сборнике печатается по: Правда.— 1927.— 2 февр.

[2] *Рудзутак Я. Э.* (1887—1938) — советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1905 г. Как активный участник первой российской революции, член Рижского комитета партии в 1907 г. был арестован, приговорен к 10 годам каторги. Освобожден Февральской революцией. После Октября — на ответственной профсоюзной и хозяйственной работе. С 1920 г.— член ЦК РКП(б), в 1923—1924 гг.— секретарь ЦК РКП(б).

В 1926—1932 гг.— член Политбюро. С 1926 г.— зам. председателя СНК и СТО СССР. В 1932 г.— председатель ЦКК ВКП(б) и нарком РКИ СССР. Незаконно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

[3] VII расширенный пленум Исполкома Коминтерна (ИККИ), рассмотревший вопросы стратегии и тактики международного коммунистического движения в новых условиях (спад революционного движения, частичная стабилизация капитализма), состоялся 22 ноября — 16 декабря 1926 г. На пленуме большое внимание уделялось дискуссии в ВКП(б) о перспективах социалистического строительства в СССР. Позиции, отстаиваемые Л. Д. Троцким, Г. Е. Зиновьевым, Л. Б. Каменевым и их сторонниками, были признаны ошибочными. Н. И. Бухарин принял участие в работе пленума в качестве фактического руководителя Коминтерна (должность председателя Исполкома после отставки Г. Е. Зиновьева была упразднена). Н. И. Бухарин являлся представителем ВКП(б) в Коминтерне, секретарем его Исполкома.

[4] Имеется в виду внутриполитическая ситуация в Китае — революция 1925—1927 гг., сопровождавшаяся резкими, включая и вооруженные столкновения, формами классовой борьбы. Антиимпериалистическая, антифеодальная и демократическая по своему характеру революция потерпела поражение; в результате контрреволюционного переворота Чан Кайши в апреле 1927 г. в стране установилась военная диктатура.

[5] Здесь и далее Н. И. Бухарин развивает ленинские идеи о продолжительности мировой революции и своеобразии форм и методов перехода к социализму различных наций, а также о значительном разнообразии социальных сил, участвующих в мировом революционном процессе.

[6] В период руководства Н. И. Бухариным Коминтерном (1926—1929) его взгляды на перспективы развития мирового революционного процесса, изменившиеся по сравнению с первыми послереволюционными годами, учитывали реалии современного состояния развития капитализма как фазы частичной его стабилизации. Это нашло отражение в позиции Н. И. Бухарина на VI Конгрессе Коминтерна (лето 1928 г.), которая подвергалась атакам сторонников «подталкивания» мировой революции.

[7] Имеется в виду контрреволюционный переворот во Франции 9 термидора (27 июля 1794 г.). В нарицательном смысле слово «термидор» употреблялось оппозицией для обвинения партии в перерождении.

[8] В тот момент политика цен заключалась в установлении такого соотношения цен между продукцией промышленности и сельского хозяйства, при котором стимулировалось развитие промышленности, создавались необходимые средства для осуществления политики индустриализации страны. В то же время Н. И. Бухарин отмечал, что достигнутое таким образом перераспределение национального дохода через механизм ценообразования не должно было превышать определенного предела, за которым возникала угроза экономической и социальной политики партии и государства.

[9] Имеется в виду разрыв в розничных на продукцию сельского хозяйства и промышленности за счет существенного возрастания последних. В 1923/24 хоз. г. раствор «ножниц» оказался

особенно значительным и вызвал так называемый кризис сбыта. Затоваривание сельскохозяйственной и промышленной продукции имело под собой как объективные причины (несоответствие темпов восстановления крестьянского хозяйства и государственной промышленности), так и субъективные (установление высоких цен на товары крестьянского спроса сделало их невостребованными деревней). В последующие годы политика в области ценообразования была направлена на недопущение подобного раствора «ножниц», но радикально улучшить ситуацию не удалось, о чем и говорил Н. И. Бухарин.

[10] *Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.)* (1873—1923) — социал-демократ. Участник Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», подвергался репрессиям со стороны царизма. С 1901 г. — в эмиграции, один из редакторов «Искры». Со II съезда партии (1903) — один из лидеров меньшевизма. Во время первой мировой войны участвовал в Циммервальдской и Кинтальской конференциях. После Февральской революции возглавлял левое крыло меньшевиков. К Октябрьской социалистической революции отнесся отрицательно, в то же время являлся противником вооруженной борьбы против большевиков. В годы гражданской войны член ВЦИК, депутат Моссовета от меньшевистской партии. В 1920 г. с разрешения Советского правительства выехал в Германию для участия в Галльском съезде социал-демократии, остался за рубежом. Один из организаторов 2 1/2 Интернационала, основатель эмигрантского меньшевистского органа «Социалистический вестник». Автор мемуаров «Записки социал-демократа» (Берлин, 1922).

[11] «Новая оппозиция»— речь идет об оппозиционных выступлениях Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева с начала 1925 г. «Новая оппозиция» потерпела поражение на XIV съезде партии (декабрь 1925г.).

[12] См., например: *Ленин В. И.* Речь при закрытии X съезда РКП(б) // Полн. собр. соч.— Т. 43.— С. 125; *Он же.* III Конгресс Коммунистического Интернационала: (Тезисы доклада о тактике РКП(б)) // Там же.— Т. 44.—С. 7.

[13] В 1920-е гг. Советское правительство большое внимание уделяло финансово-кредитным отношениям с капиталистическими странами. Избегая кабальных займов, оно добивалось предоставления достаточно продолжительных (на 3—5 лет) кредитов для закупки машин и оборудования. За 1923/24—1926/27 хоз. гг. доля иностранных кредитов составляла около 1/5 стоимости внешнеторгового оборота СССР.

[14] Задача ускорения товарооборота в стране как одно из важнейших направлений экономической политики партии и государства вытекала из решений XIV партийной конференции (апрель 1925 г.) и XIV съезда ВКП(б) (декабрь 1925 г.) (*КПСС* в резолюциях...— М., 1984.— Т. 3.— С. 354, 429).

[15] О полемике с Е. А. Преображенским по данному вопросу см. с. 145 настоящего издания.

[16] Биржи труда — государственные учреждения, осуществляющие посреднические операции на рынке труда. В СССР были созданы по декрету СНК от 31 января 1918 г. «О биржах труда». На них возлагались задачи трудоустройства безработных, выдачи им пособий, учета и распределения работников во всех отраслях народного хозяйства, упорядочения спроса и предложения труда и т. д. Биржи труда вплоть до ликвидации безработицы в

СССР (конец 1930 г.) играли существенную роль в обеспечении всеобщей занятости населения.

[17] Речь идет о статье Н. И. Бухарина «Злые заметки», напечатанной в «Правде» 12 января 1927 г. В ней автор, допуская порой неоправданную резкость в оценках творчества С. Есенина как поэта, в основном говорил об истоках и формах проявления так называемой есенинщины, под которой подразумевал разновидность мещанской псевдокультуры с сильным националистическим содержанием.

[18] Сменовеховство — идейно-политическое течение, возникшее в 1921 г. в среде российской интеллигенции внутри страны и за рубежом в связи с переходом к нэпу, имеющее разнородные ориентации (от реставраторских надежд до признания и сотрудничества с Советской властью). Учитывая это, партия проводила дифференцированную политику в отношении различных групп.

[19] *Пилсудский (Pilsudski) Юзеф* (1867—1935) — польский политический деятель. Участвовал в революционном движении, в 1887 г. был арестован по обвинению в подготовке покушения на Александра III, сослан. В 1890-е гг. примкнул к Польской социалистической партии (ППС), в 1906 г. возглавил ППС — революционную фракцию, провозгласившую борьбу за восстановление независимости Польши. В годы первой мировой войны командовал польским легионом, сражавшимся на стороне Австро-Венгрии и Германии. В 1918—1922 г. являлся «начальником» (диктатором) польского государства, сыграл значительную роль в организации военных действий против Советской России в 1920 г. В мае 1926 г. руководил установлением в стране «санационного» режима. В 1926—1928, 1930 гг.— премьер-министр Польши.

[20] Белорусская крестьянско-рабочая громада (БКРГ) — массовая революционно-демократическая, национально-освободительная легальная организация трудящихся в Западной Белоруссии в 1925—1927 гг. В январе 1927 г. насчитывала более 2 тыс. первичных организаций, объединявших около 120 тыс. крестьян, рабочих и представителей прогрессивной части интеллигенции. Компартия Западной Белоруссии использовала легальное положение БКРГ для развития массового революционного движения. В начале 1927 г. громада была разгромлена правительством Ю. Пилсудского, сотни ее активистов арестованы.

[21] *Бебель (Bebel) Август* (1840—1913) — один из основателей (1869) и руководитель германской социал-демократии и II Интернационала. Мужественный интернационалист, отказавшийся голосовать в рейхстаге за военные кредиты после начала франко-прусской войны, выступил в защиту Парижской коммуны, подвергался многочисленным преследованиям. Последовательно боролся против неравенства женщин в обществе, против национализма. Одна из наиболее известных работ Бебеля по этим вопросам «Антисемитизм и пролетариат» (в русском переводе — Одесса, 1905).

[22] «Спецеедство» — разновидность антиинтеллигентских настроений и действий, получившая распространение в среде рабочего класса в послереволюционный период. «Спецеедство» в 1920-е гг. развилось под влиянием объективных и субъективных факторов (наличие противоположности между умственным и физическим трудом, невысокий уровень общей, профессиональной и поли-

тической культуры нового массового пополнения рабочего класса и т. д.).

[23] Н. И. Бухарин имеет в виду, вероятно, жесткие санкции (увольнение с работы, аресты и т. д.) по отношению к той части интеллигенции, которая саботировала мероприятия народной власти либо поддерживала контрреволюционные мятежи и заговоры времен гражданской войны. Однако репрессивные действия порой затрагивали в Петрограде более широкие круги специалистов, непричастных к антисоветской борьбе. Известны протесты по этому поводу М. Горького, которые он выразил В. И. Ленину в 1919 г. В целом же особенно после VIII съезда партии политика в отношении специалистов заключалась в создании им благоприятных условий для профессиональной деятельности.

[24] После XIV съезда Центральным Комитетом партии Н. И. Бухарин был направлен на XXIII чрезвычайную Ленинградскую губернскую конференцию ВКП(б) (10—11 февраля 1926 г.) и выступил там с докладом «К итогам дискуссии».

[25] Н. И. Бухарин имел в виду поддержку в ходе внутрипартийной борьбы в 1925—1926 гг. значительной частью руководящего звена ленинградской партийной организации позиции Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева по вопросам социалистического строительства.

ДОКЛАД И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА XVI МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ВКП(б)

1927 г.

[1] На Московской губернской партийной конференции, собравшейся 20—23 ноября 1927 г., Н. И. Бухарин выступил 20 ноября с отчетом о работе ЦК и 22 ноября с заключительным словом. Конференция, состоявшаяся в преддверии XV съезда партии (декабрь 1927 г.), проходила в обстановке острых столкновений и дискуссий по вопросам об основных направлениях внутренней и внешней политики партии и государства. Критика в адрес деятельности ЦК, высказанная Л. Б. Каменевым, Х. Г. Раковским и некоторыми другими сторонниками так называемой объединенной оппозиции, не получила поддержки делегатов конференции.

В настоящем сборнике печатается по: Шестнадцатая Московская губ. конф. ВКП(б).— М., 1927.— Бюл. № 1.— С. 7—41 (доклад); Бюл. № 4.— С. 33—42 (заключительное слово).

[2] После II съезда РСДРП (1903) меньшевизм не оставлял претензий на представительство интересов всего социал-демократического движения страны. Отсюда настойчивое стремление к объединенчеству. После февральской революции предпринимались попытки создания единой партии под эгидой реформистского крыла, в августе 1917 г. после объединительного съезда меньшевистских групп партия стала называться РСДРП (объединенной). Однако это не предотвратило последующего организационного и идейного размежевания меньшевизма, из рядов которого вскоре выделилась как самостоятельная РСДРП (интернационалистов). После окончания гражданской войны меньшевизм как течение внутри страны прекратил свое существование. Меньшевики-эмигранты создали так называемую Заграничную делегацию РСДРП.

[3] *Троцкий (Бронштейн) Л. Д.* (1879—1940) — советский партийный и государственный деятель. В социал-демократическом движении с 1897 г., занимал центристские позиции. Участник первой российской революции 1905—1907 гг., председатель Петербургского Совета, позднее в эмиграции. В 1917 г. в числе межрайонцев был принят в большевистскую партию и избран членом ЦК. Осенью 1917 г. — председатель Петросовета. После Октября — нарком по иностранным делам (до 1918 г.), нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета (1918—1925). После 1925 г. — на хозяйственной работе (Главконцесском, Главэлектро). Во внутрипартийных дискуссиях послеоктябрьского периода (Брестский мир, дискуссия о профсоюзах и др.) нередко занимал особые позиции, которые подвергались резкой критике В. И. Лениным и другими членами ЦК. Несмотря на ошибочность ряда положений, выдвинутых Л. Д. Троцким в области теории и практики социалистического строительства, ему принадлежит крупная роль в становлении и развитии Советской власти, защите ее завоеваний. Член ЦК партии (1917—1927), член Политбюро (1919—1926). В 1927 г. исключен из партии, сослан в Алма-Ату. В 1929 г. выслан из пределов СССР. Убит в Мексике в 1940 г.

[4] Имеется в виду позиция, занятая Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым накануне Октябрьской социалистической революции, согласно которой партия не готова была взять и удержать власть.

Зиновьев (Апфельбаум О. А.) Г. Е. (1883—1936) — советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1901 г. На V съезде РСДРП избран членом ЦК. Находясь с 1908 г. по апрель 1917 г. в эмиграции, работал в редакции ряда партийных изданий, в составе Заграничного бюро ЦК большевиков, был активным помощником В. И. Ленина. Накануне Октябрьской социалистической революции вместе с Л. Б. Каменевым проявил колебания, выступив против курса партии на вооруженное восстание. С конца 1917 г. — председатель Петроградского Совета, возглавлял губком партии. В 1919—1926 гг. — председатель Исполкома Коминтерна. После 1927 г. — ректор Казанского университета, член коллегии Центросоюза. Член ЦК в 1907—1927 гг. Член Политбюро ЦК в 1921—1926 гг. (кандидат в 1919—1921). Член ЦИК СССР и ВЦИК. Несколько раз (1927, 1932, 1934) был исключен из партии по обвинению во фракционной деятельности, отправлен в ссылку. Незаконно репрессирован. Посмертно реабилитирован.

Каменев (Розенфельд) Л. Б. (1883—1936) — советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1901 г. После II съезда РСДРП — большевик. Подвергался репрессиям со стороны царского режима. На апрельской конференции 1917 г. избран членом ЦК партии, на II Всероссийском съезде Советов — председателем ВЦИК (затем заменен на этом посту Я. М. Свердловым). С 1919 г. — председатель Моссовета, с 1922 г. — заместитель председателя СНК СССР, с 1924 по 1926 г. — председатель Совета труда и обороны. После 1926 г. — нарком торговли СССР, полпред СССР в Италии, председатель Главконцесскома, директор Института мировой литературы. Член ЦК в 1917—1927 гг. Член Политбюро ЦК в 1919—1926, член ЦИК СССР и ВЦИК. Несколько раз (1927, 1932, 1934) был исключен из партии по обвинению во фракционной дея-

тельности, отправлен в ссылку. Незаконно репрессирован. Посмертно реабилитирован.

5 Историческая параллель с событиями Великой французской революции, которая завершилась переходом власти в руки буржуазии («термидорианский переворот» 1794 г.), выразителем интересов которой явился Наполеон Бонапарт.

6 Имеются в виду действия сторонников оппозиции, пытавшихся организовать 7 ноября 1927 г. уличные демонстрации в Москве.

7 «Социалистический вестник»— орган Заграничной делегации РСДРП (меньшевиков). Выходил на русском языке в Берлине с 1921 г.

8 Объединенный (1927 г.) Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) обсудил и утвердил предложенные Политбюро проекты тезисов по вопросам порядка дня XV партсъезда, докладчиков на предстоящем съезде, принял специальное постановление о партийной дискуссии. На этом же пленуме после слушания доклада Президиума ЦКК было принято решение об исключении Л. Д. Троцкого и Г. Е. Зиновьева из состава ЦК партии за оппозиционную деятельность.

9 *Чан Кайши (Цзян Цзеши)* (1887—1975) — глава гоминьдановского режима (с 1927 г.). После победы народной революции в Китае в 1949 г. с остатками войск бежал на о. Тайвань, где создал марионеточное правительство.

10 Руководители Генерального Совета профсоюзов Англии Альфред Перселъ и Джордж Хикс поддержали разрыв англо-советских дипломатических отношений весной 1927 г. и приняли участие в антисоветской кампании.

11 *Дан (Гурвич) Ф. И* (1871—1947) — один из лидеров меньшевизма. В социал-демократическом движении с 1894 г., входил в Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», подвергался репрессиям. С 1903 г. примкнул к меньшевикам, после февральской революции — идеолог «революционного оборончества», сторонник политики коалиции с буржуазией. Член ЦК партии меньшевиков. Противник Октябрьской социалистической революции. Входил в меньшевистскую фракцию во ВЦИКе, работал врачом в системе Наркомздрава. В 1922 г. выслан за границу, в 1923 г. лишен советского гражданства. Один из лидеров меньшевиков-эмигрантов.

12 «Переверзевско алексинская партия»— в порицательном смысле беспринципное сближение, блок, преследующий выдвинутые цели любой ценой. Конкретно имеется в виду блокирование политиканов — Алексинского и Переверзева, развязавших в июле 1917 г. кампанию с целью политической дискредитации В. И. Ленина.

Алексинский Г. А. (1879—1967) — политик, журналист, некоторое время входивший в ряды большевиков (1905—1907), депутат II Государственной Думы. Позднее порвал с партией. В 1917 г. вошел в меньшевистскую группу «Единство». Имел репутацию интригана. Во время июльских событий 1917 г. опубликовал совместно с эсером В. С. Панкратовым в бульварной петроградской газете «Живое слово» заявление и подложный документ с обвинением В. И. Ленина и ряда других большевиков в связях с германским генштабом и получении от последнего крупных денежных сумм. Эта публикация способствовала развязыванию антибольшевистской кампании,

В 1918 г. Алексинский был арестован ВЧК, выпущен на поруки. Бежал за границу. В эмиграции был известен своей беспринципностью.

Переверзев П. Н.— петербургский адвокат, трудовик, получил известность участием в ряде дореволюционных политических процессов. Во Временном правительстве первого коалиционного состава (май — июнь 1917 г.) сменил Керенского па посту министра юстиции. В июльские дни 1917 г. поддержал аферу Алексинского, хотя затем вынужден был признать, что пустил в ход непроверенные обвинения с целью скомпрометировать лидеров большевизма в глазах солдатских масс. Эпизод с подложными документами положил конец политической карьере Поревераева.

13 Имеются в виду различные враждебные действия оппозиции, в частности захват 4 ноября 1927 г. одной из аудиторий МВТУ для проведения фракционного собрания.

14 *Раковский Х. Г.* (1873—1941) — советский государственный деятель, дипломат. В социал-демократическом движении с 1890-х гг. Активный участник рабочего движения в России, Румынии, Болгарии и других странах. Член партии с 1917 г. После Октября — председатель СНК Украины, член Реввоенсовета Южного фронта, член ЦК (1919—1927). После 1923 г. на дипломатической работе: заместитель наркома по иностранным делам СССР и по совместительству полпред в Великобритании (1923—1925) и во Франции (1925—1927). На XV съезде партии в числе других участников оппозиции исключен из рядов партии и отправлен в кратковременную ссылку в Астрахань. Позже работал в органах Наркомздрава. Восстановлен в партии в 1935 г. Незаконно репрессирован. Исключен из партии, осужден по делу так называемого право-троцкистского блока (1938). Посмертно реабилитирован, восстановлен в партии.

15 В 1927 г. в письме на имя председателя ЦКК Г. К. Орджоникидзе Л. Д. Троцкий заявил, что в случае интервенции империалистических держав и приближения вражеских войск к Москве оппозиция будет добиваться свержения существующей власти. При этом он ссылался па пример французского политического деятеля Ж. Клемансо (1841—1929), премьер-министра Франции в 1906—1909 и 1917—1920 гг., который использовал приближение германских войск к Парижу, чтобы добиться отставки существовавшего в то время во Франции правительства.

16 *Смилга И. Т.* (1892—1938) — советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1907 г. После февральской революции — член Кронштадтского комитета РСДРП(б), председатель Областного исполнительного комитета армии, флота и рабочих Финляндии. После Октябрьской социалистической революции — член Реввоенсовета республики, зам. председателя ВСНХ, зам. председателя Госплана СССР. Во внутрипартийных дискуссиях был сторонником группы Л. Д. Троцкого. В 1927 г. исключен из партии, в 1930 г. восстановлен, в 1937 г. исключен вновь. Незаконно репрессирован. Посмертно реабилитирован, восстановлен в партии.

17 Углановскими свиступами представители оппозиции называли сторонников линии ЦК, одним из проводников которой в Московском городском комитете был Н. А. Угланов.

Угланов Н. А. (1886—1940) — советский партийный и государственный деятель. В партии с 1907 г. После Октябрьской социалистической революции — секретарь ряда крупнейших партийных организаций — петроградской, нижнегородской, московской. Член ЦК с 1923 г., секретарь ЦК (1926—1928), кандидат в члены Политбюро (1926—1929). Выступал с поддержкой группы Н. И. Бухарина. Нарком труда РСФСР (1928—1930). Был исключен из партии в связи с «делом группы Рютина и др.» (1932), восстановлен и исключен вторично (1936). Незаконно репрессирован. Посмертно реабилитирован.

18 Всемирный конгресс друзей СССР, приуроченный к торжественному празднованию 10-летия Октября, работал в Москве с 10 по 12 ноября 1927 г. На нем присутствовало около 1 тыс. представителей 43 стран.

19 *Цеткин* (*Zetkin*) *Клара* (1857—1933) — деятель германского и международного рабочего движения. Участник создания II Интернационала (1889), один из основателей КПГ, член ЦК (с 1919), член Президиума ИККИ (с 1921).

20 Цензовыми считались крупные промышленные предприятия.

21 Имеются в виду события в Грузии, спровоцированные в конце августа 1924 г. «Комитетом независимости Грузии» во главе с меньшевиками. В основе событий лежало недовольство крестьян политикой партийно-советских органов, допускавших просчеты и ошибки при проведении аграрной реформы, налоговой политики и т. д.

22 «Крестьянские союзы», а также «Союзы трудового крестьянства» — нелегальные антисоветские организации. Создавались в конце гражданской войны под руководством преимущественно эсеров для «взрыва изнутри» Советской власти. Союзы участвовали в организации мятежей на Тамбовщине, в Западной Сибири и в других регионах. По окончании гражданской войны лозунги создания беспартийных «крестьянских союзов» сохранялись в мелкобуржуазной деревне, в частности в Сибири, в 1923—1924 гг.

23 В резолюции по отчету ЦК XIV съезду отмечалось: «Одобряя решения ЦК о материальной помощи бедноте и об организации групп бедноты, съезд подчеркивает, что здесь не может быть и речи ни о возврате к комбедам, ни о возврате к системе нажима периода военного коммунизма, практике „раскулачивания" и т. п. ⟨...⟩. Съезд еще раз подчеркивает, что нельзя в настоящих условиях укреплять диктатуру пролетариата методами военного коммунизма и административного нажима; что нельзя строить кооперацию вне ее добровольчества...» (*КПСС в резолюциях...* — Т. 3.— С. 432).

24 *Антонов-Овсеенко В. А.* (1883—1939) — советский государственный и военный деятель, дипломат. Член партии с 1903 г. Неоднократно подвергался арестам, в 1910 г. эмигрировал во Францию, где примкнул к меньшевикам. После февральской революции вступил в РСДРП(б) (май 1917 г.). В дни Октября — секретарь Петроградского ВРК, один из руководителей вооруженного восстания, ареста Временного правительства. В первом составе Совнаркома — член Коллегии по военным и морским делам, затем нарком военных дел Украины, зам. председателя Малого Совнаркома. В 1922—1924 г.— начальник Политуправления РВС СССР. Разделял позиции группы Л. Д. Троцкого,

позднее отошел от нее. С 1924 г. полпред СССР в Чехословакии, Литве, Польше, Испании. Незаконно репрессирован. Посмертно реабилитирован.

25 В мае 1927 г. правительство Англии разорвало дипломатические отношения с СССР и попыталось втянуть в антисоветскую кампанию ряд других стран.

26 Основной капитал — часть производительного капитала (затраты на машины, оборудование, здания, сооружения), которая переносит свою стоимость на вновь созданный продукт частями и возвращается в денежной форме постепенно в течение ряда кругооборотов капитала.

27 В Программе партии, принятой VIII съездом РКП(б) (1919), отмечалось: «...РКП должна поставить себе задачей установить:

1) в дальнейшем, при общем увеличении производительности труда, максимальный 6-часовой рабочий день без уменьшения вознаграждения за труд и при обязательстве трудящихся сверх того уделить два часа, без особого вознаграждения, теории ремесла и производства, практическому обучению технике государственного управления и военному искусству;

2) введение поощрительной системы вознаграждения за повышение производительности труда» (*КПСС* в резолюциях...— Т. 2.— С. 91).

28 Индустриализация сельского хозяйства — реконструкция материально-технической базы сельского хозяйства на основе последовательного внедрения в сельскохозяйственное производство машин и промышленных технологий. Это одно из основных направлений технического прогресса в сельском хозяйстве социалистических и капиталистических стран. В теоретических спорах второй половины 20-х гг. Н. И. Бухарин последовательно отстаивал точку зрения на индустриализацию как на процесс создания крупного машинного производства во всех отраслях народного хозяйства.

29 *Иоффе А. Ф.* (1880—1960) — ученый, один из создателей советской физической школы. Академик Российской АН (1920), Герой Социалистического Труда (1955). Крупный организатор отечественной науки, инициатор создания физико-технических институтов в Харькове, Днепропетровске, Свердловске, Томске. Лауреат Ленинской (1961, посмертно) и Государственной (1942) премий.

30 На рубеже 20—30-х гг. Н. И. Бухарин являлся одним из пионеров в разработке методологии и методики планирования научно-исследовательских работ.

31 *Павлов И. П.* (1849—1936) — ученый-физиолог, создатель материалистического учения о высшей нервной деятельности. Академик Петербургской АН (1907). За труды по физиологии кровообращения и пищеварения удостоен Нобелевской премии (1904). Октябрьскую социалистическую революцию принял не сразу, но продолжал вести активную педагогическую и научно-исследовательскую деятельность. В трудные годы Советское правительство в соответствии с декретом от 24 января 1921 г. за подписью В. И. Ленина приняло меры по созданию условий для научной работы Павлова и его сотрудников (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 42.— С. 262—263). Этот широко известный факт потребовался Бухарину для наглядного противопоставления ленинского и бюрократического подходов к науке и ученым.

[32] *Иоффе А. А.* (1883—1927) — советский государственный и партийный деятель. В революционном движении с конца 1890-х гг. XIX в., с 1903 г. — меньшевик. На VI съезде партии (1917) в числе межрайонцев принят в большевистскую партию, избран кандидатом в члены ЦК. В дни Октября — член Петроградского ВРК, делегат II съезда Советов. С 1918 г. — на дипломатической работе: полпред в Германии, Китае (с 1922 г.), Австрии (с 1924 г.). Во внутрипартийных дискуссиях 1925—1927 гг. разделял платформу «новой оппозиции». Покончил с собой.

[33] А. В. Луначарский, касаясь проблем культурного строительства, заявил: «Его (Бухарина. — *Ред.*) задача заключалась в том, чтобы сугубо обратить внимание на наши недочеты, на отсталость нашей культурной работы по сравнению с хозяйственной и политической и, таким образом, содействовать тому, чтобы были приняты энергичные меры для подъема этого дела... Мне хотелось бы противопоставить наши успехи недостаткам, указанным тов. Бухариным, и дополнить то, что говорил тов. Бухарин, некоторыми положительными чертами нашей работы» (*Шестнадцатая* Моск. губ. конф. ВКП(б). — М., 1927. — Бюл. № 2. — С. 14—15).

[34] Петрова, работница из Орехово-Зуево, в своем выступлении отметила правильность постановки вопроса об усилении партийного внимания к социальным проблемам трудящихся, особенно положения работниц, но при этом заявила: «Тов. Бухарин правильно говорил о необходимости улучшить работ, среди жен рабочих, но я бы не сказала, что они являются таким уже политическим балластом и грузом, как выразился Бухарин» (Там же. — С. 32).

[35] Всесоюзный съезд работниц и крестьянок состоялся в Москве 10—15 октября 1927 г. От имени ЦК ВКП(б) делегаток приветствовал Н. И. Бухарин, его речь была опубликована (Правда. — 1927. — 11 окт)

[36] В своем выступлении на партконференции Х. Г. Раковский на основе анализа международной ситуации в 1927 г. высказал ряд критических замечаний по поводу внешнеполитических действий руководства партии и государства, в частности в отношении Англии, Китая и Франции. Он считал, что советская сторона проявляла в конфликтных ситуациях чрезмерную уступчивость и тем самым не отодвигала, а приближала возможность войны. «Ничего так не ускоряет войну, — говорил Х. Г. Раковский, — как уверенность противника, что ему все позволено, что он может у вас требовать, что он захочет, вплоть до отказа от социализма» (*Шестнадцатая* Моск. губ. конф. ВКП(б). — М., 1927. — Бюл. № 4. — С. 21).

[37] Речь идет об обострении конфликта из-за Вильно и Виленской области, оккупированных Польшей в 1920 г.

[38] Л. Д. Троцкий возглавлял РВС РСФСР с момента его создания (1918), с 1923 г. до января 1925 г. — РВС СССР, одновременно являясь наркомом по военным и морским делам. Затем Реввоенсовет и наркомат возглавлял М. В. Фрунзе, а после его смерти (октябрь 1925 г.) — К. Е. Ворошилов.

Ворошилов К. Е. (1881—1969) — советский государственный и военный деятель, маршал Советского Союза (1935). Член партии с 1903 г. Активный участник гражданской войны, один из руководителей Красной Армии. С 1925 г. — председатель РВС СССР,

нарком по военно-морским делам, в 1934—1940 гг.— нарком обороны СССР. К. Е. Ворошилов, входивший с 1920-х гг. в ближайшее сталинское окружение, несет ответственность за массовые репрессии командного состава Красной Армии. В годы войны — член Государственного комитета обороны. В послевоенные годы — зам. председателя Совета Министров СССР (1946—1953), председатель Президиума Верховного Совета СССР (1953—1960). Член ЦК партии в 1921—1961 гг. и с 1966 г. Член Политбюро (Президиума) ЦК в 1926—1960 гг.

39 Н. К. Крупская дала критический анализ выступлениям оппозиции в связи с 10-летним юбилеем Октября. По поводу борьбы с кулачеством она отметила: «Весь вопрос в том, как бороться. Оппозиция говорит о принудительном изъятии у кулаков излишков. Но всякий знает, что такое принудительное изъятие. Это значит продотряды... Мы знаем, как это изъятие часто восстанавливало против Советской власти и середняка и всю деревню» (Там же.— Бюл. № 2.— С. 35).

Крупская Н. К. (1869—1939) — партийный и государственный деятель. Соратник и жена В. И. Ленина. Член партии с 1898 г. Подвергалась репрессиям со стороны царизма, с 1901 г. в эмиграции. Работала секретарем ряда большевистских печатных изданий. После Октября — член коллегии Наркомпроса, с 1920 г.— возглавляла Главполитпросвет, с 1929 г.— зам. наркома просвещения. Автор многих трудов по вопросам народного образования, женского движения, истории партии. С 1924 г.— член ЦКК, с 1927 г.— член ЦК ВКП(б), член ЦИК СССР и ВЦИК.

40 Л. Б. Каменев, выступивший в прениях по докладу ЦК, сделанному Н. И. Бухариным, сосредоточил основное внимание на итогах социально-экономического и политического развития страны между XIV и XV съездами партии. Критикуя деятельность ЦК партии, Л. Б. Каменев стремился доказать, что ошибки и трудности развития возникли из-за того, что не была принята платформа «новой оппозиции», и, наоборот, отдельные достижения были результатом заимствования руководством партии идей оппозиции. Особое внимание Л. Б. Каменев уделил обоснованию тезиса о том, что «отсечение оппозиции никакого успокоения не даст... а вызовет только новое обострение». Его речь, содержавшая ряд верных оценок и наблюдений положения внутри партии, неоднократно прерывалась сильным шумом в зале, голосами и криками с мест (Там же.— Бюл. № 3.— С. 27—33).

41 *Богушевский В. С.* (1895—1939) — партийный деятель, публицист. Член партии с декабря 1917 г. До 1925 г.— на партийно-политической работе, в 1925—1933 г.— на ответственной редакционной работе в газетах «Торговые известия», «Торгово-промышленная газета» («За индустриализацию»). С 1934 г. работал в КПК при ЦК ВКП(б).

В 1925 г. в статье «О деревенском кулаке, или о роли традиции в терминологии» в журнале «Большевик» (1925, № 9/10) В. С. Богушевский выступил с утверждением, что кулак — жупел, кулачества в дореволюционном его облике в деревне теперь нет.

42 *Сафаров (Вольдин) Г. И.* (1891—1942) — советский партийный и государственный деятель. В партии с 1908 г. С 1917 г. на партийной работе в Петрограде. Секретарь ИККИ (1921). Кандидат

в члены ЦК (1921—1925). На дипломатической работе (1925—1927). Примыкал к «новой оппозиции», входил в троцкистско-зиновьевский блок. В 1927 г. исключен из партии, в 1928 г.— восстановлен, в 1934 г. исключен вновь. Незаконно репрессирован.

[43] *Канатчиков С. И.* (1879—1940) — советский партийный и государственный деятель. В партии с 1898 г., входил в Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». После Октябрьской социалистической революции работал в Сибири, на Урале. Ректор Коммунистического университета в Петрограде (1921), зав. отделом печати ЦК (1924), зав. отделом Истпарта (1925). После 1926 г. на журналистской и редакторской работе.

[44] *Зоф В. И.* (1889—1937) — советский партийный и военный деятель. В партии с 1913 г. После Октябрьской социалистической революции — комиссар бригады, затем член РВС Балтфлота, комиссар морских сил РСФСР, член РВС СССР. Председатель Совторгфлота (1927), зам. наркома путей сообщения (1930), зам. наркома водного транспорта (1931). Незаконно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

УРОКИ ХЛЕБОЗАГОТОВОК, ШАХТИНСКОГО ДЕЛА И ЗАДАЧИ ПАРТИИ

К итогам Апрельского Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б)

Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б)

1928 г.

[1] Состоявшийся 6—11 апреля 1928 г. в Москве Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) рассмотрел вопросы, связанные с состоянием хлебозаготовок в текущем году и организацией кампании в будущем хозяйственном году; обсудил доклад комиссии Политбюро в связи с Шахтинским делом; принял постановление о расширении практики ежегодного командирования ответственных работников из центра (членов ЦК, наркомов и др.) на места сроком не менее 1,5—2 мес. В ходе работы Пленума обозначились расхождения в оценках Н. И. Бухарина и И. В. Сталина причин возникшей кризисной ситуации в экономике и социальной сфере и мер по ее преодолению. Это нашло отражение в выступлениях по итогам работы Пленума И. В. Сталина перед активом Московской парторганизации (Правда.— 1928.— 18 апр.) и Н. И. Бухарина перед ленинградским партактивом (Правда.— 1928.— 19 апр.).

В настоящем сборнике печатается по: *Бухарин Н. И.* Уроки хлебозаготовок, Шахтинского дела и задачи партии. К итогам апрельского Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б): Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б). 13 апреля 1928 г.— Л.: Прибой, 1928.

[2] О «напряжении госбюджета» можно судить, в частности, по данным, отражавшим долю покрытия финансирования народного хозяйства за счет государственного кредита (возрастание с 21,9 % в 1924/25 г. до 32,4 % в 1926/27 г.) (*Финансы* СССР.— М., 1933.— Вып. 2.— С. 75).

[3] Партийные руководители в статьях и выступлениях 1927—1928 гг. оперировали цифрами, приближенно оценивавшими численность крестьянских хозяйств в стране. Так, Н. И. Бухарин, выступая перед рабселькорами в конце 1928 г., говорил о примерно 25 млн хозяйств (см. с. 375 настоящего издания). И. В. Сталиным в мае 1928 г. называлась цифра в 24—25 млн. (Вопросы ленинизма.— XI изд.— ОГИЗ, 1939.— С. 185). По данным валоговой статистики на 1927 г., в стране насчитывалось 25 млн. хозяйств, однако в действительности их было тогда меньше 24 млн. В 1928—1929 гг. наблюдалось сокращение численности крестьянских хозяйств (см.: *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: население, хозяйство, землепользование.— М., 1977.— С. 210—212).

[4] Обстоятельный теоретико-экономический анализ механизма возникновения и последствий для народного хозяйства СССР расхождения между циклами воспроизводства в сельском хозяйстве и в промышленности на протяжении ряда лет, с середины 1920-х гг., был дан в печати известным советским партийным и хозяйственным деятелем Г. Я. Сокольниковым (Вопросы конъюнктуры // Плановое хозяйство.— 1928.— № 2.— С. 24—37). На эти материалы, вероятно, и опирался в своих рассуждениях Н. И. Бухарин.

[5] При проведении хлебозаготовок не было необходимой координации деятельности государственного аппарата (Хлебопродукт с его организациями на местах) и заготовительных организаций системы потребительской кооперации (Центросоюз). Кроме того, возникла конкуренция между различными органами кооперации. В этих условиях крестьянство стремилось попридержать хлеб для более выгодной продажи.

[6] Имеется в виду тезис, прозвучавший в выступлении Л. Б. Каменева на XIV съезде ВКП(б): «Получилось то, что не мы „регульнули" мужика в этом году, а мужичок „регульнул" нас» (*XIV* съезд ВКП(б). Стенографический отчет.— М.: Л., 1926.— С. 263). Из контекста достаточно очевидно следует, что под «мужичком» Л. Б. Каменев подразумевал именно кулака.

[7] *КПСС* в резолюциях и решениях...— Т. 4.— С. 317 (выделено Н. И. Бухариным).

[8] Еще в 1926/27 хоз. г. средний размер сельскохозяйственного налога на кулацкие хозяйства был повышен против предыдущего года на 58 % и превышал средний налог на бедняцкое хозяйство более чем в 100 раз, на середняцкое — почти в 6 раз. Налог был увеличен еще более в последующие годы.

[9] В 20-е гг. самообложение было важнейшей формой привлечения средств сельского населения на общественные, хозяйственные и культурные нужды деревни. До 1927 г. взносы по самообложению были уравнительными, с августа 1927 г. размер платежа определялся по сумме уплаченного сельхозналога.

[10] Статья 107 Уголовного Кодекса РСФСР предусматривала суровые санкции (лишение свободы на срок от одного до трех лет с полной или частичной конфискацией имущества) по отношению к лицам, виновным в скупке и спекуляции товарами. В январе 1928 г. И. В. Сталин предложил повернуть ее действие не только против спекулянтов, но и против непосредственных производителей, владельцев товарных запасов хлеба в случае отказа продавать его заготовительным организациям по

твердым ценам. Позицию И. В. Сталина по превращению указанной статьи в средство нажима на деревню для выполнения плана хлебозаготовок поддержали члены ЦК. По статье 107 привлекали к суду владельцев не только значительных хлебных излишков, но и бедняков и середняков, имевших страховые запасы хлеба. Эта практика задевала помимо кулачества и другие категории крестьянства. А. И. Рыков со ссылкой на данные Наркомата юстиции РСФСР указывал, что в апреле 1928 г. среди привлеченных к судебной ответственности по статье 107 кулаков и торговцев насчитывалось не более 2/3 (Правда.— 1928.— 15 июля). Возросшие судебные репрессии, дополнявшиеся административным произволом, легли в основу так называемой чрезвычайщины — системы мер внеэкономического воздействия на крестьянство.

[11] Советские органы передавали 25 % конфискуемого по суду у различных категорий крестьянства хлеба на условиях долгосрочного кредита деревенской бедноте, создавая тем самым у нее повышенную заинтересованность в выявлении хлебных запасов.

[12] *КПСС* в резолюциях и решениях...— Т. 4.— С. 319.

[13] Накануне XV съезда именно Н. И. Бухарин выступил с обоснованием необходимости наступления на кулачество (см.: *Бухарин Н. И.* Об итогах объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б): Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б) 26 октября 1927 года // Правда.— 1927.— 4 нояб.). Не случайно на съезде этот лозунг связывался с «бухаринской постановкой вопроса» (см.: *Пятнадцатый* съезд ВКП(б): Стенографический отчет.— М., 1962.— Т. 2.— С. 1229—1231).

[14] *Кондратьев Н. Д.* (1892—1938) — русский советский экономист-аграрник. Автор признанной мировой наукой теории длинных волн («кондратьевских циклов деловой активности»). В 1917 г. принимал участие в разработке проектов аграрных реформ. Занимал пост товарища (заместителя) министра продовольствия во Временном правительстве третьего коалиционного (последнего) состава. Затем — профессор Тимирязевской сельхозакадемии, директор Конъюнктурного института. Один из пионеров отечественной методологии перспективного планирования. В дискуссиях второй половины 20-х гг. отстаивал варианты углубления принципов нэпа. Незаконно репрессирован. Посмертно реабилитирован.

[15] *Вайнштейн А. Л.* (1892—1970) — русский советский экономист. В 20-е гг. занимался анализом экономической динамики с применением математических методов и оптимизационными расчетами в сельском хозяйстве. Наиболее известная работа — «Народный доход России и СССР» (М., 1969). Трижды был репрессирован.

[16] Конъюнктурный институт был создан в 1920 г. при Тимирязевской академии, позже передан в Наркомфин. С 1928 г. Конъюнктурный институт находился в ведении ЦСУ. При подготовке процесса так называемой трудовой крестьянской партии, руководство которой приписывалось Н. Д. Кондратьеву, институт был ликвидирован (1930). Институт издавал журнал «Вопросы конъюнктуры», статьи которого до сих пор не утратили научного значения.

[17] Пленум принял постановление о создании единого акционерно-

го общества по хлебозаготовкам — Союзхлеб. В него влились фактически все госзаготовительные организации. Заготовки кооператоров должны были регулироваться путем заключения генеральных договоров с Союзхлебом.

18 Согласно официальной версии того времени, в Шахтинском районе Донбасса в 1922—1923 гг. была создана вредительская организация, ставившая целью подрыв и разрушение угольной промышленности района. Суд по Шахтинскому делу длился с 18 мая по 5 июля 1928 г. Было арестовано 53 чел., из них осуждено 49, приговорено к расстрелу 11 чел. Пятеро казнены, четверо оправданы по суду. На Шахтинском деле была фактически отрепетирована технология будущих фальсифицированных процессов 1936—1938 гг. До начала процесса в партийных решениях и в печати уже формулировались пункты обвинения как безоговорочно доказанные. Н. И. Бухарин, как и большая часть высшего партийного руководства, не имел уже доступа к подлинной информации об организации и ходе следствия, находившегося под сталинским контролем. У Н. И. Бухарина и И. В. Сталина интерпретации шахтинских событий были различными. Первый делал акцент на вскрывшиеся в Донбассе пороки и бюрократические извращения в работе партийных, государственных и профсоюзных органов. Второй нацеливал на выявление вредительства в среде технической интеллигенции, нагнетая тем самым «спецеедческие» настроения на производстве.

19 «Стальной шлем» — монархический военизированный союз бывших фронтовиков, созданный в Германии в ноябре 1918 г. военными при поддержке крупных промышленников. Призывал к укреплению германского милитаризма, новым территориальным захватам. К началу 30-х гг. насчитывал около 500 тыс. членов, часть которых примкнула к национал-социалистам.

20 *Томский (Ефремов) М. П.* (1880—1936) — советский партийный и профсоюзный деятель. Член партии с 1904 г. Работал в пролетарских профсоюзах в Петербурге, Москве. Делегат V съезда РСДРП. Неоднократно подвергался репрессиям со стороны царизма. После Октябрьской социалистической революции — на руководящей профсоюзной работе, председатель ВЦСПС до весны 1929 г. В 1928—1929 гг. вместе с Н. И. Бухариным и А. И. Рыковым выступал против сталинского курса «большого скачка» в экономике ценой понижения жизненного уровня трудящихся, против усиления аппаратно-бюрократической тенденции во внутрипартийной жизни. В последующие годы работал в книгоиздательской области, возглавлял ОГИЗ. Покончил жизнь самоубийством.

Член ЦК в 1919—1934 гг. (кандидат с 1934 г.). Член Политбюро ЦК в 1922—1929 гг. Член ЦИК СССР, ВЦИК.

21 *Молотов (Скрябин) В. М.* (1890—1986) — советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1906 г. Накануне февральской революции — член Русского бюро ЦК РСДРП, работал в Петрограде, в период Октябрьской социалистической революции — член Петроградского ВРК. Позднее — на советской и партийной работе. В 1921—1930 гг. — секретарь ЦК, в 1930—1941 гг. — председатель СНК СССР, в 1941—1957 гг. — первый заместитель председателя СНК СССР (Совета Министров). После 1957 г. — посол в МНР, постоянный представитель СССР

при Международном агентстве по атомной энергии. С 1962 г.— на пенсии. В 1962 г. исключен из партии, в 1984 г.— восстановлен. Член ЦК в 1921—1957 гг. Член Политбюро, Президиума ЦК в 1926—1957 гг. (кандидат с 1921 г.). Член ЦИК СССР и ВЦИК. В. М. Молотов, входивший с начала 20-х гг. в ближайшее сталинское окружение, ответственен за свертывание норм внутрипартийной демократии, за проведение массовых репрессий в 30—40-е гг.

[22] *Ярославский (Губельман М. И.) Е. М.* (1878—1943)— советский партийный и государственный деятель, историк, публицист, академик АН СССР (1939). Член партии с 1898 г. Неоднократно подвергался репрессиям со стороны царизма. В период Октябрьской социалистической революции — член Московского ВРК. В 1919—1922 гг.— на партийной работе (на Урале, в Сибири). В 1921 г.— секретарь ЦК партии, 1923—1934 гг.— член Президиума и секретарь ЦКК (член КПК в 1934—1939 гг.). Член ЦИК СССР. Автор работ по истории партии, революции и гражданской войны в СССР.

[23] Н. И. Бухарин имел в виду прозвучавший в выступлениях И. В. Сталина на пленуме и перед активом московской парторганизации тезис о необходимости критики и самокритики как средства поднять «бдительность» и «политическую культурность» трудящихся (в первую очередь рабочего класса). И. В. Сталин, в частности, заявил: «Иногда ругают критиков за несовершенство их критики, за то, что критика оказывается иногда правильной не на все 100 процентов... Если вы будете требовать от них правильной критики на все 100 процентов, вы уничтожите этим возможность всякой критики снизу, возможности всякой самокритики. Вот почему я думаю, что если критика содержит хотя бы 5—10 процентов правды, то и такую критику надо приветствовать, выслушать внимательно и учесть здоровое зерно» (*Сталин И. В.*— Соч.— Т. 11.— С. 32—33). Прагматический смысл этого и другого сталинских высказываний («надо дать советским людям возможность „крыть своих вождей"») прояснился позднее, в ходе развернувшейся со второй половины 1928 г. кампании критики так называемого правого уклона в ВКП(б).

[24] В 20-е гг. «орабочение» звеньев политической системы осуществлялось благодаря выдвижению передовых, наиболее подготовленных рабочих (и крестьян) главным образом на административно-хозяйственную руководящую работу. Так, по данным за 1923—1927 гг., в 30 губерниях страны на руководящую партийно-советскую и хозяйственную работу было выдвинуто 25,6 тыс. рабочих. В 1927 г. среди 4 млн. служащих государственного аппарата 200 тыс. составляли рабочие-коммунисты; 4/5 всех рабочих, занятых в госаппарате, находились на руководящей работе.

[25] Среди обвиняемых по Шахтинскому делу было трое иностранных специалистов — Бадштибер, Майер и Отто (немцы по национальности и гражданству). Суд установил, что Майер и Отто были оговорены, и они, а также советские специалисты Потемкин и Штельбринг были оправданы. Бадштибер получил 1 год условно. В этом следует усматривать не беспристрастность советского суда, а силу многочисленных протестов, поступивших от немецкой стороны.

[26] В. М. Молотов в докладе о работе в деревне упомянул о так

называемом ряжском деле. В Борецкой волости Ряжского уезда Рязанской губернии на протяжении ряда лет орудовала банда, терроризировавшая крестьян. Ее члены, как показало расследование, были связаны с отдельными работниками уездного и губернского партийно-советских аппаратов (*XV съезд* ВКП(б): Стенографический отчет.— М., 1935.— Т. 2.— С. 1049—1050).

ТЕКУЩИЕ ЗАДАЧИ КОМСОМОЛА

Доклад на VIII Всесоюзном съезде ВЛКСМ

1928 г.

1 VIII съезд ВЛКСМ проходил 5—16 мая 1928 г. в Москве. В его работе приняли участие 1084 делегата, представлявших 1968 тыс. комсомольцев. В центре внимания съезда находились вопросы коммунистического воспитания молодежи в условиях социалистического строительства. Подробно рассмотрены вопросы труда и образования рабочей молодежи, активизации работы комсомола в деревне, ускорения подготовки новых кадров специалистов. Н. И. Бухарин выступил 6 мая, И. В. Сталин — в конце работы съезда. Доклад Н. И. Бухарина был опубликован в «Правде», 1928, 13 мая («О текущих задачах комсомола»).

В настоящем сборнике печатается по: *Текущие* задачи комсомола: Доклад на VIII Всесоюзном съезде ВЛКСМ 6 мая 1928 г.— М.: Молодая гвардия, 1928.

2 На XIV съезде ВКП(б) 30 декабря 1925 г. Н. И. Бухарин выступил с докладом «О работе комсомола». В принятой по докладу резолюции говорилось: «Развертывающиеся классовые противоречия и рост новой буржуазии в городе и деревне означают, таким образом, и развертывающуюся борьбу за молодежь» (*КПСС* в резолюциях...— Т. 3.— С. 462).

3 *Иванович Ст.*— меньшевик, публицист. После Октябрьской социалистической революции примыкал к крылу меньшевиков-«активистов», выступавших за вооруженную борьбу против Советской власти. В 1922—1925 гг. в эмиграции возглавлял меньшевистскую крайне правую группу «Заря».

4 «Бывшие люди»— широко использовавшийся в партийной пропаганде и публицистике 20-х гг. образ представителей непролетарских партий и групп, а также привилегированных в прошлом сословий. Так называлась одна из работ А. В. Луначарского, написанная по итогам процесса 1922 г. над группой правоэсеровских лидеров (*Луначарский А. В.* Бывшие люди: Очерк истории партии эсеров.— М., 1922).

5 *Гарви (Бронштейн) П. А.*— один из лидеров меньшевистской партии, оборонец. В эмиграции сотрудничал в меньшевистском издании «Социалистический вестник». Опубликованы его воспоминания: *Гарви П. А.* Воспоминания социал-демократа: Статьи о жизни и деятельности П. А. Гарви.— Нью-Йорк, 1946.

6 В «Правде» (1928 — 8 апр.) материал был опубликован под на-

аваиием: «Разрыв тт. Аитонова-Овсееико и Крестииского с троцкистской оппозицией».

[7] В приведеной цитате имеются разиочтения с текстом К. Маркса, Ф. Эигельса, опубликоваиным во 2-м издаиии: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— 2-е изд.— Т. 3.— С. 70.

[8] Выражеиие из «Критики Готской программы» (*Маркс К., Энгельс Ф.*— Соч.— 2-е изд.— Т. 19.— С. 18).

[9] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— 2-е изд.— Т. 7.— С. 7.

[10] Баптомолы, христомолы — молодежиые религиозпые оргаиизации.

[11] «Союз русского иарода»— чериосотеиная оргаиизация в России в 1905—1917 гг. Создана для борьбы с революционым движеиием. Лидеры — А. И. Дубровин, В. М. Пуришкевич и др. Программные положеиия выражали требоваиия единства и иераздельиости России, сохранения самодержавия, религиозиую и национальиую нетерпимость. Из демагогических соображеиий выдвигались лозуиги критики бюрократии, уравиения прав всех сословий, государствениого страховаиия для рабочих, пропагаиды трезвости и т. д. После февральской революции организация была распущеиа.

[12] *Трейвас Б. Е.* (1898—1937) — советский, комсомольский и партийиый деятель. Член партии с 1918 г. С 1920 г. иа комсомольской работе в Петрограде, аатем в Москве. В 1923 г. в составе группы членов ЦК РКСМ подписал письмо в поддержку Л. Д. Троцкого. В 1926—1929 гг.— слушатель Свердловского коммунистического университета в Москве, в 1930—1937 г. иа партийиой работе в Москве и Калуге (секретарь райкома). Необоснованио репрессироваи. Посмертио реабилитироваи.

[13] С петровских времен символом самодержавной государствеиной власти был трехцветиый (бело-сиие-красиый) флаг.

[14] «Разумейте, языцы, и покоряйтеся: яко с нами бог» (*Библия*, книга пророка Исайи, гл. 8, стихи 8, 9, 10).

[15] Высказываиие прииадлежит известиому германскому социал-демократу, одиому из осиователей II Иитериационала Августу Бебелю.— См. с. 192 настоящего издания.

[16] Из стихотвореиия Д. Давыдова «Современная песия».

[17] См.: *Ленин В. И.* Поли. собр. соч.— Т. 41.— С. 27.

[18] *Чаплин Н. П.* (1902—1938) — одии из лидеров комсомола. В партии с 1919 г. Создатель одиой из первых ячеек комсомола в в Смолеиске (1918), секретарь ряда губкомов РКСМ, с 1922 г.— секретарь ЦК ВЛКСМ. В 1924—1928 гг.— первый генеральный секретарь ЦК РКСМ. В 1924—1934 гг.— каидидат в члены ЦК ВКП(б). Член ВЦИК, ЦИК СССР, Оргбюро ЦК. С 1928 г. иа партийиой и хозяйственной работе. Незакопио репрессироваи. Посмертио реабилитирован.

[19] В работе «Детская болезиь „левизны" в коммуиизме» В. И. Ленин писал: «Уиичтожить классы — значит ие только прогиать помещиков и капиталистов — ато мы сраанительпо легко сделали — это аиачит также *уничтожить мелких товаропроизводителей*, а их н е л ь з я п р о г и а т ь, их иельзя подавить, с иими *надо ужиться*, их можио (и должио) переделать, перевоспитать только очень длительиой, медленной, осторожной оргаиизаторской работой» (Поли. собр. соч.— Т. 41.— С. 27).

[20] Группа помощи РКИ — одна из форм массового общественного контроля. Группы начали создавать еще с 1923 г., но только с 1928 г. они получили широкое распространение. Представляли собой избираемые из среды рабочих постоянно действовавшие органы, тесно связанные с местными органами РКИ, но лишенные самостоятельных административных прав.

[21] Ежемесячный орган «Бюллетень ЦКК ВКП(б) — НК РКИ СССР и РСФСР» издавался в 1926—1929 гг.

[22] Речь идет о выступлении Н. И. Бухарина на XVI Московской губернской конференции ВКП(б) 20 декабря 1927 г. См. с. 240 настоящего издания.

[23] 11 января 1921 г. Оргбюро ЦК РКП(б) приняло постановление о создании Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Сначала Институт находился при Социалистической академии, с 1922 г. — при ВЦИК, с 1924 г. — при ЦИК СССР. Одни из его основателей и первый директор — Д. Б. Рязанов. В 1931 г. решением Президиума ЦИК СССР Институт К. Маркса и Ф. Энгельса был объединен с Институтом В. И. Ленина, создан Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б).

[24] *Рязанов (Гольдендах) Д. Б.* (1870—1938) — революционный деятель, ученый, один из крупнейших исследователей наследия К. Маркса и Ф. Энгельса, академик АН СССР (1929). Участник российского революционного движения с 1890-х гг., подвергался репрессиям со стороны царизма, эмигрировал. Читал лекции в партийной школе Лонжюмо. На VI съезде партии (1917) принят в РСДРП(б). После Октябрьской социалистической революции — на руководящей профсоюзной работе. Стоял на ошибочных позициях во время дискуссии о профсоюзах. Первый директор Института Маркса и Энгельса (1921—1931). В 1931 г. исключен из партии и лишен звания действительного члена АН СССР в связи с обвинениями, выдвинутыми против него на сфальсифицированном процессе «Союзного бюро меньшевиков». Незаконно репрессирован. Посмертно реабилитирован.

[25] «Классовое руководство обеспечивается при наличии выдержанной революционно-марксистской линии наиболее чистым социальным составом главенствующей партии. Следующее поколение, организационно закрепленное в комсомоле, опираясь прежде всего на рабочий состав, может расширять свой социальный базис; наконец, организация юных пионеров должна захватывать и сплачивать — под руководством комсомольцев и коммунистически обработанных педагогов — еще более широкие по своему социальному составу круги» (*Из резолюции* XIII съезда РКП(б) «О работе среди молодежи» // КПСС в резолюциях и решениях...— Т. 4.— С. 273).

[26] Коммунистический интернационал молодежи (КИМ) — международная молодежная организация (1919—1943), секция Коминтерна. В создании КИМ активно участвовал В. И. Ленин. Состоялось шесть конгрессов КИМ. Значительный урон его работе был нанесен начавшимися с 1937 г. необоснованными репрессиями против руководящих кадров ВЛКСМ и КИМ. В мае 1943 г. вслед за роспуском Коминтерна был также распущен КИМ.

[27] В 1928 г. за мужество и отвагу, проявленные в гражданской войне, комсомол был награжден Орденом Красного Знамени.

ЗАМЕТКИ ЭКОНОМИСТА

К началу нового хозяйственного года

1928 г.

[1] Статья была приурочена ко времени подведения итогов одного хозяйственного года (1927/28) и наметок на очередной (1928/29). Хозяйственный год не совпадал тогда с календарным и начинался с 1 октября. Эта дата в 1928 г. совпадала с началом первой пятилетки, поэтому ретроспективный и перспективный анализ экономического развития страны, предпринятый Н. И. Бухариным, был особенно актуальным. Появление 30 сентября 1928 г. в газете «Правда» статьи ее редактора явилось логическим звеном в отстаивании Н. И. Бухариным стратегии социально-экономического развития страны на базе углубления принципов нэпа.

Не случаен и выбор названия статьи: Е. А. Преображенский, теоретический оппонент Н. И. Бухарина, одну из статей в обоснование курса на форсированную индустриализацию назвал «Экономические заметки» (Правда.— 1925.— 15 дек.). В скрытой под видом полемики с троцкизмом форме Н. И. Бухарину удалось публично обнажить главнейшие пороки системы сталинского командно-бюрократического руководства страной буквально в самый момент ее утверждения (чрезвычайщина, волюнтаризм в решении экономических вопросов, пренебрежение наукой и др.), показать последствия этих пороков и, что особенно важно, средства их преодоления.

В настоящем сборнике печатается по: Правда.— 1928 г.— 30 сентября.

[2] Standort — местоположение (нем.). «Штандортные» теории ставят целью определение наиболее выгодного размещения отдельных предприятий с точки зрения издержек производства и других экономических факторов. Впервые наиболее развернутые положения теории были даны немецким экономистом А. Вебером (1909).

[3] Здесь полемическая передержка: Бруцкус не был «беглым».

Бруцкус Б. Д. (1874—1938) — ученый, экономист-аграрник. С 1908 г. преподавал в Петербургском (Петроградском) сельскохозяйственном институте, профессор. Автор ряда работ по аграрному развитию России, сторонник аграрной политики П. А. Столыпина. Октябрьскую социалистическую революцию расценивал как историческую аномалию. Один из создателей журнала «Экономист», на страницах которого (1922.— № 1/3) изложил свою позицию по проблемам экономики страны, дав критический анализ положений зарождавшейся теории политэкономии социализма. Летом 1922 г. журнал был закрыт, а Б. Д. Бруцкус с некоторыми членами редколлегии выслан за границу, в Германию. Был одним из инициаторов создания Русского научного института в Берлине. Получил признание в западном мире как крупный специалист по проблемам советской экономики, дал глубокий анализ итогов первой пятилетки. После прихода фашистов к власти в Германии эмигрировал в Израиль, был профессором экономики сельского хозяйства в Иерусалимском университете. Автор книг: Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта.— Берлин,

1923 (на рус. яз.); Экономическое планирование в советской России.— Лондон, 1935 (на англ. яз.).

[4] Рига в то время была одним из центров белоэмиграции.

[5] Имеются в виду братья О. и Н. Чемберлены.

Чемберлен (*Chamberlain*) *Остин* (1863—1937) — английский государственный деятель. В 1924—1929 гг.— министр иностранных дел Англии, один из вдохновителей разрыва дипломатических отношений с СССР в мае 1927 г. и попыток организовать новую военную интервенцию против нашей страны.

Чемберлен Невилл (1869—1940) — один из лидеров консервативной партии. В 1924—1929 гг.— министр здравоохранения Англии.

[6] Проекты расширения посевных площадей обсуждались в советских, партийных и хозяйственных органах, начиная с 1918 г. Экстенсивное увеличение производства сельскохозяйственной продукции было действительно необходимым элементом экономического развития в условиях аграрного перенаселения. Увеличение производства хлеба рассматривалось не только как способ решения продовольственной проблемы, но и как дополнительный источник валютных поступлений для проведения индустриализации.

[7] Исследования причин и протекания кризисов в условиях плановой советской экономики были довольно обычными в то время. Например, о возникновении и механизме проявления кризисных явлений в экономике переходного периода один из крупнейших советских экономистов-плановиков В. А. Базаров написал главу в книге: *Капиталистические* циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР.— М.; Л., 1927. Запрет на данную тему был наложен с провозглашением «великого перелома» (1929). Публикуемая статья Н. И. Бухарина была одной из последних, открыто обсуждавших эту проблему.

[8] Признание возможности обострения классовой борьбы на отдельных кризисных этапах развития не имеет ничего общего с тезисом об обострении классовой борьбы, выдвинутым И. В. Сталиным и послужившим теоретическим обоснованием термидорианской «революции сверху» и массовых репрессий.

Выступая с докладами и статьями в партийной публицистике, Н. И. Бухарин отстаивал трактовку нэпа в широком понимании как программу перехода от «гражданской войны» к «гражданскому миру», переход к новым формам классовой борьбы — от военной и политической к борьбе экономической, к конкуренции укладов, к государственному регулированию экономики, к согласованию интересов непролетарских слоев с задачами Советской власти.

[9] Здесь имеется в виду, вероятно, позиция Е. А. Преображенского, высказанная им в статье «Экономические заметки. О товарном голоде» (Правда.— 1925.— 15 дек.). По мнению последнего, товарный голод являлся неизбежным атрибутом тогдашней экономической ситуации в условиях резко выросшего после революции потребления народных масс (особенно крестьянства) и не мог быть преодолен иначе, как путем ускорения индустриального развития страны, а это, в свою очередь, требовало усиленного формирования фонда накопления для нужд промышленности.

[10] В вопросе о природе и функциях планирования в советской экономике 20-х гг. прочитывается полемика с И. В. Сталиным, который в 1927 г. на XV съезде ВКП(б) утверждал необходимость перехода к сильно централизованному, директивному планированию: «Наши планы есть не планы-прогнозы, не планы-догадки, а планы-*директивы*...» (*Сталин И. В.* Соч.— Т. 10.— С. 327).

[11] Обращение здесь и далее к «давнишней полемике с троцкистами» и ее актуализации обнаруживают несомненный антисталинский подтекст. Н. И. Бухарину становился очевидным тот факт, что ключевые положения «Новой экономики» Е. А. Преображенского оказываются «своими» для И. В. Сталина в обосновании им курса «большого скачка» в экономике. Ныне очевидна корреляция ряда сталинских аргументов (о правильности политики взимания с крестьянства нечто вроде «дани» для нужд индустриализации (1928 г.) (Соч.— Т. 11.— С. 188), о необходимости «пробежать» в десять лет расстояние, отделяющее страну от уровня развития передовых капиталистических стран, «либо нас сомнут» (1931 г.) (Соч.— Т. 13.— С. 39—41)) со следующими высказываниями Е. А. Преображенского (1926 г.): «...такая страна, как СССР, с ее разоренным и достаточно вообще отсталым хозяйством должна будет пройти период первоначального накопления, очень щедро черпая из источников досоциалистических форм хозяйствования... Пробежать быстрей этот период, поскорей достигнуть момента, когда социалистическая система развернет все свои основные преимущества над капитализмом — это есть вопрос жизни и смерти для социалистического государства» (Новая экономика.— 2-е испр. и доп. изд.— М., 1926.— С. 99—100).

[12] См. с. 122 настоящего издания.

[13] В июле 1928 г., после Пленума ЦК, Л. Д. Троцкий, исключенный из партии и находившийся в Алма-Ате, обратился к VI Конгрессу Коминтерна (проходил 17 июля — 1 сентября 1928 г.) с заявлением, в котором обвинил руководство партии в том, что оно идет за «правым» крылом.

[14] На 1925/26 хоз. г. были разработаны первые годовые контрольные цифры, выведенные из межотраслевого баланса (см.: Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/26 г.— М., 1925).

[15] Слагаемые доходов сельского населения находились под особым вниманием тогдашней экономической науки: объемы доходов определили допустимые масштабы перераспределения национального дохода между сельским хозяйством и промышленностью. Структуру внеземледельческих доходов (заработков) у различных крестьянских групп анализировал А. В. Чаянов. По его мнению, «не более 1/3 всего запаса сельского труда» использовалось непосредственно в сельском хозяйстве, что свидетельствовало о значительном аграрном перенаселении и потенциально широких возможностях обеспечения индустриализации рабочей силой (см.: *Энциклопедический* словарь Русского библиографического института Гранат.— 7-е изд.— Т. 41, ч. 2.— С. 40—41 (ст. «Сельское хозяйство СССР»).

[16] Современники сильно преувеличивали крестьянское благополучие в середине 20-х гг. Особенно грубые (и «роковые» для деревни) ошибки были допущены в определении переходящих запасов хлеба в крестьянских хозяйствах: к осени 1927 г. их оце-

нивали в 800—900 млн пудов. В действительности после хлебозаготовок зимы и весны 1928 г. эти запасы не превышали 150—200 млн пудов (см.: *ЦСУ* СССР. Основные элементы и продукция сельского хозяйства СССР за 1925/26—1928/29 гг.— М., 1928.— С. 32, 119—125).

[17] В данном случае аргументация Н. И. Бухарина оказалась весьма односторонней. Он был прав, выступая против преувеличения хлебных запасов деревни: «изобилия хлеба» в стране на самом деле не было. Но при обсуждении источников кризиса хлебозаготовок Н. И. Бухарин не учитывал влияния фактора товарного голода: огромный и быстро нараставший дефицит промышленных товаров лишал крестьянское хозяйство стимула к продаже хлеба, а тем самым и к его производству. В выступлении на IV совещании рабселькоров (ноябрь 1928 г.) Н. И. Бухарин говорил об этом и сам (см. с. 377 настоящего издания).

[18] Н. И. Бухарин повторил весьма распространенную в то время точку зрения, объяснявшую трудности в развитии сельскохозяйственного производства измельчанием крестьянского хозяйства, которое связывалось с увеличением их численности (главным образом в результате семейно-имущественных разделов) при отсутствии доступных для обработки свободных земель. В России этот «естественно-исторический» процесс был зафиксирован достаточно давно. В пореформенное время он стал доступен измерению. На сопоставимой части Европейской России (21 губерния) состав крестьянского двора уменьшился с 6,05 душ обоего пола в 1880-х гг. до 5,77 душ в 1916 г. и 5,11 душ в 1927 г. Заметно уменьшалась и землеобеспеченность крестьянского двора. Однако аграрная революция, являвшаяся составной частью Великой Октябрьской социалистической революции, резко увеличила крестьянское землепользование и тем самым прервала процесс измельчания хозяйств. По исчислениям Наркомзема РСФСР, на европейской территории федерации средний земельный надел крестьянского двора в 1916 г. был равен 10,08 га, в 1927 г.— 13,23 га. В этих условиях даже рост численности крестьянских хозяйств сопровождался ростом их размеров: за 1927 г., например, при росте числа хозяйств на 1,4 % посевные площади выросли на 1,9 %. Слом нэпа уже с 1928 г. привел к сокращению численности крестьянских хозяйств. Тем самым был снят и вопрос о пресловутом «измельчании». Сказанное не означает полного отрицания воздействия семейно-имущественных разделов на хозяйство, которое было сложным (см.: *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство.— М., 1977.— С. 218—221.)

[19] «...Наименее благоприятно условия 1927/28 г. сказались на экспортной проблеме. Внешнеторговый баланс 1927/28 г. сведен с пассивным сальдо. Состояние внутреннего рынка за последние годы не позволяло форсировать экспорта за счет сельского хозяйства...»— говорилось в решениях ноябрьского (1928 г.) Пленума ЦК (*КПСС* в резолюциях...— Т. 4.— С. 380).

Упоминаемое пассивное сальдо составило 0,5 млрд руб. Активный торговый баланс по сценарию, очерчиваемому автором статьи, имел место только в годы второй пятилетки.

[20] См.: Там же.— С. 277.

[21] В решениях XV съезда партии говорилось: «Активный торговый баланс наряду с увеличением добычи золота в стране яв-

ляется основным источником обраaования валютного резерва, который особенно необходим в связи с обострением отношений между капиталистическим миром и СССР, а также возможностью недорода или неурожая.

В связи с последними обстоятельствами пятилетний план должен отвести крупное место накоплению резервов вообще: натуральных, товарных и валютных. Накопление этих резервов должно быть совершенно необходимой страховкой, оберегающей СССР от крупных колебаний конъюнктур международного рынка, возможностей хозяйственной и кредитно-финансовой частичной или общей блокады, неурожая внутри страны, а также и прямого вооруженного нападения на Союз пролетарских республик» (Там же.— С. 280).

[22] В оригинале:

«Ходить бывает склизко
По камешкам иным.
Итак, о том, что близко,
Мы лучше помолчим»

(*Толстой А. К.* Собр. соч.: в 4 т.— М., 1963.— Т. 1.— С. 398).

[23] Газета «Экономическая жизнь» была органом ВСНХ. В то время периодические издания более четко отражали интересы издававших их организаций и органов.

[24] *Межлаук В. И.* (1893—1938) — советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1917 г. На руководящей хозяйственной работе с 1920 г. В 1926—1931 гг.— начальник Главметалла, в 1934—1937 гг.— председатель Госплана СССР, член ЦК с 1934 г. (кандидат с 1927 г.). Член ЦИК СССР. Незаконно репрессирован. Посмертно реабилитирован.

[25] *Бём-Баверк* (*Böhm-Bawerk*) *Эйген* (1851—1914) — известный австрийский экономист, один из основателей теории предельной полезности.

После бегства из архангельской ссылки Н. И. Бухарин оказался за границей и провел зиму 1912/13 г. в Вене, где слушал лекции Бём-Баверка. В 1919 г. он выпустил книгу «Политэкономия рантье. (Критика теории ценности и прибыли австрийской школы)», в которой критически проанализировал взгляды Бём-Баверка. Книга посвящена «Товарищу Н. Л.». За этими инициалами многие склонны видеть В. И. Ленина, одним из псевдонимов которого был «Николай Ленин».

[26] «Металлопромышленность ГУМП» — имеется в виду металлопромышленность, находившаяся в ведении Главного управления металлопромышленности ВСНХ (ГУМП).

[27] *КПСС* в резолюциях...— Т. 4.— С. 277—278.

[28] *faux frais* — пустые хлопоты (фр.).

ТЕКУЩИЙ МОМЕНТ И ЗАДАЧИ ПЕЧАТИ

Доклад и заключительное слово
на IV совещании рабселькоров
1928 г.

[1] Четвертое Всесоюзное совещание рабкоров, селькоров, военкоров и юнкоров при «Правде» и «Рабоче-крестьянском корреспонденте» состоялось в Москве 28 ноября — 7 декабря 1928 г. 28 нояб-

ря 1928 г. Н. И. Бухарин выступил с докладом на открытии совещания и затем (30 ноября) с заключительным словом. Находясь у истоков массового рабселькоровского движения и направляя его развитие в 20-е гг., Н. И. Бухарин в своих, ставших традиционными, выступлениях перед участниками всесоюзных совещаний умел глубоко осмыслить и вскрыть как позитивные тенденции, так и трудности и противоречия данного движения. В этом выступлении перед рабселькорами Бухарин сознательно углубил и полемически заострил проблему наличия альтернативных подходов (командно-бюрократического и демократического, основанного на развитии общественных начал и инициатив) к решению стоящих перед страной актуальных задач.

В настоящем сборнике печатается по: *Четвертое* Всесоюзное совещание рабкоров, селькоров, военкоров и юнкоров при «Правде» и «Рабоче-крестьянском корреспонденте» (28 ноября — 7 декабря 1928 г.): Стеногр. отчет.— М.: Изд. газ. «Правда», 1929.— С. 6—19 (доклад); С. 61—70 (заключительное слово).

2 Имеется в виду VI Конгресс Коминтерна, который сформулировал вывод об обострении общего кризиса капитализма и усилении опасности новой мировой войны, призвал международный рабочий класс к усилению борьбы против военной опасности.

3 Имеются в виду события весны 1927 г. (провокационные нападения английской полиции на акционерное общество Аркос и советское торгпредство в Лондоне), повлекшие за собой разрыв англо-советских дипломатических отношений.

4 Программа всеобщего и полного разоружения была представлена советской делегацией на IV сессии подготовительной комиссии Лиги Наций, открывшейся 30 ноября 1927 г. Обсуждение советского проекта конвенции «О немедленном полном и всеобщем разоружении» состоялось на V сессии подготовительной комиссии в марте 1928 г. (проект был отклонен).

5 *Хикс* (*Hicks*) *Джойнсон* — министр внутренних дел консервативного правительства Англии (1924—1929), активный сторонник разрыва отношений с СССР.

6 *Пуанкаре (Poincaré) Раймон* (1860—1934) — французский политический деятель, умеренный республиканец. Один из организаторов антисоветской интервенции. Был один из создателей Версальской системы. Во второй половине 20-х гг.— сторонник франко-германского сближения с целью использования Германии в борьбе против СССР.

7 *Муссолини* (*Mussolini*) *Бенито* (1883—1945) — фашистский диктатор Италии в 1922—1945 гг. Политическую карьеру начал в социалистической партии, из которой был исключен в 1914 г. В 1919 г. основал фашистскую партию. В 1922 г. при содействии монополий, монархии и Ватикана захватил власть и установил фашистскую диктатуру. В 1945 г. казнен итальянскими партизанами.

8 *Ульянова М. И.* Рабкоровское движение за границей и международная связь.— М., 1928.

Ульянова М. И. (1878—1937) — деятель партии и советского государства, журналист. Сестра, ближайший помощник В. И. Ленина. Член партии с 1899 г. Неоднократно подвергалась репрессиям со стороны царизма. С марта 1917 до весны 1929 г.— ответственный секретарь «Правды», одна из организаторов раб-

селькоровского движения. С 1925 г.— член ЦКК, с 1934 г.— член Комиссии советского контроля. Член ЦИК СССР.

[9] Очевидно, имеется в виду следующее положение, сформулированное в решениях XV конференции ВКП(б) (1926 г.): «Необходимо стремиться к тому, чтобы в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран» (*КПСС* в резолюциях и решениях...— Т. 4.— С. 72. См. также: Там же.— С. 369).

[10] Такая задача была подчеркнута июльским (1928 г.) Пленумом ЦК ВКП(б), принявшим резолюцию «Об организации новых (зерновых) совхозов» (Там же.— С. 354—355).

[11] В конце 20-х гг. середняцкие и бедняцкие хозяйства давали 74 % всей товарной зерновой продукции страны (*XVI* конференция ВКП(б). Стенограф. отчет.— М., 1962.— С. 276—277). На июльском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) было отмечено, что индивидуальное хозяйство «значительное время будет еще базой зернового хозяйства в стране» (*КПСС* в резолюциях и решениях...— Т. 4.— С. 350).

[12] Это суждение не расходилось с преобладавшим в то время представлением о том, что социалистическое обобществление крестьянских хозяйств должно осуществляться только на базе высокоразвитой технической базы. В ходе последовавшей затем массовой коллективизации социальная и техническая реконструкции сельского хозяйства развертывались одновременно, значительная часть колхозов создавалась на «мануфактурной» технической базе. В соответствии с этими реалиями суждения, подобные приведенным, стали расцениваться как оппортунистические.

[13] См. более подробный анализ проблемы в статье «Заметки экономиста», с. 354 настоящего издания.

[14] Имеются в виду уже ранее раскритикованные идеи Л. Д. Троцкого о «сверхиндустриализации», которые следует рассматривать как возражение против все более проявлявшегося стремления И. В. Сталина к форсированию темпов социалистического строительства.

[15] Это соответствует положениям В. И. Ленина, сформулированным, в частности, в работе «Как нам реорганизовать Рабкрин»: «...в последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом...» (Полн. собр. соч.— Т. 45.— С. 387).

[16] *Сект* (*Seeckt*) *Ханс, фон* (1866—1936) — немецкий военный и политический деятель. В 1920—1926 гг.— командующий рейхсвера. Осенью 1923 г., сосредоточив в своих руках всю исполнительную власть, руководил подавлением революционного движения в стране. Приветствовал приход к власти нацистов. В последние годы жизни (1934—1935) — главный военный советник в составе немецкой военной миссии при гоминьдановском правительстве в Китае. Автор ряда книг.

[17] *Кон Ф. Я.* (1864—1941)— деятель российского и международного революционного движения. Подвергался репрессиям со стороны царизма. Участник революции 1905—1907 гг. С 1906 г.— один из руководителей Польской социалистической партии. С 1907 по 1917 г. находился в эмиграции. В РКП(б) вступил в 1918 г. Один из организаторов Международной организации по-

мощи борцам революции (МОПР). Активный работник Коминтерна, в 1922—1923 гг.— секретарь ИККИ. Был редактором газет «Красная звезда», «Рабочая газета». В 1931—1933 гг.— председатель Всесоюзного радиокомитета. В последние годы жизни — редактор журнала «Наша страна» (1937—1941). Член ВЦИК, ЦИК СССР и его Президиума.

[18] Речь идет о повышении активности масс на основе совершенствования хозяйственного механизма, развитии социалистической демократии. См. также «Заметки экономиста», с. 365 настоящего издания.

[19] Надворный советник — в Российской империи гражданский чин 7-го класса. Чиновники данного класса являлись, как правило, столоначальниками («стол»— низшая структурная часть в государственных учреждениях).

[20] «Рассудку вопреки, наперекор стихиям»— слова Чацкого из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действие 3, явление 22).

[21] В 1928 г. начальником Главискусства был А. И. Свидерский.
Главнаука — Главное управление научными, научно-художественными, музейными и по охране природы учреждениями Наркомпроса РСФСР (с 1930 г.— сектор науки Наркомпроса). В этот период начальником Главнауки был старый большевик М. Н. Лядов.

[22] Грустиловы, Негодяевы, Великановы, Угрюм-Бурчеевы — ставшие нарицательными персонажи романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города», отразившие в себе характерные социально-психологические типы дореволюционного российского чиновничества.

[23] «Бюрократические извращения, невнимание к нуждам трудящихся, вопиющая косность и преступная волокита нередко подрывают работу госорганов»,— из резолюции «О вербовке рабочих и регулировании роста партии», принятой ноябрьским (1928 г.) Пленумом ЦК ВКП(б) (*КПСС* в резолюциях...— Т. 4.— С. 388).

[24] Речь идет о персонаже романа И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев»— поэте-халтурщике Никифоре Ляпис-Трубецком.

[25] В оригинале: «Дело помощи утопающим — дело рук самих утопающих» (*Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев).

[26] 2 июня 1928 г. ЦК партии принял обращение ко всем членам партии, ко всем рабочим, в котором был выдвинут лозунг самокритики — «„*не взирая на лица*", *критики сверху донизу и снизу доверху...*» (*КПСС* в резолюциях и решениях...— Т. 4.— С. 339).

[27] Здесь и далее Н. И. Бухарин употребляет термины «народный труд», «народная трудовая сила» и др. В представленном от имени А. И. Рыкова проекте тезисов ЦК о первом пятилетнем плане (весна 1929 г.) утверждалось, что «центральной идеей и основным показателем пятилетнего плана является запроектированный в нем огромный рост производительности народного труда» (цит. по: *Ваганов Ф. М.* Правый уклон в ВКП(б) и его разгром (1928—1930 гг.)— М., 1970.— С. 208). Эти высказывания современниками и позднейшими исследователями квалифицировались как проявления оппортунизма и были превращены в объект критики — столь же резкой, сколько и беспочвенной. В условиях нэповской многоукладности экономи-

ческие показатели складывались благодаря труду народа во всех секторах экономики, а не только в обобществленном.

[28] *КПСС* в резолюциях и решениях...— Т. 4.— С. 375.

[29] Там же.— С. 374.

[30] Там же.— С. 375.

[31] Там же.— С. 381—382.

[32] Начальный период реконструкции (1926—1927) характеризовался наличием в составе советского рабочего класса двух социальных слоев: кадровые рабочие, составлявшие не менее двух третей всех рабочих промышленности; так называемые формирующиеся рабочие, к которым относились недавние в прошлом выходцы из непролетарских групп. К 1929 г. соотношение между этими группами существенно изменилось в направлении, отмеченном Н. И. Бухариным. Потомственные рабочие составили 52,2 %, выходцы из крестьян — 42,6, выходцы из служащих — 3,3, выходцы из зажиточных элементов — 1,9 %.

[33] Накануне ноябрьского (1928 г.) Пленума ЦК противоречия в Политбюро между И. В. Сталиным и его сторонниками, с одной стороны, и Н. И. Бухариным, А. И. Рыковым и М. П. Томским — с другой достигли такой остроты, что последние подали заявления об отставке. В сложившихся условиях И. В. Сталин вынужден был пойти на компромисс. Резолюция Пленума по экономическим вопросам в целом была выдержана в духе решений XV съезда. Однако начавшаяся с осени 1928 г. политическая кампания борьбы против так называемого правого уклона не только не прекратилась, но и усилилась, велась изощренно. Так, Н. И. Бухарин в своем выступлении перед рабселькорами оказался лишенным возможности анализировать одну из ключевых проблем — партийное руководство печатью стало фактически темой доклада Е. М. Ярославского — о чем недвусмысленно дал понять делегатам в начале и при завершении заключительного слова.

СПИСОК РАБОТ Н. И. БУХАРИНА *

1912

1. 13-й съезд итальянской социалистической партии // Просвещение.— Спб., 1912.— № 8/9.— С. 39—48.

ПРАВДА

2. В Австрии: (От нашего корреспондента) // 7 окт.
3. Источники «патриотизма» // 10 окт.
4. Партейтаг австрийско-немецкой социал-демократии // 31 окт.; 1 нояб.; 2 нояб.
5. Международный пролетариат против войны // 3 нояб.
6. Отклики // 11 нояб.
7. Война и австрийский рабочий класс: (Письмо из Вены) // 20 нояб.
8. Австро-Венгрия: (От нашего корреспондента) // 25 нояб.
   Об отношении австрийского пролетариата к войне.
9. Новый избирательный закон в Венгрии: (От нашего корреспондента) // 22 дек.

1913

10. Борьба за всеобщее избирательное право в Венгрии // Просвещение.— Спб., 1913.— № 5.— С. 51—56.
11. Карл Маркс и современная политическая экономия буржуазии // Там же.— № 7/8.— С. 29—43.
12. Политическая экономия без ценности: (Социальная теория распределения) // Основные проблемы политической экономии.— М.; Пг., 1922.— С. 475—498.— То же.— Атака.— М., 1924.
    О работе М. И. Туган-Барановского «Социальная теория распределения».— 1913. Опубликована впервые в журнале «Neue Zeit».— 1913/1914.— № 1.
13. Теоретическое примиренчество: (Теория ценности г. Туган-Барановского) // Атака.— М., 1924.— С. 14—24. Написана для журнала «Просвещение» в 1913—1914 гг.
    О работе М. И. Туган-Барановского «Основы политической экономии».— 1911.
14. Фокус-покусы г-на Струве // Просвещение.— Спб., 1913.—

* Работы названы в последовательности, соответствующей времени их создания.

№ 12.— С. 81—89.— То же.— Атака.— М., 1924. О книге: П. Струве. Хозяйство и цена.— М., 1913.

15. Eine Ökonomie ohne Wert // Die Neue Zeit.— 1913/1914.— Bd 1.— N 22.— S. 806—816; N 23.— S. 850—885.— То же.— № 12.

1914

16. [Рецензия] // Просвещение.— Спб., 1914.— № 1.— С. 103—104.— Рец. на кн.: Oppenheimer F. Die soziala Frage und Sozialismus.— Jena, 1912.
17. [Рецензия] // Там же.— С. 105—106.— Рец. на кн.: Новые идеи в экономике.— Спб., 1913.— Сб. № 1.
18. [Рецензия] // Там же.— № 5.— С. 106—107.— Рец. на кн.: Штокман. Политико-экономические этюды.— Спб., 1914.
19. Теория либерального социализма // Атака.— М., 1924.— С. 51—77.
    О книге Ф. Оппенгеймера «Социальный вопрос и социализм».— 1912. Статья написана для журнала «Neue Zeit», но не была опубликована.
20. Теория субъективной ценности Бём-Баверка // Просвещение.— Спб., 1914.— № 3.— С. 34—43.
    О книге Е. Бём-Баверка «Основы теории ценности хозяйственных благ».— Спб., 1903.

1915

21. Мировое хозяйство и империализм // Коммунист.— Женева: Изд. П. и Н. Киевских, 1915.— № 1/2.— С. 4—48.— Другие издания.— См. № 58.
22. Тезисы Н. И. Бухарина, предложенные на Бернской конференции заграничных секций РСДРП 27 февраля 1915 г. // Пролетар. революция.— 1930.— № 1.— С. 44.— То же.— Ленинский сборник.— 1934.— Т. 27.— С. 198. См. также № 23.
23. О лозунге права наций на самоопределение // Очерки по истории Октябрьской революции.— М.; Л.: Гос. изд-во, 1927.— Т. 1.— С. 516—518.— Совместно с Пятаковым Ю., Бош Е.— То же.— Пролетар. революция.— 1930.— № 1.
    Тезисы выступления Н. И. Бухарина на Бернской конференции РСДРП в феврале 1915 г.
    Об этих тезисах см.: *Ленин В. И.* О рождающемся направлении «империалистического экономизма» // Полн. собр. соч.— Т. 30.— С. 59—67; Письмо Г. Л. Пятакову, Е. Б. Бош, Н. И. Бухарину 1916 г. // Там же.— Т. 49.— С. 214—215.

STORMKLOKAN (STOCKHOLM)

24. De «socialistisks» imperialisterna och krigshetsen // 21 Aug.
25. Det ihre laget i Ryssland // 25 Sept.
26. Vart tog «Bund» vagen?: En replik till kamrat Bucharin // 2 Okt.
27. Den kommande revolutionen och tesen om nederlaget // 18 Dec.

28. К теории империалистического государства // Революция права.— М., 1925.— Сб. 1.— С. 5—32.— То же.— № 31, 32, 34.
Статья написана для «Сборника „Социал-демократа"», но не была опубликована. См.: *Ленин В. И.* Заметки на статью Н. И. Бухарина «К теории империалистического государства» // Полн. собр. соч.— Т. 34.— С. 329—330; Письмо Н. И. Бухарину [1916 г.] // Там же.— Т. 49.— С. 293—294; Письмо Н. И. Бухарину от 14.X.1916 г. // Там же.— С. 306—310.
29. Организуйтесь! — Нью-Йорк: Изд. Федерации Русских отделов Амер. соц. партии, [1916].— 16 с.
30. Bedragarnes socialism och den verkliga socialismen // 26 Febr.
31. Der imperialistische Raubstaat // Jugend-Internationale.— Zürich, 1916.— N 6.— S. 7—9.— То же.— N 20, 23, 24.
32. Der imperialistische Staat // Arbeiterpolitik.— Bremen, 1916.— N 25.— S. 193—195.— То же.— N 28, 31, 34.
33. Krigets socialekonomiska följder och proletariatet // 22 Jan.
34. De Nieuwe Lijfeigenschap: De imperialistische staat en de arbeidersklasse // De Tribune.— Amsterdam, 1916.— 25 Nov.— То же.— № 28, 31, 32.

НОВЫЙ МИР (НЬЮ-ЙОРК)

35. Новое рабство // 11 нояб.
36. Протекционизм и рабочий класс // 18 нояб.
37. Всероссийская грабиловка // 21 нояб.
38. «Прогрессивные цивилизаторы», или бандиты? // 27 нояб.
39. Наступление или отступление?: (К вопросу о борьбе с дороговизной) // 1 дек.
40. Государственный капитализм и марксизм // 2 дек.
41. Бронированный кулак поднимается... // 7 дек.
42. Право стачек в опасности // 11 дек.
43. Золото и кровь // 13 дек.
44. Мир // 18 дек.
45. Где спасение маленьких наций? // 20 дек.
46. «Рождество твое, Христе Боже наш!» // 25 дек.
47. Всеобщая лига мира, третейские суды и разоружение // 27 дек.
48. Что такое социализм? // 28 дек.

1917

49. Война и революционный социализм // Спартак.— М., 1917.— № 1.— С. 3—6.
50. *Вперед! // Спартак.— М., 1917.— № 2.— С. 1—4.— То же.— На подступах к Октябрю. См. № 650.
51. Государственный капитализм и социалистическая революция // Спартак.— М., 1917.— № 2.— С. 6—11.
52. *К вопросу о земельных захватах: (Заметка) // Там же.— № 7.— С. 20—21.

---

* Здесь и далее помечены работы, включенные в сб.: На подступах к Октябрю.— М.; Л.: Гос. изд-во, 1926.

53. К пересмотру партийной программы // Там же.— № 4.— С. 4—7.
54. Классовая борьба и реаолюция в России—.М.: МК и Обл. бюро, 1917.— 48 с.— То же.— Russische Korrespondenz.— 1920.— № 14—16.— Другие издания.— Тверь, 1918; М.: Пг., 1919; Пг., 1919; Скобелев, 1919; Иркутск, 1920; Красноярск, 1920; Омск, 1920; Пг., 1920 (на нем. яз.); Харьков, 1923; см. также № 167, 510.
55. Крушение капитализма // Спартак.— М., 1917.— № 10.— С. 5—9.
56. *Манифест Российской социал-демократической партии // Протоколы VI съезда РСДРП — М.; Пг., 1919.— С. 233—238.
57. Международное хозяйство и борьба государства // Изв. Моск. Совета раб. депутатов.— 1917.— 7 (20) мая № 54.— С. 1—2.
58. Мировое хозяйство и империализм: (Экон. очерк) — М.: Гос. изд-во, 1917.— 174 с.— Другие иадапия.— М., 1918; Пг., 1918; Спб., 1922, М.; Пг., 1923; Пг., 1923; М., 1924; 1927.
Работа написана а 1915 г., см. № 21. В издании 1917 г. и последующих имеются дополнения и структурные изменения.
В 1915 г. В. И. Лениным было написано «Предисловие к брошюре Н. Бухарина «Мироаое хозяйство и империализм» См.:*Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 27.— С. 93—98. Впервые опубликовано в газете «Правда».— 1927.— 21 янв. и а издании работы 1927 г.
Рец.: *Осинский Н.* // Коммунист.— 1918.— № 2.— С. 24; *Павлович М.*— Красная новь.— 1922.— Кн. 6.— С. 368—371.
59. *О Московских событиях: (Речь на ааседании Всерос. Центр. Исп. Ком. Советов раб. и солд. депутатов II соаыва, 6 нояб. 1917.) // На подступах к Октябрю.— М., 1926.— С. 170—173.— То же.— Октябрь.— М.; Л.: Гос. изд-во, 1925.— С. 124—128.
60*«Общенациональные аадачи» и гражданская аойна // Спартак.— 1917.— № 7.— С. 6—11.
61. Протоколы VI съезда РСДРП (большевиков), 26 июля — 3 ааг. 1917 г.— М.; Пг.: Коммунист, 1919.— 247 с.
Иа содерж.: Выступление по аопросу о явке Ленина и Зиноаьева на суд.— С. 33—34; Доклад о текущем моменте.— С. 88—93; Заключительное слоао.— С. 97—98; Выступление по аопросу о лозунге «Вся аласть Советам!».— С. 121—122; Выступление с резолюцией «Текущий момент и война».— С. 169—176; Манифест Российской Социал-Демократической партии.— С. 233—238.
62. *Российская революция и ее судьбы // Спартак.— 1917.— № 1.— С. 8—12.
63. *Соаеты прежде и теперь // Там же.— № 9.— С. 6—8.
64. *Экономическая политика промышленникоа, Московское совещание и демократия // Там же.— № 6.— С. 13—18.
65. *Экопомический разаал и аойна // Там же.— № 3.— С. 1—6.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ (М.)

66. *Петроградский Совет Р. и С. Д. и армия // 16 мая.
67. «Великая демократия»: Иа американских впечатлений // Там же.

68. *Опи иедовольиы // 18 мая.
69. *Клеветники // 23 мая.
70. *Военная дороговизна // 24 мая.
71. *Государственный контроль над производством и русская буржуазия // 25 мая.
72. *Буржуазпые патриоты и «заем свободы» // 26 мая.
73. *Организованное творчество // 27 мая.
74. «Баяны» из «Русского слова» // 27 мая.
75. *Русское наступление и цели союзников // 28 мая.
76. *Три направления в старой социал-демократии // 29 мая.
77. *До каких пор ждать? 31 мая.
78. *Либералы и городские служащие // 1 июня.
79. *Где коитрреволюция? // 1 июня.
80. *Еще одно «освобождение» // 3 июня.
81. О правах и обязанностях // 3 июня.
82. *Нота Временного Правительства // 4 июня.
83. *Слова и дела // 6 июня.
84. К высылке Роберта Гримма // 6 июня.
85. *По поводу Съезда Советов Раб. и Солд. Деп. // 9 июня.
86. Промышленники о государственном регулироваиии производства // 10 июня.
87. Доклад в Советах рабочих депутатов // 14 июня.
Краткое изложение доклада о борьбе с разрухой.
88. *Министерские мероприятия // 16 июня.
89. *Торжественное заявление // 17 июня.
90. Международное положение // 18 июня.
91. *По поводу иаступления // 21 июня.
92. Лицемерпая политика // 22 июня.
93. *О наступлении: (Из стеиогр. заседания Исп. Ком. СР и СД 21 июня) // 24 июня.
94. *Натиск капиталистов // 27 июия.
95. *Парижская коммуна и революционная Россия // 29 июня.
96. Министр труда и рабочие // 5 июля.
97. *Еще раз о товарище Ленине // 6 июля.— То же.— *Горелов И. Е.* Николай Бухарии.— М., 1988.
98. *Поражеиие или победа? // 9 июля.
99. *«Сотрудничество всех классов» // 15 июля.
100. *[Речь иа Чрезвычайном заседании Городской Думы 23 июля] // 27 июля (9 авг.).
Изложение речи.
101. Город и деревня // 23 авг.
102. *Иезуитский штаб контрреволюции // 29 авг.
103. *Планы генералов // 29 авг.
104. Долой соглашения с предателями // 31 авг.
105. Кадеты и «союзники» в ставке изменников // 1 сент.
106. На борьбу с торгашеством // 1 сент.
107. «Жизнь Корнилову, смерть солдатам!» // 3 сент.
108. Международный капитал и ген. Корнилов // 6 сент.
109. Против кого был заговор? // 8 сент.
110. Социалисты-революционеры, кооперация и демократическое совещание // 14 сент.
111. Съезд Советов и Учредительиое собрание // 3 окт.
112. Вопрос гражданам из «Земли и Воли»: (Письмо в редакцию) // 3 окт.
113. *Международная революция // 8 окт.

114. *Чудовищное правительство // 10 окт.
115. *Восстановление самодержавия? // 10 окт.
116. *Мелкие заметки // 11 окт.
117. *Кадетский съезд // 17 окт.
118. *Развернутый фронт // 18 окт.
119. *19-е октября в Московских Советах // 21 окт.
120. *Громят Советы // 22 окт.
121. *Экономика и политика // 22 окт.
122. Промышленный разгром // 24 окт.
123. *К социализму! // 27 окт.— То же.— Октябрь.— М.; Л.: Гос. изд-во — 1925.
124. *Крах империалистического правительства // 27 окт.
125. *Из-за чего борьба? // 30 окт.
126. *Новая революция и международный капитал // 31 окт.— То же.— Октябрь.— М.; Л.: Гос. Изд-во, 1925.— С. 120—121.
127. *Чего хотят большевики? // 1 нояб.— То же.— *Горелов И. Е.* Николай Бухарин.— М., 1988.
128. *Маски долой! // 2 нояб.
129. *Каледин и Авксентьев // 2 нояб.
130. *Герой лжи и подлога // 3 нояб.
131. *Манифест Военно-революционного комитета Московских Советов рабочих и солдатских депутатов ко всем гражданам Москвы // 4 нояб.— То же.— Октябрь.— М.; Л.: Гос. изд-во, 1925.— С. 121—122.
132. Черносотенные «специалисты» // 5 нояб.
133. Диктатура пролетариата // 15 дек.
134. К вопросу о банках // 16 дек.
135. «Истинным марксистам» из газеты «Назад» // 20 дек.

ПРАВДА

136. [Речь на заседании Петроградского Совета 6 ноября] // 20 (7 нояб.).
137. Диктатура империализма и диктатура пролетариата // 5 дек. (22 нояб. ст. ст.).

НОВЫЙ МИР

138. Что сулит миру новый год? // 1 янв.
139. К убийству Распутина // 4 янв.
140. Американская соц. партия, мир и интернационал // 10 янв.
141. Как должны бороться за мир рабочие Америки? // 18 янв.
142. О падении ценности русского рубля // 18 янв.
143. Что такое финансовый капитал? // 23 янв.
144. На краю пропасти // 3 февр.
145. Соед. штаты и великодержавная политика // 7 февр.
146. Троица «миролюбия» и лицемерия // 7 февр.
147. Пацифизм и социал-демократия // 14 февр.
148. Грядущая война и милитаризация Америки // 16 февр.
149. Международная конкуренция // 21 февр.
150. Урядники или педагоги? // 22 февр.
151. Тресты, империализм и дороговизна // 28 февр.
152. Союзы государств и тайная дипломатия // 2 марта.

153. Неизбежный крах // 24 марта.
154. Перспективы революции // 27 марта.
155. Борьба против войны и во время войны // 10 апр.

1918

156. Анархизм и научный коммунизм // Коммунист.— М., 1918.— № 2.— С. 11—14.
157. Армия в Советской республике.— Пермь, 1918.— 12 с.
158. Всеобщая дележка или коммунистическое производство? — М.: Изд-во ВЦИК, 1918.— 8 с.— Другие издания.— Киев, 1919; Одесса, 1919.
159. Герои социал-предательства // Коммунист.— М., 1918.— № 1.— С. 17—18.
160. Гинденбург, Фош, Алексеев // Через горнило империалистической войны.— М.; Пг., 1918.— С. 28—30.— То же.— Правда.— 1918.— 1 авг.
161. Долой международных разбойников! // М.: Коммунист, [1918].— 32 с.— Другие издания.— Екатеринодар, 1918; М., 1918 (на болг. яз.).
162. Исторические дни // Социал-демократ.— 1918.— 2 марта.
163. Июльские дни 1917 г.— М.: Изд-во ВЦИК, 1918.— 15 с.— Совместно с Зиновьевым Г. Е.— То же.— Правда.— 1919.— 19 июля.— Другие издания.— Киев, 1919.
164. Крепостники XX века // Через горнило империалистической войны.— М.; Пг., 1918.— С. 17—19.
165. На мировых путях // Там же.— М.; Пг., 1918.— С. 11—13.
166. Некоторые основные понятия современной экономики // Коммунист.— М., 1918.— № 3.— С. 8—11.
167. От диктатуры империализма к диктатуре пролетариата: (Классовая борьба и революция в России. Вып. 2).— Пг.: Прибой, 1918.— 48 с.— То же: См. № 54, 510.
168. Программа коммунистов (большевиков).— М.: Волна, 1918.— 64 с.— Другие издания.— Смоленск, 1918; Пг., 1918 (на фин. яз.); М., 1918 (на нем. яз.); Пг., 1919; Киев, 1919; Лупны, 1919; Минск, 1919; Омск, 1919; Самара, 1919; Ташкент, 1919; Тифлис, 1919; Харьков, 1919; Нью-Йорк, 1919; М., 1919 (на нем., пол. и румынск. яз.); Иркутск, 1920; Харьков, 1920; Гамбург, 1920; Киев, 1920 (на пол. яз.); М., 1920 (на пол. яз.).
169. [Рецензия] // Коммунист.— М., 1918.— № 1.— С. 19.— Рец. на кн.: Ильин В. (Н. Ленин). Государство и революция.— Пг., 1918.

    По поводу этой рецензии см.: *Ленин В. И.* Доклад об очередных задачах Советской власти (на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г.) // Полн. собр. соч.— Т. 36.— С. 264—267.
170. [Рецензия] // Там же.— М., 1918.— № 1.— С. 20.— Рец. на кн.: Трутовский В. Переходный период (между капитализмом и социализмом).— Пг., 1918.
171. [Рецензия] // Там же.— М., 1918.— № 3.— С. 19—20.— Рец. на кн.: Богданов А. Вопросы социализма.— М., 1918.
172. [Речь на заседании Учредительного собрания 5—6 января 1918 г.] // Вокруг учредительного собрания.— Пг., 1918.— С. 27—31.— То же: На подступах к Октябрю.— М.; Л., 1926;

Всероссийское Учредительное собрание.— М.; Л., 1930; Социал-демократ.— 1918.— 11 янв.
173. [Речь Н. И. Бухарина на 1 съезде Советов народного хозяйства] // Тр. I Всеросс. съезда Советов нар. хоз-ва: 25 мая — 4 июня 1918 г.— М., 1918.— С. 7—8.
174. VII съезд Российской Коммунистической партии, 6—8 марта 1918 г.: Стеногр. отчет.— М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923.
Из содерж.: Доклад по отчету ЦК; заключительное слово.— С. 32—50; 117—126; Речь о программе партии.— С. 169—174; выступлении.
О выступлениях Н. И. Бухарина см.: *Ленин В. И.* Заключительное слово по политическому отчету Центрального Комитета 8 марта // Полн. собр. соч.— Т. 36.— С. 27—34; *Он же.* Доклад о пересмотре программы и об изменении названия партии: выступления в прениях // Там же.— С. 46—47.
175. Структура мирового капитализма // Нар. хоз-во.— М., 1918.— № 10.— С. 2—5.
176. Церковь и школа в советской республике: (Из программы коммунистов-большевиков).— М.: Изд-во ВЦИК, 1918.— 16 с.— Другие издании.— Пг., 1920; Екатеринослав, 1920.

ПРАВДА

177. Немецкие социал-демократы и мирная политика Советов // 1 янв. (19 дек. ст. ст.).
178. Итоги и перспективы // 13 янв. (31 дек. ст. ст.).
179. Австрия перед революцией // 24 янв. (11 янв. ст. ст.).
180. Перспективы западноевропейской революции // 2 февр.
181. Демократия и диктатура: По поводу ст. К. Каутского // 9 февр.
182. Исторические дни // 26 февр.
183. Трагикомедия // 8 июля.
184. Смысл событий // 9 июля.
185. Международное рабочее движение и тактика левых эсеров // 11 июля.
186. [Доклад тов. Бухарина в Московском Совете 16 июля] // 17 июля.
187. Дорога к хлебу, дорога к свободе // 18 июля.
188. Царя // 20 июля.
189. Монарх Финляндии и торговли рабочими // 21 июля.
190. [Рецензии] // 23 июли № 152.— Рец. на журн.: Пролетар. культура.— 1918.— июль.
191. «Блестящие действия чехословацких и казачьих войск» // 25 июли.
192. Миротворческое словоблудие // 26 июля.
193. Меньшевистско-генеральский блок // 31 июля.
194. Черный всадник и красный всадник // 1 авг.
195. Что думает сейчас буржуазия // 3 авг.
196. Французский ростовщик под маской простодушии // 4 авг.
197. Кадеты за работой // 7 авг.
198. Посмотрите па них // 9 авг.
199. А все-таки // 10 авг.
200. Бандиты // 11 авг.

201. Порядок: (Статья для обывателей) // 13 авг.
202. «Подлое пораженческое учение» // 14 авг.
203. Демократические душители // 15 авг.
204. Восстание украинских рабочих и крестьян // 16 авг.
205. Бесчестные предатели // 17 авг.
206. Хлеб, земля и крестьянство // 18 авг.
207. Казни солдат революции // 18 авг.
208. Репетиция // 20 авг.
209. Неотложная задача // 23 авг.
210. Интернационализация революции // 24 авг.
211. Кричащий документ // 25 авг.
212. Города должны принадлежать рабочим: (Военно-хозяйственная организация пролетариата) // 27 авг.
213. «Нейтральные» и «активные» // 28 авг.
214. Часовой пролетарской революции // 31 авг. О М. С. Урицком.
215. Коммунистический Интернационал // 31 авг.
216. Ленин — Каплан, Урицкий— Канегиссер // 1 сент.
217. Благотворители русского народа // 3 сент.
218. Государственное совещание № 2 // 3 сент.
219. Восточная революция // 8 сент.
220. Мобилизация собственников // 10 сент.
221. Мировой раздел // 11 сент.
222. Еще раз о деревне // 13 сент.
223. Классовый нейтралитет // 14 сент.
224. Два конгресса // 22 сент.
225. Коалиция или военная диктатура // 1 окт.
226. 25-летие Московской организации партии рабочего класса // 2 окт.
227. Союз народов // 15 окт.
228. Революционная Германия // 20 нояб.
229. Это нужно сделать немедленно // 21 ноябр.
230. «Демократический» жандарм // 22 нояб.
231. Конец империалистической войны и мировая революция // 24 нояб.
232. Отклики // 1, 3, 4, 12, 19, 17, 20, 25, 26, 27 дек.
233. Из царства генерала Гофмана: (Приключение делегации ЦИК) // 15 дек., 18 дек.
234. Экономическая диктатура пролетариата: (К годовщине Высовнархоза) // 19 дек.
235. Сельскохозяйственные коммуны или хлебные фабрики? // 20 дек.
236. Экономическая борьба на Тихом океане // 21 дек.
237. Съезд земотделов, коммун и комбедов // 22 дек.
238. Экономическое удушение революции // 24 дек.

1919

239. Азбука коммунизма: Популярное объяснение Программы Рос. Ком. партии большевиков.— М., 1919.— 223 с. с прил.— Указ. предм.— Совместно с Преображенским Е.— Другие издания.— М., 1920; Пб., 1920; Екатеринбург, 1919; Казань, 1920; Херсон, 1920; Гамбург, 1920; София, 1920; Jien, 1920;

М., 1921 (на пол. яз.), Владимир, 1921; Новгород, 1922; Одесса, 1923, Орел, 1923; Самара, 1924; Харьков, 1924; 1925.
240. Буржуазная политическая экономия после Маркса // Нар. хоз-во.— М., 1919.— № 3.— С. 2—9.
Из книги «Политическая экономия рантье».
241. Вильсон и желтый интернационал // Еженедельник Правды.— 1919.— № 4.— С. 1—2.
242. Где настоящая свобода? — М.: Гос. изд-во, 1919.— 16 с.— Другие издания.— М., 1920; Иркутск, 1920; Одесса, 1920; Смоленск, 1920; Харьков, 1920; М., 1920 (на венг. яз.).
243. Диктатура пролетариата в России и мировая революция // Ком. интернационал.— Пг., 1919.— № 4.— С. 487—494; № 5.— С. 614—618.— Другие издания.— Одесса, 1920; Самара, 1925.
244. [Доклад и заключительное слово о партийной программе] // VIII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков).— М., 1919.— С. 30—41, 92—99.
245. [Доклад на 1 Конгрессе Коминтерна] // Первый Конгресс Коммунистического Интернационала: Протоколы заседаний в Москве со 2 по 19 марта 1919 года.— Пг., 1921.— С. 80—90.
246. К «ликвидации» мировой войны // Еженедельник Правды.— 1919.— № 10.— С. 1—4.
247. Кризис // Там же.— № 12.— С. 1—2.
248. «Лига наций» // Там же.— № 2.— С. 1—2.
249. Неукротимый вождь: (Памяти тов. Либкнехта) // Памяти Карла Либкнехта и Розы Люксембург.— М., 1919.— С. 47—49.— То же.— Правда.— 1919.— 19 янв.
250. Обоснование партийной программы: Докл. на VIII съезде РКП // Программа и устав РКП(б).— М.; Л., 1925.— С. 5—29.
251. От нелегального кружка к государственной власти // На заре рабочего движения в Москве.— М., 1919.— С. 8—11.
252. Перспективы мировой революции и меньшевистская «мысль» // Еженедельник Правды.— 1919.— № 3.— С. 1—2.
253. Письмо к крестьянам Курской губернии.— Курск: Губком РКП, 1919.— 17 с.
254. Политическая экономия рантье: Теория ценности и прибыли австрийской школы.— М.: Ред.-изд. отд. ВСНХ, 1919.— 206 с. Прил.: Теоретическое примиренчество (Теория ценности Тугана-Барановского).— С. 187—197.— Другие издания.— М.; Пг., 1923; 1925; М., 1924; 1925; 1988.
Рец.: Членов С. // Нар. хоз-во.— М., 1919,— № 6.— С. 118; Экон. жизнь.— 1920.— № 156.— С. 2—3.
255. Пролетарский «термидор» // Еженедельник Правды.— 1919.— № 13.— С. 1—2.
256. Работница, к тебе наше слово! — М.: Гос. изд-во, 1919.— 15 с.; прил.— (Раб.-крест. листовки: № 16).— Другие издания.— Екатеринослав, 1920; Иркутск, 1920; Ростов н/Д, 1920; Ташкент, 1920; Харьков, 1920.
257. [Рецензия] // Еженедельник Правды.— 1919.— № 10.— С. 32.— Рец. на кн.: Исторический материализм: Сб. ст.— М., 1919.
258. [Речь на Всероссийской партийной конференции] // Изв. ЦК РКП(б).— 1919.— 31 дек. № 11.— С. 3—4.
Об использовании новых членов партии.

259. Теория пролетарской диктатуры // Октябрьский переворот и диктатура пролетариата: Сб. ст.— М., 1919.— С. 5—21.— То же.— *Путь* к социализму в России.— Нью-Йорк, 1967; Избранные произведения.— М., 1988.— Другие издания.— Николаев, 1925 (на болг. яз.).
260. Тибор Самуэли // Ком. интернационал.— Пг., 1919.— № 5.— С. 711—712; Новый мир.— Нью-Йорк, 1920.— № 3/4.
261. Экономика, государственная власть и война // Нар. хоз-во.— 1919.— № 1/2.— С. 1—4.
262. Экономика и ее политические рычаги // Еженедельник Правды.— 1919.— № 11.— С. 1—2.
263. Экспроприация буржуазии, мелкая собственность и потребительный коммунизм // Там же.— № 8.— С. 1—2.

ПРАВДА

264. Необходимый шаг вперед // 5 янв.
265. «Свободолюбивые» убийцы // 10 янв.
266. Английские пираты и флаг революции // 14 янв.
267. Гражданская война в Европе // 15 янв.
268. Ко Второму Всероссийскому съезду профессиональных союзов // 16 янв.
269. Социал-демократы, которые зарезали Либкнехта и Люксембург // 18 янв.
270. Державы согласия и убийство коммунистических вождей // 19 янв.
271. Подлость и глупость // 22 янв.
272. Лучше поздно, чем никогда // 26 янв.
273. Подготовка государственных посевов: (Декрет от 28 янв.) // 2 февр.
274. От ворот поворот: (О правых эсерах) // 8 февр.
275. Франц Меринг // 9 февр.
276. Снова авантюра? // 13 февр.
277. Русский «форвертс» и его «единственный выход» // 15 февр.
278. Восстановление государственных займов // 18 февр.
279. «Красный милитаризм» и желтый меньшевизм // 19 февр.
280. Грядущее // 20 февр.
281. Соглашатели всех стран, соединяйтесь! // 22 февр.
282. Красная Армия и мировая контрреволюция // 23 февр.
283. Коммунистический интернационал и колонии // 6 марта.
284. Борьба международного пролетариата и господа меньшевики // 11 марта.
285. Товарищ Свердлов // 18 марта.
286. Преступники // 16 апр.
287. Взбесившиеся собственники // 15 апр.
288. «Бредовые» тезисы 4 апреля // 17 апр.
289. Меньшевики и эсеры у ног Клемансо // 18 апр.
290. Левоэсеровская яма и III Интернационал // 23 апр.
291. Штаб революции и Мировая Коммуна // 1 мая.
292. Пути и повороты // 1 мая.
293. Пять месяцев // 11 апр.
294. Новый декрет о чрезвычайном налоге // 12 апр.
295. Роза Люксембург и правительство Учредительного собрания // 13 июня.

296. Арест советского посла в Нью-Йорке // 20 июня.
297. Запутавшийся клубок // 22 июня.
298. Финляндия и Колчак // 25 июня.
299. Текущая задача // 3 июля.
300. Колчаковцы о себе // 8 июля.
301. Истребление рабочего класса // 8 июля.
302. Хлеб идет // 9 июля.
303. Деникинцы под флагом социализма // 12 июля.
304. Выступление итальянских рабочих // 13 июля.
305. Помощь Запада // 16 июля.
306. «Коалиция», предательство и меньшевики // 6 авг.
307. Гениальное пророчество // 8 авг.
308. Откровенность Колчака // 10 авг.
309. «Восстановление промышленности» и «конец революции» // 14 авг.
310. Карл Радек // 16 авг.
311. Благодарные и великодушные // 16 авг.
312. «Заглавие запрещено цензурой»! // 17 авг.
313. «Лига убийц» // 21 авг.
314. Рыцари духа // 22 авг.
315. Империалистическая похоть // 24 авг.
316. Трудовое добровольчество: (Ком. субботники в Петербурге) // 31 авг.
317. Правда о Советской власти // 7 сент.
318. Политические мошенники // 12 сент.
319. Рабочая аристократия или сплочение рабочих масс?: (К вопросу о «новейших течениях» в проф. движении) // 14 сент.
320. Кто говорит: «Долой гражданскую войну»? // 24 сент.
321. Барон и рабочий // 28 сент.
322. Тов. Загорский (Денис) // 28 сент.
323. Деникинские гостиницы // 1 окт.
324. Деникинская булка // 3 окт.
325. Рабочие организации и рабочая масса // 5 окт.
326. Дорогу рабочей массе! // 10 окт.
327. Хозяева Советской России // 12 окт.
328. Что делается в Германии? // 14 окт.
329. «Единая, неделимая» // 16 окт.
330. Борьба с белыми и театр: (Деловое предложение) // 16 окт.
331. 13.600 // 19 окт.
332. Крестьянство, хлеб и Деникин // 19 окт.
333. Подтянуть и подтянуться! // 22 окт.
334. Герои измены // 23 окт.
335. Меньшевистская «честь» // 24 окт.
336. Отклики // 22—24 окт.
337. Дипломаты за работой // 29 окт.
338. Не засыпать! // 2 нояб.
339. Декларация размагниченных барчуков // 5 нояб.
340. Смерть Гаазе // 11 нояб.
341. Вниманию интеллигенции // 12 нояб.
342. «Единственная» порядочная партия // 13 нояб.
343. Великое завоевание // 14 нояб.
344. Таможенная война и блокада в деникинской «неделимой» // 14 нояб.
345. Еще раз о мире // 15 нояб.

346. Признания откровенного буржуа: (по поводу писаний г. Петра фон Струве) // 16 нояб.
347. Евреи и пролетариат // 18 нояб.
348. Маленький фельетон: (Новый курс) // 20 нояб.
349. Борьба с бюрократизмом // 21 нояб.
350. Насущнейшая задача: (О новых членах партии) // 27 нояб.
351. Война в деникинском стане // 4 дек.
352. Развал старой Европы // 6 дек.
353. Новое и старое // 10 дек.
354. Нужно вылезать!: (О борьбе с голодом) // 14 дек.
355. «Мститель» [Рец.] // 16 дек.
356. К вопросу о развитии производительных сил: (организация труда) // 18 дек.
357. Им мало крови! // 21 дек.
358. Новая угроза // 24 дек.
359. Домовые клубы-грелки // 30 дек.
360. Авангард международной революции // Вестник II Конгресса Ком. Интернационала.— 1920.— 3 авг., № 4.— С. 1.
361. Анархический или коммунистический строй? — Смоленск: Изд-во ЦК КП Литвы и Белоруссии, 1920.— 7 с.
362. Будівництво великої кооперації.— Харків: Всеукр. держ. вид-во, 1920.— 15 с.
363. Диктатура пролетариата в России и мировая революция.— Одесса: Изд. губ. отд. печати, 1920.— 24 с.— Другие издания.— Самара, 1925.
364. [Доклад и заключительное слово о профессиональных союзах] // Девятый съезд Российской Коммунистической партии.— М., 1920.— С. 194—207, 233—236.— То же.— Правда.— 1920.— 1 апр.
365. [Доклад на соединенном заседании делегатов 8 съезда Советов, ВЦСПС и МГСПС — членов РКП 30 декабря 1920 г.] // О роли профессиональных союзов в производстве.— М., 1921.— С. 45—50.
О позиции Н. И. Бухарина и «буферной группы» в вопросе о профсоюзах см.: *Ленин В. И.* О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого: Речь на соединенном заседании делегатов VIII съезда Советов, членов ВЦСПС и МГСПС.— членов РКП(б). 30 дек. 1920 г. // Пол. собр. соч.— Т. 42.— С. 202—226; Кризис партии // Там же.— С. 234—244; Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина // Там же.— С. 264—304.
366. [Доклад о парламентаризме и выступлениях в прениях] // II Конгресс Коммунистического Интернационала: Стеногр. отчет.— Пг., 1921.— С. 332—343; 379—383.
367. К коммунизму через диктатуру пролетариата.— Смоленск: Изд-во ЦК КП Литвы и Белоруссии, 1920.— 8 с.— Другое издание.— Одесса, 1920.
368. Коммунальная гаспадарка па народной земли.— Минск: Komunisto Krygynelis, 1920.— 8 с.
369. Новые проблемы международного движения пролетариата // Еженедельник Правды.— 1920.— № 14.— С. 1—4.
370. О наступательной тактике // Ком. интернационал.— Пг., 1920.— № 15.— Стб. 3073—3076; Новый мир.— 1921.— № 18.
371. Парламентаризм, Советская власть и создание Коммунисти-

ческой партии Америки // Новый мир.— Нью-Йорк, 1920.— № 1.— С. 10.— Совместно с Берзиным Я.

372. Праздник или будни // Ком. интернационал.— Пг., 1920.— № 10.— Стб. 1687—1690; Правда.— 1920.— 1 мая; Russische Korrespondenz.— 1920.— N 8/9.
373. Производственная пропаганда: (Речь на Моск. губ. партконференции).— М.: Гос. изд-во, 1920.— 14 с.— То же.— Производственная пропаганда.— Киев, 1921; Избранные труды.— Л., 1988.
374. Производственная пропаганда и агитация // Нар. хоз-во.— 1920.— № 18.— С. 15—19
375. Революционный быт // Вестн. II Конгресса Коммунистического интернационала.— 1920.— 27 июля, № 1.— С. 1.
376. Советская власть или буржуазная республика? Смоленск: Изд-во ЦК КП Литвы и Белоруссии, 1920.— 10 с.
377. Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов, 6—13 апреля 1920 г.: Стеногр. отчет.— М.: Гос. изд-во, 1921.— 146 с.
378. Труд прежде и труд теперь // Трудовая повинность и задачи работниц и крестьянок.— М., 1920.— С. 5—7.
379. Экономика переходного периода.— М.: Гос. изд-во, 1920.— 157 с.: диагр. схем.— Ч. 1. Общая теория трансформационного процесса.— (Тр. Соц. акад. обществ. наук).— То же.— *Путь* к социализму в России.— Нью-Йорк, 1967.
См.: *Ленин В. И.* Замечания на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода», май 1920 // Ленинский сборник.— 1929.— Т. 11.— С. 345—403; 1985.— Т. 40.— С. 383—429.
Рец.: *Сарабьянов В.* // Нар. хоз-во.— 1920.— № 13—14.— С. 57—60; *Елизарова А.* Нечто относительно экономики и психики переходного периода // Там же.— 1921.— № 7/8.— С. 219—228.
См.: дискуссию: *Ольминский М.* О книге т. Н. Бухарина // Красная новь.— 1921.— № 1.— С. 247—251; *Не-ревизионист:* (Ответ тов. Н. Ольминскому) // Там же.— С. 252—255; *Бухарин Н., Пятаков Г.* Кавалерийский рейд и тяжелая артиллерия: (Веселый ответ критикам «Экономики переходного периода») // Там же.— С. 256—274; *Сарабьянов В.* От примитивов к крайностям // Там же.— 1921.— Т. 2.— С. 309—320; *Бухарин Н.* Настоящая потеха и настоящее мучение!: (Второй — и тоже веселый ответ т. Сарабьянову) // Там же.— С. 313—320; *Ответ* Сарабьянова В. // Там же.— № 3.— С. 330.
Рец.: *Duncker H.* // Inpreskor.— 1922.— 8 apr. N 44.— S. 360—362; *Борилин Б.* Ленин об «Экономике переходного периода» // Большевик.— 1929.— № 20.— С. 19—44; *Доклад* и прения по вопросу о замечаниях Ленина на книгу Бухарина «Экономика переходного периода»: Отчет о заседании н.-и. группы Ин-та Ленина 24 окт. и 28 нояб. 1929 г. // Пролетар. революция.— 1929.— № 12.— С. 176—187.

ПРАВДА

380. Злобный укус // 6 янв.
381. В поисках пути: (Катастрофа контрреволюции в России и Запад) // 10 янв.
382. На фронте и в тылу // 13 янв.

383. Карл Либкнехт и рабочая молодежь // 17 янв.
384. Продовольственные базы // 18 янв.
385. Съезд совхозов // 22 янв.
386. Павел Карлович Штернберг // 3 февр.
387. Не прозевать // 5 февр.
388. Трудовые пропаганды в деревне // 12 февр.
389. Сырьевые, топливные и продовольственные склады // 13 февр.
390. На повороте // 18 февр.
391. Трудовые армии и производительность труда // 20 февр.
392. Климентий Тимирязев — член Московского Совета // 20 февр.
393. Меньшевики за сытого — против голодного // 22 февр.
394. Еще одна «контрольная комиссия» // 26 февр.
395. В. Н. Подбельский // 26 февр.
396. Последние слова тов. Подбельского // 28 февр.
397. Большевизм и трудящиеся женщины // 29 февр.
398. Техническая интеллигенция и рабочий класс // 3 марта.
399. Лучше всяких красных слов // 8 марта.
400. Пролетариат в провинции // 11 марта.
401. Гражданская война в Германии // 20 марта.
402. Тов. Ленин, как революционный теоретик // 23 апр.; Russische Korrespondenz.— 1920.— N 8/9.
403. Польская провокация // 27 апр.
404. Климентий Аркадьевич Тимирязев // 29 апр.
405. Советский муравейник // 18 мая.
406. Речь на заседании ВЦСПС, Мос. Совета и Мос. Совета профсоюзов, посвященном встрече с делегацией английских рабочих // 19 мая.
407. Товарищи, будьте на страже! // 23 мая.
408. Герои крапленых карт // 26 мая.
409. Это есть наш последний и решительный бой // 28 мая; Russische Korrespondenz.— 1920.— N 10.
410. Ко всем работницам // 30 мая.
411. «Миролюбие» Антанты и Польши // 2 июня; Russische Korrespondenz.— 1920.— № 10.
412. Не забывайте транспорта! // 3 июня.
413. Девятый вал // 6 июня.
414. Новые формы пролетарской борьбы // 8 июня.
415. Рыцари цивилизации // 9 июня.
416. Владимирский собор взорван белыми поляками // 13 июня.
417. Киев без воды и света // 13 июня.
418. Против голода и нищеты // 10 июня.
419. Заседание Исполнительного Комитета Коммунистического интернационала // 20 июня.
420. Союзная дисциплина или измена пролетариату? // 23 июня.
421. Помните о зиме! // 23 июня.
422. Некоторые итоги // 27 июня.
423. Готовьтесь к смотру: (к конгрессу Ком. Интернационала) // 1 июля.
424. Мистицизм и интеллигенция // 4 июля.
425. Правда ли, и, если правда, то не пора ли прекратить // 7 июля.
426. Поэт Минаев и «историк» Бурцев // 11 июля.
427. Тов. М. П. Янышев // 14 июля.
428. Привет старому другу // 14 авг.
К приезду Б. Куна.

429. Обострение борьбы //24 авг.
430. Румынские дипломаты за работой // 7 сент.
431. К партийной конференции // 15 сент.
432. За партию! // 17 сент.
433. Слово и дело // 25 сент.
434. Английские коммунисты и так называемая Рабочая партия // 30 сент.
435. Элементарная аадача в области производства коммунистов // 1 окт.
436. К открытию [съезда] Всероссийского союза молодежи (РКСМ) // 3 окт.
437. Самый достоверный лжесвидетель: (Мартов дан л'этранже) // 20 окт.
438. На грех и из палки выстрелишь: (Вниманию членов партии) // 21 окт.
439. Новое в русской революции // 7 нояб.
440. К выборам на Московскую конференцию // 16 нояб.
441. О производственной пропаганде и агитации (вместо тезисов) // 26 нояб.
442. Эпоха великих работ // 24 дек.
443. Das Neue in der russischen Revolution // Russische Korrespondenz.— 1920.— N 19/20.— S. 1122—1124.
444. Unsere Lage an der Arbeitsfront // Ibid.— 1920.— N 10.— S. 106.

1921

445. [Доклад о партийном строительстве] // Десятый съезд Российской Коммунистической партии.— М., 1921.— С. 116—126.— Другое издание.— X съезд о партийном строительстве.— Казань, 1921.
446. Из речи т. Н. И. Бухарина на вечере воспоминаний в 1921 г. // Пролетар. революция.— 1922.— № 10.— С. 316—322.
447. Ленин как теоретик революции // Новый мир.— Нью-Йорк, 1921.— Вып. 1, № 8.— С. 18—20.
448. Новый курс экономической политики.— Пб.: Гос. изд-во, 1921.— 15 с.— То же.— Спутник коммуниста.— 1921.— № 1. Вопросы экономической политики.— Киев, 1921; Правда.— 1921.— 6 авг.; Russische Korrespondenz.— 1921.— № 7/9; *Путь к социализму в России*.— Нью-Йорк, 1967; Избранные произведения.— М., 1988.— Другие издания.— Томск, 1921; Ростов н/Д, 1922.
449. О задачах и структуре профсоюзов: Платформу эту подписали следующие тов.: Н. Бухарин, Ю. Ларин, Е. Преображенский, Л. Серебряков, Г. Сокольников, В. Яковлева.— М.: Гос. изд-во 1921.— 14 с.— То же.— Правда.— 1921.— 16 янв. О платформе группы см. № 365.
450. О задачах профессиональных союзов: (Содоклад, прочитан на собрании актива работников Петрогр. организации РКП 3 янв. 1921 г.).— Пг.: Изд. ком. фракции Петрогр. Бюро Центрана, 1921.— 15 с.
451. Ответ на записку В. И. Ленина // Ленинский сборник.— М., 1925.— Т. 4.— С. 384—385.

Записка В. И. Ленина, Н. И. Бухарин (март, апрель 1921 г.) содержит предположения об экономических связях между городом и деревней. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 52.— С. 122; Ленинский сборник. 1925.— Т. 4.— С. 383.

452. Партия рабочего класса // Спутник коммуниста.— М., 1921.— № 3.— С. 26—29; Правда.— 1921.— 28 авг.; Russische Korrespondenz.— 1921.— № 7/9.— То же.— Больше внимания партии.— Тифлис, 1924.— С. 13—20.

453. Речь на 1 Международном конгрессе революционных профессиональных и производственных союзов // 1-й Международный конгресс революционных профессиональных и производственных союзов: Стеногр. отчет.— М., 1921.— Бюл. № 15.— С. 10—12.

454. Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии.— М.: Гос. изд-во, 1921.— 383 с. Указ. С. 371—380.— Другие издания.— М., 1923; 1924; 1925; 1928; Пг., 1923; 1924; 1925; 1928; 1929 (с приложением статьи «К постановке проблем теории исторического материализма».— С. 371—380); Курск, 1922; Новгород, 1922; [Харьков], Симферополь, 1923.

Рец.: *Сарабьянов В.* // Под знаменем марксизма.— 1922.— № 3.— С. 62—76; *Гоникман С.* Диалектика т. Бухарина // Под знаменем марксизма.— 1922.— № 3.— С. 77—85; *Сорокин П.* // Экономист: Вестн. XI Отд. Рус. Техн. о-ва.— Пг., 1922.— № 3.— С. 143—148. *Плехановец.* Заметки читателя о книге тов. Бухарина «Теория исторического материализма» // Под знаменем марксизма.— 1923.— № 11—12.— С. 171—183.

По поводу двух первых рецензий см.: *Бухарин Н. И.* По скучной дороге: (Ответ моим критикам) // Красная Новь.— 1923.— Кн. 1.— С. 275—289.

455. Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала: Стеногр. отчет.— Пг.: Гос. изд-во, 1922.

Из содерж.: Речи в прениях. По докладу К. Радека.— С. 264—268: По докладу В. И. Ленина.— С. 379—382.

456. Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов, 17—25 мая 1921 г.: Стеногр. отчет. работы пленума и секций.— М.: РИО ВЦСПС, 1922.— 195, 246 с.

Из содерж.: Приветствие от ЦК.— С. 22—25; О международном положении.— С. 186—193.

ПРАВДА

457. Интеллигенция на Западе // 16 янв.
458. [Заявление о тезисах т. Рудзутака] // 21 янв.
459. Синдикализм и коммунизм: По поводу фельетона тов. Ленина // 25 янв.
460. Громадная опасность // 11 февр.
461. Гром не грянет, мужик не перекрестится // 15 февр.
462. Сдвиг в Западной Европе // 10 марта.
463. Показания врагов // 12 марта.

464. В чем видит спасение немецкий пролетариат // 29 марта.
465. Парижская учредилка и русский народ // 30 марта.
466. Кое-что о современных анархистах // 2 апр.
467. Карл Габсбургский в Будапеште (От «беспартийного» правительства к монархии) // 3 апр.
468. Генерал Врангель и эсеры // 5 апр.
469. [Речь на III конгрессе Коминтерна] // 10 июля.
470. Экономический базис пролетарской революции: (К вопросу о революционных перспективах) // 13 нояб.
471. К съезду пролеткульта // 22 нояб.
472. В одну точку! // 30 нояб.
473. Отклики // 27 дек.
474. Agressive Tactics: Transition from Defence to Attack // The Communist Review.— 1921.— Vol. 1, N 6.— P. 72—74.

1922

475. Буржуазная революция и революция пролетарская // Под знаменем марксизма.— М., 1922.— № 7/8.— С. 61—82.— То же.— Атака.— М., 1924.; *Путь* к социализму в России.— Нью-Йорк, 1967.
476. Бюл. IV Конгресса Коммунистического Интернационала.— М., 1922.— № 1—32;— То же.— *К вопросу* о программе Коммунистического Интернационала: (Материалы).— М., 1924; *IV Всемирный* конгресс Коммунистического Интернационала.— М.; Пг., 1923.— С. 177—200; Правда.— 14 нояб.— № 257; 19 нояб.— № 262.
   Из содерж.: Речь в прениях по отчету о деятельности Исполкома Коминтерна.— № 5.— С. 8—13; № 6.— С. 12—14; Доклад о программе Коммунистического Интернационала.— № 14—15.— С. 1—15; Заявление от имени русской делегации.— № 18.— С. 7; Доклад о положении в Норвежской рабочей партии.— № 31.— С. 7—14.
477. Гениальное пророчество // Спутник коммуниста.— М., 1922.— № 11.— С. 37—38.
   О статье Г. В. Плеханова. «На пороге двадцатого века». (Искра.— 1901.— № 2). Помещена в «Правде».— 1919.— 17 авг.
478. К марксистской терминологии: Производительные силы. Производственные отношения // Спутник коммуниста.— № 12.— С. 59—62.
479. Коммунистическое воспитание молодежи в условиях нэп: Докл. на V Всерос. съезде РКСМ, 13 сент. 1922 г.— Екатеринбург: Ред.-изд. отд. Уралбюро, 1923.— 51 с.— То же.— Правда.— 1922.— 14 окт.
480. Новая экономическая политика и профессиональные союзы // Вестн. агитации и пропаганды.— М., 1922.— № 1.— С. 3—6.
481. Программа Коммунистического Интернационала: (Проект) // К вопросу о программе Коммунистического Интернационала: (Материалы).— М., 1924.— С. 53—66.— То же.— Intern. Press-Korrespondenz.— 1922.— № 222; Спутник коммуниста.— 1923.— № 19; — Атака.— М., 1924.
482. Процесс П. С.-Р.: Речи защитников: Членова, Шубина,

Ф. Кона, Биценко, Бухарина, Садуля. Последние слова подсудимых...— М.: Красная новь, 1922.— 242 с.
Из содерж.: Речь Н. И. Бухарина.— С. 109—144.

ПРАВДА

483. Хозяйственные формы в Советской России // 8 февр.— То же.— Intern. Presse-Korrespondenz.— 1922.— № 25.
484. Меньшевики и их вылазка // 20 июня.
485. В защиту ирландских революционеров! Против империалистических палачей: Открытое письмо к вождям английской раб. партии Р. Макдональду, Т. Шоу и А. Гендерсону // 22 июля.
486. Проблема культуры в эпоху рабочей революции: (Докл. тов. Бухарина на собрании актив. работников моск. организации в Большом театре) // Там же.— 11 окт.
Краткое изложение доклада. По поводу этой статьи см.: *Степанов И.* Об условиях успешной борьбы за культуру: (По поводу докл. тов. Бухарина) // Правда.— 11, 13 окт.
487. К постановке нашей агитации и пропаганды // 15 окт.
488. Орехово-Зуевское дело // 1 нояб.
489. Железная когорта революции // 7 нояб.— То же.— Russische Korrespondenz.— 1922.— № 11/12; Избранные произведения.— М., 1988.
490. Кризис буржуазной культуры // 7 нояб.
491. РСФСР // 3 дек.
492. Das Arbeitergericht über die Borhut der Konterrevolution // Intern. Press-Korrespondenz.— 1922.— N 127.— S. 829—830.
493. Diskussion über den Bericht des Exekutivkomitees // Ibid.— N 223.— S. 1606—1608.
494. Die geständigen Mörder mussen zur Verantwortung gezogen werden // Ibid.— N 104.— S. 730.
495. Internationale proletarische Einheitsfront // Ibid.— N 38.— S. 303—304.
496. Klassengesellschaft und Staat // Ibid.— N 41.— S. 335—336.
497. Offener Brief an Arthur Henderson und James Macdonald // Ibid.— N 107.— S. 744—745.— Совместно с Фроссаром, Радеком, Цеткин.
498. Politik des Entente Kapitals oder proletarifche Einheitsfront // Ibid.— N 39.— S. 311—312.
499. Die «politischen Gefangenen» // Ibid.— N 45.— S. 363—364.
500. Programm der KI. und ihrer einzelnen Parteien // Ibid.— N 230.— S. 1691—1692.
501. Das Weltproletariat und der Wiederaufbau der Bolfswirtschaft der RSFSR // Ibid.— N 126.— S. 811—812 [1—2].
502. Wo sitzen die Verräter? // Ibid.— N 95.— S. 695—696.

1923

503. [Доклад о Коммунистическом Интернационале] // Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков).— М., 1923.— С. 228—279.

504. Долой фракционность! // К вопросу о троцкизме.— М.; Л., 1925.— С. 7—43.— То же.— Правда.— 1923.— 28, 29 дек.; Die Internationale.— 1924.— N 7/8.

505. Енчмениада: (К вопросу об идеологическом вырождении).— М.; Пг.: Гос. изд-во, б/г.— 72 с.— То же.— Красная новь.— М., 1923.— Кн. 6.— Атака.— М., 1924; Философские науки.— М., 1988.— № 8—10.

506. Итоги XII съезда РКП // Ком. интернационал.— Пг., 1923.— № 25.— Стб. 6767—6780.

507. К постановке проблем теории исторического материализма: (Беглые заметки) // Вестн. Соц. Акад.— 1923.— Кн. 3.— С. 3—15.— То же.— *Теория* исторического материализма.— М., Пг., б/г; Атака.— М., 1924; Избранные произведения.— М., 1988.

508. Кризис капитализма и коммунистическое движение // Красная новь.— М., 1923.— 84 с.

Доклад русской делегации ИККИ XII съезду РКП(б).

509. Основные итоги XII съезда РКП: С прил. резолюций съезда/ Совместно с Зиновьевым Г.— Краснодар: «Буревестник», 1923.— XXII.— 143 г.— То же.— См. № 506.

Из содерж.: Итоги XII съезда.— С. VII—XXII.

510. От крушения царизма до падения буржуазии.— 2-е изд.— Харьков: Пролетарий, 1923.— 144 с.— Другие издания.— Харьков, 1925.

Из содержания: Классовая борьба и революция в России.— 1919; От диктатуры империализма к диктатуре пролетариата.— 1918.

Рец. Волковичер И. // Пролетар. революция.— 1923.— № 17.— С. 364—365.

511. По скучной дороге: (Ответ моим критикам) // Красная новь.— 1923.— Кн. 1.— С. 275—289.

По поводу критики В. Сарабьяновым работы Н. И. Бухарина «Теория исторического материализма».— См. № 454.

512. Пролетарская революция и культура.— Пг.: Прибой, 1923.— 56 с.— Другие издания.— Пг., 1925.

513. Развитие капитализма и его гибель (теоретическая часть «Азбуки коммунизма»).— Новониколаевск: Рабочий, 1923.— 55 с.

514. Расширенный пленум исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, 12—23 июня 1923 г.: Отчет.— М.: Красная новь, 1923.— 320 с.— То же.— Правда.— 19, 20, 23 июня.

Из содерж.: Доклад и заключительное слово. О границах централизма в Коминтерне.— С. 144—152, 172—174; Доклад: В программе Коминтерна.— С. 243—248; Выступление в прениях по отчетному докладу.— С. 53—55.

515. [Реферат и заключительное слово Н. И. Бухарина]: Дискуссия по вопросу о постановке культурной проблемы // Спутник коммуниста.— 1923.— № 19.— С. 95—112, 118—125.

516. Теория исторического материализма: Опыт конспекта в 6-ти лекциях. По кн. Бухарина/Сост.: Кеннинг и Бах // Там же.— С. 173—195.

517. Чем мы побеждаем? // Вождь пролетариата — Российская Коммунистическая партия.— Пг., 1923.— С. 24—29.— То же.— Правда.— 1923.— 14 марта.

ПРАВДА

518. Международная политика пролетарского государства: Письмо т. Бухарина // 11 янв.— То же.— Intern. Press-Korrespondenz.— 1923. Письмо Б. Суварину.
519. Первая ласточка (Заметка) // 12 янв.
    О повести Ю. Лебединского «Неделя».
520. По поводу порядка дня партийного съезда // 25 янв.
521. [Выступление на пленуме Московского совета о рурских событиях] // 16 янв.
523. Письмо т.т. Бухарина и Зиновьева министру юстиции Франции // 16 февр.
524. Роль и значение марксизма // 18 марта. Краткое изложение доклада на заседании МК и ЦК ВКП(б), посвященном 25-летию РКП.
525. Влияние нэпа и «уклоны» в рабочем движении // 25 марта.
526. [Речь на Всероссийском съезде совпартшкол] // 12 апр. Краткое изложение речи.
527. [Речь на экстренном пленуме Московского Совета в связи с нотой английского правительства] // 13 марта.
528. Вместо маленького фельетона: Кулон // 23 мая.
529. О культурных объединениях // 7 июня.
530. Культурный фронт и интеллигентский пессимизм // 24 июня.
531. Критика и критика // 30 июня.
532. Крестьянство и рабочий класс в ближайший исторический период // 28 сент.—То же.— Intern. Press-Korrespondenz.— 1923.— N 162.
533. [Речи на совещании рабкоров, созванном «Правдой»] // 20, 22 нояб.
534. Eine grosse marxistische Partei // Intern. Press-Korrespondenz.— 1923.— N 45.— S. 338—339.— To же.— The Communist Rev.— 1923.— 4.— N 1.
535. Die Internationale der allgemeinen, gleichen und offenen Niedertracht! // Intern. Press-Korrespondenz.— N 76.— S. 653—654.
536. Die Ruhrbesetzung und Sovjetrussland // Ibid.— N 31.— S. 229—230.

1924

537. Атака: Сб. теорет. статей.— 2-е изд.— М.: Гос. изд-во, 1924.— 303 с.
    Содерж.: Теория субъективной ценности Бём-Баверка; Теоретическое примиренчество (Теория ценности г. Тугана-Барановского); Политическая экономия без ценности (Социальная теория распределения): Фокус-покусы г-на Струве: Теория либерального социализма; К постановке проблем теории исторического материализма: (Беглые заметки): Енчмениада (К вопросу об идеологическом вырождении); О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем (Ответ

проф. И. Павлову); Буржуазная революция и революция пролетарская; Ленин как марксист; Проект программы Коммунистического Интернационала.

Рец.: *Капитонов И.* // Большевик.— 1924.— № 10.— С. 87—89; *Зайнев А.* // Под знаменем марксизма.— 1924.— № 6—7. С. 289—291; *Членов С.* // Красная новь.— 1924.— № 6.— С. 359.

538. Второй Интернационал под флагом «левого коммунизма» // Большевик.— М., 1924.— 5/6.— С. 16—25.

539. [Выступление на совещании при Отделе Печати ЦК РКП(б) 9 мая 1924 г.] // К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе.— М., 1924.— С. 35—39.

540. [Доклад по программному вопросу] // V Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала, 17 июня — 8 июля 1924 г.— М.; Л., 1925.— С. 485—506.

541. Доклад т. Бухарина на 13 съезде РКП(б): Отчет о работе представительства РКП(б) — Тифлис: Заккрайком РКП(б), 1924.— 42 с.

542. Заветы Ленина и рабкоры // Рабочий корреспондент.— 1924.— № 2.— С. 6—11.— То же.— См. № 553.— Другие издания.— Омск, б. г; М., 1928.

543. Из доклада на V съезде РКСМ // Вопросы жизни и борьбы.— М.; Л., 1924.— С. 55—64.

544. Империализм и накопление капитала (Теоретический этюд).— М.; Л.: Гос. изд-во, 1925.— 136 с.— Другие издания.— М.; Л., 1926; 1927; 1928; 1929.

Первая публикация: Под знаменем марксизма.— 1924.— № 4/5.— С. 160—200; № 6/7.— С. 157—170; № 8/9 — С. 210—223.

Рец.: *Эвентов Л.* // Большевик.— 1925.— № 8.— С. 114—119.

545. Как не нужно писать историю Октября: (По поводу книги Троцкого «1917»: (Из «Правды» № 251 от 2 нояб. 1924 г.)) — М.: Гос. изд-во, 1924.— 16 с.— То же.— Об «Уроках Октября».— Л., 1924; За ленинизм, против троцкизма.— М., 1925; К вопросу о троцкизме.— М.; Л., 1925.— Другие издания.— Л., 1925.

546. Ленин как марксист.— Харьков: Пролетарий, 1924.— 52 с.— То же.— Вестн. Ком. Акад.— 1924.— № 7; *Путь* к социализму в России.— Нью-Йорк, 1967; Избранные произведения.— М., 1988; Атака.— М., 1926.— Другие издания.— М., 1925; Л., 1925; Харьков, 1925.

Доклад на заседании Коммунистической Академии 17 февраля 1924 г.

Рец.: *Кин Д.* // Спутник коммуниста.— 1924.— № 8.— С. 171—172.

547. Ленинское воспитание молодежи: Речь на VI Всесоюз. съезде Ленинского Коммунистического Союза молодежи 15 июля 1924 г.— М.: Мол. гвардия, 1924.— 49 с.— То же.— Первая годовщина.— М., 1925; Правда.— 1924.— 17 июля.

548. Молодняк: Докл. о работе среди молодежи на XIII съезде РКП(б).— Екатеринбург: Уралкнига, 1924.— 34 с.: прил.

549. Новое откровение о советской экономике, или как можно погубить рабоче-крестьянский блок: (К вопросу об экономическом обосновании троцкизма).— М., Л.: Гос. изд-во, 1925.— 35 с.— То же.— Большевик.— 1924.— № 15/16; Прав-

да.— 1924.— 12 дек.; Intern. Press-Korrespondenz.— 1924.— № 167; К вопросу о троцкизме.— М.; Л., 1925; Некоторые вопросы экономической политики.— М., 1925; Об экономической платформе оппозиции.— М.; Л., 1926; За ленинизм.— М.; Л., 1925; Избранные произведения.— М., 1988.— Другие издания.— Константиновка, 1925.

О статье: *Преображенский Е.* Основной закон социалистического накопления // Вестн. Ком. Акад.— 1924.— Кн. 8.— С. 47—116.

550. О ликвидаторстве наших дней // Большевик.— 1924.— № 2.— С. 3—9.— То же.— *Путь* к социализму в России.— Нью-Йорк, 1967; *Горелов И. Е.* Николай Бухарин.— М., 1988.

551. О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем (Ответ проф. И. Павлову).— Л.: Гос. изд-во, 1924.— 60 с.— То же.— Красная новь.— 1924.— № 1.— С. 170—188; № 2.— С. 104—119; Атака.— М., 1926; *Путь* к социализму в России.— Нью-Йорк, 1967.

552. О некоторых задачах нашей работы в деревне // Большевик.— 1924.— № 7/8.— С. 21—26.

553. О рабкоре: (Сб. ст.).— М.: Правда, 1924.— 50 с.

Из содерж.: Предисловие редакции журнала «Рабочий корреспондент»; Заветы Ленина и рабкоры: Диктатура пролетариата и рабкоровские организации; Два слова о некоторых особенностях рабкоровской работы; На чем нужно обучаться рабкорам; Вопросы совещания рабкоров; Об убийстве селькора Малиновского.

Статья написаны в разное время.

554. О работе среди молодежи: Тез. к XIII съезду РКП(б), одобренные ЦК.— М.: Новая Москва, 1924.— 32 с.— То же.— Партия и воспитание смены.— М.; Л., 1925.

555. Переломный год нашего развития: Докл. на 14-й Тульской губпартконференции.— Тула, 1924.— 38 с.

556. Письмо Н. И. Бухарина Ф. Э. Дзержинскому // Вопр. истории КПСС.— 1988.— № 11.— С. 42—43.

557. По новоду статьи тов. Троцкого: (Ответ редакции) // Большевик.— 1924.— № 12/13.— С. 105—109.— Совместно с Астровым В., Вардиным Ил., Каменевым Л., Слепковым А.

558. Противоречия современного капитализма // Там же.— № 10.— С. 7—11.

559. V Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала, 17 июня — 8 июля, 1924 г.: Стеногр. отчет.— М.; Л., Гос. изд-во, 1925.

Из содерж.: Выступления по докладу о политической комиссии.— С. 566—573; 585—586; О работе программной комиссии.— С. 971—972; 984.

560. Работа среди молодежи: Докл. и резолюция XIII съезда РКП(б) — М.: Новая Москва, 1924.— 70 с.— (XIII съезд РКП(б). Вып. 1).— Другие издания.— Баку, 1924.

561. Революционный теоретик.— Л.: Гос. изд-во, 1924.— 12 с.— Другие издания.— Ташкент, 1925.

562. Речи, произнесенные на Тереке в 1924 году.— Пятигорск, 1924.— 63 с.

Из содерж.: Речь па митинге работниц, казачек и крестьянок.— С. 57—58; [Речь на встрече с рабочими Минеральных Вод].— С. 61—62.

563. Сорин В. Рабочая группа («мясниковщина»)/Предисл. Н. Бухарина.— М.: МК РКП, 1924.— 135 с.
564. Теория перманентной революции // За ленинизм: Сб. ст.— М., Л., 1925.— С. 332—373.— То же.— Правда.— 1924.— 28 дек; К вопросу о троцкизме.— М.; Л., 1925.— Другие издания.— О теории перманентной революции.— Артемовск, 1925.

Доклад на собрании пропагандистов Московской организации РКП(б) 13 декабря 1924.
565. Тринадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков), 23—31 мая 1924 г.; Стеногр. отчет.— М.: Красная новь, 1924.— 765 с.: диагр.— То же.— Правда.— 1924.— 29—31 мая.

Из содерж.: Отчет представительства РКП(б) в Исполкоме Коминтерна, Заключительное слово; Доклад о работе среди молодежи.
566. Хозяйственный рост и проблема рабоче-крестьянского блока // Большевик.— М., 1924.— № 14.— С. 25—35.— То же.— Некоторые вопросы экономической политики.— М.; 1925.
567. Что такое социальные нормы // Вопросы жизни и борьбы.— М.; Л., 1924.— С. 8—13.

ПРАВДА

568. 1) Письмо бывших левых коммунистов. 2) Письмо Бухарина // 3 янв.
569. Товарищ // 24 янв.— То же.— Intern. Press-Korrespondenz.— 1924.— № 19; Первая годовщина.— М., 1925.
570. [Речь на смерть В. И. Ленина на 2-м съезде Советов СССР] // 30 янв.
571. Ленин как марксист: Докл. на заседании Ком. Акад.— 17 февр. // 19 февр.
572. Беглые заметки // 24 февр.
573. Уроки английской «Рабочей партии» // 1 марта.
574. [Доклад и выступления на V конгрессе Коминтерна] // 26, 29 июня; 1 июля; 2 июля.
575. [Речь на III Всемирном Конгрессе Профинтерна] // 9 июля.
576. [Речь на вечере рабкоров «Правды» совместно с делегатами V конгресса Коминтерна 11 июля 1924 г.] // 16 июля.
577. Политическое воспитание молодежи и ленинизм // 17 июля. Речь на VI съезде РЛКСМ.
578. Общие итоги нашего развития и его перспективы: Докл. на всесоюзном съезде врачей // 24 окт.
579. К итогам английских выборов // 2 нояб.
580. Контрманевр Самуила Гомперса // 21 нояб.— То же.— Intern. Press-Korrespondenz.— 1924.
581. Новое проявление «пацифизма» // 2 дек.
582. О селькорах и нашей политике в деревне: [Речь на 2-м Всесоюз. совещ. рабкоров, селькоров и юнкоров при «Правде»] // 11 дек.
583. Против «единой профорганизации» рабкоров: [Речь на всесоюз. совещ. рабкоров...] // 16 дек.
584. К вопросу об организации рабкоров и селькоров // 28 дек.

585. Die innere Lage der Sovjetunion // Intern. Press-Korrespondenz.— 1924.— N 143.— S. 1915—1916.
586. Die Widersprüche des Modernen Kapitalismus // Die Internationale.— 1924.— N 18.— S. 560—563.

1925

587. Значение аграрно-крестьянской проблемы // Большевик.— 1925.— № 3/4.— С. 3—17.
588. К вопросу о наших разногласиях: Речь на XIV съезде РКП(б).— Л., 1926.— 24 с.: прилож.
589. К вопросу о троцкизме.— М.; Л.: Гос. изд-во, 1925.— 192 с.
Из содерж. Долой фракционность!; Как не нужно писать историю Октября; Новое откровение о советской экономике, или как можно погубить рабоче-крестьянский блок; Теория перманентной революции; К критике экономической платформы оппозиции: (Уроки октября 1923 г.).
Рец.: *Марецкий Д.* // Большевик.— 1925.— № 5/6.— С. 106.
590. К критике экономической платформы оппозиции: Уроки октября 1923 г. // Большевик.— 1925.— № 1.— С. 25—58.— То же.— Некоторые вопросы экономической политики: К вопросу о троцкизме.— М.; Л., 1925.
591. К теории империалистического государства // Революция права.— М., 1925.— Сб. 1.— С. 5—32.
592. Коммунизм и диктатура пролетариата (две главы из «Азбуки коммунизма») — М.; Л.: Мол. гвардия, 1925.— 64 с.
593. Коммунистическое воспитание молодежи.— М.; Л.: Мол. гвардия, 1925.— 125 с.
594. Комсомол, за углубленную большевистскую работу!: Докл. на 9-м Губ. съезде Моск. организации РЛКСМ 23 марта 1925 г.— М.: Новая Москва, 1925.— 32 с.— То же.— Правда.— 1925.— 26 марта.
595. Международная буржуазия и Карл Каутский — ее апостол: Ответ К. Каутскому.— М.: Правда, 1925.— 105 с.— То же.— Правда.— 1925.— 28, 30 июня; 3, 9, 12, 19 июля; 6, 9, 11 авг.; Intern. Press-Korrespondenz.— 1925.— № 111, 113, 115, 116, 119—124; В защиту пролетарской диктатуры.— М.; Л.; 1928.
Рец.: *Г. Г.* // Спутник коммуниста.— 1925.— № 10.— С. 98; *Милонов К.* // Большевик.— 1925.— № 17/18.— С. 81—83.
596. Некоторые вопросы экономической политики: Сб. ст.— М.: ЦУП ВСНХ СССР, 1925.— 86 с.
Из содерж.: Хозяйственный рост и проблема рабоче-крестьянского блока; Новое откровение о советской экономике или как можно погубить рабоче-крестьянский блок; К критике экономической платформы оппозиции.
597. О новой экономической политике и наших задачах: Докл. на собрании актива Моск. организации 17 апреля 1925 г.— Харьков: Пролетарий, 1925.— 50 с.— То же.— Большевик.— 1925.— № 8—10; *В помощь* партработнику.— Владимир, 1925; *Горелов И. Е.* Николай Бухарин.— М., 1988; Избранные произведения.— М., 1988.
598. О работе комсомола.— М.: Новая Москва, 1925.— 29 с.— То же.— Правда. 1925.— 27 нояб.
Тезисы к XIV съезду партии, одобренные Политбюро ЦК.

599. О работе комсомола: Докл. и заключит. слово на XIV съезде ВКП(б) с прил. резолюции о работе комсомола.— М.; Л.: Гос. изд-во, 1926.— 48 с.— То же.— Нар. просвещение.— 1926.— № 1; Правда.— 1926.— 3 янв.— Другие издания.— М., 1925; Л., 1926.

Выходила также под названием: «О работе РЛКСМ...».

600. О работе среди молодежи // Партия и воспитание смены.— Л.; М., 1925.— С. 63—124.

601. О формальном методе в искусстве // Красная новь.— 1925.— № 3.— С. 248—257.

Речь на диспуте «Искусство и революция».

602. Октябрь: Избр. статьи В. И. Ленина, Н. И. Бухарина и И. В. Сталина/Сост. Ташкаров П. М. Под ред. Г. И. Бройдо.— М.; Л.: Гос. изд-во, 1925.— 176 с.: ил.

Из содерж.: Вперед! — С. 62—66; К социализму! — С. 94—97; Крах империалистического правительства.— С. 97—99; Новая революция и международный капитал.— С. 120—121; Манифест Военно-Революционного комитета Московских Советов рабочих и солдатских депутатов: Ко всем гражданам Москвы.— С. 121—122; Из-за чего борьба?— С. 123—124; О московских событиях. С. 124—218; Правительство гражданской войны — Октябрьская революция: (Глава из брошюры Н. И. Бухарина «От диктатуры империализма к диктатуре пролетариата»).— С. 137—152.

603. Основные черты момента: (Речь тов. Бухарина на XIV Москв. губ. парт. конф.) // Спутник коммуниста.— 1925.— № 12.— С. 8—25; Правда.— 1925.— 10 дек.

604. От капитализма к коммунизму: (Из «Азбуки коммунизма»).— М.; Л.: Мол. гвардия, 1925.— 80 с.

605. Очередные задачи.— Л.: Кубуч, 1925.— 32 с.

606. Первая годовщина: 21 января 1924 — 21 января 1925.— М.: Моск. раб., 1925.— 327 с.

Из содерж.: Товарищ.— С. 204—206; Ленинское воспитание молодежи.— С. 268—283; Как работал Ленин.— С. 283—287; Стоящие перед нами теоретические проблемы.— С. 300—307.

607. Письмо Н. И. Бухарина В. В. Куйбышеву 1925 г. // Вопр. истории КПСС.— 1988.— № 11.— С. 43.

608. Пролетариат и вопросы художественной политики // Красная новь.— 1925.— № 4.— С. 263—272.— То же.— Вопросы культуры при диктатуре пролетариата.— М.; Л., 1925.

Речь на литературном совещании при ЦК в 1925 г.

609. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз.— М.; Л.: Гос. изд-во, 1925.— 106 с.— То же.— *Путь* к социализму в России.— Нью-Йорк, 1967; Избранные произведения.— М., 1988.— Другие издания.— Минск, 1925; Н. Новгород, 1925; М.; Л., 1926; 1927; Харьков, 1926.

Рец.: *С-ков* // Спутник коммуниста.— 1925.— № 9.— С. 94—97.

610. Расширенный пленум исполкома Коммунистического Интернационала, 21 марта — 6 апреля 1925 г.: Стеногр. отчет.— М.; Л.: Гос. изд-во, 1925.— 606 с.— То же.— Правда.— 1925.— 9 апр.

Из содерж.: Доклад и заключительное слово: Крестьянский вопрос и мировая пролетарская революция.— С. 304—328;

356—363; Доклад о дискуссии в РКП(б).— С. 364—384.

611. Революция 1905 года // Вестн. труда.— М., 1925.— № 12.— С. 5—8.

612. [Речь Н. И. Бухарина] // Тр. Первого Всесоюз. совещания сельскохозяйственных коллективов, 26 февраля — 6 марта 1925 г.— М., 1925.— С. 256—261.— То же.— Правда.— 1925.— 5 марта, 6 марта.

613. *Сорин В.* Партия и оппозиция: Из истории оппозиц. течений: 1. Фракция левых коммунистов/Предисл. Н. Бухарина.— М.: Моск. раб., 1925.— 186 с.

614. Судьбы русской интеллигенции // Вопросы культуры при диктатуре пролетариата.— М.; Л., 1925.— С. 152—165.— То же.— Печать и революция.— 1925.— № 3; Судьбы современной интеллигенции: Материалы диспута.— Б. М., 1925.

615. Текущий момент и основы нашей политики: О решениях ЦК РКП(б) и XIV партконф.: Докл. на пленуме МК РКП(б).— М.: Моск. раб., 1925.— 40 с.

616. Текущий момент и политика партии: (Докл. на VI Всесоюз. конф. РЛКСМ).— Ростов н/Д: Сев-Кавк. крайком РКП(б), 1925.— [2], 9 с.— То же.— Правда.— 1925.— 19 июня.

617. Три речи: К вопросу о наших разногласиях.— М.; Л.: Гос. изд-во, 1925.— 71 с.— То же.— К вопросу о наших разногласиях.— Л., 1926.

618. Учительство и комсомол: (Докл. на Всесоюз. съезде учителей).— М.: Новая Москва, 1925.— 24 с.— То же.— Правда.— 1925.— 4 февр.; Борьба за кадры.— М., 1926. Другие издания.— Харьков, 1925; Киев, 1926 (на пол. яз.).

619. Цезаризм под маской революции: По поводу книги Н. Устрялова «Под знаком революции».— М.: Правда, 1925.— 47 с.— То же.— Правда.— 1925.— 13, 15 нояб.; В защиту пролетарской революции.— М.; Л., 1928.— Другие издания.— Н. Новгород, 1925.

620. XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стеногр. отчет.— М.; Л.: Гос. изд-во, 1926.— VIII.— 1029 с.— То же.— Правда.— 1925.— 23 дек.; 1926.— 3 янв; К вопросу о наших разногласиях.— Л., 1926.

Из содерж.: Речь в прениях по отчету ЦК.— С. 130—153; Доклад и заключительное слово о работе комсомола.— С. 811—827; 850—857.

ПРАВДА

621. Памяти Ильича // 21 янв.: 1988.— 12 февр.— То же.— Избоанные проиаведения.— М., 1988.

622. [Речь на траурном заседании ЦК, МК РКП и Института Ленина] // 24 янв.

623. [Рецензия] // 7 февр.

Рец. на кн.: *Стецкий А.* К вопросу о троцкизме.— 1925.

624. Наша переписка // 1 февр.

625. Проект тезисов по крестьянскому вопросу, одобренный делегацией РКП(б) и вносимый в комиссию пленума ИККИ // 1 апр

626. Юлиан Мархлевский // 5 апр.

626a. Новые задачи нашей крестьянской политики: (Доклад на собрании активных работников Московской организации 17 апреля) // 24 апр.
627. [Речь на XIV Всесоюзной конференции РКП(б)] // 3 мая.
628. Новое в международном положении: Доклады тт. Бухарина, Коларова и Ф. Копа в театре Революции 23 мая // 26 мая.
629. Немецкие рабочие и СССР // 11 июля.
630. Памяти М. В. Фрунзе // 3 нояб.
631. Заявление тов. Бухарина // 13 дек.
О призыве «обогащайтесь!»
632. Die Diktatur des Proletariats und die Klassen // Die Internationale.— 1925.— N 4.— S. 173—177.
633. Lenin, der Führer der Komintern // Intern. Press-Korrespondenz.— 1925.— N 41.— S. 612—613.
634. Lenins Persönlichkeit // Ibid.— 1925.— N 29.— S. 435—436.
635. Die Reise der deutschen Arbeiterdelegation in die Sowjetunion // Ibid.— 1925.— N 110.— S. 1513—1514.
636. Stabilisierung des Kapitalismus, die Zweite Internationale und wir // Ibid.— 1925.— N 102.— S. 1385—1386.

1926

637. Автобиография // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат.— 7-е изд.— Т. 41, ч. 1.— М., б/г.,— Стб. 52—56.— То же.— Природа.— М., 1988.— № 9.— Избранные труды.— М., 1988.
638. «Апелляция» оппозиции: Речь на VII расширенном Пленуме ИККИ 8 дек. 1926 г.— М.; Л.: Гос. изд-во, 1927.— 46 с.
639. Борьба за кадры. Речи и статьи.— М.; Л.: Мол. гвардия, 1926.— 350 с.: Указ. предм. и имен.
Из содерж.: Проблема кадра в пролетарской революции: Борьба за новых людей; Школа — поставщик обученного труда; «Кухаркины дети» и культура; О рабочих факультетах; Опасности перерождения; Элементарная задача в области производства коммунистов; Совпартшколы; К пятилетию Свердловии; Задачи выпускника-свердловца; Беречь молодые силы!; Об упорядочении быта молодежи. «Старики» и молодежь в нашей партии; К вопросу о поколениях в партии; О работе среди молодежи; Речи на XIII съезде РКП. Нашей молодежи; Поколение, которое сумеет победить; III съезд РКСМ; К II конгрессу КИМ'а; К IV съезду РКСМ; К III конгрессу КИМ'а; Научимся влиять на молодежь; V съезд РКСМ; Идущим к книге; Знамя смене; VI съезд РЛКСМ; Комсомол и учительство; К углубленной работе; О работе РЛКСМ. Приложения.
640. Вопросы международной политики: Основные моменты докл. тов. Н. И. Бухарина на XV конф. ВКП(б).— Сталино, Агитпроп Сталин. ОКП(б)V, 1926.— 32 с.
641. Доклад активу Ленинградской организации ВКП(б), 28 июля 1926 г. // Рыков А. И., Бухарин Н. И. Партия и оппозиционный блок.— М.; Л., 1926.— С. 37—96.— То же.— См. № 656.
642. Доклад на XXIII чрезвычайной Ленинградской губернской конференции ВКП(б).— М.; Л.: Гос. изд-во, 1926.— 59 с.— То же.— К итогам дискуссии.— 1926; *Путь* к социализму

в России.— Нью-Йорк, 1967; Избранные произведения.— М., 1988.

643. К вопросу о закономерностях переходного периода: Критич. замечания на кн.: Е. Преображенского «Новая экономика».— М.; Л.: Моск. раб., 1928.— 92 с.— То же.— Правда.— 1926.— 1, 3, 7 июля; Intern. Press-Korrespondenz.— 1926.— № 98, 100, 105, 108, 111.

644. К вопросу о наших разногласиях: Речь на XIV съезде РКП(б).— Л., 1926.— 24 с.; прил.

645. К итогам дискуссии: Доклады за XXIII чрезвыч. Ленингр. губ., Выборг. и Моск.-Нарв. район. конференциях ВКП(б).— Л.: Прибой, 1926.— 114 с.

Содерж.: Доклад на XXIII чрезвычайной конференции Ленинградской организации ВКП(б); Доклад на 9-й чрезвычайной партконференции Выборгского района; Доклад на чрезвычайной конференции Московско-Нарвского района.

646 К итогам XIV съезду ВКП(б): Докл. на собрании активных работников Моск. организации 5 янв. 1926.— Л.: Прибой, 1926.— 62 с.— То же.— Правда.— 1926.— № 10, 12 янв.; Другие издания.— М., 1926; Л.; 1926; Баку, 1926; Минск, 1926; Н. Новгород, 1926; Харьков, 1926.

Выходила также под названием: Итоги XIV съезда...

647. Какой должна быть молодежь?: Наши основные задачи и молодежь // Молодая гвардия.— М., 1926.— № 2.— С. 73—92.

648. Капиталистическая стабилизация и пролетарская революция: Докл. и заключит. слово по первому пункту порядка дня: «О международном положении и задачах Коминтерна» на VII расшир. пленуме Исполкома Коминтерна с прил. тезисов, принятых пленумом.— М.; Л.: Гос. изд-во, 1927.— 347 с.— То же.— Правда.— 1926.— 25 нояб.; Intern. Presse-Korrespondenz.— 1926.— № 47.— Другие издания.— М., 1926 (на англ., нем., франц. яз.).

649. Критика экономической платформы оппозиции.— Л.: Прибой, 1926.— 93 с.

Из содерж.: Новое откровение о советской экономике...; К критике экономической платформы оппозиции.

650. На подступах к Октябрю: Ст. и речи, май — дек. 1917 г.— М.; Л.: Гос. изд-во, 1926.— 188 с.

Из содерж.: Петроградский Совет Р. и С. А. и армия; Они недовольны; Военная дороговизна; Три направления в старой социал-демократии; До каких пор ждать?; Либералы и городские служащие; Российская революция и ее судьбы; Клеветники; Государственный контроль над производством и русская буржуазия; Буржуазные патриоты и «заем свободы»; Организованное творчество; Русское наступление и цели союзников. Где контрреволюция?; Еще одно «освобождение»; Нота Временного правительства; Слова и дела; Вперед!; По поводу съезда Советов рабочих и солдатских депутатов; Министерские мероприятия; Торжественное заявление; По поводу наступления; О наступлении на фронте (Речь на пленуме Исполкома Моссовета от 21 июня 1917 г.); О наступлении (Из стенограммы заседания Исп. Ком. С. Р. и С. Д. 21 июня); Экономический развал и война; Натиск капиталистов; Парижская коммуна и революционная Россия:

(Ист. параллель). Еще раз о тов. Ленине; Поражение или победа?; «Сотрудничество всех классов»; Кризис власти (Речь на Чрезвыч. заседании гор. думы 23 июля). Манифест Российской соц.-демокр. рабочей партии: Из протоколов VI съезда РСДРП(б); Иезуитский штаб контрреволюции; Планы генералов; Экономическая политика промышленников, московское совещание и демократия. «Общенациональные задачи» и гражданская война; К вопросу о земельных захватах. Международная революция; Чудовищное предательство; Восстановление самодержавия?; Мелкие заметки; Советы прежде и теперь; Кадетский съезд; Развернутый фронт; 19-е октября в московских Советах; Громят Советы; Экономика и политика; К социализму; Крах империалистического правительства; Из-за чего борьба? Новая революция и международный капитал. Чего хотят большевики?; Маски долой!; Каледин и Авксентьев; Герои лжи и подлога; Манифест военно-революционного комитета Московских Советов рабочих и Солдатских депутатов ко всем гражданам Москвы; Черносотенные «социалисты»; О московских событиях: Речь тов. Бухарина на заседании Всерос. Центр. Исп. комитета Советов раб. и солд. депутатов 2 созыва. Речь на первом заседании Учредительного собрания.

651. О международном положении: Докл. на собрании активных работников Ленингр. организации ВКП(б) 11 июня 1926 г.— Л.: Прибой, 1926.— 48 с.— Другие издания.— Тула, б. г.

652. О международном и внутреннем положении СССР: Докл. и заключительное слово на XV Моск. губпартконференции и резолюция по докл.: Правда: Беднота, 1927.— 108 с.

653. О рабкоре и селькоре: Ст. и речи.— 2-е изд.— М.: Правда: Беднота, 1926.— 78 с.— Другие издания.— Баку, 1928;

Включает статьи сб. «О рабкоре»— М., 1924 г., а также: К вопросу о международной связи; Против рабкоровского профсоюза; О селькорах и нашей политике в деревне; К вопросу об организации рабкоров и селькоров; Рабселькоры — кусочек пролетарской демократии».

654. О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства в СССР.— Л.: Прибой, 1926.— 80 с.— То же.— Большевик.— 1926.— № 19/20; Избранные произведения.— М., 1988.— Другие издания.— Харьков, 1926.

655. Париж. Лондон. Борнемут // Вестн. труда.— 1926.— № 9.— С. 3—4.

656. Партия и оппозиционный блок: [Докл. на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б) 28 июля 1926 г., об итогах июльского пленума ЦК и ЦКК].— М.; Л.: Гос. изд-во, 1926.— 67 с.; прил.— То же.— Правда.— 1926.— 3 авг.; Intern. Press-Korrespondenz.— 1926.— № 100, 103; The Communist Rev.— 1926.— 5 сент., 6 окт., 7 нояб.— Другие издания.— *Рыков А. И. и Бухарин Н. И.* Партия и оппозиционный блок.— М., Л., 1926.— № 641; Баку, 1926; Минск, 1926; Харьков, 1926.

Об этом докладе см.: *Майзлин*. Тов. Бухарин в борьбе против «оппозиционного блока» // Большевик.— 1926.— № 18.— С. 103—117.

657. Партия и рукоаодстао рабселькорами: Докл. и заключит. слово на 3-м Всесоюз. соаещании рабселькороа при «Правде» и «Рабоче-крестьянском корреспонденте».— М.: Правда: Беднота. 1926.— 40 с.
658. Перед Октябрем // В дни Великого Октября.— М.; Л., 1926. С. 41—43.
Из речи на вечере аоспоминаний.
659. Пролетарский якобинец: Памяти Ф. Э. Дзержинского: Речь на траур. заседании Моск. Соаета от 23 июля 1926 г.— М.; Л.: Моск. раб., 1926.— 14 с.
660. XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), 26 окт.— 3 нояб. 1926 г.: Стеногр. отчет.— М.; Л.: Гос. изд-ао, 1927.— 845 с.— То же.— Праада.— 1926.— 28, 29 окт.; 10 нояб.; Intern. Press-Korrespondenz.— 1926.— № 129, 130, 133, 142.
Из содерж.: О международном положении.— С. 3—45; Заключительное слоао.— С. 88—101; Речь в прениях по докладу И. В. Сталина.— С. 577—604.
661. Шестой расширенный пленум исполкома Коминтерна, 17 феараля — 15 марта 1926: Стеногр. отчет.— М.; Л.: Гос. изд-во, 1927.— VI.— 707 с.— То же.— Правда.— 1926.— 28 февр.; 16 марта.
Из содерж.: Выступления а прениях по отчету Исполкома.— С. 201—213; Доклад германской комиссии и заключительное слоао.— С. 517—522, 574—585.

ПРАВДА

662. К аопросу об изучении ленинизма: (Заметки) // 21 яна.
663. «Рычи, Китай» а театре Мейерхольда // 2 феар.
664. Текущий ремонт и политика партии: Докл. на VI съезде РЛКСМ // 21 марта.
665. Доклад по крестьянскому аопросу // 9 апр.
666. Доклад о дискуссии в ВКП(б) // 9 апр.
667. Ленин как тип мыслителя // 23 апр.
668. [Речь а Ростове-на-Дону об английской забастоаке] // 15 мая.
669. [Доклад, заключительное слоао и выступления на 3-м всесоюзном совещании рабселькороа] // 25, 26, 28, 29 мая.
670. Вопросы международной революционной борьбы: (Из докл. на собрании Моск. актиаа 8 июня) // 26 июня.
671. Феликс Дзержинский умер // 21 июля.— То же.— Intern. Press-Korrespondenz.— 1926.— N 98.
672. [Речь на похоронах Ф. Э. Дзержинского] // 23 июля.
673. [Речь на траурном заседании Москоаского Соаета] // 24 июля.
674. Новая программа австрийской социал-демократии // 17 сент.
675. На пороге десятого года // 7 нояб.
676. [Речь на VII Всесоюз. съезде профсоюзоа] // 7 дек.
677. [Выступление на VII расширенном пленуме ИККИ] // 14 дек.
В прениях по докладу И. В. Сталина.
678. Fragen des internationalen revolutionären Kampfes // Intern. Press-Korrespondenz.— 1926.— N 90.— S. 1453—1464.

679. VII Tagung des Erweiterten EKKI: Die internationale Lage und die Aufgaben der Komintern // Ibid.— N 148, 158, 160.
680. Zu den Ergebnissen der 6. Erweiterten Exekutive // Die Internationale.— 1926.— N 8.— S. 225—227.

1927

681. Доклад на XVI Моск. губ. партконференции 20 ноября 1927 г.— М.: Раб. Москва, 1927.— [16 с.]
Издание М.; Л., 1928.— вышло под названием: Очередные задачи партии.
682. Злые заметки.— М.; Л.: Гос. изд-во, 1927.— 19 с.— То же.— Правда.— 1927.— 12 янв.; Октябрь.— 1927.— № 2.— Этюды.— М.; Л., 1932.— Подъем.— 1988.— № 7.
По поводу этой статьи см.: *Либединский Ю.* Какие выводы должны сделать пролетарские писатели из статьи тов. Бухарина // Октябрь.— 1927.— № 2; *Крученых А.* О статье Н. Бухарина против Есенина.— М., 1927.— 4 с.
683. Итоги 8 Пленума Исполкома Коминтерна: Докл. на пленуме МК ВКП(б) 4 июня 1927 г.— М.: Гудок, 1927.— 31 с.— То же.— Правда.— 1927.— 18 июня; Intern. Press-Korrespondenz.— 1927.— № 65.— Другие издания.— Харьков, 1927;
Доклад выходил под названием: Итоги Пленума ИККИ.
684. К десятилетию Октябрьской революции: Докл. на VIII Моск. губ. съезде профсоюз. 12 окт. 1927 г.— М.; Л.: Гос. изд-во, 1927.— 80 с.— То же.— Правда.— 1927.— 16, 18 окт.; Intern. Press-Korrespondenz.— 1927.— № 104, 105, 107, 108, 112.— Другие издания.— Баку, 1927; Н. Новгород, 1927.
685. К десятой годовщине февральской революции: Речь на торжественном собрании в Большом театре 12 марта 1927 г.— М.; Л.: Гос. изд-во, 1927.— 32 с.— То же.— Правда.— 1927.— 16 марта; Нар. учитель.— 1927.— № 3; Intern. Press-Korrespondenz.— 1927.— N 32—34.
686. Культурные задачи и борьба с бюрократизмом // Революция и культура.— 1927.— № 2.— С. 5—12.
687. Лозунг Советов в Венском восстании: (Из речи тов. Бухарина в Политсекретариате ИККИ) // Ком. интернационал.— 1927.— № 43.— С. 11—13.
688. На крутом перевале китайской революции.— Н. Новгород: изд. газ. «Нижегород. коммуна», [1927].— 50 с.— То же.— Правда.— 1927.— 10 июля; Intern. Press-Korrespondenz.— 1927.— № 70, 71; О китайской революции.— Иркутск, 1927.
689. Наука и СССР.— Л.: Работник просвещения, 1928.— 16 с.— (Наука и техника).— То же.— Большевик.— 1927.— № 17.— С. 10—20; Нар. учитель.— 1927.— № 11.— С. 29—37; Intern. Press-Korrespondenz.— 1927.— N 102, 103.
690. О международном и внутреннем положении СССР: Докл. и заключит. слово на XV Моск. губпартконференции и резолюции по докл.— М.: Правда: Беднота, 1927.— 108 с.— То же.— Правда.— 1927.— 3, 15 янв.; Intern. Press-Korrespondenz.— 1927.— № 11.— Другие издания.— Н. Новгород, 1927.— Под названием: Международное и современное положение СССР.
691. О старинных традициях и современном культурном строительстве: Мысли вслух // Революция и культура.— 1927.— № 1.— С. 17—22.

692. Об итогах объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б): Докл. на собрании партактиаа Ленингр. организации ВКП(б) 9 авг. 1927 г.— Л.: Прибой, 1927.— 168 с.: прил.— То же.— Правда.— 1927.— 16 авг.— Другие издания.— М.; Л., 1927; Харьков, 1927; Херсон, 1927. Выходил также под названием: «Итоги...»
693. Отчет делегации ВКП(б) в ИККИ XV съезду ВКП(б).— М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.— 206 с.— То же.— Правда.— 1927.— 13—15 дек.; Intern. Press-Korrespondenz.— 1927, № 123, 124.— Другие издания.— Харьков, 1928.— Под названием «Міжнародній стан и завдання Комінтерну...».
694. Очередные задачи партии: Докл. на XVI Моск. губ. партконференции 20 нояб. 1927 г.— М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.— 126 с.: прил.— То же.— Правда.— 1927.— 23, 24, 26 нояб.
695. Партия и оппозиция на пороге XV партсъезда: Докл. на собрании актива Ленингр. организации ВКП(б) 26 окт. 1927 г.— 2-е изд.— М.; Л.: Гос. изд-во, 1927.— 123 с.— То же.— Избранные произведения.— М., 1988.
696. Перспективы китайской революции // Революционный Восток.— 1927.— № 1.— С. 3—21.
Доклад на собрании студентов Ком. университета трудящихся Востока и Ком. университета трудящихся Китая.
697. Проблемы китайской революции.— М.: Правда: Беднота, 1927.— 63 с.— То же.— Правда.— 1927.— 19, 20 апр.— Другие издания.— Н. Новгород, 1927; София, 1927.
698. Речь тов. Бухарина на Президиуме ИККИ: (26 сент. 1927 г.) // Ком. интернационал.— 1927.— № 41.— С. 8—17.

ПРАВДА

699. Ленинизм и строительный период пролетарской революции // 21 янв.
700. [Выступление на собрании ленингр. профактиаа] // 28 янв.
701. [Доклад на XXIV Ленингр. губпартконференции] // 2 февр.— То же.— Intern. Press-Korrespondenz.— 1927.— N 17.
702. О национально-освободительной войне, империализме, защите отечества и германских оппозиционерах: (Ответ на запрос ячейки Schwarzkopf, Берлин) // 27 февр.
703. Живой Ленин // 22 апр.
704. [Речь на похоронах тов. Рутенберга] // 28 апр.
705. Великая борьба // 1 мая.
706. [Речь на похоронах П. Л. Воейкова] // 12 июня.
707. Текущий момент китайской революции // 30 июня.— То же.— Intern. Press-Korrespondenz.— 1927.— N 67.
708. Орлица // 5 июля № 149.
О Кларе Цеткин.
709. Речь на торжественном заседании в Доме Союзов по поводу юбилея тов. Клары Цеткин // 7 июля.
710. [Речь на празднике трудящихся Москвы, посвященном четырехлетию Конституции СССР и обороне страны] // 19 июля.
711. Годовщина славной и трагической смерти // 20 июля.
712. [Речь на Всесоюз. съезде работниц и крестьянок] // 11 окт.
713. [Речь на октябрьском Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) по вопросу о фракционной борьбе тт. Троцкого и Зиновьева после авгу-

стовского Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б)] // 2 нояб.— Дискус. листок № 2.— То же.— Intern. Press-Korrespondenz.— 1927.— N 109.

714. Об итогах Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б): Докл. на собрании актива Ленингр. организации ВКП(б) 26 окт. 1927 г. // 4 нояб.

715. Экономические перспективы в деревне: (О первых одиннадцати тезисах оппозиции по крестьянскому вопросу) // 5 нояб.— То же.— Intern. Press-Korrespondenz.— 1927.— N 118.

716. К десятилетию Октябрьской революции // 6/7 нояб.

717. [Речь на торжественном пленуме Моск. Совета] // 10 нояб.

718. [Речь на Всемирном конгрессе друзей СССР] // 15 нояб.— То же.— Intern. Press-Korrespondenz.— 1927.— N 115.

719. Героическая песнь: (Чекист Феликс Дзержинский) // 18 дек.— То же.— Intern. Press-Korrespondenz.— 1927.— N 125.

720. Der Adler // Intern. Press-Korrespondenz.— 1927.— N 69.— S. 1477.

721. Der Julisieg der Konterrevolution // Ibid.— N 73.— S. 1576.

722. Der Kornilow-Putsch und der Widerstand der Arbeiterschaft // Ibid.— N 87.— S. 1904.

723. Die letzen Anstrengungen der Provisorischen Regierung // Ibid.— N 100.— S. 2161—2163.

724. Die «Liquidation» der Kornilowiade.— Die Demokratische Konferenz // Ibid.— N 93.— S. 2026—2027.

725. Der menschewistische Charakter der Ideologie und der Taktik der Opposition // Ibid.— N 117.— S. 2617—2620.

726. Moskau in der Tagen des Oktober: Aus einer Rede des Gen. Bucharin // Ibid.— N 108.— S. 2356.

727. Die Moskauer Konferenz und ihre Ergebnisse // Ibid.— N 84.— S. 1843—1844.

728. Dem Sozialismus entgegen // Ibid.— N 109.— S. 2395.

729. Die wahren Ursachen des Rucktritts der Kadetten // Ibid.— N 69.— S. 1484.

730. Die Wirking des konterrevolutionären Putschs // Ibid.— N 90.— S. 1969—1971.

1928

731. В защиту пролетарской диктатуры: Сб.— М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.— 261 с.

Из содерж.: Предисловие автора; Международная буржуазия и Карл Каутский — ее апостол; Цезаризм под маской революции; О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства в СССР; Партия и оппозиция на пороге XV съезда партии.

732. Вопросы культуры и культурного строительства на XV съезде ВКП(б) // Нар. учитель.— 1928.— № 2.— С. 36—50.

733. Заметки экономиста: К началу нового хоз. года.— М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.— 56 с.— То же.— Правда.— 1928.— 30 сент.; *Путь* к социализму в России.— Нью-Йорк, 1967; Экономика и организация пром. производства.— Новосибирск: Наука, 1988.— № 8.— С. 55—85; Избранные произведения.— М., 1988.

Об этой работе см.: *Бессонов С.* Накопление и резервы.: (О «Заметках экономиста» тов. Бухарина) // Большевик.— 1929.— № 20.— С. 45—63; *Белый И. А.* Баланс, кризисы, роль субъективных и объективных факторов // План. хоз-во.— 1929.— № 9.— С. 111—130; *Данилов В. П., Красильников С. А.* Оппонент «великого перелома» // Экономика и организация пром. произ-ва.— 1988.— № 8.— С. 45—54.

734. Итоги VI Конгресса Коммунистического Интернационала: Докл. на собрании актива Моск. организации ВКП(б) 5 сент.— 1928.— М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.— 59 с.— То же.— Правда.— 1928.— 12 сент.; Intern. Press-Korrespondenz.— 1928.— N 108.— Другие издания.— М., 1929 (на нем. яз.).

735. Ленинизм и проблема культурной революции: Речь на траур. заседании памяти В. И. Ленина.— М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.— 46 с.— То же.— Правда.— 1928.— 27 янв.; Нар. учитель.— 1928.— № 1; Нар. просвещение.— 1928.— № 1/2; Intern. Press-Korrespondenz.— 1928.— № 12—14; *Путь* к социализму в России.— Нью-Йорк, 1967; Избранные произведения.— М., 1988.

736. Международное положение и задачи Коминтерна: Отчет. докл. исполкома Коминтерна и заключит. слово на VI конгрессе Коминтерна.— М.: Гос. изд-во. 1928.— 174 с.— То же.— Правда.— 1928.— 22 июля; 4 авг.— Другие издания.— Архангельск, 1928.— Под названием: VI Конгресс Коминтерна: Международное положение...; Рязань, 1928; Харьков, 1928; М.; Л., 1929.

737. О Кольцове // Михаил Кольцов: Ст. и материалы.— Л.: Akademia, 1928.— С. 7—10.

738. О некоторых вопросах из первой части проекта программы КИ: Из речи тов. Н. И. Бухарина в программной комиссии // Ком. интернационал.— 1928.— № 31/32.— С. 32—40.

739. Программный вопрос на VI конгрессе Коммунистического Интернационала: Докл. и закл. слово.— М.. Л.: Гос. изд-во, 1928.— 96 с.— То же.— Правда,— 1928.— 17, 19 авг.

740. Текущие задачи комсомола: Докл. на VIII Всесоюз. съезде ВЛКСМ 6 мая 1928 г.— 3-е изд.— М.: Мол. гвардия, 1928.— 59 с.

Фрагмент опубликован: Молодой коммунист.— 1988.— № 10.— С. 78—81.

741. Текущий момент и задачи нашей печати: Докл. на 4-м совещ. рабселькоров.— Йошкар-Ола, 1928.— 26 с.— То же.— Четвертое Всесоюз. совещ. рабкоров, селькоров, военкоров и юнкоров при «Правде» и «Рабоче-крестьянском корреспонденте» (28 ноября — 7 декабря 1928 г.): Стеногр. отчет.— М.: Изд. газ. «Правда», 1929.— С. 6—19 (доклад); 61—70 (закл. слово); Правда.— 1928.— 2 дек.

742. Уроки хлебозаготовок, шахтинского дела и задачи партии: К итогам апрельского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б): Докл. на собрании актива Ленингр. организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г.— Л.: Прибой, 1928.— 93 с.: прил.— То же.— Правда.— 1928.— 19 апр.; Intern. Press-Korrespondenz.— 1928.— N 41—43.

743. Об оппозиции в ВКП(б) и в Коминтерне: Докл. [на пленуме ИККИ] // 7 февр.— То же.— Intern. Press-Korrespondenz.— 1928.— N 18.
744. Опровержение, которое было бы излишне, если бы на свете было меньше дураков // 7 марта.
   По поводу «писем Бухарина».
745. Чего хотим мы от Горького // 29 марта.— То же.— Нар. просвещение.— 1928.— № 4.
746. А. А. Богданов // 8 апр.
747. О текущих задачах комсомола: (Докл. на VIII съезде ВЛКСМ 6 мая 1928 г.) // 13 мая.
748. На темы дня: (Заметки в связи с 10-летним юбилеем Свердл. университета) // 27 мая.
749. Вступительная речь [на VI конгрессе Коминтерна] // 19 июля.
750. Работа программной комиссии VI конгресса // 12 авг.
751. О международном положении и задачах Коммунистического Интернационала: (Тез. по докл. тов. Н. И. Бухарина) // 30 авг.
752. Профессор с пикой // 25 окт.
753. [Речь на торжественном заседании пленума Моссовета, посвященном празднованию 11-й годовщины Октября] // 10 нояб.
754. Vor dem elften Jahrestag der Oktoberrevolution: Zum Beginn des neuen Wirtschalttcjahres in der Sowjetunion: Bemerkungen eines Oekonomen // Intern. Press-Korrespondenz.— 1928. N 117—119.

1929

755. Заявление Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и М. П. Томского на Пленуме ЦК ВКП(б) 12 ноября 1929 г. // Сов. Россия.— 1989.— 10 февр. № 34.
756. Некоторые проблемы современного капитализма у теоретиков буржуазии // Организованный капитализм: Дискуссия в Комакадемии.— М., 1930.— С. 168—182.— То же.— Правда.— 1929.— 26 мая.
   Обзор выступлений на дискуссии см.: Проблемы экономики 1929.— № 9, 10, а также: *Леонтьев А.* К вопросу об организованном капитализме // Под знаменем марксизма.— 1929.— № 9; *Эвентов Л.* Легенда об «организованном капитализме» // Большевик.— 1929.— № 21; *Кашарский Л.* «Теория организованного капитализма» т. Бухарина // Проблемы марксизма.— 1930.— № 1 и другие работы этого времени.
757. [Письма Н. И. Бухарина В. В. Куйбышеву 1929 г.] // Вопр. истории КПСС.— 1988.— № 11.— С. 44—45.
758. Политическое завещание Ленина.— М.: Правда: Беднота, 1929.— 31 с.— То же.— Правда.— 1929.— 24 янв.; Известия.— 1929.— 24 янв.; *Путь* к социализму в России.— 1967; Коммунист.— 1988.— № 2; Избранные произведения.— М., 1988; *Горелов И. Е.* Николай Бухарин.— М., 1988.
   Доклад на траурном заседании, посвященном 50-летию со дня смерти В. И. Ленина.
   Рец.: *Стрельцов Г.*: «Политическое завещание Ленина» в изображении тов. Бухарина // Большевик.— 1929.— № 19.— С. 19—39.

759. Программа Октября: К десятилетию программы нашей партии.— М.: Правда: Беднота, 1929.— 16 с.— То же.— Правда.— 1929.— 23 марта; Избранные произведения.— 1988; *Горелов И. Е.* Николай Бухарин.— М., 1988.
760. Реконструктивный период и борьба с религией: Докл. на 2-м Всесоюз. съезде Союза безбожников.— М.: Безбожник, 1929.— 31 с.— То же.— Правда.— 1929.— 12 июня; Революция и культура.— 1929.— № 12.
761. Теория «организованной бесхозяйственности» // Организованный капитализм: Дискуссия в Комакадемии.— М.: Ком. акад. 1930.— С. 183—199.— То же.— Правда.— 1929.— 30 июня.

ИЗВЕСТИЯ

762. **Ленин и задачи науки в социалистическом строительстве // 20 янв.**
763. **Надежда Константиновна // 27 февр.**
764. **[Речь на выборном собрании рабочих трамвайного парка им. Бухарина 11 марта: (изложение)] // 12 марта.**
765. **[Речь на выборном собрании студентов Бауманского района: (изложение)] // 17 марта.**
766. **Заявление тт. Томского, Бухарина и Рыкова в ЦК ВКП(б) // 26 нояб.**
767. **Технико-экономическая революция, рабочий класс и инженерство // 15 дек.**

1930

768. **Валерий Брюсов и Владимир Маяковский: (Скорбные заметки) // Этюды.— М.; Л., 1932.— С. 192—200.**
769. **Великая реконструкция: (О текущем периоде пролетарской революции в нашей стране) // Правда.— 1930.— 19 февр.**
770. **Письма Н. И. Бухарина Г. К. Орджоникидзе и В. В. Куйбышеву 1930 г. // Вопр. истории КПСС.— 1988.— № 11.— С. 45—46.**
771. **[Речь Н. И. Бухарина] // На боевом посту: Сб. к 60-летию Д. Б. Рязанова.— М., 1930.— С. 120—123.**
772. **Финансовый капитал в мантии папы: Памфлет.— М.; Л.: Гос. изд-во, 1930.— 32 с.— То же.— Правда.— 1930.— 7 марта; Этюды.— М.; Л., 1932.— Другие издания.— М., 1930, (на нем., польск. яз., эсперанто), Detroit. (на болг. яз.).**

1931

773. Борьба двух миров и задачи науки.— М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931.— 32 с.— То же.— Этюды.— М.; Л., 1932; Избранные труды.— М., 1988.— Другие издания.— Минск, 1932; М., 1931 (на нем. яз.).
Доклад на чрезвычайной сессии АН СССР 21—27 июня 1931 г.
774. Гейне и коммунизм // Этюды.— М.; Л., 1932.— С. 177—191.
Доклад на заседании в АН СССР 29 апреля 1931 г.
775. Комбинат (втуз, н.-и. ин-т, ведущий завод) как опорная организационная база // Соц. реконструкция и наука.— 1931. Вып. 1.— С. 124—127.

776. О технической пропаганде и ее организации.— М.: Гос. науч. техн. изд-во, 1931.— 48 с.— То же.— Социалистическая реконструкция и борьба за технику // Этюды.— М.; Л., 1932.— С. 306—332.— Другие издания.— М.; Л., 1931; Днепропетровск, 1931; Конотоп, 1932; Минск, 1933.

Доклад на собрании помощников директоров, ударников, председателей бюро ИТС, работников объединений, научно-исследовательских институтов и втузов 26 авг. 1931 г.

777. Основы планирования научно-исследовательской работы.— М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931.— 72 с.; прил.— (Всесоюз. конф. по планированию н.-и. работы; Вып. 1).— То же.— Этюды.— М.; Л., 1932.— Другие издания.— Харьков, 1932.
778. Ответ «Nature» // Соц. реконструкция и наука.— 1931.— Вып. 1.— С. 128—130.
779. Письмо Н. И. Бухарина Г. К. Орджоникидзе 1931 г. // Вопр. истории КПСС.— 1988.— № 11.— С. 46—47.
780. Рапорт (о работе н.-и. учреждений промышленности) // Соц. реконструкция и наука.— 1931.— Вып. 2/3.— С. 303—304.
781. [Рецензия] // Там же.— Вып. 1.— С. 180—183.— Рец. на кн.: Spengler O. Der Mensch und die Technik.— München, 1931.— То же.— Избранные труды.— Л., 1988.
782. [Рецензия] // Соц. реконструкция и наука.—1931.— Вып. 1.— С. 183—184.— Рец на кн.: Forschungsinstitut: Ihre Geschichte, Organisation und Ziele.— Bd 2.— Hamburg, 1930.— То же.— Избранные труды.— Л., 1988.
783. Теория и практика с точки зрения диалектического материализма.— М.; Л.: Гос. техн.-теорет. изд-во, 1932.— 32 с.— То же.— Соц. реконструкция и наука.— 1931.— Вып. 1; Этюды.— М.; Л., 1932; Science at the cross roads.— L.: Kniga, 1931.
784. Школа, общественность, техническая пропаганда: Речь на Всерос. конф. по производ. обучению в ФЗС 13 авг. 1931 г.— М.: Учпедгиз.— 16 с.— То же.— Избранные труды.— Л., 1988.

1932

785. Гете и его историческое значение, 1832—1932: Речь, чит. в торжественном заседании АН СССР, посвященном 100-летию со дня смерти Гете.— Л.: Изд-во АН СССР, 1932.— 39 с.— То же.— Соц. реконструкция и наука.— 1932.— Вып. 4; Этюды — М.; Л., 1932; Избранные труды.— Л., 1988.
786. Дарвинизм и марксизм: Докл. на торжественном заседании посвящ. 50-летию со дня смерти Ч. Дарвина.— Л.: Изд-во АН СССР, 1932.— 35 с.— То же.— Соц. реконструкция и наука.— 1932.— Вып. 5; Этюды.— М.; Л., 1932; Дарвин Ч., Дарвин Э. Происхождение видов.— М.; Л., 1935.— Вводная статья; Избранные труды.— Л., 1988.
787. Мировой кризис, СССР и техника: Речь на V Всесоюз. съезде инж.-техн. работников // Соц. реконструкция и наука.— М., 1932.— Вып. 9—10.— С. 3—22.— То же.— Правда.— 1932.— 15, 16 дек.; Избранные труды.— Л., 1988.
788. Ответ «Science» (Заметка) // Соц. реконструкция и наука.— 1932.— Вып. 2.— С. 148—153.
788а. [Речь т. Бухарина] // XVII конференция Всесоюзной Ком-

мунистической партии (б).— М.: Партиздат, 1932.— С. 75–80.— То же.— Правда.— 1932 — 3 февр.

789. [Речь т. Бухарина на траурном митинге, посвященном памяти М. Н. Покровского на Красной площади 13 апреля 1932 г.] // Вестн. Ком. акад.— 1932.— № 4/5.— С. 8—11.

790. Социалистическая реконструкция и естественные науки // Этюды.— М.; Л., 1932.— С. 211—235.

791. Техника и экономика современного капитализма: Речь на торжеств. годовом собрании Академии наук СССР 29 февр. 1932 г.— Л.: Изд-во АН СССР, 1932.— 36 с.— То же.— Соц. реконструкция и наука.— 1932.— Вып. 3; — Этюды.— М.; Л., 1932.

792. Техническая реконструкция и текущие проблемы научно-исследовательской работы: Докл. на 2-й Всесоюз. конф. по планир. н.-и. работы в тяжелой пром-сти.— М.: Изд-во НКТП, 1932.— 40 с.— То же.— Соц. реконструкция и наука.— 1933.— Вып. 1.

793. Этюды.— М.; Л.: Гос. техн.-теорет. изд-во, 1932.— 354 с.— Другие издания.— М., 1988.

Из содерж.: Борьба двух миров и задачи науки; Теория и практика с точки зрения диалектического материализма; Техника и экономика современного капитализма; Дарвинизм и марксизм; Гете и его историческое значение; Гейне и коммунизм; Валерий Брюсов и Владимир Маяковский, Злые заметки; Социалистическая реконструкция и естественные науки; Основы планирования научно-исследовательской работы; Социалистическая реконструкция и борьба за технику; Финансовый капитал в мантии папы.

1933

794. [Выступление, посвященное памяти И. И. Скворцова-Степанова] // Вопр. истории.— 1988.— № 5.— С. 77—84.

В Ком. Академии 13 октября 1933 г.

795. Годы побед // План. хоз-во.— 1933.— № 7/8.— С. 117—123.

796. К директорам предприятий и н.-и. институтов, к начальникам заводских лабораторий черной и цветной металлургии, машиностроительной и химической промышленности // Соц. реконструкция и наука.— 1933.— Вып. 5.— С. 170—171.

797. Об освоении техники в угольном Донбассе: Речь на 2-м Вседонецком совещ. по техпропаганде в угольной промышленности.— Харьков: Гос. науч.-техн. изд-во Украины, [1933].— 31 с.

798. Памяти Карла Маркса: Сб. ст. к 50-летию со дня смерти, 1883—1933/Под ред. Бухарина Н. И. и Деборина А. М.— М.: Изд-во АН СССР, 1933.— 861 с.

799. Перестройка управления и проблемы научно-технического обслуживания промышленности // Правда.— 1933.— 4 авг.

800. Письма Н. И. Бухарина Г. К. Орджоникидзе 1933 г. // Вопросы истории КПСС.— 1988.— № 11.— С. 47—49.

801. [Речь Н. И. Бухарина на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б)] // Правда.— 1933.— 14 янв. № 14.

802. Учение Маркса и его историческое значение.— Б. м., [1933].— 99 с.— То же.— Соц. реконструкция и наука.— 1933.— Вып.

3—6; Памяти Карла Маркса: Сб. ст.— М., 1933.— С. 7—99; Избранные труды.— Л., 1988.

1934

803. Века и люди: Героическая симфония // Соц. реконструкция и наука.— 1934.— Вып. 2.— С. 3—20.
804. Научно-техническое обслуживание промышленности: Краткий обзор // Соц. реконструкция и наука.— 1934.— Вып. 3.— С. 3—20.— То же.— Избранные труды.— Л., 1988.
805. Поэзия, поэтика и задачи поэтического творчества в СССР: Докл. и заключит. слово на 1-м Всесоюз. съезде сов. писателей.— М.: Худ. лит., 1934.— 96 с.; портр.— То же.— Известия.— 1934.— 30 авг.; 3 сент.; Избранные труды.— Л., 1988; *Чистые* пруды: Альманах.— М., 1988.
806. [Речь Н. И. Бухарина] // XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 янв.— 10 февраля 1934 г.— М., 1934.— С. 124—129.— То же.— Известия.— 1934.— 31 янв.

ИЗВЕСТИЯ

807. Кризис капиталистической культуры и проблемы культуры в СССР // 18, 30 марта.
808. «Калиныч»: [15 лет на посту председателя ВЦИК] // 30 марта.
809. Живой ленинизм // 10 апр.
810. Почему мы победим? // 1 мая.
811. Товарищ Менжинский // 11 мая.
812. Экономика Советской страны // 12 мая.
813. Кабардино-Балкария орденоносная // 15 мая.
814. Семидесятилетний юноша: (К юбилею тов. Феликса Кона) // 30 мая.
815. Пролетарские викинги (К приезду Шмидта и Ушакова) // 5 июня.
816. Вершины клеветы и вершины действительности // 18 июня.
817. Вся страна // 20 июня.
818. Выстрел Принципа // 28 июня.
К 20-летию начала первой мировой войны.
819. Рождение и развитие социалистической Родины // 6 июля.
820. Поверх границ: Из воспоминаний о начале войны // 1 авг.
821. Иван Петрович Павлов: К 85-летнему юбилею // 27 сент.
822. Мир, как он будет // 7 нояб.
823. VII Всероссийский и VII Всесоюзный съезды Советов: Историческая параллель // 24 нояб.
824. Сергей Миронович Киров // 2 дек.
825. Здравствуй, товарищ Киров! // 4 дек.
826. Прощай, Мироныч! // 6 дек.
827. Москва // 10 дек.
828. Суровые слова // 22 дек.

829. Боевые командиры тяжелой индустрии // Соц. реконструкция и наука.— 1935.— Вып. 4.— С. 3—4.— То же.— Известия.— 1935.— 24 марта.
830. Живой Энгельс: К 40-летию со дня смерти // Соц. реконструкция и наука.— 1935.— Вып. 7.— С. 3—7.— То же.— Известия.— 1935.— 5 авг.
831. Жизнь для революции // Крыленко Н. В. Задачи органов юстиции.— М., 1935.— С. 5—8.
832. Человек-творец // Иван Владимирович Мичурин: Его замечательная жизнь и работа.— Воронеж, 1935.— С. 29—33.— То же.— Известия.— 1935.— 8 июня.

ИЗВЕСТИЯ

833. Ленин на рубеже веков // 21 янв.
834. Памяти тов. В. В. Куйбышева // 26 янв.
835. Колхозные земли и колхозные люди // 16 февр.
Речь на II Всесоюзном съезде колхозников-ударников.
836. Г-н Альфред Розенберг верхом на мистере Херсте, или как обманывают американскую публику // 3 марта.
837. Мысли в годовщину Февральской революции // 12 марта.
838. Проблема мира // 30 марта.
839. Второе рождение человечества // 1 мая.
840. Черная молния // 20 мая.
О гибели самолета «Максим Горький».
841. «Философские основы национал-социализма», или фельдфебели в Вольтерах // 27 мая.
О брошюре О. Дитриха.
842. Социализм и политика народонаселения // 30 мая.
843. Большое дарование: О выставке картин худ. Маслова // 11 июня.
844. Мастер и воин культуры, сын человечества // 24 июня.
О Р. Роллане.
845. Героический советский народ // 6 июля.
846. Город солнца // 14 июля.
О реконструкции Москвы.
847. Размышления о тракторе: (К юбилею Сталингр. тракторного) // 17 июня.
848. «Фашизм и война», или досужие размышления генерал-майора Фуллера // 1 авг.
849. Новый этап в развитии советской экономики // 12 окт.
850. Ответ на проповедь невежества, или «лучше поздно, чем никогда» // 17 окт.
О критике журнала «Сорена».
851. Сестра Ленина // 20 окт.
На смерть А. И. Ульяновой-Елизаровой.
852. Воин революции: О Михаиле Васильевиче Фрунзе, полководце пролетариата, рыцаре труда, герое партии, нежной душе, новом человеке // 30 окт.
853. Некоторые итоги революционного года и наши враги // 7 нояб.
854. Герои и героини // 11 нояб.
855. Производственный Конвент великой пролетарской революции // 15 нояб.

856. Герои лжи // 29 нояб.
857. Философия культурного филистера // 8, 10 дек.
О книге Н. Бердяева «Das Schicksal des Menschen in unzerer Zeit».—1935.— (Судьба человека в наше время).
858. «Сила несокрушимая // 18 дек.
К 10-летию XIV съезда ВКП(б).

1936

859. Вступительная статья // Апушкин Я. В. Константин Федорович Юон.— М.: Всекохудожник, 1936.— С. 5—7.
860. Империализм и коммунизм // Международная жизнь.— М., 1988.— № 4.— С. 127—137.
Из журнала «Foreign affairs».— N. Y., 1936.— Июль.
861. Михаил Иванович Калинин: К 60-летию со дня рождения.— М.: Ин-т Красной профессуры, 1936.— 24 с.
862. Основные проблемы современной культуры: Докл., сделанный в Париже в Ассоциации по изучению советской культуры 3 апр. 1936 г. // Новая и новейшая история.— 1988.— № 5.— С. 92—110.— То же.— Вопр. истории естествознания и техники.— М., 1988.— № 4.— Вариант перевода.
863. Письмо Н. И. Бухарина Г. К. Орджоникидзе 1936 г. // Вопр. истории КПСС.— М., 1988.— № 11.— С. 49.
864. Предисловие // Богаевский Б. Л. История техники.— Т. 1.— Ч. 1.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.— С. III—X.— То же.— Избранные труды.— Л., 1988.

ИЗВЕСТИЯ

865. Опрокинутые нормы: (Внутр. обозрение) // 1 янв.
866. Наш вождь, наш учитель, наш отец // 21 янв.
О В. И. Ленине.
867. Нужна ли нам марксистская историческая наука?: (О некоторых существенно важных, но несостоятельных взглядах тов. М. Н. Покровского) // 27 янв.
868. Горные вершины // 29 янв.
К 70-летию Р. Роллана.
869. О геополитическом вояже президента немецкой Академии генерал-лейтенанта К. Гаусгофера в страну вякингов, а также о его бравых реляциях с берегов Тихого океана // 15 февр.
15 февр.
870. Дружба // 22 февр.
О дружбе как понятия.
871. Памяти великого ученого // 28 февр.
Памяти акад. И. П. Павлова.
872. Расширение советской демократии // 1 мая.
873. Пирамида великих дел: О музее Ленина // 15 мая.
874. Конституция социалистического государства // 14, 15 июня.
875. Певец Разума // 20 июня.
На смерть А. М. Горького.
876. Горький: Последнее «прости» // 23 июня.
877. Государственные займы и конверсия // 29 июня.
878. Маршруты истории: Мысли вслух // 6 июля.
О Конституции.

1937

879. Будущему поколению руководителей партии // Огонек.— 1988.— № 17.— С. 31.— То же.— *Горелов И. Е.* Николай Бухарин.— М., 1988.

1967

880. *Путь* к социализму в России: Избранные произведения Н. И. Бухарина/Ред. и вступит. статья С. Хейтмана.— Нью-Йорк: Omicron Books, 1967.— 416 p.

1988

881. Избранные произведения/Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.— М.: Политиздат, 1988.— 499 с.: прил.
Содерж.: Предисловие; Теория пролетарской диктатуры; Новый курс экономической политики; Железная когорта революции; К постановке проблем теории исторического материализма (беглые заметки); Ленин как марксист; Новое откровение о советской экономике, или как можно погубить рабоче-крестьянский блок; Памяти Ильича; О новой экономической политике и наших задачах; Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз; Доклад на XXIII чрезвычайной Ленинградской губернской конференции ВКП(б); О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства в СССР; Партия и оппозиция на пороге XV партсъезда; Ленинизм и проблема культурной революции; Заметки экономиста; Политическое завещание Ленина; Программа Октября: (К десятилетию программы нашей партии); Примечания; Основные даты жизни и деятельности Н. И. Бухарина.
882. Избранные труды: История и орг. науки и техники/Под общ. ред. Велихова Е. П.; Сост.: Мелуа А. И. и др.; АН СССР. Ин-т истории естествознания и техники. Ленингр. отд-ние: Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1988.— 504 с.; портр.; прил.— Имен. указ.: С. 496—503.
883. *Письма* Н. И. Бухарина // Вопр. истории КПСС.— М., 1988.— № 11.— С. 42—50.

1989

884. *Академик* Н. И. Бухарин. Методология и планирование науки и техники. Избранные труды/Под общ. ред. Волобуева П. В.; Сост.: Есаков В. Д., Левина Е. С.— М.: Наука, 1989.— 344 с.
885. *Бухарин Н. И.* Проблемы теории и практики социализма.— М.: Политиздат, 1989.— 512 с.
886. *Из эпистолярного* наследия Н. И. Бухарина: Письма В. И. Ленина и Н. К. Крупской (1913—1914 гг.) // Изв. ЦК КПСС.— 1989.— № 4.— С. 205—219.
887. *Из переписки* Н. И. Бухарина: Письма 1914—1915 гг. // Там же.— № 11.— С. 193—213.
889. *Николай* Иванович Бухарин: (Указатель литературы)/Сост. Камзолова Т. Н.— М.: ИНИОН АН СССР, 1989.— 87 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

БУХАРИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ПУТЬ
К СОЦИАЛИЗМУ

Редактор издательства *Н. М. Анджиевская.* Художник *В. И. Шумаков.* Технический редактор *Л. П. Минеева.* Корректоры *Л. Л. Михайлова, В. В. Борисова*

ИБ № 42531

Сдано в набор 02.10.89. Подписано в печать 27.02.90. Формат 84×108[1]/32. Бумага книжно-журнальная. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 27,3. Усл. кр.-отт. 29,2. Уч.-изд. л. 30,2. Тираж 126 500 (2-й завод 50 001—76 500) экз. Заказ № 861. Цена 4 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука», Сибирское отделение. 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.

4-я типография издательства «Наука», 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

ЖУРНАЛ
1926
ЕЧАТЬ И
ВОЛЮЦИЯ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ
ИСКУССТВА
КРИТИКИ
И БИБЛИОГРАФИИ
1925
КНИГА ПЕРВАЯ

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

РЕВОЛЮЦИ[illegible]

и

КУЛЬТУРА

1 9 2 [illegible]

МОСКВА

